

ДОГОВОРНЫЯ РѢКИ

ОЧЕРКИ ИСТОРИИ И ТЕОРИИ МЕЖДУНАРОДНАГО
РѢЧНАГО ПРАВА

И. КАЗАНСКАГО

Приватъ-доцента Императорскаго Казанскаго Университета

Т. II

К

ДОГОВОРНЫЯ РѢКИ

ОЧЕРКИ ИСТОРИИ И ТЕОРИИ МЕЖДУНАРОДНОГО
РѢЧНАГО ПРАВА

А3316
1500-7-72

И. КАЗАНСКАГО

Приватъ-доцента Императорскаго Казанскаго Университета

Т. II

КАЗАНЬ.

ТИПОГРАФІЯ ГУБЕРНСКАГО ПРАВЛЕНІЯ.

1895.

ЧАСТЬ ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ.

Глава I.

ОБЩА И ВСТУПИТЕЛЬНЫЯ ЗАМѢЧАНІЯ.

§ 1. Международное право вообще и рѣчное въ частности.

Жизнь современнаго человѣчества вращается среди необъятнаго множества всевозможныхъ правилъ и началъ. Нормы права и нравственности, религіозныя наставленія и техническіе приемы и правила предусмотрѣли, кажется, каждый нашъ шагъ и на всякій случай жизни дали соответствующее указаніе. Въ нихъ сказался тысячелѣтній опытъ безконечнаго ряда поколѣній, облагороженный нерѣдко усиліями теоретической мысли. *Право* есть специальная область изслѣдованій и дѣятельности юриста. Но современный юристъ не думаетъ уже, что эту область можно такъ же легко выдѣлить изъ всѣхъ явленій міровой жизни, какъ выдѣлила свой предметъ математика. Онъ понимаетъ право, какъ одно изъ общественныхъ явленій, плоть отъ плоти и кровь отъ крови той общественной среды, того круга жизни, гдѣ его начала выработаны и примѣняются. Довольствуясь возможнымъ, *ученая юриспруденція* стремится опредѣлить сферу своихъ изысканій приблизительно. Теоріи, пытавшіяся провести рѣзкую грань между правомъ и явленіями родственными ему, рушились одна за другой. Слѣдующее разсужденіе, думается намъ, принимаетъ во вниманіе всѣ тѣ разнообразнѣйшія и богатѣйшія явленія, которыя мы соединяемъ обыкновенно подъ словомъ право, какъ терминомъ, никѣмъ не выдуманымъ, но сложившимся постепенно въ народномъ самосознаніи.

Если мы, имѣя въ виду различныя начала нашей обы-

денной жизни, ограничимся кругомъ общественныхъ отношеній, то прежде всего обращаютъ на себя наше вниманіе тѣ правила, которыя создаетъ каждый отдѣльный человѣкъ для самого себя, вполнѣ самостоятельно или заимствуя ихъ изъ какой-либо готовой системы. Санкціей ихъ является стремленіе каждаго къ своему благу, къ счастью. Эти правила—священный палладіумъ нашей личности. Это *область индивидуальной морали*. Но рядомъ съ ними имѣются и другія начала, быть можетъ, менѣе или не столь непосредственно затрогивающія нашъ интимный міръ, но тѣмъ не менѣе имѣющія для каждой личности самое глубокое значеніе. Ихъ дѣлаютъ обязательными сила, власть цѣлаго надъ его отдѣльными членами. Ихъ создаетъ та общественная среда, въ которой мы живемъ, въ нихъ выражаетъ свою суверенную волю великій господинъ—общество, въ особенности если оно организовано въ государство. Оно стоитъ на ихъ охранѣ и за несоблюденіе ихъ караетъ безжалостно, такъ какъ они обезпечиваютъ сохраненіе и дальнѣйшее развитіе даннаго общественнаго порядка, т. е. самого общества. Для того, чтобы заставить подчиняться имъ, общество пользуется всѣмъ тѣмъ психическимъ, экономическимъ и наконецъ физическимъ вліяніемъ, которое оно имѣетъ на отдѣльное лицо. Кто можетъ устоять противъ такихъ предписаній, въ особенности если принять во вниманіе, что человѣкъ является совершеннымъ продуктомъ той среды, гдѣ онъ родился, гдѣ его выкормили, воспитали, обучили, надѣлили средствами, необходимыми для борьбы за существованіе? Самый неукротимый духъ смирится, самая сильная индивидуальность поблекнетъ. И чѣмъ сильнѣе вліяніе среды на индивидуума, тѣмъ чаще начала индивидуальной морали будутъ гласить то же самое, что и *общественныя предписанія*, въ тѣхъ случаяхъ конечно, когда они касаются (а это случается весьма нерѣдко) однихъ и тѣхъ же вопросовъ. Но различіе между ними особенно замѣтно тогда, когда они высказываются относительно разныхъ сторонъ жизни или требуютъ разнаго.

Пока общественныя правила носятъ характеръ смутныхъ пожеланій, пеленыхъ требованій, мы можемъ называть ихъ *общественною нравственностью*. Мы можемъ прилагать къ нимъ это наименованіе, не смотря на то, что со словомъ нравственность соединяемъ обыкновенно понятіе о личномъ началѣ нашего поведенія потому, что при возникновеніи ихъ осо-

бенно осязательное значеніе имѣютъ отдѣльныя лица съ своими частными воззрѣніями, далеко не соединившими еще вокругъ себя твердаго и опредѣленнаго голоса общественнаго мнѣнія, а въ большинствѣ спорныхъ случаевъ при этихъ условіяхъ рѣшающимъ моментомъ нашихъ дѣйствій все-таки остается наше индивидуальное убѣжденіе. Но разъ они завоевали умы даннаго общества, или по крайней мѣрѣ господствующей части его, разъ они приняли форму опредѣленныхъ положеній, вылились, какъ говорятъ, въ законченныя нормы, мы имѣемъ уже дѣло съ тѣмъ, что называется *правомъ*. Граница между обоими понятіями, какъ видно, далеко не отличается точностью. Право живетъ элементами, которые ему даетъ общественная нравственность. Юридическія нормы, расширяясь и ослабляясь, переходятъ порою въ разрядъ нравственныхъ предписаній, а затѣмъ и вовсе исчезаютъ съ лица земли. Столь же слабая черта отдѣляетъ индивидуальную мораль отъ общественной. Разъ мы примемъ предлагаемую тройственную схему всѣхъ началъ, регулирующихъ общественныя отношенія, въ одно изъ ея дѣленій мы всегда уложимъ всякое такъ или иначе относящееся сюда явленіе. Ко всему только что сказанному можно сдѣлать еще только одно добавленіе. Обычная рѣчь, а затѣмъ и ученая литература, когда она намѣренно не держится какого-либо узкаго опредѣленія права, употребляетъ нерѣдко послѣднее слово также для обозначенія явленій общественной нравственности, которую можно, пожалуй, называть *нравственнымъ или моральнымъ правомъ*.

Самыя крупныя и живущія наиболѣе богато развитою жизнью общества въ настоящее время—государства. Немудрено поэтому, что внутреннегосударственная или *національная жизнь* современныхъ народовъ есть *преимущественная сфера всякаго правообразованія*. Не довольствуясь обычаемъ, не довольствуясь неорганизованнымъ возникновеніемъ права, государства создали особую форму для выраженія его, особые пути, черезъ посредство которыхъ національное правобѣжденіе можетъ выливаться наружу въ опредѣленныхъ нормахъ и стройныхъ системахъ, создали законодательство, создали органы, въ обязанность которыхъ входитъ изрекать право такъ, какъ оно сложилось въ умахъ общества, а еще чаще такъ, какъ оно сложилось бы, если бы всѣмъ были доступны всѣ подробности даннаго случая или даннаго ряда случаевъ.

Однако было бы странным заблужденіемъ думать, что правообразованіе совершается только внутри отдѣльныхъ государствъ. Богатая правомъ государственная жизнь не можетъ заставитьъ насъ закрыть глаза на другія юридическія сферы. Въ извѣстной общественной средѣ можетъ не быть тѣхъ или другихъ юридическихъ системъ или отдѣльныхъ нормъ, святость которыхъ мы признаемъ, но это еще ничего не доказываетъ. Если извѣстное соединеніе людей, создавая условія своего взаимнаго сожительства, ни малѣйшаго понятія не имѣетъ о томъ, какими чертами должно съ точки зрѣнія того или другаго теоретика отличаться право, то и это ничего не значить. *Ubi societas, ibi jus*. Право присуще природѣ каждаго общенія. Гдѣ есть извѣстная постоянная группа лицъ, тамъ между ними рано или поздно возникаетъ право. Есть и помимо государствъ различные виды общеній, внутри которыхъ зарождаются интересы, взывающіе объ юридической охранѣ и находящіе ее. Мы обратимъ вниманіе только на одно великое общеніе или общество, которое доселѣ слишкомъ мало изучалось.

Современные образованные народы далеко не представляютъ собой одинъ по отношенію къ другому отрѣзанныхъ ломтей. Выработавъ однообразную культуру, они *живутъ* не только одинаковою жизнью внутри своихъ границъ, но и во многихъ отношеніяхъ одною и тою же жизнью, *жизнью международною*, одними и тѣми же международными интересами. Потребности нашей личной: духовной, физической и экономической жизни, часто не находящія себѣ удовлетворенія въ отечественныхъ предѣлахъ, стремленія и задачи различныхъ общественныхъ слоевъ и группъ населенія, тѣсно связанныхъ между собою поверхъ государственныхъ границъ (напр. вселенскія церкви), невозможность для каждаго государства выполнить въ совершенствѣ лежащія на немъ задачи правообразованія, администраціи и суда, т. е. международственные вопросы и дѣла, вотъ эти интересы. Право отдѣльнаго государства не можетъ дать имъ юридической защиты, а между тѣмъ они вопіютъ о ней. На самомъ дѣлѣ, отдѣльное государство не можетъ ни самостоятельно опредѣлять свои международныя территоріальныя границы, ни регулировать по личному усмотрѣнію всѣ тѣ факты, которые хотя и происходятъ въ его предѣлахъ, но затрагиваютъ и другіе народы, или всѣ тѣ отношенія, которыя развиваются

частью въ его предѣлахъ, частью за границей, ни самостоятельно принимать внѣ своихъ владѣній административныя мѣры, которыя необходимы для обезпеченія интересовъ національныхъ подданныхъ или всей страны, ни преслѣдовать преступника, скрывшагося за границу, ни вызывать оттуда свидѣтелей и требовать предметы, могущіе служить судебными доказательствами. Словомъ, рядомъ съ явленіями національной жизни, подлежащими самостоятельному юридическому опредѣленію со стороны отдѣльнаго государства (отношенія подданныхъ между собою, отношенія властей между собою, отношенія подданныхъ и властей, а отчасти и положеніе иностранцевъ въ государствѣ), наблюдаются явленія интернаціональныя; это отношенія различныхъ государствъ и международныхъ обществъ (напр. вселенскія церкви) между собою, основное положеніе иностранца и вообще человѣка въ предѣлахъ всего цивилизованнаго міра. Здѣсь государства, если они только не желаютъ находиться въ постоянныхъ столкновеніяхъ другъ съ другомъ, даже въ постоянномъ кровопролитіи, должны дѣйствовать по взаимному между собою соглашенію, сообща творить правду, милость и судъ. Многіе изъ подобныхъ интересовъ не представляютъ собою рѣшительно ничего особеннаго по сравненію съ тѣмъ, что мы видимъ во внутреннегосударственной жизни. Разница только въ томъ одномъ, что они выходятъ за предѣлы отдѣльнаго государства. На самомъ дѣлѣ, чѣмъ отличаются интересы рыболововъ на пограничныхъ водахъ отъ такихъ же интересовъ на внутреннихъ рѣкахъ? Не тѣ же-ли главныя цѣли преслѣдуетъ администрація международною и національною рѣкою? Наоборотъ, другіе, имѣя въ своемъ основаніи потребности, которыя двигаютъ народами и въ ихъ національной жизни, носятъ болѣе специфическій международный характеръ. Это болѣею частью тѣ, которые охраняются нормами международного публичнаго права и своимъ предположеніемъ имѣютъ существованіе самостоятельныхъ членовъ международного общенія, государствъ. Эти интересы могли возникнуть въ международной жизни только потому, что она является дальнѣйшимъ развитіемъ національной жизни многихъ независимыхъ народовъ.

Интересы, которые касаются нѣсколькихъ государствъ, нуждаются въ нормахъ, которыя были бы выработаны съ общаго согласія всѣми, многими или нѣкоторыми замѣшанными въ данныхъ международныхъ сношеніяхъ самостоятельными дѣ-

ителями; разумность и необходимость которыхъ была бы признана съ ихъ стороны, которымъ они согласились бы слѣдовать и соблюдать которыя они взаимно принуждали бы другъ друга. Выработка подобныхъ нормъ идетъ или путемъ обычая, когда въ той или другой интернаціональной средѣ возникаютъ начала, слѣдовать которымъ подъ угрозой принужденія считается необходимымъ, или международнымъ договоромъ, играющимъ для интернаціональныхъ отношеній роль внутренне-государственного закона. Какъ эти обычныя, такъ и эти договорныя начала образуютъ нѣчто цѣлое, отличное отъ національнаго права отдѣльныхъ странъ, *право интернаціональное*. Въ основаніи его лежитъ интернаціональное общеніе, покоится оно на самостоятельности тѣхъ юридическихъ лицъ, которыя выступаютъ его субъектами, развивается путемъ соглашенія между нѣкоторыми, рѣдко всѣми государствами, международная административная дѣятельность совершается въ большинствѣ случаевъ черезъ посредство отдѣльныхъ государствъ, охрана дѣйствующаго порядка производится преимущественно дѣятельностью тѣхъ странъ, интересы которыхъ оно обезпечиваетъ, причемъ въ спорахъ и правонарушеніяхъ между государствами имѣетъ мѣсто особый видъ примитивнаго процесса—война, а въ отношеніяхъ отдѣльныхъ лицъ нормы международного права охраняются чаще всего дѣятельностью судебныхъ учреждений признающихъ ихъ государствъ. Благодаря этимъ и другимъ особенностямъ изъ всѣхъ нормъ, регулирующихъ интернаціональную жизнь, образуется нѣчто особое, нѣчто *suī generis*, изученіе котораго составляетъ задачу особой богатѣйшей по разнообразію положительному матеріалу и интереснѣйшей теоретически науки международного права. Положимъ, нормы національнаго и интернаціональнаго права часто формулируются совершенно одинаково, но можетъ-ли это служить поводомъ для исключенія изъ сферы изысканій нашей науки всего того, что не отличается сугубо оригинальнымъ характеромъ? Можно-ли думать, что единственнымъ объектомъ ихъ должны быть начала устройства международного общенія, то есть тѣ только начала, которыя всегда составляютъ фізіономію извѣстнаго союза. Развѣ рядомъ съ наукой общаго гражданскаго или административнаго права не существуетъ науки русскаго гражданскаго права, русскаго административнаго права? Развѣ возможна только наука русскаго

государственного права? Международноправовыя начала можно изучать или вмѣстѣ съ общей теоріей публичнаго или частнаго права, или отдѣльно, но никакъ не вмѣстѣ съ національнымъ правомъ отдѣльныхъ странъ.

На самомъ дѣлѣ, въ международномъ правѣ мы наблюдаемъ двѣ большія части, два крупныхъ отдѣла: *международное частное или гражданское право и международное публичное право*. Первое опредѣляетъ тѣ права, которыя принадлежатъ отдѣльному человеку въ международныхъ сношеніяхъ, права личныя, семейственныя, вещныя, обязательственныя и наследственныя. Отдѣльная личность, все чаще и чаще въ наши дни покидала свое отечество безъ того однако, чтобы прерывать съ нимъ связь подданства, все чаще и чаще приобретающая различные интересы внѣ предѣловъ своего государства, давно уже стала домогаться того, чтобы путемъ международного соглашенія опредѣлили ея юридическое положеніе во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда она такъ или иначе сталкивается съ явленіями международной жизни, чтобы не предоставляли ее вполнѣ на благоусмотрѣніе иностраннаго государства, которое, какъ показали вѣка, склонно эксплуатировать чужеземца, Такъ создалось право народовъ гражданское. Второе, т. е. публичное, не отставало отъ него. Оно вызывалось непреложною необходимостью общей работы народовъ надъ достиженіемъ общихъ имъ цѣлей. Оно опредѣляетъ юридическое положеніе лицъ, которыя выступаютъ самостоятельными дѣятелями международного оборота (основныя права государствъ и международныхъ обществъ), блага, которыя находятся въ ихъ частномъ или общемъ распоряженіи (ученіе о международной территоріи), органы, которые уполномочены преслѣдовать ихъ общіе и частныя интересы въ международномъ общеніи, международную дѣятельность правообразующую, административную и процессуальную этихъ дѣятелей и этихъ органовъ и, наконецъ, на основаніи всего этого даетъ общее ученіе о международномъ общеніи въ отличіе отъ общенія государственнаго. Въ такомъ своемъ составѣ международное право не есть уже только право публичное или только право гражданское, это есть и публичноправовой, и частноправовой порядокъ особой сферы жизни—интернаціональной.

Но если основное дѣленіе всего международного права есть дѣленіе его на право частное и право публичное, то въ

какихъ-либо специальныхъ цѣляхъ возможно и иная группировка матеріала. Такъ, въ настоящемъ изслѣдованіи мы стремимся сдвинуть въ одно цѣлое всѣ начала, опредѣляющія положеніе рѣкъ въ международной жизни. Такъ какъ въ рѣчныхъ отношеніяхъ замѣшаны самые различные интересы отдѣльныхъ лицъ и цѣлыхъ государствъ, то начала эти носятъ то публичноправовой, то частноправовой характеръ и отличаются чрезвычайнымъ богатствомъ и разнообразіемъ. Совокупность ихъ образуетъ *международное рѣчное право*. Такъ мы называемъ нормы, опредѣляющія положеніе рѣкъ въ международной жизни, или, что то же самое, совокупность нормъ, регулирующихъ отношенія между государствами международного общенія и отдѣльными лицами, участвующими въ немъ, по поводу рѣкъ, рѣчекъ, ручьевъ, каналовъ, озеръ и др. собраний прѣсной воды. Это понятіе распадается на два болѣе узкихъ: *публичное и гражданское право рѣкъ*. Первое—рассматриваетъ природу и объемъ той власти, которую имѣютъ государства надъ рѣчными водами, и совокупную дѣятельность ихъ, направленную на достиженіе общихъ имъ задачъ. Второе—тѣ права, которыя принадлежатъ въ международной жизни отдѣльнымъ лицамъ на владѣніе водою, на пользованіе силами воды. Въ развитіи этихъ положеній будетъ состоять все дальнѣйшее изложеніе. *Наиболѣе разработаннымъ* является, какъ мы уже знаемъ, административное рѣчное право, или *право рѣчного управленія*, наименѣе—гражданское. Мы назвали область нашего изслѣдованія рѣчнымъ правомъ и ученіемъ о договорныхъ рѣкахъ потому, что рѣка есть типическое явленіе для всѣхъ прѣсныхъ водъ и самое важное изъ нихъ, а договоры объ отдѣльныхъ рѣкахъ являются главнымъ источникомъ международного права *прѣсныхъ водъ*.

Во всякомъ случаѣ болѣе подробно разработаемъ мы *вопросъ о международномъ судоходствѣ*, представляющей, какъ было указано выше, крупную и важную часть всего рѣчного права народовъ. Историческое изслѣдованіе выдвинуло передъ нами тѣ институты, которые подлежатъ въ этомъ отношеніи нашему изученію. Это, во первыхъ, право иностранцевъ и иностранныхъ флаговъ плавать и заниматься судоходствомъ по рѣкамъ чужихъ государствъ, а во вторыхъ, тѣ мѣры, которыя современные государства должны принимать сообща, чтобы обезпечить интересы національнаго и международного пользо-

ванія рѣками, но какъ то, такъ и другое можетъ быть выяснено только послѣ того, какъ опредѣлятся верховныя права государства надъ рѣками вообще. Прадье-Фодере правильно замѣчаетъ, что «вопросы, касающіеся рѣкъ, должны быть изучаемы съ двухъ точекъ зрѣнія: 1) собственности и 2) судоходства»¹⁾. Сравнительно второстепенное мѣсто будетъ удѣлено *праву международнаго рѣчнаго рыболовства*, праву каналовъ, мостовъ, ирригаціи и т. д. При такомъ пониманіи ея *наша тема*, съ одной стороны, *коснется* основныхъ правъ современныхъ государствъ вообще (гл. обр. територіальнаго верховенства), а съ другой—международнаго (административнаго) права путей сообщенія и нѣкоторыхъ институтовъ международнаго вещнаго права (права собственности, права общественнаго пользованія и другихъ). По характеру разсматриваемыхъ ею вопросовъ она напомнитъ намъ морское международное право, область примѣненія котораго совпадаетъ иногда съ областью дѣйствія рѣчнаго права. Такъ, устья рѣкъ ушодобляются обыкновенно заливамъ, на которые распространяются нормы морскаго права²⁾. Съ другой стороны, дѣйствіе нѣкоторыхъ рѣчныхъ судоходныхъ регламентовъ распространяется на части моря, расположенныя около впаденія въ него той или другой рѣки (Дунай, Конго). Не говорю уже о томъ, какъ трудно бываетъ иногда рѣшить, какія нормы рѣчнаго или морскаго права слѣдуетъ примѣнять къ тѣмъ морскимъ судамъ, которыя временно занимаются рѣчнымъ судоходствомъ.

Во всякомъ случаѣ мы имѣемъ въ виду то *право*, которое выработалось *въ сношеніяхъ современныхъ публичноправовыхъ государствъ*, не государствъ среднихъ вѣковъ, не государствъ мусульманскихъ и восточныхъ. Это право столь же рѣзко и тѣми же чертами отличается отъ національнаго, внутреннегосударственнаго, или просто государственнаго права рѣкъ, какъ и право международное вообще отъ права отдѣльныхъ

¹⁾ Къ сожалѣнію, онъ пускается въ ненужное дробленіе этихъ двухъ основныхъ пунктовъ, предлагая разсматривать ихъ послѣдовательно на рѣкахъ пограничныхъ, на рѣкахъ, пересѣкающихъ различныя государства, и наконецъ на рѣкахъ національныхъ.—См. *Traité*, § 689.

²⁾ См. F. Perels, *Manuel de droit maritime in—1*, Paris. 1884, pp. 36 s. (дунайскія устья), 42,223 (устья рѣкъ).

странъ. *Относительно природы его* не можетъ быть никакого сомнѣнія. Однако государства находили иногда нужнымъ особо подчеркнуть ее, такъ было съ правомъ Дуная въ 1856 г., съ правомъ Конго и Нигера въ 1885 г. ¹⁾. Дѣйствуетъ-ли извѣстное начало среди очень многихъ или даже всѣхъ государствъ (*общее право*), или же является сугубо *мстнымъ*, выработавшимся въ сношеніяхъ двухъ сосѣднихъ странъ, международный характеръ его ни мало не колеблется. Какъ въ другихъ своихъ частяхъ, такъ и здѣсь *международное право* призвано *расширяться на счетъ національнаго*. Съ этимъ согласны даже изслѣдователи этого послѣдняго, если только они настолько образованы, что имѣютъ понятіе о рѣчномъ правѣ народовъ. «Черезъ междугосударственные договоры», говоритъ Пейреръ, «возникло одинаковое независимое отъ государственныхъ границъ водяное право, которое, развиваясь, расширяется на счетъ все болѣе и болѣе крупныхъ областей государственнаго или національнаго водянаго права» ²⁾. Таково опредѣленіе и главныя характерныя черты международнаго рѣчнаго права. Однако мы испытывали бы постоянныя затрудненія, если бы теперь же не установили однообразнаго пониманія еще *нѣкоторыхъ терминовъ*. Остановиться на нихъ тѣмъ болѣе необходимо, что они еще опредѣленнѣе выяснятъ область подлежащихъ нашему изученію явленій и ея главныя особенности.

Въ западно-европейскихъ языкахъ существуетъ особый терминъ для обозначенія рѣкъ, впадающихъ въ море: *fleuve, Strom.* «Рѣки—*fleuves*», опредѣляетъ Прудонъ, «суть большіе потоки воды, которые, принявъ въ свое ложе многіе рѣчки и ручьи, несутъ свои воды и сохраняютъ свое названіе до самаго моря» ³⁾. Это опредѣленіе повторяется съ тѣми или другими варіаціями и различными интернаціоналистами ⁴⁾. Что касается

¹⁾ Ст. 15 Парижскаго договора: „(Les puissances) déclarent que cette disposition fait désormais partie du droit public de l'Europe, et la prennent sous leur garantie“. Ст. 13 Конгосскаго акта: „Ces dispositions sont reconnues par les puissances signataires comme faisant désormais partie du droit public international“. Ср. Ривье, *ibid.*, S. 148.

²⁾ *Ibid.*, S. 148.

³⁾ Proudhon, *Traité du domaine public*. 1844. Dijon. Т. 3, p. 70.

⁴⁾ Calvo, *Dictionnaire*, t. I, p. 337: „Le fleuve est un grand cours d'eau, qui... va se jeter dans la mer.—Ср. Прадье-Фодере, *Traité de droit public*, § 688;—Каратеодори, *нѣм. раб.*, с. 302 и др.

другихъ выраженій, существующихъ въ тѣхъ же языкахъ: *rivière*, *Fluss*, то они употребляются для обозначенія или всѣхъ вообще значительныхъ потоковъ воды, или специально *рѣкъ*, въ море не впадающихъ, или, наконецъ, хотя и впадающихъ, но не отличающихся величиной. «*Рѣка—rivière*», читаемы мы у Кальво, «есть потокъ воды менѣе значительный, который впадаетъ въ другую большую *рѣку—rivière*, или въ *рѣку—fleuve*, или въ море»¹⁾. Авторы, писавшіе о *рѣчномъ правѣ*, и употребляютъ эти два термина: *Strom* и *fleuve* для обозначенія объекта своихъ изслѣдованій. Какъ одно изъ нежелательныхъ послѣдствій подобной терминологіи, слѣдуетъ отмѣтить ограниченіе области примѣненія международнаго *рѣчнаго права—рѣками*, впадающими въ море²⁾. Согласно этому Ривье считаетъ интернаціональными также только тѣ озера, въ которыя можно проѣхать на суднѣ изъ открытаго моря³⁾. Подобная постановка вопроса, если и согласна съ распоряженіями Вѣнскаго конгресса, то стоитъ въ совершенномъ противорѣчій съ современной практикой и, какъ мы увидимъ далѣе, не имѣетъ за собой никакихъ теоретическихъ основаній. Въ русскомъ языкѣ нѣтъ такихъ терминовъ, а поэтому въ нижеслѣдующемъ *рѣкою* будутъ называться потоки воды судоходные; *рѣчками*—всѣ остальные (сплавные или несплавные) значительные потоки, а *ручьями*—столь небольшіе, что они не служатъ помѣхой для свободнаго передвиженія по сушѣ людей и животныхъ. Впрочемъ, рѣшающій голосъ въ опредѣленіи того, имѣемъ-ли мы дѣло съ *рѣчкой* или *ручьемъ*, принадлежитъ, согласно римскому юристу, мѣстному населенію. Далѣе, по ученію современной физической географіи, съ точки зрѣнія политической экономіи и по общепринятому словоупотребленію, *присоводный каналъ* есть искусственная *рѣка*, а *озеро*—расширеніе *рѣки*. Ближе всего къ ка-

¹⁾ См. Каратеодори, *ibid.*, с. 303.—Прудонъ, *ibid.*, находитъ возможнымъ дать только слѣдующее опредѣленіе: „Les rivières sont aussi de grands cours d'eau, quoique moins considérables que les fleuves“. Ср. Ривье, *Lehrbuch*, S. 124 прим., 145 прим.

²⁾ Впрочемъ Вловчли говорить (§ 312 Кодекса) о „schiffbare Ströme und Flüsse“, а Ривье (*Lehrbuch*, S. 124 прим., 145 прим.) оговаривается, что онъ употребляетъ слово *Fluss* въ его широкомъ смѣслѣ.

³⁾ *Lehrbuch*, S. 152.

налу подходит канализированная или регулированная рѣка. Наоборотъ, морскіе каналы, соединяющіе моря, относятся уже къ морскимъ водамъ,—это искусственные проливы. Юридическая природа ихъ также другая, чѣмъ природа рѣчныхъ каналовъ. Наконецъ, въ понятіе рѣки, рѣчки, ручья, канала и озера входятъ всегда три элемента: *вода, русло и берега*. Въ виду сказаннаго мы можемъ привлечь къ нашему изученію и каналы, и озера, и всѣ вообще прѣсныя воды.

Но особенно важно для насъ установить различіе между національными и международными рѣками, свободными, закрытыми, договорными и т. д. Современная теорія имѣетъ въ виду при рѣшеніи этихъ вопросовъ только интересы судоходства. Господствующее опредѣленіе *международной* рѣки таково: «Каждая судоходная рѣка (Strom), которая до своего впаденія въ море пересѣкаетъ или разграничиваетъ два или нѣсколько государствъ и относительно которой при помощи общаго соглашенія уставлены особыя правила... должна разсматриваться, какъ рѣка международная» ¹⁾. Интернаціоналисты, писавшіе о рѣчномъ правѣ, предполагаютъ, что только такія рѣки (fleuve, Strom) входятъ въ область международнаго права. Между тѣмъ это совершенное заблужденіе. Начнемъ съ того, что само опредѣленіе понятія неудачно. Оно соединяетъ въ себѣ два признака: географическій (рѣка общая нѣсколькимъ государствамъ) и юридическій (международныя соглашенія), которые нерѣдко не совпадаютъ. Съ одной стороны, международныя соглашенія касаются не только рѣкъ общихъ нѣсколькимъ государствамъ, а съ другой—не всѣ рѣки, орошающія нѣсколько государствъ, являются объектомъ международноправовыхъ опредѣленій. Поэтому сами приверженцы настоящей теоріи употребляютъ этотъ терминъ также относительно рѣкъ, представляющихъ только одинъ изъ указанныхъ признаковъ ²⁾. Другое толкованіе, встрѣчаемое въ современной литературѣ, ближе къ истинѣ, хотя все-таки, кажется намъ, не достаточно широко. Нѣкоторые авторы, предполагая, что международное право можетъ интересоваться только

¹⁾ Caratheodory, нѣм. раб., S. 302.

²⁾ Ср. Vernesco, Des fleuves en droit in—1, p. 176: «...fleuves qui traversent plusieurs Etats et que l'on a coutume à raison de cette circonstance d'appeler internationaux».

«международными рѣками», выставляють слѣд. опредѣленіе. Гр. Камаровскій писалъ въ 1887 г.: «Этотъ терминъ, международныя рѣки (fleuve), долженъ былъ бы обозначать, по нашему мнѣнію, не только рѣки договорныя, но и всѣ тѣ, которыя впадаютъ въ открытое море» ¹⁾. Сюда же относится опредѣленіе Прадье-Фодере, который называетъ международными рѣками «des fleuves qui servent... de lien entre les peuples» ²⁾. Но средствами международныхъ сообщеній служатъ не только рѣки, впадающія въ море. Въ настоящее время всѣ рѣки культурныхъ странъ служатъ международному товарному движенію. Съ экономической точки зрѣнія всѣ рѣки являются международными, а не только впадающія въ море, между тѣмъ терминъ рѣка международная предполагаетъ существованіе рѣки національной. Какія же рѣки должны носить это названіе? Намъ кажется, что исходомъ изъ этихъ противорѣчій, словопотребленіемъ, которому, въ сущности, слѣдуютъ почти всѣ, будетъ слѣдующее: «Рѣка... которая находится въ предѣлахъ одного государства, есть рѣка *національная*» (признакъ географическій ³⁾). Ее можно также называть рѣкою частной. Рѣкою международной называется рѣка, орошающая два или нѣсколько государствъ (признакъ географическій ⁴⁾). Съ этой же точки зрѣнія мы можемъ называть національной рѣчной системой ту, всѣ рѣки, рѣчки и ручьи которой находятся въ предѣлахъ одного и того же государства. Интернаціональной ту, отдѣльныя части которой орошаютъ разныя страны. Международной судоходной рѣкой слѣдуетъ признать только такую, судоходное теченіе которой орошаетъ нѣсколько государствъ. Далѣе рѣками *международноправовыми* называемъ тѣ, относительно которыхъ сложились какія-либо особыя, именно данной рѣки или данныхъ рѣкъ касающіяся нормы права обычнаго или договорнаго. Рѣками *договорными или конвенціонными*, положеніе которыхъ опредѣлено спеціальными договорами ⁵⁾. Мы называемъ нако-

¹⁾ Ann. de droit in-1, 9 année, p. 164 s.

²⁾ Traité, § 688.

³⁾ Saratheodory, вѣм. раб., S. 302.

⁴⁾ Правильныя опредѣленія см. Delavaud, La navigation sur les fleuves int-aux, p. 4. — Pézeril, Des navires de commerce, p. 128. — Ср. Ривье, I.ehrbuch, S. 124.

⁵⁾ Pradier-Fodéré, § 688.

нець рѣками *свободными или открытыми* рѣки, судоходство на которыхъ согласно общему или специальному праву доступно въ той или другой степени флагамъ тѣхъ или другихъ, или всѣхъ иностранныхъ націй. Такимъ образомъ въ основаніи послѣднихъ опредѣленій лежитъ признакъ юридическій, наиболѣе важный для насъ. Предлагаемое нами словоупотребленіе имѣеть тѣмъ болѣе цѣны, что оно пригодно какъ для права судоходства, такъ и для права рыболовства, мостовъ, каналовъ, озеръ и т. д. Говоря о рѣкахъ договорныхъ, мы можемъ имѣть въ виду всѣ разнообразнѣйшія международныя соглашенія о рѣчныхъ или прѣсныхъ водахъ. Подобное словоупотребленіе согласно съ тѣмъ широкимъ пониманіемъ рѣчнаго права, о которомъ шла выше рѣчь. Ученіе о договорныхъ рѣкахъ есть въ нашемъ изложеніи ученіе о положеніи всякаго рода прѣсныхъ водъ въ международной жизни, поскольку конечно оно опредѣляется нормами права.

§ 2. Источники международного рѣчнаго права.

Ученіе объ источникахъ международного права принадлежитъ къ числу наименѣе удачно поставленныхъ всей общей части этой науки. Главная причина въ томъ, что подъ этимъ названіемъ смѣшиваются писателями три совершенно различныхъ понятія: сила, которая творить непосредственно право, формы, въ которыхъ международное правосознаніе выливается во внѣ, и средства для познанія дѣйствующаго или дѣйствовавшаго порядка.

Международное правоубѣжденіе,—подъ этимъ мы подразумеваемъ правоубѣжденіе различныхъ интернаціональныхъ круговъ относительно международныхъ интересовъ, причемъ безразлично, является ли оно распространеннымъ въ массахъ населенія или только среди тѣхъ лицъ, которыя фактически или юридически особо блюдутъ международное правообразованіе,—есть та сила, которая творить всѣ международноправовыя нормы, а въ томъ числѣ и рѣчныя; это источникъ права въ смыслѣ матеріальномъ. Существованіе на западѣ такихъ обществъ, какъ *Elbeverein*, *Donauverein* и т. п., въ значительной степени содѣйствуетъ его возникновенію и укрѣпленію, а конфликты 1857 г., 1883 г. и др. всего лучше показываютъ, съ

какой мощью можетъ иногда проявляться общественное мнѣніе земли въ интернаціональныхъ вопросахъ.

Правоубѣжденіе выливается во внѣ или путемъ формальнымъ, черезъ особые указанные правомъ пути—*международный*, главнымъ образомъ междугосударственный *договоръ*, или путемъ неформальнымъ, фактическимъ, нерегулированнымъ, *международный обычай*. Мы можемъ называть обычай и договоръ источникомъ международного права въ смыслѣ формальномъ. Сказать что-либо особенное о нихъ, какъ объ источникахъ именно рѣчнаго права конечно трудно. Во всякомъ случаѣ, международнымъ обычаемъ слѣдуетъ считать не только тотъ, который дѣйствуетъ въ предѣлахъ всего международного общенія, но и тотъ, который выработался въ практикѣ только двухъ или трехъ сосѣднихъ народовъ, болѣе того лишь въ средѣ пограничнаго населенія, или торговаго класса, или другихъ какихъ-либо соціальныхъ группъ изъ подданныхъ различныхъ государствъ относительно интересовъ интернаціональныхъ.

Современное международное *рѣчное право* въ его научной обработкѣ есть почти исключительно *право договорное* ¹⁾. Причина не въ томъ, чтобы вовсе не было обычныхъ рѣчныхъ нормъ, а въ томъ, что эти нормы, къ сожалѣнію, нигдѣ не собраны, не сведены въ какіе-либо сборники, недоступны для теоретиковъ. Область дѣйствія обычныхъ началъ была особенно широка въ прошломъ. Какіе-нибудь сто лѣтъ назадъ рѣчное право было почти исключительно обычное право и это относится не только къ праву рыболовства, гдѣ и теперь наблюдается много обычныхъ началъ, но и къ праву рѣчнаго судоходства. Новѣйшій договоръ въ значительной мѣрѣ воспользовался обычными началами. Особенно бросается это въ глаза въ тѣхъ же договорахъ рыболовства.

Какъ *договоръ*, такъ и *рѣчной обычай* отличаются болѣе или менѣе *млстнымъ характеромъ*. Въ особенности это относится къ *праву рыболовства*. Оно и понятно. Интересы рыболовства до послѣдняго времени тѣсно связаны съ той или другой рѣкой, касаются исключительно жителей ея береговъ и поэтому нормы, охраняющія ихъ, могутъ задѣвать только береговья государства. Типомъ является здѣсь договоръ 2—3

¹⁾ Gareis, Institutionen, S. 70.

государствъ о рыболовствѣ въ общихъ для нихъ рѣкахъ. За послѣднее время нерѣдки также договоры между двумя сосѣдними государствами о рыболовствѣ во всѣхъ пограничныхъ между ними водахъ. Въ недалекомъ будущемъ появятся несомнѣнно такія же соглашенія между нѣсколькими сосѣдними странами, но на этомъ расширеніе области примѣненія подобныхъ договоровъ при современномъ состояніи рыболовныхъ интересовъ должно остановиться. Развѣ въ ту отдаленную эпоху, когда отдѣльные континенты покроются сѣтью водяныхъ путей, правильно и тѣсно соединенныхъ въ одно стройное цѣлое, сдѣлаются возможными договоры на сей счетъ между государствами цѣлыхъ частей свѣта, а можетъ быть, и всей земли (въ связи съ договорами морскаго рыболовства).

Гораздо болѣе общимъ характеромъ отличаются *договоры о судоходствѣ*. Оно и понятно, вопросъ о судоходствѣ по рѣкамъ вообще и по отдѣльнымъ рѣкамъ въ частности представляетъ общій интересъ всѣхъ или по крайней мѣрѣ большинства цивилизованныхъ государствъ. И если большая часть договоровъ о судоходствѣ заключается все-таки между прибрежными государствами отдѣльныхъ рѣкъ, то имѣются и такіе, которые приняты многими странами даже разныхъ частей свѣта. Появленіе общеевропейскихъ и всемірныхъ договоровъ относительно этихъ интересовъ должно отнести къ ближайшему сравнительно будущему. Въ правильномъ и повсемѣстномъ развитіи путей сообщенія по всему пространству земли въ высшей степени заинтересованы всѣ цивилизованные народы. Многое предсказываетъ это расширеніе договорной практики. Договоры о Дунаѣ, Конго, Эльбѣ, Шельдѣ показываютъ, какіе широкіе международные интересы бывають замѣшаны въ судоходствѣ даже по отдѣльнымъ рѣкамъ. Современные договоры торговли и судоходства, хотя и регулируютъ отношенія обыкновенно между двумя сосѣдними странами (имѣются конечно и исключенія, напр. договоры бывшаго Таможеннаго союза), но за то заключаютъ въ себѣ нерѣдко цѣлые кодексы рѣчнаго права. Что касается *другихъ институтовъ рѣчнаго права* (регулированія рѣкъ, постройки, питанія и чистки каналовъ, ирригаціи, мостовъ и т. п.), то и они въ наши дни вызываютъ въ видѣ правила частныя соглашенія двухъ, много трехъ странъ, сосѣдей. Это область мѣстнаго международнаго права въ узкомъ смыслѣ слова. Не мѣшаетъ наконецъ замѣтить, что большинство договоровъ съ

многими участниками или относительно цѣлаго ряда рѣкъ, или цѣлаго ряда вопросовъ заключалось до сихъ поръ въ Европѣ. Америка—страна частныхъ и специальныхъ соглашеній.

Однако въ настоящее время для насъ всего интереснѣе разсмотрѣть вопросъ объ источникахъ рѣчнаго права съ другой стороны,—въ смыслѣ *источниковъ познанія дѣйствовавшего и дѣйствующаго порядка*. Для практика этотъ вопросъ не представляетъ большаго затрудненія. Каждое правило будетъ имѣть въ его глазахъ равное значеніе и ему надлежитъ не столько разсуждать, сколько понимать. Другое дѣло, если мы пожелаемъ познакомиться съ рѣчнымъ правомъ въ цѣляхъ теоретическихъ. Здѣсь нашей задачей должно быть не изученіе во всѣхъ деталяхъ положенія всѣхъ водъ, когда-либо вызывавшихъ относительно себя образованіе международного права, но ознакомленіе съ главными началами, лежащими въ основаніи извѣстной группы соглашеній. Дѣйствующее право должно дать теоретику наиболѣе богатый запасъ посылокъ для подлежащихъ разсужденій, но для этого часто нѣтъ надобности изучать всѣ дѣйствующія нормы, особенно когда онѣ такъ многочисленны, какъ это мы видимъ въ данномъ вопросѣ. Съ другой стороны, важно знать не только то, что есть, но и то, что было. Если все это такъ, то какія же явленія должны подвергнуться нашему анализу?

Прежде всего никакъ нельзя оправдать того чрезвычайнаго, почти исключительнаго вниманія, которое удѣляется современными интернаціоналистами крупнѣйшимъ въ этой области международнымъ соглашеніямъ. Съ правильной точки зрѣнія слѣдуетъ всегда имѣть въ виду не только *постановленія великихъ международныхъ конгрессовъ*, но и соглашенія отдѣльныхъ государствъ. И если трактаты 1814, 1815, 1856 и, добавимъ отъ себя, 1885 гг. «являются», какъ замѣчаетъ г. Энгельгардтъ, «дѣйствительными источниками современнаго законодательства на путяхъ внутренняго судоходства, потому что заключенные въ торжественныхъ обстоятельствахъ и съ участіемъ главныхъ государствъ континента, они должны разсматриваться какъ прямое выраженіе современной мысли, т. е. какъ суверенное проявленіе *consensus gentium*», то и «конвенціи, которыя дѣйствуютъ на различныхъ международныхъ рѣкахъ, являются необходимымъ элементомъ разсужденія», и онѣ—суверенное проявленіе того же *consensus gentium* и той же современной мысли. Этого мало. Если торжественныя соглашенія

43375 1500-7-72

показываютъ намъ, въ какомъ направленіи развивается или должно развиваться международное рѣчное законодательство, то *начала*, которыя находятся въ болѣе скромныхъ *соглашеніяхъ*, напр. *между прибрежными государствами отдѣльныхъ рѣкъ*, представляются часто твердо и широко вошедшими въ жизнь. При заключеніи ихъ не играли, б. ч., никакой роли политическіе интересы, столь сильныя на собраніяхъ 1814, 1815, 1856 и даже 1885 гг., и въ ихъ статьяхъ мы можемъ наблюдать исключительно экономическую организацію, соответствующую исключительно экономическому характеру замѣшанныхъ въ рѣчномъ правѣ интересовъ ¹⁾. Они представляютъ собой то, что современные народы думаютъ по данному вопросу въ обыкновенное время, среди обыкновенныхъ обстоятельствъ. Въ особенности слѣдуетъ снова предостеречь противъ чрезмѣрнаго поклоненія постановленіямъ Вѣнскаго конгресса. Не слѣдуетъ забывать, что послѣдующее правообразование шло гораздо дальше ихъ, ставило шире свои задачи и разрѣшало ихъ въ болѣе возвышенномъ и освободительномъ

¹⁾ Поэтому бар. Моренгеймъ былъ гораздо болѣе правъ, чѣмъ это обыкновенно думаютъ, когда 20 февраля 1883 г. на Лондонской конференціи говорилъ по поводу рѣчной свободы и Европейской комиссіи Дунай: „Le principe de la liberté fluviale a été inscrit en traits indélébiles dans le droit public du monde civilisé, quarante ans avans la création de cette institution toute locale et durant ce long laps de temps, il s'est propagé sur tous les fleuves conventionnels des deux hémisphères. Loïn donc d'être en quoi que ce soit lié à une institution ignorée partout ailleurs, il est bien assuré, Dieu merci, de lui survivre aussi longtemps que les fleuves et les idées ne rebroussent pas leur cours“. Въ томъ же самомъ смыслѣ другой посланникъ Россіи гр. Капнистъ, возражалъ на конференціи 1885 г. противъ того, что „la législation danubienne a sanctionné définitivement les maximes qui règlent aujourd'hui la navigation fluviale (Protocole V, Rapport въ приложеніи къ нему) сказалъ, что нѣкоторыя постановленія 1856 г. прямо противоположны стѣт. 1815 г. (Protocole V, Livre français, p. 19; p. 122 s.). Это мнѣніе, утверждаетъ Энгельгардтъ: „n'est en réalité que la confirmation explicative de la fameuse formule de Humboldt“ (Histoire, p. 102). Такъ-ли это?— Графъ Капнистъ ошибался, быть можетъ, только въ одномъ отношеніи. Онъ упустилъ изъ виду, что новѣйшая договорная практика имѣетъ въ предусмотрѣнныхъ ею случаяхъ никакъ не меньшее значеніе, чѣмъ договоръ 1815 г. для предусмотрѣнныхъ имъ.

духъ. Современная наука никакъ не хочетъ допустить этого. Желая примирить новшества съ тѣми положеніями, которыя она привыкла чтить, она то произвольно суживаетъ, то расширяетъ значеніе вѣнскихъ постановленій. Для того, чтобы выяснить «истинный» смыслъ соглашенія 1815 г., находятъ возможнымъ комментировать его не на основаніи протоколовъ Вѣнскаго конгресса, а на основаніи ст. 5 акта 1814 г. И такъ поступаютъ не только теоретики, но и практики ¹⁾. Отклоненія отъ принциповъ 1815 г. не только вызываютъ къ себѣ отрицательное отношеніе, но просто раздражаютъ писателей ²⁾... Однако не всѣ соглашенія между отдѣльными государствами должны обращать на себя наше вниманіе. Въ виду того, что современная наука международнаго права является существенно наукой прикладной, мы должны интересоваться главнымъ образомъ тѣми рѣчными кодексами, которые наиболѣе полно развиты, наиболѣе давно существуютъ и т. д., или по крайней мѣрѣ отличаются какими-либо особенностями. Было бы совершенною ошибкою, если бы мы предалися изученію юридическаго положенія тѣхъ небольшихъ рѣкъ, право которыхъ само нуждается въ дальнѣйшемъ развитіи и совершенствованіи.

Далѣе,—и это наше замѣчаніе чрезвычайно важно,—современный изслѣдователь долженъ черпать необходимый ему матеріалъ не только изъ договоровъ объ отдѣльныхъ рѣкахъ. Есть цѣлый рядъ договоровъ совершенно другаго характера. Есть цѣлая оригинальная система международныхъ соглашеній, которая, къ удивленію, осталась неизвѣстной даже такимъ спе-

¹⁾ Lord Cowley говорилъ въ засѣданіи Парижской конференціи 16 августа 1858 г.: „L'article du règlement de 1857, qui réserve la navigation fluviale aux riverains du Danube, n'est pas en harmonie avec l'article 5 du traité de Paris de 1814, base du traité de Vienne de 1815“. Въ томъ же духѣ выразился графъ Валевскій; статья 5, по его мнѣнію, „n'était pas d'accord avec les énonciations du traité de 1814 auxquelles il convenait de se référer pour déterminer le sens précis de l'acte du Congrès de Vienne“.

²⁾ Engelhardt: „Les principes qui ressortent des... actes de 1868 (рейнская конвенція) et de 1880 (проектъ лабской конвенціи)... sont de nature à entretenir bien loin de dissiper les doutes que soulève l'interprétation de ces maximes (de 1815)“.—Histoire, p. 97.

ціалістамъ, какъ Каратеодори или Энгельгардтъ¹⁾, но которыя имѣють для нашего вопроса первостепенное, капитальное значеніе. Особенно ставить имъ въ вину этого обстоятельства конечно нельзя. Главная причина въ томъ, что положительный матеріалъ, съ которымъ приходится имѣть дѣло интернаціоналисту, слишкомъ громаденъ и малодоступенъ. У многихъ даже въ настоящее время (не говоря уже о прошломъ) опускаются руки при видѣ безчисленнаго множества всевозможныхъ плохо систематизированныхъ и въ большинствѣ случаевъ неполныхъ и запаздывающихъ своимъ появленіемъ сборниковъ трактатовъ, конвенцій, декларацій, протоколовъ международныхъ собраній и т. п. Вторая причина—старинное, но вполне несостоятельное дѣленіе международныхъ договоровъ на правоустанавливающіе и обязательственные. Тѣ договоры, которые въ основѣ своей имѣли точно сформулированныя, а иногда и срочныя уступки договаривавшихся государствъ, юридическихъ началъ, по этой теоріи, не устанавливають. «Свобода судоходства по рѣкамъ общимъ нѣсколькимъ государствамъ составляетъ институтъ публичнаго права Европы... Нѣчто другое наблюдается на рѣкахъ національныхъ; конвенціи, которыя уступаютъ право судоходства по этимъ рѣкамъ иностраннымъ государствамъ, имѣють исключительно факультативный характеръ»²⁾. Вернеско забываетъ, что и допущеніе иностранной конкуренціи на рѣкахъ международныхъ факультативно для всѣхъ тѣхъ государствъ, которыя не приняли въ этомъ отношеніи опредѣленныхъ обязательствъ на себя. Если же обязательство принято, хотя бы и на срокъ и относительно рѣкъ національныхъ, оно становится уже юридическимъ правиломъ³⁾. Въ результатѣ

¹⁾ Послѣдній, впрочемъ, случайно упоминаетъ о 2—3 подобныхъ договорахъ, совершенно не отдавая себѣ отчета въ ихъ принципиальномъ значеніи и не пытаясь узнать, не имѣется-ли еще чего-нибудь въ этомъ родѣ? См. *Du régime...* XIV, p. 222: „Déjà plus d'une convention assimile les sujets de certains pays étrangers aux indigènes sur les fleuves, rivières et canaux compris dans les limites d'un seul territoire“. Нѣсколько большее вниманіе обращаетъ на нихъ Pradier-Fodéré, *Ibid.*, 754.

²⁾ Vernesco, *Des fleuves*, p. 151.

³⁾ Такого же ошибочнаго мнѣнія о международномъ правѣ, какъ о порядкѣ, господствующемъ надъ государствами помимо ихъ воли и независимо отъ ихъ молчаливаго или явнаго соглашенія, и г. Энгельгардтъ. „*Cette*

подобнаго упущенія въ наукѣ составилось представленіе о международномъ рѣчномъ правѣ, какъ о правѣ исключительно административномъ. Не говорю уже о томъ метафизическомъ направленіи, которое господствуетъ въ ней, благодаря пренебреженію къ положительному матеріалу. Специальные договоры о международныхъ рѣкахъ являются кодексами именно административнаго права. Между тѣмъ указать и развить начала международного гражданскаго права рѣкъ необходимо не только для всесторонняго освѣщенія занимающаго насъ вопроса, но и для правильной постановки общаго ученія о международномъ правѣ вообще, которое до сего дня почти единогласно мыслится, какъ право исключительно публичное. Если въ различныхъ трактатахъ по нашей наукѣ и толкуется о международномъ гражданскомъ и частномъ правѣ, то подъ этимъ названіемъ въ лучшемъ случаѣ понимается международный гражданскій процессъ, то есть опять таки часть права публичнаго. Теорія международного права будетъ окончательно установлена только послѣ того, какъ будетъ выясненъ юридическій характеръ отдѣльныхъ входящихъ въ него институтовъ. Всѣмъ этимъ мы хотимъ напомнить, что рядомъ съ международными соглашениями объ отдѣльныхъ рѣкахъ весьма важныя принципы различнаго рода устанавливаются *въ общихъ договорахъ торговли и судоходства*. Эти договоры дополняютъ наши свѣдѣнія о рѣчномъ правѣ, даютъ новыя подробности для права рѣчнаго судоходства и выдвигаютъ новые институты. Значеніе ихъ особенно велико для выясненія вопроса о судоходствѣ по національнымъ рѣкамъ и о правѣ иностранцевъ, пребывающихъ въ различныхъ государствахъ.

Подчеркну еще два положенія. *Международный обычай*, гдѣ возможно констатировать его, имѣетъ столь же важное теоретическое значеніе, какъ и договоръ. *Государственный законъ*, если самъ по себѣ и не связываетъ свободы государства по отношенію къ другимъ государствамъ (онъ не долженъ однако противорѣчить началамъ общаго и частнаго международного права), можетъ однако служить въ извѣстныхъ случаяхъ доказательствомъ существованія тѣхъ или другихъ между-

égalité de traitement“, говоритъ онъ, „repose sur un échange mutuel d'avantages déterminés et elle n'a point encore le caractère d'une acquisition indépendante d'engagements contractuels“ (Du régime. . . p. 222).

народноправовыхъ началъ, а вводя какіе-либо новые принципы по отношенію къ явленіямъ интернаціональнымъ, онъ, при отсутствіи возраженій со стороны другихъ государствъ, является нерѣдко однимъ изъ путей обычнаго правообразованія. Во всякомъ же случаѣ, пока онъ существуетъ, онъ связываетъ государственныя власти или, что то же самое, государство во всѣхъ предусмотрѣнныхъ въ немъ случаяхъ ¹⁾.

При подысканіи трактатовъ, конвенцій, регламентовъ и другихъ международныхъ актовъ относительно судоходства и др. вопросовъ на международныхъ рѣкахъ, право которыхъ въ концѣ концовъ образуетъ большую половину всего рѣчнаго права, могутъ оказать помощь *слѣдующіе указатели*: 1) Martens et Cussy, Recueil Manuel, t. I, Index explicatif, v. Fleuves et rivières.—2) I. L. Cramer van den Bergh, Disputatio historica juris gentium continens historiam novarum legum de fluminum communium navigatione. Leyden. 1835.—3) Carathéodory, фр. работа, p. 167—176.—4) Engelhardt, Du régime... Appendice V, p. 256—266.—5) Heffter, Europäisches Völkerrecht, 5 Ausg., 1867, S. 459 f. (также и въ другихъ изданіяхъ).—6) Fr. v. Holtzendorff, Les droits riverains de la Roumanie, 1884, p. 256—288.—7) Kaltenborn, Schiffahrtsgesetze in Bluntschli's Staatswörterbuch, Bd. IX, 1865, S. 228.—8) Rivier, Учебникъ международнаго права (русск. пер.), с. 105—106.—9) Soetbeer, Schiffahrtsgesetze und Handelsverträge etc. Hamburg, 1847.—10) Wurm, Fünf Briefe über die Freiheit der Flussschiffahrt. 1858. Beilage B. S. 39—43.—
Однако ни одинъ изъ этихъ авторовъ не даетъ столь полныхъ и всестороннихъ указателей, какъ тѣ, которые читатель имѣетъ въ части исторической настоящей работы. Не думаю, чтобы кто-нибудь упрекнулъ насъ за трудъ и время, которые пришлось положить на ихъ составленіе. Указатели эти не только избавятъ будущихъ изслѣдователей отъ тѣхъ затрудненій, съ которыми намъ приходилось встрѣчаться при подыскиваніи источниковъ, но и послужатъ полезнымъ дополненіемъ и комментариемъ къ исторіи отдѣльныхъ рѣкъ по необходимости краткой. Эти перечни болѣе наглядно, чѣмъ что-либо другое,

¹⁾ Поэтому никакъ нельзя согласиться съ Прадье-Фодере, что „la liberté de navigation ne peut être réclamée comme un droit par les étrangers qu'autant qu'un traité la leur a concédée, soit gratuitement, soit sous condition“.

показываютъ, какой богатый и разнообразный положительный материалъ долженъ лежать въ основаніи построеній нашей науки и какъ трудна задача современнаго изслѣдователя. Облегчить ее можетъ только изданіе оффиціального сборника всѣхъ договоровъ отъ лица всего международнаго общенія. Указатели международныхъ соглашеній по разнымъ вопросамъ рѣчнаго права, а также указатели относящейся къ нимъ литературы имѣютъ въ нашихъ глазахъ столь же важное значеніе, какъ и теоретическое построеніе разныхъ вопросовъ. Если послѣднее даетъ намъ возможность познакомиться съ рѣчнымъ правомъ съ чужихъ словъ, то они и только они могутъ облегчить гораздо болѣе серьезную задачу самостоятельнаго изученія его. Не даромъ же обзоры литературы по международному праву и указатели различныхъ международныхъ актовъ составляютъ настольныя книги для каждаго спеціалиста.

§ 3. Литература международного рѣчнаго права.

Вопросъ о международномъ рѣчномъ правѣ имѣетъ обширную и разнообразную литературу. Уже въ 1845 г. Оппенгеймъ указывалъ на то, что онъ долженъ занимать видное мѣсто въ системѣ международного права ¹⁾. И на самомъ дѣлѣ, ни одинъ крупный общій трактатъ по нашей наукѣ не остался безъ болѣе или менѣе обширнаго экскурса въ область этой темы ²⁾. Кроме того, въ настоящее время существуетъ нѣсколько трудовъ, спеціально изучающихъ рѣчное право. Наконецъ изслѣдователь поражается массой монографій, посвящен-

¹⁾ System des Völkerrechts. 1845. VII.

²⁾ Уже Гуго Гроціи говоритъ о нѣкоторыхъ относящихся къ ней вопросахъ, именно во 2-й книгѣ своего большаго трактата во 2-ой главѣ, посвященной ученію о вещахъ, которыя принадлежатъ сообща всѣмъ людямъ; въ гл. 3-й—о непосредственномъ приобрѣтеніи вещей и въ гл. 8-й—о способахъ приобрѣтенія, обыкновенно называемыхъ международными. См. Le droit de la guerre et de la paix par Grotius, trad. par Pradier-Fodéré. 1867. Кн. 2, гл. II (§§ XII—XV), т. I, с. 410—422. Кн. 2, гл. III (§§ VII, XVI—XVIII), т. I, с. 436—437. Кн. 2, гл. VIII (§§ VIII—XVII), т. I, с. 68—81.

ныхъ юридическому положенію отдѣльныхъ рѣкъ или отдѣльнымъ вопросамъ международнаго судоходства. Не говорю уже о томъ, что международные рѣчные договоры и обычаи затрогиваются нерѣдко въ изслѣдованіяхъ о морскомъ правѣ, государственной территоріи, договорахъ торговли и судоходства, рѣчномъ національномъ правѣ и т. п. родственныхъ институтахъ. Литература эта собрала богатѣйшій *положительный матеріалъ*, подняла цѣлый рядъ сложныхъ и важныхъ *теоретическихкихъ вопросовъ*, стояла въ общемъ на сторонѣ справедливости и мирнаго развитія человѣчества, сдѣлала возможнымъ появленіе широко поставленныхъ изысканій по рѣчному праву народовъ, но, къ сожалѣнію, является, за извѣстными исключениями, мало удовлетворительной.

Теоретическія разсужденія страдаютъ излишней отвлеченностью, какъ бы беспочвенностью. Возвышенныя мысли, нерѣдко высказываемыя въ нихъ, не выкупаютъ искусственности основныхъ началъ, принимаемыхъ обыкновенно на вѣру и способныхъ привести въ отчаяніе каждаго, кто привыкъ мыслить право, какъ явленіе изъ жизни и для жизни. Ученые не считаютъ съ потребностями международной дѣйствительности, не анализируютъ общественныхъ отношеній, не изучаютъ междугосударственныхъ актовъ, а стремятся построить свои системы исключительно абстрактнымъ путемъ, исходя изъ произвольно принимаемыхъ или отвергаемыхъ началъ. Поэтому ихъ теоріи нерѣдко противорѣчатъ фактамъ, ихъ положенія туманны, ихъ доводы случайны, необѣдительно и могутъ нерѣдко съ успѣхомъ употребляться для доказательства совершенно противоположныхъ мнѣній. Современная литература находится далѣе подъ исключительнымъ вліяніемъ постановленій 1815 г. и считаетъ рѣчнымъ правомъ именно право рѣчнаго судоходства, причемъ ее интересуютъ только такъ называемыя международныя рѣки, предусмотрѣнныя въ ст. 108 Вѣнскаго договора. Такъ поставленъ вопросъ въ работахъ: *Du droit international concernant les grands cours d'eau, Histoire du droit fluvial conventionnel* и всѣхъ др. Только въ немногихъ новѣйшихъ французскихъ докторскихъ диссертацияхъ удѣляютъ нѣкоторое вниманіе и праву рѣчныхъ рыбныхъ ловель. Другихъ институтовъ вовсе не разсматриваютъ. Преклоненіе передъ авторитетомъ конгресса 1815 г. заходитъ такъ далеко, что писатели просто игнорируютъ тѣ соглашенія, которыя идутъ другимъ

путемъ. Эта участь постигла общіе договоры судоходства и торговли, не смотря на всю первостепенную важность содержащихся въ нихъ статей. Во всякомъ случаѣ, если отдѣльные мелкіе вопросы рѣчнаго права и разработаны болѣе обстоятельно, то общая теорія его, начиная съ опредѣленія, которое мы напрасно искали бы у современныхъ авторовъ, вовсе еще не дана, а основныя начала, напр. принципъ свободнаго судоходства, не установлены твердо. Здѣсь господствуетъ еще схоластика и естественное право, не давая намъ, къ сожалѣнію, ничего оригинальнаго или талантливаго. Исслѣдователи не сумѣли даже извлечь всего того, что могло дать сближеніе международнаго рѣчнаго права съ національнымъ и сопоставляли его съ послѣднимъ чисто внѣшнимъ образомъ, для любопытства. Благодаря этому, юридическая обработка, даваемая положительному матеріалу, обыкновенно весьма слаба или вовсе отсутствуетъ.

Другими чертами, нѣсколько болѣе утѣшительными, отличаются *историческія изслѣдованія*. Интересъ положительныхъ данныхъ, сообщаемыхъ въ нихъ, дѣлаетъ ихъ болѣе важными, чѣмъ изслѣдованія перваго порядка. Но въ нихъ обыкновенно отводится слишкомъ много мѣста политикѣ, а чисто юридическій элементъ оттѣсняется назадъ. Въ изслѣдованіяхъ не отражаются общія теоріи ихъ авторовъ о международномъ правѣ, а если и отражаются, то часто превратныя представленія о немъ. При рѣшеніи частныхъ случаевъ писатели обыкновенно излишне увлекаются національными интересами и служатъ не истинѣ, а плохо скрываемымъ потребностямъ практики. Наконецъ, работы даже весьма солидныхъ авторовъ пестрятъ невѣрными или неточными данными, а иногда и нелѣпостями ¹⁾.

¹⁾ Перечислять все, что останавливаетъ въ этомъ отношеніи вниманіе читателя, было бы излишне. Привожу къ тѣмъ примѣрамъ, которые были указаны въ части исторической, еще нѣкоторые: Проф. Schiattarella въ его *Propedeutica al diritto internazionale* (1881) утверждаетъ, что альбингенскій договоръ коснулся положенія Эльбы, Невы и т. д.; что договоръ 14 мая 1811 г. объявилъ Эльбу „*commune tra la Russia et il regno di Westfalia*“; что конвенція 15 августа 1804 г. обезпечила „*in tutta la sua pianezza il principio della libera navigazione dei fiumi*“ и т. д., и т. д.—Проф. Стояновъ въ *Очеркахъ исторіи и догматики международного права* пишетъ, что Европейская коммиссія Дуная „окончила свои труды по очищенію гирды

Столь же невысокаго мнѣнія о современной литературѣ многіе знатоки права народовъ. Рено говоритъ: «Идеи, вообще говоря, раздѣляемая по этому предмету самыми значительными писателями, совершенно ложны ... онѣ слишкомъ легко принимаются тѣми, которые не восходятъ до источниковъ, не читаютъ длинныхъ протоколовъ комиссій и читаютъ безъ вниманія текстъ самихъ договоровъ» ¹⁾. Это состояніе современной литературы побудило насъ попытаться извести ученіе о международномъ рѣчномъ правѣ изъ тѣхъ безвоздушныхъ пространствъ, гдѣ оно находилось до сихъ поръ, поставить его въ связь съ другими ближайшими къ нему институтами права и съ общими условіями современной жизни образованныхъ народовъ, а необходимый для теоретическихъ построеній положительный матеріалъ собрать по возможности путемъ самостоятельныхъ изслѣдованій международныхъ договоровъ и относящихся къ нимъ протоколовъ и др. актовъ. Послѣдняя задача была особенно трудна, хотя положенный на достиженіе ея трудъ и мало за-

въ 1865 г. Но другая комиссія (Прирѣчная...) существуетъ до сихъ поръ. На Лондонской конференціи 1870/1 г.... существованіе этой комиссіи продолжено до 24 Апрѣля 1883 г.“ и т. д.—Gareis (Institutionen, S. 70) утверждаетъ, что Парижскій конгрессъ далъ Европейской комиссіи право „über der ersteren (Прибрежной) zu verwalten“.—Даже Блюччи ошибается: „Новое требованіе международного права о свободѣ судоходства по водамъ... было впервые высказано Парижскимъ конгрессомъ... Этимъ важнымъ успѣхомъ въ международныхъ отношеніяхъ мы обязаны главнымъ образомъ прусскому посланнику В. Гумбольдту. Вѣнскій конгрессъ... примѣнилъ это правило... къ Маасу, Эльбѣ, Одру, Везеру, Вислѣ, По“ (Введеніе къ кодексу, русск. пер., с. 34). Если же взять менѣе крупныя имена, то приходится перѣдко спрашивать себя, откуда черпали они свои историческія свѣдѣнія (Ср. Criscuolo, *ibid.*, § 40 и др.; Наумовъ, Шельда, с. 24 и др.; Липинъ, Килійскій рукавъ и мн. иные).

¹⁾ Revue de dr. int., t. XII, 1880, pp. 247—248 (критика соч. Энгельгардта). Еще рѣзче приговоръ Кателлани: „Intorno al regime convenzionale dei fiumi naviganti, separanti od attraversanti i territori di più stati corrono giudizi del tutto erronei et in parte inesatti, quali non sarebbero da aspettarsi in una parte del diritto internazionale fondata ormai non già sui soli dettami della ragione o sulla forza della consuetudine, ma sulle disposizioni positive dei trattati“.—L. Catellani, Le Colonie e la Conferenza di Berlino. Capitolo XI, pp. 702—703.

мѣтенъ для посторонняго глаза. Между тѣмъ надо разъ навсегда рѣшить, что прежде чѣмъ постановленія международныхъ актовъ не будутъ подробно и всесторонне изучены, не только нельзя разсчитывать на окончательное установленіе основныхъ началъ нашей науки, но даже на «признаніе» ея со стороны представителей другихъ областей юридическаго знанія. Какъ это ни трудно для изслѣдователей, какъ это ни трудно иногда и для читателей, но неподвижный, вообще говоря, матеріаль международныхъ соглашеній надо наконецъ сдвинуть съ мѣста во всемъ его богатствѣ и разнообразіи. Мы увѣрены, что тѣ лица, которыя ищутъ въ ученыхъ изслѣдованіяхъ не матеріала для легкаго чтенія, а чего-нибудь больше, которыя оцѣниваютъ ихъ сообразно количеству и качеству сообщаемаго объективнаго знанія, согласятся, что въ нашихъ историческихъ очеркахъ мы, хотя немного, посодѣйствовали выполненію той важной задачи, раньше окончанія которой невозможно дальнѣйшее развитіе науки международнаго права.

Все, что было сказано до сихъ поръ, относится ко всемъ вообще писаніямъ по данному предмету. Специальные изслѣдованія стоятъ несомнѣнно выше этого общаго уровня. Остановимся же на главнѣйшихъ изъ нихъ. Первое мѣсто занимаютъ труды Энгельгардта и Каратеодори и проектъ регламента судоходства по международнымъ рѣкамъ Института международнаго права. Главное значеніе Энгельгардта состоитъ въ томъ, что его работы поставлены на строго положительную почву. Въ основаніи ихъ лежитъ масса интереснаго положительнаго матеріала, почерпнутаго изъ первыхъ рукъ. Онъ знакомъ съ послѣднимъ всесторонне и не только какъ теоретикъ, но и какъ практикъ. Онъ былъ продолжительное время представителемъ Франціи въ Европейской комиссіи нижняго Дуная и именно въ числѣ первыхъ делегатовъ, заложившихъ основаніе ея будущему значенію, и посланникомъ этой же страны на Берлинской конференціи 1884—5 г. Ему принадлежитъ также крупная заслуга дать первый анализъ основныхъ началъ, основныхъ институтовъ права международныхъ рѣкъ. Первой вышла его книга: *Du régime conventionnel des fleuves internationaux*. Paris. 1879. 270 pp., in 8° (небольшой форматъ и весьма свободная печать). Содержаніе ея таково: Préface. Introduction historique (1—55). Ch. I. Etendue du domaine fluvial soumis au régime de la communauté.—Ch. II. Démarcation des

frontières fluviales entre riverains opposés.—Ch. III. Liberté de la navigation.—Ch. IV. Police de la navigation.—Ch. V. Travaux de correction et d'entretien des voies fluviales.—Ch. VI. Droits de navigation.—Ch. VII. Douanes riveraines et ports francs.—Ch. VIII. Quarantaines fluviales.—Ch. IX. Neutralité dans son application à la navigation intérieure.—Ch. X. Autorités fluviales.—Ch. XI. Régime conventionnel des affluents.—Ch. XIII. Contrôle des états non riverains sur le régime des fleuves conventionnels.—Ch. XIII. Suppressions éventuelles des droits de navigation.—Ch. XIV. Liberté de navigation sur les fleuves, rivières et canaux n'appartenant qu'à un seul Etat.—Ch. XV. Conclusion. Projet de convention sur le régime des fleuves internationaux. За нею вскорѣ послѣдовала другая работа, Histoire du droit fluvial conventionnel (Paris, 1889, pp. 110, in 8° небольшого размѣра), представляющая собой отдѣльный оттискъ изъ журнала Nouvelle Revue historique de droit français et étranger. Она распадается на три части: Partie I. Régime de la navigation intérieure aux temps de Rome (pp. 2—16).—Partie II. Régime de la navigation intérieure au moyen âge (pp. 16—35).—Partie III. Le droit fluvial conventionnel dans les temps modernes (pp. 36—105), гдѣ въ §§ 21—42 бѣгло разсматриваются договорныя соглашенія относительно главнѣйшихъ международныхъ рѣкъ. Помимо этихъ двухъ основныхъ своихъ изслѣдованій, онъ написалъ цѣлый рядъ небольшихъ этюдовъ, посвященныхъ большею частью праву дунайскаго судоходства. Они приведены ниже, въ указателѣ. Въ виду вполне серьезной постановки изслѣдованія въ обѣихъ основныхъ брошюрахъ Энгельгардта, намъ показалось нужнымъ подвергнуть ихъ самому детальному изученію. Однако уваженіе, которое мы питаемъ къ этимъ трудамъ, не скрыло отъ насъ ихъ недостатковъ: слишкомъ узкаго пониманія рѣчнаго права народовъ (однѣ международныя рѣки), обоснованіе изслѣдованія на однѣхъ статьяхъ договоровъ безъ попытки дать имъ теоретическое объясненіе, отсутствіе общаго ученія о международномъ рѣчномъ правѣ, незнакомство съ общими договорами торговли и судоходства и вытекающее отсюда пренебреженіе гражданскимъ рѣчнымъ правомъ, недостаточная юридическая обработка договорнаго матеріала (отсутствіе юридическихъ опредѣленій, конструкцій, неудачная система), полное отсутствіе указаній на литературу вопроса, въ особенности отсутствіе сносокъ на тѣ

сочиненія, которыми пользовался авторъ (что иногда вводитъ въ заблужденіе относительно степени самостоятельности работы), слишкомъ большее мѣсто, удѣляемое политикѣ въ ущербъ праву, наконецъ, что очень жаль, неумѣстный патриотизмъ, побуждающій нерѣдко автора несправедливо выдвигать Францію и при-
нижать Германію ¹⁾. Быть можетъ, послѣднее обстоятельство въ связи съ такимъ же, т. е. неумѣстнымъ въ данномъ случаѣ патриотизмомъ нѣмецкихъ писателей причина того, что работы Энгельгардта ставятся въ литературѣ ниже работъ, въ сущности менѣе значительныхъ, Каратеодори. На основаніи богатѣйшаго (ungemein reich) положительнаго матеріала, вдохновляясь гуманнѣмъ идеаломъ международной солидарности (Interessengemeinschaft), Каратеодори, по словамъ большаго патриота проф. Гарейса, создалъ трудъ, превосходящій, что касается богатства положительныхъ данныхъ и убѣдительности изложенія, работы Гуго Гроція, съ которымъ у турецкаго дипломата одна тенденція и одна метода ²⁾. Эти похвалы несомнѣнно преувеличены. Къ преимуществамъ Каратеодори передъ Энгельгардтомъ относится слѣдующее. Онъ попытался дать теоретическое обоснованіе праву международнаго судоходства по рѣкамъ и обращаетъ всюду вниманіе на предшествующую литературу вопроса. Характерными чертами его трудовъ является далѣе болѣе значительное, чѣмъ у Энгельгардта, безпристрастіе, осторожность въ сужденіяхъ, ссылки на источники, которыми пользовался авторъ, привлеченіе въ сферу изслѣдованія нѣкоторыхъ новыхъ вопросовъ (озера). Но главная и неоспоримая заслуга Каратеодори состоитъ въ томъ, что онъ первый написалъ болѣе или менѣе солидное общее изслѣдованіе по рѣчному праву. Его брошюра (158 стр. in 8°), Du droit international, concernant les grands cours d'eau вышла въ 1861 г. (Leipzig). Ей предшествовали въ этомъ направленіи только небольшія статьи Вурма. Содержаніе ея таково: A. science rationnelle (Ch. I. Considérations générales.—Plan du travail.—Ch. II. Développement et discussion de la question au point de vue du droit

¹⁾ См. разборъ работы, Du régime. . . , впрочемъ совершенно безвѣстный и незначительный со стороны L. Renault въ R. d. d. int-1, 1880, XII, p. 248—249.

²⁾ Institutionen d. V., 169.—Ср. Мартенсъ, т. II (изд. 2), стр. 240.—Болѣе правильную оцѣнку Энгельгардта см. гр. Камаровскій, Обзоръ совр. литературы по межд. пр., стр. XVI.

naturel).—V. Science pratique. I. Avant le congrès de Vienne. (Право древняго востока, Греціи, Рима, феодальной эпохи, Франціи, мусульманскихъ народовъ; новѣйшія времена до Вѣнскаго конгресса).—II. Depuis le Congrès de Vienne (постановленія Вѣнскаго конгресса, рѣки Европы, рѣки Америки).—C. Conclusion. Вторымъ изданіемъ этой брошюры является статья Каратеодори въ III томѣ руководства Гольцендорфа (Handbuch des Völkerrechts): Das Stromgebietsrecht und die internationale Flussschiffahrt (стр. 277 — 406). Статья эта несравненно выше своей предшественницы. Каратеодори ввелъ въ нее, очевидно не безъ вліянія труда Энгельгардта, новый отдѣлъ, аналитическое разсмотрѣніе основныхъ началъ международнаго рѣчнаго права и, что главное, въ значительной степени отказался отъ прежнихъ своихъ естественноправовыхъ построений. Второе изданіе стоитъ на гораздо болѣе положительной почвѣ, чѣмъ первое. Оно добавлено новыми данными и распадается на 4 главы: I Kapitel. Historische Uebersicht und Entwicklung.—II Kapitel. Die gegenwärtig geltenden allgemeinen Grundsätze des internationalen Stromrechts.—III Kapitel. Die internationale Stromgesetzgebung im Einzelnen.—IV Kapitel. Die Binnenmeere, die internationalen Seen und Canäle. Обѣ статьи Каратеодори должны быть съ полнѣйшимъ вниманіемъ проштудированы и использованы каждымъ, кто пожелаетъ продвинуть впередъ ученіе о рѣчномъ правѣ и это, не смотря на то, что представленіе о немъ Каратеодори слишкомъ узко, что онъ не ставитъ своего ученія въ связь съ тѣми жизненными отношеніями, которыя вызываютъ образованіе нормъ рѣчнаго международнаго права, что изслѣдованіе его исходитъ изъ требованій естественнаго права, что онъ далеко не обладаетъ такими всесторонними, глубокими и самостоятельными свѣдѣніями, какъ Энгельгардъ, что убѣдительность изложенія у него ниже.

По инициативѣ проф. Мартенса, вопросъ о судоходствѣ по международнымъ рѣкамъ былъ въ продолженіи двухъ сессій предметомъ обсужденія *Института международнаго права*. Вниманіе послѣдняго было обращено на него письмомъ русскаго ученаго отъ 17 сентября 1887 г. Впрочемъ, какъ мы уже знаемъ изъ предшествующаго, нѣкоторые частные вопросы рѣчнаго права были возбуждены еще раньше, Блюнчли—о полиціи рѣчнаго судоходства, Мунанье—о судоходствѣ по р. Конго. На основаніи статутовъ этотъ вопросъ былъ присоединенъ тог-

даннимъ бюро къ 8 другимъ поставленнымъ на очередь въ предшествующую (Мюнхенскую) сессию. Проф. Мартенсъ настаивалъ на томъ, что Институтъ нравственно обязанъ высказаться относительно принциповъ международнаго судоходства по рѣкамъ какъ въ виду широкаго развитія послѣдняго въ наши дни, такъ въ особенности потому, что за послѣднее время въ рѣшеніе этого чисто экономическаго вопроса замѣшались политическіе интересы, грозящіе совершенно исказить его. Онъ имѣлъ въ виду главнымъ образомъ исторію Лондонской конференціи 1883 г. ¹⁾. Для разработки этого предложенія была образована особая коммиссія, довлѣдчикомъ которой выступилъ инициаторъ дѣла. Такимъ образомъ въ Брюссельскую сессию вопросъ о рѣкахъ былъ послѣднимъ, девятымъ по списку. Очередь дошла до него 11 сентября 1885 г. Предсѣдательствовалъ Rolin Jaquemyns ²⁾. Институтъ выслушалъ обстоятельный и краснорѣчивый докладъ г. Мартенса, въ которомъ была сдѣлана характеристика современнаго положенія дѣла и указано на необходимость обратить на него серьезное вниманіе ³⁾. Но онъ не былъ на этотъ разъ предметомъ обсуждения. Прежняя девятая коммиссія въ Гейдельбергскую сессию образовала вторую. Въ нее вошли: Engelhardt, Holland, Holtzendorff, Renault, Rivier, Stein, Travers Twiss. Докладчикъ остался прежній. Engelhardt и Holland замѣнили выбывшихъ Arntz'a и лорда Reau. Регламентъ судоходства по международнымъ рѣкамъ, предложенный проф. Мартенсомъ, былъ предметомъ обсуждения въ засѣданіи Гейдельбергской сессіи отъ 9 сентября. Предсѣдательствовалъ Бульмеринкъ. Вниманію Института были предложены также проектъ г. Энгельгардта, замѣчанія проф. графа Камаровскаго и письмо Гольдендорфа, адресованное на имя Мартенса. На основаніи этихъ данныхъ и, несомнѣнно,

¹⁾ Современное международное право, т. II (изд. 2), с. 246 и прим. 3.— R. d. d. int. t. XV. 1883, p. 636.

²⁾ Annuaire d. l'Inst. d. d. int.-I, 8 année, p. 272—289.

³⁾ Нельзя только согласиться съ утвержденіемъ докладчика, что „il n'existe aujourd'hui chez les gouvernements des nations civilisées et chez les écrivains de droit in-1 aucune divergence importante sur les principes généraux qui doivent gouverner la navigation fluviale“. Авторъ самъ впрочемъ опровергаетъ это положеніе другими мѣстами своего доклада. См. выше Введеніе, с. 16.

имѣя въ виду работы Каратеодори и Энгельгардта. Институтъ выработалъ проектъ изъ 40 стст., представляющій въ большинствѣ случаевъ повтореніе статей Мартенса. Въ нижеслѣдующихъ §§ главы IV онъ подвергнуть нами подробнѣйшему анализу. Институтъ, по обыкновенію, не мотивировалъ своихъ рѣшеній ни данными исторіи или положительнаго законодательства, ни съ точки зрѣнія современныхъ потребностей или общихъ теоретическихъ положеній. Высокій авторитетъ ученаго общества придаетъ особое значеніе этому регламенту. Онъ былъ сообщенъ въ концѣ 1887 г. на благоусмотрѣніе цивилизованныхъ государствъ и призванъ конечно оказывать серьезное вліяніе на международную практику ¹⁾. Съ умѣренностью и осторожностью Институтъ кодифицировалъ въ немъ только тѣ начала, которыя повсемѣстно и прочно вошли въ жизнь. Прадье-Фодере говоритъ: «Трудно лучше примирить права суверенитета береговыхъ державъ съ принципомъ наиболѣе широкой свободы судоходства въ интересахъ всѣхъ государствъ» ²⁾. Но, быть можетъ, Институтъ довелъ свою осторожность слишкомъ далеко. То, что онъ кодифицировалъ въ 1887 г., существуетъ въ общемъ почти на всѣхъ международныхъ рѣкахъ. Подтвердить эти начала и изложить ихъ въ формѣ, не допускающей различнаго толкованія, было, слова нѣтъ, весьма полезно. Но было бы еще полезнѣе, если бы онъ не пренебрегъ болѣе свободною практикою, которая установилась за послѣднее время на нѣкоторыхъ рѣкахъ, а равно теоретическими предположеніями и пожеланіями о томъ, въ какую сторону должно развиваться рѣчное право, если бы онъ занесъ въ свой регламентъ не только то, что есть сегодня, но и то, что будетъ завтра. Такимъ путемъ онъ гораздо больше посодѣйствовалъ бы дѣлу мира и цивилизаціи. Кроме того нельзя не пожалѣть, что регламентъ Института далъ только самыя общія начала, не разрѣшилъ многихъ даже крупнѣйшихъ контроверзъ рѣчнаго права. Довольно уже имѣли мы общихъ раз-

¹⁾ Pradier-Fodéré: „Quoiqu' il plane dans les régions théoriques... le projet de règlement in-I de navigation fluviale... n'est pas moins important par la haute autorité qui s'attache à tous les délibérations et aux résolutions de cette association scientifique“.

²⁾ Ibid., § 2551.

суждений, не пора-ли углубиться въ детальную разработку институтовъ! Именно съ этой точки зрѣнія мы можемъ вполне присоединиться къ слѣдующимъ словамъ проф. графа Камаровскаго: «Мы находимъ его недостаточнымъ собственно въ двухъ отношеніяхъ: устанавливая свободу плаванія и равенство флаговъ на рѣкахъ международныхъ, онъ принимаетъ этотъ терминъ въ духѣ вѣнскихъ постановленій 1815 г. и не распространяетъ ихъ на рѣки національныя въ территоріальномъ отношеніи, но международныя по своему характеру, т. е. по своему значенію для міровыхъ сношеній или по своему впаденію въ открытое море. Во 2-хъ, проектъ, учреждая для завѣдыванія международными рѣками комиссіи прирѣчныя (т. е. изъ делегатовъ однихъ прибрежныхъ государствъ), а не международныя, какія установлены для нижняго Дуная и Конго, тѣмъ самымъ является примѣнимымъ только къ рѣкамъ Европы, да, быть можетъ, Америки» ¹⁾.

Переходимъ къ обзорной остальной литературы. Отдѣльныя монографіи начинаютъ появляться съ 17 ст. Международноправовые элементы смѣшиваются въ первыхъ изъ нихъ съ государственноправовыми. Направление ихъ почти безъ исключенія узко положительное, въ духѣ Мозера. Исслѣдователь ставитъ себѣ цѣлью выяснить, на основаніи оффиціаль-ныхъ документовъ, какое-нибудь болшее частью важное практически юридическое отношеніе, право этапа, принадлежащее его родному городу, право судоходства, принадлежащее его согражданамъ, право верховенства и собственности на всю рѣку или ея часть со стороны мѣстнаго короля, князя или города. Отсюда работы: *De Dominio Moeni, De tutela Rheni, De Dominio Rheni, De Argentensium in Rheno navigatione*. Эти работы интересны для насъ, какъ первыя попытки юридическаго анализа международныхъ рѣчныхъ отношеній. Можно пожелать, чтобы кто-нибудь занялся ими болѣе подробно, чѣмъ это удалось сдѣлать намъ. Знакомство съ ними должно выяснитъ тѣ первообразованія рѣчныхъ отношеній, изъ которыхъ развились современныя столь сложныя и запутанныя рѣчныя частно — и публичноправовыя начала. Что касается современ-

¹⁾ О сѣздѣ Института международнаго права въ Гейдельбергѣ въ 1887 г.—Юр. Вѣстникъ. 1888. № 4, с. 627.

ной безчисленной монографической литературы по отдѣльнымъ вопросамъ рѣчнаго права, то и она отличается практическимъ направленіемъ. Поднимается какой-либо практически важный запутанный вопросъ и брошюры плывутъ со всѣхъ концовъ земли. Такъ было въ концѣ прошлаго столѣтія съ конфликтомъ Нидерландовъ и Австріи относительно Шельды, такъ въ нынѣшнемъ повторилось со столбовеніемъ Австріи и великихъ державъ и Румыніи и тѣхъ же державъ о Дунаѣ, Португаліи и великихъ державъ о Конго, Нидерландовъ и великихъ державъ о Рейнѣ и т. д., и т. д. Многія изъ нихъ отличаются большою ученостію, безпристрастіемъ, но большинство—истинныя дѣти минуты, поверхностны, полны ошибокъ. Эта боевая литература сослужила добрую службу общему дѣлу. Она всесторонне выяснила нѣкоторые спорные вопросы международной рѣчной политики, а въ тѣхъ случаяхъ, когда авторами брошюръ являлись Мирабо, Вурмы, Гольцендорфы, Гёфкены, въ тѣхъ случаяхъ, когда онѣ вдохновлялись высокимъ сознаніемъ международныхъ интересовъ, онѣ посодѣйствовали торжеству истины, торжеству права и правды надъ произволомъ и заблужденіями. На насъ, какъ на русскомъ писателѣ, лежитъ наконецъ обязанность сказать нѣсколько словъ о двухъ монографіяхъ на русскомъ языкѣ, имѣющихъ отношеніе къ нашей темѣ. Небольшая брошюра (магистерская диссертація) г. А. Наумова: Судходство по Шельдѣ (Москва. 1856 г.) представляетъ собой для середины столѣтія весьма обстоятельное изслѣдованіе. Оно отличается чисто описательнымъ направленіемъ и сообщаетъ довольно много провѣренныхъ данныхъ по исторіи права этой рѣки. Главный ея недостатокъ—смѣшеніе интернаціональныхъ и національныхъ, юридическихъ и политическихъ явленій. Но за то она выгодно отличается отъ многихъ современныхъ ей иностранныхъ работъ полнымъ безпристрастіемъ, вполне научнымъ тономъ и освободительными тенденціями. Къ сожалѣнію, теоретическія соображенія автора (Введеніе) представляются въ высшей степени слабыми. Что касается другой русской работы, брошюры А. Форштетера, Дунай, какъ международная рѣка (Москва. 1890 г.), то это студенческое сочиненіе не подлежитъ конечно серьезной критикѣ. Въ особенности слабо введеніе («Краткая исторія международнаго рѣчнаго судходства.—Юридическая конструкція этого (?) института»). Сравни-

тельно лучше тѣ главы, которыя посвящены исключительно Дунаю. Это объясняется конечно тѣмъ, что книга издана подъ редакціей знатока нашихъ отношеній къ Турціи приватъ-доцента В. Уляницкаго. Однако и здѣсь производитъ невыгодное впечатлѣніе: усиленное поклоненіе автора великимъ державамъ, неправильное толкованіе началъ международнаго права, неравномѣрность въ изложеніи различныхъ вопросовъ (брошюру слѣдовало-бы назвать: Австро-румынскій конфликтъ 1883 г.) и т. д.¹⁾.

Въ заключеніе предлагаю списокъ работъ, трагующихъ вопросъ о международномъ рѣчномъ правѣ специально и съ общей точки зрѣнія. Отмѣчу также нѣсколько сочиненій о рѣчномъ правѣ вообще (а не только международномъ), которыя почему-либо не вошли въ предшествующіе главы и параграфы, но которыя полезно имѣть въ виду при чтеніи ниже слѣдующихъ страницъ. Указатели литературы, хотя и несравненно менѣе полные, чѣмъ тѣ, которые мы предлагаемъ, можно найти у слѣдующихъ лицъ: Caratheodory, Das Stromgebietsrecht und die internationale Flussschiffahrt.—Calvo, Droit in-1, t. I (éd. 4).—Гр. Камаровскій, Обзоръ современной литературы по международному праву. С. XV.—Kamptz, Neue Literatur des Völkerrechts, § 172, §§ 183—197 (S. 206 ff, 214 ff).—Klüber, Acten des Wiener Congresses, III, S. 327—328.—Rob. Mohl, Geschichte der Staatswissenschaft, I, S. 433.—Otto Mühlbrecht, Wegweiser, 1893, S. 469, а по отдѣльнымъ вопросамъ въ нѣкоторыхъ соответствующихъ монографіяхъ (см. часть историческую, указатели литературы для Рейна и др. рѣкъ).

Andrews, The reciprocity and fishery treaty. Washington. 1862.—F. Acosta y Lara, Del dominio de las aguas. Revista de derecho y jurisprudencia, t. 3. 1889, p. 241.—Boer, De dominio gentium aquatico. Trajecti ad Rh. 1846.—H. Brunner, Flüsse въ Rechtslexicon'ѣ Фр. Гольцендорфа, Bd. I, S. 848—850.—Calvo, Dictionnaire de droit int—1 public et privé. T. I. 1885. 337—378 (Fleuves, rivières), 347 (Frontières fluviales), 383 (Iles) и др.—Caratheodory, Du droit in-1 concer-

¹⁾ См. Отзывъ В. Грабара въ Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія. 1891 г.

nant les grands cours d'eau. 1861.—Idem, Das Stromgebietsrecht und die internationale Flussschiffahrt (Im Holtzendorff'schen Handbuch des Völkerrechts. III Band, S. 277—406. Имберся, кажется, и отдельное издание).—Catellani, La navigazione fluviale e la questione del Danubio. Torino. 1884.—Idem, Le Colonie e la Conferenza di Berlino. Torino. 1885.—Cramer van der Bergh, Disputatio historica juris gentium, continens historiam novarum legum de fluminum communium navigatione. Lugduni Bat. 1835.—H. V. Cramer, Ueber den Einfluss und die Wichtigkeit der Schiffahrt auf den Strömen. Düsseldorf. 1818.—E. Criscuolo, La sovranità degli Stati sulle acque. Napoli. 1886.—De Cussy, Phases et Causes célèbres du droit maritime des nations, t. I, p. 140, t. II, p. 533.—I. Delavaud, Navigation et commerce sur les fleuves intaux, spécialement sur le Danube et le Congo. Rouen. 1885. Extrait du bulletin de la Société normande de Géographie. Cahier Nov.—Décem. 1884.—Denkschrift über die Bestimmungen welche rücksichtlich der schiffbaren Flüsse und Wasserstrassen im deutschen Reiche zu treffen sein werden. Francf. a. M. 1848.—Dussaud, Propriété des navires. Paris. 1877.—Engelhardt, Du régime conventionnel des fleuves internationaux. 1878. Paris.—Idem, La liberté de la navigation fluviale. Revue d. d. int-l. 1879, t. II, p. 363—381.—Idem, Histoire du droit fluvial conventionnel. Paris. 1889.—Idem, L'origine et la constitution des communautés fluviales conventionnelles. Revue d'histoire diplom. 1888, p. 497.—Idem, Le droit fluvial conventionnel et le traité de Londres de 1883. R. d. d. int. 1884, p. 360.—Idem, Discussion des derniers actes conventionnels relatifs au régime des fleuves in-aux. Revue d. d. int. 1881, p. 187.—Idem, Du principe de neutralité dans son application aux fleuves in-aux et aux canaux maritimes. Revue d. d. int. 1886, p. 159.—Idem, Lettre concernant la navigation des fleuves internationaux. Revue d. droit in-l, t. XVI, 1884.—Idem, Projet de convention sur la navigation des fleuves int-naux. Annuaire de l'Inst. d. d. int-l. 9-e année, 156—162. Revue de d. int-l, t. XIX, 1887, p. 253—257.—Idem, Note à l'appui de la rédaction de l'art. 1 de son projet de règlement.

Annuaire, 9-e année, 1888, p. 162—164.—Heim, Dissert. hist.-polit. de aquae superfluae in Flandria emmissione. Lugd. Bat. 1844.—Hieron de Monte Brixiano, Traité des bornes et des limites.—Hubbe, La discussion du projet de surveillance des cours d'eau dans l'empire d'Allemagne. Hambourg. 1848.—I. Imbart Latour, De la Pêche dans le droit in-1 actuel. Paris. 1885.—Institut de droit in-1, Projet de règlement in-1 de navigation fluviale, adopté à Heidelberg. Annuaire d. l'Inst. de droit. in-1, 1888, p. 182—188.—Idem, Extrait du procès verbal de la séance plénière tenue par l'Inst-t à Heidelberg, le 9 Septembre. Annuaire, 9 année. 1888, p. 166—182.—Kaltenborn, Schiffahrtsgesetze im Bluntschli's Staatswörterbuch, Bd. IX, 1865. S. 228.—Idem, Schiffahrtsveträge. II. Flussschiffahrt. S. 232—234.—Гр. Л. Камаровскій, Observations au sujet du projet de règlement sur les fleuves intaux. A. d. l'Inst. d. d. in-1, p. 164—166.—М. Капустинъ, Судоходство по международнымъ рѣкамъ (по поводу соч. А. Наумова). Русск. Вѣстникъ. Мартъ. Кн. 2, с. 97—101.—Ф. Маренсъ, Lettre au secrétaire général de l'Institut. Revue d. d. in-1, t. XV, 1883, p. 626.—Idem, Rapport sur le règlement in-1 de navigation fluviale. Bruxelles. 1885. Annuaire de l'Inst. d. d. in-1, an. VIII, 1886, p. 272—299.—Idem, Projet de règlement in-1 de navigation fluviale présenté à l'Institut. Revue d. d. int-1, an. XIX, 1887, p. 171—174.—Meyer, Flussschiffahrt, im Holtzendorff'schen Rechtslexicon (Encyclopädie der Rechtswissenschaft. 2 Theil), I, 595.—Idem, Fichereiordnungen, Rechtslexicon Гольцендорфа.—Melle, im Hotzendorff'schen Handbuch, Bd. III, § 54.—Al. Miruss, Das Seerecht und die Flussschiffahrt nach den preussischen Gesetzten. 1838—39 (2 B.).—Patrie du 25 Mars 1860, Assimilation complète des routes d'eau aux routes de terre.—Pézeril, Droit romain. Des eaux du domaine public à Rome. Droit international. Des navires de commerce français dans les eaux étrangères. Havre. 1889.—Pflizer, Flussbett, im Holtzendorff'schen Rechtslexicon. I, 847—848.—Pierantoni, I fiumi e la convenzione internaionale di Mannheim. Firenze. 1870.—Plocque, Des cours d'eau navigables et flottables. 3 v. Paris. 1873—79.—H. Rettich, Prisenrecht und

Flussschiffahrt. Hamb. 1892.—Ch. Jules Rousseau, Mémoire sur le droit des rivières. Salzbach. 1812.—Steck, Versuch über Handels—und Schiffahrtsverträge. Halle. 1782.—Teissier, De la condition des navires dans les rapports in-aux. Paris. 1886.—F. Ulrich, Staffeltarife und Wasserstassen. Berlin. 1894.—Ueber die Freiheit der Meere und Flüsse. Europens politischer Lage und Staatsinteresse. 1798. Heft VIII, Abh. I и Heft IX, Abh. I.—Weiske, Rechtslexicon, v. Wasserrecht, B. XIV, S. 86.—C. Vernesco, Des fleuves en droit int-al. Paris. 1882.—Woltmann, Beförderung der Flussschiffahrt.

Г л а в а II.

ВЕРХОВНЫЯ ПРАВА ГОСУДАРСТВА НАДЪ РЪКАМИ.

§ I. Верховныя права государства надъ территоріею вообще и надъ рѣчными водами въ частности.

Территорія есть одинъ изъ необходимыхъ элементовъ государства. Оставляя въ сторонѣ вопросъ о томъ, въ какомъ смыслѣ и какимъ образомъ возможно конструировать *права государства на его территорію* съ точки зрѣнія государственнаго права, нельзя не отмѣтить того, что гораздо большее теоретическое и практическое значеніе имѣетъ вопросъ о природѣ ихъ *съ международноправовой ихъ стороны*. Здѣсь онъ ставится уже не въ отношеніяхъ государства, отдѣльных лицъ и разныхъ внутреннегосударственныхъ соединеній, а главнымъ образомъ въ отношеніяхъ многихъ государствъ. Здѣсь мы имѣемъ дѣло съ такими крупными фактами, какъ потеря и приобрѣтеніе территоріи. Здѣсь наконецъ то или другое рѣшеніе его, при неустановившейся еще догмѣ, влечетъ за собой цѣлый рядъ послѣдствій въ пониманіи различныхъ институтовъ и частей ея. Въ частности мы совершенно не поймемъ юридическаго положенія рѣкъ, если не выяснимъ себѣ правильной точки зрѣнія на территоріальныя отношенія. Для насъ конечно нѣтъ надобности разсматривать ихъ во всѣхъ подробностяхъ, и достаточно установить верховныя права государства.

Все согласны съ тѣмъ, что каждое государство имѣетъ право на свою территорію. Это право покоится всегда на цѣломъ рядѣ международныхъ договоровъ и молчаливомъ признаніи народовъ. Но *каково это право?* Есть-ли оно отношеніе частнопредварительное или публичноправовое? Удовлетворительнаго отвѣта нѣтъ. Путаница, неясности и противорѣчія, вотъ что мы находимъ въ литературѣ. Господствующимъ однако можно считать конструированіе этого права, какъ права собственности государства на его территорію. Исключенія единичны ¹⁾. Но и эти исключенія не дали намъ цѣльной и убѣдительной теоріи ²⁾. Писатели, приверженцы публичнаго характера власти государства надъ территоріей, находятъ возможнымъ опредѣлять ее только какъ территоріальный суверенитетъ и на счетъ сущности ея болѣе не распространяются. Считается достаточнымъ и возможнымъ простое перенесеніе ученія о территоріи изъ права государственнаго въ международное. Если мы захотимъ найти правильный отвѣтъ, то должны строго *отличать начала, установленныя въ силу международного договора и обычая, отъ началъ внутреннегосударственнаго права*, которыя, поскольку они не противорѣчатъ международному праву, признаются и въ международной области за юридическія. Не все то, что считается правомъ въ международныхъ сношеніяхъ, есть непременно международное право;

¹⁾ Многія интересныя стороны международныхъ территоріальныхъ отношеній освѣщаетъ диссертация покойнаго В. А. Незабитовскаго, *Ученіе публицистовъ о междугосударственномъ владѣніи*. Собраніе сочиненій. Кіевъ. 1884 (с. 105—146).—Heimburger, *Erwerb der Gebietshoheit*. S. 25.

²⁾ Такъ Геймбургеръ, представившій одну изъ наиболѣе обстоятельныхъ схемъ, въ доказательство публичнаго характера права государства на территорію приводитъ только нижеслѣдующее разсужденіе: „Насколько государство, какъ лицо, отличается отъ всѣхъ лицъ частнаго права, а государственная власть по своему существу, въ самомъ основаніи отъ всѣхъ частнопредварительныхъ властей, настолько и понятіе территоріальной власти государства, не смотря на всю вѣшнюю аналогію, не имѣетъ ничего общаго по внутреннему своему содержанію съ частной собственностью“ (Ibd. S. 24). Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ, что понятіе территоріи, не смотря на ея новыя функціи въ международной жизни, должно быть одно и то же въ государственномъ и международномъ правѣ. (Ibd. S. 25).

болѣе того, не всѣ тѣ интересы, которые являются несомнѣнно международными, охраняются въ настоящее время нормами интернаціональнаго права, не говоря уже о томъ, что не всѣ они и не всегда носятъ юридическій характеръ. Четыре экскурса введенія вмѣстѣ съ тѣми замѣчаніями, которыя были сдѣланы въ предшествующей главѣ, помогутъ намъ, думается, не смѣшать разныхъ точекъ зрѣнія на одни и тѣ же явленія и особенно явленій разныхъ порядковъ.

Жизнь современнаго человѣчества развивается преимущественно въ предѣлахъ отдѣльныхъ государствъ и удовлетвореніе общественныхъ потребностей происходитъ преимущественно черезъ посредство дѣятельности послѣднихъ. Но раздѣленныя не морями и пустынями, но пограничными линіями, будучи лучшимъ выраженіемъ общественности для народовъ, образующихъ, благодаря одинаковому племенному, религіозному, культурному, политическому, экономическому прошлому, одно великое историческое цѣлое, цивилизованныя государства, передовые члены международнаго общенія, великія созданія жизни не только національной, но и интернаціональной, развиваютъ и общую жизнь, и общую дѣятельность. Опредѣливъ юридически наиболѣе важные интересы общіе всѣмъ, многимъ, нѣкоторымъ или только двумъ государствамъ, они изъемятъ ихъ изъ свободнаго распоряженія отдѣльныхъ державъ. Во всемъ же остальномъ представляютъ другъ другу полную свободу. Первый общій интересъ есть опредѣленіе границы между сосѣдними странами. Юридическая возможность для государства самостоятельно устраивать всѣ отношенія внутри предписаній международнаго права называется *правомъ суверенитета*. Наоборотъ, юридическая возможность сообщая съ другими державами распоряжаться интересами, опредѣленно признанными за общіе, есть *право международнаго общенія*. Фактическій съ точки зрѣнія государственнаго права суверенитетъ получаетъ въ международномъ правѣ признаніе и границы, становится юридическимъ понятіемъ.

Территоріальныя отношенія есть одинъ изъ видовъ международныхъ отношеній. Нѣкоторыя изъ нихъ считаются международными интересами. Другіе національными (вполнѣ или преимущественно). Право государства самостоятельно устраивать свои территоріальныя дѣла называется поэтому *территоріальнымъ суверенитетомъ*. Государство имѣетъ право самостоятельно

устраивать не только тѣ отношенія, которыя опредѣленно предоставлены на его волю, но и всѣ тѣ, происходящія внутри его границъ, которыя опредѣленно не изъяты въ пользу международнаго распоряженія. Сюда входитъ напр. право опредѣлять, есть-ли государственная территорія частноправовая собственность главы государства, короны или самого государства, или объектъ публичной дѣятельности государства, состоящій по частямъ въ частной собственности отдѣльныхъ физическихъ и юридическихъ лицъ, а въ томъ числѣ и самого государства. Порядокъ, установленный въ этомъ отношеніи тѣмъ или другимъ государствомъ, признается всѣми остальными. Въ международныхъ отношеніяхъ признаются не только начала, самостоятельно установленныя отдѣльными государствами, но и ихъ юридическія послѣдствія. Такъ, современное право объявляетъ незаконными въ средѣ цивилизованныхъ народовъ частнопроводимыя операціи съ государственной территоріей и это необходимое послѣдствіе того, что послѣдніе считаютъ свою территорію въ цѣломъ объектомъ публичной власти государства, а не гражданскаго права. Другое основное право государства на территорію составляетъ *право международнаго территориальнаго общенія*, образующееся изъ совокупности нормъ, опредѣляющихъ случаи, когда государство должно устраивать свои территориальныя отношенія непременно извѣстнымъ образомъ, при участіи всѣхъ, многихъ, или нѣкоторыхъ другихъ, а равно и тѣхъ, въ которыхъ оно имѣетъ извѣстныя права на территорію иностранныхъ державъ. Установить достойное равновѣсіе между обоими началами—задача данной эпохи и данныхъ государствъ, которыя и разрѣшаютъ ее по своему. Что касается перваго, то относительно него распространяться много не приходится, оно, повторяю, подразумевается всюду, гдѣ не дѣйствуетъ другое, право общенія. Здѣсь необходимо только установить территориальныя границы, внутри которыхъ государство вольно развивать его по своему усмотрѣнію. Только въ нѣкоторыхъ случаяхъ международное право особо подчеркиваетъ свободу государства въ томъ или другомъ отношеніи. Неизмѣримо важнѣе для интернаціоналиста право территориальнаго общенія или такъ называемыя «ограниченія» территориальнаго суверенитета. Они образуютъ почти все содержаніе нашей науки. Международное право занимается больше тѣмъ вопросомъ, когда территорія государства служитъ международнымъ потребно-

стямъ, чѣмъ тѣмъ, какъ самостоятельно распоряжается ею то или другое государство.

Территориальный суверенитетъ и территориальное общеніе— вотъ два верховныхъ права государства, признаваемые ими другъ за другомъ въ интересующемъ насъ вопросѣ. Публичный характеръ права общенія не подлежитъ сомнѣнію, но *какова юридическая природа суверенитета?* Не есть-ли это частноправовое начало? Быть можетъ, область примѣненія публичнаго международнаго права ограничивается принципомъ общенія, во всѣхъ же остальныхъ случаяхъ отношенія носятъ гражданскій характеръ? На этотъ вопросъ отвѣтимъ также вопросомъ. Можемъ-ли мы уподобить современное государство, самостоятельный дѣятель международной жизни, частноправовымъ компаниямъ, владѣющимъ земельными участками? Есть-ли государство юридическое лицо, преслѣдующее выгоды только даннаго состава гражданъ? Составляютъ-ли иностранцы и другія лица, публичными правами не обладающія, дозволенный, безправный объектъ эксплуатаціи со стороны послѣднихъ? Если мы будемъ имѣть въ виду государства нашихъ дней и сосредоточимъ вниманіе лишь на юридическихъ (а не фактическихъ) международныхъ отношеніяхъ, то конечно отвѣтъ можетъ быть только отрицательный. Каждое государство—звѣно публичной организаціи образованныхъ народовъ. Творцами международнаго права являются государства, вдохновляемые цѣлями международнаго благополучія. Полное развитіе жизни каждаго члена международнаго общенія, удовлетвореніе индивидуальныхъ и общественныхъ интересовъ его населенія въ высокой степени согласно съ общимъ международнымъ благомъ. Государство дѣйствуетъ во имя всего своего наличнаго постоянно колеблющагося населенія, подданныхъ и иностранцевъ (*subditi temporarii*). Передъ его закономъ, судомъ и управленіемъ всѣ въ частноправовомъ отношеніи равны. Государства и безъ указаній международнаго права преслѣдуютъ нерѣдко цѣли, выходящія за ихъ границы, цѣли интернаціональныя, такъ какъ интересы его населенія тѣсно связаны съ интересами другихъ народовъ. Государства признаютъ другъ за другомъ право суверенитета для того, чтобы освятить и облегчить общую работу на благо общее, причемъ на каждомъ изъ нихъ лежитъ прежде всего обязанность пецись о своихъ подданныхъ и вообще о той части человѣчества, которая на-

селятъ его территорію. Словомъ, государство и во внѣшней своей жизни такое же политическое и публичноправовое общество, какимъ оно является во внутреннемъ своемъ правѣ. Его отношенія должны поэтому въ принципѣ носить публичный характеръ. Въ отношеніяхъ къ другимъ государствамъ по поводу своей территоріи оно также преслѣдуетъ публичныя задачи такъ, какъ онѣ опредѣляются международнымъ правомъ.

Исходя изъ своихъ верховныхъ правъ, государства опредѣляютъ все публично-и частноправовыя отношенія въ предѣлахъ международнаго союза. На основаніи права суверенитета самостоятельно строится національное право. На основаніи права общенія создается по соглашенію международный порядокъ. Но такъ какъ интересы національныя и интернаціональныя обыкновенно тѣсно переплетаются между собой и постоянно переходятъ одни въ другіе, то международный договоръ и обычай должны постоянно отмѣчать тѣ изъ нихъ, которые представляются на полное усмотрѣніе отдѣльныхъ странъ, и такимъ образомъ начало суверенитета вводится, какъ дополнительный, ограничивающій принципъ въ международное право. И наоборотъ, въ національномъ правѣ мы не рѣдко встрѣчаемъ указанія на то, что извѣстнаго рода отношенія стоятъ внѣ распоряженія государственной власти. Всѣ остальные институты международнаго территоріальнаго права вытекаютъ изъ этихъ началъ, всѣ они становятся понятны только въ ихъ свѣтѣ и ни одинъ изъ нихъ не можетъ быть поставленъ на одну доску съ ними. Недостатокъ мѣста не позволяетъ намъ болѣе углубиться въ труднѣйшія проблемы публичноправовой и частноправовой конструкціи международныхъ территоріальныхъ отношеній.

Теперь намъ слѣдуетъ остановиться на томъ, какъ общее ученіе о территоріальномъ суверенитетѣ и территоріальномъ общеніи прилагается къ рѣкамъ. Мы постараемся выяснить, какова *природа той власти*, которую государство имѣетъ надъ своими *рѣками* и какъ далеко заходитъ на нихъ *международное общеніе*. Причемъ этотъ вопросъ надо будетъ заботливо отдѣлять отъ того, кто имѣетъ право пользоваться рѣками даннаго государства, именно, въ чемъ можетъ выразиться интернаціональное участіе въ эксплуатаціи рѣчныхъ водъ, а равно и отъ того, кому принадлежатъ рѣки въ частную собственность, или отъ вопросовъ права гражданскаго. Постараемся

также не забывать, что мы имѣемъ въ настоящее время въ виду только верховныя права государства и не будемъ приписывать къ изложенію различныхъ имѣющихъ меньшее значеніе институтовъ права международного управленія.

Не подчинены-ли рѣки, какъ открытое море, исключительно власти всѣхъ государствъ, выступающихъ сообща и по соглашенію между собою, власти международного общенія? Или, быть можетъ, по отношенію къ нимъ дѣйствуетъ безграничный суверенитетъ береговыхъ государствъ? *Рѣки*, орошающія известное государство, *входятъ всецѣло въ составъ его территоріи*, какъ одинъ изъ ея элементовъ. Онѣ служатъ въ общемъ ту же экономическую службу, какъ и вся территорія: даютъ пропитаніе всѣмъ лицамъ, временно и постоянно живущимъ въ государствѣ. Международное право также не выдѣлило ихъ изъ послѣдней, такъ какъ для этого нѣтъ никакихъ основаній. Ни въ одномъ договорѣ, устанавливавшемъ территоріальныя отношенія государствъ, общее положеніе рѣкъ не было опредѣлено какимъ-либо особомъ образомъ. Онѣ подлежатъ тому же праву территоріальнаго верховенства и общенія, какъ и остальные владѣнія государства. Рѣки образуютъ въ своей совокупности—рѣчное владѣніе государства, *Flussgebiet, Stromgebiet*. Верховнымъ правамъ его подчинены не только рѣки, но и текучая вода, какъ и все, такъ или иначе доступное человѣку, съ тѣмъ впрочемъ различіемъ, что рѣки подчинены имъ постоянно, тогда какъ вода только временно и условно, пока находится въ данныхъ предѣлахъ, не укатилась дальше. Мысль, что рѣки слѣдуютъ положенію территоріи, раздѣляется съ различными отгѣнками, согласно особенностямъ того или другаго автора, большинствомъ интернаціоналистовъ. Причемъ ученые, выступающіе за основной принципъ международного права суверенитетъ, толкуютъ объ исключительной власти государства надъ рѣками; сторонники общенія подчеркиваютъ взаимную зависимость ихъ между собою, а тѣ, которые не уяснили себѣ публичнаго характера современнаго междугосударственнаго права, говорятъ о правѣ собственности государства на рѣки; впрочемъ почти всѣ авторы мѣшаютъ публичноправовыя понятія съ частноправовыми, отношенія, покоющіяся на явномъ или скрытомъ соглашеніи народовъ, съ тѣми, которыя опредѣлены національнымъ закономъ или обычаемъ. Мы настолько ясно выставили нашу основную мысль о верховныхъ правахъ государства надъ его рѣками, что

позволимъ себѣ не разбирать уже ошибокъ и неясностей, въ которыя впадаютъ въ этомъ отношеніи отдѣльные авторы, но посмотримъ лучше на то, насколько ихъ теоріи подтверждаютъ защищаемое нами основное начало, что рѣка занимаетъ въ государствѣ то же положеніе, что и вся территорія. Всѣхъ писателей можно раздѣлить на 3 группы.

Одни изъ нихъ выставляютъ *общее начало относительно всѣхъ рѣкъ*, находящихся въ предѣлахъ данной страны. «Территорія государства», говоритъ Клюберъ, «состоитъ изъ земли и воды... Что касается послѣдней, то рѣчныя владѣнія (Flussgebiet) обнимаютъ всѣ рѣки, рѣчки, ручьи, каналы, даже пограничныя рѣки полностью или отчасти, если только граница не проведена по нашему берегу»¹⁾. «Независимость государства особенно проявляется въ свободномъ и исключительномъ отправленіи права воды, во всемъ его объемѣ, какъ на моряхъ, такъ и на рѣкахъ, рѣчкахъ, каналахъ, озерахъ и прудахъ. Это право ограничивается только тогда, когда государство отказывается отъ него вполне или отчасти, или обязывается допустить къ участию въ отправленіи его другое государство»²⁾. То же самое, хотя и болѣе кратко, выражаетъ старикъ Мартенсъ: «Озера, рѣчки, которыя окружены владѣніями государства, и острова, находящіяся на нихъ, принадлежатъ народу, господину территоріи, съ исключеніемъ всѣхъ иностранцевъ»³⁾. А изъ современныхъ—Блюнчли: «Рѣки, если онѣ текутъ внутри государства, входятъ въ составъ его территоріи; если же онѣ протекаютъ по границѣ между двумя государствами, то принадлежатъ по половинѣ обоимъ государствамъ»⁴⁾. Также Массе: «Рѣки и рѣчки судоходныя составляютъ собственность береговыхъ государствъ, которыя могутъ регулировать по взаимному соглашенію судоходство на нихъ такъ, какъ удобнѣе для ихъ безопасности и интересовъ»⁵⁾.

¹⁾ Klüber, 2 éd. par Ott, p. 179, § 129.

²⁾ Ibid., изд. 1874 г., § 76.—i, p. 166.

³⁾ 2 éd. Vergé, § 39, p. 134 s.

⁴⁾ Кодексъ, русск. пер. подъ ред. гр. Камаровскаго, § 311.—Ср., ibd., Введеніе, с. 33.

⁵⁾ Le droit commercial, t. I, № 110. О частноправовой конструкціи права государства надъ его рѣками см. уже Гроціѣ lib. II, cap. III. Т. I (éd. Prad.-Pod.), p. 430.—Ср. также Ривье, Учебникъ, русс. пер., с. 86.

Другая группа писателей, выставляя въ сущности то же самое начало, считаетъ однако должнымъ, какъ будто предчувствуя какое-то недоразумѣніе, говорить отдельно о рѣкахъ національныхъ и интернаціональныхъ. Таковъ Гарейсъ: «Тѣ воды, которыя вполнѣ окружены территоріей одного государства, подпадаютъ полностью и въ отношеніи всѣхъ видовъ ихъ пользованія территоріальному верховенству государства. Также и по отношенію къ такъ называемымъ международнымъ рѣкамъ и рѣчкамъ исключительное дѣйствіе территоріальнаго верховенства должно считаться исходнымъ пунктомъ юридической регламентаціи касающихся ихъ отношеній»¹⁾. Или еще характернѣе проф. Ф. Мартенсъ: «Въ наукѣ международного права вполнѣ справедливо проводится различіе между рѣками, протекающими по территоріи одного государства, и тѣми, которыя протекають по территоріальнымъ владѣніямъ разныхъ государствъ. Относительно первыхъ всѣ согласны, что онѣ на всемъ своемъ протяженіи, отъ истоковъ и до устьевъ, подчиняются исключительно власти того государства, на территоріи котораго находятся, Что касается вторыхъ, то *stricto jure* каждое изъ государствъ, по владѣніямъ которыхъ протекаетъ одна и та же рѣка, вольно распоряжаться принадлежащей ему частью ея по своему усмотрѣнію.»²⁾ Вообще эта группа также довольно обширна. Приведу еще мнѣніе Прадье-Фодере: «Рѣки и рѣчки, судоходныя и текуція среди владѣній одного государства, принадлежатъ ему, внѣ всякаго сомнѣнія, и подчинены его исключительной юрисдикціи. То же самое правило имѣетъ силу и тогда, когда устье и источникъ рѣкъ находится внѣ даннаго государства»³⁾. «Рѣки, которыя протекають по границѣ двухъ государствъ,... принадлежатъ въ извѣстныхъ частяхъ каждому изъ нихъ, если только черезъ первое занятіе, покупку или другой дѣйствительный и законный титулъ одно государство не приобрѣло исключительнаго и привилегированнаго обладанія»⁴⁾.

Наконецъ *нѣкоторые* ученые находятъ возможнымъ поддерживать указанное воззрѣніе *только относительно рѣкъ на-*

¹⁾ Gareis, Institutionen, S. 68.

²⁾ Международное право, изд. 2, т. I, с. 381.

³⁾ Примѣч. къ § VII, ch. III, liv. II, p. 437, Гуго Гроція.

⁴⁾ Traité de droit in-l public, §§ 690, 682 и 616.

ціональныхъ. Между послѣдними выдѣляется прежде всего такой авторитетъ рѣчнаго права, какъ Каратеодори:¹⁾ «Территоріальное верховенство государства простирается на протекающія внутри ихъ рѣки до ихъ устья». Затѣмъ, пожалуй, Кальво: «Если рѣка расположена цѣликомъ на территоріи одного и того же государства, она разсматривается, какъ находящаяся подъ исключительнымъ суверенитетомъ этого государства, которое одно въ такомъ случаѣ имѣетъ власть и возможность регламентировать на ней судоходство»²⁾. Изъ болѣе старыхъ можно назвать Витона, который то же самое выражаетъ слѣдующимъ образомъ: «Территорія государства заключаетъ въ себѣ озера, моря и рѣки, полностью находящіяся въ его границахъ. Рѣки, которыя текутъ по территоріи одного государства, составляетъ часть его территоріи»³⁾. Съ воззрѣніями послѣднихъ авторовъ на рѣки интернаціональныя мы познакомимся въ слѣдующемъ параграфѣ. Мы убѣдимся тамъ, что строить различно юридическое положеніе національныхъ и интернаціональныхъ рѣкъ только въ виду ихъ различнаго географическаго положенія, нѣтъ основанія; по меньшей мѣрѣ, убѣдимся въ томъ, что теоріи, гласящія противное, истинности своихъ положеній вовсе не доказали.

Изъ всего сказаннаго можетъ быть сдѣланъ только одинъ выводъ: *рѣки, по крайней мѣрѣ національныя, приравниваются современной теоріей по своему основному положенію къ территоріи государства вообще.* Верховныя права государства на рѣки распространяются до того мѣста, гдѣ воды ихъ покидаютъ твердую землю и смѣшиваются съ морскими волнами. Во всякомъ случаѣ, устья рѣкъ, хотя и подчиняются въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ дѣйствию морскаго права, составляютъ въ отношеніи правъ верховенства составную часть рѣки⁴⁾. Таково публичноправовое положеніе рѣкъ. Что же касается мѣста ихъ въ гражданскомъ правѣ, то съ этимъ мы познакомимся въ слѣдующей главѣ.

¹⁾ Нѣм. раб., S. 303.

²⁾ Calvo, Droit in-1, T. I (4 éd.), p. 463.

³⁾ Elements, т. I, § 11, p. 180.

⁴⁾ Bar, Theorie und Praxis des int-1en Privatrechts. 2 изд. 1889. S. 619: „Vorgänge die sich in Flussmündungen in wirklich territorialen Gewässern, in Hafen ereignen, kann man ohne Bedenken dem territorialen Rechte unterwerfen“.

Установивъ общій принципъ относительно публичноправоваго положенія рѣкъ въ средѣ современныхъ государствъ, спросимъ же себя, *въ какихъ случаяхъ* на практикѣ дѣйствуетъ на нихъ *начало самостоятельности, въ какихъ взаимной зависимости, общенія?* Каждое государство вольно распоряжаться всѣми дѣлами внутри своихъ территориальныхъ границъ не только въ тѣхъ случаяхъ, когда это предоставлено ему опредѣленной нормой международнаго права, но и во всѣхъ тѣхъ, относительно которыхъ опредѣленно не постановлено вмѣшательства постороннихъ государствъ. Послѣднее имѣетъ мѣсто въ пользу тѣхъ государствъ, и только для тѣхъ, за которыми въ силу явнаго или молчаливаго соглашенія народовъ, въ силу договора или обычая признапы извѣстные интересы въ предѣлахъ чужаго государства. Въ чемъ состоятъ права иностранныхъ государствъ, опредѣляетъ договоръ и обычай. Иностранное государство имѣетъ право вмѣшательства въ рѣчныя отношенія данной страны не только тогда, когда оно само получаетъ извѣстныя публичныя права, но и тогда, когда нѣчто уступлено въ пользу его подданныхъ, занимающихъ извѣстное частноправовое положеніе на нихъ. Въ своихъ границъ государство имѣетъ только ту власть, которая предоставлена ему международнымъ правомъ, а равно и ту, которую оно можетъ распространять на своихъ подданныхъ, не нарушая этимъ законовъ того государства, гдѣ послѣдніе пребываютъ.

Далѣе, помимо опредѣленной нормы мы можемъ говорить только о международныхъ интересахъ, о нравственныхъ обязанностяхъ, но никакъ не объ юридическихъ отношеніяхъ. Такова единственная постановка вопроса, не порывающая съ ученіемъ о правѣ, какъ системѣ положительныхъ началъ. Попытки разрѣшить его иначе приводятъ къ *смѣшенію права съ общественною нравственностью; даже съ теоретическими построеніями отдѣльныхъ авторовъ*¹⁾. Прадье-Фодере говоритъ: «Государство... можетъ закрывать или открывать доступъ на свои рѣчныя воды, сообразно своимъ воззрѣніямъ или интересамъ, для тѣхъ флаговъ, которые плаваютъ ниже верховьевъ или выше устьевъ, принадлежащихъ ему, и подчинять ихъ своимъ

¹⁾ Гроцій, I. II, с. III, § VII, прим., t. I, 437 (1867).

таможеннымъ правиламъ. Иностранцы могутъ изъявлять претензіи на право свободнаго рѣчнаго судоходства только въ такомъ случаѣ, если оно имъ было уступлено даромъ или подъ извѣстнымъ условіемъ въ силу трактата» (и обычая? и закона?). Если мы добавимъ, что въ силу дѣйствующихъ трактатовъ и обычаевъ всѣ цивилизованныя государства дѣйствительно ограничили въ той или другой степени свою самостоятельность, что касается тѣхъ или другихъ рѣчныхъ отношеній, то вѣрно изобразимъ современный намъ порядокъ вещей, по крайней мѣрѣ, что касается права судоходства. Наоборотъ, Гефтеръ, не остановившись на одномъ какомъ-либо опредѣленномъ воззрѣніи на право, при рѣшеніи подобнаго же вопроса впадаетъ въ смѣшеніе разныхъ понятій и въ противорѣчіе съ самимъ собою. Вотъ его слова: «Каждое государство можетъ извлекать всѣ выгоды для себя и для своихъ подданныхъ изъ своихъ рѣкъ (von seinem Stromgebiete)... и исключать изъ этого всѣ остальные націи.... Только въ такомъ случаѣ, если рѣка (Fluss) составляетъ необходимое для самаго существованія другаго народа (für die Subsistenz) средство сообщенія, она не должна быть совершенно закрыта для послѣдняго и на рѣкахъ судоходныхъ должно быть признаваемо за всѣми право невиннаго пользованія (ein unschädlicher Mitgebrauch) въ цѣляхъ сношенія съ другими дружественными государствами». Итакъ, съ одной стороны исключительное пользованіе рѣками со стороны государства и его подданныхъ, съ другой сопользованіе другихъ народовъ; съ одной стороны абсолютная свобода распоряженія, съ другой стоящая выше государства категорическія требованія права. Какъ примирить это, неизвѣстно. Еще болѣе яркій образчикъ того, къ какимъ противорѣчіямъ и неясностямъ приводитъ насъ смѣшеніе разныхъ точекъ зрѣнія и разныхъ понятій, даетъ намъ Фиоре¹⁾. «Рѣка», говоритъ онъ, «можетъ быть рассматриваема, какъ средство сообщенія для отдаленныхъ народовъ: она можетъ служить судоходству и предназначена поэтому на общую пользу народовъ. Такъ какъ право національной собственности подчинено интересамъ человѣчества, которымъ оно не должно ни въ какомъ случаѣ вредить, то хотя нація, территорія которой пересѣкается рѣкою, и можетъ извлекать изъ нея исключи-

¹⁾ Nouveau droit... 1868, t. I, p. 356 s.

тельно для себя всякія выгоды, она не можетъ закрыть пользованія ею для другихъ націй, если не терпитъ черезъ это никакихъ ущербовъ... Нація не можетъ запретить другой націи невинное пользованіе вещами, назначенными для общаго блага.... Конечно, право невиннаго пользованія не есть совершенное право и государство, собственникъ, должно само рѣшать, можетъ или нѣтъ вредить ему то пользованіе, которое хотятъ дѣлать изъ принадлежащихъ ему вещей; но, если оно дѣйствительно безвредно, нація, запрещающая его, нарушила бы лежащая на ней обязанности гуманности и общественности. Въ силу этого принципа государство можетъ отправлять надзоръ и полицію, именно въ видахъ регулированія рѣчнаго судоходства. Оно можетъ также при помощи соответствующихъ регламентовъ согласовать интересы своей безопасности съ правомъ другихъ народовъ пользоваться рѣкою, какъ средствомъ сообщенія... Право этого пользованія основывается на естественномъ правѣ (*sur la loi naturelle elle-même*). Право судоходства по рѣкамъ регулируется обыкновенно трактатами, при помощи которыхъ тотъ, который имѣетъ на него право, можетъ или отказаться отъ него, или регулировать пользованіе имъ». Итакъ, рѣки служатъ прежде всего всему человѣчеству, но территориальное государство можетъ извлекать изъ нихъ всѣ выгоды исключительно для себя, хотя невинное пользованіе все-таки открыто для всѣхъ, подъ условіемъ, что это предоставлено на волю территориальнаго государства, причемъ однако всѣмъ пародамъ принадлежатъ право пользоваться рѣкою, какъ средствомъ сообщенія etc. etc. Главная причина этой путаницы въ томъ, что Фіоре смѣшалъ въ одно юридическія отношенія съ требованіями общественности и гуманности, положительное право съ естественнымъ. Впрочемъ распутывать этотъ пассажъ было бы слишкомъ долго и безцѣльно и мы предпочитаемъ идти дальше. Мы должны перейти къ разсмотрѣнію того, какъ общее ученіе о междугосударственномъ положеніи рѣкъ примѣняется въ частности на рѣкахъ интернаціональныхъ.

§ 3. Рѣки международныя.

Въ предшествующемъ параграфѣ было установлено съ полною очевидностью, думается намъ, что рѣки занимаютъ то

же основное положеніе въ международныхъ отношеніяхъ, какъ и государственная территория въ ея цѣломъ. Можно было бы предположить, что и рѣки, орошающія нѣсколько государствъ, или вѣрнѣе *части интернаціональныхъ рѣкъ*, находящіяся въ предѣлахъ отдѣльныхъ странъ, не составляютъ въ этомъ отношеніи исключенія. Таково на самомъ дѣлѣ мнѣніе большинства ученыхъ, начиная съ первыхъ изслѣдователей права народовъ. Любопытную теорію, хотя и имѣющую главнымъ образомъ историческое значеніе, представляетъ на сей счетъ *Гуго Гроцій*. Послѣ того какъ родъ человѣческой пересталъ сходиться на общія собранія, разсуждалъ Гроцій, единственнымъ средствомъ приобрѣтать вещи остался захватъ ихъ. «Рѣками же можно завладѣть при помощи оккупации, даже въ томъ случаѣ, если ни ихъ источникъ, ни ихъ устье не заключаются въ извѣстной территоріи и даже если завладѣли только частью послѣдней вдоль воды, текущей сверху, или уходящей внизъ, къ морю. На самомъ дѣлѣ, для этого достаточно, чтобы большая часть рѣки, именно боковыя ея полосы, была заграждена съ береговъ и чтобы по сравненію съ территоріей рѣка представляла собой весьма небольшую поверхность»¹⁾. Итакъ, полное тождество въ положеніи рѣкъ національныхъ и интернаціональныхъ, пограничныхъ. Интересно сопоставить съ этими строками сл. *отрывокъ изъ Ваттеля*. «Когда нація захватываетъ страну, граничащую съ рѣкой, считается, что она приобрѣла и эту рѣку, т. к. рѣка весьма полезный предметъ». Чѣмъ уже рѣка, тѣмъ большую часть ширины ея, если не всю, захватилъ, предполагается, первый оккупантъ. Судходство и рыбная ловля подтверждаютъ это предположеніе. Если нельзя доказать, какой народъ пришелъ первымъ на берега рѣки, то «владычество того и другаго простирается до середины ея. Если съ незапамятныхъ временъ народъ безпрепятственно отправляетъ суверенныя права надъ рѣкой, которая служитъ ему границей, никто не можетъ оспаривать его власти. Наконецъ, если трактаты опредѣляютъ что-нибудь иное по этому вопросу, надо ихъ соблюдать». Такимъ образомъ и у него нѣтъ ни малѣйшаго намека на то, что рѣки интерна-

¹⁾ De jure belli ac pacis, I. II, ch. III, § VII, пер. Фодере, стр. 436—437.

ціональныя должны занимать другое положеніе, чѣмъ національныя.

Перейдемъ однако къ *новѣйшимъ писателямъ* и назовемъ изъ нихъ тѣхъ, съ которыми мы еще не встрѣчались. Вотъ слова Е. Майера: «Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что на тѣхъ рѣкахъ, которыя общи нѣсколькимъ государствамъ, законодательство и полиція относительно судоходства принадлежатъ, согласно протяженію береговыхъ владѣній, публичной власти каждаго государства, такъ какъ рѣки подчинены территоріальной власти того государства, черезъ которое онѣ протекаютъ, онѣ текучая часть земли.... Естественная связь судоходныхъ рѣкъ съ моремъ во многихъ отношеніяхъ дѣлаетъ болѣе умѣренной исключительную территоріальную власть, именно въ виду общихъ сношеній между народами. Суверенитетъ каждаго отдѣльнаго государства различнымъ образомъ ограничивается черезъ посредство международныхъ договоровъ» ¹⁾. Это мнѣніе подтверждаетъ своимъ авторитетомъ Институтъ международного права, постановившій въ 28 ст. своего регламента: «Каждое береговое государство сохраняетъ свои суверенныя права на части международныхъ рѣкъ, подчиненныя его суверенитету, въ границахъ, установленныхъ постановленіями этого регламента и трактатами или конвенціями». Нѣкоторые авторы выражаются особенно энергично. Таковъ Гооль: «Если государство открываетъ себѣ силу путь къ морю на томъ основаніи, что оно имѣетъ право на это, какъ береговое государство, оно совершаетъ преступленіе противъ собственности сосѣда, которое можетъ быть, а можетъ и не быть оправдано съ нравственной стороны: во всякомъ случаѣ, оно нарушаетъ законъ такъ же ясно, какъ тотъ, кто прокладываетъ дорогу черезъ поле сосѣда для того, чтобы открыть себѣ доступъ къ большой дорогѣ» ²⁾. Также точно рассуждаетъ Филлиморе и др., которыхъ не упоминаю, чтобы не загромождать изложенія ³⁾. Всѣмъ этимъ мы хотимъ показать, что большинство

¹⁾ Ernst Meier, Encyclopädie der Rechtswissenschaft Fr. Holtzendorff's, Rechtslexicon, art., Flussschiffahrt.

²⁾ International law, p. 109.

³⁾ Phillimore. Commentaries upon int-l law, Pt. III, ch. V.—Pézeril (ibid., ch. I, p. 137): „Les Etats riverains conservent sur la partie des fleuves int-aux... un droit de souveraineté absolue“ etc.

авторовъ не дѣлаетъ различія между рѣками по ихъ географическому положенію.

Однако, *многіе* съ этимъ воззрѣніемъ несогласны и *предполагаютъ*, что *рѣка* интернаціональная есть *общее достояніе* или *обладаніе*, или *общая собственность прибрежныхъ государствъ*. Выраженія эти представляются имъ весьма неясно и почти каждый изъ приверженцевъ этого ученія варьируетъ его болѣе или менѣе значительно. Во всякомъ случаѣ при этомъ имѣются въ виду только рѣки судоходныя и никакія другія. Онѣ должны быть кромѣ того въ прямомъ сообщеніи съ моремъ. Начнемъ съ автора лучшихъ работъ по вопросу г. Энгельгардта. Статья 1 его 2 проекта (т. е. представленнаго Институту) гласитъ: «Всякая рѣка, которал разграничиваетъ или пересѣкаетъ нѣсколько государствъ, будетъ разсматриваться и должна быть регулирована, что касается судоходства, какъ общее достояніе этихъ государствъ (*un domaine commun à ses États*», а ст. 4 добавляетъ: «Въ составъ общаго достоянія входятъ всѣ верхнія судоходныя развѣтвленія рѣки, а равно берега (что касается ихъ пользованія) и всѣ порты рѣки» ¹⁾). Во второмъ трудѣ Каратеодори та же мысль выражена еще болѣе опредѣлительно: «Если рѣка служитъ границей одному (?) или многимъ государствамъ, то она образуетъ ихъ общую собственность, взаимное пользованіе которою не должно встрѣчать помѣхъ» ²⁾. Въ такомъ смыслѣ и даже тѣми же словами трактуетъ этотъ вопросъ и Кальво: «Когда рѣка образуетъ границу одного (?) или нѣсколькихъ государствъ, она составляетъ ихъ общую собственность, если только черезъ первоначальную оккупацию, покупку, уступку или другой дѣйствительный титулъ одно изъ нихъ не приобрѣло исключительныхъ правъ на нее». Мимоходомъ можно упомянуть и г. Крискуоло: «Если рѣка служитъ границей одному (?) или нѣсколькимъ государствамъ, собственность на нее считается общей и суверенныя права должны отправляться сообща и по соглашенію между сосѣдями, за исключеніемъ только исключительнаго обладанія рѣкою однимъ изъ нихъ въ силу какаго либо особаго и законнаго права» ³⁾. Приведенныя мѣста Кальво и Крис-

¹⁾ Ann. d. d. in-1, 9 année, p. 156.

²⁾ Нѣм. раб., S. 303.

³⁾ La sovranità degli Stati sulle acque, p. 64, § 37.

було даютъ намъ любопытный примѣръ тѣхъ буквальныхъ и нерѣдко необдуманыхъ заимствованій, которыя дѣлаются другъ у друга авторами, изучавшими рѣчное право ¹⁾. Подобныхъ же воззрѣній придерживаются и другія лица, Витонъ, напримѣръ, Оппенгеймъ и т. д. Последній увѣренъ, что по постановленіямъ Вѣнскаго конгресса «должна вся рѣка съ того мѣста, гдѣ она становится судоходной, до ея устья равно считаться общей собственностью (*gemeinsames Eigenthum*) всѣхъ расположенныхъ на ея берегахъ государствъ» ²⁾. Самая скромная, если такъ можно выразиться, изъ подобныхъ теорій принадлежитъ Прадье-Фодере. Онъ говоритъ, что «хотя и не можетъ быть рѣчи о правѣ естественной собственности, принадлежащей государствамъ, территорія которыхъ прорѣзана одною и тою же рѣкой», но «трактаты могутъ установить родъ договорной общности» ³⁾. Формулируя свою мысль такими словами, онъ смягчаетъ болѣе, чѣмъ это-либо другой, ученіе объ общей принадлежности международныхъ рѣкъ береговымъ государствамъ и изображаетъ положеніе дѣла почти совершенно такъ, какъ оно обстоитъ въ дѣйствительности.

Прежде чѣмъ разбирать эту теорію, отмѣтимъ, что она была поставлена у нѣкоторыхъ писателей на болѣе широкое основаніе: *рѣки объявлялись общими достояніемъ всѣхъ народовъ*. Такъ, Пуфендорфъ рассказываетъ, что одинъ изъ его современниковъ писалъ: «Большія дороги принадлежатъ сообща всему роду человѣческому, а не тѣмъ только, территорію которыхъ онѣ пересекаютъ: самъ Богъ начерталъ при сотвореніи міра и предназначилъ для пользованія всѣхъ вообще человѣковъ это безчисленное количество многоядныхъ путей» ⁴⁾. Въ настоящее время подобныя мысли мы встрѣча-

¹⁾ Ср. Нейманъ, § 52. *Vom Flussgebiete*, S. 51—52. Мысль этого автора выражена очень не ясно.

²⁾ *System*, VII, 12, S. 147. — Витонъ, *Elements du droit des gens*, p. 182—183. — *Histoire*, T. 2, p. 184—188.

³⁾ *Traité*, § 701.

⁴⁾ Кн. III. гл. III, § V, *De jure naturae et gentium*, 5 изд., пер. Барбейрака, 1759 г., с. 365. — Hertius цитируетъ здѣсь трактатъ *Adr. Beieri, An et quatenus transitus pro exercitu per territorium alterius postulari et denegari possit.* — О принадлежности рѣкъ въ общую собственность см. *Villaume, Versuch über die Flüsse*, 1822. S. 6.

емъ у Каратеодори, Кальво, Крискуоло и нѣкоторыхъ другихъ. Не будемъ уличать этихъ авторовъ въ противорѣчїи выставляемыхъ ими отдѣльныхъ научныхъ положенїй (см. выше теорїю собственности береговыхъ государствъ на международныя рѣки), но просто отмѣтимъ наиболее характерныя мѣста. Кальво: «Нѣтъ никакого препятствїя уподоблять рѣки морю» ¹⁾. Крискуоло: «Ни одно изъ прибрежныхъ государствъ не должно считать себя господиномъ этихъ водъ, которыя по природѣ должны оставаться общими для всѣхъ народовъ міра, именно, какъ это мы видимъ относительно морей, за исключенїемъ конечно, специальныхъ правъ, протекающихъ изъ сосѣдства съ этими рѣчными дорогами» ²⁾. Эта теорїя признаетъ за береговыми государствами только тѣ права, которыя вытекаютъ изъ ихъ непосредственнаго сосѣдства съ рѣкою ³⁾. Такъ, Каратеодори, отвергнувъ собственность (и суверенитетъ) береговаго государства на часть рѣки, орошающую его территорїю, а равно собственность береговыхъ государствъ на общую имъ рѣку, приходитъ къ выводу, что береговыя государства имѣютъ только тѣ права, которыя вытекаютъ изъ ихъ непосредственнаго сосѣдства съ рѣкою. То же самое, думаетъ онъ, относится и къ національнымъ рѣкамъ ⁴⁾. Всего интереснѣе выражены эти мысли у г. Наумова ⁵⁾: «Основываясь на невинномъ пользованїи предметами неистощимыми, международный союзъ вынимаетъ судоходныя рѣки изъ частнаго владѣнїя и беретъ ихъ себѣ, дозволяя своимъ членамъ безвредное пользованїе этими рѣками для судоходства. Иначе объяснить свободное судоходство намъ кажется невозможнымъ». Послѣднія слова г. Наумова показываютъ намъ цѣль, ради которой международныя рѣки были «выпущены изъ частнаго владѣнїя отдѣльныхъ государствъ». Посмотримъ же, какого рода доводы приводятся современными авторами въ пользу подобнаго построенїя международноправоваго положенїя судоходныхъ рѣкъ. Обѣ указанныя теорїи образуютъ въ сущности одну и ту же теорїю, отрицающую за отдѣльными береговыми государствами всякую

¹⁾ Le droit int-l, T. I, № 302, 4 éd., 1887.

²⁾ Ibid., p. 62.

³⁾ Calvo, ibd., p. 435.

⁴⁾ Фр. раб., p. 34 s.

⁵⁾ Шельда, с. 19.

самостоятельность по отношенію къ интернаціональнымъ рѣкамъ. Поэтому мы можемъ разбирать ихъ одновременно,

Желая обезпечить дороге ихъ сердцу *интересы международнаго пользованія рѣками*, современные писатели прибегаютъ къ самымъ искусственнымъ соображеніямъ и построеніямъ, впадаютъ обыкновенно въ невозможную путаницу и противорѣчія сами съ собою. Одинъ изъ наиболѣе характерныхъ примѣровъ представляетъ намъ г. Вернеско. Въ полной увѣренности, что права государства на рѣки допускаютъ только частнопрововую конструкцію и принявъ за исходный пунктъ мысль, что рѣки считаются собственностью государства только потому, что вообразили себѣ, будто онѣ принадлежатъ территоріи, рассуждаетъ онъ далѣе слѣдующимъ образомъ: Земля «не можетъ отказаться нести рѣку и служить ей ложемъ и берегами. Поэтому надо считать скорѣе землю принадлежностью рѣки, чѣмъ наоборотъ». Невѣрно также говорить, что рѣка, подобно озеру, окружена территоріей, заключена въ территорію, которую она, собственно, только пересѣкаетъ, чтобы влиться въ море. Значитъ рѣка никакъ не можетъ раздѣлять части территоріи, которая есть собственность государства. Далѣе море такъ же, какъ и рѣка, лежитъ на землѣ и окружено материками. Слѣдовало бы въ такомъ случаѣ и его считать способнымъ принадлежать въ собственность... Однако на это никто не согласится. «Великое и постоянное движеніе рѣкъ дѣлаетъ невозможными тѣ акты, которые только и образуютъ дѣйствительныя прерогативы, реальныя привилегіи собственника». Рѣки, въ представленіи Вернеско, подобны морю, которое можетъ быть занято только временно, на которомъ занятіе не оставляетъ видимыхъ слѣдовъ и къ которому не можетъ приложиться работа человѣка. Собственность на рѣки тѣмъ болѣе недопустима, что «по волѣ Провидѣнія, онѣ являются необходимымъ элементомъ для развитія народовъ, прогресса цивилизаціи и потому еще, что онѣ образуютъ естественное средство сообщенія, доступное для всѣхъ». «Свободы рѣкъ требуютъ современное положеніе и нужды народовъ, различія и взаимное равенство государствъ». «Только подъ тѣмъ условіемъ, что рѣки будутъ вполне свободны, могутъ онѣ выполнять свое назначеніе: сближать народы, способствовать сношеніямъ между ними и такимъ образомъ могущественно содѣйствовать развитію цивилизаціи и прогресса». Принципъ собственности есть «главная причина

неудовлетворительнаго положенія, созданнаго для торговли и судоходства на рѣкахъ». «По естественному праву... рѣки не должны никому принадлежать. Отнесенныя въ классъ *res communes*, эти великіе пути сообщенія... должны оставаться свободными и открытыми всѣмъ народамъ». Въ другомъ мѣстѣ ¹⁾ Вернеско нападаетъ на то, что Конвентъ призналъ международныя рѣки общею собственностью береговыхъ государствъ «*au lieu de proclamer les fleuves biens communs à tous*». «Но», неожиданно переходитъ этотъ авторъ въ другой тонъ, «положительный законъ..... признаетъ ихъ принадлежащими прибрежнымъ государствамъ. Отсюда вытекаетъ, что иностранцы не имѣютъ ни права доступа на рѣки, ни права пользованія ими, за исключеніемъ случаевъ дозволенія со стороны собственника, или особаго договора съ нимъ» ²⁾. Наконецъ еще въ одномъ мѣстѣ онъ считаетъ возможнымъ признать нѣкоторые права за береговыми государствами даже на основаніи соображеній естественнаго права. «Теорія равенства народовъ смягчается, скажемъ даже, уничтожается въ извѣстной степени новымъ принципомъ, который также вытекаетъ изъ естественнаго права, принципомъ самосохраненія... Прибрежное государство можетъ поэтому издавать регламенты (?) на всемъ теченіи рѣки и употреблять публичную силу для приведенія ихъ въ исполненіе. Такимъ образомъ рѣки.... подчинены нѣкоторому праву суверенитета со стороны той страны, которую онѣ орошаютъ. Но.... это право суверенитета не абсолютно... постановленія регламентовъ законны только постольку, поскольку они оправдываются правомъ самосохраненія или назначены обезпечивать свободу рѣчнаго судоходства». Скажите на милость, что можно возразить на ученіе автора, у котораго всѣ понятія перепутались? Чего только не приплетаетъ онъ, чтобы доказать, что рѣки *res omnium communes*! Сколько противорѣчій заключается въ немногихъ строкахъ! Какое несчастіе, что Вернеско одинъ изъ многихъ, столь же неудачно подвизающихся на попрѣцѣ международнаго права. Не смотря на всѣ старанія, онъ не доказалъ ни того, что рѣки не могутъ быть объектомъ собственности, ни того, что право собственности на рѣки, кому бы оно

¹⁾ *Ibid.*, p. 183—184.

²⁾ *Des fleuves en droit in-1*, p. V ss., p. 148.

ни принадлежало, не можетъ уживаться съ общественнымъ пользованіемъ ими, ни того конечно, что государству принадлежитъ въ силу положительнаго закона особая международноправовая собственность на нихъ.

Теперь спрашивается, *какимъ образомъ могли возникнуть теоріи, отрицающія верховныя права береговаго государства на части интернаціональныхъ рѣкъ, орошающія его территорию?* Частноправовая конструкция междугосударственныхъ рѣчныхъ отношеній, которая лежитъ въ ихъ основаніи, объясняется конечно общимъ пониманіемъ права государства на территорию, какъ гражданскаго права. Что же касается распространенія права собственности или обладанія на береговья или даже на всѣ остальные страны, то здѣсь, вопервыхъ, отразилось убѣжденіе лицъ, специально изучавшихъ предметъ (а равно и ихъ послѣдователей) въ томъ, что рядомъ съ началомъ взаимной независимости государствъ, столь рѣзко подчеркиваемомъ нѣкоторыми авторами, дѣйствуетъ и другое, начало взаимной зависимости ихъ, рядомъ съ пользованіемъ національнымъ—пользованіе интернаціональное, а вовторыхъ, совершенно превратное признаваемое почти безъ исключенія въ современной догмѣ положеніе, что единственнымъ субъектомъ международнаго права является государство. Всѣ международныя отношенія, увѣряютъ насъ, суть отношенія междугосударственныя, Всѣ права въ международной жизни принадлежатъ государству. Причемъ тѣ, которые думаютъ, что рѣка вообще можетъ быть объектомъ собственности, выдвигаютъ теорію сособственности, а тѣ, которые признаютъ ученіе современнаго гражданскаго права о томъ, что вещи, находящіяся въ общественномъ пользованіи, въ собственности состоятъ не могутъ и составляютъ особый институтъ общественнаго обладанія, отрицаютъ собственность и сособственность и защищаютъ международное обладаніе судоходными рѣчками. Лица, которые думаютъ, что международное пользованіе рѣчками ограничивается подданными береговыхъ государствъ, толкуютъ о принадлежності рѣкъ береговымъ государствамъ. Наоборотъ, защищающія полную свободу международнаго судоходства, выставляютъ впередъ международный союзъ и даже «всѣ» государства. Причиной этихъ причинъ является конечно неудовлетворительная обработка національнаго рѣчнаго права, отсутствіе общепризнаваемаго ученія о немъ (что и побудило насъ посвяти-

титъ ему особый экскурсъ введенія въ этотъ трактатъ) и въ особенности крайняя сложность международныхъ рѣчныхъ отношеній. Нѣтъ ничего удивительнаго, что въ нихъ запутались даже сравнительно сильные умы. Но если мы уяснили себѣ, что государства имѣютъ публичноправовую, а не частноправовую власть надъ территоріей, что рядомъ съ государствомъ, публичноправовымъ лицомъ, выступаетъ въ международной жизни и отдѣльное физическое лицо, субъектъ гражданскаго права, если мы признаемъ тѣ институты современнаго національнаго публичнаго и гражданскаго права, которые были установлены нами выше, то съумѣемъ различить на рѣкахъ публичныя права суверенитета и общенія государствъ, международноправовое пользованіе рѣками, принадлежащее отдѣльнымъ лицамъ, и тѣ права собственности, сервитутовъ и т. д., которыя существуютъ на нихъ въ силу національнаго права, хотя по общему праву о признаніи иностранныхъ законовъ и считаются юридическими въ международной жизни. Теорія международноправовой собственности или международноправоваго обладанія, субъектомъ котораго являются государства, покажется намъ пагубнымъ смѣшеніемъ различныхъ понятій и различныхъ точекъ зрѣнія на вопросъ. Несообразность ея можетъ быть доказана и другимъ путемъ. Она была выставлена относительно однихъ судоходныхъ рѣкъ только потому, что авторы ея думали, что международное пользованіе и взаимная зависимость государствъ сказывается лишь на подобныхъ потокахъ воды. Но мы уже знаемъ, что международныя соглашенія нашихъ дней далеко не ограничиваются эти послѣдними. Если международныя рѣки есть общая собственность государствъ, то значить и желѣзныя дороги, эти международныя и въ значительной степени международноправовые пути—также. Значить и національныя судоходныя рѣки, если на нихъ распространяются гражданскія и административныя начала свободнаго режима, опять—таки должны быть вынуты изъ «частнаго владѣнія отдѣльныхъ государствъ»? Быть можетъ та же участь ожидаетъ и рѣки, на которыхъ дѣйствуетъ международное право рыболовства? А право каналовъ, ирригаціи, шлюзовъ, мостовъ и т. д.? Современное международное право рѣшительно стремится распространить свое благое воздѣйствіе на всѣ прѣсныя воды; не слѣдуетъ—ли поэтому объявить ихъ всѣ общей собственностью всѣхъ или только береговыхъ государствъ? Зачѣмъ прятаться

за авторитетъ Вѣнскаго конгресса и въ одинаковыхъ случаяхъ утверждать различное? Однако такимъ путемъ мы можемъ дойти до столь нелѣпныхъ выводовъ, которыхъ должны устрашиться даже самые рѣшительные защитники правъ человѣчества. Каково было бы положеніе государства, «собственника» своей территоріи, если бы послѣдняя была изрѣзана во всѣхъ направленіяхъ пространствами воды, относительно которыхъ онъ ничего не можетъ предпринять самостоятельно. Не говорю уже о томъ, насколько это ученіе противорѣчитъ всему, что мы видимъ въ дѣйствительности. Это противорѣчіе не укрывается и отъ послѣдователей естественнаго права. Наконецъ, несостоятельность разбираемыхъ воззрѣній обнаруживается особенно рельефно тогда, когда авторы ихъ пытаются представить дальнѣйшее развитіе и объясненіе своихъ мыслей.

Наиболѣе отвѣчающей дѣйствительности является, какъ и можно было ожидать, *формула Энгельгардта*, но и она неудовлетворительна. Она встрѣтила рѣзкую критику въ Институтѣ международного права. Такъ Шульце говорилъ: «Общее достоинствѣ государствъ (*domaine commun des Etats*) есть, собственно, или фикція, или заблужденіе. Ни одно государство не согласится на принятіе ея. Суверенитетъ всегда остается за государствомъ». «*Le domaine public n'a rien a faire avec la propriété privée*»¹⁾. Энгельгардту пришлось выступить съ особымъ разъясненіемъ на счетъ смысла этого выраженія. «Разсматриваемый основной принципъ», говоритъ онъ въ объяснительной запискѣ, «относится только къ судоходству; внѣ этихъ интересовъ, достаточно ясныхъ самихъ по себѣ, права суверенитета береговыхъ государствъ остаются неприкосновенными. Далѣе, это начало ограничено правиломъ, въ силу котораго постановленія рѣчной комиссіи обязательны только тогда для государствъ, составляющихъ меньшинство, когда делегаты ихъ не сдѣлали во время возраженій противъ ихъ примѣненія. Наконецъ обязанности, вытекающія изъ рѣчной общности, строго взаимны». Такъ что указанной статьей береговое государство «просто обязывается отправлять извѣстную часть своихъ суверенныхъ правъ по

¹⁾ Послѣднія слова проф. Шульце нѣсколько темны. *Ann. de d. int.* 9 année, p. 168. — Ср. ст. 29 проекта Мартенса и 28 окончательнаго, а равно замѣтку Энгельгардта, *ibid.*, на с. 162.

соглашенію съ другими прибрежными странами»¹⁾). Такимъ образомъ въ своей запискѣ Энгельгардтъ совершенно неожиданно и очевидно не безъ вліянія той критики, которую встрѣтила ст. 1 его втораго проекта, далъ термину, имѣющему обыкновенно частноп правовое значеніе, новое публичноправовое содержаніе. Но особенно важно, что, по мнѣнію Энгельгардта, береговья государства не вполне теряютъ свою самостоятельность, даже относительно судоходства. Поэтому ставить во главѣ всего ученія о рѣкахъ предлагаемое имъ положеніе по меньшей мѣрѣ односторонне. Разъяснительная записка показала еще болѣе, чѣмъ замѣчанія членовъ Института, что предложенная почтеннымъ изслѣдователемъ редакція несостоятельна.

Другіе приверженцы подобныхъ воззрѣній не объясняются подробно и мы можемъ понимать ихъ теоріи только въ обычномъ значеніи употребляемыхъ ими терминовъ собственности, обладанія и т. п. Прадье-Фодере утверждаетъ впрочемъ, что они рассуждаютъ или, быть можетъ, должны рассуждать слѣдующимъ образомъ: «Государство, которое обладаетъ верхнимъ теченіемъ рѣки, не имѣетъ права распоряжаться имъ во вредъ нижележащимъ по теченію государствамъ, напр. вполне поглощая воду, или отклоняя ее въ сторону и т. д., но всѣ эти государства имѣютъ право извлекать выгоду для своихъ коммерческихъ сношеній изъ общей имъ рѣки; каждое изъ заинтересованныхъ государствъ обязано, на своей территоріи, очищать отъ всякихъ препятствій для судоходства русло рѣки... ни одно изъ этихъ государствъ не имѣетъ права нарушать права другаго, но каждое изъ нихъ должно способствовать сохраненію рѣки въ границахъ своей суверенности и ея дальнѣйшему направленію въ сосѣдственныя владѣнія»²⁾). Эти слова довольно удачно опредѣляютъ взаимныя отношенія, существующія въ настоящее время между береговыми государствами международныхъ судоходныхъ рѣкъ. Но можно-ли сказать, что это отношенія сособственниковъ, что береговья государства имѣютъ въ общей собственности воду, ложе и берега рѣки? Здѣсь мы видимъ общественное пользованіе рѣкой для коммерческихъ цѣлей, административныя обязанности государствъ заботиться о сохра-

¹⁾ Ann. de dr. int., 9 année, p. 162 s.

²⁾ Traité, § 700.

нені рѣки и ея судоходности. Здѣсь наконецъ мы находимъ права на воду, общее достояніе. Но гдѣ же тутъ собственность на рѣку? Сосѣднія государства или, вѣрнѣе, собственники участковъ земли на ея берегахъ обязаны не мѣшать рѣчной водѣ свободно протекать въ предѣлы нижележащей страны. Можно-ли сказать, что государства имѣютъ поэтому рѣку въ общую собственность? Разобранныя теоріи, оказавшись несостоятельными вообще, негодны и по отношенію къ отдѣльнымъ видамъ интернаціональныхъ рѣкъ.

Нѣкоторые изслѣдователи предлагали выдѣлить въ особую группу тѣ *рѣки*, которыя, превосходя *своей шириной* иные проливы, какъ бы *ускользаютъ изъ подъ дѣйствія территориальной власти* и вмѣстѣ съ открытымъ моремъ составляютъ достояніе всего человѣчества. Территориальное право, говоритъ Кальво ¹⁾ «должно отступить назадъ (*fléchir*), когда дѣло идетъ о такихъ великихъ рѣчныхъ дорогахъ, которыя, какъ напр. въ Америкѣ, образуютъ цѣлыя моря и такимъ образомъ затрогиваютъ коммерческіе и торговые интересы цѣлаго міра. Относительно такихъ рѣкъ международныя правила (*les conventions in-les*) допускаютъ справедливое по отношенію ко всѣмъ регламентированіе, но не абсолютное право закрытія рѣки». «Какъ», спрашиваетъ Каратеодори, «будутъ отправлять право абсолютной собственности на рѣкѣ, скорѣе похожей на море и превосходящей своей шириною ширину, установленную для территориальнаго моря?» ²⁾ Однако и это предложеніе кажется намъ недостаточно основательнымъ. Ширина рѣки ни мало не измѣняетъ ни ея физической природы, ни экономическаго значенія, а береговое государство имѣетъ достаточно средствъ, чтобы господствовать надъ широчайшими изъ нихъ.

Что касается *практики* международныхъ сношеній, то ни въ трактатахъ, ни въ обычаяхъ мы не найдемъ нынѣ правилъ, которыя бы отвергали права отдѣльнаго береговаго государства. Только нѣкоторые старинныя акты (одинъ изъ наиболѣе позднихъ актъ рейнскаго октруа 1804 г.) объявляли такія рѣки «общими» для береговыхъ государствъ. Общая принадлежность рѣки означала открытіе ея для пользованія флагами обѣихъ

¹⁾ Ibid., p. 434—435.

²⁾ Франц. раб., p. 28.

сторонъ, общее договорное регулированіе касающихся судоходства вопросовъ и иногда существованіе нѣкоторыхъ общихъ рѣчныхъ властей. Позже убѣдились въ томъ, что интересы судоходства прекрасно мирятся съ сохраненіемъ за береговыми государствами суверенитета въ границахъ права и съ неприкосновенностью существующихъ на той или другой рѣкѣ въ силу національнаго права правъ собственности. Отнынѣ объ общей принадлежности болѣе нигдѣ въ договорахъ не упоминается.

Спрашивается, какого же рода *общее заключеніе* возможно сдѣлать изъ всѣхъ этихъ сложныхъ разсужденій? Надъ рѣками, какъ надъ всей территоріей, дѣйствуетъ, во первыхъ, *право верховенства* государства, а во вторыхъ *право общенія*. Съ одной стороны, государства не только не отказались отъ своего права принимать самостоятельныя мѣры относительно разныхъ сторонъ своего рѣчнаго хозяйства, но въ необходимыхъ пунктахъ подтвердили его путемъ международныхъ договоровъ. Съ другой, во многихъ случаяхъ они обязались дѣйствовать сообща съ другими государствами, или наложили на себя извѣстныя ограниченія. Какъ въ томъ, такъ и въ другомъ отношеніи нормы, формулируемыя международнымъ правомъ, носятъ публичный характеръ. Это отношенія междугосударственныя. Въ отношеніяхъ частныхъ лицъ будетъ говорить въ слѣдующей главѣ. Береговья государства иногда одни, иногда вкупѣ съ тѣми или другими небереговыми имѣютъ извѣстное верховенство надъ рѣкою, но они сохранили и суверенныя права надъ нею. Отвергнувъ *condominium*, мы должны отвергнуть и *condominat* (послѣдній можетъ встрѣчаться нынѣ только на озерахъ, но объ этомъ ниже, въ § 5 текущей главы). Вся разница, которую мы можемъ усмотрѣть между положеніемъ территоріи вообще и международными рѣками, сводится къ тому, что право международного общенія сказалось на вторыхъ рѣшительнѣе, чѣмъ на первой. И если международное пользованіе территоріей государства никакъ не меньше развито, чѣмъ международное пользованіе рѣками, то на послѣднихъ выработалось особое право международного управленія, явленіе, вообще говоря, очень рѣдкое. Международное управленіе рѣками является дополненіемъ національнаго. Но вотъ и все. Между тѣмъ воззрѣнія Каратеодори и Энгельгардта, повторяемыя ихъ многочисленными подражателями, не только воцарились въ ли-

тературѣ, но стремятся воздѣйствовать и на практику. Поэтому иногда бываетъ не безъ пользы подчеркнуть противоположныя начала. Ограничимся конечно тѣми отношеніями, которыя существуютъ между государствами по вопросамъ судоходства. «Юридически необходимое основаніе (*der juristisch nothwendige Ausgangspunkt*)», говоритъ Гарейсъ, «суверенитетъ береговыхъ государствъ (напр. право полицейскаго и судебного обыска). Но послѣднія, вдохновляясь идеей солидарности своихъ интересовъ (*der Interessen gemeinschaft*), основываютъ на каждыхъ интернаціональныхъ водахъ при помощи договора особое *Societas* съ однимъ общимъ органомъ (*mit einem Gesellschaftsorgan*), въ видѣ правила комиссіей делегатовъ соотвѣтствующихъ государствъ. Права береговыхъ государствъ, равно какъ и всѣхъ остальныхъ, заинтересованныхъ въ рѣчномъ судоходствѣ, а также ихъ обязанности... точно устанавливаются въ договорѣ; регламенты пользованія интернаціональными водами также вырабатываются по соглашенію». У Прадье-Фодере дѣйствительное положеніе дѣла изображается еще болѣе удачно: «Такъ называемое естественное общеніе (*communio naturelle*) береговыхъ государствъ, что касается собственности и пользованія водами, пересекающими ихъ территоріи, предполагаемая сособственность на рѣку въ дѣйствительности образуетъ только родъ договорной общности (*une sorte de solidarit e convenue*) между различными береговыми владѣльцами, именно въ виду устраненія внутреннихъ препятствій, которыя могли встрѣтить торговли и судоходству; родъ ассоціаціи между отдѣльными собственниками (*une sorte d'association entre les propri taires distincts*), изъ которыхъ каждый имѣетъ свое собственное право (*un droit privatif*), возникшей въ виду обращенія съ рѣкой отъ того пункта, гдѣ она становится судоходной, до ея устья, какъ съ цѣлымъ, на которомъ должна дѣйствовать одна и та же система судоходства, какъ что касается полиціи, такъ и взиманія пошлинъ.... Это—родъ консорціума, рѣчнаго союза (*une communaut e fluviale*), который имѣетъ одну задачу: регулировать съ общаго согласія, при помощи комиссіи, синдиката или какого-либо комитета, въ которомъ представлено каждое береговое государство, все, что относится къ судоходству.... Регламентъ, составленный опредѣленно перечисленными комиссарамъ, обязательенъ для всѣхъ государствъ, которыя пересекаются рѣкою и они не могутъ

измѣнять его безъ согласія другихъ договаривавшихся государствъ. Но права береговыхъ властей обезпечены, наблюдение за судоходствомъ, забота о судоходности предоставлены каждому члену рѣчной ассоціаціи и взиманіе пошлинъ производится каждымъ государствомъ отдѣльно»¹⁾). Когда мы познакомимся съ международнымъ гражданскимъ правомъ рѣкъ и съ правомъ международного рѣчнаго управленія, справедливость этихъ словъ станетъ для насъ вполне ясна.

Для того, чтобы покончить съ положеніемъ международныхъ рѣкъ, намъ остается разсмотрѣть еще одинъ весьма интересный, но въ специальной литературѣ не обработанный вопросъ, именно о *рѣкахъ, орошающихъ* нѣсколько государствъ, *членовъ сложнаго государства*. На самомъ дѣлѣ должны-ли мы считать такія рѣки за національныя или международныя? Другими словами, кому принадлежать верховныя права на такія рѣки? Вниманіе на него, по крайней мѣрѣ что касается рѣкъ Германіи, было впервые обращено проф. Шульце въ Гейдельбергскую сессію Института международного права. Имѣя въ виду общее положеніе судоходныхъ рѣкъ, онъ сказалъ: «Спеціальныя трудности представляетъ положеніе рѣкъ Германіи, такъ какъ въ этой странѣ суверенитетъ, такъ сказать, раздѣленъ между имперіей и различными германскими государствами. Рейнъ конечно международная рѣка, но можно-ли сказать то же самое о Везерѣ, напр., который орошаетъ нѣсколько нѣмецкихъ государствъ?» Отъ того или другаго рѣшенія этого вопроса зависитъ отвѣтъ на другой вопросъ, именно должны-ли мы считать общій порядокъ, господствующій на подобныхъ рѣкахъ (гдѣ онъ конечно имѣется на лицо) за международно-правовой или государственноправовой? Одного рѣшенія для всѣхъ подобныхъ государствъ дать нельзя. Рѣки, орошающія территорію нѣсколькихъ членовъ союзнаго государства, можно предположить, будутъ чаще всего рѣками національными. Наоборотъ, союза государствъ (и реальной уніи)—международными. И это потому, что внутреннія отношенія членовъ первого носятъ скорѣе государственный характеръ, втораго—международный. Такъ гласитъ теорія, но то, что мы видимъ въ дѣйствительности, не всегда соотвѣтствуетъ этому, представляя намъ

¹⁾ Cours, § 710.

примѣры переходныхъ явленій между союзнымъ государствомъ и союзомъ государствъ. Трудность дать опредѣленный отвѣтъ увеличивается еще отъ того, что сама теорія сложнаго государства не разработана достаточно, по крайней мѣрѣ съ международноправовой его стороны. Итакъ, положеніе подобныхъ рѣкъ зависитъ отъ устройства даннаго сложнаго государства. Если въ отношеніи къ рѣкамъ сложное государство выступаетъ, какъ цѣлое, а входящія въ составъ его государства не имѣютъ международнаго представительства, то подобныя рѣки суть рѣки національныя. Если же наоборотъ составныя части сложнаго цѣлага сохранили право заключать договоры съ иностранными государствами, рѣки, орошающія ихъ, суть рѣки интернаціональныя. По отношенію къ нимъ соединенныя государства не утратили своего государственнаго характера. Вообще при рѣшеніи этихъ вопросовъ слѣдуетъ, — употребляю слова, сказанныя Шульце относительно федеративныхъ государствъ, — «принимать во вниманіе оба суверенитета, а не только суверенитетъ отдѣльнаго государства». Сѣв.-Американская конституція постановляетъ: *No state enter into any treaty, alliance and confederation*» (Art. I, Sect. 10, § 1). Такимъ образомъ отдѣльный штатъ не имѣетъ права заключать международныхъ договоровъ даже относительно тѣхъ предметовъ, которые входятъ въ его компетенцію. Поэтому рѣки, орошающія территорию штатовъ, суть несомнѣнно рѣки національныя. Другое дѣло Германіи. Отвѣчая на поставленный выше вопросъ, Шульце увѣрялъ, что Везеръ — «общегерманская или національная рѣка, если конечно мы будемъ имѣть въ виду отношенія имперіи и иностранныхъ государствъ (*c'est un fleuve commun vis-a-vis de l'empire et des autres Etats étrangers*), такъ какъ по германской конституціи законодательство и высшій надзоръ принадлежатъ имперіи. Отдѣльное государство не можетъ заключать конвенцій по отношенію къ подобной рѣкѣ». Однако это воззрѣніе едва-ли правильно. Согласно германской конституціи имперія и отдѣльныя государства имѣютъ конкурирующее право издавать законы между прочимъ относительно проведенія водныхъ путей (Art. 4. Ziff. 8), относительно сплава дровъ и судоходства на рѣкахъ, орошающихъ нѣсколько государствъ, относительно состоянія такихъ рѣкъ, рѣчныхъ и подобныхъ имъ водныхъ сборовъ (Art. 4, Ziffer 9), судоходныхъ знаковъ

(Leuchtfeuer, Tonnen, Barken und sonstige Tagesmarken)¹⁾ Касательно этих же вопросов отдельным государствам принадлежит власть заключать международные договоры. Но если империя создала относительно них особое законодательство, то они могут заключать договоры только между собою или с имперією, но не с иностранными государствами. Причем эти договоры не должны выходить из предѣлов административных мѣръ (Verwaltung). Отдельныя государства не имѣютъ также права заключать договоровъ, при исполненіи которыхъ они могли бы придти въ столкновение съ имперскимъ закономъ или изданнымъ надлежащимъ образомъ распоряженіемъ (Art. 2). Международный характеръ подобныхъ договоровъ подлежитъ сильному сомнѣнію. Право заключать международные договоры въ обычномъ смыслѣ слова переходить такимъ образомъ къ имперіи. Последняя, надо сказать, усиленно развиваетъ свое законодательство по вопросамъ конкурирующей компетенціи. Имперскій законъ замѣняетъ собою прежній договоръ между германскими государствами, а договоръ съ иностранными державами—соотвѣтственные договоры, заключавшіеся съ ними отдельными членами союза.²⁾ Однако до полной замѣны мѣстнаго законодательства и частныхъ договоровъ съ иностранными державами имперскими договорами и законами о рѣкахъ еще очень далеко. Поэтому никакъ нельзя считать рѣки, орошающія нѣсколько германскихъ государствъ, рѣками національными въ установленномъ нами выше смыслѣ. По отношенію къ нимъ отдельныя государства сохранили еще государственный характеръ. Такимъ же образомъ рѣшается вопросъ относительно рѣкъ, орошающихъ зависимое государство и его сюзерена. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ это будутъ рѣки международныя, въ другихъ національныя. Все зависитъ отъ тѣхъ отношеній, которыя существуютъ между господствующимъ

¹⁾ Reichsgesetz vom 3 März 1873 betr. einen Zusatz zum Art. 4 Ziffer 9 d. Reichsverf.—R.-G.-Bl. Jahrg. 1873. S. 47.

²⁾ H. Tinsch, Das Recht der deutschen Einzelstaaten bezüglich der Abschlusses völk-er Verträge. Erlangen. 1882.—G. Prestele, Die Lehre vom Abschlusse völk-er Verträge durch das deutsche Reich und die Einzelstaaten des Reiches. München. 1882.—Max Proebst, Die Lehre vom Abschlusse völk-errechtlichen Verträge durch das Deutsche Reich und die Einzelstaaten des Reiches. München. 1882.

и зависящимъ государствомъ. Такъ напр. международное представительство дунайскихъ княжествъ до 1878 г. производилось, что касается дунайскихъ дѣлъ, Турціей. Наоборотъ, современная Болгарія выступаетъ въ тѣхъ же дѣлахъ самостоятельно. Ея представитель играетъ самостоятельную роль рядомъ съ представителемъ Турціи. Наконецъ международный характеръ рѣкъ, орошающихъ нѣсколько вассальныхъ государствъ, не можетъ вызывать никакого сомнѣнія ¹⁾.

На этомъ мы можемъ кончить изложеніе теоріи международныхъ рѣкъ. Изъ серіи вопросовъ, входящихъ въ ученіе о верховныхъ правахъ государства надъ его рѣчными водами, намъ остался вопросъ о территориальныхъ границахъ государственнаго владычества на рѣкахъ. Обойтись безъ него мы не можемъ, такъ какъ, согласно тому, что было сказано выше, дѣйствіе верховныхъ правъ государства и прежде всего права суверенитета стоитъ въ непосредственной связи съ тѣмъ, какое пространство земной поверхности предоставлено ему международными договорами и обычаями.

§ 2. Рѣчныя границы государствъ.

Опредѣливши общее положеніе рѣкъ въ современныхъ государствахъ, мы непосредственно наталкиваемся на вопросъ о проведеніи границъ между порѣчными государствами одной и той же рѣки и объ опредѣленіи такимъ образомъ сферы дѣйствія верховныхъ правъ сосѣднихъ державъ. Оппенгеймъ замѣчаетъ, что «рѣчное право не есть только ученіе о государственныхъ повинностяхъ, но и въ значительной степени ученіе о государственныхъ границахъ» ²⁾. Мы не будемъ говорить о томъ значеніи, которое имѣютъ рѣки, какъ границы, въ отношеніяхъ военномъ, экономическомъ и т. п. ³⁾. Не затронемъ также запутаннаго, тѣсно примыкающаго къ общему

¹⁾ Карате дори, нѣм. раб., S. 305.

²⁾ Völkerrecht, VII, II, S. 145. — Наумовъ (Шельда, с. 18): „Какъ въ гражданскомъ правѣ, такъ и въ международномъ на рѣки можно смотрѣть съ двухъ сторонъ: какъ на границы и по отношенію къ судоходству“.

³⁾ Блончли, Кодексъ, § 298 прим. 1 и 2. — Pradier-F., Cours, § 775. — Мартенсъ, томъ I, с. 344. — Oppenheim, Völkerrecht, VII, S. 125.

ученію о границахъ и въ сущности исполнѣ условнаго и мало-полезнаго вопроса о томъ, является-ли рѣка границею естественною или искусственною, договорною и т. п. Наше вниманіе останавливаетъ на себѣ *опредѣленіе области дѣйствія территориальнаго суверенитета* въ его примѣненіи на рѣкахъ. Мы имѣемъ въ виду именно государственныя границы, границы, внутри которыхъ дѣйствуютъ верховныя права государства, а не границы гражданско-правовыя, не границы собственности, или пользованія рѣками ¹⁾ и говоримъ главнымъ образомъ о рѣкахъ судоходныхъ. Во всякомъ случаѣ начинаемъ съ нихъ.

Если *рѣка принадлежитъ по частямъ нѣсколькимъ государствамъ, пересѣкая послѣдовательно ихъ территоріи*, то опредѣленіе границы не представляетъ трудности. Границей между сосѣдями является линія, соединяющая два крайнихъ пункта территоріи даннаго государства на обоихъ берегахъ рѣки и пересѣкающая рѣку по опредѣленному такимъ образомъ направленію. Этотъ случай очень простъ и писателями обыкновенно не предусматривается.

Если же *границу* между двумя государствами составляетъ *теченіе рѣки*, то вопросъ о томъ, гдѣ кончается территорія одного государства и гдѣ начинается другого, значительно усложняется. Между тѣмъ, въ виду неопредѣленности и измѣнчивости границъ этого рода и во избѣжаніе часто встрѣчающихся недоразумѣній между сосѣдними государствами, необходимо установить на этотъ счетъ точное общее правило. Къ счастью, международная практика относительно границъ государствъ почти такъ же древняя, какъ древни сами государства, а теорія изучаетъ его съ того самаго времени, какъ впервые стали интересоваться государственными явленіями. Причемъ до послѣдняго времени въ силу одного изъ тѣхъ захватовъ со стороны родственныхъ наукъ, которые лишили международное право многихъ интересныхъ институтовъ, ученіе о международныхъ границахъ государства неправильно относилось къ государственному праву. Большое облегченіе составляетъ также возможность сопоставлять междугосударственныя границы съ

¹⁾ Fiore, Nouveau droit in-1, t. I, trad. de Pr.-Fod., p. 359.—Ср. Пинхейро-Феррейра, Martens, Précis, 2 éd, Vergé, § 39, t. I, p. 134, примѣч.

частноправовыми. Мы конечно рассматриваемъ вопросъ съ точки зрѣнія теоріи и ищемъ то рѣшеніе, которое наиболѣе отвѣчаетъ общему характеру современныхъ международныхъ отношеній.

Трудно именно рѣшить, гдѣ должна проходить *пограничная линия двухъ государствъ, разделенныхъ рѣкой*: посреди рѣки, или же по самому глубокому рву ея фарватера, гдѣ вода наиболѣе быстро стремится впередъ, по тальвегу? Последнее слово принято французскимъ языкомъ (чисто французское названіе—*chemin de vallée*) и можетъ быть съ пользою усвоено нашимъ. По крайней мѣрѣ оно уже встрѣчается въ трактатахъ, написанныхъ на русскомъ языкѣ. Славянское слово *стремень* мало извѣстно и не всегда употребляется въ одномъ и томъ же смыслѣ ¹⁾. Указанные предѣлы далеко не всегда совпадаютъ. Представимъ себѣ, что рѣка, какъ это очень часто бываетъ, имѣетъ два различныхъ берега, нагорный и луговой. Тогда обыкновенно самый глубокой ровъ тянется вдоль горной стороны, недалеко отъ берега, тогда какъ на другую сторону вода можетъ разливаться на нѣсколько верстъ, едва покрывая землю и отодвигая середину рѣки на мелкое мѣсто.

Дѣленіе рѣки черезъ ея середину, заимствованное изъ римскаго права, съ перваго взгляда какъ будто удовлетворяетъ требованіямъ справедливости: рѣка-де должна быть раздѣлена между обоими сосѣдями поровну, пополамъ. Но соблюдается-ли здѣсь равенство на самомъ дѣлѣ? Если проводить границу черезъ середину рѣки, одному изъ двухъ государствъ можетъ достаться на долю только несудоходная, бѣдная рыбою часть рѣки. На это конечно никто не согласится. Дѣленіе рѣки черезъ середину особенно неудовлетворительно при существованіи острововъ въ руслѣ рѣки. «Обыкновенно случается, что островъ находится или ближе къ одному берегу или ближе къ другому; поэтому и фарватеръ располагается или во владѣніяхъ одного береговаго государства или во владѣніяхъ другаго» ²⁾. Наконецъ принятіе середины неудобно не только потому, что

¹⁾ Jules Rousseau такъ опредѣляетъ этотъ терминъ: „Le thalweg est la partie la plus basse du lit sur laquelle le courant se meut avec la plus grande vitesse: cette direction de la masse coulante s'appelle fil d'eau, thalweg“. Mémoire, p. 6.—Ср. Engelhardt, Du régime... p. 73.

²⁾ Engelhardt, Du régime... p. 72.

судоходство въ известномъ мѣстѣ рѣки будетъ подчинено разъ навсегда одному государству, но и потому еще, что при мало-мальски серьезныхъ отклоненіяхъ русла въ сторону, власть надъ нимъ должна будетъ переходить въ руки то одного, то другаго береговаго государства. Уровень рѣки часто сильно мѣняется, въ особенности, если берега низменны, слѣдовательно, измѣняется пространство земли, покрытое водой, и середина рѣки перемѣщается отъ одного берега къ другому ¹⁾.

Принятіе за границу тальвега то же встрѣчаетъ возраженія, но болѣе слабыя. Такъ, въ этомъ случаѣ почти всегда одно изъ государствъ должно сдѣлать при дѣленіи рѣки нѣкоторыя территоріальныя уступки. Далѣе, Klüber указываетъ на то, что иногда опредѣленіе границы затрудняется тѣмъ, что рѣка въ нѣкоторыхъ мѣстахъ можетъ имѣть два тальвега: «Dans quelques endroits du Rhin il y a deux thalwegs» ²⁾. Наконецъ въ каждый данный моментъ легче опредѣлить середину рѣки, чѣмъ середину тальвега. Но за то тальвегъ, а особенно средняя линія тальвега не такъ измѣнчивы и при проведеніи границы въ этомъ мѣстѣ каждое государство получаетъ какъ глубокія части рѣки, такъ и мелководныя. Ничего не теряетъ ни въ отношеніи рыболовства, ни въ отношеніи судоходства.

Поэтому въ тѣхъ случаяхъ, когда будутъ особенно заботиться о свободѣ судоходства для обоихъ раздѣленныхъ рѣкою государствъ, должны принять тальвегъ, во всѣхъ остальныхъ скорѣе середину рѣки. Болѣе точно, границей на судоходныхъ рѣкахъ должно считать *середину тальвега* ³⁾. На самомъ дѣлѣ, опредѣляя рѣчной границей тальвегъ, мы далеко не уничтожаемъ возможности столкновеній между береговыми государствами. Что, какъ нельзя лучше, вытекаетъ изъ слѣдующаго мѣста кодекса Блончли (§ 298, пр. 2), который считаетъ границей просто тальвегъ: «Если рѣка судоходна, то движеніе судовъ происходитъ по самой линіи, такъ что во время плаванія нельзя различить, какой территоріальной власти подле-

¹⁾ Günther, Völkerrecht, II, 25, 198.

²⁾ Klüber, Droit des gens, p. 188—189.—Idem, Oeffentliches Recht des deutschen Bundes, § 70. — Jollivet, Du Thalweg du Rhin, an. X (1801), §§ 6, 7, 11, 64.

³⁾ Pradier-F., Cours, § 693. — Rivier, Учебникъ, с. 93 русскаго перевода.

жить судно и для опредѣленія этого нужно руководствоваться уже не границей, а другими соображеніями. Поэтому, когда совершившееся преступленіе требуетъ примѣненія судебной власти, то въ этомъ случаѣ не обращаютъ вниманія на то, плыль-ли корабль по ту или другую сторону пограничной линіи, а основываютъ компетентность судебной власти государства на томъ, кому корабль принадлежитъ и гдѣ онъ стоитъ. Фарватеръ имѣетъ здѣсь значеніе *общей границы*. Его неправильно называютъ *нейтральнымъ*. Онъ не свободенъ отъ власти того и другаго государства, а вѣрнѣе принадлежитъ имъ сообща, насколько это возможно. Поэтому оба государства пользуются имъ для судоходства и ни одно изъ нихъ не должно препятствовать этому». Нѣсколько далѣе, въ § 300, высказывается слѣдующее: «Если національность корабля не имѣетъ рѣшающаго значенія, обоимъ прибрежнымъ государствамъ принадлежитъ совмѣстная территоріальная (полицейская и судебная) власть надъ кораблемъ, идущимъ по линіи границы». Столкновенія эти касаются не правъ судоходства, какъ думаетъ Прадье-Фодере¹⁾, а правъ верховенства, публичныхъ правъ. Съ теоріей Блончли можно сопоставить только ученіе Оппенгейма (хотя Блончли высказывается въ пр. къ § 298 повидимому именно противъ него), что границей государствъ долженъ быть тальвегъ, который остается нейтральнымъ²⁾. «На нейтральномъ тальвегѣ судно считается, согласно международно-правовымъ началамъ о морскихъ судахъ, частью территоріи своего отечества и подчинено его территоріальной юрисдикціи. Другаго положенія вещей нельзя себѣ вообразить»³⁾. Не смотря на весь авторитетъ названныхъ нѣмецкихъ авторовъ, согласиться съ ними рѣшительно нельзя. Существованіе нейтральнаго или общаго тальвега среди двухъ полосъ воды, принадлежащихъ береговымъ государствамъ, должно создать такую путаницу компетенцій на рѣгѣ, что, быть можетъ, было бы лучше вовсе не проводить границы между ними. Гдѣ начинается общій или нейтральный тальвегъ, до какихъ поръ простирается власть отдѣльнаго береговаго государства? Но

¹⁾ Cours, § 775.

²⁾ Völkerrecht, S. 145 f. — Idem, Rhein, S. 80—83 (контроверзы рейнскаго права).

³⁾ Völkerrecht, VII, 12, S. 147.

особенно неудачно предложеніе Оппенгейма. Согласно его теоріи, суда береговыхъ странъ или государствъ, расположенныхъ на другихъ частяхъ рѣки, были бы временно изъяты изъ подъ непосредственнаго воздѣйствія какихъ-либо властей. Возможно-ли допустить что-либо подобное въ центрѣ современныхъ густо населенныхъ государствъ? Какимъ правиламъ полиціи подчиняется такое судно? Законодательство его отечества можетъ не содержать подходящихъ началъ. Какимъ судамъ оно подсудно? Вообще, насколько выраженіе общій или нейтральный тальвегъ неопредѣленно, настолько же тѣ заключенія, которыя можно вывести изъ него, нежелательны. Но если мы примемъ за границу середину тальвега, обозначенную пловучими знаками, то неопредѣленность положенія сведется до *minimum'a*. Ни объ общемъ, ни объ нейтральномъ тальвегѣ и рѣчи не будетъ. Неопредѣленнымъ останется только положеніе того акта, который совершится именно на линіи границы. Что можетъ случаться лишь при особыхъ обстоятельствахъ, очень рѣдко и главнымъ образомъ относительно преступленій или проступковъ. Подобные факты могутъ быть подчинены съ равнымъ основаніемъ власти обоихъ сосѣдей. Которое изъ нихъ обратитъ первое свое вниманіе на нихъ, законы того и найдутъ свое примѣненіе къ нимъ.

Съ воззрѣніями Блончли и Оппенгейма можно сопоставить старинный проектъ, принадлежащій Eichhoff'у, *отнести границы государствъ на берега рѣки, а ложе послѣдней считать общей собственностью порѣчныхъ странъ*¹⁾. Онъ имѣетъ несомнѣнное преимущество передъ ними. На самомъ дѣлѣ, ни о какой путаницѣ компетенцій здѣсь и рѣчи не можетъ быть. Однако въ настоящее время это предложеніе встрѣчаетъ себя сторонниковъ, и то не всегда, только среди тѣхъ, которые защищаютъ теорію общей собственности береговыхъ государствъ на орошающія ихъ рѣки. Оно такъ же мало выдерживаетъ критику, какъ и эта теорія. Затрудненія, которыя должны вытекать изъ управленія и пользованія подобной рѣкой, превышаютъ неудобства отъ непостоянства, неопредѣленности и проч. границъ, проведенныхъ по руслу рѣки²⁾.

¹⁾ Eichhoff, Mémoire sur les quatre départements réunis de la rive gauche du Rhin. An. X.

²⁾ Pradier-F., *ibid.*, §§ 696, 697.

Обращаясь къ *остальной литературѣ*, мы видимъ самыя противоположныя рѣшенія этого вопроса. *Старинные писатели* высказываются конечно за середину рѣки ¹⁾, но уже Клоберъ, выставивъ то же правило, затѣмъ прибавляетъ «вмѣсто этой линіи (т. е. середины рѣки) недавно избрали тальвегъ, т. е. путь (измѣняющійся), которому слѣдуютъ суда, когда они спускаются по рѣкѣ или вѣриѣ середину этого пути» ²⁾. Оппенгеймъ ошибается, когда утверждаетъ, что старые писатели, *ältere Publicisten* (неудачная ссылка на Ваттеля и Мартенса) считали тальвегъ за границу и требовали для нея нейтральности ³⁾. Эти старые писатели нерѣдко давали перечисленіе рѣкъ—границъ, что для современнаго интернаціоналиста кажется уже слишкомъ неинтересно ⁴⁾.

Что касается *новѣйшихъ авторовъ*, то для однихъ вопросъ очень простъ. Schiattarella считаетъ границей двухъ государствъ середину рѣки: «La linea di distinzione... é collocata alla metà del fiume». Тальвегъ для него не существуетъ ⁵⁾. Нѣкоторые писатели смѣшиваютъ тальвегъ и середину рѣки. Кальво называетъ «тальвегъ (chemin d'aval) воображаемой линіей, проведенной на равномъ разстояніи отъ обоихъ береговъ и считаемой за середину рѣки» ⁶⁾. Въ своемъ дикціонерѣ онъ рекомендуетъ такое пониманіе тальвега, хотя бы часть рѣки одного изъ соудей оказалась при этомъ вовсе несудоходной ⁷⁾. То же смѣ-

¹⁾ Vattel, Le droit des gens, éd. Prad.-Fod., 1863, кн. I, гл. XXII, § 265, t. I, p. 560.—Martens, Précis, 1864, кн. II, гл. I, § 39, t. I, p. 134 s.—Впрочемъ Мартенсъ добавляетъ: „Dans les fleuves navigables c'est le courant du fleuve qu'on a communément en vue, en convenant de prendre le milieu pour limite“.—Гуго Гроцій, изд. Прадье-Ф., кн. II, гл. III, § XVIII, т. I, с. 462.

²⁾ Droit des gens mod., 1874, § 133, p. 188 s.—Moser, Versuch, t. V, p. 284, 288, 307.—Günther, Europäisches Völkerrecht, t. II, p. 20, note 7.

³⁾ Völkerrecht, VII, 146.

⁴⁾ См. Günther. Völkerrecht, II, p. 19 s., Moser, Versuch des Europ. Rechts, V, 284, 288, 307.—Idem, Nachbarliches Staatsrecht, p. 442 сл.

⁵⁾ Ibid., p. 456.—Ср. Fiore, Nouveau droit, t. I, trad. de Pradier-F., p. 359.

⁶⁾ Droit in-1, T. I, 1880, кн. IV, § 295, p. 384, p. 460.

⁷⁾ Dictionnaire, p. 337, 338,

шение у Wheaton ¹⁾, Блюнчли ²⁾ и др. Прадье-Фодере, упрекающей Кальво и Витона за ихъ ошибку ³⁾, самъ даетъ слѣд. неудачное опредѣленіе тальвега: «Тальвегъ есть идеальная линія, проведенная параллельно обоимъ берегамъ рѣки и раздѣляющая ее на двѣ равныхъ части». Однако большинство высказывается за тальвегъ, какъ границу между государствами. Такъ Каратеодори устанавливаетъ это основное начало вполне недвусмысленно: «Если рѣка (Strom) составляетъ политическую границу, то предполагается, что послѣдняя идетъ вдоль наиболѣе глубокаго рва общей рѣки (т. наз. тальвега), причемъ не принимается въ расчетъ ни высота, ни обрывистость берега» ⁴⁾.

Разсматривая исторію вопроса, мы видимъ, что практика склоняется также въ пользу принятія тальвега за границу. Положимъ, вначалѣ слѣдовали другимъ правиламъ. «Обычай, принятый князьями старой германской имперіи, требовалъ, чтобы середина рѣки опредѣляла границы территорій и чтобы рѣка принадлежала каждому изъ примыкающихъ къ ней государствъ на половину» ⁵⁾. Но уже съ конца XVIII ст. начинаютъ считать границей между двумя государствами тальвегъ. Впервые вопросъ былъ рѣшенъ въ его пользу на Раштадтскомъ конгрессѣ 1797 г. Здѣсь, какъ извѣстно, былъ поднятъ вопросъ о Рейнѣ и границей между Франціей и Германіей установленъ его *fil d'eau* или тальвегъ. Рѣшенію вопроса въ этомъ смыслѣ способствовала интересная брошюра *Mons de Wiebeking*, появившаяся 2-го мая 1798 г., *Comment devrait on au congrès de Rastadt déterminer les limites, tracées par le Rhin?* Въ Люневильскомъ договорѣ 9-го февраля 1801 г. (ст. III) говорится: «*Le thalweg de l'Adige, servant de ligne de démarcation*»...

¹⁾ *Element*, T. I, p. 180 (éd. 1858).

²⁾ Кодексъ, § 289: „Bei schifbaren Flüssen wird im Zweifel der Thalweg als Mitte angenommen“.

³⁾ *Cours*, § 691.

⁴⁾ Нѣм. р., S. 303. — Engelhardt, *Du régime...* p. 71—75. — Онъ же, проекты регламентовъ: первый, ст. 3; второй, ст. 5. — Институтъ, регламентъ ст. 3. — Pradier-Fodéré, *Cours*, §§ 693, 699 (рѣки, пересекающія нѣсколько государствъ). — Пинхейро-Феррейра, Martens, *Précis*, 2 éd. Vergé, § 39, t. I, p. 134, прим.

⁵⁾ Rousseau, *ibid.*, p. 7—9.

Другіе случаи мы приводимъ въ примѣчаніяхъ ¹⁾. Тѣ же рѣшенія встрѣчаются и въ другихъ частяхъ свѣта. Тальвегъ Ріо Гранде, Жила, Ріо Колорадо считается границей между Мексикой и Соед. Штатами ²⁾. 3-я ст. договора между Мексикой и Гватемалой, заключеннаго 27 сентября 1882 г. въ Мексико, устанавливаетъ границей между обоими странами тальвегъ рѣкъ: Suchiate (por su canal mas profundo) Usumacinta и пр. ³⁾.

Такимъ образомъ, и практика, и теоретическія соображенія, подкрѣпленные авторитетомъ извѣстныхъ ученыхъ, говорятъ за принятіе на судоходныхъ рѣкахъ тальвега границей двухъ государствъ. Изъ этого правила можетъ быть на судоходныхъ рѣкахъ только одно *исключеніе*. Если, вслѣдствіе крутизны или вышины береговъ, оба порѣчныя государства лишены

¹⁾ Тальвегъ считается границею въ договорахъ Кампо-Формійскомъ 1797 г. (ст. VI, VIII), Люневильскомъ 1801 (стст. III, VI, XIV и др., De Clercq, I, p. 426); въ Reichsdeputationshauptschluss 1803, § 39, въ договорѣ рейнскаго судоходства 1804 г. (Martens, Recueil, VII, 208 s, 558 s.). О тальвегѣ Рейна см. также articles additionnels Кампо-Формійскаго договора (Martens, R., VII, 215.—Oppenheim, Rhein., S. 76). Въ Вѣнскомъ договорѣ 1806 г. (стст. 2 и 11), въ Тильзитскомъ 7 іюля 1807 (ст. 9, De Clercq, Recueil, t. II, 200), въ Тильзитскомъ 9 іюля 1807 (ст. 10, De Clercq, II, 220), въ разграничительномъ договорѣ Австріи и Россіи отъ 19 марта 1810 (N. R. I, 252), въ разграничительномъ договорѣ Пруссіи и Вестфалии отъ 14 мая 1811 (N. R. I, 382), въ договорѣ Бадена и кантона Аргау 17 сент. 1809 г. (ст. 1, Martens, N. R., I, 19), въ трактатѣ о границахъ Россіи и Швеціи отъ 20 ноября 1810 (Martens, N. R. I, 313,—IV, 33), въ Вѣнскомъ договорѣ (стст. 4, 9), въ Парижскомъ 20 ноября 1815 (ст. 1 п. 2, Martens, N. R. II, 686), въ австро-баварскомъ 14 апрѣля 1816 (стст. 1 и 9, Martens, R. M., III, 253); въ постановленіяхъ имперской территоріальной комиссіи во Франкфуртѣ отъ 20 іюля 1819 г. (ст. 41.—Martens, R. M., III, 431.—Idem., N. R., IV, 604), въ постановленіи имперскаго собранія 1853 г. (§ 30), во франко-баденскомъ договорѣ 30 января 1830 г., въ Берлинскомъ договорѣ 1878 г. (стст. 2 и 14, De Clercq, t. XII, pp. 318, 323, 334) и др. Изъ старыхъ разграничительныхъ договоровъ см. Утрехтскій договоръ между Франціей и Португаліей 1713 г. (ст. X), договоръ Пруссіи и Польши 1773, Австріи и Нидерландовъ 1785 и т. д.

²⁾ 5 ст. договора 2 февраля 1848 г.,—1 ст. конвенціи 30 дек. 1853 г.

³⁾ Cuestion de limites entre Mexico y Guatemala, edicion especial tomada de tomo VI, de „El Anuario Universal“. México. 1883, p. 20. Ср. Кара-теодори, нѣм. р., S. 403.

возможности эксплуатировать судоходство ихъ общей рѣки, можно предположить, что границу удобнѣе провести по серединѣ рѣки. Но какъ только подъѣздные пути будутъ устроены, въ дѣйствіе вступаетъ общее начало относительно границъ на судоходныхъ рѣкахъ ¹⁾).

На практикѣ не измѣряютъ конечно въ точности всѣ самыя глубокія мѣста рѣчного канала и пограничная линія не извивается среди омутовъ рѣки. Обыкновенно довольствуются тѣмъ, что отмѣчаютъ пловучими знаками курсъ самыхъ большихъ судовъ и это-то и служитъ границей двухъ государствъ. По этимъ отмѣткамъ вносятъ ее и на карты. Причемъ вопросъ о проведеніи рѣчныхъ границъ облегчается иногда тѣмъ, что тальвегъ совпадаетъ съ серединой рѣки. Это обыкновенно наблюдается на рѣкахъ искусственно регулированныхъ, или самой природой заключенныхъ въ правильные берега, и несомнѣнно съ успѣхами гидротехники будетъ встрѣчаться все чаще и чаще. Во всякомъ случаѣ, если тальвегъ отклоняется въ ту или другую сторону, вмѣстѣ съ его серединой перемѣщается и граница смежныхъ государствъ, а съ нею и знаки, указывающіе направление ея.

Что касается *рѣкъ, рѣчекъ и ручьевъ несудоходныхъ*, то на основаніи всего, выше сказаннаго, и согласно съ твердо установившейся практикой и единогласными мнѣніями специалистовъ граница на нихъ должна быть проводима по серединѣ рѣки или ручья ²⁾). Для обозначенія границы «середина рѣки опредѣляется раздѣленіемъ пополамъ прямыхъ линій, проведенныхъ на соответствующихъ мѣстахъ подъ прямымъ угломъ

¹⁾ Поэтому мы не вполне согласны со слѣдующимъ мнѣніемъ Criscuolo (ibid., p. 64): „Il limite... dev'essere praticamente portato ad eguale distanza delle rive se alcuno degli Stati finitimi, od anco tutti non possono per altezza o scoscendimento delle rive, utilizzare alla navigazione la porzione del fiume a ciascuno riservata“, или съ послѣдними словами вышеприведеннаго текста Каратеодори.

²⁾ Блончли, Кодексъ, ст. 298.—Ривье, русскій пер., с. 93. См. однако договоръ 1878 г. ст. 2, гдѣ за границу приняты тальвегъ ручья.—Добавочный актъ къ франко-испанскому договору 26 мая 1866 г. (Art. 8, De Clercq, t. IX) опредѣляетъ, что середина пограничныхъ (несудоходныхъ) рѣкъ Франціи и Испаніи будетъ раздѣлять ихъ взаимныя территоріи.—Австро-Прусскій договоръ объ исправленіи границъ 1869 г., ст. 3.

къ берегу, и соединяющихъ самые высокіе пункты обоихъ береговъ; что касается большихъ рѣкъ, имѣющихъ приливъ и отливъ, то за самый высокій пунктъ берега принимаютъ тотъ, до котораго достигаетъ самый высокій приливъ» ¹⁾). Блючили такого пріема не одобряетъ. Вотъ его слова: «Середину рѣки можно опредѣлить и разстояніемъ отъ берега. Но если теченіе рѣки измѣнчиво, то не слѣдуетъ опредѣлять подвижную границу неподвижной линіей» ²⁾). На рѣкахъ судоходныхъ за середину слѣдуетъ считать, по его мнѣнію, тальвегъ. О рѣкахъ несудоходныхъ онъ умалчиваетъ. Между тѣмъ дѣло именно и идетъ объ этихъ послѣднихъ. Середина рѣки обозначается неподвижно укрѣпленными пловучими буями, бакенами, иногда столбами и др. постоянными знаками. Употребленія послѣднихъ нельзя однако рекомендовать, особенно въ виду подвижности срединной линіи. Если рѣка измѣняетъ свое теченіе, то середина русла, а съ нею и граница смѣжныхъ странъ перемѣщается въ ту или другую сторону. вмѣстѣ съ нею перемѣщаются и знаки, ее обозначающіе. Таково ученіе современной теоріи о рѣчныхъ границахъ между государствами. Оно должно служить руководствомъ для практики и примѣняться во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда мѣстонахожденіе пограничной линіи не установлено твердо трактатомъ и обычаемъ.

Но въ виду какихъ-либо особыхъ обстоятельствъ и по взаимному соглашенію береговыхъ государствъ, судоходная или несудоходная рѣка можетъ быть подѣлена между ними и въ какой либо иной пропорціи. Въ прошломъ не составлялъ рѣдкости тотъ случай, когда хотя рѣка и раздѣляетъ два государства, но граница между ними идетъ по одному изъ ея береговъ, а не по ложу рѣки; другой же берегъ и весь потокъ воды принадлежитъ безраздѣльно одному изъ сосѣдей. Такъ напр., по Аккерманскому мирному договору Россіи принадлежали всѣ гирла Дуная, Турціи же только правый берегъ св. Георгія, причемъ власть ея надъ нимъ была стѣснена разными ограниченіями. По Вестфальскому договору все теченіе рѣки Одера было отдано Швеціи, а рѣки Нетце—Пруссіи. Когда Авиньонское графство принадлежало папскому престолу, французское правительство изъявляло притязанія на все

¹⁾ Гартманъ, Institutionen, § 58.

²⁾ Кодексъ, русск. пер., § 298, пр. 3.

теченіе р. Роны ¹⁾. Подобнаго же рода отношенія могут существовать, какъ замѣчаетъ Гефкенъ, въ силу незапамятной давности (вѣрнѣе обычая). Таково было положеніе Гамбурга и Бремена на Эльбѣ и Везерѣ ²⁾. Нѣкоторые изъ старинныхъ писателей предполагали также, что уже одинъ фактъ первоначальнаго занятія извѣстной страны даетъ право на владычество надъ всей рѣкой, протекающей по ея границѣ ³⁾. Современные послѣдователи ихъ требуютъ наоборотъ, чтобы сама рѣка была опредѣленно захвачена на всю свою ширину первымъ оккупантомъ ⁴⁾. Но, думается намъ, ученая литература совершенно напрасно придаетъ столь большую цѣну подобнаго рода предположеніямъ. На практикѣ они нынѣ почти не встрѣчаются. Теоретически же вовсе нежелательны. Къ чему устанавливать между береговыми странами такое неравенство, когда рѣка должна быть, по крайней мѣрѣ въ главныхъ видахъ своего пользованія, доступна для жителей обоихъ береговъ. Стоитъ-ли изъ за незначительныхъ выгодъ создавать предлогъ для постоянныхъ неудовольствій между сосѣдними странами? Наконецъ возможно обозначать границу разъ навсегда на извѣстномъ мѣстѣ лежа при помощи постоянныхъ знаковъ, если рѣка подлежитъ въ скоромъ времени осушенію, если значеніе ея заключается въ драгоцѣнныхъ свойствахъ ея дна и т. п.

¹⁾ Avrêt du Conseil du 22 Janvier 1726.

²⁾ Die Freiheit der Elbschiffahrt, Hamburg, 1880.—Schiattarella, Propeudeutica, p. 467.—Wheaton, Elements, p. 180.—Merlin, Répert., v. Rivière, § 1, n. 4.—Pradier-Fodéré, Cours, 690.—Massé, Le droit commercial dans les rapports avec le droit des gens, 1874, кн. II, тит. 1, гл. 1, § 111, t. I, p. 102.—Гуго Гроцій, изд. Пр.-Ф., кн. II, гл. III, § XVIII, примѣч., т. I, с. 462.—Martens, 2 éd. Vergé, p. 136 s.—Hyeron de Monte Brixiano, Traité des bornes et limites.—Hartmann, Institutionen, § 58. О взаимныхъ притязаніяхъ прейнскихъ курфюрстовъ см. Sartorius, Program. de navigatione Rheni. Göttingae. 1798. — Также указанное Мартенсомъ Sammlung von Staatschriften nach Ableben Carls VII, B. II. 963.

³⁾ Vattel, Le droit des gens, éd. Pradier.-Fod., 1863, кн. I, гл. XXII, § 265, t. I, p. 560.—Ср. Пр.-Фод., Cours, § 691.—Гуго Гроцій, éd. de Pradier-Fod., кн. II, гл. III, § XVIII. Т. I, p. 462.—Martens, Précis, 1864, кн. II, гл. I, § 39, t. I, p. 134 s.

⁴⁾ Fiore, Nouveau droit in-1., t. I, trad. de Pradier-F., p. 359.

На мосту граница проводится по срединѣ ¹⁾. О границахъ государствъ на озерахъ будетъ сказано отдѣльно, въ послѣднемъ § этой главы. Нѣкоторые частные случаи см. ниже въ проектѣ рѣчнаго кодекса.

По вѣрному замѣчанію Фіоре, разъ одно государство управляетъ на рѣкѣ права суверенитета, даже *пользованіе рѣкою со стороны подданныхъ другихъ береговыхъ странъ не можетъ вліять на ея юридическое положеніе*. Болѣе того, мы можемъ себѣ представить, что одно береговое государство, именно какъ таковое, имѣетъ извѣстныя *вещныя права* на воды, находящіяся подъ верховными правами другаго, напр. береговыя права (сервитуты), конечно если только оно владѣетъ на берегахъ подобныхъ водъ частноправною собственностью, а государственная граница приходитъ именно по этимъ берегамъ. Одно государство можетъ даже имѣть въ частной собственности воды, находящіяся подъ верховенствомъ другаго. Одно государство можетъ имѣть въ предѣлахъ другаго участокъ земли, орошаемой рѣкою. Конечно такіе случаи очень рѣдки, но вполнѣ возможны, особенно на пограничныхъ водахъ. Болѣе вѣроятны подобныя отношенія для областей, находящихся надъ верховенствомъ двухъ государствъ, именно для каждаго изъ нихъ. Не говорю уже о томъ, что границы участковъ пограничной рѣки, принадлежащихъ въ собственность частнымъ лицамъ, могутъ не совпадать съ государственными границами сосѣднихъ странъ. Конечно въ тѣхъ случаяхъ, когда въ силу національнаго права двухъ сосѣднихъ государствъ пограничныя воды принадлежатъ каждому изъ нихъ въ частную собственность, считается, что граница правъ собственности и правъ верховенства обоихъ государствъ проходитъ въ одномъ мѣстѣ, тамъ, гдѣ она должна быть проведена по требованію международнаго публичнаго права ²⁾.

¹⁾ Rivier, Lehrbuch, S. 134.

²⁾ Не мѣшаетъ сдѣлать въ дополненіе къ предшествующимъ сноскамъ еще слѣдующія литературныя указанія: Bello, Principios de derecho de gentes. Paris. 1847. P. I, c. III, §§ 1—2.—M. Block, Dictionnaire, t. I, p. 1069.—Bluntschli, Art. 298, 299.—Bowyer, Commentaries on universal public law. London. 1834. Ch. XXVIII.—Funck Brentano et Sorel, Précis, p. 17 s.—Calvo, Droit in-1, 4 éd., t. I, p. 466—467.—Idem, Dictionnaire, v. Frontière, p. 347—348. Classification. Frontières fluviales.—Caratheodory, нѣм. раб.,

§ 4. Измѣненія въ руслѣ пограничной рѣки. На-
мывы. Уносы. Острова.

Новые вопросы о границахъ между береговыми государ-
ствами возникаютъ въ тѣхъ случаяхъ, когда теченіе рѣки мѣ-
няетъ свое положеніе. Если *рѣка круто измѣняетъ свое на-
правленіе*, врываясь въ предѣлы одного изъ береговыхъ госу-
дарствъ, то, безъ сомнѣнія, она входитъ въ составъ территоріи
этого послѣдняго и подчиняется исключительно его держав-
нымъ правамъ. Другое государство лишается своихъ правъ на
нее, а границей между обоими государствами продолжаетъ
служить та линія раздѣла, которая считалась проходящей по
дну рѣки, по старому тальвегу или по серединѣ ложа. «Втор-
женіе рѣки (скорѣе воды) въ предѣлы территоріи, несомнѣнно
принадлежащей другому государству», достаточное основаніе
для такого рѣшенія вопроса ¹⁾. Причемъ, пожалуй, правъ Гро-
цій, что въ такомъ случаѣ мы имѣемъ дѣло уже съ другой
рѣкой, а не той, которая существовала ранѣе ²⁾. Съ основнымъ
выставленнымъ только что положеніемъ всѣ согласны и особо
цитировать авторовъ нѣтъ надобности. Нѣкоторые различія въ
выраженіяхъ въ счетъ не идутъ ³⁾. Пуффендорфъ предполагаетъ,

S. 353, § 66. — Criscuolo, La sovranità, p. 64, § 37. — Cussy, Phases, I. I,
tit. II, § 57. — Engelhardt, Du régime... p. 73. — Geffken (Heffter), Euro-
päisches V-t, § 66, note 7. — Gundling, Jus naturae et gentium. 1728, p. 248. —
Günther, Völkerrecht, II, 25. — Halleck, Ch. V, § 32. — Heffter, Völkerrecht,
§§ 66, 69, 73, 77. — Holtzendorff, Handbuch des V-ts, S. 232. — Klüber, §§ 129,
133. — Martens, Précis, § 39. — Phillimore, Commentaries, t. I, § 155. — Pinheiro-
Ferreira, Vattel, §§ 266—278. — Polson, Principles of the law of nations,
London, 1848. Sect. 5, p. 30. — Pradier-Fodéré, Cours, § 775. — Idem, Vattel,
t. I, pp. 560 s. — Puffendorf, De jure naturae et gentium, l. IV, c. VII, § 2. —
Rayneval, Institutions du droit de la nature et des gens, liv. II, ch. IX. —
Schiattarella, Propedeutica, p. 457 s. — Stypmannus, Jus maritimum, c. V, № 476
и др. — Twiss, Peace, § 142 s. — Vattel, I. I, Ch. XXII, §§ 266, 268. — Vergé,
Précis de Martens, 2 éd., t. I, p. 136 s. — Wheaton, Elem., P-ic. 2, Ch. IV,
§ 11. — Wildmann, I, 76. — Wolff, Jus gentium, §§ 106—109.

¹⁾ Блончли, § 299, прим.

²⁾ L. II. C. III, § XVII, I.

³⁾ Engelhardt, ст. 5 перваго проекта, см. Du régime... p. 75. — Calvo,
Droit in-1, 4 éd., t. I, p. 461. — Гуро Гроній, II, III, §§ 16—17. — Ср. Vattel,

что въ нѣкоторыхъ случаяхъ государство, въ предѣлы котораго вторгнулась рѣка, можетъ пожелать отказаться отъ части своей территоріи для того, чтобы сохранить рѣку границей. Однако, если оно и случалось когда-нибудь такъ, то никакого юридическаго правила отсюда вывести нельзя.

Далѣе, если *рѣка* по какимъ-нибудь причинамъ *совсѣмъ высохнетъ*, то прежній тальвегъ или середина ложа будетъ служить границей двухъ державъ ¹⁾. Если вся рѣка принадлежала одному государству, ему же принадлежитъ и все русло. Это относится конечно и къ оставленному руслу ²⁾.

Если же происходятъ незначительныя и главное *постепенныя измѣненія русла* и рѣка продолжаетъ раздѣлять территоріи двухъ сосѣднихъ государствъ, то линія границы, нѣсколько уклоняясь въ ту или другую сторону, продолжаетъ опредѣляться самымъ глубокимъ рвомъ фарватера или серединой ложа. Причина не въ томъ, какъ думаетъ Клюберъ ³⁾, что вещь при такихъ условіяхъ остается, какъ будто, та же самая (иногда нетрудно констатировать измѣненія), а въ желаніи каждаго непременно сохранить сосѣдство съ рѣкою ⁴⁾. Это правило также очень просто. Нѣкоторыя сложности оно представляло у старинныхъ писателей. Гуго Гроцій допускалъ примѣненіе его только относительно территорій арцифинальныхъ, понятіе которыхъ онъ вводитъ въ международное право, слѣдуя римскому. Причина—де въ томъ, «что тотъ и другой народъ, предполагается, распространили предварительно свою власть съ намѣреніемъ, чтобы рѣка, всегда находясь между

кн. I, §§ 267, 270. — Прадье-Фодере въ прим. къ кн. II, гл. III, § XVII трактата Гуго Гроція, t. I, p. 461. — Massé, Le droit commercial, éd. Guillaumin, 1861, t. I, p. 99—100. — Martens, Précis, éd. Guillaumin, 2 éd., § 39, t. I, p. 136 s. — Klüber, 2 éd. Ott, § 123, p. 179. — Günther, Völkerrecht, 1777, II, 25. — Блончли, Кодексъ, § 299. — Pradier-Fodéré, Cours, § 756. — Пуфендорфъ, De jure naturae et gentium. Пер. Барбейрака, 5 изд. 1759 г. L. IV. C. VII. § XI, p. 604 s.

¹⁾ Vattel, кн. I, § 267. — Гуго Гроцій, L. II. C. III. § XVII, 1.

²⁾ Vattel, I, 267.

³⁾ Droit des gens, éd. Guillaumin, § 134 и прим. а, p. 170.

⁴⁾ Calvo, t. I (Droit int-1), 4 éd., p. 461. — Pradier-F., прим. къ I. II, с. III, § XVII трактата Гуго Гроція, t. I, p. 465. — Martens, Précis, 2 éd. Vergé, § 39, t. I, p. 136. — Блончли, Кодексъ, § 299.

ними, раздѣляла ихъ, какъ естественный предѣлъ». Что же касается территорій, заключенныхъ въ опредѣленные искусственныя границы (*agri limitati*) или ограниченныхъ извѣстнымъ опредѣленнымъ размѣромъ (также понятія римскаго права), то измѣненія теченія рѣки не оказываютъ вліянія на территоріальныя отношенія, а приращеніе (*alluvio*) подпадаетъ верховной власти перваго оккупанта¹⁾. Въ случаяхъ сомнѣнія территорія считается за арцифинальную. Теорія эта получила слѣдующее развитіе у Пуфендорфа²⁾. Измѣненіе рѣкой своего теченія не оказываетъ никакого вліянія на территоріальныя отношенія, если мы имѣемъ дѣло съ точно отмѣренными или разграниченными территоріями. Если же рѣчь идетъ о территоріяхъ, ограниченныхъ естественными границами (*agri arcifinales*),—что обыкновенно и встрѣчается и должно быть особо рекомендовано,—границей ихъ считается середина рѣки и постепенныя измѣненія теченія послѣдней вызываютъ только измѣненія границы, такъ какъ вещь, т. е. рѣка, остается прежней, а удобство имѣть подобныя естественныя границы вознаграждаетъ за потерю незначительныхъ частей территоріи. Позднѣйшими писателями это ученіе оставлено. На самомъ дѣлѣ, ни трактаты, ни обычаи ничего не говорятъ о дѣленіи государственныхъ территорій на арцифинальныя, разграниченныя и отмѣренныя, а разъ этого нѣтъ, падаетъ и вся теорія, представляющая одинъ изъ многихъ примѣровъ неудачнаго увлеченія римскимъ правомъ. Современное правоубѣжденіе слѣдующимъ образомъ формулируется въ § 299 кодекса Блончли: «Рѣчная граница измѣняется, если русло рѣки, или ея фарватеръ мѣняютъ свое положеніе. Если же рѣка совсѣмъ оставляетъ свое ложе и принимаетъ другое направленіе, то старое русло сохраняетъ значеніе границы». Повидимому то же самое, хотя и не совсѣмъ вразумительно, выражено у проф. Ф. Мартенса: «Понятно, что съ измѣненіемъ рѣки не измѣняется положеніе рѣчной пограничной черты. При полномъ измѣненіи направленія рѣки границей остается старое русло»³⁾.

Однако, какъ бы ни измѣнялось теченіе, это обстоятель-

¹⁾ L. II, C. III, § XVI, 1, 2.

²⁾ L. IV, C. VII, § XI (р. 604 в. 5 изд. перев. Барбейрака, 1759 г.).

³⁾ Международное право, т. I, с. 344 (2 изд.).

ство не вліяеть на положеніе *границы на мостахъ*, а также на *принадлежность острововъ*, разъ установленную въ пользу того или другаго государства ¹⁾.

Наконецъ, береговья *государства обязаны не измѣнять* искусственными сооружеиіями не только непосредственно *направленія теченія рѣки*, но и береговъ рѣки, если это можетъ повредить положенію линіи границы, проведенной между ними. Подобнаго рода дѣйствія могутъ повести къ большимъ недоразумѣніямъ между сосѣдними державами²⁾. Съ другой стороны, если измѣненія въ фарватерѣ произведены съ обоюднаго согласія державъ, граница можетъ перемѣститься, или остаться на мѣстѣ, смотря по соглашенію сосѣдей ³⁾. Дальнѣйшія подробности о рѣчныхъ сооружеиіяхъ см. въ гл. IV, въ § посвященномъ специально этому вопросу.

Вышеизложенныя правила весьма схожи съ началами римскаго гражданскаго и феодальнаго права о рѣчныхъ границахъ земельной собственности частныхъ лицъ и феодальныхъ господъ. Болѣе того, данное ученіе международнаго права развилось подъ непосредственнымъ вліяніемъ соотвѣтствующей теоріи римскаго права. Но по этому одному никакъ нельзя говорить, какъ это дѣлають почти всѣ, что къ вопросу объ измѣненіи границъ между государствами прилагаются принципы римскаго права. Ученіе о рѣчныхъ границахъ въ международномъ правѣ есть теорія публичноправовая, а не частноправовая, оно развивается, вдохновляясь общими принципами публичнаго международнаго права и на основаніи постановленій договоровъ и нормъ обычая, а никакъ не статей Юстиніановыхъ

¹⁾ Ст. 95 акта 1815 г. 9 іюня относительно острововъ въ руслѣ рѣки По (De Clercq, t. II, p. 606), ст. 1 Парижскаго договора 20 ноября 1815 г. относительно острововъ въ руслѣ Рейна (De Clercq, II, 644).

²⁾ Vattel, кн. I, § 271.—Calvo, Dictionnaire, t. I, 256—257.—Idem, Droit int-1, t. I, 4 éd., p. 461.—Блончли, Кодексъ, 299, примѣч.

³⁾ Мы встрѣчаемъ на этотъ счетъ у Criscuolo слѣдующій интересный примѣръ: „Nel trattato di Belgrado (29 Ottobre 1739) tra la Porta e l’Austria fu convenuto che se i Turchi, entro un anno dalla firma, avessero deviato il fiume Ternois, facendolo passare all’ovest di Orșova, questa fortezza apparterrebbe ad essi come confine. Conservandosi quindi integro il dritto di sovranità degli Stati, lo spostamento locale limiterebbesi alla sola demanialità delle acque“. Ibid., p. 63.

дигнестъ или институцій, къ которымъ совершенно напрасно столь часто прибѣгаютъ ¹⁾).

Однако измѣненія въ рѣкѣ, влекуція за собой извѣстныя юридическія послѣдствія, не ограничиваются уклоненіями въ направленіи потока. Въ отдѣлѣ о рѣчныхъ границахъ намъ надо рассмотретьъ еще вопросъ о намывѣ, уносѣ и островахъ въ руслѣ. Итакъ, *намывы* и уносы принадлежатъ тому государству, около берега котораго они образовались. Для этого не требуется конечно никакого особаго юридическаго акта; приращеніе, какъ удачно выразился г. Верже «*est comme un accident inhérent à la substance même de la chose*» ²⁾).

Право государства на намывъ ³⁾ основывается на томъ, что измѣненія берега происходятъ въ территоріальныхъ границахъ государства, гдѣ никто, кромѣ него, власти не имѣетъ. Слѣдовательно, всякое приращеніе къ берегу должно принадлежать мѣстному, территоріальному владѣльцу. Никакого *приобрѣтенія территоріи* при этомъ *не происходитъ*. Территорія государства здѣсь не увеличивается. Именно граница его, опредѣляемая тальвегомъ или серединой рѣки, остается на своемъ мѣстѣ. Увеличивается часть суши, принадлежащей государству, въ ущербъ его рѣчнымъ владѣніямъ. Къ сожалѣнію, современная литература совершенно не уяснила себѣ этого обстоятельства. Господствующее мнѣніе выражено въ § 294 кодекса Блончли: «Территорія государства можетъ увеличиться вслѣдствіе приращенія, въ особенности черезъ поднятіе береговъ, наносы или искусственныя сооруженія на пустынныхъ пространствахъ. Точно также она можетъ уменьшиться, вслѣдствіе пониженія береговъ, покрытія ихъ водой и вслѣдствіе запущенія и упадка культуры» ⁴⁾. Старинные авторы указываютъ и основанія для этого *приобрѣтенія*. По мнѣнію Ват-

¹⁾ Pradier-Fodéré о принципахъ феодальнаго права, Cours, § 756.

²⁾ Martens, t. I, 2 éd., p. 153, прим.

³⁾ Прадье-Фодере (Cours, § 805): „On entend par alluvion l'atterrissement qui se forme successivement et imperceptiblement aux fonds riverains d'un cours d'eau naturel“.

⁴⁾ Cp. Calvo, Dictionnaire v. Alluvions, Changements de lit.—Klüber, 2 éd. Ott, § 134, p. 190. — Pradier-Fodéré, Cours, § 756. — Vattel, кн. I, § 269. — Pradier-Fodéré, Cours, § 807.

теля, приращеніе принадлежитъ владѣльцу берега потому, что, приобретаемая земля, онъ тѣмъ самымъ впередъ приобретаетъ право на намывъ ¹⁾).

Тѣ же въ сущности начала рѣшаютъ вопросъ о такъ называемомъ *уносѣ* (*avulsio*) ²⁾. На унесенную землю распространяется власть того государства, гдѣ уносъ остановится. Блюнчли: «Кто собственникъ этой земли, для государственнаго верховенства рѣшительно все равно, и государство не можетъ поставить въ зависимость отъ этого вопроса ни развитія своего могущества, ни безопасности своихъ границъ» ³⁾. Впрочемъ на счетъ участи уноса существуютъ самыя разнообразныя мнѣнія. Такъ, Ваттель считалъ, что унесенная часть земли, если она еще отличается чѣмъ-либо отъ берега, остается за прежнимъ хозяиномъ ⁴⁾. Мартенсъ ⁵⁾ смягчаетъ это требованіе, давая даже въ такомъ случаѣ прежнему владѣльцу земли одно право на вознагражденіе. «*Si le terrain est reconnaissable, elle peut donner lieu a des indemnités*». Кюберъ ⁶⁾ предвидитъ приобрѣтеніе собственности «*par atterrissement subit*», а Dudley-Field ⁷⁾ предлагаетъ, чтобы государство, которому принадлежала унесенная часть земли (*une partie considérable et reconnaissable*), имѣло право требовать ее обратно въ течение годичнаго срока, если только возможно возстановить ее въ предѣлы прежней территоріи; «если же она не была своевременно возвращена, она образуетъ часть той территоріи, гдѣ находится въ данное время». По мнѣнію Фиоре ⁸⁾, собственникомъ уноса остается прежнее государство (*la nation qui en était propriétaire*); если же оно не можетъ имъ пользоваться въ виду происшедшихъ въ немъ перемѣнъ, то онъ присоединяется къ владѣ-

¹⁾ Кн. I, § 268.

²⁾ Прадье-Ф., Cours, § 812: „Il ya avulsion lorsqu'un fleuve ou une rivière emporte par une force subite une partie considérable et reconnaissable d'un terrain riverain et la réunit, soit par adjonction ou juxtaposition, soit par superposition à un terrain inférieur ou à un fonds situé sur la rive opposée“.

³⁾ § 295 кодекса, прим.—Oppenheim, III, 7.

⁴⁾ Vattel, l. I, § 268.

⁵⁾ Précis, 2 éd. Vergé, l. II, Ch. I, § 45.

⁶⁾ Droit des gens, 1874, § 134, p. 190.

⁷⁾ Projet d'un code, trad. par Albéric Rolin, 1881, Art. 44, p. 20.

⁸⁾ Nouveau droit in-l public, par Pradier-Fod. 1868, p. I, t. I, p. 444.

ніямъ другой страны, но «послѣдняя должна уплатить вознагражденіе, которое опредѣляется по договорамъ и конвенціямъ». Другіе писатели также выступаютъ каждый съ своими предложеніями, что вызываетъ насмѣшливыя замѣчанія Прадье-Фодере. «Надо согласиться», говоритъ онъ, «что все это разнообразіе мнѣній высказывается по совершенно пустому вопросу.... Эти фантастическія гипотезы могутъ осуществиться, собственно говоря, только тогда, когда дѣло идетъ о кускахъ земли, принадлежащихъ частнымъ лицамъ, береговымъ собственникамъ.... Но можетъ-ли случиться, чтобы.. цѣлая территорія была поднята рѣкою и принесена къ берегамъ (juxtaposé) другого государства, или, — что еще фантастичнѣе, — чтобы часть страны была внезапно перенесена на поверхность другой страны. Это мечты больныхъ умовъ. Но и во всѣхъ подобныхъ случаяхъ можетъ быть вопросъ не о томъ, какъ ошибочно предполагаетъ Блончли, чтобы «допустить иностранную державу основаться на чужомъ берегу», а о томъ, чтобы разрѣшить ей придти и взять обратно, поднять свою территорію» ¹⁾. Начавъ съ критики, Прадье-Фодере самъ приходитъ, думается намъ, къ невозможнымъ выводамъ. Для того, чтобы говорить о международноправовой собственности государства на его территорію, или, если слѣдовать нашему пониманію международныхъ территориальныхъ отношеній, о верховныхъ правахъ государства на занимаемую имъ часть поверхности земли, нѣтъ надобности имѣть дѣло непосредственно съ большими частями суши. Эти права распространяются на всѣ части ея, которыя такимъ образомъ, во первыхъ, находятся въ частной собственности отдѣльныхъ физическихъ и юридическихъ лицъ, а во вторыхъ, въ международноправовой собственности или власти самого государства. Для того, чтобы возбуждался вопросъ о той или другой, достаточно собственно, чтобы даже небольшая глыба земли была перенесена въ сосѣднее государство. Между тѣмъ Прадье-Фодере мерещилось перенесеніе водою цѣлыхъ территорій и онъ рѣшился выставить относительно такого по истинѣ уже фантастическаго случая особое правило.... Все это разногласіе происходитъ отъ того, что писатели не выяснили себѣ въ достаточной степени различія между публичной властью государства надъ территоріей

¹⁾ Прадье-Фодере, Cours, § 814.

и правомъ собственности, которое можетъ принадлежать въ силу національнаго права и физическимъ, и юридическимъ лицамъ. Право собственности на кусокъ земли, унесенный хотя бы въ предѣлы иностраннаго государства, можетъ сохраняться по гражданскому праву, но власть прежняго государства надъ нимъ прекращается. Самое большее, что къ нему можетъ быть примѣнено какое-нибудь начало междунагоднаго гражданскаго права ¹⁾. Если бы писатели дѣлали это различіе, различіе между публичноправовой и частноправовой стороною одного и того же отношенія, то они не предлагали бы вознагражденія государству, откуда унесенъ кусокъ, или т. п. Путаница и неясность понятій есть одно изъ главныхъ золъ современнаго междунагоднаго права. Никакого вознагражденія государство, куда унесена земля, давать не обязано, такъ какъ отъ уноса выигрываетъ не оно, но собственникъ того участка, къ которому кусокъ земли присоединился.

Что касается *insula in flumine nata*, то прямое приложеніе принциповъ римскаго права къ случаямъ междунагодной практики также невозможно, такъ какъ оно считаетъ границей между двумя сосѣдями не тальвегъ, а всегда середину рѣки. Такимъ образомъ, островъ, образовавшійся посрединѣ рѣки, по римскому праву долженъ быть раздѣленъ пополамъ между прибрежными владѣльцами, а по междунагодному, очень вѣроятно, отойдетъ, по крайней мѣрѣ на судоходныхъ рѣкахъ, къ одному изъ нихъ. Вообще островъ принадлежитъ полностью или въ извѣстной части тому государству, въ предѣлахъ котораго онъ вполне или въ извѣстной части образовался. Поэтому опять-таки мы не можемъ согласиться съ слѣдующими неточными положеніями кодекса Блончли: «Если образуются на рѣкахъ новые острова, то они принадлежатъ ближайшему побережному государству, если нѣтъ на это особыхъ трактатовъ. Если островъ образуется посрединѣ рѣки, то онъ подлежитъ раздѣлу поровну между государствами, лежащими по берегамъ» (ст. 295). Въ ст. 4. перваго проекта Энгельгардта соотвѣтствующее постановленіе выражено нѣсколько иначе: «Острова, образующіеся въ общей рѣкѣ (*un cours d'eau commun*), принадлежатъ ближайшему берегу. Тѣ, которые возникаютъ среди рѣки, раздѣляются пропорціонально между береговыми государствами».

¹⁾ Pradier-Fodéré, Cours, § 814.

Однако основная мысль остается та же самая¹⁾. На томъ же основаніи, если островъ образуется въ границахъ государства вслѣдствіе того, что сила теченія оторветъ отъ противоположнаго, чужаго берега кусокъ земли и перенесетъ его на другую сторону рѣки, островъ этотъ будетъ принадлежать только этому государству. Наконецъ, если въ томъ мѣстѣ рѣки, гдѣ возникъ островъ, существуетъ по обѣимъ его сторонамъ два тальвега равнаго значенія, то островъ можетъ быть раздѣленъ между прирѣчными государствами пополамъ и пропорціонально протяженію ихъ береговъ. И это потому главнымъ образомъ, что и сама рѣка, даже судоходная, можетъ быть раздѣлена въ такихъ случаяхъ по срединной линіи. Нѣсколько на другихъ основаніяхъ рѣшается вопросъ объ островахъ, образующихся внѣ границъ государства въ открытомъ морѣ, но господствующимъ надъ устьемъ рѣки. Современная теорія утверждаетъ, что право на этотъ островъ принадлежитъ только тому государству, которое владѣетъ устьемъ рѣки. Если же владѣльцевъ двое, то имъ обоимъ. Береговое государство не можетъ допустить иностранную державу занять пунктъ, который впоследствии можетъ угрожать его безопасности. Блюнчли пишетъ: «Слѣдуетъ допустить, что власть государства надъ бассейномъ рѣки и ея устьевъ обуславливаетъ для него дальнѣйшее право на занятіе острововъ, образующихся вслѣдствіе наносовъ рѣки въ морѣ, до тѣхъ поръ свободномъ отъ государственнаго занятія» (Кодексъ, § 295 прим. 2)²⁾. Поправляя его, Прадье-Фодере говоритъ, что острова пріобрѣтаются не черезъ оккупацию, но черезъ приращеніе. Съ правильной точки зрѣнія и то, и другое, и вся теорія вообще ошибочны. На самомъ дѣлѣ, ни въ трактатахъ, ни въ обычаяхъ подобнаго правила мы не находимъ. Если же смотрѣть на него, какъ на теоретическое пожеланіе, то можно жалѣть о томъ, что оно неудачно формулировано. Что значитъ выраженіе: «островъ,

¹⁾ Буквально то же самое у Прадье-Ф., Cours, § 757. Болѣе здравыя мысли встрѣчаются въ § 815. См. тѣ же положенія въ Dictionnaire Calvo, II (р. 383).—Правильное ученіе о власти надъ островами даетъ Klüber, 2 éd. Ott, § 134, р. 190.—Ср. Günther, Völkerrecht, II, 57 f.

²⁾ См. примѣръ у Филиморѣ, I, 240. Островъ близъ устья Миссиссипи.—Общее правило о занятіи одновременно съ твердой землею и прилегающихъ острововъ, Pradier-F., Cours, § 757.

образующійся вслѣдствіе наносовъ рѣки въ морѣ»? Если подъ этимъ подразумѣваются острова, возникающіе около устьевъ рѣки въ территоріальномъ морѣ, то сомнѣнія о принадлежности ихъ береговому государству или береговымъ государствамъ быть конечно не можетъ. Береговое море, что бы ни говорили нѣкоторые авторы, образуетъ часть владѣній прибрежнаго государства. Если же островъ образуется въ открытомъ морѣ, за предѣлами береговаго моря, тамъ, гдѣ безсилно отдѣльное государство и гдѣ властвуетъ ихъ совокупность, то ни о какомъ правѣ береговой страны на приращеніе, ни о какомъ правѣ на оккупацию морское право не говоритъ. Предлагая новое начало, слѣдовало бы точно опредѣлить по крайней мѣрѣ границы пространства, на которомъ оно должно дѣйствовать. Выставляя же такую статью, которую предлагаетъ Блюнчли, значить замѣнять современное вполне недвусмысленное положеніе вещей съ общимъ началомъ: *res nullius cedit primo occupanti* во главѣ, новымъ, шаткимъ и неопредѣленнымъ. Самое плохое однако въ томъ, что предлагаемое авторами начало не можетъ быть болѣе точно формулировано. На самомъ дѣлѣ, на какомъ отдаленіи отъ берега островъ все еще будетъ господствовать надъ рѣкою? Если ширина территоріальнаго моря недостаточна, то гдѣ же остановиться? И есть-ли вообще какая-нибудь граница взаимному недобвѣрію и подозрительности современныхъ государствъ? Намъ кажется, нѣтъ надобности измѣнять дѣйствующее право. Острова территоріальнаго моря принадлежатъ мѣстному государству. Острова въ открытомъ морѣ—первому занимателю.

Въ заключеніе два замѣчанія. Нѣкоторые старые писатели находили возможнымъ и *ученіе объ островахъ* ставить *въ связь съ римскимъ дѣленіемъ полей на арцифинальныя, разграниченныя и отмыренныя*. По мнѣнію Пуфендорфа, если пограничная рѣка между двумя опредѣленно ограниченными или отмыренными территоріями безхозяйна, острова и намывы на ней принадлежатъ первому оккупанту, каковымъ считается владѣтель ближайшаго берега. Если рѣка принадлежитъ одному государству, то острова, образующіеся въ ней, также составляютъ его достояніе, а намывы у противоположнаго берега должны быть скорѣе всего предоставлены другому народу¹⁾. Если на-

¹⁾ De jure naturae et gentium, l. IV. C. VII. § XI.

конецъ рѣка раздѣляетъ арцифинальныя территоріи, приращенія принадлежатъ владѣльцу того или другаго ближайшаго берега. Такимъ образомъ, не смотря на искусственно созданныя трудности, теорія Пуфендорфа не дала намъ ничего новаго. Неудачное увлеченіе римскимъ правомъ однако не ограничивается этимъ.

Нормы, которыми регулируются отношенія между государствами по *alluvio, avulsio, insula in flumine nata* съ внѣшней стороны снова почти тѣ же въ междугосударственномъ правѣ, что и въ гражданскомъ. Поэтому большинство безъ дальнихъ размышленій утверждаетъ, что «для разрѣшенія этихъ вопросовъ на практикѣ обыкновенно руководствуются принципами римскаго права, которые можно найти и въ гражданскомъ законодательствѣ большинства европейскихъ народовъ»¹⁾. Нѣкоторые же писатели еще болѣе прямолинейны. «Если рѣка составляетъ границу государства или частной собственности, положенія одни и тѣ же. Она принадлежитъ прибрежнымъ владѣльцамъ. Вопросы о наплывѣ, перемѣнѣ русла, нарождающихся островахъ—рѣшаются одинаковымъ образомъ»²⁾. Частнопредваровая конструція отношеній государства къ его территоріи особенно благопріятствовала подобному взгляду. «Между народами, какъ и между индивидами, право собственности на вещь заключаетъ въ себѣ также право на естественныя приращенія, напр. на намывы и уносы (*atterrissement*)»³⁾. Однако это далеко не такъ. Въ основаніи соответствующихъ началъ международнаго права лежатъ совершенно другія соображенія, соображенія не собственности, но власти. Общее юридическое начало: *res accessoria sequitur rei principali*⁴⁾ выражается въ междугосударственномъ правѣ не частнопредваровымъ положеніемъ ст. 424 X т. ч. I Свода Законовъ: «По праву частной собственности на землю, владѣлецъ ея имѣетъ право... на

¹⁾ Dictionnaire, Calvo, Alluvions.

²⁾ Наумовъ, Шельда, с. 18.

³⁾ Martens, Précis, 2 éd. Vergé, l. II, Ch. I, § 45.—Günther, Völkerrecht, II, 57.

⁴⁾ Proudhon (Traité du domaine de propriété); „L'accessoire.... soumis à la loi du principal“.

всѣ ея принадлежности», но публичноправовымъ началомъ: *quidquid est in territorio est etiam de territorio* ¹⁾).

§ 5. Верховныя права государства надъ озерами.

Съ точки зрѣнія физической географіи озера принадлежатъ къ прѣснымъ водамъ и являются большею частью *расширеніемъ рѣкъ*. Въ экономическомъ отношеніи они играютъ такую же роль, какъ и рѣки. Современное международное право опредѣляетъ ихъ положеніе въ общемъ подобно рѣкамъ ²⁾. Если мы останавливаемся на нихъ въ особомъ параграфѣ, то главнымъ образомъ потому, что до сей поры въ литературѣ о нихъ говорилось съ общей точки зрѣнія только мимоходомъ и урывками, между тѣмъ нѣкоторые особенности опредѣляющаго ихъ права могутъ быть не безъ пользы для выясненія природы, отличительныхъ чертъ и главныхъ частей рѣчного

¹⁾ Къ тѣмъ сноскамъ, которыя были сдѣланы на предшествующихъ страницахъ, присоединяю еще нѣкоторые литературныя указанія: Bello, Principios de derecho de gentes. Paris. 1847. P. I, c. III, § 2.—Bowyer, Commentaries on universal public law, London. 1834, c. XXVIII, p. 367.—Calvo, Le droit int-l, § 233 (éd. 2).—Caratheodory, нѣм. р., § 68, S. 306—307.—Idem, фр. р., p. 62 s.—Creasy, First Platform, § 247.—Criscuolo, La sovranità, p. 63.—Garden, Traité complet de diplomatie. 1833, t. I, p. 390.—Grotius, l. II, c. 3, §§ 17, 16.—Günther, Völkerrecht, t. II, pp. 55, 57—64 s.—Hall, International l., p. 104.—Heffter, Völkerrecht, §§ 66, 69.—Klüber, éd. 1861 (Guillamin), § 134 и пр. а, p. 170.—Martens, Précis, éd. 2 (Vergé), § 45, t. I, p. 152 s., § 39, p. 136.—Massé, Le droit commercial, t. I, § 112.—Ortolan, Domaine, §§ 78—93.—Pando, Derecho int-l. 1843, p. 99.—Puffendorf, De jure naturae, l. 4, c. 5, § 8, c. 7, § 11.—Pradier-F., Grotius, t. I, p. 459.—Rayneval, Institutions, l. II, c. XI, § 2 s.—Riquelme, Elementos de derecho publico int-l. 1849, t. I, l. I, tit. I, c. IV, p. 83.—Schiattarella, Propedeutica, p. 458—460.—Twiss, Peace, §§ 146—147.—Vattel, éd. 1863, l. I, Ch. XXII, §§ 268, 270, 277 (t. I).—Vergé, Précis de Martens, t. I, p. 153.—Wildmann, Institutes of int-l law. 1849, p. 76.—Wolff, Jus gentium, §§ 108, 109.

²⁾ Pradier-F., Cours, § 758.—Блюмчи, Кодексъ, § 316 прим.—Rivier, Lehrbuch, S. 152.—Въ актѣ 1835 г. къ водамъ р. Конго опредѣленно отнесены и озера (стст. 1, 2, 15).

права народовъ. Если озеро обширно, его можно называть моремъ или закрытымъ и внутреннимъ моремъ, но юридическое положеніе его отъ этого ни мало не измѣняется ¹⁾. «Свобода судоходства по морю допускаетъ одно единственное исключеніе», говоритъ Каратеодори ²⁾. Внутреннія моря, въ которыя «не можетъ проникнуть ни одно судно изъ открытаго моря», «составляютъ, подобно озерамъ, составную часть территоріи окружающихъ ихъ странъ» ³⁾. Быть можетъ слѣдуетъ сдѣлать еще одинъ шагъ и рѣшить, что всякое пространство воды, не имѣющее морскаго сообщенія съ открытымъ моремъ, есть озеро, не смотря на его величину и др. свойства. Такъ, не имѣетъ никакого значенія то обстоятельство, что нѣкоторыя озера наполнены соленою водою. Тѣ жизненные интересы, которые бывають связаны съ озерами, отъ этого ни мало не измѣняются. И мы имѣемъ право въ видѣ исключенія и согласно тому, какъ это дѣлается обыкновенно, отнести и эти скопленія влаги къ водамъ рѣчнымъ или, какъ ихъ также называютъ, прѣснымъ. Нѣкоторые считаютъ за особый видъ озеръ озера, расположенныя въ непосредственной близости свободнаго моря, но юридическое положеніе ихъ ничего особеннаго опять-таки не представляетъ ⁴⁾. На ихъ юридическую природу не вліяетъ и то, что нѣкоторыя изъ нихъ соединяются съ моремъ рѣкою или искусственнымъ прѣсповоднымъ каналомъ, другіе же, наоборотъ, совершенно отрѣзаны отъ океана. Совершенно одинаковое мѣсто въ правѣ съ озерами занимають пруды, лагуны и тому подобныя небольшія собранія влаги ⁵⁾. Наконецъ мы можемъ называть озера международными, національными, международноправовыми, договорными и т. п. именно въ тѣхъ самыхъ случаяхъ, когда мы употребляемъ эти прилагательныя относительно рѣкъ.

Находится ли озеро внутри одной территоріи или среди нѣсколькихъ, оно, какъ принадлежность земли, никогда не считается свободнымъ отъ всякой верховной власти. Озеро,

¹⁾ Прадье-Ф., Cours, § 758.

²⁾ Нѣм. р., S. 378.

³⁾ Rayneval, Institutions du Droit de la nature et des gens, I, 300.

⁴⁾ Прадье-Ф., Cours, § 657.

⁵⁾ Klüber, 2 éd. Ott, § 130, p. 180.

заключенное въ земли, принадлежащія одному *государству*, *принадлежитъ* ему всецѣло¹⁾.

Опредѣлить положеніе интернаціональныхъ озеръ болѣе трудно, такъ какъ они бывають нерѣдко *подчинены* *совершенству береговыхъ государствъ*, не подѣлившихъ еще между собою ихъ воднаго пространства. Только въ такомъ смыслѣ мы можемъ понять слѣдующія слова Каратеодори: «Если внутреннія моря или озера окружены многими государствами, то ихъ положеніе опредѣлится по аналогіи съ международными рѣками и они являются объектомъ международноправовыхъ отношеній между береговыми государствами. Эти послѣднія образуютъ по отношенію къ небереговымъ государствамъ «*eine behördliche Collectivinstanz in gemeinsamer Ausübung ihrer Gebietshoheit*»²⁾. Приблизительно такъ же думаетъ и Реттихъ. Если внутреннее озеро принадлежитъ нѣсколькимъ государствамъ, то эти послѣднія «образуютъ по отношенію ко всѣмъ остальнымъ, которыя не граничатъ съ нимъ, одно цѣлое (*eine geschlossene Einheit*)». «Этому цѣлому, которому противостоитъ вся совокупность (*Gesamtheit*) небереговыхъ странъ, принадлежитъ исключительное верховное право надъ озеромъ»³⁾ Остановимся на нѣсколько минутъ на положеніи кондоминатныхъ (отъ сл. *Condominat*, а не отъ сл. *condominium*) озеръ.

Кондоминатное состояніе озеръ составляетъ общее правило, главнымъ образомъ потому, что проведеніе границъ на озерѣ гораздо труднѣе, чѣмъ на рѣкѣ. Въ случаяхъ сомнѣнія предполагается поэтому подчиненіе его совершенству береговыхъ странъ. Подобное международное кондоминатное состояніе есть конечно отношеніе публичнаго права, а не гражданскаго. При отсутствіи особыхъ договоровъ и противныхъ правилъ обычая, «по естественному праву», какъ выражается Реттихъ, береговья государства имѣютъ равныя права на озеро. Договоры могутъ утвердить это равенство или наоборотъ создать особое привилегированное положеніе для одного изъ береговыхъ владѣльцевъ. Мнѣніе Каратеодори и Реттиха, что подобное неравенство никогда не будетъ имѣть юридическаго

¹⁾ Pradier-Fodéré, § 758. — Влюнчли, Кодексъ, § 316.

²⁾ Каратеодори, н. р., С. 378. — Влюнчли, Кодексъ, § 316.

³⁾ Bodensee, S. 6.

значенія, рѣшительно ни на чемъ не основано ¹⁾. Однако рядомъ съ публичноправовымъ отношеніемъ устанавливается обыкновенно и частнопредельное. Такимъ образомъ съ гражданско-правовой стороны мы имѣемъ обыкновенно *dominium pro indiviso* или, быть можетъ, еще чаще общественное пользование жителей береговъ вещь, никому въ собственность не принадлежащей, а съ публичноправовой *Condominat* береговыхъ странъ. «Эта система», говоритъ Каратеодори, «самая удобная»²⁾. Какъ по отношенію къ первому, такъ и по отношенію ко второму («um sowohl im Hinblick auf die eigenthumsrechtliche, wie auf die staatsrechtliche Seite der Verhältniss») государства нуждаются въ договорѣ, который бы точно опредѣлилъ ихъ взаимныя права и обязанности, если только они не выяснены въ достаточной степени обычаемъ («falls nicht eine auf stillschweigendem Uebereinkommen beruhende und genügend bewährte Übung besteht»)³⁾. Береговья государства могутъ напр. опредѣлить сферу своей взаимной компетенціи въ томъ или другомъ отношеніи. Это будетъ имѣть значеніе не международно-правового территориальнаго разграниченія, но только организационной мѣры въ дѣлахъ управленія («einer organisatorischen Verwaltungsmassregel der Condominanten»)⁴⁾.

Однако береговья государства могутъ также *подълить* между собою озеро. Раздѣлъ можетъ быть произведенъ только на основаніи особаго договора между ними и примѣнительно къ частнопредельнымъ опредѣленіямъ о кондоминіѣ, такъ какъ «озеро и раньше своего раздѣла принадлежало имъ всѣмъ сообща»⁵⁾. За основаніе дѣленія принимается середина озера. О тальвегѣ озера конечно нельзя говорить; за немногими исключеніями его вовсе нѣтъ или онъ слишкомъ неясенъ⁶⁾.

¹⁾ Каратеодори, нѣм. р., S. 378. — Реттихъ (*ibid.*, S. 7): Право исключительнаго пользованія одного изъ нихъ „besteht es nun auf Grund Hundertjähriger Gewohnheit oder eines geschriebenen Vertrages in letzter Linie nur durch Uebermacht und Gewalt entstanden sein konnte und darum kaum als rechtlicher Zustand gelten darf“.

²⁾ Нѣм. раб., S. 379.

³⁾ Rettiich, *ibid.*, S. 12.

⁴⁾ Caratheodory не понялъ этого положенія и въ прим. 7 на с. 383f. указалъ его смѣсью. — Ср. Rettiich, *ibid.*, S. 12.

⁵⁾ Rettiich, *ibid.*, S. 9.

⁶⁾ Pradier-F., Cours, § 758. — Vattel, Кн. I, § 274. — Fiore, Nouveau

Производя раздѣлъ озера, государства не получаютъ однако полнаго права распоряжаться имъ по своему усмотрѣнію. Такъ, положимъ, ни одно изъ нихъ не можетъ осушать выдѣленную ему часть, такъ какъ это повлекло бы высыханіе остальныхъ, а международное право «обеспечиваетъ по крайней мѣрѣ во время мира полную неприкосновенность сосѣднихъ территорій»¹⁾. Мало того, береговья государства обыкновенно предоставляютъ другъ другу и взаимнымъ подданнымъ соотвѣтствующія права на своихъ частяхъ озера²⁾.

Нѣкоторые авторы придерживаются впрочемъ *другихъ воззрѣній*. Пинхейро-Феррейра³⁾ утверждаетъ, что граница проводится какъ на рѣкахъ, такъ и на озерахъ или по серединѣ русла, или по серединѣ судоходнаго канала (du canal navigable). Къ сожалѣнію, онъ не указалъ ни одного примѣра, гдѣ возможно было на озерѣ констатировать направленіе этого судоходнаго канала. По мнѣнію Г. Мартенса⁴⁾ вопросъ о границѣ на озерѣ можетъ быть рѣшенъ двояко. Если одинъ изъ береговъ озера занятъ народомъ въ то время, когда другіе берега были безхозяйны, озеро считается занятымъ до противоположнаго берега. Въ противномъ случаѣ—границей служитъ середина озера. Однако съ нимъ едва-ли можно согласиться, во первыхъ, потому, что онъ упустилъ изъ виду третье рѣшеніе вопроса—установленіе кондомината на озерѣ, а вовторыхъ, по-

droit, I, p. 359 (trad. de Pradier-Fodéré).—Блончли, Кодексъ, § 316, § 301.—Caratheodory, нѣм. р., S. 383.—Договоръ 1554 г. между Баденомъ, Кантономъ Тюргау и Констанцемъ (Gesetzsammlung für den Canton Thurgau. I. 1865. S. 113) относительно Zellersee.—То же см. договоръ 1855 г. между Швейцаріей и Баденомъ (ibd.).—Относительно Женевскаго озера см. договоръ въ Лозаннѣ отъ 30 окт. 1564 г. между Савойей и Верномъ (Sammlung der eidgenöss. Abschiede, Bd. IV, Abth 2. S. 1503).—Ср. das Erkenntniss der eidgenössischen Stände 1681 года у Leu, Helv. Lexicon, Bd. 4. S. 159.—Относительно всего атого см. Rettich, S. 10 f.—Caratheodory, S. 383.

¹⁾ Rettich, ibd., S. 10.

²⁾ Caratheodory, нѣм. раб., S. 378—379.

³⁾ Прим. къ § 39 Précis du droit des gens Мартенса, t. I, p. 134, 2 éd. Vergé.

⁴⁾ 2 éd. Vergé, § 39, t. I, p. 134.

тому, что захватъ озера въ однѣ руки противорѣчитъ общей тенденціи современнаго международнаго права уравнивать, гдѣ возможно, положеніе различныхъ государствъ. Блончли пишетъ: «Опредѣленіе средней линіи здѣсь, разумѣется, еще труднѣе, чѣмъ на рѣкахъ, и вслѣдствіе практическихъ соображеній часто бываютъ принуждены допустить на озерѣ совмѣстную власть прибрежныхъ государствъ или принять въ соображеніе національность корабля». Последнее предлагаемое имъ средство для разрѣшенія затрудненій на пограничныхъ озерахъ врядъ-ли возможно считать вполне удовлетворительнымъ. При дѣйствіи его ни одно береговое государство не могло бы задержать судна, которое у самаго его берега занималось контрабандой, неправильной рыбной ловлей и т. п. Къ тому же далеко не все отношенія на озерѣ происходятъ на отдѣльныхъ корабляхъ и даже вообще на корабляхъ. Наконецъ есть писатели, которые предлагаютъ, чтобы международныя озера разсматривались, какъ свободныя моря¹⁾. Это предложеніе рѣшительно несообразное съ тѣмъ положеніемъ, которое они занимаютъ въ международныхъ отношеніяхъ, не имѣло никакого успѣха ни на практикѣ, ни въ литературѣ.

Такимъ образомъ съ точки зрѣнія теоріи озеро можетъ быть или въ публично-правовомъ кондоминатномъ обладаніи береговыхъ государствъ, или подѣлено между ними поровну. *Международный договоръ или обычай могутъ установить и другія начала* для отдѣльныхъ случаевъ²⁾. Такъ, озеро Каспійское принадлежитъ исключительно Россіи, озеро Лугано частью Италіи, частью Швейцаріи, а частью составляетъ ихъ кондоминатное владѣніе (по обычаю).

Немалыя различія между современными авторами мы наблюдаемъ и тогда, когда они пытаются опредѣлить *международно-правовую власть государства надъ озерами*. Одни счи-

¹⁾ Calvo, Derecho internacional teorico y practico . de Europa y America (V. 1, § 156; то же см. Le droit international, 2 éd. 1870, § 214, t. I, p. 328): „Puede suceder sin embargo, que las costas de los lagos pertenezcan a dos ó mas naciones y entonces tendrán que considerarse forzosamente como mares libres“.

²⁾ Прадье-Фодере, Cours, § 758. — Vattel, кн. I, § 274.—Блончли, Кодексъ, § 301.

таютъ ее правомъ собственности, другіе суверенитетомъ, третьи суверенитетомъ и правомъ собственности ¹⁾, наконецъ четвертые употребляютъ такіе «средніе» термины и выраженія, что выяснитъ въ точности ихъ взглядъ нѣтъ возможности. На этихъ вопросахъ мы не остановимся уже, такъ какъ они достаточно рассмотрѣны нами въ параграфахъ 1—2. Правильное рѣшеніе для озеръ то самое, которое мы установили для рѣкъ.

Теперь нѣсколько словъ *объ измѣненіяхъ*, которыя могутъ происходить *въ озеръ*. Если пограничное озеро принадлежитъ одному береговому государству, власть послѣдняго распространяется и на земли, которыя вода можетъ вновь занять при поднятіи ея уровня. Требуется только, чтобы поднятіе воды было постепенное, прочное, не зависѣло отъ какихъ-либо случайныхъ причинъ или обычнаго въ извѣстныхъ части года разлитія воды. Правило это не касается тѣхъ случаевъ, когда образовывается новая бухта или новое озеро, соединенное съ первымъ. Послѣднія принадлежатъ тому государству, на территоріи котораго они возникли. «Таково», говоритъ Ваттель, «было намѣреніе тѣхъ народовъ, которые взаимно присвоили себѣ озеро и сосѣднія земли, и другаго нельзя предполагать» ²⁾. То же правило относится къ тѣмъ случаямъ, когда озеро составляетъ кондоминатное владѣніе береговыхъ государствъ. Наоборотъ, на озеряхъ, подѣленныхъ между послѣдними, поднятіе уровня воды на взаимныя территоріальныя отношенія береговыхъ государствъ не вліяетъ, если только середина озера отъ этого не перемѣщается на новое мѣсто. Если озеро раздѣлено между сосѣдними государствами на опредѣленныя части, всякаго рода измѣненія на берегахъ или въ руслѣ обыкновенно не отражаются на верховныхъ правахъ береговыхъ странъ. Отдѣльные вопросы рѣшаются при этомъ совершенно такъ же, какъ они поставлены на рѣкахъ. Если озеро принадлежитъ одному береговому государству или всѣмъ имъ сообща (кондоминатъ), то приращенія къ берегамъ достаются мѣстному государству и составляютъ дѣйствительное приобрѣтеніе государства, владѣющаго берегомъ.

¹⁾ Ваттель (т. I, § 278): „L'empire ... appartient naturellement (?) à chaque Etat sur la portion ou sur le tout, dont il a le domaine“.

²⁾ Кн. I, § 275.

Острова на озерѣ составляютъ въ первомъ случаѣ достояніе владѣльца озера, во второмъ кондоминатное владѣніе. Ставъ на такую точку зрѣнія, мы должны отвергнуть нѣкоторыя принятія въ литературѣ положенія. Неправъ, положимъ, Ваттель, утверждая, «что приращенія всегда принадлежатъ странѣ, къ которой они присоединяются»¹⁾. Наконецъ, «если озеро внезапно высохнетъ на всемъ своемъ пространствѣ или на большей части, ложе будетъ принадлежать тому, кто имѣлъ суверенныя права надъ озеромъ»²⁾.

На этомъ мы кончаемъ изложеніе вопроса о верховныхъ правахъ государства надъ его рѣчными или рѣчными водами. Предшествующее изложеніе, думается, не оставило никакого сомнѣнія въ нашихъ воззрѣніяхъ на сей счетъ. Къ сожалѣнію, намъ пришлось уклониться отъ принятыхъ воззрѣній. Но установивши общую точку зрѣнія на этотъ вопросъ, мы нашли лишнимъ въ такомъ специальномъ изслѣдованіи, какъ это, рѣшительно *порывать съ языкомъ, употребляемымъ въ литературѣ* относительно территоріальныхъ отношеній. Главная причина въ томъ, что въ противномъ случаѣ было бы очень трудно, если не невозможно пользоваться цитатами изъ авторовъ относительно частныхъ вопросовъ рѣчнаго права. Надо только помнить, что если мы говоримъ: «рѣка принадлежитъ береговому государству» или «государство—владѣлецъ берега» и т. п., то при этомъ имѣемъ въ виду отношенія публичноправовыя, а не частноправовыя. Того же самаго правила относительно общепринятаго словоупотребленія мы держимся и въ дальнѣйшихъ главахъ и параграфахъ.

¹⁾ Кн. I, § 276.

²⁾ Ваттель, I, § 277.—Bluntschli, Das moderne Völkerrecht. Art. 300, 301, 306, 316, 319, 321.—Calvo, Droit in-1, 2 éd., t. 1, p. 328.—Caratheodory, нѣм. раб., S. 378 f.—Cancrin, Wasserrecht, S. 70.—A. Heffter (éd. Geffcken), Das Europäische Völkerrecht, §§ 66 и 77.—W. Hall, International Law. Oxford. 1880, p. 104.—Honsell, Der Bodensee und die Tiefenerlegung seiner Hochwasserstände.—Günther, Völk-t, II, 21.—Moser, Versuch des europ. Völkerrechts, V, 284, 188, 307. — Idem, Beyträge zu dem europ. Völk-t, V, 237. — Idem., Nachbarliches staatsrecht, S. 440.—Pradier-Fodéré, Cours, § 808.—H. Rettich, Die völker-und staatsrechtlichen Verhältnisse des Bodensees. Tübingen. 1884. 1 Theil. S. 5—12. — J. Ch. Wegelin, De dominio maris Suevici vulgo lacus Bodamici. Jenae. 1742.

Глава III.

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО РЪКЪ.

§ 1. Общее обозрѣніе гражданскихъ правъ иностранцевъ.

Одна изъ двухъ основныхъ задачъ, которыя должно выполнить право каждаго общенія, состоитъ въ установленіи тѣхъ границъ, въ которыя заключается дѣятельность отдѣльныхъ лицъ, стремящихся въ достиженію ихъ эгоистическихъ цѣлей, въ установленіи тѣхъ предѣловъ, дальше которыхъ не можетъ идти борьба между ними, въ опредѣленіи тѣхъ частныхъ интересовъ, которые не должны при этомъ нарушаться. Совокупность подобныхъ началъ образуетъ *гражданское право* того или другаго общественнаго соединенія. Последнее относительно многихъ, если не всѣхъ сторонъ жизни, предшествуетъ образованію публичнаго права. По крайней мѣрѣ, что касается международнаго общенія, это непреложная истина. Прежде чѣмъ создались международное административное право судоходства и рыбной ловли, относительно этихъ интересовъ дѣйствовали уже извѣстные частноправовыя начала. На выясненіи ихъ мы и остановимся въ этой главѣ.

Главный субъектъ гражданского права—физическое лицо, въ международномъ правѣ—иностранецъ. Изъ тѣхъ бѣглыхъ замѣчаній, которыя были сдѣланы относительно рѣчнаго права *среднихъ вѣковъ*, читатель видѣлъ, что *положеніе иностранцевъ* въ государствахъ того времени было весьма *неудовлетворительно*. При маломъ развитіи международныхъ сношеній, при всеобъемлющемъ господствѣ частноправовыхъ началъ, иностранецъ былъ безправенъ. Отдѣльный человекъ, какъ таковой, не могъ рассчитывать на признаніе своихъ самыхъ важныхъ, самыхъ священныхъ интересовъ. Чтобы имѣть какія-либо права, онъ долженъ былъ обладать извѣстнымъ могуществомъ личнымъ или тѣмъ, которое ему давала та общественная группа, къ которой онъ принадлежалъ. Если этой силы не было, оставалось въ лучшемъ случаѣ опредѣлять свое положеніе по договору. И вотъ, иностранецъ, который хотѣлъ сойти съ корабля на твердую землю, свезти свои товары на берегъ для продажи,

пройти через чужія владѣнія съ своей семьей и имуществомъ, долженъ былъ вступить предварительно въ переговоры съ мѣстными владѣтелями, условиться съ ними на счетъ взаимныхъ отношеній и тогда только приводить свои планы въ исполненіе. Иностранецъ, поселявшійся въ странѣ, записывался за того или другаго сильнаго человѣка, впослѣдствіи за короля. Уступая надъ собою извѣстныя права, онъ получалъ гарантію неприкосновенности своей жизни, своего имущества.

По мѣрѣ того, какъ падалъ феодальный порядокъ и на развалинахъ его складывались болѣе или менѣе крупныя абсолютныя монархіи, положеніе иностранца должно было существенно *измѣняться*. Переходъ къ новому времени ознаменовался великимъ религіознымъ, экономическимъ и умственнымъ броженіемъ. Дѣлались рѣшительныя попытки сбросить тягостныя средневѣковыя узы. Послѣдствіемъ эпохи возрожденія, реформации, открытій и изобрѣтеній было между прочимъ небывалое увеличеніе эмиграціи и иммиграціи, международнаго передвиженія лицъ и товаровъ. Впервые, по крайней мѣрѣ въ благороднѣйшихъ умахъ, проснулось живое чувство международной солидарности, солидарности самыхъ высокихъ интересовъ народовъ, и прежде всего интересовъ просвѣщенія, религіи, науки, искусства. Пробудилось чувство общности въ широкомъ смыслѣ этого слова. Въ виду всего этого, а также въ виду крупныхъ, сравнительно, размѣровъ новыхъ государствъ, стало немыслимо опредѣлять права каждаго пришельца по договору. Явилась необходимость въ общихъ нормахъ, въ общихъ началахъ. Одновременно съ этимъ на помощь послѣднему пришло его отечество, охраняя его своей могучею рукою отъ эксплуатаціи и насилій. Такимъ-то образомъ на почвѣ общаго повышенія цивилизаціи и въ силу международныхъ договоровъ и международного обычая, которые нашли свое подтвержденіе въ законахъ отдѣльныхъ государствъ, мало по малу выясняются, съ одной стороны, тѣ личныя, семейственныя, вещныя, обязательственныя и наследственныя права, которыя принадлежатъ каждому, даже лицу безъ подданства, даже подданному непріятельской стороны въ предѣлахъ всего образованнаго міра, а съ другой, тѣ особыя права и преимущества, которыя предоставляются только подданнымъ извѣстныхъ странъ, состоящихъ въ извѣстныхъ договорныхъ или обычныхъ отношеніяхъ между собою.

Государства нашихъ дней не допускаютъ уже того, чтобы

въ ихъ предѣлахъ могло находиться лицо безправное, противъ котораго все возможно. Подобное явленіе противорѣчитъ всѣмъ тѣмъ чувствамъ и тѣмъ идеямъ, которыми живетъ современное человѣчество, а дѣйствующая международная организація даетъ возможность каждой странѣ покровительствовать своимъ подданнымъ, гдѣ бы они въ данное время ни находились. Сначала впрочемъ положеніе иностранцевъ все еще весьма плохо. Правительства считаютъ возможнымъ прибѣгать ко всякаго рода неблагоприятнымъ приемамъ для того, чтобы извлекать изъ нихъ побольше выгодъ для казны. Въ этомъ сказывается еще наслѣдіе среднихъ вѣковъ. Но и этого рода ограниченія исчезаютъ одно за другимъ, пока наконецъ не выясняется, что, говоря о правахъ иностранцевъ, надо всегда различать публичные и частныя права ихъ. Если публичными правами иностранецъ пользуется главнымъ образомъ, если не исключительно, какъ представитель своего отечества, какъ представитель известной публичной организаціи, стоящей въ тѣсныхъ сношеніяхъ съ другими подобными же организаціями, причемъ случаи подобнаго пользованія опредѣленно указываются международнымъ правомъ, то гражданскія принадлежатъ ему большею частью просто потому, что онъ человѣкъ. Если отдѣльныя государства заключаютъ между собою договоры на счетъ взаимнаго признанія гражданскихъ правъ своихъ подданныхъ, то при этомъ имѣютъ большею частью въ виду не вновь надѣлять ихъ этими правами, но только лучше опредѣлить и выяснить эти послѣднія, давно уже въ сущности установившіяся, въ высшей степени согласныя съ общимъ благомъ народовъ и всѣми равно признанныя. Такимъ образомъ иностранцамъ предоставляется обыкновенно право вѣзда въ договаривающіяся страны, передвиженія въ ихъ предѣлахъ, остановки въ любомъ мѣстѣ, поселенія, занятія промыслами и торговлею, пріобрѣтенія, найма и пр. движимаго и недвижимаго имущества и т. д. Въ особенности же важно то, что, начиная съ XVIII в., мы можемъ констатировать всеобщую тенденцію постепенно уравнивать въ гражданско-правовомъ отношеніи иностранцевъ съ національными подданными....

Улучшенію положенія иностранцевъ не мало содѣйствуетъ характеръ нынѣшнихъ государствъ. *Государства современности* мало по малу *принимаютъ* тотъ универсальный, космополитическій характеръ, которымъ въ древности отличалась жизнь

Римскаго государства. Когда государства нашихъ дней защищаютъ общечеловѣческія права иностранца даже противъ его отечественнаго правительства (Китай, Турція), когда они обща принимаютъ мѣры для охраны человѣческой личности вообще (борьба съ рабствомъ), тогда ихъ міровое публичное назначеніе выступаетъ съ особою ясностью. И если ихъ преимущественное вниманіе обращается все-таки на національныхъ подданныхъ, то это не потому, что послѣдніе составляютъ членовъ данной публичной организаціи, не потому, что совокупность ихъ въ сущности и образуетъ данное государство. Современное государство не отождествляетъ себя съ своими гражданами во всемъ томъ, что касается ихъ частныхъ интересовъ и правъ. Есть болѣе высокія причины для этого. Съ точки зрѣнія международнаго права, каждое государство должно прежде всего служить своимъ подданнымъ потому, что только такимъ путемъ могутъ быть удовлетворены интересы всего человѣчества, раздѣленнаго на самостоятельные народы, потому что никакое другое государство о нихъ не заботится. Но, какъ дополнительная обязанность, на немъ лежитъ обязанность пещись также о всѣхъ лицахъ, пребывающихъ въ его предѣлахъ, и наконецъ о благѣ всѣхъ людей. Поэтому каждое государство усиленно поддерживаетъ своихъ подданныхъ въ странахъ нецивилизованныхъ и, наоборотъ, почти не вмѣшивается въ ихъ положеніе въ предѣлахъ образованнаго міра. Поэтому оно вообще отступаетъ назадъ всюду, гдѣ дана достаточная гарантія ихъ наиважнѣйшихъ интересовъ. Переставъ быть преимущественно частнопровымъ союзомъ извѣстныхъ лицъ, разставшись съ гражданскоправовой конструкціей публичныхъ отношеній, государства служатъ нынѣ общему благу, общимъ интересамъ въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова. Каждое изъ нихъ является нынѣ звѣномъ всеобщей публичной организаціи образованнаго человѣчества, звѣномъ, тѣсно соединеннымъ съ другими звѣньями одного и того же великаго цѣлаго. Они возвышаются, какъ воплощенія современной правды и добра, надъ однимъ и тѣмъ же великимъ океаномъ міровой жизни. А разъ это такъ, юридическое положеніе личности должно вырабатываться все болѣе и болѣе независимо отъ принадлежности ея къ отдѣльному государству, а право гражданское превращаться въ право космополитическое или международное гражданское право. Впрочемъ, до полнаго тор-

жества подобныхъ идей еще очень и очень далеко. На практикѣ до сихъ поръ то въ томъ, то въ другомъ отношеніи пробиваются наружу частноправовыя воззрѣнія на внѣшнія и внутреннія задачи государственной политики. Теорія также сдѣлала очень мало для выясненія истиннаго назначенія современнаго государства въ средѣ другихъ. вмѣсто того, чтобы рѣшительно развивать право, долженствующее обезпечить общіе интересы культурныхъ народовъ, государства попрежнему оцущью подвигаются впередъ, боясь каждую минуту сдѣлать ложный шагъ. У нихъ нѣтъ общей программы, нѣтъ даже общей идеи, которая освѣщала бы лежащій передъ ними путь. Ихъ международная дѣятельность развивается отъ факта къ факту, отъ случая къ случаю. Они сами не уяснили еще себѣ своего великаго значенія и призванія. Они выполняютъ свою высокую миссію, не отдавая себѣ въ ней отчета.

Въ силу того обстоятельства, что международный договоръ и обычай не навязываютъ народамъ какихъ-либо началъ, идущихъ въ разрѣзъ съ общимъ направленіемъ ихъ національной жизни, а особенно въ силу того, что въ международной частноправовой средѣ выступаютъ тѣ же дѣятели, съ которыми имѣетъ дѣло и національное гражданское право, нѣтъ пока особой надобности подробно опредѣлять гражданскоправовое положеніе международнаго индигената въ предѣлахъ международнаго общенія (и такъ будетъ до тѣхъ поръ, пока интернаціональная жизнь не станетъ такъ же развита, какъ и національная). Въ большинствѣ случаевъ современное международное право обрисовываетъ положеніе иностранца только нѣсколькими общими чертами, предоставивъ подробности гражданскому праву отдѣльной страны. Большею частью достаточно бываетъ опредѣлить: 1) *какіе интересы иностранца должны находить себѣ признаніе за границей* и 2) *какіе законы, т. е. право какого государства должно быть примѣняемо въ тѣхъ или другихъ случаяхъ*. Поэтому гражданское право народовъ далеко не представляетъ собою такой обширной системы нормъ, какъ публичное (оставляю въ сторонѣ современное пониманіе его, какъ процессуальнаго права). Какъ необходимый результатъ всего этого, частноправовой порядокъ отдѣльныхъ странъ и сложившіяся на основаніи его отношенія считаются юридическими во всемъ мірѣ. Взаимное признаніе образованными народами дѣйствующаго въ ихъ предѣлахъ права есть необходимое условіе

правильнаго развитія международной жизни. Международный договоръ говоритъ, что иностранцы должны вообще имѣть право приобретать земельные участки, заниматься промыслами, свободно передвигаться и поселяться въ странѣ и т. п. Мѣстное право опредѣляетъ ихъ положеніе во всѣхъ подробностяхъ.

Въ отношеніи правъ, безусловно признанныхъ за иностранцами въ силу договора и обычая, *мѣстное государство* безусловно связано. Во всѣхъ остальныхъ отношеніяхъ оно свободно. Оно *можетъ расширять и суживать права иностранца* по своему усмотрѣнію. Однако на практикѣ только особо важные политическіе или національные интересы могутъ оправдать то или другое ограниченіе гражданскихъ правъ иностранцевъ по сравненію съ правами подданныхъ и это ограниченіе будетъ правомѣрно конечно только въ такомъ случаѣ, если оно не нарушаетъ нормъ общаго или мѣстнаго международнаго права. Ограниченія могутъ вызываться заботами о военномъ могуществѣ страны, о ея національномъ единствѣ и т. п. соображеніями высшей политики. Каждый иностранецъ есть не только человекъ, но и членъ известной государственной организаціи, который желаетъ сохранить съ ней связь власти и подчиненія, связи котораго съ мѣстнымъ кореннымъ населеніемъ гораздо слабѣе, чѣмъ у національныхъ подданныхъ. Поэтому государство имѣетъ право принять противъ него, не выходя изъ границъ, указанныхъ правомъ, известныя мѣры предосторожности во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда интересы его могутъ идти въ разрѣзъ съ интересами отечества иностранца. Болѣе того, государство не можетъ забывать, что интересы иностранца стоятъ уже подъ охраной его отечества и, чтобы не ставить его въ особо благопріятныя условія по сравненію съ мѣстными подданными, должно особо заботиться о своихъ подданныхъ, объ ихъ интересахъ и пользахъ. Такая обязанность лежитъ на немъ передъ всѣмъ человѣчествомъ и такое право признается за нимъ всѣми. Если интересы мѣстныхъ подданныхъ не будутъ вполне удовлетворяться, терпятъ отъ этого будутъ не только они, но и всѣ образованные народы. Однако для того, чтобы ограниченія гражданскихъ правъ иностранцевъ, вытекающія изъ подобныхъ соображеній, на самомъ дѣлѣ были полезны, для того, чтобы государство могло дѣйствительно выиграть отъ нихъ, надо тщательно взвѣсить то, что получаетъ государство само или въ лицѣ своихъ поддан-

ныхъ съ тѣмъ, что оно теряетъ въ лицѣ иностранцевъ, или, какъ ихъ называютъ, временныхъ подданныхъ, и въ виду нарушенія общаго правила объ уравниеніи гражданскихъ правъ всѣхъ обитателей страны, со всѣми вытекающими отсюда послѣдствіями: стѣсненіемъ гражданского оборота, усложненіемъ задачъ администраціи, образованіемъ класса недовольныхъ внутри страны, наконецъ реторсіями со стороны отечества иностранцевъ.

Въ особенности могутъ быть вредны *стѣснительныя и запретительныя мѣры* противъ иностранцевъ, предпринимаемыя для того, *чтобы обезпечить за мѣстнымъ населеніемъ болѣе выгодное или по крайней мѣрѣ равное съ послѣдними положеніе въ гражданскомъ оборотѣ*, тѣ мѣры, которыя предпринимаются для того, чтобы уравнивать силы иностранца съ силами мѣстнаго жителя. Государство должно прежде всего заботиться о своихъ подданныхъ, а страна—давать пропитаніе прежде всего наличному, основному, природному населенію. Объ иностранцахъ заботится главнымъ образомъ ихъ отечество, для поприща ихъ дѣятельности открыты прежде всего области, принадлежащія ему, а равно ненаселенныя пространства земли. Но для достиженія разумныхъ задачъ экономической политики необходимы по возможности другія мѣры, а не запрещенія. Надо помнить, что если иностранецъ вытѣсняетъ на томъ или другомъ поприщѣ мѣстнаго подданнаго, значить онъ гораздо знающѣе, культурнѣе, умнѣе послѣдняго. Надо поэтому побивать его его же оружіемъ, знаніемъ, просвѣщеніемъ, культурностью. Лучшая защита страны нынѣ не Министерство военныхъ и морскихъ силъ, а Министерство народнаго просвѣщенія, Министерство духовныхъ силъ. Разъ свои будутъ также образованы, какъ и иностранцы, послѣдніе не страшны, хотя бы потому, что мѣстный житель выросъ въ той средѣ, гдѣ ему приходится дѣйствовать, а пришельцу необходимо еще приспособляться къ ней. Все въ ней: языкъ, нравы, экономическія, физическія и другія условія чужды ему. И велико должно быть могущество, которымъ снабдилъ его просвѣщеніе, если онъ можетъ побить мѣстнаго жителя въ его отечествѣ, вытѣснить его изъ его жилища, поработить его и воцариться на его мѣстѣ. Мирное завоеваніе образованными иностранцами невѣжественныхъ странъ есть необходимое послѣдствіе современной международной жизни. Никакія ограничительныя мѣры не помогутъ. Полное разобщеніе

съ остальнымъ міромъ невозможно. Частныя ограниченія, приносъ временную выгоду отдѣльнымъ классамъ или группамъ національныхъ подданныхъ, только ухудшаютъ общее положеніе дѣла. Вытѣснивъ иностранца изъ извѣстнаго рода дѣятельности и заставивъ все населеніе напрасно переплачивать за болѣе дорогіе продукты національнаго труда и худшаго качества, ограничительныя мѣры безцѣльно передвигаютъ контингентъ иностранцевъ изъ одного рода занятій въ другія и только. Никакое законодательство, сколько оно ни будетъ разрастаться, не угоняется за безконечно и безпрестанно мѣняющимися формами жизни. Допуская иностранца въ свои предѣлы, современное государство должно дать ему возможность прилагать свои силы къ тому труду, къ которому онъ наиболѣе способенъ. Только при такомъ условіи оно само извлечетъ всю ту пользу изъ пребыванія его въ странѣ, которую онъ способенъ принести сообразно своимъ знаніямъ и дарованіямъ. Между тѣмъ ограничительныя мѣры могутъ заставить его заниматься такими профессіями, для которыхъ онъ спеціально не подготовленъ. Наконецъ иностранецъ, даже оставаясь за границей, побѣдитъ и оберетъ мѣстнаго невѣжественнаго жителя. Если ему запретятъ быть матросомъ въ предѣлахъ иностраннаго государства, онъ будетъ за границей строить суда, машины, инструменты и продавать ихъ туда. Не на томъ, такъ на другомъ, а національный подданный потеряетъ столько, сколько стоитъ трудъ иностранца, его знанія и тѣ усилія, которыя надо было ему совершить, чтобы преодолѣть для достиженія своихъ цѣлей разныя законодательныя и иныя стѣсненія. Въ результатѣ самая богатая, но невѣжественная страна должна впасть въ черную нищету. Примѣръ современныхъ образованныхъ и невѣжественныхъ странъ лучшее доказательство нашимъ словамъ. Посмотрите на первыя. Развѣ тамъ при самомъ свободномъ режимѣ возможно господство иностранца въ политической, ученой, коммерческой, промышленной и т. д. жизни? Какое положеніе можетъ занять тамъ иностранецъ? Положеніе чернорабочаго, которому грозитъ неминуемая утрата національныхъ особенностей, а на первыхъ порахъ полное экономическое порабоженіе господамъ страны. Взгляните, наоборотъ, на страны невѣжественныя. Здѣсь иностранецъ, не смотря на всевозможныя ограничительныя мѣры, хозяинъ положенія. Онъ занимаетъ лучшія мѣста въ государствѣ. Онъ заграбаетъ самыя крупныя барыши. Онъ управляетъ

чужою ему странною, съ которою его мало что связываетъ, смотритъ на нее какъ на объектъ для своей эксплуатаціи и съ полной готовностью поддерживаетъ въ ней невѣжество мѣстнаго населенія, лучшее средство царить надъ нимъ. Мѣстное населеніе вытѣсняется изъ занятыхъ имъ путемъ вѣковой работы позицій. Оно перестаетъ быть господиномъ въ земляхъ, орошенныхъ потокомъ и кровью его предковъ. Оно теряетъ даже то благосостояніе, которое приобрѣло раньше. Поставленное въ худшія условія жизни, чѣмъ тѣ, съ которыми оно сжилося, оно вырождается, мельчаетъ, теряетъ подъ собою почву и вымираетъ. Такая участь можетъ грозить каждой странѣ, какъ бы велика и обильна она ни была, если только лучшая часть населенія не спохватится во время, не сомкнется для дружной работы надъ народнымъ просвѣщеніемъ. *Борьба между народами ведется ниимъ не оружіемъ, но знаніемъ, не силою тѣла, а силою ума.* И горе тому народу, который не приметъ соотвѣствующихъ оборонительныхъ и наступательныхъ мѣръ! Его сотрутъ съ лица земли, не проливъ ни одной капли крови, не выпустивъ ни одной пули. Борьба—одинъ изъ великихъ законовъ жизни; она мѣняетъ свои формы, но остается попрежнему беспощадной, борьбой на жизнь и смерть. Поэтому первою обязанностью правительства должно быть вооружить народъ тѣмъ оружіемъ, которымъ она ведется,—знаніемъ. Затѣмъ можно прибѣгать ипогда и къ другимъ средствамъ обороны или наступленія. Во всякомъ случаѣ, запретительныя или стѣнительныя мѣры противъ иностранцевъ могутъ рекомендоваться только на короткій срокъ, для того, чтобы дать возможность на первыхъ шагахъ окрѣпить національному труду въ какой-либо новой области его примѣненія; затѣмъ онѣ должны тотчасъ прекращать свое дѣйствіе. Но даже въ такихъ скромныхъ размѣрахъ стѣненія гражданскаго оборота могутъ оправдываться лишь въ такихъ случаяхъ, если совершенно невозможно поддержать данное національное производство инымъ путемъ; такъ, чтобы можно было знать, какія издержки беретъ на себя для достиженія этой цѣли вся страна. При мѣрахъ же стѣняющихъ иностранную конкуренцію нѣтъ возможности вычислить, сколько теряютъ потребители, отданные во власть производителей, и имѣется-ли отъ этого въ концѣ концовъ какая-нибудь выгода для всего государства. Только при такомъ условіи государство можетъ получать всю возможную выгоду отъ свободы труда, отъ кон-

курренціи предпринимателей, отъ различныхъ способностей и спеціальныхъ знаній разныхъ разрядовъ лицъ и отъ различія въ физическихъ, климатическихъ и иныхъ свойствахъ различныхъ странъ и мѣстностей, отъ того общенія, въ которомъ нынѣ живутъ народы.

Выступивъ въ предшествующихъ строкахъ въ защиту просвѣщенія и развитія каждаго народа, мы далеки отъ мысли поддерживать международную ненависть и вражду. Какъ не должно быть ненависти и вражды между отдѣльными лицами, преслѣдующими свои частныя задачи, такъ не должно быть ея и между цѣлыми народами. Борьба между ними не есть созданіе злой воли какого-нибудь изъ нихъ. Это—міровой законъ, которому всѣ равно подчиняются. Ему народы обязаны высокимъ состояніемъ современной культуры. Жаловаться на него нечего. Для того, чтобы съ успѣхомъ поддерживать международную конкуренцію, необходимо не отставать отъ другихъ народовъ на поприщѣ просвѣщенія. Но разъ въ этомъ отношеніи приняты необходимыя мѣры, всѣ дурныя стороны ея отпадаютъ прочь. Разъ народъ показываетъ себя жизнеспособнымъ, ему предоставляется равное мѣсто со всѣми остальными. Пока онъ можетъ еще идти въ ногу съ другими, ему нечего бояться. Объясненіе въ томъ, что *цивилизация имѣетъ способность объединять въ одно цѣлое всевозможныя народы*, что интересы одинаково образованныхъ народовъ оказываются въ высшей степени солидарными, если не одними и тѣми же. Исторія каждаго года показываетъ, что, если народъ другой культуры, въ особенности низшей, есть помѣха къ достиженію нашихъ задачъ, нашихъ идеаловъ, которая должна быть такъ или иначе устранена, то народъ равнаго образованія есть сотрудникъ въ преслѣдованіи нашихъ наиважнѣйшихъ задачъ. Этимъ-то путемъ современныя государства приходятъ къ ихъ міровой, космополитической роли. Все, происходящее въ мірѣ, оказывается, затрогиваетъ каждое изъ нихъ и ничего не остается для него чуждымъ. По мѣрѣ того, какъ стремленія ихъ подданныхъ становятся все болѣе и болѣе солидарными, по мѣрѣ того, какъ выясняется, что интересы отдѣльнаго народа могутъ быть неприкосновенны только подъ условіемъ признанія и уваженія интересовъ другихъ образованныхъ народовъ, государствамъ нашихъ дней ничего больше не остается, какъ комбинировать въ той или другой степени дѣятельность, направ-

ленную непосредственно на благо національныхъ подданныхъ, съ мѣрами, имѣющими въ виду непосредственно обезпеченіе международнаго благополучія. Какъ необходимый результатъ всего этого является постепенное уравниеніе иностранцевъ въ гражданско-правовомъ отношеніи съ національными подданными.

Установивши общую точку зрѣнія на современное положеніе *иностранцевъ*, мы можемъ обратиться къ тому, *какое положеніе* занимаютъ они *въ рѣчныхъ отношеніяхъ*, перейти къ вопросамъ, уже непосредственно относящимся къ нашей темѣ.

§ 2. Право собственности на рѣки и право пользованія силами воды.

Все, что мы сказали доселѣ о международномъ гражданскомъ правѣ вообще, приложимо въ частности и къ рѣчному праву. Послѣднее является дополненіемъ гораздо болѣе широко и подробно разработаннаго національнаго права рѣкъ. Права собственности, сервитутовъ, законодательныхъ ограниченій, общественнаго пользованія, признаваемые на нихъ въ силу національнаго права, признаются и въ международной жизни, хотя и не становятся въ силу этого отношеніями международно-правовыми. Исходя изъ нихъ, международный договоръ и обычай принимаютъ мѣры для того, чтобы обезпечить интересы иностранца на рѣкахъ.

Остановимся на *правѣ собственности на судоходныя рѣки.* Если известное государство считаетъ свои судоходныя рѣки за *res nullius*, то въ международной жизни нельзя будетъ совершить относительно нихъ ни одного гражданскаго акта; если наоборотъ, судоходныя рѣки могутъ быть въ силу права этой страны объектомъ частной собственности, то каждая изъ нихъ можетъ быть продана или куплена на какой угодно точкѣ образованнаго міра; наконецъ, если рѣки состоятъ, какъ это мы видимъ въ большинствѣ европейскихъ государствъ, въ собственности самого государства, то и эта собственность, и только она, будетъ признаваться другими народами. Положимъ, для международнаго пользованія рѣками, какъ и для пользованія національнаго, вопросъ о правѣ собственности на рѣки имѣетъ чрезвычайно важное значеніе. Для обезпеченія международнаго

пользованія ими лучше, если рѣки принадлежатъ въ собственность самому государству, чѣмъ частнымъ лицамъ, но ни международный договоръ, ни международный обычай никогда не вмѣшивались въ рѣшеніе его.

Къ сожалѣнію, современные интернаціоналисты очень мало отдаютъ себѣ отчета въ томъ, что вопросъ о нахожденіи или о ненахожденіи рѣкъ въ собственности государства или частныхъ лицъ есть вопросъ національнаго права. Смѣшивая съ нимъ ученіе о верховныхъ правахъ государства на его рѣчныя воды, они толкуютъ о какой-то *международно-правовой собственности* на рѣки и серьезно разсуждаютъ о томъ, насколько она согласна съ условіями свободнаго рѣчнаго судоходства и другими видами международнаго пользованія рѣками. Одни не видятъ въ этой собственности угрозы для свободы судоходства. Такъ, Прадье-Фодере утверждаетъ, что «возможно предоставить государству собственность на воды, которыя омываютъ или пересѣкаютъ его территорію, безъ того однако, чтобы признавать за нимъ поэтому право произвольно воспрепятствовать другимъ народамъ мирное пользованіе этими водами»¹⁾. Другіе, наоборотъ, находятъ въ ней причину всѣхъ затрудненій, которыя встрѣчаетъ свободное плаваніе, и требуютъ, чтобы рѣки, по крайней мѣрѣ международныя, были признаны общимъ достояніемъ или общей собственностью всѣхъ береговыхъ или даже всѣхъ вообще государствъ. При этомъ международноправовая собственность безпрестанно смѣшивается не только съ верховными правами государства, но и съ собственностью, существующею или существовавшею на рѣкахъ въ силу національнаго права. «Принципъ королевской и національной собственности позволялъ», утверждаетъ Вернеско, «исключать иностранцевъ»²⁾. Подобные авторы упускаютъ изъ виду, что помѣхи для международнаго судоходства на рѣкахъ, открытыхъ національному флагу, создаются нынѣ не соб-

¹⁾ Ibid., §§ 697, 698. — Нѣсколько выше онъ утверждаетъ, что рѣку возможно „enchaîner, couper, diviser, barrer...“; „l'Etat... peut chercher à retirer tous les avantages de sa position de maître de toutes les choses comprises dans ses limites territoriales, le posséder privativement en défendant tout assage de bateaux étrangers“.

²⁾ Des fleuves en droit in-l.

ственниками рѣкъ, но государственною властью. Упускаютъ изъ виду, что даже на рѣкахъ, принадлежащихъ въ частную собственность государству, послѣднее дѣйствуетъ не только на основаніи гражданскаго права. Регулированіе общественнаго пользованія есть публичноправовая функція. Вопросъ о допущеніи и недопущеніи иностранной конкуренціи на національныхъ водахъ обсуждается государствомъ съ точки зрѣнія общихъ интересовъ страны, а не по частноправовымъ соображеніямъ собственника рѣки. Государство не можетъ стать само съ собою въ противорѣчіе, какъ собственникъ судоходныхъ рѣкъ и какъ представитель общественныхъ интересовъ. Оно отодвинетъ назадъ свои частноправовыя выгоды, если бы отъ этого пострадало общее благо. Вообще, вся эта теорія должна быть признана неудовлетворительной. Предметы, находящіяся уже въ собственности береговыхъ государствъ въ силу національнаго права, не могутъ состоять сверхъ того въ собственности международноправовой. На самомъ дѣлѣ, въ чемъ же могутъ состоять права международноправоваго собственника? Вещь, находящаяся въ собственности, можетъ быть объектомъ публичнаго пользованія, сервитутовъ, законодательныхъ ограниченій, наконецъ публичной власти, но никакъ не втораго права собственности. Между тѣмъ, слѣдуя ей, необходимо приходишь къ нелѣпымъ заключеніямъ, что государство можетъ имѣть на свои національныя рѣки сразу два права собственности, а на части рѣкъ общихъ съ сосѣдними державами одновременно право собственности и право сособственности. Наконецъ то, что предлагается взаимѣнъ международноправовой собственности противниками ея, рѣшительно ни съ чѣмъ не сообразно. Считать международную или національную рѣку общою собственностью всего рода человѣческаго, или хотя бы международнаго общенія нельзя уже потому, что ни тотъ, ни другое не представляютъ собой не только юридическаго лица, но даже сколько-нибудь устойчиваго цѣлаго. Предоставлять право общей собственности береговымъ государствамъ значить только подставить нѣсколько государствъ вмѣсто одного, т. е. (съ разбираемой точки зрѣнія) общей свободы не обезпечить. Объявлять, что судоходныя рѣки должны оставаться *res nullius*, что національная собственность на нихъ противорѣчитъ общему благу, вовсе не значить предохранить ихъ отъ злоупотребленій отдѣльныхъ государствъ. Каждое изъ нихъ регулируетъ отно-

шенія по всѣмъ предметамъ, находящимся въ его предѣлахъ и, если бы даже рѣки были признаны за *res nullius*, оно могло бы не допустить на нихъ иностранцевъ. Наконецъ впадаютъ въ большое заблужденіе и тогда, когда, провозглашая рѣки общимъ достояніемъ, *res omnium communes*, думаютъ подорвать этимъ принципъ собственности на нихъ. Общественное пользованіе не можетъ быть ни мало стѣснено государственною собственностью, собственностью государства, которое признаетъ это пользованіе.

Вопросъ о *международноправовой собственности на рѣки* и конечно вообще на прѣсныя воды можетъ подниматься въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда извѣстныя воды или даже извѣстная территория, орошаемая водами, подчинены публично-правовому кондоминату двухъ или болѣе государствъ. Случай этотъ возможенъ, положимъ, на озерѣ, подчиненномъ *in indiviso* верховнымъ правамъ береговыхъ странъ. Отдѣльныя части его или все оно въ полномъ своемъ составѣ могутъ находиться въ собственности береговыхъ государствъ, или въ общей ихъ собственности, или наконецъ представлять въ частноправовомъ отношеніи *res nullius*. Можно говорить о международной собственности также въ мѣстахъ, не подчиненныхъ верховенству какого-либо государства, тамъ, гдѣ дѣйствуетъ одно международное право, напр. въ безхозійныхъ пространствахъ Африки, на незаятыхъ островахъ Южнаго океана. Собственность дикарей, населяющихъ эти мѣста, собственность европейцевъ или американцевъ, захватившихъ на нихъ земельные участки, неприкосновенна. А что она неприкосновенна именно въ силу международного права, что слѣдовательно она является собственностью международноправовою, видно не только изъ того, что на безхозійныхъ пространствахъ земли дѣйствуютъ однѣ нормы международного права, но и изъ того, что существуютъ международные договоры, которыми цивилизованные народы взаимно обязывались уважать ее. Остановившись болѣе подробно на этихъ случаяхъ въ виду ихъ малаго значенія является, думаемъ мы, излишнимъ.

Въ тѣхъ странахъ, гдѣ существуетъ частная собственность на рѣки и вообще на прѣсныя воды и въ тѣхъ размѣрахъ, въ которыхъ она существуетъ, *посетелемъ ея* можетъ быть обыкновенно и *иностранецъ*, со всѣми вытекающими отсюда послѣдствіями, съ правомъ пользоваться собственною во-

дою для своихъ домашнихъ потребностей, для цѣлей орошенія, рыболовства, для полученія даровой двигательной силы. Разъ иностранецъ владѣть недвижимостью въ предѣлахъ государства, онъ долженъ имѣть тѣ же права на эксплуатацію воды, которыя принадлежатъ и другимъ землевладѣльцамъ въ силу права собственности, въ силу берегового права.

Но если международное право вообще и не рассматриваетъ вопроса о принадлежности рѣкъ въ частную собственность, то въ международномъ договорѣ и обычаяхъ устанавливаются нерѣдко извѣстныя *ограниченія свободы распоряженія частями международныхъ рѣкъ* со стороны управомоченныхъ лицъ, ограниченія не только публичноправового, но и частноправового характера. Сюда относятся такія общепризнанныя въ настоящее время истины: нельзя препятствовать естественному теченію водъ изъ одного государства въ другое; нельзя спускать при помощи искусственныхъ приспособленій неужной воды въ земли сосѣдняго государства; нельзя отводить воду изъ рѣки и тѣмъ дѣлать ее несудоходной; «нельзя воздвигать на берегу рѣки такія сооруженія, которыя могутъ повернуть теченіе ея въ другую сторону или отбросить его на противоположный берегъ... каждый можетъ только принимать мѣры для своей безопасности и препятствовать тому, чтобы вода не подмывала и не размывала его владѣній; нельзя сооружать на рѣкѣ или въ какомъ-либо другомъ мѣстѣ никакихъ работъ, которыя могутъ нарушать права другаго» и т. д. ¹⁾. Конечно подобнаго рода обязанности могутъ имѣть мѣсто только въ практикѣ дружественно настроенныхъ одно по отношенію къ другому и живущихъ въ тѣсномъ общеніи государствъ. Если же въ правосознаніи сосѣднихъ народовъ не выработалось еще опредѣленныхъ нормъ для ихъ взаимныхъ сношеній и поскольку не выработалось, каждое изъ нихъ можетъ поступать такъ, какъ требуетъ интересъ даннаго времени. Въ этомъ только смыслѣ правъ Клоберъ ²⁾, когда онъ говоритъ, что государство «можетъ дѣлать въ предѣлахъ своей территоріи все то, что требуетъ благо народа (*le but de l'Etat*), именно... направлять въ любую сторону теченіе рѣкъ и т. д., даже если

¹⁾ Vattel, I. I, §§ 271, 272. Cp. Calvo, Dictionnaire.

²⁾ 2 éd. Ott, § 134, p. 190.

послѣдствія этого будутъ вредны для другихъ государствъ». Но если онъ имѣлъ при этомъ въ виду практику современныхъ цивилизованныхъ государствъ, то конечно сильно ошибался. Ограниченія, о которыхъ мы только что говорили, дѣйствуютъ въ силу договора или обычая во всемъ образованномъ мѣрѣ. Они имѣютъ частноправовой характеръ, когда являются ограниченіями частной собственности на рѣки, и публичноправовой, когда содержатъ распоряженіе административнаго характера. Насъ они интересуютъ въ настоящее время въ первомъ своемъ значеніи, какъ любопытный примѣръ того, какъ національное и интернаціональное право взаимно помогаютъ одно другому достигать общихъ имъ цѣлей.

Эти ограниченія призваны въ будущемъ еще больше увеличиваться и развиваться. Съ точки зрѣнія общихъ интересовъ нѣтъ никакого основанія, чтобы прибрежные или рѣчные собственники одного государства были болѣе ограничены по отношенію другъ къ другу, чѣмъ по отношенію къ такимъ же собственникамъ той же рѣки, но только въ другомъ, сосѣднемъ государствѣ. Можно желать, чтобы тѣ институты, которые выработаны современнымъ національнымъ правомъ въ видахъ обезпеченія интересовъ прибрежныхъ и рѣчныхъ собственниковъ и всего населенія, распространялись постепенно и на рѣки интернаціональныя. Было бы желательно напр., чтобы обязательныя товарищества изъ прибрежныхъ владѣльцевъ отдѣльныхъ рѣкъ образовывались также и на международныхъ рѣкахъ, не смотря на то, что дѣйствіе ихъ при этомъ должно распространяться на различныя государства. Чтобы право проводить воду черезъ чужія владѣнія для цѣлей ирригаціи предоставлялось всѣмъ береговымъ землевладѣльцамъ, какъ національнымъ, такъ и иностраннымъ и т. д. Отъ этого сосѣднія государства и ихъ населеніе были бы только въ выигрышѣ. Однако ученіе о рѣчномъ правѣ не ограничивается правомъ собственности на рѣки.

Второй крупный институтъ рѣчнаго права—*общественное пользованіе рѣками*. Здѣсь область, предоставленная международноправовымъ опредѣленіямъ, гораздо шире.

Въ основаніи ученія о международномъ пользованіи рѣками лежитъ съ формальной стороны *представленіе о текущей водѣ, какъ общемъ достояніи всего человечества*. Это воззрѣніе существуетъ съ древнѣйшихъ временъ и раздѣлялось одинаково

различными народами. Въ шариатскихъ книгахъ сунитскаго толка говорится: «Всѣ воды, протекающія по стенамъ, какъ рѣки Ниль и Ефратъ, источники которыхъ находятся въ необитаемыхъ горахъ и другихъ мѣстахъ, горные потоки, образующіеся отъ дождей, должны находиться въ общемъ пользованіи всего человѣчества, согласно преданію пророка Магомета». По шитскимъ книгамъ также всѣ текуція воды составляютъ общее достояніе людей. Одинъ древній поэтъ совсѣмъ другой цивилизаціи и другаго времени писалъ: «*Quid prohibitis aquas? Usus communis aquarum. Nec solem proprium natura, ne caera fecit, nec tenues undas*» ¹⁾. Въ своемъ мѣстѣ мы познакомились съ воззрѣніями римскихъ юристовъ на текучую воду. Тѣ же мысли мы находимъ и въ средневѣковой, и въ новѣйшей литературѣ. «Было бы глупой жадностью (*sordide mesquinerie*) и великой безчеловѣчностью», говоритъ Пуфендорфъ ²⁾, «желать имѣть въ собственности.... текуція воды и другія подобныя вещи, которыя обыкновенно разсматриваются, какъ никому не принадлежащія» ³⁾. Современное убѣжденіе формулируетъ Фіоре ⁴⁾, относя къ вещамъ, которыя принадлежатъ всему человѣчеству,—воду. «Только въ такихъ случаяхъ, когда вода заключена въ опредѣленное вмѣстилище, она можетъ служить исключительно индивидуальному пользованію и быть назначенной исключительно на пользу даннаго народа.... Право собственности на воду можетъ быть признаваемо только постольку, поскольку оно не противорѣчитъ правамъ всего человѣче-

¹⁾ Ovid. *Metamorph.* VI. 8.

²⁾ L. IV, Ch. V, § II (5 изд. Барбейрака).

³⁾ Въ другомъ мѣстѣ (I. III. Ch. III. § 4) онъ совершенно резонно замѣчаетъ: „*Il est hors de doute, que les rivières, les sources et les fontaines peuvent entrer en propriété*“. — Барбейракъ дѣлаетъ слѣдующее примѣчаніе къ вышецитированному § II, ch. V, l. IV: „*Rien n'empêche pourtant qu'on ne s'approprie en quelque manière ces choses, par rapport à une certaine étendue qui s'en trouve renfermée dans nos terres... Mais il faut dire que par les lois de l'humanité on est obligé de ne refuser à personne un usage innocent de ces sortes de choses*“ (дальше слѣдуютъ сноски: *Thomasius, Inst. Jurisp. Divin., L. II. C. X. § 127.* — *Puff, Element. de Jurisp. Universelle, p. 84.* — Прим. Барбейрака къ Гроцію, *L. II. C. II. § 3. C. III. § 7*). Истинный смыслъ приведеннаго мѣста не легко поддается пониманію.

⁴⁾ *Nouveau droit in-l public, tr. par. Pr.-Fodéré, t. I (1868), p. 354* н др.

ства». Мы могли бы цитировать безъ конца мнѣнія авторовъ, высказывавшихся въ этомъ духѣ, но врядъ-ли можетъ быть сомнѣніе въ юридическомъ положеніи текучей воды. Текучая вода, подвижной элементъ земнаго шара, постоянно перемѣщаясь по поверхности его, не можетъ быть предметомъ исключительныхъ правъ ни для отдѣльнаго лица, ни для отдѣльнаго государства. Въ публичноправовомъ отношеніи она находится только временно въ ограниченномъ распоряженіи отдѣльныхъ государствъ, въ частноправовомъ—только во временномъ и ограниченномъ пользованіи собственниковъ земельныхъ участковъ и другихъ особо уполномоченныхъ лицъ. Постоянно же и въ различныхъ своихъ полезныхъ сторонахъ она состоитъ въ публичномъ пользованіи всѣхъ людей, внѣ зависимости отъ принадлежности ихъ къ тому или другому государству. То тамъ, то здѣсь служить она ихъ надобностямъ и протекаетъ далѣе, чтобы служить другимъ лицамъ. Нужда въ ней всюду громадна и право требуетъ, чтобы не мѣшали ея естественному теченію и пользованію ею. Всѣ постоянно живущіе въ предѣлахъ извѣстнаго государства иностранные подданные имѣютъ право пользоваться ея полезными не предоставленными кому-либо спеціально силами. Болѣе того, иностранцы могутъ переступать границу только для того, чтобы воспользоваться ими и снова отбыть назадъ. Наконецъ благотѣльные силы воды должны служить и тѣмъ лицамъ, которыя живутъ внѣ предѣловъ данной страны. Съ матеріальной стороны въ основаніи этихъ началъ лежатъ общіе экономическіе интересы народовъ, которые могутъ быть удовлетворены только при исполнѣнн цѣлесообразной постановкѣ международнаго пользованія рѣками. Они подлежатъ конечно различнаго рода стѣсненіямъ, развитію и комментированію со стороны дѣйствующаго права. Въ послѣдующихъ строкахъ мы бѣгло изложимъ основныя черты послѣдняго. Не мѣшаетъ однако предварительно замѣтить, что очень часто, говоря о рѣкахъ, имѣютъ въ виду текучую воду и поэтому приписываютъ имъ тѣ свойства, которыми отличается только эта послѣдняя. Въ параграфѣ 2 предшествующей главы мы указывали на то, что нѣкоторые авторы, желая доказать, что международныя рѣки не могутъ принадлежать по частямъ въ собственность береговымъ государствамъ, пришли къ заключенію, что рѣки вообще составляютъ *res omnium communes*. Если мы вчитаемся въ доводы г. Вернеско, то намъ станетъ

ясно, что путаница, въ которую онъ впалъ, происходитъ отчасти отъ того, что онъ смѣшалъ понятіе воды и понятіе рѣки. Тѣ изъ приводимыхъ имъ доводовъ, которые имѣютъ серьезное значеніе, съ очевидностью доказываютъ, что текучая вода не можетъ состоять въ собственности и что она, а отчасти и рѣки должны находиться, — того требуютъ общіе интересы, — въ общественномъ пользованіи. То же слѣдуетъ сказать относительно ученія Каратеодори, Кальво и ихъ единомышленниковъ.

Въ видѣ общаго правила, современныя государства признаютъ за иностранцами право пользоваться вещами, находящимися въ общественномъ пользованіи, и право заниматься промыслами и торговлею. Это правило относится и къ занятію рѣчными промыслами, и къ пользованію публичными водами. Иностранецъ имѣетъ право наравнѣ съ мѣстными подданными брать воду изъ общественныхъ водоемовъ для своихъ личныхъ и хозяйственныхъ надобностей, купаться въ рѣкѣ, плавать по рѣчнымъ дорогамъ, удить удочкой, а гдѣ ловля рыбы вполне свободна, то и сѣтями, и т. д. Ему предоставляется право заниматься постройкой, продажей, содержаніемъ и наймомъ рѣчныхъ судовъ, транспортированіемъ грузовъ и людей по рѣкамъ и каналамъ, службой въ экипажѣ рѣчныхъ судовъ и другими судоходными и судопромышленными занятіями. Всѣ эти права принадлежатъ какъ отдѣльнымъ иностранцамъ, такъ и группамъ иностранцевъ или иностранцевъ и мѣстныхъ подданныхъ и даже иностраннымъ обществамъ и компаніямъ, при соблюденіи различныхъ условій, которыя разнятся по различнымъ странамъ.

Ограниченія, которыя выпадаютъ на долю иностранцевъ, касаются обыкновенно тѣхъ случаевъ, когда отдѣльное лицо, занимаясь своими частными дѣлами, тѣмъ не менѣе выступаетъ представителемъ своего государства, носителемъ его идей, напр. тѣхъ водъ, на которыхъ національный флагъ особо часто и серьезно сталкивается съ иностранными (морское судоходство), или тѣхъ видовъ пользованія водами, которыя, не отличаясь неисчерпаемостью, должны быть, само собою разумѣется, прежде всего предоставлены мѣстнымъ подданнымъ (напр., въ нѣкоторыхъ случаяхъ рыбная ловля), или наконецъ тѣхъ видовъ національнаго труда, которые желаютъ предохранить на первыхъ порахъ его развитія отъ иностранной конкуренціи. Во всякомъ случаѣ, къ стѣснительнымъ или запретительнымъ мѣрамъ надо

прибѣгать, какъ можно, рѣже. Такъ, если желаютъ создать контингентъ матросовъ и вообще судоходцевъ на внутреннихъ путяхъ сообщенія, надо не закрывать доступа къ этой профессіи для знающихъ и слѣдовательно полезныхъ иностранцевъ, но создать мореходные и иные классы, гдѣ могли бы подготовляться свои специалисты, способные конкурировать съ иностранцами, не ложась бременемъ на всю страну. Всякая запретительная мѣра можетъ быть только временной и побочной. Иначе она отзовется гибельно на томъ же самомъ національномъ трудѣ, представители котораго, опираясь на созданное имъ привилегированное положеніе, отложить всякое стараніе слѣдить за успѣхами міровой промышленности по своей специальности, а еще хуже на всей странѣ, которая будетъ бесплодно и безконечно платить неподдающуюся даже приблизительному вычисленію контрибуцію отечественнымъ производителямъ. Всѣ эти начала признаются во всѣхъ цивилизованныхъ государствахъ. Въ извѣстныхъ случаяхъ они основываются на общихъ началахъ международнаго права, получившихъ дальнѣйшее развитіе въ законодательствѣ данной страны, въ извѣстныхъ же случаяхъ на опредѣленныхъ постановленіяхъ договоровъ и обычаевъ.

Русское законодательство содержитъ между прочимъ нѣсколько статей весьма благоприятныхъ для развитія *судоходства на рѣкахъ, независимо отъ національности промышленниковъ.* Объясняется это конечно тѣмъ, что въ этомъ дѣлѣ въ высшей степени заинтересовано все населеніе нашего необъятнаго отечества. Мы говорили уже въ главѣ VIII части исторической о тѣхъ законоположеніяхъ, которыми подтверждается свобода судоходства, существующая въ силу договоровъ на рѣкахъ царства Польскаго. Что же касается судоходства иностранцевъ, не имѣющихъ права пользоваться особыми привилегіями, а также всѣхъ остальныхъ рѣкъ государства, то 24 мая 1863 г. былъ изданъ Министерствомъ путей сообщенія особый циркуляръ о запрещеніи парходамъ, принадлежащимъ иностранцамъ, плавать по внутреннимъ водамъ, даже если иностранцы запишутся въ гильдію. Можно думать, что парусное судоходство осталось доступно для нихъ. Запрещеніе распространялось повидимому какъ на тѣхъ иностранцевъ, которые живутъ за границей, такъ и на постоянныхъ жителей Россіи, другими словами какъ на суда подъ иностраннымъ флагомъ, такъ и на національные суда, принадлежащія иностранцамъ. Положеніе послѣднихъ

было однако значительно облегчено послѣдующими актами. По ст. 106 Устава Торговаго ¹⁾) и по прим. 1 къ ст. 83 Уст. путей сообщ. 1876 г. право учрежденія частныхъ верфей для постройки судовъ, право постройки, содержанія и найма судовъ, а по стст. 214, 254 и др. Устава о прямыхъ налогахъ изд. 1893 г., также извозничество и содержаніе конторъ для транспорта кладей и пассажировъ предоставляется всѣмъ безъ различія, не исключая иностранцевъ. Именно ст. 106: «Строеніе и починка судовъ всякаго рода принадлежитъ къ свободнымъ для всѣхъ сословій, не исключая и иностранцевъ, торговымъ дѣйствіямъ, дозволяемымъ безъ платежа пошлинъ». Ст. 107: «Лицамъ всѣхъ сословій, равно обществамъ и торговымъ сословіямъ дозволяется учреждать на собственной землѣ, при моряхъ, озерахъ и судоходныхъ рѣкахъ частныя верфи для строенія мореходныхъ судовъ». Прим. I къ ст. 83 Уст. пут. сообщ.: «Строеніе, починка и содержаніе рѣчныхъ, озерныхъ и морскихъ судовъ всякаго рода, не включая сюда парашодовъ, служащихъ для перевозки грузовъ и пассажировъ, принадлежитъ къ свободнымъ для всѣхъ состояній, не исключая иностранцевъ, торговымъ и промышленнымъ дѣйствіямъ, дозволяемымъ безъ платежа пошлинъ». О томъ же говорятъ стст. Устава о прямыхъ налогахъ изд. 1893 г. Ст. 214 причисляются къ торговымъ дѣйствіямъ: «1) строеніе, починка, содержаніе и наемъ купеческихъ кораблей, парашодовъ и судовъ всякаго рода... 10) извозничество и содержаніе конторъ для транспорта кладей и пассажировъ по сухопутнымъ и и водянымъ сообщеніямъ». Ст. 216: «Къ свободнымъ для всѣхъ состояній, не исключая и иностранцевъ, торговымъ и промышленнымъ дѣйствіямъ, дозволяемымъ безъ платежа установленнаго симъ Положеніемъ сбора, принадлежатъ: ...5) строеніе, починка и содержаніе рѣчныхъ, озерныхъ и морскихъ судовъ всякаго рода, не включая сюда содержанія парашодовъ, служащихъ для перевозки грузовъ и пассажировъ». Дѣло въ томъ, что ст. 254 гласитъ: «Парашодныя предпріятія, содержащія компаніями, товариществами, или отдѣльными лицами, должны снабжаться: 1) свидѣтельствами и билетами.... первой гильдіи... 2) ...второй гильдіи... 3) свидѣтельствами на мелочной торгъ...» (по величинѣ парашодовъ). Русскимъ подданнымъ предостав-

¹⁾ Изд. 1893 г.; прежде ст. 780 (прод. 1876 г.).

ляется только одна привилегія: морской каботажъ ¹⁾. Такимъ образомъ слѣдуетъ согласиться съ г. Никольскимъ ²⁾, что «правило о предоставленіи права судоходства по внутреннимъ водамъ только русскимъ подданнымъ утратило значеніе за силою позднѣйшихъ, упомянутыхъ выше законоположеній». Другаго рода профессіи и занятія, примыкающія къ рѣкамъ или къ водѣ, также доступны у насъ для иностранцевъ на равныхъ правахъ съ національными подданными. Сюда относится напр. служба на рѣчныхъ пароходахъ. Ограничительный процентъ относительно иностранцевъ существуетъ только для морскихъ судовъ. Подобными правами иностранцы пользуются и въ другихъ государствахъ ³⁾. Во всякомъ случаѣ всѣ предпріятія, возникающія въ предѣлахъ извѣстной страны, хотя бы они состояли изъ однихъ иностранцевъ, должны подчиняться всѣмъ мѣстнымъ законамъ и правиламъ и въ этомъ отношеніи считаются предпріятіями національными.

Но изъ всѣхъ перечисленныхъ выше вопросовъ, которые мы относимъ къ гражданскому рѣчному праву народовъ, подробнаго и самостоятельнаго разсмотрѣнія заслуживаютъ только вопросы о плаваніи иностранныхъ судовъ по рѣчнымъ водамъ того или другаго государства и, пожалуй, о международномъ рѣчномъ рыболовствѣ. Остальные столь тѣсно примыкаютъ къ ученію о вещныхъ правахъ иностранцевъ или къ праву ихъ на занятіе промыслами и торговлею вообще, что излагать ихъ отдѣльно совершенно невозможно. Мы считаемъ достаточнымъ ограничиться относительно нихъ тѣми замѣчаніями, которые были только что сдѣланы, и въ слѣдующемъ параграфѣ перейдемъ специально къ *международному рыболовству и судоходству*.

§ 3. Право международного рыболовства и судоходства.

Изъ всѣхъ вопросовъ международного гражданского права рѣкъ *спеціальныя соглашенія* заключались только о между-

¹⁾ Прим. къ вышецитированной ст. 216.—Ст. 184 Уст. Торг. 1893 г.

²⁾ *Ibid.*, с. 71.

³⁾ *Handbch der Staatswissenschaften*, t. III. *Flussschiffahrt*. S. 580 (Германія и Пруссія).

народномъ рычномъ судоходствѣ и международномъ рычномъ рыболовствѣ. Начнемъ съ права, регулирующаго послѣднее. Оно не выработано широко и многого сказать о немъ нельзя. Здѣсь, какъ и въ вопросахъ судоходства, гораздо болѣе обстоятельную систему представляютъ административныя начала, съ которыми мы будемъ имѣть дѣло въ §§ нижеслѣдующей четвертой главы.

Рыбная ловля представляетъ одинъ изъ серьезныхъ интересовъ, связанныхъ съ рѣками. Въ прежнее время, при неистощимости рыбнаго богатства, занятіе ею было, можно предположить, доступно для каждаго. Но съ увеличеніемъ населенія явилась необходимость установить исключительныя права па рыболовство въ извѣстныхъ мѣстахъ для отдѣльныхъ лицъ и въ настоящее время почти всѣ богатые рыболовные участки принадлежать въ частную собственность собственниковъ данныхъ рѣкъ, озеръ и т. п. или другихъ юридическихъ и физическихъ лицъ. Почти единственнымъ остаткомъ отъ прежняго порядка является ловля рыбы *ручною удочкой*, которая въ общемъ на текущихъ водахъ доступна для всѣхъ и каждаго. Что касается *крупнаго лова*, то въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ онъ находится еще въ общественномъ пользованіи, онъ предоставляется обыкновенно *только мѣстнымъ подданнымъ*. На самомъ дѣлѣ, если ужъ надо ограничивать число лицъ, принимающихъ участіе въ этомъ занятіи, то прежде всего слѣдуетъ исключить изъ него иностранцевъ. Ограничивать же необходимо, такъ какъ рыбныя богатства не неисчерпаемы. По крайней мѣрѣ это общее правило для тѣхъ водъ, на которыхъ рыбная ловля сколько-нибудь урегулирована. Она безусловно свободна для всѣхъ и каждаго обыкновенно только въ тѣхъ случаяхъ, когда вообще не выработано еще никакихъ юридическихъ правилъ на ея счетъ.

Согласно современному международному праву, *занятіе рыбною ловлею* въ предѣлахъ извѣстнаго государства предоставляется только *подданнымъ* его. Въ этомъ именно смыслѣ высказываются почти единогласно современные договоры торговли и судоходства. Въ нихъ обыкновенно говорится: «Национальная ловля (la pêche nationale)» или «ловля рыбы въ территориальныхъ водахъ (la pêche dans les eaux territoriales)» — «предоставляется мѣстнымъ подданнымъ (иногда впрочемъ мѣстнымъ жителямъ)», или «регулируется мѣстными законами». Эти статьи,

хотя и относятся главнымъ образомъ къ морскимъ рыбнымъ ловлямъ, но въ виду общаго характера употребляемыхъ въ нихъ выраженій могутъ быть примѣняемы также къ рѣчному рыболовству.

Поэтому мы никакъ *не можемъ согласиться съ мнѣнiемъ г. Вернеско*, что, «разсуждая вполне послѣдовательно, слѣдовало бы придти къ заключенiю, что право рыбной ловли въ рѣкахъ, равно какъ и право судоходства по нимъ, должны принадлежать всѣмъ и каждому, такъ какъ съ точки зрѣнiя теорiи нѣтъ никакого основанiя проводить различiе между обоими этими правами, которыя являются придаточными правами, природа которыхъ зависитъ отъ природы самой рѣки». Утвержая это, Вернеско исходитъ изъ своего представленiя о рѣкахъ, какъ *res omnium communes*. Его теорiя такъ противорѣчить условiямъ правильной постановки дѣла, что онъ самъ тотчасъ оговаривается и совершенно въ противоположномъ смыслѣ. «Однако», говоритъ онъ, «намъ кажется справедливымъ предоставить рыбную ловлю исключительно береговымъ жителямъ (или государствамъ?—aux riverains), въ видѣ вознагражденiя за тѣ убытки, которые они терпятъ отъ сосѣдства съ рѣкой»¹⁾. Конечно мотивъ, который онъ выставляетъ въ защиту правъ береговыхъ владѣльцевъ, не изъ убѣдительныхъ, но хорошо по крайней мѣрѣ то, что онъ приводитъ его къ правильному взгляду на дѣло. Впрочемъ, еще въ одномъ мѣстѣ, очевидно окончательно покинувъ точку зрѣнiя естественнаго права, Вернеско пишетъ: «Государство, считаемое по современной теорiи собственникомъ рѣкъ, которыя пересекаютъ его территорiю, одно имѣетъ право на рыбную ловлю. Ему принадлежитъ право издавать законы и распоряженiя, которые регламентируютъ ее, назначать чиновниковъ, обязанныхъ наблюдать за нею, и наконецъ преслѣдовать и наказывать совершенныя правонарушенiя»²⁾. Самое интересное въ этомъ отрывкѣ—смѣшенiе частноправовыхъ и публичноправовыхъ отношенiй по рыболовству. Имѣть въ собственности рыболовные участки вовсе не значитъ имѣть право издавать законы и распоряженiя о рыболовствѣ. Послѣднее дѣйствительно принадлежитъ всегда государству, но далеко

¹⁾ Des fleuves, p. XIV—XV.

²⁾ Vernesco, p. 307.

нельзя утверждать того же о первомъ. Скажемъ тутъ же, что если обработка права международнаго судоходства поставлена нынѣ все еще весьма плохо, то упражненія интернаціоналистовъ о правѣ рыболовства представляютъ по истинѣ какой-то дѣтскій лепетъ....

Итакъ, право рыболовства, гдѣ оно находится въ общественномъ пользованіи, предоставляется обыкновенно однимъ національнымъ подданнымъ. Во всѣхъ *остальныхъ отношеніяхъ*, кромѣ указаннаго, *иностранцы имѣютъ равныя права съ туземцами*. Они могутъ почти всюду арендовать общественныя и казенныя ловли, владѣть рыбоносными водами, устраивать рыболовныя заведенія, заниматься приготовленіемъ, торговлею, вывозомъ и ввозомъ рыбы, рыбныхъ консервовъ и т. д.

Однако эти правила далеко не рѣшаютъ всѣхъ возможныхъ на практикѣ случаевъ. Говоря это, мы имѣемъ въ виду *рыболовство на международныхъ, главнымъ образомъ пограничныхъ водахъ*. «Если мы обращаемъ вниманіе на національную рѣку, то право рыбной ловли принадлежитъ государству или береговымъ жителямъ, сообразно тому, является-ли рѣка судоходной или сплавной, или нѣтъ. Если же дѣло идетъ о рѣкѣ, раздѣляющей два государства, право рыбной ловли должно принадлежать тому и другому изъ нихъ до середины русла (тальвегъ)» ¹⁾. Точнѣе, границей служить обыкновенно граница государственной территоріи, то есть тальвегъ судоходныхъ рѣкъ и середина несудоходныхъ. Общее начало, какъ будто, ясно, но затрудненія при проведеніи его на практикѣ неизбѣжны. Послѣднія особенно разрастаются, если, какъ справедливо замѣчаетъ Vincent, мы имѣемъ дѣло съ водами, окруженными нѣсколькими государствами. На самомъ дѣлѣ, если рѣка разграничиваетъ два государства, возможно-ли всегда достаточно точно провести границу между рыболовными участками, принадлежащими или предоставленными жителямъ одного берега, и тѣми, которые составляютъ собственность или находятся въ пользованіи жителей другаго? Въ этомъ случаѣ рѣшительно все равно, находятся-ли рыбныя ловли въ неограниченномъ общественномъ пользованіи, или принадлежатъ извѣстнымъ общинамъ или частнымъ лицамъ, или самому береговому госу-

¹⁾ Vincent, Dictionnaire, p. 673. § 3. Pêche fluviale.

дарству и сдаются имъ на аренду; дѣло отъ этого не измѣняется. Въ особенности трудно, а часто и вовсе невозможно бываетъ провести границу на рѣкахъ не особенно широкихъ или просто узкихъ. Каждая попытка въ этомъ направленіи должна грозить безконечными столкновениями и затрудненіями между заинтересованными сторонами. При мало-мальски настойчивомъ проведеніи территориальнаго принципа правильное рыболовство на подобныхъ рѣкахъ можетъ даже вовсе прекратиться. Но пусть границы участковъ, предоставленныхъ рыболовамъ того или другаго берега, точно опредѣлены, можно-ли ручаться, что онѣ не будутъ часто, если не постоянно, нарушаться? Подвижность теченія, измѣняемость береговъ, невозможность обозначить государственную границу на водѣ непрерывною линіею, думается намъ, говорить противное. А какія затрудненія, столкновения, замѣшательства должны проистекать отсюда даже на широкихъ рѣкахъ. Какъ должна усложняться дѣятельность рѣчной администраціи. Какая масса новыхъ очень незначительныхъ, какъ-будто, по назойливыхъ вопросамъ должна постоянно занимать вниманіе иностраннаго представительства береговыхъ странъ. Единственный правильный исходъ, которому всего чаще слѣдуютъ на практикѣ, предоставить уполномоченнымъ лицамъ того и другаго берега рыбную ловлю на всемъ пространствѣ пограничныхъ водъ. Это право должно влечь за собой цѣлый рядъ другихъ. Рыбацкія лодки должны имѣть право свободно циркулировать по рѣкѣ и останавливаться на ней въ необходимыхъ мѣстахъ. Рыбаки должны имѣть право приставать къ обоимъ берегамъ, выходить на нихъ сами, вытаскивать лодки и сушить на берегу сѣти. Добыча ловли должна быть свободно ввозима въ оба государства и торгующіе ея должны имѣть свободный доступъ на рынки обѣихъ странъ. Полезно бываетъ также подтвердить свободу ловли рыбы удочкою, а также общія требованія о неприкосновенности рыболовныхъ снарядовъ, лодокъ и добычи рыболовства, о наказаніяхъ, которыя грозятъ тѣмъ, кто будетъ мѣшать рыбакамъ заниматься ихъ промысломъ т. д. Наконецъ, свое дополненіе эти начала должны найти въ и статьяхъ административнаго и полицейскаго содержанія. Во всякомъ случаѣ, уравненіе въ правахъ на рыбную ловлю можетъ простирается только на тѣхъ лицъ, которыя имѣютъ право на занятіе рыбною ловлею по законамъ того или другаго изъ сосѣднихъ государствъ. Свобода рыболовства конечно

не должна быть проводима только ради самой свободы, т. е. во что бы то ни стало. И если отдѣльные рыболовные участки на томъ или другомъ берегу могутъ быть съ точностью обозначены, и нѣтъ никакихъ другихъ основаній къ противоположному рѣшенію вопроса, то въ цѣляхъ правильной постановки и развитія рыболовнаго дѣла всегда предпочтительнѣе указать отдѣльнымъ лицамъ опредѣленные предѣлы, въ которыхъ они могутъ заниматься ловомъ.

Такова постановка дѣла, которая можетъ быть рекомендуема съ теоретической точки зрѣнія для рѣкъ пограничныхъ. Что же касается тѣхъ рѣкъ, которыя только *пересыкаютъ пограничную черту*, то подобный режимъ можетъ быть примѣняемъ только для тѣхъ рыбоносныхъ участковъ, которые расположены у самой пограничной черты, проходящей поперекъ рѣки отъ берега до берега. Требовать свободы рыболовства для всего течения всѣхъ международныхъ рѣкъ нѣтъ никакого основанія. Болѣе того, противъ этого говорить все то, что говорить и противъ свободы рыболовства для всѣхъ и каждаго въ предѣлахъ отдѣльнаго государства. Рыбныя богатства не неистощимы и открыть ихъ для всѣхъ значитъ погубить все рыболовство. Поэтому только незнаніемъ дѣла и увлеченіемъ громкими словами о равенствѣ и свободѣ можно объяснить себѣ утвержденіе г. Вернеско, что «лучшее средство избѣжать неудобствъ, которыя вызываються нынѣ дѣйствующимъ порядкомъ, состоитъ.... въ установленіи на международныхъ рѣкахъ относительно рыбной ловли системы аналогичной съ тою, которая организована для судоходства, т. е. въ признаніи за всѣми береговыми жителями (или береговыми государствами? — *tous les riverains*) равнаго права на рыбную ловлю, въ работѣ однообразнаго регламента и въ предоставленіи особой комиссіи отправленія контроля за его исполненіемъ»¹⁾. Съ однимъ только можно согласиться, именно, что на международныхъ рѣкахъ должна быть установлена по договору однообразная система полиціи рыболовства и надзора и управленія, но объ этомъ мы будемъ еще говорить нѣсколько дальше²⁾.

¹⁾ Vernesco, *ibid.*, 310.

²⁾ Вопросъ о международномъ рѣчномъ рыболовствѣ специальной литературы не имѣетъ. Привожу нѣкоторыя работы, изъ которыхъ можно почерпнуть кое-что для перваго знакомства: Imbart-Latour, *De la pêche dans le*

Гораздо болѣе сложенъ вопросъ о международномъ судоходствѣ по рѣкамъ. Трудность его не мало увеличивается тѣмъ, что онъ крайне запутанъ различными высказывавшимися относительно него теоріями и взглядами, а также противорѣчивыми постановленіями многочисленныхъ международныхъ актовъ. Чтобы получить раціональное рѣшеніе слѣдуетъ сдѣлать прежде всего то, чего напрасно искали бы мы въ существующихъ работахъ: установить опредѣленно и ясно понятіе международного судоходства. Отсутствие его въ современной литературѣ одна изъ причинъ неясности, противорѣчій и ошибочности въ мнѣніяхъ различныхъ писателей, которыя удручаютъ изслѣдователя, берущаго на себя смѣлую попытку привести къ одному знаменателю все, что было высказано наиболѣе важнаго по вопросу. Послѣдній никакъ не можетъ добиться правильнаго и всесторонняго рѣшенія. Слишкомъ много предразсудковъ и заблужденій и старинныхъ воспоминаній наслоилось на него. Для того, чтобы установить правильную точку зрѣнія, надо начать ab ovo и послѣдовательно рассмотреть всѣ тѣ положенія, изъ которыхъ онъ состоитъ. Начнемъ съ вопроса о томъ, что слѣдуетъ понимать подъ выраженіемъ, судоходная рѣка.

Для того, чтобы считаться *судоходной*, рѣка должна быть доступна прохожденію судовъ на болѣе или менѣе значительномъ пространствѣ, впродолженіи извѣстнаго періода времени. Способность ея поднимать суда не должна носить случайнаго характера ¹⁾. Судоходная рѣка должна быть доступна

droit in-1 actuel. Thèse. Paris. 1885.—Andrews, The reciprocity and fishery treaty. Washington. 1862. — Vernesco, Des fleuves, p. 306. — Caratheodory, нѣм. раб., § 75. — Bulmerincq, Völkerrecht, § 51 in fine.—Rivier, Lehrbuch, S. 124, прим.—Ernst Meier, Rechtslexicon Гольцендорфа, v. Fichereiordnugen.—Peyrer, Fichereibetrieb und Fichereirecht im Oesterreich. Wien. 1874.—Martin, Code de pêche fluviale. 8 éd. Paris. 1889.—François, Liberté de la pêche en France. Paris. 1880.

¹⁾ Подъ рѣками несудоходными Прадье-Фодере подразумѣваетъ тѣ, „qui ne sont pas susceptibles de porter des bateaux dans une partie assez considerable de leur cours pour faire l'office de chemins, ou tout au moins de trains des radeaux, ou trains de bois“. Это римское опредѣленіе кажется слишкомъ широкимъ, такъ какъ сплавъ лѣса можетъ производиться даже на ручьяхъ.

именно судамъ, а не только лодкамъ или плотамъ. Сплавъ лѣса и проходъ лодокъ возможны и на несудоходныхъ рѣкахъ, а иногда и на ручьяхъ. *Судномъ* мы называемъ такое сооруженіе, которое было бы приспособлено для специальной перевозки товаровъ или пассажировъ на большія разстоянія, а не только для мѣстнаго сообщенія одного берега съ другимъ. Говоря о международномъ *судоходствѣ*, мы имѣемъ въ виду плаваніе именно судовъ, а не плотовъ и не лодокъ, причѣмъ не всякое судоходство, а только т. н. *внутреннее или рѣчное*, противоположное вѣшнему или морскому. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ судоходство по рѣкѣ приравняется къ морскому. Напр. судоходство на Шельдѣ ниже Антверпена ¹⁾. Оно подлежитъ нашему изученію только постольку, поскольку начала, регулиющія его, не уклоняются отъ дѣйствующихъ на рѣкѣ во всемъ ея составѣ. Тѣ начала морскаго права, которыя примѣняются къ нему, выходятъ изъ области вопросовъ, интересующихъ нынѣ насъ. Поэтому—то «судоходство въ устьяхъ рѣки, сообщающееся съ открытымъ моремъ, носитъ иногда названіе *смѣшаннаго*» ²⁾.

Труднѣе установить понятіе національнаго и международнаго судоходства. *Национальнымъ судномъ* слѣдуетъ считать судно, поднявшее флагъ мѣстнаго государства сообразно мѣстнымъ законамъ. Иностраннымъ—идущее подъ иностраннымъ флагомъ. *Национальнымъ судоходнымъ предпріятіемъ* такое, которое образовалось по мѣстнымъ законамъ. При этомъ безразлично, состоитъ—ли оно изъ иностранцевъ или изъ подданныхъ, или изъ тѣхъ и другихъ вмѣстѣ взятыхъ. Живутъ они постоянно въ предѣлахъ данной страны, или большею частью за границей. Разъ предпріятіе возникло согласно мѣстнымъ законамъ, это предпріятіе національное, мѣстное. Предпріятіе, образовавшееся согласно законамъ иностраннаго государства, будетъ иностраннымъ даже въ томъ случаѣ, если оно состоитъ исключительно изъ нашихъ согражданъ. Все это весьма просто. Гораздо труднѣе рѣшается вопросъ о томъ, какой характеръ носитъ иностранное предпріятіе, получившее право дѣйствовать въ извѣст-

¹⁾ Прадье-Фодере, *Traité de droit in-1 public*, § 2438.—Ср. Dejardins, *Traité de droit comm. maritime*, 1878, тл. II, № 34, т. I, р. 78.

²⁾ Pradier-Fodéré, *ibid.*

номъ государствѣ. Оно конечно не перестанетъ быть иностраннымъ, по отдѣленіе, которое будетъ образовано для того, чтобы представлять его въ данномъ государствѣ, будетъ національнымъ отдѣленіемъ, тѣ суда, которыя поднимутъ флагъ по мѣстнымъ законамъ, будутъ судами національными. Все предпріятіе получаетъ такимъ образомъ смѣшанный характеръ. Причемъ оба государства, которымъ оно подчинено, должны признавать всѣ юридическія послѣдствія такого положенія дѣла. Наконецъ подь *международнымъ судоходствомъ* мы понимаемъ судоходство различныхъ флаговъ. Мы можемъ говорить о международномъ судоходствѣ даже въ томъ случаѣ, когда рѣка открыта только для судовъ двухъ государствъ, мѣстнаго, т. е. прибрежнаго къ данной части рѣки, и какого-нибудь инаго, хотя бы напр. государства, владѣющаго прѣвположеннымъ берегомъ, или какимъ-либо другимъ участкомъ ея. Такимъ образомъ понятіе международного рѣчнаго судоходства установлено, думается намъ, вполне недвусмысленно. Однако намъ слѣдуетъ остановиться еще на нѣкоторыхъ различіяхъ. Если раньше было сказано, что вопросъ о международномъ судоходствѣ по рѣкамъ представляетъ большія трудности, то при этомъ имѣлся въ виду одинъ только наиболѣе важный видъ его. Какой же?

Разсуждая о международномъ судоходствѣ, мы имѣемъ въ виду *плаваніе коммерческихъ*,—а не военныхъ и другихъ казенныхъ *кораблей*, и въ особенности не увеселительныхъ, научныхъ и тому подобныхъ судовъ,—*съ торговыми цѣлями*, съ цѣлями рѣчнаго извозничества. Такимъ образомъ мы имѣемъ въ виду право судовъ подъ иностраннымъ флагомъ заниматься плаваніемъ (пріѣздъ, проѣздъ, выѣздъ) по рѣчнымъ путямъ (рѣки, озера, каналы) и провозомъ людей и товаровъ (привозъ, провозъ, вывозъ). Право прохода иностранцевъ, частныхъ лицъ, и право ввоза, вывоза и транзита товаровъ и имущества признается въ настоящее время во всемъ образованномъ мірѣ для всѣхъ и каждаго. Объ этомъ правѣ вопроса теперь нѣкъмъ не поднимается и не его имѣемъ мы въ эту минуту въ виду. Въ свое время, въ постановленіяхъ 1815 г., свобода торговли была искусно подставлена вмѣсто свободы судоходства. Мы же постараемся различать то и другое понятіе. Вопросъ о плаваніи военныхъ и вообще государственныхъ судовъ не есть вопросъ гражданского права. Онъ рѣшается другимъ путемъ, а не на основаніи принциповъ частнаго права. Суда эти имѣютъ

доступъ въ рѣчныя воды иностранныхъ государствъ только въ силу особыхъ постановленій, а не въ силу общаго начала о свободѣ рѣчнаго судоходства. Не можетъ быть особаго изслѣдованія и относительно увеселительныхъ и научныхъ судовъ, представляющихъ для этого слишкомъ рѣдкое явленіе. Можно думать, что подобное судно никогда не получитъ отказа, если будетъ просить о разрѣшеніи совершить путешествіе по той или другой рѣкѣ, или по тѣмъ или другимъ рѣкамъ. Мы имѣемъ въ виду также не случайный проходъ иностраннаго торговаго судна, который никогда не запрещается, если испрашивается по какому-либо серьезному обстоятельству, напр. если судно потерпѣло крушеніе, или спасается отъ непріятельскаго корабля. Мы имѣемъ въ виду вопросъ о свободѣ судоходнаго промысла для иностранныхъ флаговъ на національныхъ водахъ. Рѣчь идетъ не о правахъ иностранцевъ, живущихъ въ предѣлахъ данной страны, и не о принадлежащихъ имъ судахъ, а о правахъ судовъ, поднявшихъ иностранный флагъ, хотя бы эти суда принадлежали нашимъ согражданамъ.

Какъ должно отнестись къ ихъ желанію заниматься извозничествомъ въ иностранныхъ водахъ? На чемъ мы остановимся: *свобода, стѣсненія или категорическое запрещеніе?* Съ перваго взгляда вопросъ рѣшается, какъ—будто, очень просто и именно въ пользу свободы. Если иностранный вагонъ или иностранная повозка могутъ переѣхать съ своимъ грузомъ черезъ границу нашего государства, то почему же не разрѣшить этого для иностраннаго судна? Можно, пожалуй, спросить и такъ еще, иностранные товары разрѣшается привозить въ ящикахъ, сдѣланныхъ за границей, почему не разрѣшать привозить ихъ на иностранныхъ судахъ? Къ сожалѣнію, это сопоставленіе очень мало серьезно. Почему, напр., не повернуть его въ другую сторону и не спросить, не слѣдуетъ—ли запрещать иностраннымъ вагонамъ, повозкамъ (а, можетъ—быть,—и сундукамъ, и ящикамъ) переѣздъ черезъ границу, разъ это запрещается для иностранныхъ судовъ? Вообще подобнаго рода чисто внѣшнія аналогіи могутъ имѣть цѣну только тогда, когда будетъ доказано, что сравниваемыя величины дѣйствительно тождественны въ томъ своемъ отношеніи, которое имѣется въ виду, а для этого необходимо углубиться въ изученіе тѣхъ различныхъ интересовъ, которые лежатъ въ ихъ основаніи. Дѣло это конечно не легкое. Но разъ оно удачно доведено до конца, боль-

шего частью оказывается, что въ нихъ нѣтъ особой надобности, что онѣ пригодны только для оживленія изложенія. Подобнаго рода аналогій выставлялось, какъ мы вскорѣ увидимъ, великое множество, онѣ давали поводъ различнымъ авторамъ проявлять свое краснорѣчіе звучными тирадами, но поставленнаго выше вопроса такъ и не разрѣшили.

Надо сознаться, что *принципъ свободнаго судоходства до сихъ поръ не установленъ*, какъ слѣдуетъ. Не выяснены тѣ жизненные отношенія, которыя лежатъ въ его основаніи. Не указаны границы его рациональнаго примѣненія. Только тѣмъ лицамъ, которыя знакомы съ вопросомъ болѣе, чѣмъ поверхностно, кажется, что дѣло обстоитъ иначе. Сильно ошибался А. Наумовъ, когда въ 1856 г. писалъ, что свобода судоходства «принята, какъ безспорное правило въ международномъ правѣ» ¹⁾. Не менѣе сильно ошибается и Соград ²⁾, утверждая, что «при помощи... системы соответствующихъ конвенцій весь континентъ Европы на всемъ своемъ пространствѣ открытъ свободному судоходству всѣхъ націй». Мы находимъ весьма краснорѣчивыми, но, увы, мало соответствующими истинѣ слѣдующія прекрасныя слова барона Моренгейма, сказанныя имъ на Лондонской конференціи 1883 г.: «Je n'ai assurément pas besoin d'affirmer, que ce n'est pas le principe de la liberté de la navigation fluviale qui est en question. Désormais ce grand principe civilisateur ne saurait plus être en question, ni aujourd'hui, ni jamais, ni ici, ni nulle part. La Russie le professe et le proclame aussi hautement que qui que ce soit et il est tout aussi bien, et tout autant le sien, que celui des autres» ³⁾. Гораздо ближе къ истинѣ Энгельгардтъ, когда онъ набрасываетъ слѣдующія не совсѣмъ веселыя строки: «Абсолютная рѣчная свобода, основанная на равенствѣ всѣхъ флаговъ и обнимающая всѣ рѣки, непосредственно впадающія въ море, не получила еще всеобщаго признанія и примѣненія и это завоеваніе цивилизаціи на столько еще подвергается сомнѣніямъ, что оно до настоящаго времени не одержало верха даже на всѣхъ судоходныхъ артеріяхъ общихъ нѣсколькимъ самостоятельнымъ политическимъ

¹⁾ Шельда, с. 6.

²⁾ Handwbch der Staatswissenschaften, B. III. S. 584. Jena. 1891.

³⁾ Протоколъ № VI.

тѣламъ»¹⁾. Только нѣкоторымъ благодушнымъ послѣдователямъ естественнаго права могло казаться, что все обстоитъ наилучшимъ образомъ въ лучшемъ изъ міровъ. Къ различнымъ нежелательнымъ явленіямъ можно было отнести такимъ образомъ, какъ отнесся А. Наумовъ къ закрытію Шельды въ 1648 г. Закрытие Шельды въ 1648 г. «есть», по его мнѣнію, «отдѣльное явленіе, которое даже не можетъ быть отнесено къ области международнаго права и основано на существовавшемъ еще въ то время недовѣріи между государствами»²⁾.

Правильное рѣшеніе вопроса о свободѣ судоходства дѣло чрезвычайно трудное и напрасно нѣкоторые думаютъ, что причина, почему освободительныя пачала не восторжествовали повсемѣстно, заключается въ упорномъ нежеланіи правительствъ внимать истинамъ, выставляемымъ наукою, или какъ говоритъ Пинхейро-Феррейра: «Только духомъ зависти (rag un esprit de jalousie) можно объяснить себѣ, что правительства, не будучи въ состояніи абсолютно воспретить судоходство, рыболовство и другіе виды пользованія, на которые имѣютъ право сосѣдніе народы по отношенію къ рѣкѣ или общему озеру (lac commun), противятся имъ, создавая подѣ разными предлогами цѣлую кучу препятствій»³⁾. Нѣтъ ничего легче, какъ обвинить иначе думающее лицо въ заблужденіи, въ непониманіи и т. д. Не пора-ли однако оставить эти приемы, по крайней мѣрѣ что касается характеристики цѣлыхъ эпохъ или хотя бы извѣстныхъ направленій въ политической, экономической жизни отдѣльныхъ государствъ. То, что кажется въ настоящее время заблужденіемъ, имѣло болѣею частью глубокое объясненіе въ условіяхъ современной жизни. Этого-то объясненія и слѣдуетъ искать.

Установленіе рациональныхъ основаній для рѣшмой свободы и выясненіе границъ ея разумнаго примѣненія, вотъ та задача, которая лежитъ на слѣдующихъ параграфахъ этой главы. При помощи нѣкоторыхъ натяжекъ можно было бы пристегнуть къ гражданскому праву рѣкъ еще нѣкоторые вопросы, но мы предпочитаемъ изобразить его такъ, какъ оно существуетъ въ настоящее время. Посмотримъ сначала на то, какъ пытались различныя авторы обосновать свободу судоходства.

¹⁾ Engelhardt, Du régime, p. 78.

²⁾ Шельда, ст. 33.

³⁾ Прим. къ § 39 соч. Martens'a, 2 éd. Vergé, p. 134.

§ 4. Теорія безвреднаго прохода.

Ученіе о свободѣ рѣчнаго судоходства развилось въ наукѣ изъ такъ называемой теоріи невиннаго или безвреднаго прохода. «Старше публицисты», говоритъ Кальво, «выводили этотъ принципъ... изъ невиннаго пользованія, которое принадлежитъ всѣмъ народамъ, но которое, являясь несовершеннымъ правомъ, существуетъ только подъ условіемъ признанія и освященія специальными договорами»¹⁾. Поэтому Вернеско съ полнымъ основаніемъ называетъ *теорію невиннаго пользованія «первыми усиліемъ, сдѣланнымъ международнымъ правомъ съ цѣлью объяснить свободу рѣчнаго судоходства»*²⁾. Однако многіе и современные авторы, если они желаютъ остаться въ области чисто теоретическихъ изысканій, не находятъ ничего лучшаго, какъ снова обращаться къ ней за разъясненіемъ и указаніемъ. Они думаютъ такимъ путемъ пособить недостатку анализа и историческихъ свѣдѣній. Чтобы одѣлать значеніе ея всесторонне и безпристрастно, посмотримъ, какъ она выражалась въ сочиненіяхъ крупнѣйшихъ представителей науки.

Гроцій, который считается отцомъ этого ученія, пытается обосновать его слѣдующимъ образомъ: «Блага», говоритъ онъ, «были повидимому распредѣлены между собственниками подъ условіемъ возможнаго возвращенія къ примитивному праву», такъ какъ, предполагаетъ онъ дальше, «намѣреніе тѣхъ, которые впервые ввели частную собственность, было... какъ можно менѣе удалиться отъ естественной справедливости». Первый выводъ отсюда, что «въ случаяхъ необходимости возвращается старое право пользоваться вещами такъ, какъ будто онѣ остались общими». Второй—невинное или безвредное пользованіе чужими вещами³⁾. «Такъ рѣка, какъ таковая, составляетъ собственность народа, въ границахъ территоріи котораго она течетъ, или того лица, подъ властью котораго этотъ народъ находится, ...но эта же рѣка, какъ текучая вода, есть *res communis* съ точки зрѣнія права пить изъ нея и черпать воду»⁴⁾.

¹⁾ Ibid., p. 434.

²⁾ Ibid., p. 161.

³⁾ L. II. C. II. VI, 4, t. 1, p. 404; — VI, 1., t. 1, p. 402; — VI, 2., t. 1, p. 402, éd. par Pr.-Fod.

⁴⁾ L. II. Ch. II. XII, t. I, p. 410.

Такъ точно «территоріи, рѣки и моря... должны быть открыты для тѣхъ, которые имѣютъ нужду въ проходѣ для законныхъ причинъ, напр. потому, что, будучи изгнаны изъ своего отечества, ищутъ незанятыхъ земель, или потому, что хотять торговать съ отдаленнымъ народомъ, или наконецъ потому, что намѣреваются въ справедливой войнѣ отвоевать то, что имъ принадлежитъ». «Вначалѣ слѣдуетъ испрашивать дозволенія пройти... а затѣмъ уже, если послѣдуетъ отказъ, можно домогаться пропуска силою». «Напрасно будутъ ссылаться для оправданія отказа на страхъ, который можетъ внушить большая масса проходящихъ людей, такъ какъ мое право не можетъ быть уничтожено страхомъ, тѣмъ болѣе что возможно принять различныя предосторожности... Нельзя также допускать въ оправданіе, что проходъ можетъ имѣть мѣсто инымъ путемъ, съ другой стороны... Достаточно, если онъ испрашивается съ добрыми намѣреніями, по направленію наиболѣе близкому и удобному. Впрочемъ, я могу отказать въ немъ, если проходящій виновникъ несправедливой войны, если по его пятамъ слѣдуютъ мои враги»¹⁾. «Проходъ долженъ быть разрѣшенъ не только лицамъ, но и товарамъ, такъ какъ никому не дозволено мѣшать одному народу торговать съ другимъ отдаленнымъ отъ него. Человѣческое общество, на самомъ дѣлѣ, заинтересовано въ томъ, чтобы это было разрѣшено; это не причиняетъ убытка никому, такъ какъ за убытокъ нельзя считать потерю прибыли, на которую рассчитывали, но на которую не имѣли права»²⁾. «Слѣдуетъ также разрѣшать тѣмъ, которые перевозятъ товары или которые проходятъ, останавливаться на извѣстное время или для надобностей здоровья, или по другой причинѣ... выстраивать временныя зданія на берегу»³⁾. Съ проходящихъ товаровъ разрѣшается брать пошлины для покрытія расходовъ на обезпеченіе безопасности и т. п. прохода. Такова теорія Гроція. Не будучи въ состояніи доказать изъ жизни тѣ положенія, справедливость которыхъ онъ чувствовалъ, онъ долженъ былъ прибѣгнуть къ цѣлому ряду предположеній, что первоначально существовало общее пользованіе вещами, что соб-

¹⁾ L. P. C. II, XIII, 3—4, t. I, p. 414—415.

²⁾ L. P. C. II. XIII, 5, t. 1, p. 417.

³⁾ Ibid., XV, 1. 2, t. 1, 422, 420.

ственность введена искусственно и подъ известными условіями и т. д. Однако къ нимъ примѣшиваются иногда и другіе элементы доказательства: интересы человѣческаго общества. Трудно сказать, считалъ-ли Гуго Гроцій выставленные имъ начала естественнымъ правомъ, или международнымъ, которое было для него правомъ исключительно положительнымъ. Свои теоретическія положенія онъ подтверждаетъ мифіями древнихъ авторовъ и примѣрами изъ минувшихъ временъ. Онъ имѣетъ въ виду конечно не право на судоходство по рѣкамъ, но право иностранцевъ на отдѣльный проходъ въ случаѣ надобности. Сюда входило однако и право прохода по рѣкамъ. Это право онъ признаетъ за каждымъ лицомъ и каждой группой лицъ¹⁾. Оно носитъ такимъ образомъ существенно гражданскій характеръ и въ этомъ нельзя видѣть только отраженіе современнаго Гроцію повсемѣстнаго господства гражданско-правовыхъ началъ. Права какъ проходящихъ, такъ и мѣстнаго владѣтеля или народа формулированы вполне недвусмысленно. Теорія Гроція, запечатлѣнная благородствомъ и силою мысли, являясь драгоцѣннымъ памятникомъ стараній лучшихъ людей 17 столѣтія доказать разумность тѣхъ началъ, отъ принятія которыхъ зависѣло дальнѣйшее развитіе народовъ, имѣетъ нынѣ только историческій интересъ. Современный интернационализмъ, болѣе богатый опытомъ и искусившійся въ анализѣ весьма сложныхъ институтовъ новѣйшаго права, долженъ лучше понимать жизненную подкладку международноправовыхъ началъ, а потребности современнаго быта требуютъ признанія за иностранцами болѣе широкихъ правъ, чѣмъ право на невинный проходъ. Послѣдующее изложеніе покажетъ, какъ на основаніи этой теоріи выросло постепенно современное ученіе о свободѣ судоходства. Но въ своемъ зародышѣ у Гроція она отстоитъ еще очень и очень далеко отъ послѣдняго. Не смотря на всю скромность выставленныхъ имъ положеній, они встрѣтили до-

¹⁾ Въ этомъ именно смыслѣ Пуфендорфъ говоритъ по поводу всего ученія, а не только гроціанскаго о невинномъ проходѣ: „Le droit de passage n'emporte pas une servitude perpétuelle; il s'agit seulement de savoir, si pour se procurer quelque grand avantage, ou du moins lorsqu'une pressante nécessité le demande, on peut se servir du bien d'autrui pour un peu de temps“ etc. De jure naturae et gentium, L. III, C. III, § 5, 5 éd. de Barbeyrac, p. 366 s.

вольно рѣзкую критику нѣкоторыхъ лицъ. Прадье-Фодере ¹⁾ находитъ, что право прохода «*cette espèce de servitude*» противорѣчитъ признанному Гроціемъ основному принципу международнаго права—независимости народовъ одинъ отъ другаго ²⁾. «Если существуетъ право прохода», говоритъ онъ, «то не существуетъ болѣе независимости, не существуетъ болѣе суверенитета». Заключение, по нашему убѣжденію, одностороннее. Изъ ученія Гроція можно сдѣлать только одинъ выводъ: рядомъ съ независимостью государствъ имѣется ихъ взаимная зависимость, общеніе. Если бы послѣдняго не было, не было бы и международнаго права и отношенія народовъ между собою носили бы фактическій характеръ. Изъ другихъ критиковъ Пуфендорфъ утверждалъ, что законы гуманности налагаютъ обязанность пропускать не всѣ товары, какъ учить Гроцій, а только предметы, необходимыя для жизни ³⁾. Массе пошелъ еще дальше и доказываетъ, что каждое государство вольно принимать внутри своихъ предѣловъ всѣ мѣры, которыя ему заблагодарсудятся, напр. закрывать транзитъ иностранныхъ товаровъ. Однако здравая политика можетъ побуждать къ допущенію послѣдняго, такъ какъ онъ выгоденъ для того государства, черезъ территорію котораго совершается ⁴⁾. Насколько выше Гроцій этихъ изъ своихъ преемниковъ! Онъ хотѣлъ доказать правило, которое-бы связало отдѣльныя государства, и въ основаніе его клалъ не требованія гуманности, но общіе интересы народовъ. Современный договоръ и обычай освятилъ свободу передвиженія лицъ и товаровъ въ средѣ образованныхъ государствъ шире того даже, чѣмъ предлагалъ Гроцій. Между тѣмъ нѣкоторые изъ современныхъ авторовъ не видятъ этого, защищаютъ свободу отдѣльнаго государства, какъ начало международной жизни, не могутъ отдать себѣ отчета въ томъ, что ихъ окружаетъ, и пытаются втолкнуть жизнь въ тѣ положенія, которыя они усвоили изъ опыта своихъ предшественниковъ.

Выставленная Гроціемъ теорія невиннаго пользованія имѣла множество послѣдователей. *Пуфендорфъ* весьма подробно

¹⁾ Le droit de la guerre et de la paix, t. I, p. 412.

²⁾ См. также Hautefeuille, Devoirs des nations neutres, 2 éd. Guillaumin, 1858, t. I, p. 246 s.; ibd., p. 310 s.

³⁾ De jure naturae et gentium, l. III, c. III, § 6.

⁴⁾ Le droit commercial. Ed. Guillaumin. 1861, t. I, p. 81 s.

анализируетъ ее ¹⁾). Излагая ученіе Гроція, онъ различаетъ 2 случая: 1) проходъ вооруженныхъ массъ (*armées nombreuses*). Этотъ вопросъ, изложенный имъ очень широко, относится скорѣ къ праву нейтралитета). 2) Проходъ небольшого числа людей безъ оружія, платящихъ деньги за пужные для нихъ съѣстные припасы. Проходъ долженъ быть разрѣшенъ имъ, если только онъ испрашивается въ силу какой-либо необходимости или по честнымъ причинамъ. Если въ немъ отказываютъ безъ всякаго серьезнаго оправданія, или подъ предлогомъ неосновательнаго страха, можно прибѣгнуть, въ случаѣ крайней необходимости, къ силѣ для открытія дороги. Обязанность разрѣшать проходъ вытекаетъ изъ общей обязанности дѣлать добро людямъ, безъ чего не можетъ существовать человѣческое общество. Что касается въ частности рѣкъ, то слѣдуетъ разрѣшать черпать воду и купаться въ нихъ. Законы гуманности требуютъ также, чтобы былъ разрѣшенъ провозъ предметовъ первой необходимости для сосѣднихъ народовъ. Остальные товары можно задерживать для того, чтобы перепродавать ихъ впослѣдствіи тѣмъ, кто въ нихъ нуждается. Поэтому этапы вполне законны. За проходъ по рѣкамъ можетъ быть взимаема небольшая пошлина для покрытія убытковъ, которые приноситъ рѣка, размывая берега и разливаясь, а также расходовъ, которые нерѣдко производятся на подъѣзды дороги. Проѣзжающимъ должно быть разрѣшено строить временныя зданія на берегахъ. Но, во всякомъ случаѣ, прежде чѣмъ разрѣшить вѣздъ иностранцевъ, слѣдуетъ хорошенько осмотрѣть ихъ: не враги-ли они и не болѣны-ли заразительной болѣзью. Такимъ образомъ Пуфендорфъ въ однихъ отношеніяхъ сѣзидилъ ученіе Гроція, въ другихъ дополнилъ его нѣкоторыми новыми положеніями. Весьма важно, что онъ указалъ болѣе реальное основаніе пединнаго пользованія, обязанность людей оказывать другъ другу услуги, добро, а также первый довольно подробно говоритъ о проходѣ по рѣкамъ. Но это еще не право судоходства въ современномъ смыслѣ. Что видно особенно изъ его ученія о провозѣ товаровъ и этапахъ. По поводу послѣдняго пункта шла горячая

¹⁾ De jure naturae et gentium, l. III, c. III, §§ 3—8, особенно 5 (5 изд. пер. Барбейрака, 1759 г.).

полемика между комментаторами Пуффендорфа. Барбейракъ ¹⁾ утверждалъ, что иностранцы не могутъ жаловаться на обязанность выставлять на продажу свои товары, если только для покупки ихъ указаны разумныя цѣны. Они такимъ образомъ все-таки не лишаются извѣстной прибыли, а въ знакъ благодарности за пропускъ даютъ извѣстный заработокъ мѣстному населенію. Однако теорія Пуффендорфа кажется ему слишкомъ суровой. По его мнѣнію, можно запрещать провозъ черезъ наши предѣлы только тѣхъ предметовъ, которые находятся у насъ въ изобиліи и которыми мы сами торгуемъ. Но было бы противно законамъ гуманности лишать иностранцевъ той прибыли, которую мы не можемъ получить сами, въ особенности если то государство, въ предѣлы котораго направляются товары, не можетъ ни откуда получить ихъ или достаетъ ихъ только по чрезмѣрной цѣнѣ. Только опасеніе повредить торговлѣ своихъ собственныхъ подданныхъ или опредѣленные постановленія договоровъ могутъ побудить насъ къ другому роду дѣйствій. Наоборотъ, Hertius не видитъ никакого основанія учреждать этапъ для товаровъ, которые иностранцы везутъ къ себѣ или въ третье государство. Этапы, по его мнѣнію, возможны только между подданными одного и того же государства или по отношенію къ привозимымъ къ намъ иностранцами товарамъ. Какъ характерны эти колебанія и противорѣчія мысли для того времени, которое было, болѣе чѣмъ какое-либо другое, переходнымъ, когда предлагались одновременно для поученія публики и теоріи, окрашенные въ ярко средневѣковую краску, и новыя реформаторскія, изъ которыхъ нѣкоторыя не утратили своего значенія до нашихъ дней.

Съ особенными подробностями теорія невиннаго прохода развита у *Vattel*. Предполагая, какъ и Гроцій, что въ началѣ было полное общеніе благъ, онъ говоритъ, что введеніе обладанія и собственности (*du domaine et de la propriété*) произошло подъ молчаливымъ условіемъ, что каждый человекъ будетъ имѣть нѣкоторыя права на вещи, подчиненныя собственности, именно въ тѣхъ случаяхъ, когда безъ этого права онъ былъ бы совершенно лишенъ необходимаго пользованія вещами этого рода. То же самое относится и къ сношеніямъ народовъ между

¹⁾ Въ прим. къ § 6, гл. III, кн. III (5 изд. 1759 г., с. 368—369).

собою. Среди отдѣльных видовъ пользованія чужими вещами находится и право безвреднаго прохода, которое является остаткомъ примитивной общности благъ, хотя и значительно стѣсненнымъ со времени введенія обладанія и собственности. Стѣснение выражается въ томъ, что для того, чтобы войти въ чужія владѣнія вопреки волѣ собственника, надо имѣть болѣе серьезныя основанія, чѣмъ тѣ, которыя онъ имѣетъ для отказа, напр. быть вынужденнымъ необходимою (спасеніе отъ опасности, добыча необходимаго пропитанія). Въ другихъ случаяхъ собственникъ имѣетъ право отказать въ проходѣ ¹⁾. Проходящій имѣетъ право пріобрѣтать по справедливымъ цѣнамъ предметы, въ которыхъ онъ нуждается, а въ случаѣ надобности брать ихъ силою. Словомъ, право невиннаго прохода поставлено въ очень тѣсныя рамки. Это—право необходимости. Такова первая половина ученія Ваттеля. Но онъ доказываетъ право прохода черезъ чужія владѣнія и нѣсколько иначе, именно согласно ученію Гроція о невинномъ пользованіи. Къ сожалѣнію только, онъ плохо объединилъ эти двѣ теоріи. Невинное пользованіе есть, по его мнѣнію, одинъ изъ видовъ пользованія неисчерпаемыми благами. «Вещи неисчерпаемаго пользованія не могутъ быть объектомъ обладанія или собственности кого-либо, потому что въ томъ свободномъ и независимомъ состояніи, которое создала для нихъ природа, онѣ могутъ быть равно полезны для всѣхъ людей. Даже тѣ вещи, которыя въ другихъ отношеніяхъ подчиняются владѣнію, если онѣ представляютъ съ какой-либо стороны неисчерпаемое пользованіе, остаются общими именно въ этомъ послѣднемъ отношеніи». Такъ, собственникъ рѣки не можетъ никому запретить пить и черпать воду. Онъ можетъ помѣшать пользоваться своею вещью только тогда, когда этимъ причиняется ему безпокойство или вредъ. «Невиннымъ пользованіемъ или невинной пользой называется такая, которую можно извлекать изъ вещи, не причиняя ни потерь, ни неудобствъ собственнику». Природа требуетъ, чтобы никого не лишали права на невинное пользованіе. Однако это право не совершенное, какъ напр. право необходимости, такъ какъ хозяину вещи, какъ такому, принадлежитъ право судить о томъ, причиняетъ или

¹⁾ Вопросъ о правѣ прохода трактуется здѣсь, по мнѣнію Пинхейро-Феррейра, „d'une manière vague et incomplète et sous un point de vue tout à fait faux“.—Note sur le § 123, III v., éd. Hoffmann, 1835, Paris.

не причиняетъ ему убытокъ или неудобство данное пользованіе (§ 128). Такимъ образомъ здѣсь Ваттель требуетъ, чтобы собственнику не наносилось никакого вреда (*aucun préjudice*) и чтобы право рѣшающаго голоса принадлежало ему же. Однако въ дальнѣйшемъ онъ расширяетъ это узкое представленіе о невинномъ пользованіи. Въ § 129 онъ пишетъ, что собственника можно считать за несправедливаго или врага только въ такомъ случаѣ, если онъ не представляетъ никакихъ резоновъ своего отказа, что отказъ въ пользованіи, невинность котораго очевидна,—обида, и что въ общемъ надо сообразоваться съ важностью доказательствъ, которые собственникъ будетъ приводить. А въ § 131 кн. II гл. X идетъ еще далѣе. Собственникъ не только долженъ, говоритъ Ваттель, обосновать свой отказъ на вѣрныхъ и солидныхъ данныхъ, но не останавливаться даже передъ незначительными потерями и небольшими неудобствами, которые грозятъ ему, если отсюда будетъ проистекать большее благо для другихъ. «Естественнo, говоритъ онъ, «что другіе будутъ дѣйствовать по отношенію къ намъ въ томъ же духѣ; какія выгоды будутъ вытекать отсюда для всѣхъ государствъ!» После этой оговорки Ваттель можетъ уже болѣе легко вернуться къ своему первоначальному положенію. «Собственность не могла отнять у народовъ общаго права передвигаться по землѣ для того, чтобы сообщаться другъ съ другомъ, торговать и предаваться другимъ законнымъ занятіямъ. Хозяинъ страны можетъ отказать въ проходѣ только въ особыхъ обстоятельствахъ, когда послѣдній вредоносенъ или опасенъ... Онъ не можетъ законнымъ образомъ связывать это разрѣшеніе, которое обязательно для него, съ разными отяготительными условіями» (§ 132). «Государство можетъ только помогать въ особыхъ обезпеченій въ тѣхъ случаяхъ, когда проходъ грозитъ опасностью» (§ 133). Наконецъ «слѣдуетъ также разрѣшать провозъ товаровъ и, такъ какъ обыкновенно онъ совершается безъ всякихъ неудобствъ, то отказывать въ немъ безъ законныхъ основаній, значитъ оскорблять народъ и лишать его возможности торговать съ другими» (§ 134). Такимъ образомъ право прохода Ваттель основываетъ и на волѣ первыхъ учредителей собственности, и на требованіяхъ природы, и на проистекающемъ изъ него благѣ для всѣхъ народовъ. Это однако не спасло его отъ противорѣчій, которыхъ, кстати сказать, не было ни у Гроція, ни Пуфендорфа. Во всякомъ случаѣ, экономическое значеніе права

прохода выступаетъ у него на каждомъ шагу, чего мы не видѣли у его предшественниковъ. У ближайшихъ его преемниковъ это еще болѣе замѣтно. Ваттель является послѣднимъ крупнымъ писателемъ, который не обратилъ спеціальнаго вниманія на право судоходства.

Переходъ къ теоріямъ новаго времени мы видимъ въ трудахъ *Г. Мартенса и Клюбера*. Остановимся на первомъ. «Въ силу исключительнаго права каждаго государства на принадлежащую ему территорію, оно могло бы запрещать доступъ въ свои предѣлы какъ морскимъ, такъ и сухимъ путемъ для всѣхъ иностранцевъ и разрѣшать въѣздъ, проѣздъ и пребываніе только тѣмъ, которые получили спеціальное разрѣшеніе. Если несправедливо не разрѣшать имъ невинный проходъ, то ему принадлежитъ право судить о томъ, является-ли онъ дѣйствительно такимъ». Однако иностранецъ можетъ въ случаяхъ крайности не только входить безъ разрѣшенія, но и силою открыть себѣ дорогу, а европейскія государства признаютъ въ наши дни другъ за другомъ въ мирное время и за исключеніемъ колониальныхъ владѣній свободу въѣзда, прохода и пребыванія какъ по морю, такъ и по сушѣ, и по рѣкамъ общимъ нѣсколькимъ странамъ¹⁾. «Но свобода въѣзда и прохода не заключаетъ въ себѣ права плавать и торговать на рѣкахъ, орошающихъ только одну территорію», а стст. 1815 г., говоритъ Мартенсъ, «ne concernent que les Etats riverains et non les nations étrangères». Въ послѣднихъ фразсахъ мы видимъ любопытное наслоеніе одной теоріи на другую: старой теоріи невиннаго прохода и новой свободнаго судоходства. Не замѣчая того, что послѣдняя вводила нѣчто новое въ практику европейскихъ сношеній, онъ прицѣпиль ее къ старому ученію и получилось нелѣпое заключеніе, что свободный проходъ разрѣшается только на международныхъ рѣкахъ. Это вовсе не вытекало изъ его же собственнаго ученія о невинномъ проходѣ самомъ по себѣ²⁾, съуживало ту свободу передвиженія лицъ и товаровъ, которая существовала на практикѣ, и наоборотъ расширяло до необычныхъ размѣровъ право невиннаго

¹⁾ Договоры, обычай, національные основные законы. Для Германіи—Союзный договоръ 1815 г., ст. 18.—Для Англии—Magna Charta, § 30.—Martens, Sammlung von Reichsgrundgesetzen, t. I, S. 723.

²⁾ L. III, C. III, § 84, t. I, p. 231.

прохода, вводя сюда право плавать и торговать на рѣкѣ. Въ лицѣ Мартенса выступаетъ уже приверженецъ современнаго абсолютнаго государства. Но объ этомъ послѣ. Еще болѣе рѣшительно высказывается противъ права прохода Клюберъ. «Право собственности государства, будучи вполне независимо отъ всякаго иностраннаго вліянія, позволяетъ государству исключить каждаго иностранца (именно иностранныя государства и ихъ подданныхъ) не только... изъ пользованія его территоріей въ случаѣ необходимости (исключая случая кораблекрушенія), но и отъ всякаго другаго пользованія ею, даже такого, который не можетъ вредить ему самому. Оно можетъ, напр., запретить проходъ черезъ его владѣнія,... оно вольно разрѣшить пользованіе своей территоріей, подъ извѣстными условіями, ограниченіями, ...уплатой налоговъ». Иностранецъ не можетъ претендовать даже на то, чтобы съ нимъ обращались такъ же, какъ съ другими, если не имѣется опредѣленной конвенціи. Однако политика, выгоды и гуманность могутъ побудить государство не пользоваться своими правами съ излишней суровостью¹⁾. Далѣе идти въ этомъ направленіи было уже некуда. Обычай игнорировался, договоръ считался особымъ, исключительнымъ обстоятельствомъ, нарушающемъ нормальное положеніе вещей. Это было чистое отрицаніе международнаго права. Теорія абсолютнаго государства вела ту же разрушительную кампанію противъ международнаго права среднихъ вѣковъ, которую она столь рѣшительно начала и докончила противъ остатковъ феодализма внутри государственныхъ границъ. И, что бы ни говорили противъ нея, она сыграла громадную роль въ исторіи политической жизни Европы. Опираясь на нее, народы стряхнули съ себя старыя цѣпи частноправовыхъ порядковъ. Эта теорія расчистила почву, на которой мало-по-малу воздвиглось новое зданіе, выработались новые порядки, болѣе согласные съ условіями современной общественной жизни. Выполнивъ свое дѣло, ученіе это отошло назадъ, было «опровергнуто» и юристъ новѣйшаго времени объявилъ, что рядомъ съ независимостью государствъ имѣется другое начало и сталъ изучать взаимную зависимость наро-

¹⁾ Droit des gens, § 135.—Günther, Völkerrecht, II, 230, 249.—Mosser, Versuch, VI, 37, V, 379.

довъ, взаимную солидарность ихъ, тѣ узлы, которыя соединяють ихъ въ одно цѣлое. Такъ-то нерѣдко научныя теоріи служатъ безсознательнымъ отраженіемъ тѣхъ движеній, которыя совершаются въ дѣйствительной жизни. Но возвратимся къ Клюберу. Мы впервые встрѣчаемъ у него отдѣльную постановку ученія о международномъ рѣчномъ правѣ. Онъ не смѣшиваетъ уже его съ ученіемъ о свободѣ прохода черезъ чужія владѣнія, хотя и употребляетъ выраженіе: право прохода по рѣкамъ. Исходя изъ того же начала независимости государствъ, онъ признаетъ за ними право запрещать проходъ иностранныхъ судовъ по рѣкамъ, каналамъ или озерамъ ихъ территории. Но, добавляетъ онъ, «въ настоящее время рѣдко отказываютъ въ пользованіи этими водами (за исключеніемъ впрочемъ закрытыхъ портовъ) судамъ и кораблямъ дружественныхъ націй, хотя и облагаютъ ихъ при этомъ разными сборами». Такимъ образомъ послѣ долгихъ колебаній вопросъ былъ наконецъ поставленъ въ современномъ намъ смыслѣ.

Теорія абсолютнаго государства проявила свое вліяніе не только въ работахъ Мартенса и Клюбера. Если до сихъ поръ мы имѣли дѣло съ тѣми изъ старинныхъ учителей, которые такъ или иначе признавали право прохода ¹⁾, то уже очень рано встрѣчаются писавшіе о *правѣ невиннаго пользованія съ отрицательной точки зрѣнія*. Такъ толкователь Ваттеля *Chambrier d'Oleires* утверждалъ, что постороннее лицо даже въ случаяхъ крайности не имѣетъ права на чужую вещь и что только въ видѣ благодѣянія (*un devoir de bienfaisance*) собственникъ можетъ разрѣшить ему невинное пользованіе ²⁾. Въ томъ же самомъ смыслѣ высказался одинъ изъ комментаторовъ Гроція *prof. Ziegler* ³⁾. Право прохода, по его мнѣнію, можетъ существовать только въ случаяхъ опредѣленныхъ по-

¹⁾ См. также Wolff, *jus gentium*, с. III, § 323.—Günther, *Völkerrecht*, II, 233.—I. Hertius, *Dissert. de servitute naturaliter constituta cum inter diversos populos, tum inter ejusdem reipublicae cives*. Giessae. 1699.—Idem, *Opuscula*, t. II, tit. III, p. 103 f.—Thomasius, *Inst. Juris pr. divini*. L. II. С. X. § 127 и др.

²⁾ Ed. d'Hauterive, Paris, 1838, t. I, p. 434.

³⁾ In l. II, с. II, § 13 (*Notae subitarae*, 1666). См. Puffendorf, l. III, с. III, § 5, p. 366 s. (5 éd. de Barbeyrac. 1759).

становленій договоровъ. Позже эти воззрѣнія высказывались иногда еще въ болѣе категорической формѣ. Теорія плавнаго прохода, читаемъ мы у *Вернеско*¹⁾, «должна быть отброшена, такъ какъ она находится въ противорѣчii съ тѣмъ принципомъ, что каждый народъ есть собственникъ тѣхъ рѣкъ, которыя пересѣкають его территорию»²⁾.

Все это не означало однако полнаго разрыва съ прежнимъ ученіемъ о правѣ прохода. Послѣднее находить приверженцевъ даже по сіе время, причудливо переплетаясь съ современными теоріями и началами. «Ни одинъ народъ», говоритъ *Пинхейро-Феррейра*, «не имѣетъ права исключать другую націю и даже простаго человѣка отъ участія въ пользованіи тѣми вещами, которыя природа создала для всѣхъ». «Каждая нація имѣетъ право торговать со всѣми остальными націями міра и ни одна не имѣетъ права создавать ей въ этомъ отношеніи препятствія». Поэтому государство не можетъ отказать другимъ государствамъ въ правѣ прохода, тѣмъ болѣе что послѣдній, регулированный какъ слѣдуетъ, является богатѣйшимъ источникомъ благосостоянія той страны, черезъ которую онъ совершается³⁾, а нѣкоторыя причиняемая имъ неудобства съ избыткомъ покрываются получаемыми отъ него выгодами. Поэтому береговья государства судоходныхъ рѣкъ не могутъ воспрещать или облагать пошлинами плаваніе по нимъ иностранныхъ судовъ. Они могутъ только принимать необходимыя мѣры противъ вторженія непріятеля, который вздумалъ бы воспользоваться рѣчною свободою для своихъ цѣлей⁴⁾. Исходный пунктъ въ разсужденіи автора—представленіе о вещахъ общихъ для всѣхъ людей и всѣхъ государствъ и о правѣ всѣхъ народовъ торговать между у собою, а характерная черта полное смѣшеніе права прохода съ правомъ судоходства. За береговымъ государствомъ остается только одно право—приимать мѣры военной предосторожности. Ни у одного изъ предше-

¹⁾ Des fleuves... p. 164.

²⁾ Cp. Wildmann, Institutes of int-l law. Vol. I (time of peace), Ch. II, of independent States and their territories. Its right to refuse passage over its territories (p. 64 s.) Extent territorial right rivers (p. 75 s.).

³⁾ Vattel, III т., éd. Hoffmann, Paris. 1835. § 123, p. 332.

⁴⁾ См. примѣчанія къ Ваттелю, кн. I, § 266; кн. II, § 132 сл.; кн. II, § 123.

ствующихъ авторовъ мы не видѣли такого рѣшительнаго стѣсненія правъ береговыхъ странъ. Тотчасъ замѣтно, что говоритъ человѣкъ времени господства манчестерскихъ идей. Въ лицѣ его теорія невиннаго пользованія рѣшительно подала руку учению объ общей принадлежности рѣкъ. Признаки подобнаго сближенія были замѣтны уже у Ваттеля. Впрочемъ, Пинхейро-Феррейра готовъ отвергнуть не только право собственности государства на рѣки, орошающія его территорію, но даже и право на эту послѣднюю. «Если на основаніи общепризнанныхъ началъ», читаемъ мы у него ¹⁾, «...нація не имѣетъ права исключать другую націю и даже отдѣльнаго человѣка изъ пользованія тѣмъ, что природа создала для всѣхъ, то на какомъ основаніи одна изъ этихъ націй можетъ претендовать на право собственности надъ извѣстной территоріей (*s'arroprier un territoire*), которая, находясь среди другихъ, занятыхъ другими націями, можетъ стать черезъ отказъ въ транзитъ, непреодолимымъ препятствіемъ для всѣхъ остальныхъ народовъ земли?» Дальше идти, кажется, было уже невозможно. Оставалось развѣ объявить, что государства также подлежатъ отмѣнѣ, такъ какъ существованіе ихъ можетъ поставить въ опасность свободу прохода.

Изъ другихъ авторовъ—*Viton* защищаетъ для иностранцевъ *jus passagii innocui*, хотя и безъ права торговли ²⁾. *Кальво*, называя право всѣхъ народовъ пользоваться судоходными рѣками свободнымъ транзитомъ или безвреднымъ проходомъ, считаетъ его несовершеннымъ правомъ, объемъ и регулированіе котораго входятъ существенно въ область договорныхъ постановленій ³⁾. *Pradier-Fodéré* утверждаетъ, что права государства надъ рѣками вообще ограничены «существеннымъ и ненарушимымъ правомъ народовъ сообщаться между собою и правомъ безвреднаго пользованія» (§ 750). Свои воззрѣнія относительно этой матеріи онъ формулируетъ слѣдующимъ образомъ: «Право судоходства по рѣкамъ, пересекающимъ территорію нѣсколькихъ различныхъ государствъ, регулируется трактатами, которые бывають обыкновенно болѣе или менѣе ограничительными; но,

¹⁾ Прим. къ § 123, III т., р. 332 соч. Ваттеля, изд. Hoffmann, Paris, 1835.

²⁾ *Elements du droit in-1.* Leipzig. 1864, p. 2, ch. 4, §§ 12, 14.

³⁾ *Calvo*, 4 éd., t. I, p. 464 s., § 340.

что касается теории... въ ней господствуетъ то безусловно вѣрное мнѣніе, что право національной собственности подчинено интересу человѣчества; нація, территорія которой пересѣкается рѣкой, можетъ извлекать изъ нея исключительно для себя всѣ выгоды, однако не имѣетъ права, не нарушая лежащихъ на ней обязанностей гуманности и общественности (*ses devoirs d'humanité et de sociabilité*), запрещать другимъ народамъ пользоваться ими, если она сама, что касается этого пользованія, не терпитъ никакого ущерба. Это теорія невиннаго пользованія, выдвинутая Гроціемъ». *Гейтеръ* ¹⁾ думаетъ, что «надо признать, по крайней мѣрѣ въ принципѣ, ... право безвреднаго пользованія и плаванія, въ которомъ не можетъ быть безусловно отказано никакому дружественному государству и его подданнымъ, въ интересѣ международныхъ сношеній». Его ученіе представляетъ намъ послѣднюю ступень въ развитіи ученія невиннаго прохода, когда оно подъ вліяніемъ постановленій 1815 г. и слѣдующаго засимъ оживленнаго правообразованія въ области рѣчныхъ интересовъ окончательно выродилось въ теорію рѣчнаго судоходства. Единственное значеніе ученія, выставленнаго Гроціемъ, Пуфендорфомъ и Ваттелемъ, состоитъ для Гейтера въ томъ, что оно даетъ объясненіе принципу рѣчной свободы. И на этомъ мы можемъ кончить обзоръніе относящихся сюда ученій.

Мы разсмотрѣли теорію невиннаго прохода въ лицѣ ея главныхъ представителей и отмѣтили тѣ разнообразныя точки зрѣнія, съ которыхъ она разсматривалась въ литературѣ. Какое же *общее заключеніе* возможно сдѣлать изъ всего этого, можетъ ли ученіе о безвредномъ проходѣ дать намъ достаточныя основанія для построенія свободнаго рѣчнаго судоходства? Мы не будемъ копечно разбирать тѣхъ замысловатыхъ варіацій, которыя оно принимало у различныхъ авторовъ. Онѣ зависѣли почти всегда отъ той точки зрѣнія, съ которой подходилъ тотъ или другой изъ нихъ къ вопросу. Имѣлъ онъ въ виду благо всего человѣчества, получались воззрѣнія Гроція, проникнутыя высокимъ гуманнымъ духомъ. Становился онъ на хозяйственную, такъ сказать, точку зрѣнія собственника данной территоріи, выдвигались ограничительныя толкованія Пуфендорфа.

¹⁾ Русск. пер., § 77, с. 155.

Удѣлялъ авторъ свое вниманіе общественнымъ потребностямъ внутренней государственной жизни, смотрѣлъ на государство какъ на абсолютно свободнаго дѣятеля и т. д., и т. д., все это такъ или иначе отражалось на его воззрѣніяхъ, но зерно теоріи, убѣжденіе, что территорія страны должна быть такъ или иначе доступна для иностранцевъ, оставалъсь у всѣхъ одно и то же.

Въ общемъ *ученіе это эпохѣ средневѣковое*. Оно было выдвинуто въ то время, когда частнопровольныя воззрѣнія на государственныя отношенія господствовали во всей силѣ. Территорія была въ собственности главы государства, какъ его воплощенія и представителя. Публичные элементы въ международныхъ сношеніяхъ, которыя были въ сущности отношеніями различныхъ собственниковъ между собою, почти вовсе отсутствовали. Защитники безвреднаго прохода возстали на защиту одного общественнаго интереса: свободнаго передвиженія лицъ въ предѣлахъ государствъ Европы, даже болѣе узкаго права, права прохода иностранцевъ черезъ земли отдѣльныхъ государствъ. Для обоснованія его были развиты главнымъ образомъ частнопровольныя мотивы. Проходящій не вредитъ владѣніямъ собственника, пусть проходитъ. Только иногда примѣшивались сюда публичноправовыя соображенія. Право это понималось какъ гражданское право и несомнѣнно было таковымъ. Мало-по-малу оно было признано во всемъ цивилизованномъ мірѣ и такъ срослось съ убѣжденіемъ современнаго человѣка, что онъ совершенно забылъ, что были времена, когда международное право не предоставляло отдѣльнымъ лицамъ этого блага. Свобода передвиженія для всѣхъ лицъ въ предѣлахъ всего образованнаго міра является необходимымъ условіемъ существованія и дальнѣйшаго развитія европейской цивилизаціи.

Въ современной наукѣ ученіе, созданное Гроціемъ, находится въ большомъ пренебреженіи. Во многихъ новѣйшихъ общихъ трактатахъ оно вовсе не упоминается (напр., у проф. Мартенса). Не говорятъ о немъ въ большинствѣ случаевъ и работы, посвященныя специально рѣчному праву. Оно исполнило свое дѣло и выброшено за бортъ. Такъ поступаютъ не только съ теоріями. Главная причина впрочемъ скрывается въ данномъ случаѣ въ томъ, что современное международное право усиленно стремится быть, какъ это приказала ему энциклопедія права,—публичнымъ правомъ и поэтому пренебрегаетъ многими добытыми долгимъ трудомъ частнопровольными инсти-

тутами. Попытки нѣкоторыхъ авторовъ, напр. Ривье ¹⁾, доказать, что право невиннаго прохода есть публичное право, право государствъ, рѣшительно противорѣчитъ смыслу этого института и его исторіи. Это есть право отдѣльныхъ лицъ, право группъ лицъ, право каждаго человѣка и именно не распространяется на самихъ государствъ. Именно въ тѣхъ случаяхъ, когда на сцену выступаетъ государство, оно не имѣетъ права прохода черезъ иностранныя территоріи. Государь, чтобы пользоваться за границей правами публичной персоны, долженъ предварительно испросить дозволенія прибыть въ чужое государство. Военный корабль безъ спеціальнаго разрѣшенія не можетъ входить въ гавань. Военные отряды не могутъ переступать черезъ границу, а каждое должностное лицо (за указанными въ международномъ правѣ исключеніями), переступая границу, становится частнымъ человѣкомъ, простымъ индигенатомъ международнаго общенія. Дѣло ни мало не измѣняется отъ того, что на охранѣ неприкосновенности этихъ гражданскихъ правъ стоятъ сами государства и прежде всего государство заинтересованныхъ лицъ. Не надо забывать, что государства стоятъ и на охранѣ общечеловѣческихъ правъ даже иностранныхъ подданныхъ противъ ихъ отечественнаго правительства (Турція, Китай). Это первая причина, почему теорія Гроція нынѣ отвергнута. Вторая болѣе отдаленная, но въ то же время не менѣе важная состоитъ въ томъ всепроникающемъ значеніи, которое имѣла до послѣдняго времени теорія абсолютнаго государства, тотъ рычагъ, которымъ были сдвинуты съ мѣста устои средневѣковой жизни. Новое государство не хотѣло признавать никакихъ ограниченій, кромѣ тѣхъ, которыя оно само наложило на себя. Такимъ образомъ подверглось гоненію и право прохода, которое если и существовало раньше, то по обычаю. Но отвергнутое на словахъ, оно продолжало примѣняться на дѣлѣ, получая въ договорахъ только новое освященіе и подтвержденіе.

Признанія этого права недостаточно для того, чтобы обезпечить свободу рѣчнаго судоходства. Право прохода людей и транзита товаровъ существуетъ нынѣ всюду, а право рѣчнаго судоходства имѣетъ ограниченное примѣненіе. На самомъ дѣлѣ,

¹⁾ Учебникъ, русск. пер., с. 156.

въ право судоходства входитъ не только право прохода, не только право передвиженія (и не отдѣльныхъ лицъ, а судовъ), но и право занятія транспортомъ товаровъ и людей. Судоходство иностранныхъ судовъ по національнымъ рѣчнымъ водамъ задѣваетъ слишкомъ разнообразные интересы для того, чтобы было возможно считать его невиннымъ или безвреднымъ проходомъ. Оно могло считаться таковымъ только при совершенномъ невниманіи къ общественнымъ интересамъ населенія, чего не всегда можно было ожидать даже отъ средневѣковыхъ королей, собственниковъ; даже они были заинтересованы въ томъ, чтобы принадлежащее имъ населеніе было по возможности зажиточнѣе и т. п. Положимъ, послѣдователи невиннаго пользованія нерѣдко причисляли къ нему судоходство по рѣкамъ, но, если экономическое значеніе послѣдняго не укрывалось отъ ихъ вниманія, они выдвигали обыкновенно извѣстныя ограниченія для него. Во всякомъ случаѣ, по мѣрѣ того, какъ падало значеніе теоріи невиннаго пользованія, росло значеніе вопроса о судоходствѣ, дѣлалось крайне необходимымъ отыскать новое объясненіе для него. Признаніе свободы транзита лицъ и товаровъ есть шагъ къ признанію свободы рѣчнаго судоходства, но не означаетъ еще полной побѣды освободительныхъ началъ. Въ слѣдующемъ параграфѣ мы обратимся къ тѣмъ основаніямъ, которыя были выдвинуты уже спеціально для оправданія международного пользованія рѣками въ цѣляхъ судоходства.

§ 5. Формальныя основанія свободы судоходства.

Свобода международного судоходства на рѣкахъ, впадающихъ въ открытое море, и прежде всего на рѣкахъ международныхъ составляетъ одну изъ истинъ, защищаемыхъ единогласно всѣми интернаціоналистами XIX в. Къ сожалѣнію, попытки обосновать ее, дѣлавшіяся до сей поры, надо считать неудачными. Онѣ болѣе ярко, чѣмъ что-либо другое, иллюстрируютъ нашу мысль о беспочвенности современныхъ теоретическихъ построеній въ области рѣчнаго права. Хотя ссылки на теорію невиннаго пользованія и по сіе время еще очень и очень нерѣдки, но большинство писателей стараются найти другіе доводы въ пользу свободы судоходства. Постановка во-

проса мало выиграла отъ этого. Итакъ, что же дастъ намъ литература нашихъ дней? Мы не будемъ разбирать ученій отдѣльныхъ авторовъ, а рассмотримъ послѣдовательно тѣ мысли, которыя вообще высказываются ими въ пользу освобожденія рѣкъ. Только одному изъ нихъ, Каратеодори, типическому представителю современнаго направленія, и, быть можетъ, Прадье — Фодере посвятимъ специально нѣсколько строкъ. Дѣлаемъ такъ для того, чтобы напрасно не повторять однихъ и тѣхъ же замѣчаній по поводу одинаковыхъ воззрѣній различныхъ авторовъ. Современныя теоріи слѣдуетъ называть формальными потому, что онѣ довольствуются установленіемъ какого-нибудь общаго начала, изъ котораго съ внѣшней стороны можно вывести принципъ свободы, и не берутъ на себя труда проникнуть до его матеріальныхъ, жизненныхъ основаній.

Многіе авторы находятъ, что *проведеніе освободительныхъ началъ въ цѣломъ рядѣ договоровъ* есть лучшее доказательство въ пользу того, что полная свобода судоходства должна рано или поздно восторжествовать всюду и безусловно. Надо-ли говорить, что подобное разсужденіе вовсе не убѣдительно? Оно не становится убѣдительнѣе и въ томъ случаѣ, когда рѣшаются утверждать, что Вѣнскій конгрессъ установилъ начала обязательныя для всѣхъ образованныхъ государствъ, или освятить общес для всѣхъ естественное право. Извѣстно уже, что это далеко не такъ. Но если бы даже мы и прониклись убѣжденіемъ, что одни государства должны непременно вводить въ свои отношенія то, что существуетъ въ практикѣ другихъ, все-таки осталось бы подъ сомнѣніемъ, какіе образцы заслуживаютъ подражанія. Историческая часть показала намъ, что на практикѣ существуютъ различныя системы рѣчной свободы.

Съ этой теоріей можно сопоставить мнѣніе, что главный аргументъ въ пользу свободы судоходства—*признаіе* ея со стороны *писателей, пользующихся авторитетомъ въ наукѣ*. Для этого, думаютъ, достаточно сослаться на Гроція, учившаго, что рѣки и части моря, принадлежащія тому или другому народу, должны быть открыты для тѣхъ, кто имѣетъ нужду въ проходѣ по нимъ; на Ваттеля, что глава государства можетъ отказать иностранцамъ въ проходѣ по его землямъ лишь въ особыхъ случаяхъ, на Пуфендорфа и Вольфа. Ссылки эти конечно очень вѣски, но онѣ получаютъ полное значеніе только тогда, когда будетъ доказано, почему данные авторы думали такъ, а не иначе.

Другіе считаютъ совершенно достаточнымъ сослаться на *требованія естественнаго права*, будто бы выставляющаго на своемъ знамени слова: «Свобода рѣкамъ!» Причемъ съ этимъ названіемъ у различныхъ писателей соединяются самыя разнообразныя понятія: для однихъ это требованія теоріи, для другихъ особый порядокъ, безусловно и вѣчно царящій надъ народами, для третьихъ начала справедливости и т. п. Но и требованія справедливости, и требованія теоріи объясняются же чѣмъ-либо. Ихъ убѣдительность основывается только на важности тѣхъ основаній, по которымъ они выдвинуты. Только въ пользу порядка, безусловно царящаго надъ народами, можно не приводить никакихъ доводовъ. Требования теоріи или справедливости могутъ быть доказываемы и должны быть доказаны. Есть впрочемъ и иныя воззрѣнія на естественное право. Раціональное рѣшеніе вопроса, говоритъ Каратеодори, «указано естественнымъ международнымъ правомъ, котораго не можетъ игнорировать долгое время ни одно государство; оно вытекаетъ изъ того *jus non scriptum, quod consensus fecit*, которое находитъ свой органъ и свой коррективъ въ общественномъ мнѣніи, а свое подтвержденіе въ послѣдней инстанціи въ исторіи»¹⁾. Эти краснорѣчивыя слова въ лучшемъ случаѣ имѣютъ въ виду общій источникъ международного права, ту силу, которая творитъ его непосредственно, интернаціональное правобужденіе. Врядъ-ли только правильно называть его естественнымъ правомъ. Во всякомъ случаѣ, ссылаться на него въ подтвержденіе теоретическихъ мнѣній не всегда возможно. Оно далеко еще не сложилось относительно принциповъ рѣчнаго права. Задача нашего времени—трудиться надъ его проясненіемъ и укрѣпленіемъ. Слѣдуетъ глубже искать основаній международной рѣчной свободы.

Вмѣсто естественнаго права нѣкоторые употребляютъ выраженіе *естественная справедливость*, напр. упираютъ на то, что въ силу естественной справедливости береговое государство, владѣющее большею частью рѣки, или ея верхнимъ теченіемъ, имѣетъ право судоходства по всей рѣкѣ. Но дѣло отъ этого не выигрываетъ. Не вноситъ свѣта и ссылка на *неотъемлемыя, природныя права* всѣхъ или только бере-

¹⁾ Нѣм. раб., S. 280.

говыхъ народовъ на рѣчное судоходство, на то, что *природа не знаетъ привилегированныхъ народовъ*, на то, что свобода судоходства покоится на принципѣ, глубоко проникающемъ сердце человѣка, и другія громкія, но безсодержательныя заявленія. Во всѣхъ этихъ случаяхъ все-таки остается недоказаннымъ, почему справедливость требуетъ одного, а не другаго, почему данныя права не отъемлемы, какое положеніе дѣла и на какихъ основаніяхъ слѣдуетъ считать нестерпимой привилегіей.

Нерѣдко далѣе говорятъ о *нормальномъ предназначеніи рѣкъ*. «Рѣчныя вольности», пишетъ Энгельгардтъ, «въ такомъ видѣ, какъ мы ихъ наблюдаемъ нынѣ, являются по существу своему договорными, но это нисколько не мѣшаетъ намъ видѣть, что въ своемъ основаніи онѣ вытекаютъ согласно тому, что утверждали Соединенные Штаты въ своемъ спорѣ съ Англіей 1827 г., изъ того факта, что рѣка соединяется съ открытымъ моремъ и что монополизировать, присвоивать себѣ (ассарагер) эксплуатацію ихъ, значитъ отелонять ихъ отъ ихъ нормальнаго предназначенія». Какія возвышенныя слова! Но что надо считать нормальнымъ предназначеніемъ и кѣмъ оно установлено? Кто можетъ знать о томъ, что и для чего предназначено?

Я оставляю въ сторонѣ тѣхъ лицъ, которые утверждаютъ, что свободное международное судоходство есть *порядокъ, установленный самимъ Провидѣніемъ* и призываютъ имя Божества въ свидѣтели истинности того, что говорятъ. У нѣкоторыхъ изъ нихъ эти мысли выражены въ очень изящной и даже поэтической формѣ. Говорятъ, напр., что само Провидѣніе начертало освободительныя начала своимъ перстомъ на поверхности земли, или что Великій Законодатель міра требуетъ, чтобы его творенія были освобождены отъ произвольно наложенныхъ на нихъ узъ.

Есть авторы, которые ссылаются даже не на естественное право или естественную справедливость, а прямо *на природу*. «О пограничныхъ рѣкахъ», читаемъ мы у одного извѣстнаго ученаго, «можно сказать, что онѣ самую природою предназначены къ соединенію, а не раздѣленію государствъ». Земля также есть общее отечество. «Аллахъ далъ землю всѣмъ людямъ, а не кому-нибудь одному». Но можно-ли выводить отсюда непосредственныя юридическія заключенія, правила для

общественныхъ отношеній, которыми двигаютъ не отвлеченныя соображенія, но реальные интересы и потребности.

Весьма многіе думаютъ, что основаніемъ этого института является *неспособность воды быть международноправовою собственностью государства*. «Физическая природа воды, сама по себѣ, мѣшаетъ уже примѣненію къ ней основныхъ началъ собственности». Защитники этого взгляда не замѣчаютъ того, что изъ невозможности установить на воду право собственности вовсе не вытекаетъ съ непреложною необходимостью интернаціональное пользованіе рѣками, которыя могутъ тѣмъ же менѣе остаться въ пользованіи національномъ. Если на самомъ дѣлѣ надо считать общепризнаннымъ представленіе о водѣ, какъ объ общемъ достояніи, какъ объ элементѣ, находящемся во всеобщемъ пользованіи, то оно характеризуетъ только основное положеніе ея, въ отдѣльныхъ же случаяхъ все-таки остается необходимымъ доказать международное пользованіе ею. Нѣкоторыя изъ ея полезныхъ сторонъ могутъ быть открыты только для національнаго труда, другія даже только для отдѣльныхъ лицъ или классовъ лицъ.

Особый вариантъ къ этому взгляду составляетъ теорія Блючли, который, согласно своему воззрѣнію на публично-правовую природу отношеній государства къ его территоріи, ставитъ вопросъ такимъ образомъ: «Рѣка представляетъ естественную связь между странами, по которымъ протекаетъ. *Воды* ея часто (?) *не поддаются исключительной власти одного государства*, а текутъ дальше, не заботясь о границахъ между государствами. . . . Право, покровительствуя такому общенію и связи между государствами, даетъ только признаніе естественному порядку отношеній». ¹⁾ Покойный ученый упустилъ изъ виду, что публичная власть государства простирается не только на вещи, находящіяся въ собственности, но и на такія, какъ воздухъ, солнечный свѣтъ и такъ далѣе. То обстоятельство, что вода течетъ, не препятствуетъ ей, хотя бы и временно, находиться подъ властью опредѣленнаго государства и это, кстаги сказать, ни мало не мѣшаетъ свободѣ рѣчнаго судоходства. Во всякомъ случаѣ, институты права вызываются не тѣми или другими физическими свойствами пред-

¹⁾ Русскій пер. Кодекса межд. права.

метовъ, а общественными потребностями. Извѣстныя свойства могутъ мѣшать примѣненію къ предметамъ тѣхъ или другихъ началъ, но послѣднія признаются только тогда, когда въ нихъ есть реальная надобность.

Вообще очень часто видятъ основаніе рѣчной свободы въ физическихъ свойствахъ воды или рѣки. Такъ, нѣкоторые, имѣя въ виду спеціально международныя рѣки, утверждаютъ «что свобода судоходства по нимъ, обеспечиваемая трактатами, уже сама собою вытекаетъ изъ трудности разграничить на нихъ территориальное вѣдомство прибрежныхъ государствъ»¹). Однако тѣ же писатели обыкновенно вовсе не отвергаютъ существованія рѣчныхъ границъ между государствами, а иногда и сами развиваютъ ученіе о разграниченіи рѣчныхъ владѣній сосѣднихъ странъ.

Къ этому же роду соображеній относятся слѣдующія краснорѣчивыя, по малоубѣдительныя слова: «*Рѣка представляетъ собою одно физическое цѣлое*, такъ какъ вода, берега и ложе ея въ верхнемъ теченіи такъ же необходимы для ея нижней части, какъ и для верхней, и наоборотъ. Рѣка поэтому предназначается самою природою быть общимъ достояніемъ прибрежныхъ государствъ. Это относится и къ пограничнымъ рѣкамъ, такъ какъ границу въ этомъ случаѣ образуютъ берега и ложе ихъ». Трудно возражать противъ подобныхъ положеній. Что ближе къ намъ, какъ не то право, по которому мы живемъ, что тѣснѣе переплетается съ нашею жизнью, чѣмъ вліяніе сильнѣе воздѣйствуетъ на нашу личность? Что можетъ лучше обезпечить наши блага и заставить насъ сильнѣе страдать? Гдѣ можемъ мы найти болѣе жизненное, живое явленіе, чѣмъ право? Между тѣмъ ученые разсуждаютъ о немъ, какъ о какой-нибудь звѣздѣ безконечно далекой для насъ. Развѣ географическія соображенія лежатъ или лежали когда-нибудь или могутъ лежать въ основаніи юридическихъ системъ? Развѣ равнины не представляютъ собой физическаго цѣлага и развѣ, не смотря на это, онѣ не подѣлены?

Но особенно распространена мысль, что причиной открытія рѣкъ является *связь ихъ съ открытіемъ моремъ*. «Свобода всемірнаго судоходства по этимъ международнымъ рѣкамъ

¹) Мартенсъ, М—ое право, 2 изд., т. I, с. 344.

основывается... на естественной связи рѣкъ съ свободнымъ моремъ и на ихъ назначеніи служить путями сообщенія для человѣчества. Рѣки, впадающія въ море, равно какъ и притоки ихъ, принадлежатъ, насколько они могутъ служить всемірной торговлѣ, морю, свобода котораго и есть основаніе свободного судоходства по нимъ»¹⁾. Въ концѣ прошлаго вѣка Linguet вопрошалъ: «Свобода моря стала одной изъ истинъ права народовъ. Почему рѣки не могутъ быть причастны ей? Почему внутреннія воды, покрытыя кораблями, собственность которыхъ (*la propriété*) уважается въ открытомъ морѣ, не могутъ имѣть той же привилегіи, какъ и океанъ, съ которымъ онѣ сливаются?» Нѣкоторые, не упоминая о связи рѣкъ съ моремъ, просто сопоставляютъ то и другое, находя возможнымъ распространить на нихъ одинъ и тотъ же режимъ. «Море», читаемъ мы у проф. Стоянова, «есть органъ сообщеній между людьми, которые обмѣниваются своими благами; но и большая рѣка тоже представляетъ собою жилу, которая служитъ и должна служить связью между людьми для ихъ общихъ торговыхъ и иныхъ интересовъ»²⁾. Недавно умершій Кальво выражался еще проще: «Нѣтъ никакого основанія не ставить рѣкъ на одну линію съ моремъ»³⁾. Нельзя отказать въ извѣстной возвышенности только-что приведеннымъ воззрѣніямъ. Но можно-ли остановиться на нихъ? Географическое распредѣленіе различныхъ элементовъ на земной поверхности не можетъ быть основаніемъ международнаго права. Одна математическая линія отдѣляетъ общее для всѣхъ открытое море отъ территориальныхъ водъ, принадлежащихъ отдѣльному государству. Но разница въ ихъ юридическомъ положеніи громадна и возражать противъ этого было бы крупной ошибкой. Этого требуютъ важные интернаціональные интересы. Далѣе, если бы морей и вовсе не было и поверхность земли была изрѣзана одними рѣками, освободительные принципы ни мало не потеряли бы своей разумной силы. Вѣдь дѣйствуютъ же они на многихъ рѣкахъ, не сообщающихся съ моремъ, хотя теорія часто и не хочетъ этого знать. Наконецъ, пусть рѣки предназначены служить путемъ міровыхъ сношеній, но

¹⁾ Блончли, Кодексъ, русск. пер.

²⁾ Очерки исторіи и догматики международнаго права, с. 366.

³⁾ Le droit in-1, 4 éd., t. I, p. 433.

почему же не потребовать, чтобы споненія эти происходили въ предѣлахъ каждаго береговаго государства подъ его флагомъ? Это остается невыясненнымъ. Впрочемъ, мы слишкомъ поспѣшно согласились съ тѣмъ, какъ надо понимать естественное или нормальное назначеніе рѣкъ. Можно еще поспорить о томъ, не предназначены-ли онѣ именно для того, чтобы исключительно служить источникомъ пропитанія для населенія тѣхъ государствъ, которыя онѣ орошаютъ? Не являются-ли судоходныя рѣки для него такимъ же даромъ природы, какъ тучный черноземъ для жителей земледѣльческихъ странъ? Не говорю уже о томъ, что можно сравнивать не только рѣки съ открытымъ моремъ, но и открытое море съ закрытыми рѣками и, пожалуй, требовать дѣлежа и закрытія океановъ. Если Гроцій утверждаетъ въ своемъ *Mare liberum*: «*Jure gentium quibusve ad quosve liberam esse navigationem*», то Сельденъ отвѣчалъ ему именно такъ: «*Cum igitur fluminum proprietas et dominium privatum nullibi non agnitus fuerit, cur non itidem et maris cujuscumque agnoscendum est dominos esse posse? non magis in hoc quam in illis reluctante natura fluxili. Imma ipsa flumina sunt maria minora, uti paludes et lacus; quemadmodum mare ipsum aliud non est, quam flumen, palus, lacus et a coeteris magnitudine dumtaxat (quantum ad fluorem) discrepans*». Развѣ это разсужденіе менѣе убѣдительно, чѣмъ вышеизложенныя? Чисто виѣшнія аналогіи бывають весьма опасны.

Нерѣдко наконецъ современные авторы въ доказательство свободы рѣкъ ссылаются на такія *положенія, которыя именно требуютъ обоснованія*. Говорятъ, что рѣки—общее достояніе, что рѣки—общіе пути человѣчества. Или *смѣшиваютъ вопросъ о международномъ судоходствѣ съ правомъ възда отдѣльныхъ лицъ и ввоза и транзита товаровъ*. Впрочемъ, о теоріяхъ послѣдняго рода было уже достаточно сказано въ предшествующемъ параграфѣ.

До сихъ поръ мы останавливались на отдѣльныхъ доводахъ въ пользу свободы рѣкъ независимо отъ того, кто изъ авторовъ высказываетъ ихъ. Въ заключеніе изложу въ полномъ составѣ *ученіе Каратеодори и Прадье-Фодере, какъ наиболѣе характерный образецъ господствующаго направленія* ¹⁾. Къ

¹⁾ Фр. раб., Ch. II. Développement et discussion de la question au point de vue de droit naturel, p. 18—39. Особенно § 3.

международнымъ рѣкамъ, утверждаетъ первый изъ нихъ, могутъ быть примѣняемы принципы морскаго права. Доказательства таковы. Если море «великій путь человѣчества, то рѣки—меньшіе пути». Большія рѣки—общее состояніе (*des biens communs*), которое должно быть управляемо такимъ образомъ, чтобы, какъ можно лучше, служить общему благу. На какомъ основаніи можетъ монархъ запретить иностранцамъ вѣздъ въ его государство по рѣкамъ, если это разрѣшается дѣлать сухимъ путемъ? Если объявляютъ войну государству, которое отказывается иностранцамъ доступъ въ свои морскіе порты, логика требуетъ, чтобы ее объявляли и тому, кто запрещаетъ вѣздъ въ принадлежащія ему рѣки. Монополизациа великой двигательной силы, которую Провидѣніе послало на землю и которой всякій можетъ пользоваться, не вредя другому, заключаетъ въ себѣ грубую несправедливость. Вода принадлежитъ всѣмъ. Природа предназначила ее для всѣхъ и никто не можетъ захватить ее исключительно. Въ обязанности человѣчности (*devoir humain*), а слѣдовательно и естественнаго права входитъ разрѣшать каждому нуждающемуся брать тотъ элементъ жизни и существованія, который природа создала въ неисчерпаемомъ изобиліи. Главное возраженіе противъ этихъ идей, продолжаетъ онъ,—суверенитетъ государствъ. Рѣки—часть территории, поэтому онѣ часть владѣній государства (*domaine*). Народъ, владѣющій рѣкою отъ ея источника до устья,—суверень, собственникъ (*souverain propriétaire*)¹⁾. «Естественное слѣдствіе состоитъ въ томъ, что онъ пользуется ею по своему усмотрѣнію». Разсужденіе это кажется Каратеодори вполне логичнымъ. Чтобы отвергнуть выводы, имѣется только одно средство—отвергнуть основную посылку. Каратеодори отказывается признать за государствомъ право собственности на рѣки, такъ какъ имѣются рѣки шире ширины территориальнаго моря, такъ какъ трудно установить пунктъ, гдѣ оканчивается рѣка и начинается море, наконецъ такъ какъ физическая природа воды не допускаетъ установленія права собственности. Здравый

¹⁾ Каратеодори имѣетъ въ виду конечно международноправовую собственность, которая имѣетъ для него то же значеніе, что и суверенитетъ. Иногда только онъ начинаетъ, какъ-будто, отличать послѣдній отъ права собственности.

Смыслъ и инстинктъ человѣка подсказываютъ это. Но пусть собственность, означаетъ то же самое, что и суверенитетъ и пусть съ извѣстными ограниченіями она можетъ быть приложена къ рѣкамъ, развѣ этимъ вопросомъ разрѣшается? Надо знать дѣйствительное содержаніе правъ государства—собственника, такъ какъ слово собственность имѣетъ условное значеніе. Каковы же права береговаго собственника? Только тѣ, которыя вытекаютъ изъ обязанностей, возложенныхъ на него сосѣдствомъ съ рѣкой. Исключительныхъ правъ оно не можетъ имѣть, такъ какъ не оно создало рѣку, такъ какъ верховъ несправедливости было бы лишать другіе народы безвреднаго пользованія, такъ какъ монополизациа неистощимой двигательной силы противорѣчитъ общему благу. Эти принципы, утверждаетъ онъ, приложимы какъ къ рѣкамъ національнымъ, такъ и къ рѣкамъ международнымъ. Однако первыя, при современномъ положеніи дѣла, являются *hors de discussion*. Поэтому въ заключеніе Каратеодори разсматриваетъ въ частности положеніе международныхъ рѣкъ. Онъ и здѣсь отвергаетъ право исключительной собственности береговаго государства на принадлежащую ему часть рѣки, такъ какъ нельзя смѣшивать великіе вопросы международнаго судоходства съ вопросами водосточной трубы. Признать противное означало бы «introduire un principe destructif de la souveraineté des Etats... essayer d'anéantir un droit contre lequel il ne saurait y avoir d'autre droit» (смыслъ послѣднихъ словъ не совсѣмъ ясенъ). Ученіе о сособственности береговыхъ государствъ на рѣку съ исключеніемъ всѣхъ остальныхъ государствъ кажется ему несостоятельнымъ также въ виду того, что неизвѣстно, какое положеніе должны занимать береговыя государства притоковъ, что невозможно опредѣлить долю участія въ этой сособственности каждаго береговаго государства и установить между ними такія отношенія, которыя обезпечили бы ихъ взаимную независимость, и что общая собственность не имѣетъ большей цѣны по отношенію къ третьимъ государствамъ, чѣмъ собственность каждой отдѣльной береговой страны. Береговыя государства имѣютъ извѣстныя соправа (*certaines droits collectifs*), вытекающія изъ ихъ положенія, и основанныя на ихъ обязанности, но эти права подчинены общему интересу тѣхъ государствъ, съ которыми они стоятъ въ отношеніяхъ (*subordonnés à l'intérêt général des Etats avec lesquels ils se trouvent en rapport*). Въ концѣ концовъ онъ считаетъ,

что береговья государства имѣютъ только тѣ права, которыя вытекаютъ изъ обязанностей, налагаемыхъ на нихъ сосѣдствомъ съ рѣкою. Таково ученіе одного изъ двухъ крупныхъ представителей международнаго рѣчнаго права. Первое, что поражаетъ насъ въ немъ, это нестройное нагроможденіе положеній разнаго характера и значенія одно на другое. Его положительныя доводы въ пользу рѣчной свободы не представляютъ собой ничего новаго. Его критика права собственности на рѣки болѣе оригинальна, но основанія, которыя онъ выставляетъ противъ него, совершенно ничтожны. Противъ нихъ болѣею частью просто неловко возражать и мы ограничимся замѣчаніемъ, что международноправовое отношеніе государства къ его территоріи и рѣкамъ не есть право собственности, а национальноправовая собственность на нихъ, гдѣ она конечно существуетъ, препятствіемъ для свободнаго судоходства быть не можетъ; поэтому и отвергать ее для того, чтобы защитить рѣчную свободу, надобности не представлялось.

Подобными чертами отличаются почти всѣ, можно даже сказать прямо—всѣ теоретическія работы. Примѣръ хотя бы *Прадье-Фодере*, который разобралъ въ своемъ курсѣ вопросъ о судоходствѣ сравнительно очень основательно. Этотъ ученый также приводитъ въ подтвержденіе своихъ словъ одно научное положеніе за другимъ, часто вовсе не согласовывая ихъ между собою. Такъ, если въ §§ 722—724 указываются, какъ основаніе свободы рѣкъ, ученіе объ *usus inposuus* и нѣкоторыя экономическія соображенія, взятая у Пинхейро-Феррейра, то въ § 730, слѣдуя Блончли, онъ объясняетъ ее, какъ послѣдствіе свободы моря, съ которымъ сливаются рѣки. «Захватить въ свою пользу эксплуатацію рѣкъ, значитъ отклонить ихъ отъ нормальнаго назначенія. Въ этомъ отношеніи онѣ нисколько не отличаются одна отъ другой, принадлежатъ-ли онѣ многимъ или одному государству». Далѣе, въ прим. къ § 130 I кн. сочиненія Ваттеля ¹⁾ онъ видитъ основаніе рѣчной свободы въ договорахъ, общемъ обычаѣ и основныхъ законахъ нѣкоторыхъ государствъ. «Свободное и исключительное право распорядиться своими водами», говоритъ онъ, «стѣсняется для отдѣльныхъ государствъ только въ такомъ случаѣ, если они отчасти или вполне отказались отъ него по договору».

¹⁾ Ed. 1863 г., р. 118.

Итакъ, мы не можемъ присоединиться ни къ одной изъ распространенныхъ теорій. Онѣ имѣютъ значеніе только въ глазахъ тѣхъ лицъ, которыя безусловно признаютъ тѣ основныя положенія, изъ которыхъ онѣ исходятъ. Но доказывать свободу судоходства надо не для нихъ, а для тѣхъ, кто сомнѣвается въ ней, кто не знаетъ, съ какой точки зрѣнія смотрѣть на вопросъ. Въ виду того, что онѣ не стараются объяснить жизненной подкладки международныхъ отношеній и довольствуются тѣмъ или другимъ случайно встрѣтившимся положеніемъ, исходя изъ котораго можно, какъ будто, доказать рѣчную свободу, мы называемъ ихъ формальными. Самое большее, если нѣкоторыя изъ нихъ могутъ служить дополнительными доводами при болѣе глубокомъ освѣщеніи соответствующихъ вопросовъ, а всѣ онѣ въ своей совокупности должны показать, какъ широко распространено убѣжденіе въ разумности принципа свободного судоходства, въ его соответствіи съ основными началами современной жизни. Но сами по себѣ, въ такомъ видѣ, какъ онѣ приводятся у ихъ авторовъ, онѣ не только не могутъ оказывать вліянія на жизнь, но способны даже подорвать всякое довѣріе къ тѣмъ началамъ, которыя защищать онѣ принимаютъ на себя нелегкую задачу, къ началамъ, практическая важность которыхъ имѣетъ первостепенное значеніе. Между тѣмъ, ссылаясь на нихъ, большею частью думаютъ доказать не только разумность освободительныхъ началъ, но и существованіе особаго права, независимаго отъ договора и обычая, обязательнаго для каждаго государства, владѣющаго рѣками. Отъ того обстоятельства говорятъ намъ, что пользованіе этимъ правомъ должно быть подчинено интересамъ народа, владѣющаго низовьями рѣки, т. е. отъ того, что это право является несовершенною, оно безъ сомнѣнія не перестаетъ быть правомъ, нарушеніе и стѣсненіе котораго даетъ право на вознагражденіе. Нарушеніе его есть злоупотребленіе силою противъ слабого. Подъ этимъ несовершенною правомъ понимаются обыкновенно или требованіе общественной нравственности, или даже теоретическія построенія различныхъ ученыхъ и это понятіе должно быть оставлено, такъ какъ при своей неопредѣленности и неустойчивости оно бесполезно усложняетъ общее ученіе нашей науки.

Освободительная кампанія, столь горячо ведущаяся, начинающая съ Парижскаго конгресса 1814 г., будетъ окончена только

тогда, когда докажутъ, что каждому государству въ частности и всѣмъ имъ вообще чрезвычайно выгодно, чтобы рѣчные дороги были открыты для международной эксплуатаціи. Выяснить интересы, которые лежатъ въ основаніи свободного судоходства, и составляетъ задачу слѣдующаго параграфа

§ 6. Экономическіе и другіе интересы народовъ въ вопросахъ рѣчнаго судоходства.

Непосредственнымъ объектомъ изысканій науки о правѣ являются нормы, регулирующія жизнь человѣка въ обществѣ и жизнь самого общества, но современный изслѣдователь не находитъ уже возможнымъ замыкаться въ область исключительно юридическихъ понятій. Право растетъ и измѣняется въ связи съ тѣми явленіями, тѣми интересами, которымъ оно служитъ, и понять его можно, только исходя изъ послѣднихъ, исходя изъ жизни. *Понять извѣстный институтъ* мы можемъ только *въ связи съ тѣми потребностями, которыя его вызвали*. Только такимъ путемъ возможно установить необходимую связь между нашими общими представленіями объ обществѣ и человѣкѣ и юридическими знаніями. Оставаться въ сферѣ чисто юридическихъ явленій можно только до тѣхъ поръ, пока фактическія основанія ихъ предполагаются совершенно извѣстными. Но при теоретическомъ изученіи различныхъ вопросовъ, когда задаются цѣлью выяснить не только то, что есть, но и то, что должно быть, обращаться за разъясненіемъ, за справками къ жизни дѣло первой необходимости.

Источникомъ права, дѣйствующаго на той или другой рѣкѣ, служить или *обычай*, или *договоръ*. Таково совершенно достаточное *формальное основаніе его*, основаніе строго юридическое. Мы не выйдемъ изъ области юридическихъ понятій и тогда, когда скажемъ, что то или другое начало существуетъ потому, что таково *убѣжденіе* современнаго человечества. Но, если трактата и обычая нѣтъ, если правоубѣжденіе по извѣстному вопросу не сложилось, или если эти источники неясны, неопредѣленны, а то, что они гласятъ, кажется недостаточнымъ, устарѣлымъ, гдѣ искать просвѣтлѣнія и указанія? Надо обратиться къ той жизненной средѣ, изъ которой право возникаетъ и которой оно служитъ.

Въ вопросѣ о международномъ судоходствѣ по рѣкамъ того или другаго государства замѣшаны обыкновенно интересы двухъ сторонъ: 1) жителей даннаго государства и 2) подданныхъ всѣхъ остальныхъ странъ, корабли которыхъ желаютъ плавать на этихъ рѣкахъ; или, какъ говоритъ проф. Мартенсъ, *интересы береговыхъ государствъ* и *интересы небереговыхъ государствъ*. Въ настоящемъ параграфѣ будетъ разсмотрѣнъ этотъ вопросъ съ точки зрѣнія тѣхъ и другихъ. Они не настолько противоположны, какъ это обыкновенно думаютъ. «Надо доказать людямъ, искренне преданнымъ ихъ отечеству, что пора оставить, въ интересѣ самой страны, тотъ духъ зависти, который до послѣдняго времени разъединялъ различные народы, дѣлая невозможнымъ для каждаго изъ нихъ пользоваться громадными преимуществами, которыя могли бы выпасть ему на долю, если бы онъ старался установить откровенную и честную дружбу съ остальными государствами»¹⁾.

Вопросъ объ интересахъ государствъ въ рѣчномъ судоходствѣ далеко не праздный. Мы толковали уже о *важномъ экономическомъ значеніи рѣкъ, какъ путей сообщенія*. Не мѣшаетъ также напомнить, что въ странахъ бѣдныхъ внутреннія водяные пути сообщенія служатъ не только для провоза товаровъ тяжелыхъ, громоздкихъ, сырыхъ, дешевыхъ, словомъ неудобныхъ для передвиженія по желѣзнымъ дорогамъ, особенно если они идутъ большими массами и на большія расстоянія, но нерѣдко и для пассажирскаго движенія. Другими словами, въ нѣкоторыхъ государствахъ водяные пути выполняютъ всю ту службу, которую вообще несутъ удобныя дороги современному обществу. Извѣстно же, что наиболѣе быстрое, дешевое и правильное передвиженіе лицъ и товаровъ является однимъ изъ главныхъ условій поддержанія и развитія нашей культуры.

Вопросъ о томъ, должна или не должна существовать свобода судоходства, *разрѣшается* совершенно *просто*, если мы станемъ на *общую точку зрѣнія* и спросимъ себя, чего требуетъ общее международное благо? Нѣтъ никакого сомнѣнія, что отдѣльная личность только тогда будетъ поставлена въ наиболѣе благопріятныя условія для достиженія возможной

¹⁾ Pinheiro-Ferreira. — Прим. къ § 132 и сл. II кн. X гл. трактата Ваттеля.

суммы блага, когда спадутъ всѣ тѣ стѣсненія, которыя не обусловлены желаніемъ обезпечить другихъ людей и все общество отъ вредныхъ послѣдствій слѣпой игры эгоистическихъ интересовъ. Однимъ изъ условій подобнаго порядка явится и полная свобода судоходства, конечно если условія экономической жизни останутся въ общемъ тѣ же, что мы видимъ теперь. Если бы во главѣ государствъ международнаго общенія стояла единая власть, можно было быть увѣреннымъ, что постепенное, осуществляемое по сознательно установленному плану освобожденіе рѣкъ не заставило бы себя ждать, не смотря на то, что при этомъ пришлось бы преодолѣть горячее сопротивленіе рѣчныхъ предпринимателей всѣхъ странъ, которые, стаянувшись между собой, домогались бы общими силами, чтобы отдѣльныя рѣки и отдѣльныя мѣстности были предоставлены монополюющей національнѣйшей судовладѣльцевъ. Всеобщая свобода судоходства явилась бы между прочимъ однимъ изъ дѣйствительныхъ средствъ въ борьбѣ съ нѣкоторыми темными сторонами нашего экономического быта. Но подъ отдѣльными государствами нѣтъ общей власти. Чтобы побудить ихъ къ тому или другому образу дѣйствія, необходимо показать каждому изъ нихъ, въ чемъ состоитъ его собственная выгода. Кромѣ того выставить общее начало, свобода рѣкамъ, не значить-ли въ сущности ничего не доказывать? Убѣдительность подобныхъ общихъ положеній очень мала, хотя справедливость ихъ, быть можетъ, и сознается нѣкоторыми очень ясно. Для того, чтобы научное положеніе имѣло серьезную цѣну, надо поставить его въ связь съ явленіями реальной дѣйствительности. А для этого прежде всего не слѣдуетъ ставить его такъ широко. Если въ эпохи воодушевленія, поднятія международнаго самосознанія и достаточно бываетъ, для проведенія различныхъ реформъ такихъ широковѣщательныхъ принциповъ, какъ освобожденіе рѣкъ, развитіе сношеній между народами и ихъ сближеніе между собой, то въ обыденной жизни мы мало склонны руководствоваться ими и со стараніемъ взвѣшиваемъ каждую уступку, которую требуютъ отъ насъ, съ тѣмъ, что за нее предлагаютъ. Не мѣшаетъ поэтому въ подробностяхъ изучить здравые интересы всѣхъ замѣшанныхъ въ этомъ дѣлѣ государствъ.

Какое положеніе должно занимать по отношенію къ иностранной конкуренціи—мѣстное государство? Оставимъ въ сто-

ровѣ вопросы дѣйствующаго права и ограничимся разсужденіемъ о той политикѣ, которой должно изъ собственныхъ выгодъ слѣдовать береговое государство. Предположимъ, что иностранцы не имѣютъ никакихъ правъ на пользованіе рѣками страны, состоящей въ правильныхъ международныхъ сношеніяхъ съ остальными государствами и вообще поставленной во всѣ фактическія и юридическія условія современнаго образованнаго государства. Должна-ли она, если будетъ предоставлена самой себѣ, допустить иностранные флаги на свои воды или нѣтъ и, если допустить, то въ какой степени?

Вопросъ этотъ конечно преимущественно, если не исключительно, экономическій. Было бы ошибкою примѣшивать къ нему религіозныя, племенные и иные соображенія. Разрѣшая его, правительство должно стараться удовлетворить интересы всѣхъ своихъ подданныхъ, какъ большинства, такъ и меньшинства. Меньшинство въ настоящемъ случаѣ образуютъ національные предприниматели, непосредственно эксплуатирующіе судоходныя рѣки. Большинство ихъ кліенты, прямо или косвенно пользующіеся ихъ услугами. Интересы тѣхъ и другихъ во многихъ отношеніяхъ несходны. Интересы судовладѣльцевъ и судовладельцевъ состоятъ въ монополизациі судоходства въ рукахъ крупныхъ компаній или синдикатовъ, въ поднятіи фрахтовъ до возможнаго максимума, словомъ, въ такой постановкѣ дѣла, чтобы при меньшихъ расходахъ и заботахъ можно было извлекать наиболѣе денегъ изъ кармановъ публики. Наоборотъ, остальное населеніе желаетъ развитія конкуренціи отдѣльныхъ предприятий, большихъ удобствъ и правильности рѣчныхъ сообщеній, пониженіе тарифовъ, согласованія всего дѣла съ потребностями страны, а не съ эгоистическими стремленіями судовладѣльческихъ предприятий, какимъ бы великимъ экономическимъ или даже политическимъ вліяніемъ они ни пользовались. Къ счастью, есть возможность примирить здравые интересы судоходства съ общими экономическими потребностями, т. е. главнымъ образомъ потребностями торговли. Развитие путей сообщенія есть одинъ изъ наиважнѣйшихъ интересовъ государственной политики. Государство, не желающее быть раздавленнымъ въ экономической борьбѣ между народами, должно направлять всѣ усилія въ эту сторону. Вмеѣстѣ съ тѣмъ оно обязано и въ этой области торговли преимущественно заботиться о національномъ трудѣ. Мѣры, предпринимаемыя въ пользу послѣд-

него, не должны однако ложиться бременемъ на всю страну. Онѣ должны состоять преимущественно изъ такихъ дѣйствій, которыя могутъ принести и общую пользу. Страна можетъ припать на себя только опредѣленные, подлежащія расчету жертвы для поддержанія той или другой части своего населенія. Во всѣхъ остальныхъ случаяхъ интересъ известной группы предпринимателей долженъ отступить назадъ передъ интересомъ общегосударственнымъ. Исходя изъ этихъ началъ, не трудно рѣшить, какой политикѣ должно держаться государство по отношенію къ иностранному судоходству въ принадлежащихъ ему рѣчныхъ водахъ.

Вернемся на нѣсколько минутъ къ вопросамъ, уже разсмотрѣннымъ нами выше. Однимъ изъ необходимыхъ условий современной культуры является свободное передвиженіе лицъ въ предѣлахъ всего міра. Послѣдствіемъ является болѣе или менѣе продолжительное, иногда постоянное пребываніе различныхъ иностранцевъ внутри каждаго отдѣльнаго государства. Чѣмъ выше культура страны, тѣмъ шире ея международныя сношенія, тѣмъ больше иностранцевъ временно или постоянно пребываютъ въ ея предѣлахъ. Спрашивается, *можно-ли допустить ихъ къ пользованію и къ эксплуатаціи рѣкъ въ цѣляхъ судоходства?* Послѣднія находятся въ общественномъ пользованіи постольку, поскольку это необходимо для благоденствія всѣхъ и каждаго. Разъ иностранецъ попалъ въ предѣлы страны, странно было бы лишать его пользованія тѣми предметами, которые ему такъ же необходимы, какъ и другимъ, пользуясь которыми, онъ никому не вредитъ. Благосостояніе иностранца, пребывающаго въ государствѣ, столь же важно для государства, какъ и благосостояніе національнаго подданнаго. Не говоря уже о томъ, что ограниченія могли бы повлечь за собой репрессалии со стороны остальныхъ государствъ, большинство изъ нихъ бесполезно усложнили бы задачи управленія и стѣснили бы гражданскій оборотъ. Но, быть можетъ, если не пользованіе, то эксплуатація рѣкъ можетъ быть закрыта для иностранца? Быть можетъ, слѣдуетъ воспрепятствовать ему занятіе судоходствомъ, какъ промысломъ, постройку судовъ, содержаніе и наемъ ихъ, транспортъ товаровъ и перевозъ людей, службу на судахъ? И этого рода ограниченія не могутъ быть оправданы. Иностранцу нельзя запретить трудиться въ той области дѣятельности, которая ему болѣе подходитъ. Если ему будетъ

закрыць одинъ изъ путей поддерживать свое существованіе, онъ перейдетъ на другой, б. м., ему менѣе знакомый и вытѣснить, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, специалиста, который могъ быть въ данномъ дѣлѣ гораздо полезнѣе, чѣмъ онъ. Кто потеряетъ отъ этого? Странно было бы исключать иностранцевъ изъ занятій рѣчнымъ судоходствомъ, когда имъ доступны другіе не менѣе важные промыслы и профессіи. Изъ всего этого одинопъ выводъ. Иностранцы, пребывающіе въ государствѣ, должны пользоваться свободою прилагать свой трудъ къ мѣстнымъ рѣкамъ. И на самомъ дѣлѣ, по этимъ и другимъ, выше развитымъ соображеніямъ иностранцы въ общемъ уравнены во всемъ мірѣ въ правахъ съ національными подданными.

Однако въ настоящую минуту насъ занимаетъ собственно другой вопросъ. Кромѣ отдѣльныхъ иностранцевъ, имѣются еще *иностранныя коммерческія суда*. Спрашивается, можно-ли допускать ихъ къ *операціямъ въ національныхъ водахъ*? И это-то намъ слѣдуетъ разсмотрѣть въ подробностяхъ. Только что поставленный вопросъ разбивается на нѣсколько менѣе крупныхъ: а) судоходство въ устьяхъ рѣкъ, б) рѣчное судоходство въ собственномъ смыслѣ слова: транзитъ иностранныхъ судовъ, ввозъ и вывозъ товаровъ на иностранныхъ судахъ, рѣчной каботажъ. Начнемъ по порядку. Общее отношеніе государства къ иностранному судоходству установить не трудно. Если оно предоставляетъ мѣстному населенію больше удобствъ, чѣмъ національное, то, ни въ какомъ случаѣ не лишая страны этихъ удобствъ, надо стремиться поднять національный флотъ до такой степени, чтобы ему была не страшна свободная иностранная конкуренція. Но какъ разрѣшается этотъ вопросъ въ отдѣльныхъ случаяхъ?

Начнемъ съ того, что *въ устьяхъ рѣкъ* должна существовать столь же полная *свобода судоходства*, какъ и въ морскихъ гаваняхъ. Устья рѣкъ подчиняются въ современномъ мірѣ дѣйствию морскаго права. «Большая часть портовъ всего міра расположена въ устьяхъ великихъ рѣкъ или нѣсколько выше»¹⁾. Устья рѣкъ являются какъ бы морскими заливами со всѣми послѣдствіями этого обстоятельства. Устьями въ общемъ слѣдуетъ считать ту часть рѣки, въ которую могутъ проникать глубокоосидающіе морскіе корабли. Но, такъ какъ это правило

¹⁾ Welker, Amélioration de la voie fluviale de Rotterdam à la Mer.

очень неопредѣленно и суда бываютъ разной посадки, то мѣстному законодательству предоставляется опредѣлить, какіе именно порты считаются открытыми для морской торговли и какіе принадлежатъ къ внутреннимъ или рѣчнымъ. Особое вниманіе на связь морскаго и рѣчнаго судоходства обратилъ г. Франціусъ въ своемъ докладѣ III конгрессу внутренняго судоходства¹⁾. «Гавани», говоритъ онъ, «чаще всего расположены на устьяхъ рѣкъ далеко внутри страны». Можно даже констатировать общую тенденцію отодвигать границу морскаго судоходства все дальше и дальше вглубь земель. Причина въ томъ, что морскіе фрахты рассчитываются на большія разстоянія, тогда какъ рѣчные всегда на пройденный путь. «Глубокія устья даютъ возможность морскимъ кораблямъ безъ повышенія фрахтовъ брать или доставлять товары въ такіе пункты, которые гораздо ближе находятся къ мѣсту ихъ происхожденія или назначенія, чѣмъ обыкновенный морской берегъ. Если же съ этимъ значеніемъ нижней части рѣки совпадаетъ еще то обстоятельство, что въ верхней существуетъ оживленное внутреннее судоходство, то мы имѣемъ самыя благопріятныя условія для дешеваго обмѣна товаровъ между окружающими рѣку мѣстами и иностранными морскими портами». Исходя отсюда, Франціусъ взываетъ къ увеличенію судоходности устьевъ рѣкъ. Главная, если не единственная трудность, которую при этомъ приходится преодолѣть, состоитъ, по его мнѣнію, «въ противоположности интересовъ внутреннихъ частей страны и существующихъ уже морскихъ портовъ; примирить ихъ бываемъ иногда невозможно». Другими словами, затрудненіе это носитъ характеръ внутреннегосударственный, а не международный. И здѣсь мы встрѣчаемся съ двумя группами населенія страны, разединенными ихъ экономическими интересами. Конечно и здѣсь меньшинство должно въ крайнемъ случаѣ просто уступить большинству, выгоды порта — склониться передъ выгодами внутреннихъ частей страны. Эти мысли широко распространены въ наши дни среди компетентныхъ круговъ. Одно изъ доказательствъ, что III конгрессъ внутренняго судоходства постановилъ, по докладу бельгійца Gobert и англичанина Leaker-Williams, рекомендовать устройство морскихъ каналовъ внутрь страны къ крупнымъ промышленнымъ цент-

¹⁾ Franzius, Flussmündungen, Francaf. 1888. S. 3 f.

рамъ.¹⁾ Предполагается конечно, что на этихъ каналахъ будетъ существовать свобода судоходства. Итакъ, въ устьяхъ судоходныхъ рѣкъ для всѣхъ иностранныхъ судовъ свободенъ ввозъ и вывозъ товаровъ, а занятіе каботажемъ для тѣхъ флаговъ, которые вообще получили право на морской каботажъ въ данномъ государствѣ. Въ дальнѣйшія подробности не пускаюсь, такъ какъ здѣсь, повторю, область дѣйствія скорѣе морскаго, чѣмъ рѣчнаго права.

Гораздо болѣе трудностей представляетъ вопросъ о судоходствѣ въ выпележащихъ частяхъ рѣки, о рѣчномъ судоходствѣ въ собственномъ смыслѣ. Легче другихъ *вопросъ о транзитѣ иностранныхъ судовъ*. Положимъ, суда подъ иностраннымъ флагомъ имѣютъ надобность совершить часть своего пути по принадлежащимъ намъ рѣчнымъ водамъ. Разрѣшать имъ это или нѣтъ? Запрещеніе транзита не помѣшаетъ уже нынѣ иностранному предпринимателю доставить свои товары туда, куда онъ желаетъ. При неисчислимыхъ капиталахъ, которыми располагаетъ современная международная предприимчивость, вмѣсто водянаго пути, на которомъ она встрѣчаетъ препятствія, къ ея услугамъ могутъ быть десятки шоссейныхъ и желѣзныхъ и даже водяныхъ дорогъ. Эти дороги могутъ направить транзитную торговлю въ другую сторону къ великой невыгодѣ владѣющаго судоходною рѣкою государства. Только въ рѣдкихъ случаяхъ возможно заставить иностраннаго торговца передавать кладъ для провоза по мѣстнымъ водамъ мѣстнымъ предпринимателямъ. Часть мѣстнаго населенія получаетъ такимъ образомъ нѣкоторый заработокъ. Но составляетъ-ли это дѣйствительный выигрышъ для страны? Нѣтъ никакого сомнѣнія, что эти лица могли бы и другимъ путемъ доставать средства для существованія, быть можетъ, съ большей пользой для своего отечества. Запрещая транзитъ, мы раздражаемъ иностранцевъ и иностранныя правительства и вызываемъ ихъ на отплату намъ тою же монетою въ подобныхъ или тождественныхъ случаяхъ. Между тѣмъ, разрѣшал этотъ *usus inposuus*, государство получаетъ право на соотвѣтственныя уступки отъ своихъ сосѣдей. Сборъ съ проходящихъ мимо судовъ могутъ возмѣщать вполнѣ или отчасти издержки на рѣчную админи-

¹⁾ Ministère des travaux publics. III Congrès in-1 de navigation intérieure (1888).—Paris. 1890.

страцію, въ которой нуждается и національное судоходство. Если же услуги нѣкоторыхъ учреждений, только косвенно касающихся судоходства, и остаются непосредственно неоплаченными, то цивилизованнымъ государствамъ постоянно приходится обмѣниваться ими, особенно не считаясь другъ съ другомъ. Наконецъ подобный транзитъ прямо полезенъ государству, черезъ которое онъ совершается. Вдоль путей обыкновеннаго движенія товаровъ возникаютъ, какъ справедливо замѣчаетъ Пинхейро-Феррейра ¹⁾, села и города, развивается промышленность, земледѣліе и торговля внѣшняя и внутренняя, а затѣмъ и искусства, наука, литература, и «cet esprit de bienveillance universelle qui constitue le plus haut point de la civilisation des peuples». «Конечно подобнаго рода разрѣшеніе не лишено нѣкоторыхъ неудобствъ ...но ихъ можно избѣгать, если не всегда, то по крайней мѣрѣ очень перѣдко и такимъ образомъ выгоды должны на много превѣсить неудобства, которыхъ совершенно основательно стараются не испытывать». Неудобства эти носятъ чаще всего административный характеръ и въ слѣдующей главѣ будетъ показано, при какомъ устройствѣ рѣчнаго управленія возможно ихъ всего лучше устранить. Итакъ, собственныя выгоды государства рекомендуютъ ему разрѣшать транзитъ иностранныхъ судовъ черезъ его владѣнія, безразлично, направляются они изъ открытаго моря въ какое-нибудь береговое государство или, наоборотъ, изъ портовъ одного изъ нихъ въ открытое море, или же изъ одной береговой страны въ другую.

Но какъ поступать съ тѣми судами, которыя желаютъ *привезти къ намъ* или *вывезти изъ нашихъ рѣчныхъ портовъ* тѣ или другіе *товары*? Слѣдуетъ-ли останавливать каждое приходящее съ грузомъ иностранное морское или рѣчное судно у границы государства и заставлять его передавать свои товары мѣстнымъ предпринимателямъ, или же съ точки зрѣнія здраво понимаемыхъ національныхъ интересовъ выгоднѣе разрѣшать ему подняться по рѣкѣ вплоть до того пункта, въ который предназначается его грузъ, или опуститься по ней до желаемаго мѣста? На этотъ вопросъ не можетъ быть двухъ отвѣтовъ. Эта перегрузка была бы выгодна мѣстнымъ судовладѣльцамъ, но она нанесла бы убытокъ населенію, именно,

¹⁾ Прим. къ § 132 сл. кн. II Ваттеля.

по крайней мѣрѣ поскольку лишняя перегрузка подняла бы цѣну товаровъ и замедлила ихъ доставку. Здѣсь была бы продѣлана работа, безъ которой можно было бы вполне обойтись, и деньги за нее были бы переложены изъ кармана одного разряда подданныхъ въ карманъ другаго. То обстоятельство, что плата за провозъ по національнымъ водамъ все-таки пошла бы въ пользу мѣстныхъ предпринимателей, весьма сомнительное утѣшеніе. Надо стараться, чтобы послѣдніе изыскивали случаи прилагать свой трудъ безъ прямого ущерба массѣ своихъ согражданъ. Мало того, провозъ на томъ суднѣ, на которое была перегружена кладь, обыкновенно стоитъ дороже, чѣмъ на иностранномъ, такъ какъ совершается на болѣе короткое разстояніе. Въ тѣхъ же случаяхъ, когда иностранное судно является морскимъ кораблемъ, оно, очень вѣроятно, ничего бы не взяло за дополнительную доставку товаровъ по рѣкѣ. Здѣсь уже всѣ суммы, уплаченныя за провозъ, за перегрузку и сопряженныя съ ними хлопоты, будутъ чистой потерей для государства. Всего хуже, что нѣкоторые товары и именно тѣ, которые чаще идутъ рѣками и каналами, не будутъ въ состояніи по своей дешевизнѣ перенести лишнюю перегрузку и страна, придерживающаяся запретительной политики, должна будетъ обойтись безъ нихъ. Наконецъ, если національные предприниматели и теряютъ что-нибудь при этомъ, то ихъ убытки могутъ быть вполне возмѣщены, разъ иностранныя государства, что вполне понятно, стануть держаться въ вопросахъ судоходства подобной же политики. Столь же несомнѣнно, что прямая выгода государства требуетъ, чтобы такому зашедшему внутрь страны судну было разрѣшено взять грузъ для вывоза. Мѣстные экспортеры могутъ воспользоваться при этомъ тѣми удобствами и выгодами, которыя въ первомъ случаѣ были предоставлены потребителямъ. Они могутъ дороже продать свои товары, принимая во вниманіе то, что фрахты стоятъ ниже. Иностранное судно, если оно можетъ рассчитывать на обратную кладь, возьметъ меньше и за доставку ввозимыхъ товаровъ, которые такимъ образомъ обойдутся еще дешевле мѣстному населенію. Право вывоза является необходимымъ дополненіемъ права ввоза. Почти всѣ соображенія, которыя примѣнимы къ первому, можно привести и въ пользу втораго, а поэтому особо распространяться на счетъ условій вывоза нѣтъ надобности.

Переходимъ къ вопросу о рѣчномъ каботажѣ. Сюда входятъ собственно два вопроса. Первый формулируется такъ: *слѣдуетъ-ли допускать къ постоянному, исключительному плаванію въ національныхъ рѣчныхъ водахъ суда подъ иностраннымъ флагомъ?* Отвѣтъ, на этотъ разъ отрицательный, повидимому не подлежитъ сомнѣнію. Подобное судно должно поднимать мѣстный флагъ. Чего ради будетъ оно имѣть иностранную національность и такимъ образомъ создавать совершенно излишнія затрудненія для рѣчнаго управленія, мѣстныхъ судебныхъ учреждений, своихъ кліентовъ и самого себя, потому что, какъ мы вскорѣ увидимъ, положеніе иностраннаго судна въ рѣчныхъ водахъ нѣсколько иное, чѣмъ національнаго. Если же судно поднимаетъ національный флагъ, то для государства, допускающаго свободу занятій для иностранцевъ, становится вполне безразлично, принадлежитъ оно національнымъ подданнымъ или иностранцамъ. Подобное судно является подчиненнымъ исключительно мѣстнымъ законамъ, служитъ мѣстнымъ потребностямъ, принадлежитъ къ національному флоту. Единственный случай, когда сохраненіе иностранной національности можетъ быть оправдано, это, если мѣстные порядки не гарантируютъ въ достаточной мѣрѣ интересы судоходцевъ, которые, поднимая флагъ иностранной державы, ищутъ себѣ болѣе надежной опоры. Что можетъ имѣть мѣсто только въ государствахъ нецивилизованныхъ.

Гораздо труднѣе рѣшается второй вопросъ, именно слѣдуетъ-ли допускать къ производству мѣстныхъ рѣчныхъ операцій *иностранныя суда*, только временно, или вообще не исключительно *плавающія въ водахъ данной страны*. *Слѣдуетъ ли нѣтъ допускать ихъ къ занятію рѣчными каботажемъ?* Операціи подобнаго рода будутъ носить для нихъ болѣе или менѣе случайный, во всякомъ случаѣ дополнительный характеръ. Уже по одному этому онѣ возможны только тогда, когда эти суда предоставляютъ большія удобства и большую дешевизну для своихъ кліентовъ, чѣмъ мѣстныя. При этихъ условіяхъ конкуренція ихъ съ послѣдними, обыкновенно принадлежащими компаніямъ, образовавшимъ судоходные синдикаты, можетъ быть весьма благодѣльна. Это надо сказать не только о тѣхъ случаяхъ, когда національное судоходство настолько развилось, что удовлетворяетъ всеѣмъ потребностямъ страны, но также и о тѣхъ, когда оно только зарождается или укрѣп-

ляется. Даже въ послѣднемъ случаѣ было бы собственно ошибкой покровительствовать ему путемъ закрытія доступа иностранныхъ судовъ въ національныя воды. Потребности страны въ судоходныхъ сообщеніяхъ не были бы тогда въ достаточной степени удовлетворены и путемъ этихъ въ высшей степени неопредѣленныхъ жертвъ покупалось бы развитіе, также въ высшей степени неопредѣленное, національнаго судоходства. Во власти правительства найти другія, болѣе рациональныя, болѣе соразмѣримыя средства для этого: процентныя или безпроцентныя, съ возвратомъ или безъ него субсидіи національнымъ предпріятіямъ, прежде же всего и главнымъ образомъ развитіе національнаго просвѣщенія и спеціальнаго образованія. Только въ тѣхъ случаяхъ, если государство рѣшительно ничѣмъ не можетъ или не умѣетъ помочь національнымъ предпринимателямъ, оно можетъ прибѣгнуть къ стѣснительнымъ или ограничительнымъ мѣрамъ противъ иностранцевъ, но эти мѣры никакъ не должны доходить до полнаго закрытія для нихъ судоходства въ національныхъ водахъ. Самое большее, если допустимо временно, на строго опредѣленный срокъ, обложить иностранныя суда какимъ-либо сборомъ, который уравнивалъ бы ихъ силы съ силами мѣстнаго населенія и далъ бы окрѣпнуть національному труду на первыхъ шагахъ его примѣненія. Наконецъ, затруднять или запрещать иностранное судоходство въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ вовсе еще не существуетъ національнаго, было бы уже совершенно странно.

Открытіе рѣкъ получаетъ особое значеніе для государствъ *слагающихся*, мало населенныхъ, наличный составъ подданныхъ которыхъ не можетъ совладать съ природою своей страны. Замкнутость и уединеніе могутъ быть особенно погубны для нихъ. Наоборотъ, свобода иностраннаго судоходства должна содѣйствовать иммиграціи и развитію коммерческихъ сношеній береговыхъ мѣстностей, содѣйствовать разработкѣ природныхъ богатствъ страны, внести жизнь и трудъ въ самые глухіе уголки.

Словомъ, *съ точки зрѣнія экономической свобода эксплуатаціи рѣчныхъ сообщеній необходимо условіе правильной политики.* «Самая широкая конкуренція повидимому должна быть, что касается водяныхъ сообщеній, наилучшимъ обезпеченіемъ ихъ плодотворной службы, а это условіе можетъ быть наилучшимъ образомъ выполнено только путемъ приложенія ко всѣмъ судоходнымъ рѣкамъ того освободительнаго режима, ко-

торый освященъ публичнымъ правомъ на международныхъ рѣ-
кахъ»¹⁾). Установивъ вполне ясно этотъ выводъ, мы должны
снова подчеркнуть обязанность государства заботиться о раз-
витіи отъ національнаго рѣчнаго флота, который, освобождая
страну отъ экономической зависимости отъ иностранцевъ, лучше
служить ея потребностямъ, и о созданіи извѣстнаго контингента
опытныхъ и знающихъ судоводцевъ изъ числа національныхъ
подданныхъ. Этой цѣли должно служить распространеніе об-
разованія вообще и специально открытіе матросскихъ, судовод-
ныхъ и мореплавательныхъ школъ и классовъ, установленіе деше-
ваго кредита для судоводныхъ предпріятій, организація мелкихъ
промышленниковъ въ товарищества, образованіе всевозможныхъ
вспомогательныхъ для судоводства учреждений, развитіе законо-
дательства внѣшняго и внутренняго, общій подъемъ духовнаго
и экономическаго уровня народа и т. д., и т. д. Последняго
рода мѣры, не лишая страны опытныхъ иностранцевъ, могутъ
однѣ дать возможность прочно и безъ всякихъ потрясеній пе-
рейти къ чисто національной эксплуатаціи ея богатствъ.

Однако въ вопросахъ судоводства замѣшаны не только
экономическіе, но и *другіе интересы* орошаемыхъ рѣками *госу-
дарствъ*. Слѣдуетъ посмотрѣть, не должны-ли какія-либо другія
соображенія побудить ихъ держаться иной политики? Возра-
женія, которыя могутъ дѣлаться противъ допущенія иностран-
ныхъ флаговъ, состоятъ въ слѣдующемъ. Иностранное судно
не есть только судно, на которомъ плаваютъ иностранцы, но
есть *часть территоріи иностраннаго государства*, на немъ
поднять иностранный флагъ. Удобно-ли имѣть въ самомъ центрѣ
страны эту *pars territorii* другаго государства, быть можетъ,
значительно иного политическаго развитія или не совсѣмъ друже-
любно относящагося къ намъ? Это возраженіе не имѣетъ боль-
шой цѣны. Частью территоріи своего отечества считаются въ
современномъ правѣ только военныя и имъ подобныя суда.
Даже морскія торговыя суда почти вовсе лишены этого ха-
рактера, по крайней мѣрѣ въ территоріальныхъ водахъ ино-
странныхъ державъ. Что же касается рѣчныхъ, то главное
основаніе, почему они могутъ поднимать національный флагъ,
состоятъ въ томъ, что бумаги ихъ и ихъ экипажа выданы ихъ
отечественнымъ правительствомъ. Только поэтому ихъ нельзя

¹⁾ Engelhardt, Du régime... p. 221 s., ch. XIV.

приравнять иностраннымъ вагонамъ, повозкамъ или ящикамъ. Во время путешествія подобнаго судна по иностраннымъ рѣчнымъ водамъ оно безусловно подчиняется, за исключеніемъ особо указанныхъ въ соответствующихъ договорахъ случаевъ, мѣстному государству. Говорить поэтому, что, допуская иностранное судно въ наши предѣлы, мы тѣмъ самымъ переносимъ въ нихъ часть иностранной территоріи, будетъ слишкомъ явной натяжкой.

Далѣе утверждаютъ, что свобода иностраннаго судоходства вызываетъ разныя практическія трудности, усложняетъ задачи администраціи, полиціи, таможеннаго вѣдомства и т. д. Но, какъ показали опытъ, эти трудности вполнѣ окупаются получаемыми отъ свободы судоходства выгодами и вовсе не такъ велики, какъ это кажется. Средства для содержанія особой рѣчной администраціи и полиціи въ большинствѣ случаевъ можетъ дать само судоходство.

Далѣе думаютъ, что «свободное судоходство можетъ, при нѣкоторыхъ обстоятельствахъ, угрожать безопасности страны, расположенной по обоимъ берегамъ устьевъ рѣки»¹⁾. Къ счастью, у современныхъ народовъ есть достаточно средствъ обезопасить себя отъ враждебнаго нападенія, не подрывая своего благосостоянія. Къ тому же рѣшительно нельзя понять, какимъ образомъ плаваніе беззащитныхъ коммерческихъ судовъ можетъ въ наши времена угрожать безопасности страны.

Иногда запретительныя мѣры противъ иностраннаго судоходства оправдываются желаніемъ имѣть свой національный флотъ для того, чтобы воспользоваться имъ въ случаѣ войны, тѣмъ, что *судоходство подъ національнымъ флагомъ одно изъ средствъ поддерживать и распространять идеи національнаго могущества, національной культуры* и т. д. Такія именно задачи выполняетъ въ извѣстной степени морской коммерческій флотъ. Поэтому на морскихъ судахъ требуется соблюденіе условія объ извѣстномъ $\frac{0}{100}$ отношеніи подданныхъ и иностранцевъ въ экипажѣ корабля, поэтому морской каботажъ разрѣшается нерѣдко только подъ мѣстнымъ флагомъ и т. п. Но можно-ли съ серьезнымъ видомъ возлагать ихъ на рѣчные пароходы и парусныя суда? Рѣчныя суда только въ слабой степени могутъ служить политическимъ и военнымъ цѣлямъ. Если

¹⁾ Calvo, Dictionnaire.

бы даже это и могло быть, то для обезпеченія подобныхъ цѣлей необходимо, чтобы рѣчной флотъ не былъ тепличнымъ произведеніемъ. Надо, чтобы онъ могъ выдерживать иностранную конкуренцію и стоять въ уровень съ иностраннымъ судоходствомъ. Для достиженія этого у государства есть другія мѣры, не лишающія мѣстнаго населенія возможности удовлетворять въ наиболѣе полной мѣрѣ своимъ потребностямъ въ передвиженіи лицъ и товаровъ. Мы уже говорили о нихъ, добавимъ еще, что отъ иностранной компаніи, которая устанавливаетъ правильные рейсы въ предѣлахъ государства, можно потребовать, чтобы она устроила здѣсь отвѣтственное отдѣленіе, подчиненное мѣстныхъ законамъ, и чтобы часть принадлежащихъ ей судовъ подняла мѣстный флагъ. То же самое относится конечно и къ другимъ иностраннымъ предпринимателямъ, желающимъ установить правильныя (т. е. по росписанію) пароходныя и другія рѣчныя сношенія съ даннымъ государствомъ. Эти суда должны быть поставлены въ положеніе совершенно одинаковое съ тѣмъ, которое занимаютъ суда, принадлежащія мѣстнымъ судовладѣльцамъ.

Во всякомъ случаѣ никакъ нельзя думать, что открытію рѣкъ должно препятствовать *право территориальнаго верховенства* или *право собственности* государства на рѣки, что свобода судоходства нарушаетъ эти священныя права. Въ силу каждаго изъ нихъ мѣстное государство должно заботиться о благѣ своего населенія и разъ послѣднее требуетъ свободы международной эксплуатаціи, никакія отвлеченныя соображенія не могутъ останавливать правительства.

Наконецъ, немалую роль въ этомъ вопросѣ играла *необсѣдованность его, боязнь тѣхъ неопредѣленныхъ послѣдствій*, которыя можетъ повлечь за собою открытіе рѣкъ для иностранныхъ флаговъ. И если между довѣрлившими другъ другу государствами возможно еще было надѣяться на соглашеніе, то ничего хорошаго нельзя было ожидать, разъ сосѣднія страны недружелюбно косились другъ на друга. Выяснить послѣдствія, которыя не указала еще практика, лежитъ конечно на обязанности науки. Въ связи со всѣмъ сказаннымъ надо поставить то обстоятельство, что особыми врагами освободительныхъ началъ являются правительства малокультурныхъ странъ, или тѣхъ, въ которыхъ крупныя предпринимательскіе круги играютъ особо важную роль.

Итакъ, съ какой бы точки зрѣнія мы не взглянули на вопросъ, мы съ необходимостью приходимъ къ требованію свободы для междунагоднаго судоходства. Въ послѣдней можетъ быть *отказано* только въ *отдѣльныхъ случаяхъ*, напр. судно можетъ быть выслано за границу, если капитанъ или весь экипажъ оказался виновнымъ въ какомъ-либо проступкѣ. Или *на отдѣльныхъ рѣкахъ* или частяхъ рѣкъ, если внутреннее теченіе ихъ еще недостаточно изслѣдовано, судоходство на нихъ еще не возникло, регламенты судоходства не выработаны. Или въ *отдѣльныхъ мѣстностяхъ* по соображеніямъ высшей политики, относительно которой трудно установить какое-нибудь правило. Государство можетъ желать закрытія рѣкъ для иностраннаго судоходства или стѣсненія послѣдняго въ областяхъ, недавно присоединенныхъ къ его территоріи, за національную вѣрность которыхъ оно почему-либо опасается, или въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ еще не организовано достаточно твердой власти, гдѣ отдѣльные населенные пункты раздѣлены громадными разстояніями.

Отъ многихъ изъ современныхъ намъ образованныхъ націй не укрылись *благодѣтельные послѣдствія* свободнаго судоходства. Этимъ объясняется, что цѣлый рядъ правительствъ, особенно Ю.-Америки, односторонними актами открылъ свои рѣки для всѣхъ флаговъ. Съ точки зрѣнія права мѣстное государство можетъ распоряжаться своими внутренними дѣлами вполне свободно. Но фактически каждый изъ членовъ междунагоднаго общенія находится подъ сильнѣйшимъ воздѣйствіемъ остальныхъ государствъ и это насъ приводитъ къ разсмотрѣнію интересовъ береговыхъ государствъ въ вопросахъ рѣчного права.

Какъ ни убѣдительно тѣ разсужденія, съ которыми мы познакомились въ предшествующихъ страницахъ, надо сознаться, что *развитіе свободнаго рѣчного судоходства* обязано не столько инициативѣ береговыхъ государствъ той или другой національной рѣки или того, или другаго участка интернаціональной, сколько *стремленію постороннихъ государствъ получить право* судоходства для своихъ флаговъ на рѣкахъ важныхъ для междунагодныхъ сообщеній. Всего чаще береговые государства одного участка междунагоднаго рѣки, или по крайней мѣрѣ одно какое-нибудь изъ нихъ, наиболѣе дальновидное, помогали до ступа на остальное пространство ея и такимъ образомъ въ

основаніе рѣчной свободы клалось начало взаимныхъ уступокъ. Эти взаимныя уступки играли особенно важную роль въ развитіи рѣчнаго международнаго права. Плохо понимая собственныя выгоды отъ свободнаго международнаго судоходства, государства старались за открытіе своихъ рѣкъ получить соотвѣтственный эквивалентъ отъ другихъ странъ. Худа отъ этого не было, такъ какъ этимъ путемъ къ удобствамъ, получаемымъ населеніемъ страны отъ свободнаго судоходства, присоединялась возможность для національныхъ судовъ эксплуатировать иностранныя рѣки. Выгоды, которыя имѣютъ подданные того и другаго государства, если ихъ судамъ открываются иностранныя рѣчныя воды, не оставались и не остаются безразличными для ихъ правительствъ и послѣднія пользуются обыкновенно всѣми средствами для того, чтобы добыть для нихъ это право. Современная чрезвычайно сложная международная жизнь представляетъ имъ множество случаевъ для этого. Открытіе рѣкъ совершалось или въ силу взаимныхъ прямыхъ или косвенныхъ уступокъ въ дѣлѣ судоходства прирѣчныхъ государствъ другъ другу, или какъ отплата постороннему государству за поддержку въ трудную минуту, или въ эпохи пробужденія чувства солидарности между народами въ силу сознанія разумности самого принципа. «Уступки, дѣлавшіяся береговыми государствами въ пользу небереговыхъ, т. е. международнаго общенія, были вызваны силою очевидности, или посредствомъ дипломатическихъ переговоровъ, часто весьма тяжелыхъ, но ни въ какомъ случаѣ не силою оружія»¹⁾: Случай, когда небереговья государства дѣйствовали насиліемъ, открыто нарушая права самостоятельности мѣстнаго государства, представляютъ исключительное явленіе. Интересъ небереговыхъ государствъ видѣть свободу международнаго судоходства на всѣхъ рѣкахъ, фактически доступныхъ для него, настолько очевиденъ, что останавливаться на анализѣ отдѣльныхъ входящихъ въ него элементовъ было бы излишне. Если интересы береговаго государства все еще не достаточно выяснены, то интересъ небереговыхъ никѣмъ не подвергается сомнѣнію. Поэтому поучительнѣе посмотрѣть на то, какъ они стремились къ обезпеченію своихъ выгодъ на практикѣ. Они преслѣдовали иногда и другія, напр., политическія цѣли въ

¹⁾ Мартенсъ, Rapport, Ann. de droit int., 9 année, p. 286.

этомъ вопросѣ, но разсматривать послѣднія вслѣдствіе ихъ разнообразія и неустойчивости, а также въ виду того, что въ этомъ чисто экономическомъ вопросѣ опѣ играли болѣе, чѣмъ второстепенную роль, нѣтъ надобности.

Вмѣшательство небереговыхъ государствъ такой общеизвѣстный фактъ, что въ 1887 г. въ Гейделбергскую сессію Института международнаго права при обсужденіи проекта регламента о судоходствѣ по международнымъ рѣкамъ *Holland*, поддерживаемый Martitz'омъ и не встрѣчая прямаго возраженія со стороны докладчика, предлагалъ ввести въ регламентъ Института слѣдующую ст. 2 или 1 bis: «Принципъ суверенитета не можетъ служить возраженіемъ противъ законности вмѣшательства со стороны другихъ государствъ въ видахъ регулированія къ общему благу судоходства на международной рѣкѣ». Эта поправка была отброшена по настоянію Ривье, который указывалъ, что она можетъ освитить право вмѣшательства, что регламентъ и безъ того налагаетъ на береговья государства обязанность регулировать къ общему благу судоходство по международнымъ рѣкамъ и наконецъ потому, что и такъ государства всегда могутъ вмѣшаться въ дѣла рѣчнаго судоходства, если не въ одиночку, то сообща, на конгрессѣ и конференціи, или наконецъ при помощи открытыхъ военныхъ дѣйствій.—Съ точки зрѣнія положительнаго права, право вмѣшательства можетъ принадлежать иностраннымъ государствамъ только въ такомъ случаѣ, если нарушаются признанныя за ними права. А такъ какъ береговья государства сохраняютъ во многихъ отношеніяхъ относительно рѣчнаго судоходства свою самостоятельность, то третьимъ государствамъ, даже имѣющимъ извѣстное юридическое положеніе на рѣкѣ, никакъ не можетъ принадлежать право вмѣшательства во всѣ рѣчныя обстоятельства. Не имѣя права, они могутъ имѣть интересъ вмѣшаться въ незащищенныя правомъ отношенія, и, если береговое государство такъ или иначе согласится на подобное соучастіе въ своихъ внутреннихъ дѣлахъ, отсюда можетъ развиться новое международное право.

Такъ французы, благодаря своимъ побѣдамъ, заставили европейскіе народы признать въ торжественныхъ договорахъ принципы, возвѣщенные большой революціей. Съ тѣхъ поръ форма договоровъ стала излюбленною формою рѣчнаго правообращенія. Односторонніе акты того или другаго государства со-

ставляютъ исключеніе. Договоры эти заключались то *между нѣсколькими*, то между *многими* государствами, на собраніяхъ представителей береговыхъ державъ, или на европейскихъ и даже всемірныхъ конгрессахъ съ участіемъ постороннихъ заинтересованныхъ странъ. Если рѣки, играющія роль путей сообщенія для отдѣльныхъ мѣстностей, предоставлялись обыкновенно на усмотрѣніе мѣстныхъ государствъ, то въ дѣлахъ, касающихся тѣхъ изъ нихъ, которыя имѣютъ общее значеніе, возвышались голосъ и небереговые страны. Главная роль принадлежала то береговымъ, то небереговымъ державамъ и постановленія договора склонялись благопріятно то въ сторону однихъ, то въ сторону другихъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, какъ напр. на Дунаѣ, береговые государства всецѣло захватили въ свои руки право развивать и измѣнять юридическое положеніе рѣки. Въ общемъ вмѣшательство третьихъ государствъ играло весьма благодарную роль даже съ точки зрѣнія мѣстныхъ интересовъ.

Напомнимъ *нѣкоторыя обстоятельства изъ исторіи рѣчнаго права*. Въ началѣ нашего вѣка развитіе рѣчнаго права было особенно обязано Франціи. Позже плодотворно было вліяніе Германіи. Большая часть международныхъ рѣкъ Европы суть рѣки, орошающія нѣсколько германскихъ государствъ ¹⁾. Регламентъ судоходства по Рейну 1831 г. былъ заключенъ подъ косвеннымъ вліяніемъ освободительнаго движенія тридцатыхъ годовъ. Открытіе Шельды въ 1839 г., послѣ революціи въ Бельгіи, совершилось подъ давленіемъ небереговыхъ государствъ на Лондонской конференціи. Въ выкупѣ шельдскаго судоходнаго сбора участвовали державы всего міра. Уничтоженіе Брунсгаузенской пошлины произошло точно такимъ же образомъ. Открытіе судоходства на американскихъ рѣкахъ имѣло мѣсто не рѣдко въ силу вмѣшательства не только небереговыхъ, но даже и неамериканскихъ государствъ. Но самые интересные примѣры представляютъ конгрессы 1815, 1856 и 1885 гг. Въ 1815 г. державы, сблизившіяся вслѣдствіе борьбы съ общимъ врагомъ, въ рядѣ извѣстныхъ статей ограничили свою самостоятельность, что касается рѣкъ общихъ нѣсколькимъ государствамъ. При чемъ въ выработкѣ ихъ принимала участіе и Англія, подобными рѣками въ Европѣ не обладавшая. Охваченныя энту-

¹⁾ Gareis, Institutionen, S. 69.

зіазмомъ онѣ сразу сдѣлали крупный и рѣшительный шагъ, принесшій много блага цивилизаціи. Вмѣшательство небереговыхъ государствъ на Дунаѣ пошло очень далеко. Въ силу извѣстныхъ историческихъ фактовъ Англія, Германія, Австрія, Італія и Турція вкупѣ съ береговыми государствами присвоили себѣ право развивать и реформировать право дунайскаго судоходства. На нижнемъ Дунаѣ даже все управленіе перешло въ руки Европейской комиссіи. Нерѣчныя державы такъ привыкли самовластно распоряжаться на немъ, что, какъ мы уже знаемъ, Лондонская конференція 1883 г. думала обойтись при проведеніи крупнѣйшей реформы на среднемъ Дунаѣ безъ участія нѣкоторыхъ изъ береговыхъ государствъ. Наконецъ, послѣдній важный фактъ въ этомъ родѣ—международное право, созданное для двухъ африканскихъ рѣкъ Конго и Нигера на всемирной конференціи 1884—85 гг.

Но есть одинъ случай, относительно котораго интересы небереговыхъ государствъ господствуютъ безусловно. *Рѣчки безхозяйныя*, то есть орошающія территоріи ненаселенныя или слабо населенныя племенами неорганизованными въ политическіе союзы, находятся въ пользованіи каждаго желающаго. Здѣсь исключительная область дѣйствія международнаго права, которое требуетъ равенства всѣхъ флаговъ. Несомнѣнно, что каждая такая рѣчка рано или поздно подпадетъ верховнымъ правамъ того или другаго государства. Поэтому слѣдуетъ указать, что моментъ оккупации очень удобенъ для того, чтобы остальные государства, соединившись на конгрессѣ, потребовали отъ оккупанта примѣненія къ рѣкѣ свободныхъ началъ. Тѣ страны, которыя и ранѣе поддерживали на подобной рѣкѣ коммерческія сношенія, имѣютъ не только интересъ, но и право требовать этого. «Оккупантъ долженъ уважать тотъ порядокъ вещей, который созданъ въ странѣ въ силу ранѣе завязавшихся въ ней торговыхъ отношеній» ¹⁾). Примѣромъ того, къ какимъ благоприятнымъ послѣдствіямъ могутъ привести дружныя усилія державъ, служатъ Конго и Нигеръ.

Таковы тѣ интересы, которые соединяются въ настоящее время съ вопросами рѣчнаго судоходства. Только исходя изъ нихъ, можно понять основаніе его и выяснить вопросъ съ точки

¹⁾ Каратеодори, нѣм. раб., S. 303.

зрѣнія теоретической. Эти соображенія остались неизвѣстными современнѣмъ ученымъ, которые для обоснованія столь реальныхъ явленій, какъ явленія юридическія, прибѣгаютъ обыкновенно къ ничего неговорящимъ отвлеченнымъ разсужденіямъ. Мы могли бы ограничиться этими общими замѣчаніями, если бы современная постановка вопроса въ литературѣ не налагала на насъ обязанности изслѣдовать, дѣйствительно-ли есть какое-нибудь серьезное основаніе проводить рѣзкое различіе въ разбираемомъ отношеніи *между рынками національными и между-народными* и, оставляя въ сторонѣ первыя, прилагать освободительныя начала ко вторымъ.

§ 7. Свобода судоходства на рѣкахъ между-народныхъ.

Какъ ни очевидны интересы береговаго государства имѣть международное судоходство по своимъ рѣчнымъ водамъ, какъ ни часто вмѣшивались въ эту область экономическаго управленія иностранныя правительства, *освободительныя принципы* до сихъ поръ еще *не получили достойнаго и повсемѣстнаго признанія*. Самое же печальное заключается въ томъ, что и въ научной литературѣ не существуетъ на ихъ счетъ единогласія. Поэтому, не довольствуясь предшествующими разсужденіями, считаю нужнымъ рассмотреть болѣе обстоятельно, чѣмъ это дѣлалось вѣмъ-либо изъ моихъ предшественниковъ, воззрѣнія современныхъ теоретиковъ, а также примѣры, которые даетъ практика относительно свободы судоходства по между-народнымъ и національнымъ рѣкамъ. На между-народныхъ рѣкахъ, составляющихъ спеціальнѣй предметъ изслѣдованія настоящей главы, самою жизнью было выдвинуто нѣсколько вопросовъ.

Такъ, прежде всего спросимъ себя, *должны-ли рыки общія* нѣсколькимъ государствамъ, *быть открыты для судовъ всѣхъ прибрежныхъ флаговъ?* Вопросъ этотъ конечно чисто *экономическій*. Поэтому въ основаніи того или другаго рѣшенія его должны быть положены соображенія, вытекающія изъ современной экономической политики народовъ. *Попытки разрѣшить его на основаніи другихъ какихъ-либо началъ* не могутъ привести ни къ какому результату. Бесплодность ихъ

всего лучше иллюстрируется слѣдующими словами г. Вернеско, который не слѣдовалъ нашему приему изслѣдованія: «Какъ доказать обязанность, которую налагаетъ международное право на береговныя государства придти ко взаимному соглашенію на счетъ судоходства по международной рѣкѣ?.. Современные принципы не могутъ дать удовлетворительнаго объясненія...». Но такъ какъ дать рѣшеніе все-таки надо, то онъ не находитъ ничего лучше, какъ выставить такую теорію: «Запрещеніе другимъ прибрежнымъ государствамъ пользоваться безвредно этой естественной дорогой, болѣе или менѣе необходимой для ихъ существованія, противно уваженію, которымъ онѣ взаимно обязаны другъ другу. Но такъ какъ, съ другой стороны, это несовершенное право не могло бы само по себѣ оказать дѣйствительной пользы, . . . такъ какъ оно можетъ существовать только подъ условіемъ признанія, . . . то народы имѣютъ другую обязанность: согласиться между собой на счетъ содержанія этого права прохода». ¹⁾ Словомъ, все дѣло въ уваженіи, но такъ какъ не всегда можно разсчитывать на вѣжливость того или другаго государства, то требуется еще договоръ, который бы опредѣленно обязалъ его къ этому. Къ сожалѣнію, на почвѣ столь же бесплодныхъ умствованій стоятъ въ этомъ столь простомъ вопросѣ и болѣе серьезные писатели. «Между обязанностями, которыя соотвѣтствуютъ праву взаимнаго уваженія государствъ», говоритъ Гефтеръ, «фигурируетъ на первомъ планѣ уваженіе физической личности, и именно признаніе права государства на пользованіе естественными выходами въ море, болѣе или менѣе необходимыми для его существованія, т. е. право безвреднаго прохода» ²⁾. Даже Энгельгардтъ, заявляя, что «береговое государство не можетъ распорядиться своей частью рѣки вполнѣ исключительно, не лишая другихъ владѣльцевъ ихъ естественнаго выхода» и что поэтому «по самой природѣ вещей оно несетъ родъ сервитута, отъ котораго ему не дано избавиться», не находитъ ничего лучшаго, какъ примкнуть къ объясненію его, данному Гефтеромъ» ³⁾. Между тѣмъ это объясненіе рѣшительно ничего не объясняетъ. Что это за право на уваженіе физической личности, почему отсюда вытекаетъ

¹⁾ Des fleuves en droit int-l., p. 185 s.

²⁾ Völkerrecht, § 77.

³⁾ Du régime, p. 69.

обязанность позволять для выше по рѣкѣ лежащаго государства выходъ въ открытое море, наконецъ, какимъ образомъ эта обязанность превращается въ обязанность открывать международную рѣку для судоходства всѣхъ береговыхъ государствъ, все это совершенно не объяснено. Столь же мало удовлетворительны, хотя и не всегда поражаютъ такими странностями, теоріи другихъ авторовъ. Вотъ напр. одна изъ нихъ: «Если рѣка принадлежитъ нѣсколькимъ государствамъ, то каждое изъ нихъ имѣетъ право поддерживать торговыя отношенія со всѣмъ свѣтомъ и можетъ поэтому требовать, чтобы другія государства не создавали ни малѣйшаго препятствія отправленію этого права. Отсюда международный режимъ рѣчнаго судоходства, обязательный для всѣхъ береговыхъ государствъ». ¹⁾ Она несомнѣнно имѣетъ болѣе серьезный видъ, чѣмъ предшествующая. Недостатокъ ея только въ томъ, что изъ выставленнаго ею начала, если бы мы и признали его, никакъ нельзя вывести принципа свободнаго судоходства. Для того, чтобы не мѣшать торговымъ сношеніямъ различныхъ народовъ, достаточно пропускать черезъ наши территоріи ихъ купцовъ, ихъ товары и ихъ торговую корреспонденцію, но какимъ образомъ изъ этого начала можно вывести право иностранныхъ судовъ заниматься транспортомъ людей и товаровъ въ нашихъ рѣчныхъ водахъ, заниматься рѣчнымъ извозничествомъ, это вѣдомо только ея автору. Изъ этихъ примѣровъ читатель видитъ, что и въ этомъ частномъ вопросѣ современные писатели слѣдовали тому же самому схоластическому методу изслѣдованія, который наложилъ печать мертвенности на все международное рѣчное право въ ихъ изложеніи. Посмотримъ, нельзя-ли взглянуть на предметъ болѣе жизненно.

Каждая рѣка въ отношеніи экономическомъ, какъ удобный путь сообщеній, представляетъ собой нечто цѣлое. Въ прежнія времена племя или государство, овладѣвъ частью рѣки, стремилось обыкновенно завладѣть всѣмъ ея теченіемъ. «Поэтому очень многія рѣки текутъ въ предѣлахъ одного и того же государства и принадлежитъ ему на всемъ своемъ теченіи»²⁾. Но нерѣдко, по разнымъ историческимъ обстоятельствамъ, напр.

¹⁾ Pézeril, *ibid.*, p. 129.

²⁾ Блончли, Кодексъ, § 298, прим.

изъ желанія того или другаго государства сохранить за своими владѣніями удобную военную границу, рѣки оставались во власти нѣсколькихъ народовъ и рядомъ съ національными Волгою, Дунаемъ, Миссиссипи мы видимъ международныя рѣки, Рейнъ, Дунай, Ла-Плату. Интересы береговыхъ государствъ этихъ рѣкъ только въ рѣдкихъ случаяхъ примыкаютъ исключительно къ тому участку рѣки, который имъ принадлежитъ. Рѣка международная, какъ и рѣка національная, представляетъ собою одно цѣлое. Иногда даже интересы неберегового къ данной части международной рѣки государства бываютъ гораздо выше интересовъ береговыхъ странъ. Таково напр. положеніе государства, лежащаго внутри материка, если рѣка составляетъ для него единственный выходъ къ морю, по сравненію съ положеніемъ приморской страны, расположенной у ея устья. Г. Pézeril совершенно основательно замѣчаетъ, что «интересы береговыхъ государствъ (*des riverains*) весьма сложны (*multiples*)»¹⁾. Каждый изъ нихъ распоряжается по своему усмотрѣнію внутри своихъ территориальныхъ границъ и въ предѣлахъ международного права. Въ отправленіи своихъ верховныхъ правъ надъ рѣками многіе изъ нихъ доходили въ прошломъ до большихъ злоупотребленій. Для того, чтобы извлекать изъ рѣки всѣ тѣ выгоды, которыя она можетъ принести каждому изъ береговыхъ государствъ, слѣдовало бы, чтобы между ними царило полное согласіе, между тѣмъ въ дѣйствительности происходило часто совсѣмъ другое и одни мѣшали другимъ въ преслѣдованіи своихъ взаимныхъ интересовъ. Особенно это касалось интересовъ судоходства. Филлиморе, говоря объ отказѣ Англіи открыть Св. Лаврентія для судовъ Соединенныхъ Штатовъ, прибавляетъ; «it seems difficult to deny that Great Britain may ground her refusal upon strict law, but it is equally difficult to deny that in doing so she exercises harshly an extreme and hard law»²⁾. На самомъ дѣлѣ, право береговаго государства закрыть свои воды для флаговъ своего сосѣда, съ которымъ еще не установилось договорнаго или обычнаго *modus vivendi* на этотъ счетъ, не подлежитъ сомнѣнію. Но можно-ли съ этимъ примириться? Великое благо, которое составляетъ судоходная рѣка, можетъ принести всю пользу бере-

¹⁾ Ibid., p. 137.

²⁾ I, § 177.

говому населенію только тогда, когда она будетъ вполнѣ и на всемъ пространствѣ открыта для него. Свобода судоходства составляетъ существенный интересъ для каждаго рѣчного государства. И не требуется большой проницательности, чтобы видѣть, что разъ береговья государства взаимно уступаютъ другъ другу право судоходства въ своихъ частяхъ рѣки, всѣ они отъ этого выиграютъ, что интересы ихъ въ этихъ вопросахъ въ высшей степени солидарны. Начало взаимныхъ уступокъ выступаетъ здѣсь вполнѣ осязательно. Открывая свои рѣки или свой участокъ международной рѣки, береговое государство требовало обыкновенно и себѣ подобнаго же права со стороны остальныхъ. Упорствующимъ угрожали реторсіями и репрессаліями. Однообразныя историческія, культурныя, коммерческія и инныя условія, въ которыхъ большею частью живетъ населеніе одной и той же рѣки, еще болѣе облегчаютъ соглашеніе между государствами. А необходимость въ однообразномъ управленіи административномъ и хозяйственномъ каждой судоходной дороги дѣлаетъ его совершенно необходимымъ. *При другой постановкѣ дѣла*, при попыткахъ одного береговаго государства закрыть свою часть для другихъ,—что должно неминуемо вызвать отплату тѣмъ же со стороны остальныхъ,—отношенія между сосѣдями могутъ быстро обостряться и они могутъ взаимными реторсіями дойти до того, что на рѣкѣ прекратится всякое движеніе. Приэтомъ непоправимый вредъ могутъ нанести другъ другу не только ближайшіе сосѣди, береговья государства противоположныхъ береговъ рѣки. На самомъ дѣлѣ, верхнее государство можетъ мстить нижнему за закрытіе рѣки, отводя воду въ каналы или задерживая ее въ своихъ предѣлахъ. Мирабо ¹⁾ говорилъ, что тотъ, кто владѣетъ верхнею Шельдою, можетъ разграбить голландскіе порты и потопить Голландію, открывъ шлюзы на рѣкѣ. Наоборотъ, нижнее государство можетъ, если захочетъ, при помощи таможенъ, рѣчныхъ сборовъ и другихъ мѣръ сдѣлать совершенно невозможнымъ судоходство на рѣкѣ.

Съ особой неотступной настойчивостью добивались государства, расположенныя въ верхнихъ частяхъ рѣки, *доступа въ открытое море* и эти домогалія увѣнчивались обыкновенно

¹⁾ Doutes sur la liberté de l'Escaut, p. 26.

успѣхомъ раньше всякихъ другихъ. Запрещеніе транзита судовъ, этого безвреднаго пользованія по преимуществу, казалось особо пестершимымъ, когда верхнее государство владѣло большею частью рѣки или когда въ верхней ея части существовала уже свобода судоходства. И чѣмъ больше неудобствъ оно получало отъ закрытія рѣки, тѣмъ съ большимъ рвеніемъ требовало ея открытія.

Поэтому вопросъ о взаимномъ свободномъ судоходствѣ возникаетъ на международныхъ рѣкахъ гораздо раньше, чѣмъ всякіе иные, ставится ребромъ и получаетъ *сравнительно рано рациональное рѣшеніе*. «Для согласованія той и другой задачи: стремленія приобрѣсти судоходную дорогу и желанія не прибѣгать къ оружію,—международное право нашло средство въ системѣ повинностей, которыя дѣлаютъ излишнимъ исключительное обладаніе рѣками»¹⁾. При рѣшеніи вопросовъ о рѣчной свободѣ должны быть принимаемы въ расчетъ *интересы всѣхъ портовыхъ государствъ*. Всѣ они заинтересованы въ положеніи дѣлъ на общей имъ рѣкѣ и всякое изъ нихъ можетъ при современномъ широкомъ развитіи международныхъ сношеній такъ или иначе заставить уважать свою волю, необходимая условія своего существованія и развитія. Конечно, съ географической точки зрѣнія одно государство нерѣдко открывало и открываетъ большее пространство рѣки, чѣмъ то, на которое само получаетъ право. При этомъ нерѣдко слышались похвалы либерализму правительствъ или золотыя рѣчи о необходимости соблюдать пормы естественнаго права и т. п. Но въ сущности правительствами всегда руководилъ здравый смыслъ, который показывалъ, что взаимные интересы въ этомъ дѣлѣ нельзя мѣрить сажнями или аршинами и что гораздо лучше получить для себя маленькую выгоду, чѣмъ бесполезно нанести большой вредъ другому.

Такъ или иначе, но *почти всѣ международныя рѣки открыты* нынѣ для судоходства береговыхъ государствъ. Требованіе объ освобожденіи ихъ было вполне недвусмысленно высказано по поводу открытія Шельды въ извѣстномъ актѣ революціоннаго правительства Франціи, а затѣмъ проведено въ жизнь договорами первой французской республики и имперіи и осо-

¹⁾ Капустинъ, Обзоръніе, вып. VIII, с. 49 сл.

бенно Вѣнскимъ актомъ. Но и послѣ 1815 г. примѣненіе его къ отдѣльнымъ рѣкамъ могло найти мѣсто только послѣ упорной борьбы. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ это начало подверглось стѣсненіямъ и ограниченіямъ, о которыхъ мы еще будемъ толковать въ одномъ изъ слѣдующихъ параграфовъ.

Къ счастью, *въ литературѣ не существуетъ двухъ мнѣній* по этому вопросу. «Всѣми принято, что право судоходства и торговли принадлежитъ всѣмъ береговымъ государствамъ, подѣ условіемъ дружелюбнаго соглашенія между собою при помощи договорныхъ постановленій на счетъ пользованія этимъ правомъ»¹⁾. Такъ, въ кодексѣ Блончли мы читаемъ: «Если судоходная рѣка протекаетъ чрезъ территорію нѣсколькихъ государствъ, то это даетъ право всѣмъ этимъ государствамъ на правильное и свободное пользованіе рѣкою для судоходства»²⁾. Распространяться въ выдержкахъ по этому вопросу было бы совершенно излишне. Соплюсь только на мпѣніе Витона, которое характерно, какъ примѣръ воззрѣній естественника. Витонъ разсуждаетъ слѣдующимъ образомъ: «Право судоходства съ коммерческими цѣлями по рѣкѣ, орошающей нѣсколько государствъ, принадлежитъ всѣмъ народамъ, которые обитаютъ ея берега, но это право невиннаго пользованія является несовершенно, его отправленіе необходимо измѣняется согласно требованіямъ безопасности и интересовъ береговыхъ государствъ и можетъ быть дѣйствительно гарантировано только при помощи взаимныхъ конвенцій, регулирующихъ его». Нѣсколько дальше онъ добавляетъ: «Тѣ, которые заинтересованы въ пользованіи или въ отправленіи этого права, могутъ отказаться отъ него или измѣнить его по взаимному соглашенію въ такомъ смыслѣ, какъ они найдутъ нужнымъ». При этомъ онъ напоминаетъ постановленіе 1648 г. о рѣкѣ Шельдѣ³⁾. Почти тѣ же мысли выражаетъ Галлекъ: «The right of navigation for commercial purposes is common to all the nations inhabiting the banks of a navigable river, subject to such provisions as are necessary to secure the safety and convenience of the several states affected»⁴⁾.

¹⁾ Кальво, Droit international, t. I (éd. 4), p. 464.

²⁾ § 312, русс. пер. подѣ редак. гр. Камаровскаго.

³⁾ Elements, p. III, ch. IV, §§ 12, 15, c. 182 сл.

⁴⁾ 1, p. 147 s. — Woolsey: „When a river rises within the bounds of one

Впрочемъ у старинныхъ писателей мы встрѣчаемъ еще весьма ограничительныя теоріи. Ключеръ, исходя изъ ученія объ особенной независимости государства, что касается свободного и исключительнаго права на воды, утверждаетъ, что «мы не могли бы обвинить его даже въ несправедливости, если бы оно запретило всякій проходъ иностранныхъ судовъ по рѣкамъ, рѣчкамъ, каналамъ или озерамъ, находящимся на его территории» ¹⁾. Въ томъ же самомъ духѣ высказывается и старикъ Мартенсъ ²⁾. «Собственность и власть (la propriété et l'empire) хозяина берега простирается въ видѣ правила на всѣ части рѣкъ, озеръ...., которыя находятся подъ дѣйствіемъ его пушекъ, поставленныхъ на берегу. Отсюда вытекаютъ права: 1. Исключительное право ловли рыбы etc. 2. Исключительное право судоходства, прохода, въѣзда, пребыванія въ рейдахъ или портахъ, за исключеніемъ тѣхъ правъ, которыя вытекаютъ изъ свободы торговли, въ настоящее время признаваемой въ Европѣ въ силу законовъ, трактатовъ или обычаевъ». Но эти теоріи настолько противорѣчили тому, что уже эти авторы наблюдали въ современной имъ дѣйствительности, что имъ пришлось прибавить къ нимъ оговорки, которыя, если не вполне, то въ значительной степени уничтожали общее правило. Ключеръ оговорился, что, не смотря на указанное правило, «нынѣ обыкновенно рѣдко отказываютъ судамъ и кораблямъ дружественныхъ державъ пользованіе этими водами, за исключеніемъ закрытыхъ портовъ и подъ условіемъ взиманія таможенныхъ пошлинъ и т. д.». И если эти слова, быть можетъ, не имѣютъ прямого отношенія къ рѣчному плаванію, такъ какъ рѣки, надо думать, въ большинствѣ случаевъ причисляются именно къ закрытымъ портамъ, то въ примѣчаніи къ вышеприведеннымъ положеніямъ Мартенса уже прямо говорится о свободномъ рѣчномъ судоходствѣ: «Судоходство по рѣкамъ, которыя пересѣкаютъ

state and empties into the sea in another, international law allows to the inhabitants of the upper waters only a moral claim or imperpet right to its navigation. We see in this a decision based on strict views of territorial right, which does not take into account the necessities of mankind and their destination to hold intercourse with one another" (§ 58).

¹⁾ Ibid., § 76, p. 116—117.

²⁾ Liv. IV, ch. IV, § 153.

одно государство, обыкновенно закрыто для иностранцевъ. На тѣхъ, которыя пересѣкаютъ нѣсколько странъ, оно свободно въ видѣ правила для всѣхъ береговыхъ странъ, но обыкновенно не для другихъ государствъ. И даже по отношенію къ береговымъ государствамъ мы встрѣчаемъ примѣры противнаго, основывающіеся на трактатахъ (1648, 1785)... или на привилегіяхъ, какъ на Везерѣ въ силу этапа, принадлежащаго городу Миндену. Во всякомъ случаѣ, если не имѣется соответствующихъ договоровъ, это судоходство, даже тамъ, гдѣ оно не воспрещено, можетъ быть подчинено отяготительнымъ ограниченіямъ (*restrictions onéreuses*) по отношенію къ судоходству и торговлѣ». Болѣе свободную постановку вопроса мы находимъ уже у Гефтера. Сначала идетъ общее правило: «Каждое государство можетъ извлекать исключительно для себя и своихъ подданныхъ всѣ выгоды изъ своихъ рѣкъ вплоть до самой границы съ другими государствами,—которая должна оставаться безъ измѣненій,—и исключать изъ этого пользованія всѣ остальные націи». А въ другомъ мѣстѣ ограниченіе его: «Судоходство по рѣкамъ (*Strömen*)... должно быть совершенно свободно и не можетъ быть, что касается торговли, запрещено никому». Въ этихъ ограничительныхъ теоріяхъ отражался конечно тотъ порядокъ, который существовалъ въ дѣйствительности почти до конца XVIII в. Открытіе международныхъ рѣкъ, говоритъ г. Rézeril ¹⁾, новая идея, а въ XVIII в. онѣ были «собственностью (*propriété*) береговыхъ государствъ, изъ которыхъ каждое могло распоряжаться по своему усмотрѣнію той частью рѣки, которая ему принадлежала, не обращая вниманія ни на верхнія, ни на нижележащія страны». Поэтому было бы невѣрно сказать о воззрѣніяхъ Георга Мартенса и Клюбера что они ошибочны. Они пережили то время, къ которому относились.

Слѣдующій вопросъ, на которомъ намъ надо остановиться, можно формулировать такъ: *слѣдуетъ-ли допускать къ судоходству по международнымъ рѣкамъ всѣ флаги*, разъ на подобныхъ рѣкахъ установилась свобода судоходства для прибрежныхъ государствъ? Теорія и практика отвѣчаютъ на него въ громадномъ большинствѣ случаевъ утвердительно. Это уже одинъ изъ новѣйшихъ успѣховъ международного права. «Эта послѣдняя уступка», замѣчаетъ Энгельгардтъ, «стоитъ въ связи

¹⁾ *Ibid.*, p. 131.

съ обязательствомъ, вытекающимъ изъ географическихъ условій данной рѣки; публичное право не требуетъ еще ея отъ государства, владѣющаго рѣкою исключительно»¹⁾).

Открывъ свои воды для судовъ прирѣчныхъ государствъ, страна переходитъ отъ неудачно поставленнаго и поэтому вреднаго для массы населенія покровительства національнымъ предпринимателямъ къ политикѣ свободной конкуренціи, а послѣдняя можетъ принести всю пользу только при самой широкой постановкѣ дѣла. Опасаться открытія рѣки для небереговыхъ государствъ тѣмъ болѣе странно, что главную конкуренцію національному судоходству могутъ составить судоходцы другихъ береговыхъ государствъ. Кроме того, «разъ государство допускаетъ своихъ береговыхъ сосѣдей въ воды, которыя омываютъ его территорію, значить оно организовало свою таможенную службу и полицію такимъ образомъ, чтобы онѣ могли наблюдать за плавающими иностранными судами. Почему же въ такомъ случаѣ исключить однихъ, допускать другихъ?»²⁾. Практическія трудности администраціи и рѣчной полиціи, вызываемыя примѣненіемъ принциповъ свободного судоходства, часто служили тормазомъ ихъ распространенію на рѣкахъ отдѣльныхъ государствъ. Здѣсь онѣ уже устранены. Поэтому—то «съ того момента, какъ судоходство было открыто для всѣхъ береговыхъ государствъ, не видѣли особыхъ неудобствъ въ допущеніи къ нему болѣе значительнаго числа флаговъ, въ открытіи его для флаговъ всѣхъ странъ»³⁾. Наконецъ, при господствѣ въ современномъ договорномъ правѣ начала «наиболѣе благопріятствуемой націи» другаго рѣшенія и не должно собственно быть.

На практикѣ стоило обыкновенно открыть рѣку для береговыхъ государствъ для того, чтобы вызвать самыя настойчивыя, сопровождаемыя нерѣдко угрозами требованія небереговыхъ государствъ допустить на рѣку суда, носящія ихъ національный флагъ. Тщетны были ссылки на то, что рѣка не открыта для иностранной торговли, что на ней плаваютъ только флаги береговыхъ государствъ. Небереговныя

¹⁾ Du régime, p. 90.—Phillimore, Commentaries, t. I, p. 167.

²⁾ Delavaud, Navigation des fleuves int-aux, p. 6.

³⁾ Delavaud, Navigation, p. 6.

страны хорошо понимали, что флагъ одного рѣчнаго государства является въ водахъ его сосѣда также иностраннымъ, а не національнымъ. Или на то, что прибрежныя государства имѣютъ право на судоходство потому только, что воды ихъ рѣчекъ способствуютъ образованію общаго потока. Всѣ понимали, что основаніе свободы не въ этомъ. Въ открытіи рѣкъ для флаговъ всѣхъ народовъ прежде всего были заинтересованы и всего болѣе настаивали на немъ государства притоковъ, а затѣмъ и вообще торговыя державы. Особенно активную роль играла изъ числа послѣднихъ—Англія. Она подписала цѣлый рядъ международныхъ соглашеній общаго и частнаго характера съ береговыми государствами. Въ разныхъ договорахъ защищала нерѣдко различными начала и нигдѣ не проигрывала.

Въ преслѣдованіи своихъ цѣлей небереговья государства *перепробовали* на пространствѣ XIX ст. *всѣ средства* международнаго воздѣйствія отъ приглашеній и убѣжденій до насильственнаго нарушенія неприкосновенности чужой территории. Къ счастью, еще дѣло обходилось до сихъ поръ безъ пролитія крови, если конечно не считать того, что насильственное открытіе Шельды въ 1792 г. было одной изъ причинъ, вскорѣ вспыхнувшей войны между Франціей и Англіей, а открытіе Дуная являлось одною изъ цѣлей, которыя союзныя державы преслѣдовали въ Крымскую кампанію. Ноты, которыми обмѣнивались государства по этому поводу, представляютъ собой нерѣдко цѣлые этюды о свободѣ рѣкъ. Въ нихъ излагались и комментировались теоріи выдающихся интернаціоналистовъ, и иное береговое государство съ важнымъ видомъ отвѣчало на домоганія небереговыхъ, что оно не отрицаетъ права береговыхъ государствъ рѣки и ея притоковъ, но это право не прямое, несовершенное и подчиненное распоряженіямъ, которыя оно можетъ издавать по собственному усмотрѣнію въ качествѣ единственнаго и исключительнаго владѣльца рѣки; оно признаетъ право этихъ государствъ, но указываетъ имъ извѣстныя границы. Но оно не признаетъ ихъ за другими морскими державами и держится по отношенію къ нимъ ограничительной системы. Въ особенности въ практикѣ англо-американскихъ государствъ не рѣдки ссылки на Гроція и Ваттеля, Пуфендорфа и Вольфа. Жаль только, что ихъ имена употреблялись большею частью все.

Не надо думать, чтобы въ *средь береговыхъ государствъ* международныхъ рѣкъ не никогда возникало мысли о пользе допущенія иностранныхъ флаговъ. Гамбургъ, Ганноверъ, Мекленбургъ защищали освободительныя начала на Эльбѣ. Баварія, Вюртембургъ, Сербія, Молдавія, Валахія возражали противъ нѣкоторыхъ статей конвенціи 1857 г. «Можно было бы даже доказать, что до 1831 г. въ средѣ центральной комиссіи Рейна было время, когда принципъ полнаго освобожденія судоходства проповѣдывался многими комиссарамъ, которыхъ одинъ писатель той эпохи съ улыбкой называлъ дипломатами, т. е. идеалистами и поэтому некомпетентными лицами»¹⁾. Но большею частью они упорно защищали неприкосновенность своихъ правъ и, если все-таки приходилось уступать, старались выторговать себѣ вознагражденіе. Чаще всего помимо прямаго обмѣна равныхъ уступокъ, ни о чемъ больше не хотѣли слышать. Находили, что соотвѣтствующія уступки могутъ имѣть мѣсто только между береговыми государствами одной и той же рѣки. Открывая другъ другу различныя рѣки, можно, пожалуй, и ошибиться, дать больше, чѣмъ взять. Но иногда соглашались и на возмѣщеніе иного рода. За право судоходства брали права рыболовства. Правительство иной страны открывало свои рѣки для того, чтобы заслужить расположеніе великихъ державъ. Не прочь были даже обмануть другую сторону, напр. взаимнѣ открытія внутренняго теченія рѣки предложить устья рѣкъ, съ расположенными на нихъ портами, и безъ того доступныя въ силу морскаго права международному судоходству. Вообще взаимныя уступки носили иногда довольно странный характеръ. Мы видѣли также въ части исторической, что противниками свободнаго судоходства выступали не только территоріальныя государства въ тѣсномъ смыслѣ этого слова. Государство, владѣющее частью рѣки, домогалось порою, чтобы на всемъ ея пространствѣ могли появляться одни береговые флаги.

Допущеніе флаговъ небереговыхъ странъ было *впервые* потребовано французами на *Раишадскомъ конгрессѣ*, затѣмъ подтверждено трактатомъ 1814 г. Задержанное двусмысленной редакціей статей Вѣнскаго конгресса, новое подтвержденіе полу-

¹⁾ Engelhard, Du régime, p. 88. — Cp. Neue Organisation der Schiffahrts- und Handels-Verhältnisse auf dem Rheinströme. Basel, 1822. S. 23, 27 прим.

чило оно, косвеннымъ образомъ, въ актѣ 1856 г. и затѣмъ довольно быстро распространилось на практикѣ. На самомъ дѣлѣ, «нельзя отрицать важности и значенія того обстоятельства, что.... великія державы, намѣреваясь подчинить Дунай режиму рѣкъ, называемыхъ «договорными», формально стипулировали, что на этой рѣкѣ флаги всѣхъ націй будутъ поставлены въ условія полнѣйшаго равенства»¹⁾. Однако и до сихъ поръ еще существуютъ *рѣки, на которыхъ судоходство доступно только для береговыхъ государствъ*: таковы рѣки русско-прусскія, австро-русскія, испано-португальскія, нѣкоторыя американскія. А лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ встрѣчались даже договоры, признававшіе внутреннее значеніе за судоходствомъ по такимъ рѣкамъ, какъ Парана, или запрещавшіе судамъ, которыя ранѣе имѣли доступъ на рѣку, дальнѣйшую практику въ ея водахъ. Поэтому будетъ нѣкоторымъ преувеличеніемъ, если мы скажемъ съ Майеромъ: «Такимъ образомъ на этихъ договорныхъ рѣкахъ господствуетъ полная свобода судоходства не только для подданныхъ ближайшимъ образомъ заинтересованныхъ государствъ, но и для лицъ всѣхъ націй»²⁾. Этимъ словамъ можно придать только видъ пожеланія или, пожалуй, общаго правила, изъ котораго существуетъ не мало исключеній. Тѣмъ болѣе это относится къ § 6 перваго проекта Энгельгардта. Онъ формулируетъ начало свободы и равенства еще болѣе опредѣленно: «Международныя рѣки открыты судоходству и торговлѣ всего міра. Суда подданныхъ береговыхъ странъ и суда иностранныхъ флаговъ будутъ разсматриваться на нихъ во всѣхъ отношеніяхъ съ точки зрѣнія полного равенства и не встрѣтятъ никакихъ помѣхъ своему плаванію, кромѣ тѣхъ, которыя вытекаютъ изъ постановленій настоящаго регламента относительно полиціи, рѣчныхъ сборовъ, таможенъ, карантинновъ и военнаго времени». Тѣми же словами выражена эта мысль и въ § 6 втораго его проекта. Проектъ Института (§ 3) не нашелъ ничего лучшаго, какъ повторить съ небольшимъ измѣненіемъ знаменитую ст. 109 вѣнскихъ правилъ: «Судоходство на всемъ протяженіи рѣкъ международныхъ съ того пункта, гдѣ каждая изъ нихъ становится

¹⁾ Du régime, p. 86.

²⁾ Encyclopädie Gольцендорфа. Th. II, v. Flussschiffahrt.

судоходной до моря, объявляется совершенно свободнымъ и не можетъ быть, что касается торговли, запрещено какому-либо флагу». Съ другой стороны, быть можетъ, не совсѣмъ правъ и Гарейсъ ¹⁾, когда усматриваетъ только тенденцію въ пользу допущенія къ рѣчному судоходству флаговъ небереговыхъ государствъ. Причемъ эта тенденція осуществлена, какъ будто, только на Шельдѣ и на По (!).

Въ виду важности вопроса и не смотря на опасеніе утомить читателя, мнѣ кажется необходимымъ привести *еще нѣкоторыя цитаты*. Въ учебникѣ Ривье мы читаемъ... «Рѣка, находящаяся въ непосредственномъ сообщеніи съ моремъ, называется международной въ томъ смыслѣ, что она открыта всѣмъ коммерческимъ флагамъ независимо отъ того, являются они флагами береговыхъ государствъ или нѣтъ»²⁾. Это напоминаетъ намъ, что господствующее ученіе относится только къ рѣкамъ, впадающимъ въ море. То же напоминаютъ и стст. 501 и 503 кодекса Фіоре. Ст. 501. «Судоходныя рѣки, пересекающія или разграничивающія территории различныхъ государствъ и находящіяся въ сообщеніи съ океаномъ, считаются международными и подчиняются во всемъ, что касается судоходства, правиламъ, дѣйствующимъ въ открытомъ морѣ». Ст. 503. «Ни одно государство не можетъ при помощи самостоятельныхъ регламентовъ удержать въ своемъ личномъ интересѣ судоходство по рѣкѣ даже въ той ея части, которая находится на его территоріи. Прибрежныя государства точно также не могутъ путемъ общаго соглашенія составить регламентъ, приложимый ко всей рѣкѣ и противорѣчащій принципу свободного судоходства международныхъ рѣкъ». Но въ то же время эти двѣ статьи воскрешаютъ въ нашей памяти теорію, что береговья государства международныхъ рѣкъ имѣютъ только обязанности, а права принадлежатъ всѣмъ государствамъ. Повидимому сюда можно отнести и ученіе проф. Стоянова ³⁾, который пишетъ: «Что касается до международныхъ рѣкъ, то по принципу и съ перваго взгляда эти рѣки могутъ быть поставлены въ одну категорію съ открытыми морями и основанія

¹⁾ Institutionen, S. 70.

²⁾ Revier, Lehrbuch, S. 149.

³⁾ Очерки исторіи и догматики, с. 366.

здѣсь окажутся сходными». Здѣсь мы начинаемъ вполнѣ понимать, чѣмъ вызывались тѣ теоріи общей собственности и общаго обладанія рѣками, о которыхъ шла выше рѣчь. Какую бы критику онѣ ни вызывали, нельзя не быть благодарнымъ уже за то, что въ основаніи ихъ лежало безкорыстное желаніе по мѣрѣ силъ и умѣнья предохранять великій цивилизаторскій принципъ, одно изъ условій современной культуры, отъ всякихъ случайностей. Наконецъ нѣсколько словъ о *странномъ положеніи Бульмеринка*, который, видимо желая возвести къ принципу противорѣчія практики, говоритъ: «Если рѣка (Fluss) принадлежитъ двумъ государствамъ, судоходство на ней признается общимъ для подданныхъ этихъ государствъ. Принадлежитъ рѣка болѣе, чѣмъ двумъ государствамъ, судоходство на ней объявляется свободнымъ, т. е. открытымъ флагамъ всѣхъ націй»¹⁾). Теорія очень характерна для Бульмеринка, но наводитъ на грустные размышленія о возможныхъ изъ нея выводахъ. Положительное направленіе заключается не въ томъ, чтобы не смѣть сужденіе имѣть ни о чемъ, что выходитъ за предѣлы статей международныхъ договоровъ, а въ томъ, чтобы, исходя изъ дѣйствующаго порядка, исходя изъ изученія современной международной дѣйствительности, вырабатывать требованія согласныя съ основными началами современной культуры, съ тѣми тенденціями и идеями, которыя лежатъ въ ея основаніи. Такова задача современной науки международного права, какъ науки прикладной. Направленіе же Бульмеринка и ему подобныхъ дѣлаетъ только половину дѣла.

§ 8. Границы свободнаго судоходства на рѣкахъ международныхъ.

Прежде чѣмъ переходить къ рѣкамъ національнымъ, намъ надо разсмотрѣть *вопросъ объ опредѣленіи границъ, внутри которыхъ можетъ господствовать свобода судоходства на рѣкахъ международныхъ*. Именно, что опредѣляетъ нижнюю границу судоходства, гдѣ долженъ быть установленъ верхній предѣлъ рѣчной свободы, какіе изъ развѣтвленій и рукавовъ рѣки могутъ подпасть подъ тотъ же режимъ, какъ и вся рѣка, какую роль можетъ играть въ опредѣленіи пространства рѣчной

¹⁾ Völkerrecht, S. 291.

свободы то обстоятельство, что, вслѣдствіе естественныхъ преградъ, рѣка раздроблена на нѣсколько кусковъ, сообщеніе между которыми водянымъ путемъ прервано, и наконецъ какіе притоки раздѣляютъ положеніе всей рѣки?

Съ теоретической точки зрѣнія можетъ быть только *одинъ отвѣтъ* на всѣ эти пункты: свобода судоходства должна существовать всюду, гдѣ могутъ плавать суда. «Dieser Grundsatz erscheint unbestreitbar», говоритъ въ одномъ мѣстѣ Каратеодори ¹⁾. Но на практикѣ подобная свобода установлена только на одной международной рѣкѣ, на Конго. Чтобы выработать какія-нибудь практическія правила, надо разсмотрѣть предметъ подробнѣе. Считаю однако необходимымъ сдѣлать предварительно одну оговорку. Въ этомъ параграфѣ мы имѣемъ въ виду область примѣненія гражданскоправоваго начала свободного судоходства и только. Она можетъ не совпадать съ областью дѣйствія началъ административнаго права судоходства, но отсюда никакихъ выводовъ противъ установленныхъ въ слѣдующихъ строкахъ положеній дѣлать нельзя. Вопросами административнаго права мы займемся въ слѣдующей главѣ. Начинаемъ съ опредѣленія верхней и нижней границы свободного судоходства. Гдѣ оно начинается и гдѣ кончается?

Такъ какъ плаваніе и торговля на моряхъ открыты для судовъ всѣхъ флаговъ, то въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ рѣчное судоходство также свободно, рѣчныя суда могутъ свободно выходить въ море по своему назначенію, а морскія суда свободно входятъ въ рѣку, направляясь въ рѣчные порты. То обстоятельство, что при этомъ судно должно прорѣзать полосу территориальнаго моря, не можетъ имѣть никакого значенія. Часть его, находящаяся передъ устьемъ рѣки, также является продолженіемъ общаго свободного пространства. Словомъ, *нижней границей свободного рѣчнаго судоходства* признается линія, за которой начинается морское пространство, открытое для международнаго плаванія.

Съ давнихъ временъ для выраженія того, что суда могутъ свободно плавать въ море и обратно, употреблялось *выраженіе, jusqu' à la mer, bis in die See*. Такъ Энгельгартъ указываетъ на королевскій эдиктъ, помѣченный Paris 29 Mars 1518 и гласившій: «Rescue avons l'humble supplication de

¹⁾ Нѣм. раб., S. 305.

nostre procureur général et du procureur général des marchans fréquentans et marchans en nostre rivière de Loire depuis le commencement que la dite rivière est navigable jusques à la mer»¹⁾). Никто не сомнѣвался въ истинномъ смыслѣ этой формулы до тѣхъ поръ, пока нидерландское правительство неожиданно ни объявило, что разбираемое выраженіе заключаетъ въ себѣ только указаніе на свободу рѣчныхъ водъ до ихъ сліянія съ морскими, то есть, по ихъ мнѣнію, то пространство нижней части рѣчныхъ устьевъ, гдѣ воды рѣки смѣшиваются съ морскими волнами, не входитъ въ область, обозначенную указаннымъ образомъ. Положеніе государствъ нижняго течения рѣки всегда бывало очень соблазнительно. Почти на всѣхъ рѣкахъ обшихъ нѣсколькимъ государствамъ, если только не на всѣхъ именно, нижнее порѣчное государство, пользуясь своимъ выгодной географической позиціей, пыталось эксплуатировать судоходство всей рѣки въ свою пользу, то закрывая доступъ въ низовье рѣки для верхнихъ странъ, то собирая пошлины съ проходящихъ чрезъ устья судовъ и т. п. Намъ уже извѣстенъ знаменитый примѣръ закрытія Шельды со стороны Нидерландскихъ Генеральныхъ Штатовъ, и исторія той пошлины, которую они впоследствии собирали на ней. Притязанія Англіи на р. Св. Лаврентія, Испанія на Миссиссипи, Буэносъ Айреса на Ла Платѣ и пр. хорошо знакомы всѣмъ. Большею частью нижніе владѣльцы рѣки соглашались отказаться отъ выгодъ, доставляемыхъ имъ ихъ положеніемъ, только за извѣстный выкупъ, или вслѣдствіе какихъ-либо особыхъ обстоятельствъ. Во всякомъ случаѣ, никогда и никто не считалъ, что промежуточные воды между моремъ и рѣкой представляютъ собой что-либо особенное. Это толкованіе по истинѣ болѣе, чѣмъ странное, Вурмъ называетъ «*coup de maître*», и говоритъ что, «*in hundert Jahren wird schwerlich ein Mensch geboren, dem bei lebenslangem Nachdenken so was einfiele*»²⁾). Мы знаемъ, что то же самое выраженіе, не вызывая никакихъ сомнѣній, было принято на всѣхъ остальныхъ рѣкахъ, Везерѣ, Эльбѣ, Дунаѣ и пр. Оно встрѣчается также въ ст. 5 Парижскаго договора 30 мая 1814 г. и въ рѣчныхъ регламентахъ, приложенныхъ къ акту

¹⁾ Du régime, p. 61.—Пр.-Фодере, Cours, § 722.

²⁾ Fünf Briefe, S. 31.

1815 г.¹⁾ Во всякомъ случаѣ рѣкой считается какъ потокъ прѣсной воды, такъ и тѣ полуморскіе рукава, гдѣ его воды продолжаютъ течь, направляясь въ открытое море. Neffter говоритъ, что потокъ считается рѣкой «до крайнихъ предѣловъ береговъ, гдѣ его воды оставляютъ территорію, не обращая вниманія на то, смѣшались онѣ предварительно или нѣтъ съ морскими волнами въ какомъ-либо заливѣ (dans un bassin) болѣе широкомъ, чѣмъ ширина обыкновенной рѣки»²⁾. Поэтому, во избѣжаніе двусмысленности, въ новѣйшихъ регламентахъ начинаетъ появляться уже другое выраженіе, jusque dans la mer или jusqu'en pleine mer, bis in die offene See, хотя наврядъ-ли кто-нибудь снова будетъ оспаривать, что оба эти выраженія—синонимы, значать одно и то же.

Но особенно рекомендовать слѣдуетъ постановку дѣла, принятую на Дунаѣ. Европейская коммисія, пребывавшая въ Галацѣ, стипулировала въ публичномъ актѣ 2 ноября 1865 г., что компетенція рѣчныхъ властей простирается надъ водами моря еще на двѣ морскихъ мили отъ берега, или, точнѣе, отъ крайняго пункта Сулинской плотины³⁾. Подобное постановленіе чрезвычайно удобно и его слѣдовало бы принять во всѣхъ регламентахъ и тогда уже нигдѣ не возникаетъ споръ подобный тому, который имѣлъ мѣсто на Рейнѣ въ началѣ этого столѣтія. Въ актѣ, посвященномъ судоходству по Конго, соответствующаго начала нѣтъ, но въ ст. 95 постановляется, что во время войны судоходство должно оставаться свободнымъ не только на самой рѣкѣ, но и на прилегающемъ къ ея устьямъ территоріальномъ морѣ (sur la mer territoriale faisant face aux embouchures de ce fleuve). Наконецъ, нерѣдко въ рѣчныхъ регламентахъ особо подчеркиваютъ, что судоходство объявляется свободнымъ не только на самой рѣкѣ, но и на ея устьяхъ.

На основаніи подобныхъ соображеній Энгельгардтъ ввелъ въ свой второй регламентъ слѣдующую статью: Рѣчныя воды простираются... «до крайнихъ предѣловъ морскихъ береговъ, т. е. до линіи берега (jusqu'au cordon littoral)». Не мѣшаетъ однако замѣтить, что правило, предлагаемое имъ, не всегда бываетъ удобно примѣнимо. Очень часто трудно возстановить эту

¹⁾ De Clercq, II, 418.—De Clercq, II, 463 (Приложеніе 16, № 2).

²⁾ Völkerrecht, § 77, прим. River, Lehrbuch, S. 148.

³⁾ Tit. I. Ch I. Art. 7. De Clercq, IX, 385.

линію берегового кордона, или какъ ее называютъ пофранцузски, *ligne rétablissant la continuité de rivage*. Далеко не всѣ рѣчные заливы промыты рѣками. Многіе образуютъ морскія бухты. Въ иныхъ, несомнѣнно составляющихъ рѣчное гирло, судоходство по закону подчинено морскому праву. Другія системы, которыя предлагаются для опредѣленія границы рѣчныхъ и морскихъ водъ, также не выдерживаютъ критики. Считать, что морскія воды простираются до того предѣла, до котораго достигаетъ приливъ (*limite du grand flot de mars*), значило бы часто слишкомъ далеко распространять область морскихъ волнъ. Считать, что рѣка простирается до тѣхъ поръ, пока вода сохраняетъ сладкій вкусъ, или пока не исчезаетъ параллельность береговъ, далеко не значитъ найти однообразное правило ¹⁾. Такимъ образомъ нижнюю границу свободного судоходства можно установить только условно. Въ тѣхъ случаяхъ, когда въ устьяхъ рѣки дѣйствуютъ начала морскаго права, граница свободного рѣчнаго судоходства простирается до того пункта, который считается послѣднимъ морскимъ портомъ внутри страны. Въ тѣхъ же, когда этого нѣтъ, область рѣчной свободы распространяется не только на рѣку и ея устья, но и еще на двѣ мили отъ берега надъ территориальнымъ моремъ.

Второй вопросъ, который слѣдуетъ разсмотрѣть,—*установленіе верхней границы свободного судоходства*. Съ теоретической точки зрѣнія она должна находиться, для каждаго судна въ отдѣльности, въ томъ пунктѣ, выше котораго оно въ данный моментъ не можетъ подняться. Но такъ какъ подобная неопредѣленность верхней границы на практикѣ могла бы повести къ разнымъ административнымъ затрудненіямъ, то область свободного судоходства ограничиваютъ обыкновенно тѣмъ пространствомъ рѣки, гдѣ существуетъ правильное и оживленное движеніе судовъ. «Не вмѣстимостью судна», говоритъ Каратеодори, «которое можетъ поднять рѣка, но степенью оживленности и правильности международнаго судоходства и сплава плотовъ опредѣляется для того или другаго участка рѣки его способность служить судоходству» ²⁾. Эти слова составляютъ

¹⁾ Texereau, *Des délimitations du domaine public maritime et fluvial*. Paris. 1889, p. 19 s.

²⁾ Нѣм. раб. S. 305.

почти подстрочный переводъ одного мѣста изъ первой работы Энгельгардта ¹⁾, который въ немъ напоминаетъ, что «почти въ такихъ именно выраженіяхъ постановлялъ на этотъ счетъ un arrêt en conseil отъ 9 ноября 1694 г. въ отвѣтъ на домоганія многихъ береговыхъ собственниковъ, желавшихъ избавиться отъ уплаты рѣчныхъ сборовъ на нѣкоторыхъ дорогахъ, которыя они считали за несудоходныя».

Но, такъ какъ это правило весьма неопредѣленно, на практикѣ пунктъ, до котораго судоходство свободно, *опредѣляется договоромъ* между порѣчными государствами, или *одностороннимъ распоряженіемъ* государства, территорію котораго орошаетъ рѣка²⁾. Этимъ пунктомъ бываетъ или какое-нибудь населенное мѣсто, отъ котораго судоходство совершается правильно, или даже граница двухъ государствъ. Такъ, напр., договорный Рейнъ простирается только до предѣловъ кантона Базель, и Швейцарія не посылаетъ делегатовъ на конференціи въ Маннгеймъ. Такимъ же образомъ, предѣломъ свободного судоходства на Дунаѣ считается городъ Ульмъ (или устье Иллера) и Баденъ не участвовалъ въ Вѣнской комиссіи 1857 г. Порѣчными державами Везера считаются только государства, расположенныя ниже сліянія Верры съ Фульдой. Устанавливая верхнюю границу, государства должны руководствоваться желаніемъ расширить, какъ можно дальше, границы свободного пространства, принимая во вниманіе то, существуетъ-ли правильное судоходство на данномъ отрѣзкѣ рѣки, или нѣтъ.

Мы не знаемъ ни одного случая, гдѣ бы вопросъ о верхней границѣ возбуждалъ серьезныя недоразумѣнія. *Въ теоріи* онъ также считается вполне *рѣшеннымъ*. «Опредѣленіе верхней границы пространства, открытаго для международнаго судоходства, зависитъ», говоритъ Прадье-Фодере ³⁾, «одновременно отъ нормальнаго состоянія потока воды и отъ соглашенія заинтересованныхъ сторонъ». При этомъ принимаютъ во вниманіе «степень оживленности и правильности судоходства». Та же самая мысль выражена во 2 ст. перваго проекта Энгельгардта, т. е. приложеннаго къ его брошюрѣ, Du régime conventi nel des fleuves internationaux. «Договорное простран-

¹⁾ Du régime, p. 62.

²⁾ Rivier, Lehrbuch, S. 148.

³⁾ Cours § 721.—Rivier Lehrbuch, S. 148—149.

ство международной рѣки простирается отъ того мѣста или отъ границы того государства, начиная съ которыхъ судоходство отправляется правильнымъ образомъ, до самаго моря».

Итакъ, въ основаніи опредѣленія верхней границы свободного судоходства современная теорія кладетъ соображенія постороннія принципу гражданскаго права, соображенія административнаго характера. Не смотря на полное согласіе ея съ практикой, мы можемъ присоединиться къ ней только съ оговоркою, что административныя трудности дѣйствительно не устранимы. Въ слѣдующей главѣ мы покажемъ, что она сильно преувеличена и что есть обыкновенно *возможность* разрѣшать *каждому судну подниматься по рѣкѣ вплоть до того мѣста, до котораго позволитъ ея посадка*. Поэтому старое правило *Винскаго конгресса*, что освободительные принципы найдутъ свое примѣненіе «на всемъ пространствѣ указанныхъ рѣкъ съ того мѣста, гдѣ онѣ становятся судоходными, до ихъ устья» (ст. 109), имѣетъ въ нашихъ глазахъ *больше цѣны*, чѣмъ то, что предлагается нынѣ ¹⁾, и именно потому, что здѣсь не говорится ни о правильности, ни объ оживленности судоходства. На томъ же самомъ основаніи нельзя не сочувствовать ст. 3 регламента Института: «Плаваніе по международнымъ рѣкамъ, съ того пункта, гдѣ онѣ становятся судоходными, вплоть до моря, совершенно свободно и доступъ къ нему относительно торговли не можетъ быть воспрещенъ ни единому флагу»²⁾.

Слѣдующій вопросъ, стоящій для насъ на очереди въ этомъ отдѣлѣ, есть *вопросъ объ открытіи* для международного судоходства *гирль и развѣтлений* главной рѣки. *Наше мнѣніе* уже извѣстно: должны быть открыты всѣ устья и боковыя вѣтви рѣки, если они представляютъ какой-нибудь интересъ для судоходства и если издержки на ихъ содержаніе могутъ окупаться доходами съ судоходства. Въ этомъ случаѣ мы вполне согласны съ Вернеско ³⁾, который ту же самую мысль выражаетъ нѣсколько иначе, согласно своимъ воззрѣніямъ на юридическую природу международныхъ рѣкъ вообще. Если,

¹⁾ Engelhardt, Régime, Etendue du domaine fluvial commun, p. 55—69. Carathodory, н. р., Schiffbarkeit. Beginn und Ende. § 67. S. 305—306. § 68. S. 306—307.

²⁾ Переводъ, какъ и въ другихъ мѣстахъ,—гр. Камаровскаго.

³⁾ Des fleuves, p. 217.

говорить о них, устьях; развѣтвленія верхняго теченія и искусственно расчищенные рукава «представляются полезными для судоходства, они принадлежатъ къ международному достоянiю (au domaine international). Если же нѣтъ, то остаются въ національномъ обладанiи (domaine national) береговаго государства». Особыя соглашенiя могутъ конечно создать для нихъ и другое положенiе.

Обращаясь къ подробному анализу вопроса, мы должны прежде всего отдѣлить *гирла и развѣтвленiя дельты* отъ развѣтвленiе и рукавовъ верхняго и средняго теченiя. Большая часть великихъ рѣкъ передъ впаденiемъ въ море, раздѣляются на нѣсколько рукавовъ, образующихъ трехъугольныя дельты. Такъ, Дунай впадаетъ въ Черное море тремя рукавами. По имѣетъ два устья, Rô di Maestra и Rô di Goro. Рейнъ впадаетъ въ море пятью рукавами; первое раздѣленiе имѣетъ мѣсто выше Emmerich'a, третiй потокъ отдѣляется около Arnheim'a, и т. д. Каждое изъ устьевъ носитъ обыкновенно свое названiе; часто ни одно изъ нихъ не сохраняетъ имени главной рѣки. Напр., единственная вѣтвь Рейна, сохранившая это названiе, представляетъ собою тонкую струю воды, отдѣляющуюся отъ Лека у Вика и теряющуюся въ дюнахъ Кильвика. Одно изъ нихъ является обыкновенно главнымъ, т. е. представляетъ наиболѣе удобствъ для судоходства. Часто такжѣ извѣстное гирло по различнымъ причинамъ изъ второстепеннаго становится главнымъ. Такъ, напр., за послѣднее время Ахтуба, прежде второстепенный рукавъ Волги, становится главнымъ. Еще болѣе интересенъ примѣръ устьевъ Дуная. Сулинское гирло, предметъ попеченiя всей Европы, оказывается за послѣднiе годы менѣе удобнымъ, чѣмъ Килiйское, принадлежащее Россiи и находящееся, такъ сказать, въ дѣвственномъ состоянiи. Поэтому, въ тѣхъ случаяхъ, когда международному судоходству открыты не безусловно всѣ рѣчныя воды страны, является вопросъ, какiя изъ устьевъ должны подчиниться режиму главной рѣки?

Раньше для прохода судовъ *уступалось* обыкновенно только одно устье, но въ наше время практика склоняется къ болѣе широкимъ правамъ. Такъ на Конго, Нигерѣ, Дунаѣ и др. для судоходства открыты всѣ устья. Въ извѣстномъ спорѣ Голландiи съ порѣчными странами верхняго Рейна Пруссiя, Баварiя и великое герцогство Гессенъ доказывали

свое право на судоходство по всѣмъ водамъ, соединяющимъ Рейнъ и море и даже Рейпъ и Шельду. По ихъ мнѣнію, *condominium* государствъ долженъ обнимать всѣ выходы рѣки безъ исключенія. Въ то время эти притязанія не были ни на чемъ основаны, такъ какъ въ Вѣнѣ было постановлено, чтобы продолженіемъ Рейна считался одинъ его рукавъ—Лекъ. Но въ силу позднѣйшихъ соглашеній между государствами Рейна, въ 1831 г., судамъ ихъ было открыто два устья, а въ 1868 г. они получили право выбирать тотъ путь черезъ Голландію въ открытое море, или Бельгію, который имъ покажется удобнѣе. Если нижнее порѣчное государство не согласено открыть всѣхъ устьевъ рѣки, то конечно можно удовольствоваться открытіемъ одного, но, понятно, самаго удобнаго. Главныя развѣтвленія часто не представляютъ большой разницы съ тѣмъ общимъ стволомъ, отъ котораго они отдѣлились и, наоборотъ, рѣка, принявшая большой притокъ, очень часто почти не поднимаетъ своего уровня. Такимъ образомъ Вааль и Рейнъ ниже Эммериха почти равны между собой и каждый изъ нихъ не бѣднѣе водой, чѣмъ общій стволъ до его раздѣленія. Вторая вѣтвь, отдѣляющаяся у Аригейма, т. е. Иссель, опять—таки почти равна Рейну. Правда, скорость теченія уменьшается. Съ другой стороны, Рейнъ не дѣлается болѣе могущественнымъ, принявъ воды Майна. Впаденіе Инна не увеличиваетъ ширины и глубины Дуная. Саксъ и Танаро не поднимаютъ уровня водъ По и т. д. Однако надо помнить, что ограниченіе однимъ только устьемъ есть уступка береговому государству.

Мы никакъ не можемъ согласиться съ Энгельгардтомъ, что «въ принципѣ и за исключеніемъ особыхъ соглашеній, кажется справедливымъ открыть общему пользованію *то устье рѣки, которое представляетъ наиболее удобствъ для сообщенія съ моремъ*, т. е. то, которое по направленію своего теченія или по правильности его, или по естественнымъ условіямъ впаденія въ море представляетъ наибольшія облегченія для судоходства. Нижнее рѣчное государство можетъ найти удобнымъ открыть международному пользованію и другія вспомогательныя рѣчныя дороги, но этого нельзя требовать отъ него по праву, потому что это значило бы требовать отъ него безъ особыхъ основаній большихъ пропорціонально жертвъ, чѣмъ тѣ, которыя сдѣланы другими»¹⁾. Въ этихъ словахъ Энгель-

¹⁾ Du régime, p. 65. Буквально то же самое см. Pr. -F. Cours, § 723.

гардтъ незамѣтно для самого себя сталъ на осмѣянную имъ точку зрѣнія нидерландскаго правительства, которое доказывало въ 1815—31 гг., что отъ него требуютъ больше жертвъ, чѣмъ отъ остальныхъ береговыхъ странъ. Можно-ли однако мѣрить уступки въ этомъ дѣлѣ аршинами и сажеными открываемаго тѣмъ или другимъ государствомъ пространства? Можно-ли въ точности подсчитать, кто сколько выиграетъ и кто сколько потеряетъ отъ примѣненія свободнаго режима? Если даже оставить въ сторонѣ интересъ самого мѣстнаго государства имѣть на своихъ водахъ свободное судоходство и обратить вниманіе только на тѣ выгоды, которыя получаютъ иностранные флаги, то и тогда вопросъ не становится проще. Что выгоднѣе для нихъ, открыть обширный, но мало населенный участокъ рѣки, или небольшой съ цвѣтущими земледѣльческими и промышленными городами и селами на берегахъ, открыть выходъ въ море черезъ кратчайшій каналъ, или черезъ наиболѣе длинный рукавъ? Кто можетъ предусмотрѣть и взвѣсить всѣ послѣдствія тѣхъ или другихъ уступокъ береговыхъ государствъ. Къ счастью, онѣ должны быть для нихъ во всякомъ случаѣ выгодны и бояться ихъ ни въ какомъ случаѣ нельзя. Главныя положенія вышеуказаннаго мѣста Энгельгардтъ повторяетъ и во 2-й ст. своего 1-го проекта. По нашему мнѣнію, выставляя ихъ, онъ отказывается отъ своихъ широкихъ взглядовъ на свободу судоходства и склоняется на сторону того принципа узкихъ взаимныхъ уступокъ, который онъ самъ нѣсколько разъ порицалъ. На какомъ основаніи лишимъ мы береговое населеніе одного изъ устьевъ рѣки тѣхъ преимуществъ, которыя можетъ дать имъ свобода судоходства въ этихъ мѣстахъ? Или, съ другой стороны, почему иностранцы, или даже жители береговъ той же рѣки, должны отказаться отъ тѣхъ выгодъ, которыя имъ, въ свою очередь, можетъ доставить свобода судоходства по всѣмъ, хотябы и второстепеннымъ, устьямъ? Въ ихъ прямомъ интересѣ лежитъ, какъ вѣрно замѣчаетъ Прадье-Фодере¹⁾, «возможность распредѣлять движеніе судовъ между различными развѣтвленіями главнаго ствола». Кромѣ того, то или другое судно можетъ желать посѣтить именно тѣ пункты, которые находятся на рукавѣ, обреченномъ на закрытіе. Наконецъ, всегда-ли удобно сдѣлать выборъ между нѣсколькими устьями и сказать безо-

¹⁾ Cours, § 723.

шибочно, что то, а не это изъ нихъ есть именно главное, имѣющее наибольшую важность для судоходства?

Каратеодори, раздѣляя нашу точку зрѣнія, замѣчаетъ, что отъ этого вопроса надо отличать вопросъ о поддержаніи судоходности всѣхъ рукавовъ. *Если они не судоходны и для очистки ихъ требуются особыя траты*, то, по его мнѣнію, «не слѣдуетъ безъ серьезныхъ основаній требовать отъ нижележащаго государства открытія иныхъ путей, кромѣ главнаго рукава. Во всякомъ случаѣ, оно имѣетъ право на вознагражденіе за эту новую жертву общему благу (der Allgemeinheit)» ¹⁾. Поэтому-то, въ видѣ общаго начала, онъ все-таки выставляетъ слѣд. правило: «Договорное регулированіе должно найти себѣ мѣсто на томъ рукавѣ, который представляетъ наименѣе трудностей для судоходства». На это мы можемъ замѣтить только одно. Каждое государство имѣетъ полную возможность вознаградить себя за свои издержки сборами съ судоходства. О другомъ вознагражденіи не должно быть рѣчи и вопросъ этотъ не можетъ представлять никакого затрудненія для открытія рѣкъ. Но работы по очисткѣ русла иногда производятся на счетъ всѣхъ береговыхъ государствъ, или даже на счетъ цѣлаго ряда морскихъ странъ, какъ это мы видимъ на Дунаѣ, тогда для закрытія искусственно регулированныхъ рукавовъ еще меньше оснований. Столь же мало значенія имѣютъ другія выдвигаемыя нѣкоторыми авторами соображенія, напр., что «главные рукава не представляютъ обыкновенно чувствительной разницы съ первоначальнымъ стволемъ рѣки (maitresse branche), или что «несправедливо возлагать на государство низовьевъ рѣки, если оно не выражаетъ на это опредѣленнаго согласія, излишнія работы на поддержаніе русла, полицейскій надзоръ и таможенный контроль и требовать такимъ образомъ отъ него больше жертвъ рѣчному союзу (association), чѣмъ тѣ, которыя приносятъ другіе его члены» ²⁾. Мы увидимъ нѣсколько дальше, что допущеніе иностранныхъ флаговъ на рукава, открытые для національнаго судоходства, никакихъ особыхъ хлопотъ на мѣстное государство не возлагаетъ.

Итакъ, *должны быть свободны все устья рѣки*, такъ какъ каждое изъ нихъ можетъ представлять собой тотъ или другой

¹⁾ Нѣм. раб., S. 305—306.

²⁾ Прадье-Фодере, Cours, § 723.

интересъ для судоходства. Во второмъ своемъ регламентѣ Энгельгардтъ стоитъ на нѣсколько болѣе правильной точкѣ. Ст. 3 постановляетъ, «Если воды, прежде чѣмъ достигнуть моря, раздѣляются на два или нѣсколько рукавовъ, договорный режимъ распространяется если не на всѣ рукава, то по крайней мѣрѣ на тотъ, который представляетъ наиболѣе удобствъ судоходству, какъ по направленію, глубинѣ и правильности своего течения, такъ и по естественнымъ условіямъ впаденія его въ море». Мы имѣемъ въ виду конечно гражданско-правовыя отношенія по судоходству. Что касается международнаго административнаго права, то область его примѣненія можетъ на самомъ дѣлѣ ограничиться однимъ наиболѣе удобнымъ устьемъ, не распространяться на тѣ части рѣки, гдѣ не существуетъ оживленнаго судоходства и т. д. Это уже другое дѣло. Не имѣетъ непосредственнаго отношенія къ нашей темѣ и вопросъ о томъ, въ какихъ случаяхъ и насколько могутъ примѣняться къ устьямъ рѣкъ начала морскаго права.

Развѣтвленія рѣки въ дельтѣ обладаютъ обыкновенно опредѣленными берегами и образуютъ постоянные и опредѣленные потоки. Въ противоположность имъ, *развѣтвленія верхнихъ частей рѣкъ* непостоянны, измѣнчивы и подчасъ очень многочисленны. Образуются они часто островками и мелями, которые иногда вовсе исчезаютъ и нерѣдко мѣняютъ свое относительное положеніе. Вслѣдствіе этого поднимать серьезный разговоръ о томъ, какому режиму должны подчиняться подобныя рукава невозможно; для нихъ нельзя установить другихъ правилъ, кромѣ тѣхъ, которыя дѣйствуютъ на всей рѣкѣ.

Особый интересъ представляютъ *постановленія Вѣнскаго конгресса*, въ которомъ многіе думаютъ видѣть *ultima ratio* каждаго спорнаго вопроса. Мы не можемъ согласиться съ Энгельгардтомъ, что «Вѣнскій конгрессъ молчаливо допустилъ въ своемъ 113 параграфѣ, что всѣ судоходныя развѣтвленія верхняго течения будутъ имѣть одинаковое назначеніе со всей рѣкой». Параграфъ 113 говоритъ о работахъ, которыя каждое государство должно предпринимать въ тѣхъ частяхъ договорнаго течения судоходной рѣки, которыя омываютъ его территорію. Но ни слова нѣтъ здѣсь о томъ, какія части считаются договорнымъ теченіемъ рѣки. Мы скорѣе находимъ мнѣніе конгресса въ слѣдующихъ словахъ ст. 110: Общая система пошлинъ и полицейскихъ правилъ... «простирается также... на тѣ изъ его

рукавовъ и притоковъ, которые въ своемъ судоходномъ теченіи раздѣляютъ или пересѣкаютъ различныя государства». Мы тѣмъ болѣе можемъ основываться на этихъ словахъ, что здѣсь заключается также единственное указаніе на то, какіе притоки, по мнѣнію конгресса, должны быть подчинены общему свободному режиму. Это постановленіе относится какъ къ рукавамъ нижняго, такъ и верхняго теченія рѣки. Во всякомъ случаѣ, конгрессъ не ограничилъ его рукавами нижняго теченія. Но возможно-ли согласиться съ содержаніемъ ст. 113? Почему прилагать начала свободного судоходства только къ подобнаго рода рукавамъ? Слѣдовать этому правилу—значило бы во многихъ случаяхъ сдѣлать совершенно невозможнымъ судоходство на рѣкѣ. Эта ст. 113 относится и къ рукавамъ нижняго теченія, къ гирламъ и къ устьямъ. Но и въ этомъ отношеніи она не является болѣе состоятельной, чѣмъ въ только что разобранномъ. Лучшее опроверженіе ея состоитъ въ томъ, что самъ Вѣнский конгрессъ постановилъ считать продолженіемъ Рейна и Шельды такіе рукава, которые принадлежали одной Голландіи.

На практикѣ вопросъ о развѣтвленіяхъ верхняго теченія поднимался въ 1842 г. Тогда правительство Нассау успѣло открыть проходъ для пароходовъ и парусныхъ судовъ въ одномъ изъ верхнихъ рукавовъ Рейна, до сихъ поръ бывшемъ несудоходнымъ. Въ верхнихъ частяхъ эта вѣтвь омывала территорію Гессена, правительство котораго было очень недовольно предпріятіемъ Нассау и утверждало, что оно губитъ судоходство по боковой вѣтви Рейна, оба берега которой принадлежатъ ему. Поэтому оно распорядилось соорудить гать въ рѣкѣ, которая закрыла бы новый каналъ. Приэтомъ Гессенъ доказывалъ, что общему управленію рѣки принадлежатъ только тѣ развѣтвленія, которыя были судоходны во время подписанія акта 1815 г. и тѣ, которыя стали таковыми въ силу естественныхъ перемѣнъ. Наоборотъ, Нассау утверждало, что свобода рейнскаго судоходства простирается также и на тѣ пути, которые впоследствии были сдѣланы доступными судоходству, хотя бы и въ силу искусственныхъ сооружений. Последнее мнѣніе конечно справедливо, но съ тою только оговоркой, которую ввела Голландія: «Ни одно береговое государство не имѣетъ права производить работы, которыя могутъ измѣнить направленіе судоходства во вредъ другимъ береговымъ государствамъ».

На основаніи всего этого *Энгельгардтъ* имѣлъ полное основаніе ввести въ свой первый проектъ *постановленіе такого содержанія*: Общему пользованію «открыты всѣ верхніе судоходныя рукава» (ст. 2)¹⁾. «Этотъ режимъ», добавляетъ съ своей стороны *Прадье-Фодере*, «распространяется не только на тѣ развѣтвленія, которыя находились въ судоходномъ состояніи во время подписанія акта, установившаго рѣчную свободу, или которыя сдѣлались судоходными впоследствии по естественнымъ причинамъ, но и на тѣ, которыя были урегулированы искусственно»²⁾.

Въ текущемъ параграфѣ мы должны высказаться также о томъ, могутъ-ли *водопады, несудоходныя мѣли* и пр. разбивать рѣку на нѣсколько кусковъ съ разнымъ режимомъ. Подобныя препятствія мы встрѣчаемъ напр. на Дунаѣ, Конго. *Каратеодори*, если судить по тому, что онъ говоритъ о нижней границѣ рѣчнаго свободного судоходства, думаетъ, что эти преграды могутъ препятствовать примѣненію ко всей рѣкѣ свободныхъ началъ: «Способность рѣки служить международному судоходству прекращается въ томъ мѣстѣ, гдѣ... правильное судоходство не можетъ быть болѣе отправляемо, вслѣдствіе наносовъ песка или какихъ-либо другихъ обстоятельствъ»³⁾. Приблизительно такихъ же воззрѣній придерживается и *Ривье*. Онъ⁴⁾ находитъ, что «принципъ свободы международнаго судоходства распространяется только на рѣки судоходныя въ международномъ отношеніи и только на тѣ ихъ части, которыя судоходны въ международномъ отношеніи». Рѣка считается, по его мнѣнію, «судоходной въ международномъ отношеніи только тогда, когда судоходство на ней можетъ отправляться правильнымъ образомъ, начиная съ самаго моря». Между тѣмъ подобная постановка вопроса наврядъ-ли справедлива, особенно въ виду современныхъ успѣховъ гидротехники. На тѣ или другія препятствія нельзя смотрѣть, какъ на нѣчто непреодолимое. Знаменитыя Желѣзныя Ворота Дуная вскорѣ широко откроются международному судоходству. *Водопады Yellala* на Конго тоже, какъ нѣкоторые надѣются, мо-

¹⁾ Pradier-Fodéré. Cours, § 724.

²⁾ Cours, § 725.

³⁾ Нѣм. раб., S. 305.

⁴⁾ Lehrbuch, S. 148.

гутъ быть сдѣланы удобопроходимыми. Во всякомъ случаѣ, интересы всемірной торговли требуютъ, чтобы рѣка считалась единымъ цѣлымъ, не смотря на внутреннія препятствія. Поэтому и Конго, и Дунай представляютъ, съ точки зрѣнія международнаго права, нѣчто нераздробимое. И если для обхода несудоходнаго мѣста создаются каналы, желѣзныя или иныя дороги, онѣ должны, что касается судоходства или, въ послѣднемъ случаѣ, только свободы транзита товаровъ и лицъ, слѣдовать режиму, принятому на всей рѣкѣ. Препятствія на рѣкахъ могутъ быть чисто временныя или болѣе постоянныя, напримѣръ, наплывы, острова въ руслѣ,—но отъ этого вопросъ не измѣняется.¹⁾

Вопросъ о притокахъ составляетъ послѣдній изъ серіи нынѣ подлежащихъ нашему разсмотрѣнію. Должна-ли свобода судоходства распространяться и на притоки международныхъ рѣкъ? Какое положеніе должны занимать національныя рѣки, имѣющія притоки, принадлежащія другимъ государствамъ? Какое можетъ быть положеніе международнаго притока національной рѣки?

Не трудно дать *общее рѣшеніе* для всѣхъ этихъ случаевъ, если конечно исходить изъ тѣхъ основаній, которыя установлены выше для свободы рѣкъ вообще. То обстоятельство, что притокъ впадаетъ не въ море, а въ другую рѣку, не можетъ, по нашему мнѣнію, вліять на открытіе или закрытіе его для международнаго судоходства. Положеніе государствъ притоковъ можно вполне уподобить положенію верхнихъ береговыхъ государствъ главной рѣки. Интересы тѣхъ и другихъ совершенно тождественны. Точно также и третьи державы имѣютъ равный интересъ въ судоходствѣ какъ по притокамъ, такъ и по всей рѣкѣ. «Государство судоходнаго притока», утверждаетъ Энгельгардтъ, «имѣетъ по отношенію къ свободному судоходству рѣки, въ которую впадаетъ этотъ притокъ, тѣ же права (интересы(?)), какъ и государства самой рѣки». «Отношенія судоходныхъ притоковъ подлежатъ тому же самому договорному регулированію, какъ и международныя рѣки (Strome), въ которыя они вливаются, и береговые жители притоковъ имѣютъ поэтому то же

¹⁾ Caratheodory, нѣм. раб., § 68. Natürliche Hindernisse der Schifffahrt. Katarakte. Insulae in flumine natae. S. 306—307. § 67. Schiffbarkeit. Beginn und Ende. S. 305—306.

самое право на судоходство и торговля операціи, какъ и всѣ другіе обитатели береговъ»¹⁾). Не надо забывать кромѣ того, что почти на всѣхъ рѣчныхъ системахъ географическія классификаціи рѣкъ и рѣчекъ, постепенно соединяющихъ свои воды въ одно общее русло, складывались въ древнія времена подъ вліяніемъ разныхъ историческихъ обстоятельствъ и часто отличаются большой неточностью. Та рѣка, которую принято называть притокомъ, иногда на самомъ дѣлѣ съ большимъ правомъ могла бы назваться главной рѣкой и наоборотъ. Напримѣръ, Миссури въ два раза длиннѣе, чѣмъ верхній Миссиссипи. Иннъ сильнѣе Дуная, Рона не длиннѣе нѣкоторыхъ изъ своихъ притоковъ. Волга и Кама, Молдава и Эльба и пр. у своего сліянія почти одинаковыя рѣки и, если ограничивать сферу примѣненія свободныхъ началъ только тѣми частями рѣчныхъ системъ, которыя называются главной рѣкой, то это часто будетъ значить освящать старыя ошибки и на основаніи ихъ дѣлать новыя. Свобода притоковъ, при свободѣ главной рѣки, требуется еще и тѣмъ обстоятельствомъ, что дѣло судоходства можетъ быть поставлено вполне правильно на отдѣльныхъ частяхъ рѣчной системы только въ томъ случаѣ, если на всей системѣ будетъ господствовать одинаковый режимъ. Можно, пожалуй, сослаться и на то, что *res accessoria sequitur rei principalis*, хотя въ 1815 г. притокамъ и было придано самостоятельное значеніе. Логика и выгоды всѣхъ державъ требуютъ, чтобы притоки притоковъ тоже были открыты для судоходства²⁾).

Актъ Вѣнскаго конгресса 1815 г., какъ намъ извѣстно распространилъ общій режимъ только на притоки общіе нѣсколькимъ государствамъ. Поэтому Ланъ, Иллъ, Кинцигъ, Муртъ и пр. были исключены изъ числа притоковъ Рейна, вошедшихъ въ составъ освобожденныхъ частей рейнскаго бассейна. Это постановленіе нельзя не назвать въ особенности печальнымъ. Оно является прямымъ слѣдствіемъ стремленія конгресса ограничить сферу примѣненія новыхъ принциповъ и не-правильнымъ уподобленіемъ притока, протекающаго по территории одного государства, національной рѣкѣ, впадающей въ море. Въ протоколахъ рѣчной комиссіи 1815 г. мы читаемъ:

¹⁾ Caratheodory, нѣм. раб., S. 318—319.

²⁾ Pradier-Fodéré, Cours, § 717.

«Лана была опущена именно потому, что предвидѣли, что эта рѣка во всемъ своемъ судоходномъ пространствѣ перейдетъ подъ власть герцога Нассау и что поэтому онъ не можетъ быть причисленъ къ категоріи рѣкъ, которыя раздѣляютъ или пересѣкаютъ нѣсколько государствъ и которыя однѣ входятъ въ сферу постановленій этого акта» ¹⁾).

Но договоры второй половины XIX ст. провели въ жизнь нѣсколько другихъ началъ. Въ 1830 г., во время извѣстныхъ переговоровъ въ Майнцѣ, представитель Нассау домогался принятія Лана въ число свободныхъ притоковъ Рейна. Онъ обращалъ вниманіе комиссіи на то, что флаги государствъ этой рѣки всегда плавали по главной рѣкѣ, какъ и суда жителей береговъ Неккара и Майна. Однако представители Пруссіи и Нидерландовъ отвергли это притязаніе, указывая на то, что судоходная часть Лана пересѣкаетъ территорію только одного государства. Въ 1844 г. было предпринято регулированіе Лана, по окончаніи котораго рѣка эта вошла въ число международныхъ притоковъ Рейна. Приблизительно тотъ же процессъ наблюдается и на другихъ рѣкахъ: сначала открываются притоки общіе нѣсколькимъ государствамъ, а черезъ извѣстный промежутокъ времени и вся рѣчная система. Такъ, Россія имѣетъ право свободного судоходства по Одери, хотя въ ея владѣніяхъ находится только часть теченія Варты ²⁾). Свободное судоходство по р. По, начиная съ договора 3 іюля 1849 г., обнимаетъ всѣ притоки его. Трактатъ 2 декабря 1851 г. между Баваріей и Австріей стипендуетъ свободу судоходства какъ относительно главнаго ствола Дуная, такъ и всѣхъ притоковъ его верхняго теченія. Такимъ образомъ, Зальца, Иннъ и Лехъ, которые общи договаривавшимся державамъ, Эннсъ, Тейсса и Драва, рѣки исключительно австрійскія, Изаръ, Вертахъ и Регенъ, исключительно баварскія, подчинены одинаковому режиму съ верхнимъ Дунаемъ. На судоходство по Савѣ и Тейссѣ Австрія имѣла бы также право, какъ обладательница ихъ судоходныхъ притоковъ Морозъ и Кульпа. На Берлинской конференціи одному режиму съ главной рѣкой подчинены не только притоки, но и всѣ озера и каналы системы рѣки Конго.—Актъ

¹⁾ Procès-verbal de la séance du 18 Mars.—Engelhardt, Du régime, p. 194.

²⁾ Договоры Россіи и Пруссіи 1818 г. (ст. 2) и 1825 г. (ст. 4).

судоходства по Дунаю 1857 г. не говоритъ ничего о притокахъ, и это было одно изъ причинъ, почему они встрѣтили такое сопротивленіе въ 1858 г. Посланникъ Англіи лордъ Cowley предложилъ конференціи этого года распространить режимъ, установленный на Дунаѣ, на всѣ его притоки общіе нѣсколькимъ государствамъ, а представитель Франціи требовалъ этого даже относительно всѣхъ притоковъ рѣки ¹⁾).

Большинство притоковъ подчиняется одному режиму съ главной рѣкой, но на нѣкоторыхъ судоходство было предметомъ особыхъ соглашеній между государствами, напр. на Прутѣ. Вѣнская рѣчная коммиссія также считала, что относительно притоковъ должны быть заключаемы особыя договоры. Въ приложеніи къ акту 1815 г. находились, какъ было сказано выше, особыя статьи о судоходствѣ по притокамъ Рейна, Неккару, Майну и Мозелю, т. е. тѣмъ притокамъ, которые орошали нѣсколько государствъ. Хотя къ этимъ рѣкамъ примѣнены особыя статьи, а не тѣ, которыя были приняты на Рейнѣ, но начала, положенныя въ основаніе ихъ, были тѣ же самыя. Въ одной изъ нихъ кромѣ того постановляется, что порѣчане Неккара, Майна и Мозеля будутъ имѣть тѣ же права на судоходство по Рейну . . . , какъ и мѣстные подданные (ст. VI).

На этихъ-то основаніяхъ Энгельгардтъ предлагаетъ такую статью: «*Судоходные притоки будутъ подчинены договорному режиму, аналогичному съ тѣмъ, который существуетъ на международныхъ рѣкахъ*, въ которыя они вливаются. Въ этомъ отношеніи нельзя дѣлать различія между притоками, которые въ ихъ судоходномъ теченіи принадлежатъ одной державѣ и тѣми, которые зависятъ отъ нѣсколькихъ» ²⁾). Однако намъ думается, что Институтъ былъ болѣе правъ, когда требовалъ распространенія на притоки не аналогичнаго режима, а того самаго, который дѣйствуетъ на всей рѣкѣ. Ст. 2. «Судоходные притоки международныхъ рѣкъ подчиняются, во всѣхъ отношеніяхъ, *тѣмъ же нормамъ*, какъ и послѣднія, т. е. установившемуся на этотъ счетъ соглашенію между прирѣчными государствами и правиламъ настоящаго устава».

Такимъ образомъ, положеніе, которое должны занимать

¹⁾ Протоколъ № 18 Парижской конференціи 16 августа 1858 г. — De Clercq, VII, p. 477.

²⁾ Ст. 38 перваго проекта и ст. 32 втораго.

притоки международных рѣкъ, достаточно выяснено. Но не слѣдуетъ-ли сдѣлать еще шагъ впередъ? На самомъ дѣлѣ, трудно сказать, какая причина можетъ воспрепятствовать уподобленію интернаціональнымъ рѣкамъ тѣхъ потоковъ воды, которые принимаютъ въ себя судоходные *притоки, орошающіе иностранныя государства*. Разницы во взаимныхъ экономическихъ и др. отношеніяхъ прибрежныхъ государствъ одной и той же международной судоходной системы и одной и той же международной судоходной рѣки нѣтъ никакой. Поэтому Энгельгардтъ имѣлъ полное основаніе ввести въ свой второй проектъ слѣд. 31 §: «Объявляются интернаціональными и, слѣдовательно, открытыми всемірному движенію рѣки, которыя, принадлежа на всемъ своемъ теченіи одному государству, получаютъ воды одного или нѣсколькихъ судоходныхъ притоковъ, орошающихъ другія государства».... При этомъ конечно совершенно безразлично, находятся-ли подобнаго рода притоки въ предѣлахъ одного или нѣсколькихъ иностранныхъ государствъ, т. е. являются-ли они сами по себѣ національными или международными. Въ послѣднемъ случаѣ вѣроятность перехода на практикѣ къ свободному режиму конечно выше, чѣмъ въ первомъ¹⁾. Изъ всего развитаго въ этомъ параграфѣ съ полной очевидностью явствуетъ, насколько господствующее въ современной литературѣ *мнѣніе*, что *начала свободнаго судоходства* могутъ находить примѣненіе себѣ *только на рѣкахъ, впадающихъ въ море, ошибочно*. Все ученіе о притокахъ является вѣскимъ опроверженіемъ его. Если вначалѣ международныя соглашенія дѣйствительно заключались о подобныхъ рѣкахъ, то совсѣмъ не то видимъ мы въ наши дни. Договорный Рейнъ простирается только до Базеля. Договорный Конго, Нигерь обнимаетъ всѣ воды бассейна этой рѣки. На озерѣ Констанскомъ, не имѣющемъ суходнаго сообщенія съ открытымъ моремъ, существуетъ свобода судоходства для береговыхъ государствъ. Озеро Каспійское открыто для русскаго и персидскаго торговаго флага и т. д., и т. д.

¹⁾ Engelhardt, Du régime... XI. p. 193—197. Des affluents.—Caratheodory, н. раб., § 72, S. 316—323, Nebenflüsse.—Wisotzki, Hauptfluss und Nebenfluss. Vers. einer begriffl. Nachbildung derselben. Stettin. 1889.—Jacotet, Les grands fleuves. Paris. 1887.—Les expéditions scientifiques aux cours d'eau affluents. Annuaire des deux Mondes. Ann. 56—57.

Но противъ современнаго ученія слѣдуетъ возстать и въ другомъ отношеніи. Мы никакъ не можемъ согласиться со слѣдующими словами Каратеодори: *«Искусственные сооруженія одного государства, какъ каналы или шлюзы, не могутъ сдѣлать рѣку судоходной въ международномъ отношеніи (wird die Qualität der Schiffbarkeit nicht hervorgebracht), т. е. съ точки зрѣнія международнаго права; другое дѣло, если эти работы состоятъ только въ улучшеніи падающей или вообще недостаточной судоходности рѣки, напр. въ поднятіи уровня ея водъ»¹⁾*. Положимъ, подобнаго рода соображенія не разъ выдвигались на практикѣ противъ открытія рѣкъ международному судоходству. Въ спорахъ 1784 г. о Шельдѣ Голландія утверждала между прочимъ, что оба принадлежащія ей рукава этой рѣки (Засъ и Цвинъ)—искусственны и содержаніе ихъ стоитъ очень дорого, поэтому требовать открытія ихъ несправедливо. Но можно ли съ этимъ согласиться? Съ правильной точки зрѣнія, какъ рѣки искусственно регулированныя, такъ и судоходныя по своимъ естественнымъ свойствамъ исполняютъ одну и ту же функцію въ современномъ обществѣ и никакого различія относительно свободы судоходства на нихъ быть не можетъ. Различіе можетъ заключаться только въ томъ, что на однѣхъ государство будетъ брать пошлины за судоходство, на другихъ нѣтъ, на однѣхъ пошлины могутъ быть выше, на другихъ ниже. Вотъ и все. Въ этомъ вопросѣ современная наука снова отстала отъ практики. Въ части исторической приведено нами не мало примѣровъ, когда сосѣднія государства по взаимному соглашенію регулировали теченіе рѣкъ по природѣ своей несудоходныхъ, строили международные каналы, исправляли отдѣльные несудоходные участки рѣкъ и во всѣхъ извѣстныхъ намъ случаяхъ, разъ подобныя пути носили въ географическомъ отношеніи международный характеръ, на нихъ устанавливалась свобода судоходства. Да и возможно-ли вводить какія-либо ограниченія подобнаго рода въ наше время, когда такъ развиты всякаго рода работы по улучшенію, регулированію, канализаціи и т. д. судоходныхъ и несудоходныхъ рѣкъ, когда сооружаются такіе грандіозные каналы, когда правительства задаются цѣлью создать рядомъ съ желѣзнодорожной сѣтью столь же однообразно и цѣлесообразно устроенную сѣть водяныхъ путей?

¹⁾ Нѣм. раб., С. 305.

§ 9. Открытіе національныхъ рѣкъ для междуна-
роднаго судоходства.

Если рѣки, орошающія территорію нѣсколькихъ госу-
дарствъ, несомнѣнно должны быть открыты для всеобщаго судо-
ходства, то спрашивается, можно-ли *распространить это пра-
вило и на рѣки національныя*? Общія начала международной
рѣчной свободы были уже указаны раньше, теперь посмотримъ,
какъ они приложимы къ данному случаю. Послѣдній до сихъ
поръ вызываетъ большіе споры и теоретическія и практическія
затрудненія. Господствующая путаница понятій суверенитета и
рѣчной свободы выражается здѣсь съ особою силою.

Большинство писателей считаютъ необходимымъ, ставъ
на точку зрѣнія Вѣнскаго конгресса, рѣзко *отдѣлить рѣки
національныя отъ интернаціональныя*. Именно въ этомъ
смыслѣ говорятъ: открытіе національной рѣки «для кораб-
лей чужихъ флаговъ зависитъ отъ доброй воли того государ-
ства, въ предѣлахъ котораго рѣка находится» ¹⁾. Или: «нація,
имѣющая физическое обладаніе обоими берегами рѣки, имѣетъ
юридическое обладаніе потокомъ воды, протекающимъ между
этими берегами, и полное право исключать, по своему усмот-
рѣнію, всякое другое государство отъ пользованія рѣкой, кото-
рая составляетъ часть его территоріи» ²⁾. Въ другомъ мѣстѣ
тотъ же писатель говоритъ: «національныя рѣки такимъ же
образомъ подчинены праву собственности, юрисдикціи націи,
какъ и всѣ вещи, которыя составляютъ часть территоріи, а тѣ,
которыя по нимъ плаваютъ, подчиняются юрисдикціи данной
страны *ratione loci*» ³⁾. Или наконецъ: «разъ рѣки имѣютъ свой
истокъ и свое устье въ предѣлахъ одного и того же государства,
то вообще принято, что иностранныя государства не имѣютъ
никакихъ правъ на пользованіе подобными водяными дорогами» ⁴⁾.
Всѣмъ этимъ хотятъ показать, что юридическая природа націо-
нальныхъ рѣкъ совсѣмъ другая, чѣмъ рѣкъ интернаціональ-
ныхъ, что береговые государства первыхъ связаны, вторыхъ,

¹⁾ Caratheodory, Flussschiffahrt... S. 302.

²⁾ Travers Twiss, I, p. 141. .

³⁾ Ср. Прадье-Фодере, § 726.

⁴⁾ Holtzendorff, Encyclopädie, Rechtslexicon, E. Meier, Flussschiffahrt.

наоборотъ, свободны. Подобнаго рода воззрѣнія проникаютъ и въ практику. Такъ, напр., представитель Португаліи на конференціи 1885 г. говорилъ, что Замбези, какъ рѣка исключительно португальская, находится въ совершенно другомъ положеніи, чѣмъ Нигерь, рѣка международная. Но, думается намъ, никакого особеннаго различія въ ихъ основномъ положеніи нѣтъ. На самомъ дѣлѣ, пока государство само не ограничило своей самостоятельности относительно своихъ частныхъ водъ,— оно свободно дѣйствовать, какъ ему заблагоразсудится. Разъ государство связало себя какими-либо правилами на сей счетъ, оно уже не можетъ поступать «nach seinem guten Willen». На практикѣ многія государства односторонними и двусторонними актами даровали всѣмъ или нѣкоторымъ иностраннымъ флагамъ свободу судоходства по всѣмъ своимъ путямъ сообщенія; другіе, напротивъ, ничѣмъ еще не ограничили своей свободы. Не то же-ли самое мы видимъ на рѣкахъ международныхъ? Многія государства считаютъ обязательными для себя постановленія Вѣнскаго конгресса, другія—не считаютъ. Береговья государства однѣхъ международныхъ рѣкъ признаютъ на нихъ полную свободу судоходства, другихъ не допускаютъ флаговъ небереговыхъ странъ. Словомъ, какъ на рѣкахъ національныхъ, такъ и на рѣкахъ международныхъ дѣйствуютъ одни и тѣ же основные принципы, принципъ общенія и принципъ суверенитета, хотя область примѣненія начала международного права на вторыхъ шире, чѣмъ на первыхъ. Обо всемъ этомъ мы уже достаточно толковали выше, а потому, не возвращаясь къ подробностямъ вопроса, посмотримъ лучше на то, возможно-ли распространить примѣненіе начала свободнаго судоходства и на рѣки національныя.

Государство имѣетъ такой же интересъ обладать хорошо развитымъ судоходствомъ на рѣкахъ національныхъ, какъ и на интернаціональныхъ. И тамъ, и здѣсь населеніе его одинаково нуждается въ дешевомъ, хорошо организованномъ судоходствѣ. И нѣтъ никакихъ особенныхъ причинъ мѣшать ему пользоваться услугами иностранныхъ флаговъ. вмѣстѣ съ тѣмъ глубоко ошибаются тѣ, которые думаютъ, что такъ какъ «государство, владѣющее рѣкою на всѣмъ ея пространствѣ, не лишаетъ никакого другаго береговаго государства пользованія этой рѣкой, то оно можетъ разсматривать ее, какъ

дорогу національную»¹⁾. При современномъ громадномъ передвиженіи людей и товаровъ по земной поверхности, трудно сказать, *какое изъ государствъ не заинтересовано* въ томъ, чтобы его подданные, его произведения и его суда могли свободно циркулировать по всѣмъ путямъ сообщенія того или другаго чужаго государства. Энгельгардтъ гораздо болѣе правъ, когда въ другомъ мѣстѣ говоритъ: въ отношеніи свободы судоходства и ея основаній «нѣтъ никакого различія между рѣками по тому, принадлежатъ онѣ одному или нѣсколькимъ государствамъ; всѣ онѣ имѣютъ тотъ же характеръ и представляютъ міровому торговому движенію тѣ же удобства»²⁾. Понятно, что береговые государства должны желать открытія и національныхъ рѣкъ. Вся разница сводится къ тому, что на рѣкахъ международныхъ международные интересы могутъ получить болѣе скорое признаніе, чѣмъ на рѣкахъ національныхъ. Двигательная сила первыхъ можетъ правильно эксплуатироваться только при существованіи опредѣленныхъ международныхъ постановленій на счетъ пользованія ею. Наоборотъ, двигательная сила вторыхъ хотя, быть можетъ, не вполне—и на основаніи національнаго права и національнымъ трудомъ.

Подобное рѣшеніе тѣмъ болѣе необходимо, что въ настоящее время *отдѣльныя рѣки находятся между собой въ связи* черезъ посредство густой сѣти каналовъ, что отдѣльныя передовыя страны стремятся рядомъ съ желѣзнодорожною сѣтью создать у себя единую, цѣлесообразно устроенную сѣть каналовъ и канализованныхъ рѣкъ (проектъ Фрейсине во Франціи), что свобода судоходства распространяется обыкновенно на національные притоки международныхъ рѣкъ. На самомъ дѣлѣ, на какомъ основаніи воспрещать иностранному судну совершать извѣстный переходъ по каналу, соединяющему одну доступную для него рѣку съ другою, почему судно, которое можетъ подняться по рѣкѣ вглубь страны, не можетъ имѣть права свернуть гдѣ-либо въ сторону отъ ея главнаго ствола, если въ недалекомъ, положимъ, разстояніи отъ послѣдняго на берегу канала или другой рѣки, хотя бы и иной рѣчной системы, лежитъ тотъ пунктъ, въ который предназначается грузъ?

¹⁾ Engelhardt, Régime, p. 69.

²⁾ Du régime... p. 92.

Далѣе, по отношенію къ тѣмъ государствамъ, которыя исполнѣ признають свободу судоходства по международнымъ рѣкамъ, можно также пользоваться тѣмъ *аргументомъ*, который выставляетъ *Блончли*: «Примѣненіе свободы судоходства исключительно къ такимъ только рѣкамъ, которыя протекають чрезъ нѣсколько государствъ, не имѣетъ внутренняго основанія потому, что судоходство по этимъ рѣкамъ свободно не для однихъ только жителей прибережныхъ странъ, но доступно и для всемірной торговли, такъ что непонятно, почему нѣсколько государствъ обязаны пропускать по своимъ общимъ рѣкамъ чужіе корабли, между тѣмъ какъ одно государство можетъ запретить имъ входъ въ рѣку, протекающую по одной только его территоріи. Одно государство не можетъ имѣть большихъ правъ надъ рѣкою, протекающею только въ его территоріальныхъ предѣлахъ, чѣмъ нѣсколько государствъ, взятыхъ вмѣстѣ, надъ рѣкою, общею имъ всѣмъ. Нѣтъ никакого юридическаго основанія для того, чтобы плаваніе по Рейну было доступнѣе чужимъ кораблямъ, чѣмъ судоходство по Темзѣ; въ противномъ случаѣ, мы придемъ къ нелѣпому выводу, что объединеніе въ предѣлахъ одной территоріи, одного государства всей рѣки, прежде протекавшей по многимъ государствамъ, влечетъ за собою прекращеніе на ней свободнаго плаванія, между тѣмъ какъ, пока эта рѣка принадлежала многимъ государствамъ, она была доступна кораблямъ всѣхъ народовъ. Свобода всемірнаго судоходства по этимъ международнымъ рѣкамъ основывается не на томъ, что многимъ государствамъ принадлежатъ ихъ берега и верховенство надъ ними, а на естественной связи рѣкъ съ свободнымъ моремъ и на ихъ назначеніи служить путями сообщенія для человѣчества. Рѣки, впадающія въ море, равно какъ и притоки ихъ, принадлежатъ, насколько они могутъ служить всемірной торговлѣ, морю, свобода котораго и есть настоящее основаніе свободнаго судоходства по нимъ». Или въ другомъ мѣстѣ: «Иное государство запираетъ еще свои рѣки для иностранныхъ судовъ и въ то же время требуетъ для себя свободы судоходства по чужимъ рѣкамъ потому только, что онѣ протекають по нѣсколькимъ чужимъ государствамъ. Здѣсь очевидно грубое противорѣчіе. На какомъ основаніи одно государство должно пользоваться по отношенію къ своей рѣкѣ такими правами, которыя отмѣнены для прибрежныхъ государствъ по отношенію къ ихъ общей рѣкѣ? Если послѣднія

вынуждены открывать свои рѣки кораблямъ всѣхъ народовъ, то почему первое можетъ заперать свою рѣку для всемірнѣй торговли?» Слабость этого аргумента состоитъ главнымъ образомъ въ томъ, что предполагается вполне рѣшеннымъ открытіе международныхъ рѣкъ для иностранныхъ флаговъ и доказаннымъ тождество интересовъ, замѣшанныхъ на тѣхъ и другихъ рѣкахъ. Но разъ эти два предположенія установлены, что именно и сдѣлано нами выше, аналогія эта становится вполне убѣдительною.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ *закрытіе національной рѣки*, какъ таковой, является уже положительною *нелпностью*. Можно-ли допустить, что превращеніе рѣки изъ международной въ національную должно оказывать вліяніе на установившіяся на нѣтъ отношенія по судоходству? Противъ этого предположенія, которое является логическимъ послѣдствіемъ распространенныхъ нынѣ возрѣній, встаютъ почти всѣ лица, специально изучавшія предметъ. «Территоріальныя измѣненія», говоритъ Каратеодори, «не должны производить никакого вліянія на интернаціональныя отношенія, утвердившіяся на договорной рѣкѣ до наступленія новаго порядка вещей. Интернаціональный характеръ ея столь же мало измѣняется въ случаѣ образованія береговыми странами сложнаго государства (Conföderation)» ¹⁾. На самомъ дѣлѣ, закрытіе рѣки для иностранныхъ флаговъ только потому, что на берегахъ ея установилась единая государственная власть, должно бесполезно порвать завязавшіяся на ней торговыя, промышленныя и др. связи. Требуя, чтобы рѣка оставалась въ этомъ случаѣ свободной, Ривье утверждаетъ, что основаніемъ для этого служатъ «пріобрѣтенныя права постороннихъ государствъ на свободное судоходство, права, которыя не могутъ быть отняты у нихъ дѣйствіями третьихъ». Вообще здѣсь должно находить примѣненіе общее ученіе о преемствѣ государствъ. Трудно только понять, почему Ривье думаетъ что выставленное имъ и другими интернаціоналистами правило не могло было быть примѣняемымъ на Миссиссипи, «который», по его словамъ, «хотя и былъ открытъ передъ 1814 г. Англіи и Соединеннымъ Штатамъ, но никогда не былъ международной рѣкой». Выраженіе

¹⁾ Каратеодори, нѣм. раб., S. 303 f. —Bluntschli, § 314.—Schiattarella', p. 455.

международная рѣка имѣеть для него значеніе—свободная рѣка. Почему Миссиссипи не могъ остаться постоянно открытымъ для англійскихъ судовъ? Мнѣніе Ривье стоитъ, думается намъ, въ связи съ тѣмъ совершенно ошибочнымъ воззрѣніемъ, по которому международными явленіями можно считать только такія, которыя распространяются на «всѣ» (?) государства, международнымъ правомъ поряжокъ безусловно царящій надъ государствами и интересующійся только явленіями международными въ этомъ узкомъ смыслѣ. Къ явленіямъ другаго рода его начала будто-бы не прилагаются.. Во всякомъ случаѣ По остался свободной рѣкой послѣ образованія единаго Италіанскаго королевства, а обстоятельства на Везерѣ, Эмсѣ, Майнѣ, Неккарѣ и т. д. не измѣнились съ возникновеніемъ Сѣверо-Германскаго союза, а затѣмъ и Германской имперіи.

Значеніе рѣкъ, какъ путей сообщенія, для береговыхъ и небереговыхъ государствъ одно и то же. Разъ одна часть изъ нихъ будетъ открыта для иностраннаго флота, онѣ должны быть всѣ открыты. Одно изъ двухъ, или открытіе нѣкоторыхъ рѣкъ и рѣчныхъ системъ есть ошибка съ точки зрѣнія разумной экономической политики, результатъ насилія небереговыхъ государствъ надъ береговыми, или, наоборотъ, оно согласно съ насущными интересами нѣ только этихъ послѣднихъ, но и самого мѣстнаго государства. Въ первомъ случаѣ надо стремиться къ закрытію всѣхъ національныхъ водъ вообще для иностранныхъ флаговъ; во второмъ—къ распространенію освободительныхъ началъ на всѣ пути водныхъ сообщеній безъ исключенія.

Эти соображенія такъ просты и очевидны, что казалось-бы и настаивать на нихъ нечего. Между тѣмъ только *наибольше смѣлые и послѣдовательные умы высказываются* въ этомъ направленіи. Поэтому далеко нельзя сказать вмѣстѣ съ Catellani, что для небереговыхъ государствъ начинается «*ora la scienza ad invocare... sui fiumi di un stato la stessa libertà di navigare che si ricusava loro sui fiumi comuni*»¹⁾. Съ одной стороны, старѣйшіе учителя находятъ возможнымъ говорить только о правѣ прохода, признаваемомъ на рѣкахъ въ силу естественнаго права. Съ другой, мы видимъ писателей, которые думаютъ, что національныя рѣки занимаютъ особое, отличное отъ международныхъ положеніе и не признаютъ поэтому никакихъ правъ

¹⁾ La navigazione, p. 28 s.

на судоходство по нимъ для иностранныхъ флаговъ. Наконецъ, имѣются и такіе авторы, которые въ безсиліи колеблются между противоположными взглядами, не могутъ высказаться ни за свободу судоходства, ни за его закрытіе и волей-не-волей должны прибѣгать къ среднимъ выраженіямъ и положеніямъ. «Разрѣшить плаваніе по національнымъ водамъ для всего свѣта, быть можетъ, слишкомъ великодушно», читаемъ мы у одного изъ нихъ. «Но, что касается большихъ рѣчныхъ дорогъ, право абсолютнаго закрытія казалось бы намъ злоупотребленіемъ, достойнымъ порицанія» ¹⁾. А вотъ и другой образчикъ разсужденія, весьма характерный для современной постановки вопроса: «Мы не можемъ», пишетъ г. Pézeril, «сказать многого относительно національныхъ рѣкъ. Онѣ вообще входятъ въ составъ публичныхъ вещей (ce sont en général des dépendances du domaine public); каждое государство сохраняетъ за собою надзоръ, содержаніе и управленіе фискальное; оно можетъ закрывать или открывать доступъ на эти рѣки, согласно тому, какъ ему вздумается. До сихъ поръ не думали оспаривать это право абсолютной свободы. Прибавимъ, что на практикѣ эти рѣки открыты для общаго коммерческаго движенія и что суда, плавающія на нихъ, подчиняются обыкновенно подобнымъ же регламентамъ рѣчной полиціи (de séjour), какіе дѣйствуютъ въ портахъ. На самомъ дѣлѣ, эта мѣра рекомендуется обыкновенно здраво понимаемыми выгодами государства, хозяина подобныхъ рѣкъ, и является также приложеніемъ теоріи... невиннаго пользованія. Но... свобода судоходства не должна быть разсматриваема въ этихъ случаяхъ, какъ абстрактное право (un droit abstrait), а какъ право, которое соотвѣтствуетъ на практикѣ возможности (à la faculté) пользоваться рѣкою, какъ средствомъ сообщенія для перевоза пассажировъ и потребностей торговли». Нѣсколько дальше тотъ же авторъ пишетъ: «Если рѣка орошаетъ территорію одного государства, это послѣднее можетъ въ совершенно полной независимости поддерживать или нѣтъ коммерческія сношенія съ другими странами и невозможно во имя невиннаго пользованія или принципа, что текучая вода составляетъ общее достояніе, принудить его имѣть подобныя сношенія. Болѣе того, эти государства въ качествѣ собственниковъ (maîtres) береговъ и ложа имѣютъ право производить въ рѣкѣ всѣ работы

¹⁾ Delavaud, Navigation des fleuves int-aux, p. 5.

(travaux d'appropriation), которые они находят полезными, и имѣютъ неоспоримое право расширять или суживать судоходство на нихъ, согласно выгодамъ ихъ національныхъ подданныхъ»¹⁾).

Къ счастью, имъ можно противопоставить многихъ авторовъ, болѣе чутко относящихся къ явленіямъ современной общественной жизни. «Намѣченная цѣль дальнѣйшаго развитія права состоитъ въ признаніи свободы рѣчного судоходства для всѣхъ націй на всѣхъ судоходныхъ рѣкахъ безъ различія, протекаютъ онѣ по территоріи одного или многихъ государствъ»²⁾. Каратеодори выражаетъ увѣренность въ достиженіи этой цѣли: «Эта свобода въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ разовьется въ абсолютную свободу даже для тѣхъ рѣчныхъ дорогъ, которые, хотя и протекаютъ по территоріи одного государства, но состоятъ въ связи съ открытымъ моремъ»³⁾. «Освободительное теченіе», говоритъ Энгельгардтъ⁴⁾, «распространится не только на рѣки, впадающія въ море, но и на простыя рѣчки (rivières) и, можетъ быть, даже на каналы, плаваніе по которымъ относится также къ случаямъ «невиннаго пользованія» и пользоваться которыми можетъ каждый безъ того, чтобы отсюда произошло для другаго стѣсненіе или лишеніе». Итакъ, въ будущемъ откажутся даже, по его мнѣнію, отъ священнаго требованія, чтобы открываемая рѣка непременно сообщалась съ моремъ. Впрочемъ, если въ первомъ своемъ проектѣ Энгельгардтъ предлагалъ, чтобы «изслѣдовали и рѣшили, какимъ образомъ... можно распространить свободный режимъ международныхъ рѣкъ на рѣки, рѣчки и каналы, принадлежащія только одному государству»⁵⁾, то во второмъ, въ общемъ болѣе консервативномъ, онъ уже не рѣшился повторить этого. Наконецъ, мы видимъ писателей, которые находятъ справедливымъ сказать уже относительно нашего времени: «Если судоходныя рѣки находятся въ связи съ открытымъ моремъ, онѣ въ мирное время должны быть свободны для прохода кораблей всѣхъ народовъ. Свободное судоходство не должно быть за-

¹⁾ Ibid., p. 128, 129, 131.

²⁾ Holtzendorff, Encyclopädie, Theil I, Das europäische Völkerrecht, § 38.

³⁾ Нѣм. раб., S. 309.

⁴⁾ Du régime... p. 222 (XIV).

⁵⁾ Article additionnel.

трудняемо или обременяемо во вредъ отдѣльнымъ народамъ»¹⁾. Итакъ, свободу рѣчнаго судоходства нельзя ставить въ зависимость только отъ того, протекаютъ большія рѣки по территоріи многихъ государствъ, или одного. Подобное различіе не имѣетъ ни логическаго, ни юридическаго основанія. Логика требуетъ, чтобы принципъ свободы судоходства былъ примѣненъ и къ тѣмъ рѣкамъ, которыя, хотя и протекаютъ по одному только государству, но, впадая въ море, какъ бы предназначены природою для всемірной торговли». Въ томъ же самомъ духѣ высказывается и профессоръ Московскаго университета графъ Камаровскій: «Принципъ свободы океана отражается на положеніи этихъ рѣкъ (сообщающихся съ моремъ), которыя, видимо, по естественному своему назначенію, являются лишь продолженіемъ моря и артеріями естественныхъ сношеній между народами»²⁾. И намъ кажется, что требованія эти вполне основательны. На самомъ дѣлѣ, вопросъ о рѣчномъ судоходствѣ прошелъ уже столько стадій своего развитія, онъ былъ столько времени предметомъ обсужденія и практиковъ, и теоретиковъ, рациональное рѣшеніе его настолько просто, что откладывать его на неопредѣленное будущее нѣтъ никакого основанія.

Отсюда однако не слѣдуетъ, что *рѣки* должны занимать въ *международномъ правѣ* то же положеніе, что и *моря*. Можно-ли согласиться съ Крискуоло, что «il gran concetto della libertà dei mari, ed principi che lo informano, trovano la loro applicazione altresì sulle acque fluviali»? Крискуоло самъ повидимому замѣчаетъ неточность даннаго положенія, такъ какъ поясняетъ его нѣсколько далѣе: «Quest'uso innocuo però come un dritto imperfetto, più nel suo esercizio esser modificato a riguardo soltanto della sicurezza degli Stati». Но и эта оговорка не спасаетъ его теоріи. Можно-ли сравнивать никому не принадлежащее, пустынное море съ рѣками, входящими въ составъ территоріи отдѣльныхъ государствъ, протекающими среди густо населенныхъ береговъ и покрытыхъ безчисленными судами разныхъ размѣровъ? Если на рѣкахъ дѣйствуютъ пли,

¹⁾ Кодексъ Вилончи, § 314, русск. переводъ подъ редакціей гр. Камаровскаго. Кальво въ своемъ дикціонерѣ удовлетворяется подстрочнымъ переводомъ приведеннаго параграфа.

²⁾ Annuaire, 9 année, p. 164.

точнѣе, должны дѣйствовать почти тѣ же самыя гражданско-правовыя начала свободнаго судоходства, то право рѣчнаго управленія покажетъ намъ, какъ велика между ними разница въ публичноправовомъ отношеніи.

Теперь спрашивается, *какъ же обстоятъ дѣла на практикѣ?* Здѣсь, съ одной стороны, мы видимъ немногія національныя рѣки, открытыя всемірному судоходству: По, Савъ-Франциско, Токантинсъ, Замбези, Карунъ. Съ другой, констатируемъ свободу судоходства, взаимно гарантированную другъ другу почти всѣми западно-европейскими государствами на всѣхъ своихъ внутреннихъ искусственныхъ и естественныхъ путяхъ. Послѣдній фактъ, который обращать на себя до сей поры слишкомъ мало вниманія, имѣетъ громадную важность. Пока интернаціоналисты судили, да рядили о началахъ естественнаго права, приложимыхъ къ національнымъ рѣкамъ, о тѣхъ фивціяхъ и аналогіяхъ, при помощи которыхъ можно распространить на нихъ освободительныя начала, дѣйствительная жизнь, съ ея могучими интересами, дѣлала свое великое дѣло. Предсказаніе А. Наумова¹⁾, что «должно придти время, когда и эти рѣки (т. е. національныя) сдѣлаются достояніемъ международнаго права», надо считать исполненнымъ, хотя, быть можетъ, и въ другомъ видѣ, чѣмъ онъ ожидалъ²⁾. Не говорю уже о томъ, что устья очень многихъ національныхъ рѣкъ, напр. Делавара, Миссиссипи, Джемса и т. д., находятся подъ дѣйствіемъ морскаго права и открыты всемірному судоходству.

Въ связи съ только что сдѣланнымъ замѣчаніемъ стоитъ чрезвычайно любопытная *теорія г. Фиоре*. Этотъ писатель, не смотря на свое ультра-идеалистическое направленіе въ разработкѣ международнаго права, защищаетъ полную неприкосновенность правъ территоріальнаго государства надъ его національными водами (потому что государство, собственникъ береговъ рѣки, можетъ не хотѣть торговать съ иностранцами), но, говоритъ онъ, «судоходная рѣка, если даже она течетъ по территоріи одного государства, будетъ подчинена правиламъ, приложеннымъ къ международнымъ рѣкамъ и къ свободному морю, что касается той части его теченія, которая находится внѣ территоріальныхъ водъ государства. Эти правила найдутъ

¹⁾ Шельда, 32.

²⁾ Ср. Oppenheim, *ibid.*, S. 150.

свое примѣненіе ко всему тому, что касается свободы судоходства и права рыбной ловли»¹⁾). Дѣйствительное содержаніе этого параграфа становится понятнымъ только изъ пояснительнаго къ нему примѣчанія. Что же оказывается? Фіоре имѣеть въ виду, что теченіе рѣчныхъ водъ нерѣдко замѣтно далеко въ открытомъ морѣ и поэтому отыскиваетъ рѣку на три мили отъ морскаго берега! Вотъ, къ какимъ результатамъ можетъ привести смѣшеніе понятій, рѣка и вода.

Все это заставляетъ съ полнымъ основаніемъ ожидать окончательнаго торжества освободительныхъ началъ на всѣхъ рѣкахъ образованнаго міра. Подобное предположеніе вполне подтверждаютъ тѣ рѣчи, которыя раздавались на конференціи 1884—85 г. Князь Бисмаркъ, указавъ въ своей вступительной рѣчи на то, что принципы Вѣнскаго конгресса прошли въ практику Европы и Америки, говорилъ: «Правительство Германіи охотно примѣнетъ къ предложеніямъ регулировать... вопросъ о свободѣ судоходства по всѣмъ африканскимъ рѣкамъ»²⁾). Представитель Италіи маркизъ Ренафелъ сдѣлалъ дальнѣйшій шагъ въ томъ же направленіи, утверждая, à titre tout-à-fait personnel, въ 9 засѣданіи конференціи, что статьи Вѣнскаго конгресса содержатъ «постановленія, распространеніе которыхъ на африканскія рѣки, находящіяся подъ одной верховной властью, представляло бы многочисленныя выгоды общимъ интересамъ торговли и судоходства. Частные интересы, замѣшанные въ этомъ вопросѣ, также выиграли бы, если бы онъ былъ разрѣшенъ въ этомъ смыслѣ. Въ этомъ случаѣ болѣе либеральный регламентъ судоходства могъ бы на нѣкоторое время уменьшить доходность извѣстныхъ налоговъ, но потеря рано или поздно была бы съ лихвою покрыта развитіемъ торговаго судоходства»...³⁾ Въ томъ же духѣ высказывался сэръ Малетъ, представитель Англіи, особенно настаивавшей на открытіи рѣки Замбези, и другіе делегаты⁴⁾). Наконецъ, докладъ комиссіи, которой было поручено выработать проектъ постановленій о Конго и Нигерѣ, кончается слѣдующими широковысказательными словами: «Природа создала великія рѣчныя дороги, по коимъ

¹⁾ Кодексъ, фр. перев., § 524.

²⁾ Martens, N. R., 2 série, X. p. 202.

³⁾ Protocole № 9.

⁴⁾ См. 1 собраніе; 5 протоколь, р. 171 и др.

торговля, а съ нею, надо надѣяться, и прогрессъ во всѣхъ его видахъ проникнуть до самаго центра Африканскаго континента. Но для того, чтобы онѣ могли выполнить это свое назначеніе, необходимо поставить ихъ подъ охрану широкой системы вольностей и гарантій»... Великія державы не думаютъ конечно, что послѣдовательной, дальновидной и въ высшей степени плодотворной политики можно держаться только относительно африканскихъ дѣлъ.

§ 10. Права иностранныхъ судовъ на договорныхъ рѣкахъ.

Мы установили выше принципъ международнаго судоходства на вполнѣ раціональномъ, думается, основаніи. Но понятіе судоходства есть понятіе весьма сложное. Подъ именемъ свободного судоходства на практикѣ понимались нерѣдко весьма различныя отношенія. Необходимо поэтому остановиться подробнѣе на тѣхъ правахъ, которыя должны принадлежать *иностраннымъ судамъ на международныхъ и національныхъ рѣкахъ*. Абсолютная свобода судоходства предоставляется имъ очень въ рѣдкихъ случаяхъ. Для того, чтобы рѣшить, должны-ли иностранцы пользоваться свободой судоходства на равныхъ правахъ съ туземцами или съ извѣстными ограниченіями, слѣдуетъ разсмотрѣть, насколько основательны различныя стѣсненія ихъ правъ. Начинаемъ съ ихъ положенія на рѣкахъ международныхъ.

Мы имѣемъ въ виду конечно права коммерческихъ судовъ ¹⁾. *Военные корабли* не имѣютъ обыкновенно права на судоходство. Исключенія очень рѣдки, и то встрѣчаются въ особенныхъ случаяхъ. Въ договорѣ 1857 г. о судоходствѣ по Ла Платѣ отдѣльно постановлялось, что военныя суда береговыхъ державъ будутъ пользоваться свободой транзита на всемъ протяженіи рѣки, открытомъ для торговаго флота. 19 ст. Парижскаго договора 1856 г. установила стоянку военныхъ судовъ въ устьяхъ Дуная. Назначеніе ихъ въ настоящее время заключается главнымъ образомъ въ оказаніи помощи Европейской комиссіи въ разныхъ мелвихъ случаяхъ, но вначалѣ присутствіе ихъ не-

¹⁾ Caratheodory, нѣм. р., S. 309.

сомнѣнно должно было имѣть важную цѣль: обезпечить за иностранными державами возможность постоянного вмѣшательства въ дѣла судоходства на Дунаѣ. Ст. 52 трактата 1878 г. формально запретила доступъ на нижній Дунай военнымъ судамъ, кромѣ только-что указанныхъ и за исключеніемъ судовъ, предназначенныхъ для рѣчной полиціи и сбора пошлинъ. Далѣе, 21 ст. Берлинскаго акта 1885 г. даетъ право международной комиссіи на Конго призывать на помощь въ случаѣ необходимости военныя суда державъ, подписавшихъ актъ, или впоследствии къ нему присоединившихся. Плавающіе по Конго военныя корабли освобождаются отъ уплаты судоходныхъ пошлинъ, которыя установлены § 3 ст. 14. Но они должны платить пошлины за лоцманство и всѣ сборы въ гаваняхъ, если только ихъ содѣйствіе не потребовано международной комиссіей (ст. 22). Въ 1892 году былъ между прочимъ возбужденъ вопросъ о томъ, какъ провести одно русское военное судно по Вислѣ изъ моря въ русскіе предѣлы. Передъ этимъ, въ 1863 г., изъ Варшавы въ Торнъ прибылъ военный корабль съ супругою намѣстника варшавскаго гр. Бергъ, а нѣсколько лѣтъ позже пришли въ Россію двѣ торпедныя лодки, предназначавшіяся для Чернаго моря. Судно было проведено подъ коммерческимъ флагомъ, въ виду мнѣнія барона Э. Р. Остенъ-Сакена, что военныя суда не имѣютъ права на свободное судоходство. Если же требовать этого права, то придется и давать его въ аналогичныхъ случаяхъ иностраннымъ флагамъ. Приэтомъ была выражена мысль, что военными судами слѣдуетъ считать лишь такія, которыя были внесены въ списки военнаго вѣдомства, снабжены военнымъ флагомъ и имѣютъ военную команду.

Вопросъ о томъ, имѣетъ-ли военный корабль въ рѣчной гавани тѣ же *права экстерриториальности*, какъ и въ морскихъ гаваняхъ, рѣшается по аналогіи съ практикой плаванія въ территориальныхъ моряхъ. Военное судно имѣетъ право безпрепятственно войти въ морскую гавань, какъ напр. Бордо, Гамбургъ, Антверпенъ и пр., и пользоваться экстерриториальностью, если оно имѣетъ на это общее или частное заранѣе полученное разрѣшеніе. То же правило примѣняется и на рѣкахъ.

Ограниченіа, поставляемыя коммерческому судоходству, бываютъ нѣсколькихъ родовъ. Прежде всего они могутъ *кастаться каботажна*. Понятіе каботажна есть собственно понятіе

морскаго права¹⁾, но въ договорахъ XIX ст. оно начинаетъ примѣняться и къ рѣчному плаванію. Подъ этимъ подразумѣвается занятіе постоянное или временное судоходными операціями между рѣчными портами. Рѣчной каботажъ подраздѣляется на малый и большой. Малый совершается въ предѣлахъ одного государства. Большой—между рѣчными портами разныхъ владѣльцевъ одной и той же рѣки. Къ малому слѣдуетъ причислить и тѣ операціи, которыя совершаются между рѣчными и морскими портами одной и той же страны.

Актъ Вѣнскаго конгресса молчитъ о подраздѣленіи свободного судоходства на внутреннее, или каботажъ, и дальняго плаванія, или выходящее въ море. Однако, какъ мы знаемъ, въ протоколѣ, комментирующемъ ст. 109, говорится, что иностранцы не уравниваются въ правахъ съ подданными береговыхъ государствъ и это различіе въ тѣхъ случаяхъ, когда иностранное судоходство не запрещалось вовсе, могло подать мысль о закрытіи для него по крайней мѣрѣ большого или малаго каботажа. Во всякомъ случаѣ, этотъ документъ, ставшій, такъ сказать, сакраментальнымъ, опредѣленныхъ постановленій въ этомъ отношеніи не содержитъ.

Послѣдующая практика представила намъ нѣсколько характерныхъ системъ въ этомъ отношеніи. Наиболѣе широки ограниченія, введенныя относительно каботажа регламентомъ Эльбы 1821 г. Онъ совсѣмъ не дозволяетъ иностраннымъ судамъ заниматься каботажемъ; для нихъ открыто только судоходство изъ моря въ каждый опредѣленный рѣчной портъ, или обратно. Большой каботажъ доступенъ судамъ береговыхъ флаговъ, а малый, въ предѣлахъ отдѣльныхъ странъ, лишь мѣстному флоту. Только случайныя операціи каботажа, большого для судовъ перваго рода и малаго для флаговъ береговыхъ странъ, составляютъ исключеніе. Другую, нѣсколько болѣе мягкую систему ограниченій мы находимъ въ регламентѣ дунайскаго судоходства 1857 г. Сюда относятся ст. 5, 6, 8, 11 и 16. Иностранныя суда могутъ брать пассажировъ и товары только по назначенію изъ морскихъ портовъ въ рѣчные, или наоборотъ; практика между рѣчными портами сохраняется за всѣми судами порѣчныхъ державъ безъ различія²⁾. Далѣе, на большин-

¹⁾ Holtzendorff, Rechtslexicon, 3 Aufl. 1880—81. II. 425—426. Cabotage.

²⁾ Надо имѣть въ виду, что въ средѣ Вѣнской комиссіи 1857 г. делегаты Баваріи и Виртемберга и комиссары вассальныхъ княжествъ высказывались сначала за свободу каботажа для морскихъ судовъ.

ствѣ международныхъ рѣкъ и очень многихъ національныхъ иностранному судоходству дозволяется каботажъ по крайней мѣрѣ на морской части ихъ теченія. Это мы видимъ на Эльбѣ, между Гамбургомъ и Куксгафеномъ, на Везерѣ, между Бременомъ и Бременсгафеномъ, на голландскомъ Рейнѣ и др. Наконецъ, на рѣкахъ, отличающихся наиболѣе свободнымъ режимомъ, какъ малый, такъ и большой каботажъ на всемъ ихъ теченіи открытъ для судовъ всѣхъ флаговъ (Конго, нижній Дунай и пр.).

Съ теоретической точки зрѣнія, временный и случайный каботажъ долженъ быть открытъ для иностранцевъ. Прежде всего, дозволеніе *морскимъ иностраннымъ судамъ* брать въ попутныхъ рѣчныхъ городахъ владъ и пассажировъ для всѣхъ прирѣчныхъ городовъ, которые имъ доступны, должно въ высшей степени благоприятно повліять на пониженіе всякаго рода рѣчныхъ провозныхъ тарифовъ. Морскія суда посѣпаютъ извѣстную рѣку часто безъ правильнаго росписанія и, обыкновенно, не предназначаются къ плаванію исключительно по опредѣленному направленію. Для ихъ владѣльцевъ очень трудно, а иногда просто невыгодно, вступать въ соглашеніе съ рѣчными судовладѣльческими компаніями. Такимъ образомъ, можно съ большою степенью достовѣрности предположить, что морскія суда, практикуя во время своего перехода по рѣкѣ каботажъ, будутъ брать за свои услуги только должное. Различныя удобства, которыя предоставляютъ своимъ кліентамъ морскіе корабли, тоже могутъ служить по крайней мѣрѣ полезнымъ примѣромъ для рѣчныхъ предпринимателей. Далѣе, трудность и почти невозможность контроля надъ всѣми операціями морскаго судна во время его рѣчнаго пути должна убѣдить всякаго въ необходимости разрѣшить имъ временную практику каботажа. Въ противномъ случаѣ, безпрестанныя столкновенія между рѣчными властями и полиціей и капитанами и патронами могутъ создать важныя затрудненія для судоходства вообще. Разрѣшеніе иностраннымъ морскимъ судамъ производить рѣчной каботажъ не угрожаетъ даже большою конкуренціей національному судоходству, такъ какъ обыкновенно морскія суда не могутъ проникать далеко въ рѣку и ея верхнее и среднее теченіе остается для нихъ закрытымъ. Вслѣдствіе неопредѣленности своихъ рейсовъ, они только случайно могутъ получать грузы и пассажировъ въ рѣчныхъ пор-

тахъ. Рѣчнымъ судамъ останутся правильные, самые прибыльные рейсы. Даже на рѣкахъ съ самымъ стѣснительнымъ режимомъ морскимъ судамъ разрѣшается, поднимаясь по рѣкѣ до извѣстнаго, опредѣленнаго порта, заниматься дорогою всякаго рода рѣчными операціями. Въ этомъ отношеніи остается только желать, чтобы эта граница была уничтожена и чтобы каждое морское судно имѣло право подниматься по рѣкѣ такъ высоко, какъ это дозволяетъ его посадка. На самомъ дѣлѣ, почему не разрѣшить мѣстному населенію воспользоваться случаемъ дешеваго и удобнаго передвиженія? Зачѣмъ вносить бесполезныя стѣсненія въ торговую жизнь прирѣчныхъ странъ? Наконецъ, надо помнить, что свобода каботажна вѣдоль морскихъ береговъ различныхъ державъ, въ ихъ территоріальныхъ водахъ, въ настоящее время почти всюду составляетъ общее право всѣхъ цивилизованныхъ народовъ. Рѣчное же судоходство можно отчасти сравнивать съ судоходствомъ по территоріальнымъ морямъ. Устанавливая свободу каботажна въ этихъ границахъ, нельзя конечно дѣлать различія между малымъ и большимъ каботажемъ.

Что касается *исключительно внутренняго постоянного рѣчнаго судоходства*, то судно, желающее посвятить себя ему, должно, какъ было указано выше, поднять флагъ одного изъ тѣхъ государствъ, въ предѣлахъ которыхъ оно намѣревается практиковать. Если судно желаетъ заниматься плаваніемъ исключительно въ предѣлахъ одного какого-либо береговаго государства,—оно должно причислиться къ флоту этого послѣдняго. Но временныя и случайныя операціи малымъ каботажемъ должны быть доступны для всѣхъ рѣчныхъ флаговъ. Вопросъ о томъ, какого рода занятіе каботажемъ слѣдуетъ считать постояннымъ, можетъ быть рѣшенъ примѣнительно къ сроку дѣйствія бумагъ, выдаваемыхъ рѣчнымъ судамъ, или какимъ-либо другимъ условнымъ образомъ. Такая постановка дѣла можетъ способствовать развитію рѣчнаго судоходства и благосостоянія береговыхъ государствъ. Иностранное предпріятіе конечно должно быть готовымъ подчинить свое устройство и свои дѣйствія всѣмъ условіямъ, которыя ему поставитъ территоріальная власть. Такъ, государство, между прочимъ, можетъ потребовать, чтобы отдѣленіе предпріятія, которое желаетъ поддерживать правильныя международныя сношенія съ его портами, находилось въ одномъ изъ его прибрежныхъ городовъ. Другія со-

ображенія въ пользу допущенія иностранныхъ судовъ къ большому или малому каботажу, можно вывести изъ общихъ началъ, выставленныхъ выше, въ защиту свободнаго судоходства.

Переходимъ къ *современнымъ авторамъ*. Каратеодори высказывается въ пользу полной свободы малаго и большого каботажа для судовъ всѣхъ націй ¹⁾. Rézeril слѣдуетъ ему въ этомъ, исходя изъ того, что капризь (?) одного государства не можетъ лишить другія средствъ сообщаться другъ съ другомъ и что нѣтъ основаній отличать каботажи между двумя морскими портами отъ рѣчнаго ²⁾. Прадье-Фодере выражаетъ надежду, что подобный порядокъ установится въ будущемъ ³⁾. «L'affranchissement de la navigation fluviale... serait désormais», говоритъ онъ, «une nouvelle et définitive conquête de l'esprit cosmopolite moderne sur les tendances égoïstes des gouvernements et des peuples du passé». То же самое требованіе было выражено въ ст. 7 перваго проекта Энгельгардта. Во второмъ своемъ проектѣ Энгельгардтъ измѣнилъ свое мнѣніе касательно малаго каботажа. Ст. 7 его 2-го проекта составила 2-ое аlinea 8-ой ст. проекта Института. «Всѣ суда, парусныя или паровыя, безъ различія національности, могутъ перевозить лица и товары или заниматься буксированіемъ между всѣми гаванями, лежащими на международныхъ рѣкахъ. Суда морскія или рѣчныя не будутъ допущены къ правильному занятію малымъ каботажемъ, то есть исключительными и постоянными сношеніями между портами одного и того же береговаго государства иначе, какъ по спеціальной концессіи этого послѣдняго». Послѣдняго періода не было въ первоначальномъ проектѣ ст. 8. Нѣсколько неопредѣленное правило предлагаетъ г. Фиоре: «Каждое изъ береговыхъ государствъ можетъ сохранить за своими подданными каботажи въ той части рѣки, которая принадлежитъ ему. Каботажи и провозъ пассажировъ между различными частями рѣки подчиняется правиламъ, принятымъ относительно каботажа вдоль морскихъ береговъ образованныхъ государствъ» (§ 514). Итакъ, литература высказывается за болѣе широкую постановку этого

¹⁾ Нѣм. раб., S. 309.

²⁾ Ibid. Ch. II, Du Cabotage. III. Du Cabotage dans les fleuves int-aux (p. 200—205), p. 200.

³⁾ Ibid., § 749.

вопроса, чѣмъ та, къ которой мы пришли. Delavaud ¹⁾ замѣчаетъ общую тенденцію у современныхъ юристовъ и даже въ трактатахъ уравнивать права судовъ на каботажд. Но, думается намъ, въ основаніи ея лежитъ скорѣе сантиментальное увлеченіе свободой, чѣмъ какія-либо положительныя соображенія. Къ чему разрѣшать, чтобы судно, постоянно и исключительно ведущее операціи внутри извѣстныхъ территоріальныхъ границъ, причисляло себя къ флоту какой-либо иностранной державы? По какимъ соображеніямъ будетъ оно имѣть свои бумаги не отъ мѣстной власти? На самомъ дѣлѣ, поднять флагъ мѣстнаго государства для рѣчнаго судна нѣчто другое, чѣмъ для морскаго. Въ первомъ случаѣ все дѣло сводится къ тому, что бумаги судна и экипажа выдаются мѣстнымъ правительствомъ, а не иностраннымъ, и судно заносится въ особые списки, гдѣ таковыя ведутся для рѣчныхъ судовъ. Такъ же легко можетъ оно возвратиться въ свою прежнюю національность. Исключеніе изъ этого правила могутъ быть оправданы только на тѣхъ рѣкахъ, которыя, что касается судоходства, совершенно изъяты изъ вѣдѣнія мѣстныхъ властей, или въ предѣлахъ тѣхъ государствъ, гдѣ еще не установилось достаточно твердой власти. Намъ не можетъ смущать то обстоятельство, что относительно морскаго каботажа дѣйствуютъ иногда болѣе свободныя начала. Послѣдній далеко не затрагиваетъ столько мѣстныхъ интересовъ, какъ первый, совершается онъ обыкновенно съ выходомъ въ открытое море, а власть государства надъ судами, проходящими по его территоріальному морю, весьма ограничена. Само собою разумѣется, какъ при рѣшеніи этого вопроса, такъ и въ другихъ мѣстахъ нашего изслѣдованія имѣются въ виду государства нашего времени, сношенія, существующія между ними, и современный общественный строй. Мы не беремся предрѣшать далекаго будущаго.

Съюзивъ права небереговыхъ государствъ на занятіе каботажемъ, мы должны расширить ихъ въ другомъ отношеніи. Именно, нѣтъ никакого основанія не разрѣшать иностраннымъ судамъ указанныхъ выше операціи въ одинаковомъ размѣрѣ на рѣкахъ международныхъ и національныхъ. *Случайное и временное занятіе каботажемъ* можетъ быть *разрѣшаемо* иностраннымъ судамъ и на *національныхъ рѣкахъ*, озерахъ и каналахъ.

¹⁾ Ibid., p. 6 s.

Что касается *другихъ судоходныхъ операцій*, то онѣ могутъ быть разрѣшаемы всѣмъ флагамъ, въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія.

Но, если иностранные флаги допущены къ какимъ-либо рѣчнымъ операціямъ, они должны быть поставлены въ возможность конкурировать съ мѣстными предпринимателями. Говоря это, мы имѣемъ въ виду практиковавшееся нерѣдко допущеніе иностранной практики на словахъ и уничтоженіе ея на дѣлѣ путемъ всевозможныхъ ограниченій. Такъ, намъ уже извѣстно изъ историческаго очерка, посвященнаго Рейну, что, положимъ, регламентъ 1868 г., общія все, далеко не даетъ иностранцамъ равныхъ правъ съ туземцами. Для этого воспользовались давно уже практикуемымъ дипломатіей приемомъ. «Конвенція», говоритъ Энгельгардтъ, «...свидѣтельствуетъ о какомъ-то инстинктивномъ нерасположеніи ко всему тому, что правильно опредѣлено»¹⁾. Въ общемъ составители ея проводили на практикѣ правило, которое мы находимъ во 2 протоколѣ ревизіонной комиссіи отъ 12 октября 1868 г.... «La commission syndicale du fleuve n'a pas le droit d'accorder aux etrangers les avantages qui exigeraient la reciprocité». Мы мало можемъ прибавить къ тому, что было замѣчено о ней въ соотвѣтствующемъ мѣстѣ. Скажемъ только, что разныя ограниченія въ значительной степени уничтожаютъ свободу судоходства для нерѣчныхъ державъ, что приемъ, которымъ державы прикрыли свои истинныя намѣренія, кажется намъ весьма страннымъ. Допустить свободу судоходства и потомъ стѣснять ее путемъ косвенныхъ исключеній недостойно образованныхъ государствъ. Чтобы иностранцы пользовались въ дѣйствительности отграниченной имъ свободой судоходства, необходимо даровать имъ ее на равныхъ правахъ съ туземцами. Или, какъ сказано въ проектѣ Института, ст. 4: «граждане и флаги всѣхъ народовъ пользуются, во всѣхъ отношеніяхъ, правомъ совершеннаго равенства. Не допускается никакое различіе между гражданами прибрежныхъ государствъ и гражданами остальныхъ странъ». Въ первомъ своемъ проектѣ Энгельгардтъ формулируетъ начало равенства еще болѣе опредѣленно: «Международныя рѣки открыты судоходству и торговлѣ всего міра. Суда подданныхъ береговыхъ странъ и суда иностранныхъ фла-

¹⁾ Du régime... p. 101.

говъ будутъ разсматриваться на нихъ, во всѣхъ отношеніяхъ, съ точки зрѣнія полнаго равенства и не встрѣтатъ никакихъ помѣхъ своему плаванію, кромѣ тѣхъ, которыя вытекають изъ постановленій настоящаго регламента относительно полиціи, рѣчныхъ сборовъ, карантиновъ и военнаго времени». Во второмъ онъ оговаривается на счетъ малаго каботажа¹⁾. Иностран- ные суда могутъ быть, какъ показываетъ намъ примѣръ 1868 г., или ограничены въ своихъ гражданскихъ правахъ, или под- чинены различнаго рода стѣсненіямъ полицейскаго, фискаль- наго и т. п. характера. О послѣднихъ въ слѣдующей главѣ. Въ настоящую же минуту посмотримъ, какого рода частныя права должны принадлежать иностраннымъ судоходцамъ для того, чтобы можно было сказать, что они дѣйствительно поль- зуются правомъ судоходства. Права береговыхъ и неберего- выхъ судовъ во всѣхъ случаяхъ, кромѣ исключительнаго за- нятія малымъ и большимъ каботажемъ, совершенно равны. Это равенство правъ распространяется какъ на сами суда, такъ и на ихъ экипажъ и грузъ. Судоходство не можетъ быть мо- нополейю ни отдѣльныхъ ассоціацій, ни тѣмъ болѣе частныхъ лицъ. Всѣ существовавшія ранѣе привилегированныя ассоці- аціи судоходцевъ распускаются. Всякій воленъ брать то судно, какое пожелаетъ. Таксы за провозъ товаровъ и очередь между судовладѣльцами отмѣняются. Исключенія со- ставляютъ почтовые сношенія и перевозки. На рѣкахъ вну- три обоюдныхъ территорій и на каналахъ концессіи на туажную тягу судовъ выдаются по усмотрѣнію мѣстныхъ правительствъ, на пограничныхъ по ихъ общему соглашенію. На рѣкахъ не можетъ быть устанавливаемо никакихъ прину- дительныхъ остановокъ, разгрузокъ, перегрузокъ и т. п., за исключеніемъ особыхъ требованій санитарной полиціи и взи- манія налоговъ. Судоходцы одной стороны, ходящіе въ другую, не платятъ въ ней за это особыхъ промысловыхъ сборовъ. Предприниматели одного государства могутъ записываться въ соотвѣтствующіе списки другаго, устанавливать тамъ агентства, бюро и т. п. Иностранные предприниматели могутъ распро- странять свою дѣятельность на пути другаго государства безъ уплаты какихъ-либо взиманій. Опубликованные ими регламенты

¹⁾ Ср. 6 ст. перваго проекта Энгельгардта и 6 же втораго. — Также Caratheodory, нѣм. раб., S. 309.

эксплуатации, по заявлении ихъ передъ компетентными властями, будутъ имѣть доказательную силу для спорныхъ случаевъ по транспорту товаровъ и пассажировъ. Иностранныя суда должны принадлежать въ собственность подданному, или жителю одной изъ договаривающихся странъ, или компаніи, или акціонерному обществу, подчиненному законамъ одной изъ странъ и имѣющему въ ней мѣстожительство. Для занятія судоходствомъ, какъ промысломъ, не требуется непременно подданства одной изъ договаривающихся державъ. Для этого достаточно выбора опредѣленнаго мѣста жительства въ предѣлахъ одной изъ нихъ. Право управлять судномъ предоставляется только лицамъ, получившимъ особыя патенты отъ своихъ правительствъ. Бумаги самаго судна и бумаги, относящіяся къ его грузу, должны быть составлены по образцамъ, узаконеннымъ въ его отечествѣ. Въ право судоходства входитъ для иностранныхъ судовъ право входить съ грузомъ и безъ него на внутренніе судоходные пути договаривающихся государствъ и выходить изъ нихъ, плавать по нимъ внизъ и вверхъ по теченію и останавливаться въ пути, приставать къ берегу, тинуться бечевою, идти на парусахъ или при помощи пара и другими дозволенными національнымъ судамъ способами. Въ него входитъ также право ввозить и вывозить пассажировъ и грузъ, вводить и выводить на буксирѣ грузовыя суда, разгружаться и нагружаться, а равно заниматься, въ видѣ дополнительныхъ и временныхъ операцій, рѣчнымъ малымъ и большимъ каботажемъ, операціями аллежа и другими судоходными промыслами, опредѣленно не предоставленными извѣстнымъ предпринимателямъ. Въ право судоходства не входитъ вообще право продавать товары въ розницу. Но оптомъ весь грузъ, а равно и все судно могутъ быть проданы безъ взятія свидѣтельствъ и билетовъ на веденіе торговли. Суда высокихъ сторонъ взаимно пользуются наравнѣ съ національными каналами, шлюзами, перевозами, мостами, портами, бебегами, пристанями и различнаго рода приспособленіями и учрежденіями, служащими судоходству. Суда одной изъ сторонъ занимаютъ въ портахъ другой совершенно и во всѣхъ отношеніяхъ одинаковое положеніе съ національными. Товары могутъ быть въ случаѣ нужды не только сложены на берегу, но и перенесены вглубь страны. Экипажъ судна можетъ черпать воду изъ рѣки, мыть въ ней бѣлье, купаться, а равно пользоваться всѣми иными полезными силами воды на равныхъ правахъ съ

мѣстными жителями. Судоходцы могутъ выходить на берегъ и даже строить на немъ временныя помѣщенія, если это вообще разрѣшается по законамъ страны. Само собою разумѣется, что они пользуются всѣми гражданскими правами на равныхъ правахъ съ другими иностранцами. Они должны однако сообразоваться съ предписаніями акта судоходства и съ выработанными на его основаніи регламентами: рѣчной, санитарной, береговой и т. д. полиціи. Суда, на которыя возложена почтовая служба, и суда, принадлежащія обществамъ, субсидируемымъ однимъ изъ государствъ, не могутъ быть въ портахъ другаго отклонены отъ ихъ прямого назначенія или подвергнуты *saisie-arrêt, embargo*, или *arrêt de prince*.

Словомъ, къ праву судоходства причисляются также *еще права, безъ которыхъ правильное отправленіе его было бы невозможно или затруднительно*¹⁾. «Право на известную вещь», говоритъ Прадье-Фодере, «заключаетъ въ себѣ право также на тѣ дѣйствія, при помощи которыхъ эта вещь становится полезной». «*C'est un droit incident, imparfait, il est vrai, qui est une conséquence nécessaire du droit de naviguer librement et qu'on peut rendre parfait en le stipulant dans un traité.*»

До сихъ поръ мы говорили почти исключительно о плаваніи коммерческихъ судовъ, а не какихъ-либо другихъ рѣчныхъ сооружений. *Славъ дровъ по рѣкамъ и плаваніе лодокъ* оставлены нами въ сторонѣ не потому, чтобы они не имѣли никакого отношенія къ нашей темѣ. Мы не занимаемся ими потому, что относительно нихъ нѣтъ собственно никакого «вопроса». Жители пограничныхъ мѣстъ могутъ сообщаться между собой совершенно свободно на лодкахъ, принадлежащихъ подданнымъ того или другаго изъ двухъ или нѣсколькихъ сосѣднихъ государствъ, если только на данныхъ водахъ разрѣшаются вообще пограничныя сношенія. Болѣе того, они могутъ взаимно привозить другъ другу различныя предметы для тор-

¹⁾ Прадье-Фодере, Cours, § 755. — Wheaton, Histoire, 1853, t. II, p. 195. — Grotius, L. II. C. II. § XV. № 1, 2. T. I, p. 422 (éd. Pradier-F.). — Vattel, 1863, l. II, c. IX, § 129, t. II, p. 115. — Puffendorf, De jure naturae et gentium, l. V, c. III, § 8. — Caratheodory, Du droit in-1, p. 59. — Wheaton, Elements, p. 2, c. IV, § 53. — Calvo, 4 éd., § 339, t. I, p. 464. — Halleck, ibd., c. IV, § 27. — Bowyer, ibd., c. XXVIII. — Polson, ibd., S. 5, p. 31. — Phillimore, ibd., t. I, §§ 157—161.

говли и другихъ цѣлей, соображаясь только съ мѣстнымъ таможеннымъ законодательствомъ. Иногда эти права мѣстнаго населенія опредѣляются въ международныхъ соглашенияхъ, но чаще всего они существуютъ въ силу обычая. Гораздо болѣе сложныя и интересныя отношенія складываются по поводу сплава дровъ. Его мы оставляемъ въ сторонѣ потому, что тамъ, гдѣ онъ имѣетъ наибольшее значеніе, именно на рѣкахъ судоходныхъ, онъ подпадаетъ (какъ отчасти и проходъ лодокъ) дѣйствию общихъ началъ о свободѣ судоходства, а тамъ, гдѣ послѣднія къ нему не примѣнимы, именно на рѣчкахъ и ручьяхъ, представляетъ слишкомъ незначительный интересъ. Въ этихъ случаяхъ имѣется обыкновенно такъ называемое Wildflösserei или flottage à bouches perdues. Подобнаго рода сплавъ дровъ представляетъ, что касается международныхъ сношеній, явленіе въ высшей степени рѣдкое, международныя соглашения относительно него столь незначительны, а обычаи неизвѣстны, что посвящать специально ему время и трудъ показалось намъ излишнимъ. Во всякомъ случаѣ, нѣкоторыя указанія были сдѣланы выше, въ части исторической.

Гражданскій характеръ права на судоходство по рѣкамъ не подлежитъ сомнѣнію и это обстоятельство рѣшительно подрываетъ господствующее ученіе о томъ, что международное право есть право исключительно публичное. Говоря о правахъ иностранныхъ судовъ, мы конечно не думаемъ, что субъектомъ правъ являются именно эти вещи. Мы только слѣдуемъ общераспространенному въ этомъ отношеніи языку. Субъектами являются, какъ это было видно изъ даннаго выше анализа права судоходства, тѣ лица, интересы которыхъ группируются около коммерческаго судна, т. е. судоходный промышленникъ, собственникъ или наниматель судна, команда его и грузоотправитель. Лица эти должны быть иностранными или хотя-бы и мѣстными, національными подданными, но вступившими въ извѣстныя отношенія между собой по поводу судна подъ дѣйствіемъ иностранныхъ гражданскихъ и полицейскихъ законовъ. Послѣдніе проявляютъ себя главнымъ образомъ въ тѣхъ требованіяхъ, которымъ должно удовлетворять судно, въ тѣхъ требованіяхъ, которымъ долженъ удовлетворять капитанъ и въ той полицейской власти, которою онъ иногда обладаетъ надъ экипажемъ и пассажирами. Эта власть впрочемъ обыкновенно исчезаетъ, разъ судно вступаетъ въ рѣчныя воды иностраннаго

государства. Если же все это такъ, становится понятнымъ, почему мы настаивали въ предшествующемъ на томъ, что свобода судоходнаго промысла для иностранцевъ, живущихъ внутри страны, есть одинъ изъ главныхъ шаговъ по направленію къ свободному судоходству. Конечно государство можетъ, какъ справедливо указываетъ R. Mohl, «налагать на иностранцевъ такія ограниченія, которыхъ требуетъ благо его собственныхъ подданныхъ и необходимость обезпечить достиженіе государственныхъ цѣлей». Но, если интересы самого государства противъ этихъ ограниченій, придерживаться ихъ только въ силу традиціи было бы крупной ошибкой. Предсказывая торжество освободительныхъ началъ, Энгельгардтъ повторяетъ извѣстную фразу Гефтера: «Принципы побѣдятъ партикуляризмъ». Намъ кажется, что было бы лучше сказать: общіе интересы побѣдятъ недовѣріе и взаимное отчужденіе народовъ.

Во всякомъ случаѣ для полученія права судоходства по рѣкамъ надо, чтобы въ договорѣ или прямо указывалось на свободу судоходства, или по крайней мѣрѣ употреблялись такого рода общія выраженія, которыя не оставляли бы ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что между жителями обѣихъ сторонъ устанавливается полная и совершенная равноправность въ отношеніи торговли и судоходства. Судоходство на внутреннихъ водахъ считается до сихъ поръ привилегіей, которая можетъ быть требуема только въ силу опредѣленныхъ уступокъ. Во всѣхъ остальныхъ случаяхъ подъ словомъ торговля и судоходство подразумѣвается торговля и судоходство въ морскихъ водахъ договаривающихся странъ¹⁾.

«Въ результатъ», читаемъ мы у г. Гольца²⁾, «общее мнѣніе, господствующее въ центральной Европѣ, гласитъ, что *судоходные пути, рѣки и каналы, составляютъ продолженіе морскаго пути*, проникающее внутрь земли. Это убѣжденіе выражается въ различныхъ формахъ, устройствомъ портовъ, организаціей судоходства, перенесеніемъ таможенныхъ линій и порто-франко (entrepôts) съ устьевъ рѣкъ и границы государ-

¹⁾ См. разъясненіе Государственнаго Совѣта относительно дѣйствующаго договора съ Германіей.

²⁾ Note sur le développement de la navigation intérieure en Allemagne par Holtz et Sas (въ оф. отчетѣ французскихъ делегатовъ о третьемъ конгрессѣ внутренняго судоходства), р. 65.

ства, гдѣ они должны были бы собственно находиться, внутри страны, въ рѣчные порты. Тѣ же самые принципы приводятъ съ необходимостью къ уничтоженію всякихъ сборовъ въ пользу государства». Но, добавимъ отъ себя, отсюда далеко до того, чтобы на рѣкахъ существовала такая же свобода судоходства, какъ на моряхъ, или, чтобы «рѣки пользовались тѣми же вольностями, какъ и обыкновенныя дороги»¹⁾. Абсолютной свободы судоходства не только не существуетъ, но и въ условіяхъ нашей дѣйствительности не можетъ существовать. Жалѣть объ этомъ, какъ дѣлаетъ, напр., Прадье-Фодере²⁾, право, странно. Тѣмъ не менѣе мы можемъ говорить о свободѣ рѣчнаго судоходства и называть договорныя рѣки открытыми и свободными, въ противоположность прошлому и потому, что свобода есть понятіе весьма условное. Точно также, намъ кажется, нѣтъ никакой надобности называть свободнымъ или международнымъ судоходствомъ, какъ это предлагаютъ нѣкоторые³⁾, только то, которое доступно всѣмъ флагамъ, именно въ противоположность общему (*gemeinschaftlich*), или открытому только для береговыхъ флаговъ. Согласно словоупотребленію, принятому уже цѣлое столѣтіе, согласно нашимъ общимъ воззрѣніямъ на то, что слѣдуетъ называть явленіями международными и правомъ международнымъ, мы употребляемъ указанныя выраженія для обозначенія всѣхъ перечисленныхъ понятій безразлично⁴⁾.

¹⁾ Прадье-Фодере, Cours, § 719.

²⁾ Cours, § 731.

³⁾ Bulmerincq, Völkerrecht, S: 291.

⁴⁾ По вопросамъ о свободѣ судоходства можно справиться также у слѣдующихъ авторовъ (безъ дальнѣйшихъ поспеній имѣются въ виду работы, уже указанныя на сс. 80—81 и 91): Bello, P. I, c. III, § 1 и др. — Bluntschli, Кодексъ, §§ 312, 313, 314, 315 и др. — Bowyer, c. XXVIII. — Funck Brentano et Sorel, p. 378 s. — Caratheodory, фр. раб., p. 29 s. — Idem, нѣм. раб., §§ 70, 72. — Cussy, I. I, tit. II, § 57. — Dudley-Field, Projet de Code, p. 25. — Engelhardt, Du régime, pp. 93—108, 199—212. — Grotius, I. II, c. II, §§ 12—14; c. III, §§ 7—12. — Hall, p. 108. — Halleck, ch. VI, §§ 26, 28. — Heffter, §§ 32, 77. — Jacobsen, Seerecht des Krieges und des Friedens in Bezug auf die Kauffahrteischiffahrt. Altona. 1815. S. 583. — Kent, Commentaries, v. I. — Klüber, §§ 135, 76. — Martens, §§ 39, 84. — Ortolan, § 144. — Phillimore, Commentaries, v. I, §§ 155, 156. — Pinheiro-Ferreira, Vattel, § 132 s. — Polson,

Глава IV.

ПРАВО РЪЧНАГО УПРАВЛЕНІЯ.

§ 1. Общія замѣчанія, преимущественно о правѣ судоходства.

Говорить о томъ, что наука международного права одержала въ XIX ст. рядъ серьезныхъ успѣховъ, значитъ повторять общее мѣсто. Однимъ изъ этихъ успѣховъ является возникновеніе особаго крупнаго отдѣла ея,—*права международного управленія*. Послѣднее составило логическое добавленіе къ старѣйшей и основной части нашей науки, праву международного устройства. Благодаря трудамъ нѣкоторыхъ выдающихся ученыхъ, оно заняло прочное и видное мѣсто въ системѣ предмета. Конечно понятіе его еще не установилось въ должной степени, хотя по вопросу о томъ, какого рода институты слѣдуетъ относить къ нему, и не существуетъ особеннаго разногласія. Основное различіе, которое замѣчается между писателями, сводится къ тому, что въ то время, какъ одни понимаютъ его, какъ право, регулирующее дѣятельность государствъ въ области международного общенія въ виду достиженія ими жизненныхъ ихъ цѣлей, другіе думаютъ, что право управленія опредѣляетъ юридически дѣятельность государствъ, направленную къ достиженію общихъ лежащихъ на нихъ задачъ. Мы присоединяемся къ послѣдняго рода воззрѣніямъ и именно потому, что въ дѣлѣ преслѣдованія своихъ частныхъ интересовъ каждое государство пользуется полной независимостью. Международное право даетъ обезпеченіе только общимъ интересамъ народовъ. Это однако не исключаетъ того,

• Sect. 5. — Puffendorf, l. III, c. III, §§ 3—6. — Pradier-Fodéré, Vattel, t. II, pp. 114, 116—119. — Idem, Grotius, t. I, pp. 417, 418, 437. — Rayneval, l. II, c. XI. — Riquelme, l. I, tit. I, c. IV. — Стояновъ, Очерки исторіи и догматики, сс. 356, 544. — Twiss, §§ 140, 145 и др. — Vattel, l. I, c. XXII, §§ 272, 273, l. II, c. IX, §§ 125—130, c. X, §§ 132—134. — Wheaton, Elements, p. 1e 2, c. IV, §§ 12, 14. — Idem, Histoire, t. II, p. 184 s. — Wildmann, v. I, p. 76. — Wolff, §§ 310—312.

что преслѣдованіе ихъ совершается главнымъ образомъ черезъ посредство дѣятельности отдѣльныхъ государствъ и ихъ властей. Только въ немногихъ пока случаяхъ созданы особыя международныя органы. Въ видѣ общаго правила мы встрѣчаемся съ ними въ тѣхъ только случаяхъ, когда выполнение какой-либо задачи выходитъ за предѣлы отдѣльнаго государства, а для правильнаго достиженія ея требуется не только дѣятельность, проникнутая однимъ духомъ, одними основными началами, но и непременно дѣятельность централизованная, единая. Если международныя задачи не выходятъ за предѣлы территоріальныхъ границъ отдѣльнаго государства, преслѣдованіе ихъ возлагается всего чаще на это послѣднее. Если не требуется единой дѣятельности, исполненіе ихъ производится въ заинтересованныхъ государствахъ мѣстными властями. Впрочемъ, не надо думать, чтобы послѣднія различія строго проводились на практикѣ. Часто на органы мѣстнаго государства возлагаются тѣ задачи, для обезпеченія которыхъ должны были бы быть созданы международныя мѣста. Наоборотъ, международныя учрежденія принимаютъ на себя такого рода функціи, которыя составляютъ обыкновенно прерогативы государственныхъ властей. Въ этомъ сказываются и несовершенства современнаго публичнаго строя, и особыя мѣстныя особенности того или другаго государства, или тѣхъ или другихъ государствъ и та щаткость въ пониманіи международныхъ и національныхъ интересовъ, интересовъ, требующихъ непременно единой административной дѣятельности и могущихъ обойтись безъ нея, и т. д., которая коренится въ самой жизни вѣчно измѣнчивой, вѣчно растущей. «По объему и смыслу своему международное управленіе гораздо шире, нежели управленіе внутреннее. Въ него входятъ не только задачи и мѣры административныя въ собственномъ смыслѣ, осуществляемыя исполнительной властью, но также законодательная и судебная дѣятельность, насколько она касается общихъ международныхъ интересовъ» ¹⁾. Поэтому слова, право управленія, административное право употребляются въ нашей наукѣ то въ ихъ широкомъ, то въ узкомъ значеніи. Въ этой главѣ мы должны разсмотрѣть одинъ изъ отдѣловъ права управленія, именно международное право рѣчнаго управленія.

¹⁾ Мартенсъ, 2 изд., т. II, 3.

Современное человечество не страшится уже ни великихъ, ни малыхъ рѣкъ, враждебныя силы которыхъ оно научилось обуздывать, а полезныя умѣетъ заставить служить себѣ. Но во многихъ случаяхъ наши единичныя силы бываютъ слишкомъ слабы для достиженія этихъ цѣлей и веденіе водянаго дѣла беретъ на себя государство, создавая особые органы, которые выступаютъ отъ имени общаго и, опираясь на общественную силу, лучше могутъ направить воды на служеніе человѣку. Подобная постановка дѣла должна имѣть мѣсто также во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда частная собственность на воду можетъ идти въ разрѣзъ съ требованіями общаго блага, другими словами, когда никакая комбинація разрозненныхъ усилій и эгоистической дѣятельности отдѣльныхъ лицъ не можетъ доставить для общества тѣ блага, которыя необходимы для него, что касается потребностей въ водѣ. Однако и *усилія отдѣльныхъ государствъ* бываютъ нерѣдко недостаточны. Это случается обыкновенно не потому, чтобы нѣкоторыя задачи водянаго управленія были столь грандіозны, что отдѣльное государство не можетъ поднять ихъ на свои плечи, а потому, что различнаго рода предпріятія, будучи въ интересахъ нѣсколькихъ народовъ, могутъ при ихъ правильномъ выполненіи выходить за предѣлы одного государства, могутъ быть осуществляемы только черезъ посредство дѣятельности особыхъ международныхъ учрежденій. Подобнаго рода широкіе вопросы международнаго управленія поднимаются главнымъ образомъ на международныхъ водахъ, на водахъ, принадлежащихъ нѣсколькимъ государствамъ. Впрочемъ и на водахъ національныхъ дѣйствуютъ часто международные интересы. И, если въ подобныхъ случаяхъ пѣтъ надобности въ учрежденіи особыхъ международныхъ органовъ, то все же нельзя отрицать необходимости, чтобы владѣющее водами государство приняло на себя опредѣленные обязательства относительно управленія ими. Поэтому Фиоре былъ правъ, когда говорилъ, что «рѣка, которая съ того мѣста, гдѣ она становится судоходной, до ея впаденія въ море, пересѣкаетъ территорію одного и того же государства, не можетъ быть подчинена всѣмъ правиламъ международнаго права относительно свободнаго судоходства по международнымъ рѣкамъ»¹⁾, и ошибался, утверждая, что «государство,

¹⁾ § 522 кодекса.

которому принадлежатъ оба берега, можетъ съ самой полной независимостью издавать регламенты приложимые къ судоходству по тѣмъ водамъ, которыя текутъ по его территоріи и регламентировать на нихъ свободу торговли»¹⁾). Мы знаемъ уже, что во многихъ случаяхъ эта свобода мѣстнаго государства бываетъ ограничена.

Совокупность нормъ, регулирующихъ тѣ и другіе вопросы рѣчнаго управленія, образуетъ *международное право рѣчнаго управленія*. Наиболѣе интересный и обширный отдѣлъ его—право управленія международными водами. Вопросы, относящіеся къ нему, возникаютъ въ общемъ съ начала XIX и представляются обыкновенно довольно удовлетворительно разработанными. Поэтому оно и не вызываетъ такихъ противорѣчивыхъ толкованій, какія мы видѣли выше относительно гражданскаго права рѣкъ. Поэтому, не смотря на множество интереснѣйшихъ подробностей, изложеніе его не можетъ быть особенно растянутымъ.

Государства принимаютъ общія мѣры съ одной стороны для того, чтобы обезопасить себя отъ вреда, который можетъ причинять вода, а съ другой въ цѣляхъ извлеченія изъ нея всей той пользы, на которую она способна. Въ виду этого и по мѣрѣ развитія международныхъ отношеній и выясненія тѣхъ началъ, которыя лежатъ въ основаніи международного порядка, международное право управленія рѣками принимаетъ все болѣе и болѣе широкіе размѣры. Одна изъ главныхъ, старинныхъ, наиболѣе широко и удовлетворительно разработанныхъ вѣтвей его—*право управленія судоходствомъ на международныхъ рѣкахъ*. На нашихъ глазахъ дѣлаетъ быстрые успѣхи право управленія международнымъ рѣчнымъ рыболовствомъ, право международныхъ мостовъ, каналовъ, регулированія рѣкъ и такъ далѣе и наконецъ тѣ начала, которыми государства ограничиваютъ свою самостоятельность по отношенію къ національнымъ водамъ, именно въ виду тѣхъ международныхъ интересовъ, которые на нихъ замѣшаны. Въ дальнѣйшемъ мы будемъ имѣть въ виду преимущественно право управленія международными водами, дѣлая всюду, гдѣ только возможно, соотвѣтствующія замѣчанія о положеніи дѣла на рѣкахъ національныхъ. Начнемъ съ вопроса о правѣ международного судоходства.

¹⁾ Кодексъ, § 523.

Въ положительномъ правѣ каждому государству принадлежитъ большая доля самостоятельности по отношенію къ частямъ международныхъ рѣкъ, находящимся въ предѣлахъ его территоріи. Спрашивается, не было-ли бы *желательно*, чтобы она была въ принципѣ *уменьшена или даже уничтожена*? Иными словами, надо-ли желать непремѣнно развитія международной дѣятельности въ области рѣчного управленія, въ ущербъ самостоятельной дѣятельности отдѣльныхъ государствъ? Международныя рѣки находятся въ международномъ пользованіи. Не слѣдовало-ли бы поэтому изъять ихъ изъ распоряженія отдѣльныхъ береговыхъ владѣльцевъ? Различные интернаціоналисты, каждый по своему, видятъ въ правахъ государства надъ его водами помѣху для международного служенія этихъ послѣднихъ. «Главное возраженіе противъ этой теоріи... есть суверенитетъ». Это слова Каратеодори ¹⁾. Ихъ вполне подтверждаетъ Кальво: публицисты, «признавая за государствами абсолютное право собственности на рѣки, которыя протекаютъ по ихъ территоріи,.... разрушаютъ само правило... свободного судоходства,.. которое они выставили» ²⁾. На самомъ дѣлѣ, въ прошедшіе вѣка «многія государства до такой степени злоупотребили этимъ своимъ правомъ, что сдѣлали почти невозможными торговлю и судоходство по международнымъ рѣкамъ» ³⁾. Нѣчто подобное, при полной независимости береговыхъ государствъ, мыслимо конечно и въ настоящее время. И даже не столько вслѣдствіе злой воли ихъ, сколько вслѣдствіе тѣхъ взаимныхъ отношеній, въ которыя они поставлены самою природою рѣкъ. «Суверенное воздѣйствіе на воды, орошающія многія территоріи, съ необходимостью распространяется въ силу гидростатическихъ законовъ, климатическихъ, санитарныхъ и другихъ послѣдствій этого воздѣйствія, также на части текучей или стоячей воды, находящіяся въ предѣлахъ чужой территоріи. Ближайшій выводъ отсюда, что каждое прибрежное государство должно воздерживаться отъ всякихъ такихъ выходящихъ за его предѣлы воздѣйствій, требуетъ слишкомъ многого и можетъ сдѣлать невозможными многія улучшения. Сюда присоединяется и то, что наиболѣе широко поставленное и хорошо орга-

¹⁾ Нѣм. раб., S. 286.

²⁾ Droit in-1, p. 433.

³⁾ Маргенсъ, т. I, с. 381.

низованное пользование международными водами, именно для судоходства, само по себѣ переходить за границы отдѣльныхъ территорій и что интересъ всѣхъ сосѣднихъ и близъ лежащихъ государствъ требуетъ, чтобы это пользование было по возможности облегчено». Итакъ, полная самостоятельность береговыхъ сударствъ не можетъ быть желательна. Но что же въ такомъ случаѣ? «Естественная какъ будто мысль», говоритъ Гарейсъ, «объ юридическомъ признаніи интересовъ всѣхъ государствъ въ формѣ общей собственности не можетъ быть осуществлена, потому что ей противорѣчить тенденція защищать на водяныхъ владѣніяхъ исключительные интересы береговаго государства». Остается одно. Единственный исходъ—установленіе путемъ обычая, а еще лучше, и что встрѣчается всего чаще, путемъ международного договора, равновѣсія между самостоятельностью береговаго государства и тѣми ограниченіями ея, которыя требуются общимъ благомъ, «zum Zusammenbenutzen der von der Natur gewährten Wasserwege und Wasserkräfte von internationalen Bedeutung»¹⁾.

Словомъ, ни одинъ изъ двухъ основныхъ принциповъ международного права не можетъ быть принесенъ въ жертву. «Территориальная власть... должна подлежать ограниченіямъ, насколько этого требуетъ свобода международныхъ сношеній»²⁾, не больше. «Несомнѣнна», говоритъ проф. Мартенсъ, «необходимость соглашенія и взаимнаго содѣйствія заинтересованныхъ государствъ для успѣховъ» дѣятельности на пользу судоходства и развитія торговыхъ оборотовъ по рѣкамъ. «Но и то, и другое только тогда дѣйствительно полезно, когда соединяется съ полнымъ уваженіемъ къ неотъемлемымъ правамъ государствъ, въ особенности къ территориальному верховенству. Послѣднее не должно быть отмѣняемо международными соглашениями. Оно можетъ быть только ограничено, насколько это вызывается неотложными нуждами рѣчнаго судоходства—не болѣе. Всякая попытка ограничить территориальное верховенство въ большей степени или вовсе его уничтожить рано или поздно вызоветъ протестъ, явный или скрытный, со стороны заинтересованнаго государства. Это упускаютъ изъ виду въ особенности въ по-

¹⁾ Gareis, Institutionen, S. 48 f.

²⁾ Кодексъ Влюнчли, русс. пер. подъ редакціей гр. Камаровскаго, Введеніе, с. 34.

вѣйшее время при примѣненіи къ рѣкамъ постановленій акта Вѣнскаго конгресса. Политическія соображенія часто господствуютъ въ этомъ дѣлѣ и только вредятъ экономическимъ интересамъ, ради которыхъ исключительно были изданы эти постановленія». Въ этомъ же самымъ смыслѣ баронъ Моренгеймъ сдѣлалъ слѣдующее заявленіе въ засѣданіи Лондонской конференціи 20 февраля 1883 г.: «Que les obligations qui sur les cours d'eau conventionnels seuls peuvent être consenties par les autorités territoriales riveraines dans le plein exercice de leur liberté souveraine, ne sauraient s'étendre au delà des exigences unanimement reconnues nécessaires au développement de la navigation générale, le but que l'on doit avoir en vue ne pouvant être celui d'atteintes gratuites portées au principe sacré de la souveraineté mais seulement la conciliation, dans une mesure réciproquement équitable, de ce principe avec celui de la libre navigation».

Однако это требованіе часто разсматривается, какъ «посягательство на независимую жизнь и автономію государства. Потребовались вѣка для того, чтобы націи достигли сознанія, что ограниченія ихъ правъ суверенности въ пользу высшихъ интересовъ международной жизни, не образуютъ ни мало потери ихъ національнаго суверенитета, но являются въ сущности его подтвержденіемъ. Законныя стремленія народовъ къ развитію всѣхъ ихъ дарованій убѣдили правительства, что *нѣтъ* никакого абсолютнаго *противорѣчія между правами суверенитета* одного государства и *уступками*, которыя оно дѣлаетъ, что касается части этихъ правъ, если эти уступки требуются интересами его собственныхъ подданныхъ»¹⁾. Основанное на взаимномъ соглашеніи народовъ международное право вытекаетъ изъ ихъ убѣжденія въ общей полезности извѣстныхъ юридическихъ нормъ. Последнее обстоятельство тѣмъ болѣе возможно, что, какъ справедливо замѣчаетъ пр. Мартенсъ, «доказано, что интересы одного государства ни мало не противорѣчатъ интересамъ другихъ націй»²⁾. Таково общее принципиальное рѣшеніе вопроса. Каждое время выяснить по своему, въ какихъ отношеніяхъ отдѣльному государству мо-

¹⁾ Martens, Rapport, An. de dr. int, p. 285.

²⁾ Тамъ-же.

жетъ быть предоставлена самостоятельность и въ какихъ ему должны быть указаны границы.

Первое ограниченіе свободы государства составляютъ тѣ начала гражданскаго права, которыя были развиты въ предшествующемъ параграфѣ. «Право суверенитета государствъ надъ судоходными рѣками, находящимися подъ ихъ владычествомъ, прекрасно примиряется съ приобретенными правами другихъ націй пользоваться этими могучими и великими средствами сообщеній» ¹⁾. Мы уже говорили о томъ, насколько ошибочно воззрѣніе, что международное пользованіе рѣками есть отрицаніе суверенитета. Береговья государства должны только «настолько ограничить свой суверенитетъ въ пользу общаго пользованія (*des allgemeinen Benutzungsrechtes*) рѣкою, насколько другія государства сообща заинтересованы въ ней (*gemeinschaftlich mit ihnen daran betheilt sind*)» ²⁾. Самая полная свобода судоходства на рѣкѣ не можетъ привести къ отрицанію суверенитета.

Второе ограниченіе независимости береговыхъ странъ образуютъ тѣ нормы административнаго права, которыя регулируютъ ихъ частную и общую дѣятельность, т. е. дѣятельность особыхъ международныхъ рѣчныхъ органовъ, направленную на достиженіе общаго блага. Совокупность ихъ называется административнымъ правомъ судоходства. Оно специально подлежитъ нашему разсмотрѣнію въ эту минуту. По своей важности оно должно быть поставлено на ряду съ вопросомъ о свободѣ судоходства и верховныхъ правахъ государства на рѣкахъ. Освободительныя начала только тогда могутъ принести должные плоды, когда ихъ проведеніе въ жизнь будетъ обезпечено разумными мѣрами.

Какъ общее правило, надо выставить требованіе, чтобы на всемъ пространствѣ каждой судоходной рѣки существовалъ вопль однообразный режимъ. Мы убѣдимся при разсмотрѣніи подробностей рѣчнаго управленія, что только при такомъ условіи судоходство можетъ извлекать изъ рѣчныхъ путей всѣ

¹⁾ Приведенная цитата Кальво идетъ въ разрѣзъ съ его общими воззрѣніями на положеніе рѣкъ въ международномъ правѣ, но этотъ писатель богатъ подобными недосмотрами. — *Droit intern-l*, p. 465—466, § 340. Т. I, éd. 4.

²⁾ Нѣм. раб., S. 311.

выгоды, которыя они должны ему предоставить. На рѣкахъ національныхъ необходимы мѣры относительно судоходства принимаются властью территориальной державы, и этимъ соблюдается единство режима. Если же система известной рѣки въ своихъ главныхъ частяхъ принадлежитъ нѣсколькимъ государствамъ, тогда для нихъ возникаетъ необходимость дѣйствовать во всемъ, что касается рѣки, сообща. Для предоставления международному судоходству всевозможныхъ удобствъ, для предотвращенія столкновеній между отдѣльными береговыми государствами, для устраненія злоупотребленій со стороны территориальныхъ властей и разнообразія правилъ, примѣняемыхъ къ одной и той же рѣкѣ, въ виду зависимости, существующей между отдѣльными частями общей нѣсколькимъ государствамъ рѣки, необходимо во первыхъ, чтобы было создано по возможности единое право на всемъ ея пространствѣ и во всякомъ случаѣ была полная гармонія между рѣчными законами отдѣльныхъ государствъ; во вторыхъ, чтобы на всей рѣкѣ дѣйствовала одна административная власть, и наконецъ, чтобы судебная организація представляла собой нѣчто однообразное. А эти цѣли могутъ быть достигнуты только однимъ путемъ: установленіемъ рѣчной уніи или рѣчнаго союза между государствами одной и той же рѣки. И на самомъ дѣлѣ, подобныя уніи, или, какъ ихъ еще называютъ, консорціумы, ассоціаціи, общенія, существуютъ почти на всѣхъ международныхъ рѣкахъ.

Цѣль и значеніе установленія рѣчныхъ договорныхъ союзовъ (des communautés fluviales conventionnelles) вытекаетъ вполне ясно изъ тѣхъ европейскихъ актовъ, которые послѣдовательно установили и развили этотъ принципъ... Единство режима, долженствующее замѣнить собой различіе законовъ и властей, которое характеризовало до новѣйшаго времени взаимныя отношенія береговыхъ государствъ (la co-possession fluviale), такова была главная идея, которой вдохновлялась судоходная коммиссія, собравшаяся подъ сѣнью европейскаго собранія 1815 г.... Независимо отъ того акта, который долженъ регулировать нормальную эксплуатацію великихъ рѣкъ на всемъ ихъ пространствѣ, два особыхъ учрежденія, т. е. рѣчная коммиссія и инспекторатъ, обнаруживаютъ съ перваго же взгляда ту основную цѣль, которая занимала дѣателей 1815 г.... Эти власти получаютъ коллективное уполномоченіе (un mandat collectif), которое простирается на всю международную рѣку...

Съ точки зрѣнія логики, права и исторіи единство, или, если употребить новое слово, предложенное прусскимъ уполномоченнымъ, центральность (*centralité*), образующая основаніе этой системы, не допускаетъ соглашеній, которыя бы узаконяли на договорныхъ путяхъ различные мѣстные режимы, особия, исключительныя положенія»¹⁾. Единство режима существуетъ въ настоящее время почти на всѣхъ международныхъ рѣкахъ. Главное исключеніе представляетъ Дунай и поэтому—то реформа дунайскаго права составляетъ предметъ такой заботы для современныхъ интернаціоналистовъ.

Теперь спрашивается, какъ достигнуть этого единства? Изъ выставленныхъ выше трехъ условій правильной эксплуатаціи рѣки особо важное значеніе имѣетъ *единство началъ; регулирующихъ судоходство на всемъ теченіи ея*. Изъ этого требованія не можетъ быть тѣхъ исключеній, которыя допустимы въ извѣстныхъ случаяхъ, что касается рѣчныхъ административныхъ и судебныхъ властей. Проф. Мартенсъ²⁾ утверждаетъ, что постановленія 1815 г. основаны на слѣдующихъ принципахъ: «1) Береговые государства одни компетентны въ дѣлѣ регулированія судоходства по рѣкамъ, которыя пересекаютъ ихъ территории. 2) Въ виду наилучшей эксплуатаціи судоходныхъ водъ, необходимо, чтобы государства согласились относительно режима, который долженъ быть установленъ на нихъ. 3) Этотъ рѣчной режимъ долженъ покоиться на свободѣ судоходства». «*En reconnaissant le principe de souveraineté comme base de tous les arrangements concernant la navigation fluviale, le congrès de Vienne proclama non moins catégoriquement la nécessité absolue pour ces Etats riverains de se concerter sur les matières relatives à la navigation, en s'associant dans une communauté internationale*»³⁾. Но какого рода статьи должны образовать содержаніе регламентовъ административнаго права? Это составить предметъ изслѣдованія слѣдующихъ параграфовъ. Во всякомъ случаѣ основныя начала его должны быть, какъ это обыкновенно и дѣлается, опредѣлены особымъ генеральнымъ актомъ судоходства. Этимъ путемъ возможно всего лучше обезпечить правильное развитіе рѣчнаго права во всѣхъ его

¹⁾ L'Autriche-Hongrie et la question du Danube. II. p. 53 s.

²⁾ Rapport, p. 276 s.

³⁾ Ibid., p. 277.

дальнѣйшихъ подробностяхъ и удовлетвореніе замѣшанныхъ на судоходныхъ рѣкахъ международныхъ интересовъ.

Въ установленіи этихъ началъ принимали нерѣдко *участіе и небереговья государства*. Вообще опытъ показываетъ, что международные интересы тѣмъ лучше обезпечиваются, чѣмъ больше государствъ сотрудничаютъ въ соотвѣтствующемъ договорномъ правообразованіи. Во многихъ уже случаяхъ береговья государства ограничили свою свободу договорами съ небереговыми и можно желать, чтобы дѣло на этомъ не останавливалось. Особенно большую пользу принесло, какъ не разъ было указано выше, соглашеніе 1815 г. и ничто не было бы такъ желательно для дальнѣйшаго развитія рѣчнаго права, какъ повтореніе на болѣе широкихъ началахъ вѣнской комиссіи. Именно съ этой точки зрѣнія слѣдуетъ согласиться съ проф. Фиоре, что «право, принадлежащее каждому береговому государству, а отсюда и всѣмъ имъ, соединеннымъ общимъ соглашеніемъ, регламентировать судоходство по международной рѣкѣ, которая пересѣкаетъ или разграничиваетъ ихъ территоріи, должно быть подчинено международному праву и найти въ немъ свое ограниченіе»¹⁾.

Изъ того факта, что извѣстное государство подписало актъ судоходства по извѣстной рѣкѣ, вытекаетъ для него право требовать строгаго исполненія даннаго соглашенія. То же самое право принадлежит государствамъ, формально присоединившимся къ договору (*accession* или *adhésion*)²⁾. Но нѣкоторые думали распространить *право влиятельства небереговыхъ государствъ* гораздо дальше, предоставивъ его всѣмъ заинтересованнымъ въ судоходствѣ государствамъ. Мы уже знаемъ, въ чемъ состояло предложеніе, сдѣланное Holland'омъ и Martizt'омъ Институту международного права. Повидимому то же самое имѣлъ въ виду Каратеодори, когда онъ въ первой своей работѣ говорилъ: «Европа имѣетъ право отправлять контроль надъ дѣйствіями береговыхъ государствъ, которыя касаются общихъ интересовъ». Подобное разширеніе права влиятельства идетъ въ разрѣзъ съ основными началами дѣйствующаго порядка. Хотя, напр., право Дуная и объявлено

¹⁾ Кодексъ, § 504.

²⁾ Caratheodory, нѣм. раб., S. 318. — Engelhardt, Du régime, p. 211. — Wurm, Fünf Briefe, S. 17.

частью публичнаго права Европы, но право вмѣшательства въ дунайскія дѣла принадлежитъ все-таки лишь державамъ, подписавшимъ актъ 1856 г. и никому больше. Военныя суда въ устьяхъ этой рѣки являются представителями правъ и могущества этихъ государствъ, а не какихъ-либо иныхъ.

Международные договоры о рѣкахъ играютъ для предусмотрѣнныхъ ими отношеній ту же роль, какъ и всякіе другіе. Поэтому особенно останавливаться на ихъ значеніи для рѣчнаго права было бы излишне. Замѣчу въ заключеніе, что споры объ ихъ исполненіи не должны ни въ какомъ случаѣ доводить до открытія военныхъ дѣйствій. Предшествующая исторія благопріятствуетъ принятію подобнаго постановленія въ рѣчные акты. Положимъ, въ 1843 г. Ганноверъ хотѣлъ силой рѣшить споръ, возникшій между нимъ и Ольденбургомъ по поводу острова, образовавшагося на Везерѣ, а Португалія въ началѣ 40 гг. угрожала Испаніи войной вслѣдствіе закрытія для нея устья въ р. Таго, но случаевъ дѣйствительнаго пролитія крови до сей поры не было. Наоборотъ, въ 1838 г. спорный вопросъ о распредѣленіи рейнскаго округа былъ переданъ, по предложенію Франціи, на третейское рѣшеніе державъ, подписавшихъ актъ 1815 г., а въ 1826 г. уполномоченные прибрежныхъ державъ Рейна, собравшись въ Майнцѣ для выработки регламента судоходства, нѣсколько разъ обращались къ князю Меттерниху съ просьбой уладить ихъ взаимные споры ¹⁾. Споръ о рѣчномъ судоходствѣ долженъ быть рѣшенъ какимъ-либо другимъ изъ указываемыхъ международнымъ правомъ способовъ, а не пролитіемъ крови. Статьи подобнаго содержанія были уже занесены въ договоры 1856 и 1885 гг.

Несомнѣнно на основаніи аналогичныхъ соображеній *Институтъ*, слѣдую комиссіи 1815 г., *принялъ* въ свой регламентъ *слѣдующую ст. 1*: «Государства, расположенныя по теченію какой-либо судоходной рѣки, обязаны въ интересъ всѣхъ опредѣлить по общему соглашенію все, что относится до судоходства по этой рѣкѣ» ²⁾. Выработываемыя такимъ образомъ правила могутъ быть измѣняемы только съ общаго согласія всѣхъ подписавшихъ ихъ державъ. Но мы думаемъ, что слѣ-

¹⁾ Engelhardt, Du régime, p. 207.—Oppenheim, System, S. 149.

²⁾ Ср. ст. 1 перваго проекта Энгельгардта. Во второмъ онъ замѣняетъ это постановленіе выраженіемъ, *domaine commun*.

дуетъ сдѣлать еще одинъ шагъ и выразить пожеланіе, чтобы основныя начала права судоходства были установлены на конгрессѣ представителей всѣхъ цивилизованныхъ народовъ.

Во всякомъ случаѣ право пользоваться рѣками подлежитъ также тѣмъ *ограниченіямъ, которыя издастъ мѣстная власть*, лишь бы они не были противны предписаніямъ международнаго права. Такъ, бываетъ необходима особая концессія для гонки несвязанныхъ въ плоты дровъ (*Wildflösserei*), для учрежденія платныхъ перевозовъ, для устройства постоянныхъ учреждений для пользованія силами воды ¹⁾.

Точно такимъ же договорнымъ путемъ могутъ быть вырабатаны основныя *начала права судоходства по національнымъ рѣкамъ*. Общая выгоды народовъ требуютъ, чтобы соглашенія, подобныя уже существующимъ на ихъ счетъ между нѣкоторыми государствами, получили общее распространеніе и общее признаніе.

§ 2. Рѣчныя комиссіи и другія судоходныя власти.

Слѣдующимъ условіемъ правильной постановки управленія судоходствомъ является *единая для всей рѣки система рѣчныхъ властей*. На рѣкахъ національныхъ это единство устанавливается въ силу закона. Но какимъ образомъ можетъ быть установлено оно на рѣкахъ интернаціональныхъ? Въ видѣ общихъ, такъ сказать, руководящихъ началъ, слѣдуетъ выставить слѣдующія вытекающія изъ всего современнаго строя правила. Нѣтъ никакого основанія безусловно и *вполнѣ замѣнить длительнось отдѣльныхъ береговыхъ государствъ* какими-либо *международными властями*. И это потому, что самостоятельная дѣятельность государства не означаетъ непременно нарушенія международныхъ интересовъ. Во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда потребностямъ международной жизни могутъ удовлетворять мѣстныя власти, нѣтъ никакого основанія замѣнять ихъ дѣятельностью властей международныхъ. Въ международномъ правѣ болѣе, чѣмъ гдѣ-либо, въ различные центры должно быть переносимо только то, что не можетъ быть столь

¹⁾ Caratheodory, нѣм. р., S. 313, прим. 11.

же хорошо выполнено на мѣстѣ. Но разъ отдѣльныя государства, каждое само по себѣ, не могутъ достигать вполне удовлетворительно извѣстныхъ международныхъ задачъ, необходимо учрежденіе особаго общаго органа.

Далѣе, если въ отношеніи къ свободѣ судоходства, рѣка должна быть доступна флагамъ всѣхъ государствъ вообще, если въ международномъ правообразованіи могутъ съ пользой участвовать и небереговья страны, то въ административномъ управленіи рѣкой должны принимать участіе *только береговья государства*. То, что не можетъ выполнить одно изъ нихъ, то навѣрное по силамъ всей ихъ совокупности и постороннимъ государствамъ, въ обычныхъ условіяхъ, здѣсь нечего дѣлать. «Каждый регламентъ международной рѣки, который не примиряетъ въ себѣ... двухъ принциповъ: всемірной свободы и прибрежнаго кондоминія (*condominio fluviale*)», читаемъ мы у Кателани, «но уклоняется въ сторону или одной, или другой изъ этихъ основныхъ истинъ, принося въ жертву береговымъ государствамъ всѣ остальные, что касается пользованія рѣкой, или наоборотъ третьимъ государствамъ береговья страны въ отношеніи юрисдикціи, является аномальнымъ не только по сравненію съ тѣмъ идеаломъ, который предноситъ намъ разумъ, но и по сравненію съ основными истинами Парижскаго конгресса, а отчасти и статьями Вѣнскаго, который старался развить и примѣнить первыя на практикѣ»¹⁾. Эти слова итальянскаго ученаго въ высшей степени вѣрны. Къ сожалѣнію не всѣ съ ними согласны.

Но какъ *распредѣлитъ трудъ между отдѣльными береговыми государствами и тѣми общими органами*, которые они устанавливаютъ на рѣкѣ? «Въ современномъ состояніи науки международного права особенно рекомендуютъ расширять, насколько возможно, на пользу общихъ интересовъ область дѣйствія прибрежнаго консорціума (*du consortium fluviale*) и все болѣе и болѣе приносить въ жертву этимъ общимъ интересамъ мѣстныя автономіи»²⁾. Однако въ этомъ отношеніи должна быть извѣстная граница. Береговья государства должны обязаться о приведеніи рѣчнаго регламента въ исполненіе соответствующими мѣрами, согласно съ обстоятельствами и мѣ-

¹⁾ Il Congresso di Berlino, p. 707.

²⁾ Cours, § 719.

стомъ, и тѣ только обязанности, которыя рѣшительно не могутъ быть выполнены вполне удовлетворительно каждымъ изъ нихъ, дѣйствующимъ самостоятельно и въ своихъ территориальныхъ предѣлахъ, могутъ быть переданы особымъ договорнымъ властямъ. Не надо забывать, что согласно съ современнымъ внутреннегосударственнымъ строемъ постановленія регламентовъ международнаго судоходства могутъ, въ видѣ правила, примѣняться въ предѣлахъ каждой страны только чиновниками, подчиненными ея центральному правительству. Поэтому мы видимъ, что на всѣхъ рѣкахъ низшіе административные чиновники, всего ближе стоящіе къ судоходству, служащіе въ бюро рѣчныхъ сборовъ, или въ карантинныхъ учрежденіяхъ и пр. пазначаются мѣстнымъ правительствомъ. Но, такъ какъ самыя существенныя интересы судоходства требуютъ, чтобы административное устройство не только было однообразно, но и во всѣхъ своихъ частяхъ дѣйствовало согласно, то съ давнихъ поръ появилось убѣжденіе въ необходимости подчинить низшихъ агентовъ одной власти общей для всей рѣки. Это было также вполне цѣлесообразнымъ средствомъ для того, чтобы установить достаточный контроль за соблюденіемъ договорнаго права и для того, чтобы создать власть, которая могла бы служить средствомъ сношенія между береговыми государствами относительно всего того, что касается судоходства.

Послѣднее замѣчаніе общаго характера. *Высшая международная рѣчная власть* должна быть *коллегіальнымъ учрежденіемъ*. Въ основаніи международнаго управленія лежитъ самостоятельность государствъ. Послѣдняя должна быть ограничиваема постольку лишь, поскольку является дѣйствительная къ тому необходимость. Коллегіальное устройство сохранить отдѣльнымъ государствамъ ту долю вліянія на рѣчные дѣла, которая принадлежитъ имъ, какъ сувереннымъ членамъ рѣчнаго союза. Приблизительно подобныя же пачала лежатъ въ основаніи существующихъ международныхъ организацій.

Во время дѣйствія *конвенціи 1804 г.* администрація, поставленная во главѣ судоходства по Рейну, пользовалась обширными полномочіями. Высшая власть была поручена главному директору, который въ цѣломъ отношеніи соединялъ въ своихъ рукахъ законодательныя, административныя и судебныя функціи. Эта чрезвычайная централизація оправдывалась безпорядкомъ, царившимъ дотождѣ на Рейнѣ, тѣмъ, что

prince archi-chancelier соединялъ въ своихъ рукахъ всю власть, принадлежавшую нѣмецкимъ князьямъ праваго берега Рейна, такъ что судьба этой рѣки зависѣла собственно отъ двухъ только правительствъ, а равно безусловнымъ господствомъ французскаго влiянiя. Нигдѣ впослѣдствii мы не видимъ единоличной власти во главѣ всего рѣчнаго дѣла и наврядъ-ли подобнаго рода организацiя соотвѣтствуетъ существу международныхъ отношенiй. Въ 1814—15 гг., когда старыя прибрежныя государства Рейна вновь получили свои права, одно изъ первыхъ требованiй, которыя они предъявили Вѣнскому конгрессу, состояло въ возвращенiи каждому изъ нихъ главныхъ обязанностей, порученныхъ до этого общей дирекцiи, то есть собиранiя октруа и поддержанiя судоходности рѣки и хорошаго состоянiя ея береговъ. При этихъ условiяхъ устройство 1804 г. должно было подвергнуться серьезнымъ измѣненiямъ. Конечно никто не отвергалъ необходимости общаго органа, «d'une centralité quelconque», какъ говорилъ баронъ Гумбольдтъ, но каждый, прежде всего, думалъ о своей автономiи. Результатомъ этихъ тенденцiй была новая организацiя. Герцогъ Дальбергъ сдѣлалъ весьма удачное исвовведенiе, предложивъ поставить во главѣ рѣки не одно лицо, но комиссiю изъ делегатовъ береговыхъ государствъ, т. е. учрежденiе вполне соотвѣтствующее особой природѣ международныхъ сношенiй и права. Этимъ возвращались до извѣстной степени къ древнимъ порядкамъ: капитуламъ Кельна и Бингена. Эта реформа вызывала много незаслуженныхъ порицанiй, въ особенности во Францiи. Долговременный опытъ показалъ, что трудъ, надъ которымъ работали уполномоченные Пруссiи и Бадена, удовлетворяя общимъ интересамъ, хотя границы, поставленныя дѣятельности обоихъ органовъ, замѣнившихъ собой единоличную власть 1804 г., не были широки. Съ нѣкоторыми измѣненiями система, выработанная въ 1815 г., и до сихъ поръ еще считается, по крайней мѣрѣ въ теорiи, лучшею. Подобныя рѣчныя комиссiи мы встрѣчаемъ на большинствѣ международныхъ рѣкъ съ нормальнымъ режимомъ. Существуютъ конечно и исключенiя.

На нѣкоторыхъ рѣкахъ отдѣльные участки находятся *подъ управленiемъ территориальныхъ властей*. Общаго управленiя нѣтъ. Но подобное устройство объясняется всегда какими-либо особыми обстоятельствами, отсутствiемъ оживлен-

наго судоходства по данной рѣкѣ, антагонизмомъ орошаемыхъ ею государствъ, отсталостью ихъ или малой культурностью прилежащихъ мѣстностей и т. п. Въ литературѣ нѣтъ принципиальныхъ защитниковъ подобнаго порядка. И, если проф. Мартенсъ говоритъ въ своемъ докладѣ Институту: «Я предполагаю и надѣюсь, что Великобританія и Франція, береговые государства Нигера, столь же удачно будутъ наблюдать за исполненіемъ акта судоходства по этой рѣкѣ, какъ и международная коммиссія»¹⁾, то онъ конечно отдавалъ предпочтеніе не самостоятельному управленію рѣкою со стороны отдѣльныхъ береговыхъ государствъ по сравненію съ управленіемъ при посредствѣ коммиссіи, а исключительной дѣятельности мѣстныхъ государствъ передъ иностраннымъ вмѣшательствомъ.

На основаніи аналогичныхъ соображеній, *Институтъ и постановилъ* въ 27 параграфѣ своего проекта: «Органы, завѣдующіе судоходствомъ по международнымъ рѣкамъ, суть: 1) власти прибрежныхъ государствъ; 2) прирѣчная коммиссія». Говоря подробнѣе, объ исполненіи акта судоходства должны заботиться: 1) коммиссія, главный органъ рѣчного управленія; 2) главный инспекторъ, ей подчиненный; 3) инспектора; 4) сборщики пошлинъ; 5) служащіе въ карантинахъ; 6) судьи по дѣламъ судоходства; 7) инженеры и техники; 8) низшіе служащіе²⁾.

Но какими правами должна обладать рѣчная коммиссія? Въ нѣкоторыхъ случаяхъ ей предоставляются широкія законодательныя, административныя и судебныя права, въ другихъ они ограничены чисто административными функціями, à la portion congrue, какъ иронизируетъ Энгельгардтъ³⁾. Одно несомнѣнно: коммиссія должна простираť свою власть на всѣ вопросы, относящіеся непосредственно къ судоходству. Но въ чемъ можетъ выразиться ея власть?

Энгельгардтъ чрезвычайно суживаетъ компетенцію ея. «Прибрежная коммиссія», читаемъ мы въ ст. 26 его втораго проекта, «обязана наблюдать за исполненіемъ общаго регламента. Она получаетъ докладъ отъ главнаго инспектора и

¹⁾ Rapport, p. 283.

²⁾ Ср. Прадье-Фодере, Cours, § 716. — Также Энгельгардтъ, ст. 30 перваго проекта и 24 втораго.

³⁾ Le droit fluvial conventionnel et le traité de Londres de 1883, p. 364 s.

вырабатываетъ тѣ мѣры, которыя могутъ способствовать развитію судоходства и торговли». Въ соответствующей 32 ст. перваго регламента онъ прибавлялъ сюда еще одну функцію: опубликованіе отчетовъ о судоходствѣ на рѣкѣ, ея судоходности и т. д. Словомъ, въ его глазахъ она имѣетъ, какъ гласитъ та же статья, характеръ исключительно совѣщательный, «un caractère purement délibératif». Въ одномъ изъ своихъ этюдовъ о Дунаѣ ¹⁾ онъ поясняетъ, что комиссія, установленная актомъ 1815, могутъ обсуждать и предлагать извѣстныя мѣры, которыя становятся обязательными только послѣ ратификаціи всѣми береговыми государствами. Исполненіе ихъ лежитъ на мѣстныхъ властяхъ. «Право общаго надзора и контроля... не имѣетъ обыкновенно другой санкціи, кромѣ права сноситься съ различными провинціальными властями и адресовать имъ предложенія (représentations)». Но, если оно и было такъ во многихъ случаяхъ (хотя и не во всѣхъ), то, спрашивается, почему не пожелать, чтобы комиссія приносила нѣсколько большую пользу общему дѣлу?

Ничто другое постановляетъ на сей счетъ *Институтъ* въ ст. 30: «Прирѣчная комиссія составляетъ на международныхъ рѣкахъ органъ постоянный. Въ компетенцію ея входитъ: 1) назначеніе и выполненіе работъ, необходимыхъ для улучшенія и развитія судоходности рѣкъ; 2) опредѣленіе и примѣненіе тарифовъ рѣчныхъ сборовъ и иныхъ, упомянутыхъ въ стст. 13—18; 3) составленіе устава рѣчной полиціи; 4) надзоръ за хорошимъ состояніемъ рѣчныхъ сооружений и вообще за точнымъ выполненіемъ настоящаго акта; 5) назначеніе главнаго инспектора надъ международной рѣкою». Однако и съ подобной постановкой дѣла врядъ-ли возможно безусловно согласиться. Производство всякихъ работъ для улучшенія судоходности рѣкъ не можетъ лежать на обязанности комиссія, такъ какъ это слишкомъ стѣсняло бы мѣстныя власти. Ей можно поручить производство только тѣхъ изъ нихъ, которыя касаются территории двухъ и болѣе сосѣднихъ государствъ. То же самое замѣчаніе мы должны сдѣлать относительно предоставленія комиссія права взимать рѣчныя пошлины. Впрочемъ этотъ пунктъ несовсѣмъ ясенъ. Далѣе, регламентъ вовсе не указываетъ, каково отношеніе комиссія къ другимъ рѣчнымъ властямъ, и

¹⁾ Les embouchures du Danube, p. 115.

лишаетъ ее всякой возможности вліять на текущее положеніе дѣла, такъ какъ ей не предоставлено права издавать распоряженія, необходимыя для его упрядоченія. Спрашивается, къ чему же тогда надзоръ за исполненіемъ акта и все прочее? На практикѣ многихъ рѣкъ функціи рѣчныхъ комиссій поставлены шире и мы, вдохновляясь тѣмъ, что дала намъ историческая часть, можемъ формулировать наши желанія такимъ образомъ.

Коммиссія судоходства разрабатываетъ во всѣхъ подробностяхъ тѣ начала договорнаго права, которыя были приняты государствами относительно данной рѣки или относительно извѣстныхъ рѣкъ вообще. Она вырабатываетъ уставъ полиціи судоходства, лоцманскаго дѣла, карантинновъ и таможеннаго надзора. Она опредѣляетъ тарифы рѣчныхъ сборовъ, за исключеніемъ портовыхъ, каковыя устанавливаютъ мѣстныя власти. На ея обязанности лежитъ далѣе, обсуждать предложенія прибрежныхъ правительствъ, имѣющія въ виду процвѣтаніе судоходства; специально тѣ, которыя будутъ имѣть задачей дополнить или измѣнять регламенты судоходства, рѣчной полиціи и т. д., составленные ею самой. Она сама установитъ внутренніе регламенты для своихъ работъ, а равно и спеціальныя инструкціи своимъ агентамъ. Она издаетъ общія административныя распоряженія по всѣмъ выдвигаемымъ практикой вопросамъ. Она должна принимать и обсуждать всевозможныя заявленія и ходатайства по вопросамъ судоходства, откуда бы они ни исходили.

Ей принадлежитъ право высшаго надзора за всѣми частными рѣчной администраціи и высшаго руководства ею. Она обязана слѣдить за точнымъ исполненіемъ рѣчныхъ регламентовъ. Въ ея обязанности входитъ: изслѣдовать всѣ жалобы, которыя вызовутъ примѣненіе правилъ, опубликованныхъ отдѣльными береговыми государствами, и мѣръ, которыя они предпримутъ. Коммиссія въ своихъ сношеніяхъ съ тѣми властями береговыхъ государствъ, которыя, т. е. власти, не имѣютъ отношенія къ судоходству, будетъ имѣть только совѣщательный голосъ; жалобы, которыя будутъ ей адресованы противъ того или другаго органа береговаго государства, будутъ ею обсуждаться, относительно нихъ будутъ приниматься извѣстныя заключенія, но она должна ограничиваться передачей своихъ рѣшеній подобнымъ береговымъ властямъ, которыя съ своей

стороны обязаны давать имъ соотвѣтствующее удовлетвореніе, если не найдется какихъ-либо болѣе важныхъ препятствій; въ послѣднемъ же случаѣ эти мѣстныя власти должны представить свои соображенія комиссіи и въ то же время адресовать ихъ своему правительству, между которымъ и комиссіей поднимутся особые переговоры на счетъ даннаго вопроса. Въ другомъ отношеніи права комиссіи гораздо шире. Въ случаѣ жалобъ судовщиковъ или торговцевъ на дѣйствія бюро взаимнаго пошлинъ или другихъ судоходныхъ властей, комиссія рѣшаетъ вопросъ административнымъ порядкомъ. Въ ея обязанности входитъ далѣе наблюденіе за исправнымъ состояніемъ русла и бечевника, опредѣленіе работъ, требуемыхъ состояніемъ рѣвки, и производство ихъ на общихъ участкахъ. Наконецъ, ей принадлежитъ разсмотрѣніе судебныхъ дѣлъ въ случаѣ апелляціи. Рѣчная комиссія соединяетъ въ особомъ отчетѣ, предназначенномъ для опубликованія, всѣ данныя, относящіяся къ состоянію рѣчнаго пути, движенію на немъ товаровъ и пр. Всѣ свои постановленія она доводитъ до свѣдѣнія мѣстныхъ государствъ, которыя обязуются, если они во время не протестовали противъ нихъ, приводить ихъ въ исполненіе и оказывать ей всякую помощь. Береговое государство принимаетъ самостоятельныя мѣры относительно судоходства и доводитъ ихъ до свѣдѣнія комиссіи—черезъ посредство своего представителя въ ея составѣ. Послѣдній наблюдаетъ за тѣмъ, чтобы онѣ не противорѣчили распоряженіямъ комиссіи. Въ помощь себѣ, что касается ея административныхъ и др. функций, она назначаетъ главнаго инспектора, секретаря и др. чиновниковъ. Пребрежная комиссія будетъ принимать отчеты въ дѣятельности инспектора и другихъ международныхъ властей, будетъ оказывать имъ необходимую поддержку, слѣдить за тѣмъ, какъ они исполняютъ свои обязанности, и отдавать имъ нужныя приказанія. Ей должны оказывать всякую помощь мѣстныя судоходныя власти, къ которымъ она также можетъ обращаться съ приказаніями. При сомнѣніи въ компетенціи комиссіи эти власти должны, приведя ихъ въ исполненіе, за дальнѣйшими указаніями обращаться къ своему правительству.

Область ея компетенціи должна распространяться не только на судоходное теченіе главной рѣвки, но и на всѣ тѣ части даннаго рѣчнаго бассейна, а иногда и сосѣднихъ рѣчныхъ системъ, которыя, съ точки зрѣнія существующаго на

нихъ международнаго судоходства, представляютъ собой нѣчто цѣлое, другими словами, она распространяетъ свое дѣйствіе на весь тотъ районъ международной рѣки и прилежащихъ къ ней водъ, на которомъ существуетъ правильное и оживленное судоходство подъ флагами разныхъ національностей. Такимъ образомъ, область ея компетенціи не совпадаетъ съ областью дѣйствія свободнаго судоходства и можетъ быть опредѣлена въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ только по договору. Подобная же комиссія учреждается для тѣхъ національныхъ рѣкъ, которыя принимаютъ въ себя притоки, орошающіе территорію другаго или другихъ государствъ.

Что касается *рѣкъ національныхъ*, хотя бы и съ развитымъ международнымъ движеніемъ, управленіе ими принадлежитъ мѣстной государственной администраціи. Переходимъ къ нормальному устройству рѣчной комиссіи.

По проекту Института, она *состоитъ изъ делегатовъ* однихъ *независимыхъ государствъ*. Въ этомъ постановленіи сказалось конечно вліяніе проф. Мартенса, который вообще не считаетъ зависимыя государства субъектами международнаго права. Однако, мы не можемъ согласиться съ этимъ и, принимая во вниманіе то, что было установлено выше, въ главѣ второй, думаемъ, что этотъ вопросъ не допускаетъ общаго рѣшенія. Если зависимое государство или государство, входящее въ составъ сложнаго государства, не утратило вполнѣ по отношенію къ рѣчному судоходству своего государственнаго характера, сохранило за собой право международнаго представительства, оно можетъ участвовать и въ рѣчной комиссіи. Въ противномъ случаѣ, право это переходитъ въ соответствующихъ отношеніяхъ на сложное цѣлое или на государство—сюзеренъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ надо отвергнуть всякую *мысль о пропорціональномъ представительствѣ береговыхъ государствъ* въ комиссіи, сообразно протяженію ихъ береговыхъ владѣній, или согласно вліянію въ средѣ другихъ государствъ и т. п. Подобная комбинація не мирится съ тѣмъ общепризнаннымъ началомъ, что каждое государство, съ точки зрѣнія права, имѣетъ такое же значеніе въ своихъ дѣлахъ, какъ и всѣ остальные.

Наконецъ, *нерпичныя державы* конечно не имѣютъ *никакого права участвовать* въ рѣчныхъ комиссіяхъ. Ни одно самостоятельное государство не потерпитъ, чтобы въ отношенія

его къ рѣкѣ вѣшивалась кака-нибудь посторонняя власть. И свобода судоходства можетъ быть вполне обезпечена мѣрами однихъ береговыхъ державъ. Отступленія отъ этого общаго правила мы можемъ видѣть только въ государствахъ разлагающихся, какъ Турція, или въ странахъ съ неокрѣпшимъ еще строемъ, каковой примѣръ даетъ намъ область рѣки Конго. Какія страны находятся въ подобномъ положеніи, можно рѣшить только на практикѣ. Подобныя отношенія мы наблюдаемъ на нижнемъ Дунаѣ и на Конго. Впрочемъ тамъ дѣйствовали и нѣкоторыя другія причины, кромѣ только что указанныхъ. Энгельгардтъ находитъ, что сходство въ устройствѣ судоходства на Дунаѣ и на Конго объясняется одинаковыми обстоятельствами, въ первомъ случаѣ, «недовѣріемъ и завистью, возбужденными на западѣ предприимчивой политикой Россіи», во второмъ, «колоніальной исключительностью, которой слѣдовала Англія на африканскомъ континентѣ»¹⁾. И практика, и теорія стоятъ въ общемъ за ограниченное примѣненіе смѣшанныхъ комиссій. Такъ, между прочимъ графъ Капнистъ, представитель русскаго правительства, сдѣлалъ по этому поводу, въ 5 засѣданіи Берлинской конференціи 1885 г., слѣдующее заявленіе: «То, что мы вырабатываемъ нынѣ для Конго,... является исключительнымъ режимомъ, вызваннымъ особыми обстоятельствами, въ которыхъ находится эта страна». Въ другомъ мѣстѣ своей рѣчи онъ говорилъ о нарушеніяхъ принциповъ 1815 г., которыя были сдѣланы для Дуная. Гр. Капнистъ повторялъ подобныя же заявленія нѣсколько разъ въ засѣданіяхъ конференціи и рѣчной комиссіи 1885 г., и всякій разъ представители другихъ державъ соглашались съ его мнѣніемъ. Съ своей стороны, проф. Мартенсъ пишетъ въ докладѣ Институту международнаго права: «Le régime établi sur le Danube se trouve en contradiction flagrante avec les stipulations du Congrès de Vienne», не можетъ признать за правилами, принятыми на Дунаѣ, «ни авторитета принциповъ, ни освященія опытомъ»²⁾, а въ одной изъ своихъ статей выражаетъ надежду, что комиссія, созданная для рѣки Конго, «не получитъ въ ближайшемъ будущемъ примѣненія къ другимъ

¹⁾ Histoire, p. 98.

²⁾ Rapport, p. 282.

неафриканскимъ рѣкамъ»¹⁾). Однако далеко не все относится столь отрицательно къ комиссіямъ Дуная и Конго²⁾. Такъ Travers Twiss находитъ, что соглашеніе 1885 г. «знаменуетъ собой значительный успѣхъ въ развитіи того принципа, что интересы отдѣльныхъ государствъ должны подчиняться интересамъ международнаго общенія (de la communauté d'Etats)». Это конечно такъ, но вытекаетъ-ли отсюда пригодность подобныхъ комиссій для рѣкъ, поставленныхъ въ нормальныя условія? Это болѣе, чѣмъ сомнительно. Мы согласны съ графомъ Камаровскимъ, что онѣ могутъ найти мѣсто только въ слѣдующихъ случаяхъ: Судоходство на рѣкѣ носитъ вполне международный характеръ. Береговые государства находятся во взаимномъ антагонизмѣ или проходятъ періодъ первоначальнаго образованія. Рѣки внѣ Европы и Африки. Мы не представляемъ себѣ только вполне ясно, что имѣлъ въ виду нашъ уважаемый ученый подъ первымъ изъ перечисленныхъ случаевъ. Въ предѣлахъ образованныхъ и живущихъ нормальной жизнью государствъ представители нерѣчныхъ державъ могутъ быть допущены въ комиссію, во избѣжаніе лишнихъ столкновеній, самое большее съ голосомъ совѣщательнымъ.

Итакъ, наиболѣе правильное устройство комиссіи таково. Каждое береговое государство назначить комиссара для участія въ общихъ конференціяхъ о дѣлахъ судоходства. Комиссары образуютъ комиссію, имѣющую свое мѣстопребываніе въ одномъ изъ береговыхъ городовъ. Каждый комиссаръ имѣетъ только одинъ голосъ. Поэтому, напр. Пруссія, присоединивъ къ себѣ ГанOVERъ, не получила новаго голоса въ комиссіи р. Эльбы. Эльзасъ-Лотарингія, какъ имперская земля, сохранила въ рейнской комиссіи тотъ голосъ, который принадлежалъ Франціи. Въ составъ комиссіи могутъ быть приглашаемы представители небереговыхъ государствъ, но только съ голосомъ совѣщательнымъ. Комиссію засѣдаетъ постоянно въ періодъ навигаціи. Въ остальное время года собирается въ случаѣ особой надобности. Проектъ Энгельгардта предлагаетъ комиссію, которая собирается на ежегодныя сессіи; проектъ Института говоритъ о постоянной комиссіи. Мы думаемъ, что слѣдуетъ избрать средній путь. Содержаніе комиссаровъ

¹⁾ Африканская конференція, В. Евр., 1885, кн. 12, с. 531.

²⁾ Мартенсъ, Rapport, p. 282.

производится на счетъ ихъ правительствъ, расходъ на созваніе и работы комиссіи—общій. Комиссія выбираетъ по жребію своего президента. Послѣдній не обладаетъ никакими преимуществами передъ своими товарищами. Только въ случаѣ раздѣла мѣстной его голосъ имѣетъ рѣшающее значеніе. При исполненіи своихъ обязанностей комиссія дѣйствуетъ независимо отъ мѣстныхъ властей. Архивы и имущество комиссіи неприкосновенны. Рѣшенія въ комиссіи принимаются по большинству голосовъ. Они обязательны для всѣхъ участвующихъ въ ней государствъ, за исключеніемъ тѣхъ, представитель которыхъ сдѣлалъ формальную оговорку на этотъ счетъ при подписаніи протокола соотвѣтствующаго засѣданія¹⁾. Въ случаѣ, если извѣстный вопросъ нуждается въ единогласномъ рѣшеніи, онъ переносится на обсужденіе особой конференціи державъ. Нѣкоторые предлагаютъ, чтобы рѣшенія комиссіи были обязательны для отдѣльныхъ государствъ только, если они къ нимъ официально присоединяются, или чтобы ея рѣшенія были обязательны только для тѣхъ береговыхъ государствъ, которыя особо выразятъ на нихъ свое согласіе черезъ своихъ комиссаровъ. То, что мы рекомендуемъ имѣть, думается, большаго значенія, такъ какъ, оставляя неприкосновеннымъ принципъ независимости береговыхъ странъ, наша редакция позволяетъ комиссіи проявлять болѣе активную дѣятельность. Мы не понимаемъ, почему Энгельгардтъ, предложившій подобную же постановку вопроса, дѣлаетъ исключеніе въ пользу опредѣленія комиссіей тарифовъ рѣчныхъ сборовъ. Что онъ хотѣлъ доказать этимъ путемъ? Въ чемъ должно состоять исключеніе?

Главный инспекторъ является посредствующимъ звеномъ между низшею рѣчною администраціей и комиссіей, распоряженіемъ которой онъ подчиняется, и имѣетъ подъ своимъ прямымъ начальствомъ инспекторовъ, назначаемыхъ правительствами береговыхъ государствъ. Кромѣ того онъ имѣетъ право обращаться съ приказаніями къ чиновникамъ бюро для сбора пошлинъ и къ мѣстнымъ судоходнымъ и инымъ властямъ. Его распоряженія обязательны, съ тою же оговоркою, какъ и относительно приказаній комиссіи. Его компетенція

¹⁾ См. Регламентъ института, ст. 29.

распространяется на всю рѣку и на суда всѣхъ націй. Онъ обязанъ наблюдать за исполненіемъ рѣчнаго регламента и правилъ судоходства и рѣчной полиціи, и слѣдить въ особенности за ихъ однообразнымъ примѣненіемъ. Къ нему поступаютъ жалобы на дурное состояніе судоходства, неправильное взиманіе налоговъ и пр. Онъ имѣетъ право командировать для разсмотрѣнія дѣла особыхъ чиновниковъ и обязанъ доводить до свѣдѣнія мѣстныхъ властей и комиссіи о замѣченныхъ злоупотребленіяхъ и упущеніяхъ. Главный инспекторъ долженъ кромѣ того подготавливать всѣ материалы, которые могутъ освѣдомить комиссію на счетъ состоянія и потребностей судоходства и т. д. При отправленіи своихъ обязанностей онъ имѣетъ право обращаться за содѣйствіемъ къ военнымъ постами и мѣстнымъ прибрежнымъ властямъ. Независимость главнаго инспектора, какъ международнаго агента, можетъ обезпечиваться рядомъ гарантій. Онъ получаетъ жалованье изъ рукъ комиссіи и приноситъ присягу передъ нею. Его обязанности пожизненны, но лучше, если бы онѣ были срочны. Его можно смѣстить только по суду, или по болѣзни. Въ послѣднемъ случаѣ, ему обезпеченъ пожизненный пенсіонъ и пр., и пр. ¹⁾).

Береговое государство должно имѣть право принимать на пространствѣ рѣки, принадлежащемъ къ его территоріи, всѣ мѣры, чтобы гарантировать безопасность своихъ владѣній и законныя права своихъ поданныхъ, т. е. отправлять рѣчную полицію, производить техническія работы. Поэтому *назначеніе мѣстныхъ инспекторовъ, сборщиковъ рѣчныхъ поцлинъ, служащихъ въ таможенныхъ и карантинахъ, инженеровъ, наблюдающихъ за рѣкою и ея берегами, и т. д. предоставляется отдѣльнымъ государствамъ.* Всѣ эти чиновники подчинены главному инспектору и комиссіи. Инспектора должны доставлять своему правительству свѣдѣнія о потребностяхъ судоходства и получать отъ него соотвѣтствующія инструкціи, причемъ конечно одинъ чиновникъ можетъ представлять и два, и больше правительствъ. Всѣ низшіе судоходные агенты въ предѣлахъ извѣстнаго участка зависятъ отъ мѣстнаго инспектора, который надзираетъ за ними, руководитъ ими. Онъ разби-

¹⁾ Регламентъ Института, стст. 31—33. — Первый регламентъ Энгельгардта—ст. 33; второй—ст. 27.

раетъ правонарушенія, относящіяся до полиціи судоходства и рѣчныхъ сборовъ. Чиновники рѣчной полиціи обѣихъ странъ оказываютъ другъ другу всяческую помощь и сообщаютъ нужныя свѣдѣнія. Инспектора обязаны объѣзжать свой участокъ, изслѣдовать препятствія для судоходства, возникшія въ рѣкѣ, посѣщать бечевники и обращать къ соотвѣтствующимъ правительствамъ отчеты о помѣхахъ судоходству, которыя они могли констатировать или которыя такъ или иначе дошли до ихъ свѣдѣнія, предлагая соотвѣтствующія мѣры улучшенія или принимая ихъ лично и немедленно, если они имѣютъ на то право. Кроме того, на ихъ обязанности лежитъ изслѣдовать жалобы, которыя имъ будутъ представлены по поводу судоходства по рѣкѣ, и, если они находятъ ихъ основательными, они обращаются къ компетентнымъ властямъ своего участка, стараясь, чтобы онѣ были удовлетворены. Если ихъ предложенія не имѣли успѣха, они доводятъ объ этомъ до свѣдѣнія прибрежной комиссіи и высшихъ рѣчныхъ властей своего отечества.

Извѣстное отношеніе къ судоходству могутъ имѣть и нѣкоторые другіе агенты. По крайней мѣрѣ въ главныхъ береговыхъ городахъ международныхъ рѣкъ должно быть разрѣшено иностраннымъ правительствамъ имѣть своихъ *консуловъ*. Они должны имѣть право всходить на бортъ тѣхъ національныхъ судовъ, которыя находятся въ пограничныхъ водахъ, допрашивать національныхъ подданныхъ, провѣрять корабельныя бумаги, улаживать споры между капитанами, служащими и экипажемъ, оказывать имъ помощь передъ мѣстными властями и, если пожелають капитаны, принимать мѣры для спасенія судовъ, потерпѣвшихъ крушеніе, и ихъ груза. *Мѣстныя власти* должны оказывать помощь консульскимъ агентамъ въ исполненіи этихъ функций, но это не значитъ, чтобы судно, находящееся на такой рѣкѣ, не было подчинено и общимъ полицейскимъ и др. властямъ. Они могутъ всходить на судно, если тамъ совершено преступленіе, произошелъ безпорядокъ, угрожающій личной или имущественной безопасности, или спокойствію и общественному порядку, а равно для предупрежденія контрабанды, наконецъ во всѣхъ другихъ уголовныхъ или полицейскихъ дѣлахъ. Мѣстныя власти могутъ при этомъ не только арестовывать отдѣльныхъ лицъ, но и все судно. Прежде чѣмъ производить обыскъ судна, надлежитъ пригласить къ участию въ немъ компетентнаго консульскаго агента. Всѣ эти поста-

новленія не примѣняются къ непограничнымъ рѣкамъ. Мѣстныя власти принимаютъ мѣры спасенія и охраны въ случаяхъ какого-либо несчастія съ судами.

Послѣдній вопросъ заключается въ томъ, кому принадлежитъ юрисдикція по нарушеніямъ различныхъ правилъ судоходства и рѣчной полиціи? Что касается общихъ правонарушеній, то они подлежатъ конечно суду мѣстной территориальной державы. Мы говорили уже объ этомъ, а также о томъ, что предложенія, сдѣланныя по этому вопросу покойнымъ Блюнчли не имѣютъ значенія. Нельзя согласиться и съ проф. Schiattarella, который думаетъ, что въ тѣхъ случаяхъ, когда судно не принадлежитъ ни одному изъ береговыхъ государствъ и не состояло въ моментъ совершенія преступленія на якорѣ въ принадлежащихъ одному изъ нихъ водахъ, судебная власть надъ нимъ принадлежитъ тому государству, которое первое захватило виновнаго ¹⁾. Это предложеніе идетъ въ разрѣзъ съ основными началами современнаго международнаго уголовного права. Однако насъ интересуетъ спеціально подсудность нарушеній рѣчнаго права.

Если въ рѣчномъ регламентѣ отсутствуютъ болѣе подробныя и точныя постановленія, то можно удовольствоваться правиломъ, что *преступленіе подсудно мѣстнымъ судамъ*, а совершенное на самой линіи границы тому государству, которое первое констатируетъ его. Штрафы и иныя кары, полагающіеся за нарушеніе правилъ полиціи и др., всегда налагаются по суду и обыкновенно *порядокъ наложенія наказаній за рѣчныя преступленія опредѣляется въ рѣчныхъ регламентахъ*. Стремленіе къ децентрализаціи, которое побудило большинство членовъ комиссіи 1815 г. ограничить компетенцію рѣчной комиссіи выразилось съ равной силой во время пересмотра судебного режима, установленнаго конвенціей 1804 г. Эта конвенція указывала на постоянную заботу ея авторовъ облегчить, насколько возможно, движеніе рѣчныхъ транспортовъ, упростивъ всякія формальности въ этомъ дѣлѣ. На практикѣ установленная ею процедура вполнѣ обеспечивала интересы судоходцевъ, т. е. начальники бюро, произносившія приговоръ, и чиновники, констатировавшіе преступленіе, должны были исполнять всѣ судебныя формальности. Однако нельзя отрицать, что въ принципѣ

¹⁾ Ibid., p. 455—457.

было противно юридическимъ требованіямъ, чтобы начальникъ бюро рѣчныхъ пошлинъ былъ въ одно и то же время и судьей, и одной изъ тяжущихся сторонъ. То же возраженіе приложимо и ко второй инстанціи, представляемой администраціей, отъ которой зависѣлъ судья первой. Такимъ образомъ, въ 1815 г. было рѣшено образовать мѣстную судебную власть, независимую отъ администраціи. При каждомъ бюро рѣчныхъ пошлинъ было создано судебное мѣсто, которое должно было вѣдать въ первой инстанціи всякіе споры, касающіеся регламента судоходства. Судья, представляющій это мѣсто, содержится на средства того государства, которое его назначило и во имя котораго онъ произноситъ сентенцію. Онъ обязуется присягой строго соблюдать рѣчное законодательство, и не можетъ быть лишенъ своего мѣста, иначе какъ по формальному обвиненію и осужденію. Процедура, существующая въ этой первой инстанціи, опредѣлена въ регламентѣ. Она однообразна для всего теченія рѣки и, елико возможно, проста. Тамъ, гдѣ бюро взиманія пошлинъ принадлежитъ нѣсколькимъ государствамъ, судья назначается территориальною державой и дѣйствуетъ во имя ея. Что касается второй инстанціи, приговоры которой окончательны, то стороны могутъ обращаться или къ рѣчной комиссіи во время ея годовыхъ засѣданій, или къ высшимъ судебнымъ мѣстамъ, назначеннымъ каждымъ государствомъ въ сосѣднемъ съ рѣкой пунктѣ. Процедура апелляцій тоже составляетъ часть регламента судоходства ¹⁾. Однако особые рѣчные суды опять-таки не оправдали возлагавшихся на нихъ надеждъ. Они оказались слишкомъ далеки отъ судоходцевъ, а между тѣмъ условія судоходства особенно требуютъ скорого рѣшенія возникающихъ дѣлъ. Поэтому современная практика, а отчасти и наука возвращаются къ принципамъ 1804 г. На Дунаѣ первой инстанціей являются разные полицейскіе чины. Проектъ регламента, принятый Институтомъ, предлагаетъ такую комбинацію судебныхъ властей. Первую инстанцію составляетъ инспекторъ, вторую инстанцію—обыкновенные суды, или рѣчная комиссія, или особые рѣчные суды, указанные для этого въ каждомъ береговомъ государствѣ (стст. 22, 36, 37). Но съ другой стороны Энгельгардтъ защищаетъ

¹⁾ Elbschiffahrtsacte vom 1844, art. 46, 48, 51, 53 и др. — Rheinschiffahrtsacte vom 1868, art. 28, 33, 34, 35, 37, 38, 39.

какъ первую инстанцію, спеціальныя судоходныя суды ¹⁾). Ассеръ стоитъ за полную передачу дѣлъ общимъ судамъ береговыхъ государствъ. Того же мнѣнія и другой изслѣдователь рейнскаго права г. Годафруа. Врядъ-ли только отъ этого будетъ какое-нибудь облегченіе для судоходства. Сказанное не мѣшаетъ конечно тому, что рѣшенія спеціальныхъ рѣчныхъ судовъ, гдѣ таковыя имѣются, относительно вопросовъ судоходства могутъ служить богатымъ источникомъ познанія рѣчнаго права и можно пожалѣть вмѣстѣ съ г. Völderndorff о томъ, что сборники ихъ до сихъ поръ не напечатаны ²⁾).

Намъ кажется, что *наибольше удовлетворительной является слѣдующая постановка дѣла*. Въ случаѣ нарушенія установленныхъ правилъ судоходства, помимо полного возмѣщенія убытковъ, виновные преслѣдуются уголовнымъ порядкомъ. Первой инстанціей являются главный инспекторъ и мѣстные инспектора, обязанные разбирать слѣдующія дѣла—а) уголовныя: производство предварительнаго слѣдствія и судебное разбирательство по всѣмъ нарушеніямъ предписаній относительно судоходства и рѣчной полиціи; б) гражданскія: упрощенное производство по дѣламъ 1) объ уплатѣ и количествѣ подлежащихъ взиманій за лоцманскія услуги etc; 2) о пренятствіяхъ, которыя частныя лица ставятъ пользованію бечевниками; 3) объ убыткахъ причиненныхъ судоходцами или плотовщиками во время пути или при остановкахъ у берега и 4) объ убыткахъ нанесенныхъ лошадьми тянущими суда бечевой. Въ случаѣ временнаго отсутствія судьи первой инстанціи, дѣло можетъ принять къ своему разбору прямо судъ второй инстанціи. Если предметъ дѣла будетъ оцѣниваться выше известной суммы, стороны могутъ апеллировать или въ комиссію, или въ особый указанный въ каждомъ береговомъ государствѣ общій или спеціальный трибуналъ. Апелляція противъ обвинительныхъ приговоровъ приносится въ трехмѣсячный срокъ со времени ихъ объявленія. Судебныя приговоры подлежатъ исполненію во всѣхъ прибрежныхъ государствахъ. Въ случаѣ споровъ между капитанами и ихъ экипажемъ стороны имѣютъ право, если отсутствуетъ другая компетентная власть, просить инспектора или главнаго

¹⁾ Ст. 9 перваго проекта; ст. 8 — втораго. — Pradier-Fodéré, Cours, §§ 711, 719.

²⁾ Annalen d. D. R. 1890. S. 826.

инспектора произвести сокращенное разслѣдованіе. Въ этихъ случаяхъ они приглашаютъ къ себѣ ассистентамъ двухъ капитановъ, по возможности національности спорящихъ сторонъ. Эти же лица, каждый въ границахъ своей компетенціи, будутъ произносить приговоры по столкновеніямъ; происшедшимъ между лоцманами и капитанами, если ихъ вмѣшательство будетъ непрошено спорящими. Не будучи подсудна ни одному мѣстному суду, комиссія въ случаѣ споровъ съ отдѣльными лицами прибѣгаетъ къ третейскому разбирательству. Главнымъ инспекторомъ и комиссіей приговоры произносятся во имя береговыхъ государствъ, мѣстными инспекторами—во имя ихъ отечественнаго правительства. Но тѣ и другіе одинаково признаются въ предѣлахъ всѣхъ цивилизованныхъ государствъ.

Однако *не на всѣхъ рѣкахъ существуетъ подобная система властей*. Такъ, въ 1868 г. центральная рейнская комиссія уничтожила главный инспекторатъ, который дѣйствовалъ съ великой пользой для судоходства въ продолженіи 40 лѣтъ. Въ особенности послѣдній инспекторъ оказалъ большія услуги рѣчному судоходству. Эта мѣра, говоритъ Энгельгардтъ «paraît avoir été surtout dictée par des raisons personnelles». Инспекторъ долженъ былъ быть принесенъ въ жертву самолюбію правительства одной изъ главныхъ рѣчныхъ державъ. На нѣкоторыхъ все управленіе находится въ рукахъ мѣстныхъ властей. На тѣхъ рѣкахъ, устья которыхъ подчинены морскому праву, въ предѣлахъ примѣненія послѣдняго могутъ дѣйствовать особыя морскія власти. Быть можетъ, именно это имѣетъ въ виду Каратеодори¹⁾, когда соглашается въ крайнемъ случаѣ на двѣ системы управленія рѣчнаго судоходства: а) въ устьяхъ и на нижнемъ теченіи рѣки и б) въ верхнемъ теченіи ея (собственно рѣчное. Обѣ системы должны быть вполне согласованы одна съ другою²⁾).

На рѣкахъ національныхъ дѣйствуютъ конечно исключительно мѣстныя судебныя; какъ другія власти.

¹⁾ Нѣм. раб., S. 332.

²⁾ Engelhardt, Du régime, p. 185—191.—Caratheodory, нѣм. раб., § 72, Flussbehörden.—Прадье-Фодере, Cours, §§ 716, 719, 711.—Работы Гюдефруа и Ассера см. указатель литературы для Рейна.

§ 3. Полиція судоходства.

Въ отдѣлѣ о рѣчной полиціи идетъ рѣчь вопервыхъ о точныхъ правилахъ, которыя должны предупреждать несчастія съ судами въ различныхъ обстоятельствахъ: когда суда скрещиваются или обходятъ другъ друга, когда они идутъ на буксирѣ или тянутся бечевой, когда они плывутъ ночью, или во время тумана, когда они садятся на мель, стоятъ на якорѣ, или терпятъ крушеніе, т. е. о правилахъ *полиціи судоходной безопасности*. Къ ней можно также отнести нѣкоторыя другія начала, имѣющія въ виду поддержаніе судоходности рѣки, неприкосновенности береговъ ея и т. д., напр. правила для выбрасыванія остатковъ съ судовъ, правила о поддержаніи порядка въ рейдахъ и гаваняхъ. А вовторыхъ, о началахъ, составляющихъ такъ называемую *полицію судоходнаго благосостоянія*, т. е. о началахъ, которыя устанавливаютъ учрежденія необходимыя для развитія судоходства и ихъ дѣятельность, направленную на пользу его, низшую полицейскую рѣчную службу, лоцманское устройство, устройство маяковъ, спасательныхъ станцій, гаваней, разгрузочныхъ и нагрузочныхъ мѣстъ и т. п.¹⁾

Въ этой отрасли рѣчной администраціи особенно необходимо обращаться съ международной рѣчкой, какъ, еслибы она принадлежала одной только державѣ. Однимъ изъ существенныхъ условій развитія судоходства является *однообразіе тѣхъ правилъ*, которыя непосредственно регламентируютъ его. Поэтому рядомъ съ національнымъ правомъ получаетъ съ необходимостью развитіе и международное полицейское право судоходства. Обязательныя для всѣхъ флаговъ безъ различія, эти правила должны быть, и на самомъ дѣлѣ бывають, одни и тѣ же для всего судоходнаго пространства рѣки. Въ этомъ случаѣ Дунай, кажется, представляетъ единственное исключеніе. Большею частью, эти правила не фигурируютъ въ регламентахъ, опредѣляющихъ общія основанія режима свободнаго судоходства. Они находятся въ приложеніяхъ къ этимъ актамъ, въ видѣ дополнительнаго регламента и образуютъ одно болѣе или менѣе систематичное цѣлое.

Кромѣ общихъ правилъ, опредѣленно установленныхъ

¹⁾ Caratheodory, вѣм. раб., S. 319.

порѣчными государствами для всей рѣки, *каждое* изъ нихъ можетъ издавать особыя постановленія для своего участка, лишь бы послѣднія не противорѣчили общему порядку. Международныя рѣки составляютъ существенную часть тѣхъ территорій, которыя онѣ пересѣкаютъ или омываютъ. Поэтому право каждаго береговаго государства регламентировать судоходство, поскольку это не сдѣлано международнымъ путемъ, несомнѣнно. Обычныя и весьма различныя недостатки водяныхъ путей, заботы, которыми должно быть окружено судоходство, дѣлаютъ необходимыми особенныя мѣры полицейскаго надзора за ними. Каратеодори ¹⁾ выводитъ право береговаго государства издавать полицейскія предписанія изъ возложенной на него обязанности заботиться о берегахъ и руслѣ рѣки. Прадье-Фодере съ большимъ основаніемъ считаетъ, что право береговаго государства издавать и приводить въ исполненіе регламенты рѣчной полиціи объясняется принадлежностью рѣки къ составу его территоріи, обязанностью, лежащей на немъ, заботиться о ней, тѣснотой рѣчной дороги и ея естественными несовершенствами²⁾. Болѣе исключительно распространяются мѣстныя правила на рѣчныя гавани. Подъ гаванью разумѣютъ часть рѣки, заключающуюся между берегомъ, двумя прямыми линіями, идущими перпендикулярно къ берегу отъ двухъ крайнихъ пунктовъ залива, и линіей фарватера. Если противоположный берегъ принадлежитъ той же державѣ, то въ составъ гавани входитъ все пространство, которое отрѣжутъ параллельныя линіи, продолжившія до другаго берега. Такого расширенія гавани конечно не бываетъ, если на противоположномъ берегу существуетъ другая гавань, или какой нибудь разгрузочный или нагрузочный пунктъ съ особымъ гаваннымъ чиновникомъ ³⁾. А изъ разныхъ типовъ судовъ обращаютъ на себя особое вниманіе—пароходы. «Пароходство по своему понятію является частнымъ предпріятіемъ; если оно отправляется обществомъ, то оно подчиняется общему праву обществовъ (*allgemeine Gesellschaftsrecht*); отдѣльный пароходъ подпадаетъ подъ судовое право (*Schiffsrecht*); въ отношеніи своихъ машинъ подъ

¹⁾ Нѣм. раб., S. 316.

²⁾ Cours, § 711.

³⁾ Art. 105 du Règlement du 2 Juin 1882.

право машинъ (Maschinenpolizei)»¹⁾. Точно также, параллельно съ тѣмъ контролемъ за исполненіемъ рѣчныхъ правилъ, который принадлежитъ общей для всѣхъ порѣчныхъ государствъ высшей наблюдательной власти, и каждое правительство можетъ слѣдить за исполненіемъ полицейскихъ предписаній на принадлежащемъ ему участкѣ рѣки. Поэтому низшія полицейскія власти, инспектора и пр., обыкновенно находятся на службѣ береговыхъ государствъ²⁾.

Итакъ, полицейскія правила, какъ и основные принципы судоходства, бываютъ предметомъ соглашенія между государствами, но это соглашеніе развивается въ подробностяхъ законодательствомъ cadaго изъ нихъ. Блончли говоритъ: «Рѣчная и судоходная полиція должна быть организована, насколько она касается общихъ интересовъ государствъ, на однихъ и тѣхъ же юридическихъ основаніяхъ. Для исключенія нужны особенныя причины». Это съ одной стороны. А съ другой: «Чужеземные корабли должны сообразоваться съ юридическимъ порядкомъ гавани, въ особенности съ предписаніями морской полиціи относительно лоцмановъ и буксирующихъ судовъ и съ врачебно-полицейскими правилами. При исполненіи этихъ правилъ слѣдуетъ однако обращаться одинаковымъ образомъ съ кораблями разныхъ государствъ»³⁾. Но дать общее правило относительно того, какіе вопросы слѣдуетъ отнести въ международный регламентъ и какіе предоставить отдѣльному государству, нельзя. Фиоре думаетъ, что «международные регламенты рѣчной полиціи должны обезпечить правильность и безопасность судоходства на всемъ теченіи рѣки; установить власть, обязанную наблюдать за поддержаніемъ ея судоходности; опредѣлить тѣ техническія работы, которыя должны быть произведены на общій счетъ и обезпечить ихъ выполненіе; устранить сооруженія и работы, которыя могли бы какимъ-либо образомъ стѣснить судоходство, измѣнить теченіе и уровень водъ; примирить частныя интересы cadaго государства и его подданныхъ съ общими интересами» (ст. 515). Наоборотъ, «каждое изъ береговыхъ государствъ должно особымъ

¹⁾ Stein, ibd. S. 405.

²⁾ Elbschifffahrtsacte vom 23 Juni 1821 и Rheinschifffahrtsacte vom 12 April 1868.

³⁾ Кодексъ, §§ 318, 323.

регламентомъ позаботиться о полиціи и безопасности судоходства въ той части рѣки, которая находится въ его границахъ. Оно можетъ предпринять необходимыя мѣры для того, чтобы предупредить контрабанду; оно организуетъ санитарный надзоръ при выходѣ и входѣ судовъ и учреждаетъ карантинныя, которые могутъ входить въ составъ его; оно опредѣляетъ тѣ судоходные сборы, которые должны платить суда, входящія въ его порты, и способъ ихъ взиманія»... (Ст. 516). Однако съ нимъ можно согласиться только вообще, но никакъ не въ подробностяхъ. Нѣкоторые изъ перечисленныхъ выше вопросовъ къ полиціи судоходства не относятся. Другіе не могутъ быть предметомъ законодательныхъ опредѣленій, а допускаютъ только административныя распоряженія на ихъ счетъ. Наконецъ онъ предоставляетъ слишкомъ много правъ отдѣльному государству. Справедливо только то, что полицейскія функціи распределяются между отдѣльнымъ береговымъ государствомъ и союзомъ всѣхъ береговыхъ странъ. Поэтому уже никакъ нельзя утверждать вмѣстѣ съ Ривье ¹⁾, что «Jeder Uferstaat behält hinsichtlich der Polizei und der Gerichtbarkeit die Integrität seines Territorialrechts». Этому нѣтъ въ дѣйствительности и этого нѣтъ никакого основанія желать.

Вообще *регламенты* судоходства и полиціи на всѣхъ рѣкахъ *очень сходны*, такъ какъ, основываясь на долготѣнней практикѣ, они по большей части скопированы одинъ съ другаго. При такихъ условіяхъ легко было бы вывести подробныя правила относительно рѣчной полиціи, но это повело бы къ такимъ нежелательнымъ подробностямъ, которыя уже вовсе не вяжутся съ цѣлью нашей работы. Мы остановимся здѣсь только на двухъ, трехъ болѣе важныхъ пунктахъ.

Регламентъ рѣчнаго судоходства и полиціи *не долженъ* содержать *постановленій*, которыя могли бы стѣснить права, принадлежащія иностраннымъ флагамъ. Онъ долженъ подробно регулировать дѣятельность рѣчныхъ властей, направленную на обезпеченіе безопасности и благосостояніи судоходства, и предписывать для частныхъ лицъ только тѣ границы, которыя совершенно необходимы въ общихъ интересахъ. Этому требованію должны удовлетворять не только международные регламенты, но и національные.

¹⁾ Lehrbuch, S. 149.

Далѣ *иностранныя суда*, каково бы ни было мѣсто происхожденія или назначенія ихъ самихъ и ихъ груза, должны пользоваться во всѣхъ отношеніяхъ, при входѣ на рѣку, во время пребыванія на ней и при выходѣ *тѣми же правами, какъ и мѣстныхъ суда и ихъ грузъ*. Что касается расположенія судовъ, ихъ нагрузки и выгрузки въ портахъ, рейдахъ, гаваняхъ или пристаняхъ и вообще что касается всѣхъ формальностей или распоряженій, которымъ могутъ быть подчинены коммерческія суда, ихъ экипажи и ихъ грузъ, устанавливается полное равенство всѣхъ флаговъ. Для дѣйствительнаго обезпеченія этого равенства, а равно и интересовъ судоходства рекомендуются слѣдующія правила. Суда, плавающія по рѣкѣ, должны имѣть установленныя бумаги, быть подъ начальствомъ отвѣтственнаго капитана, предъявлять свои бумаги по требованію рѣчныхъ властей, въ водахъ пограничныхъ и въ водахъ другой стороны поднимать національный флагъ. Национальность судна опредѣляется согласно національнымъ законамъ и регламентамъ тѣми бумагами и патентами, которые выдаются соответственными властями. Морскія суда могутъ ограничиться тѣми бумагами, которыми они снабжены для морскаго переѣзда. Рѣчныя должны имѣть ихъ отъ тѣхъ властей, отъ которыхъ зависятъ. Бумаги для рѣчныхъ судовъ, выдаваемые компетентными властями, должны указывать собственника судна и судоходныя качества послѣдняго, бумаги для плотовъ—собственника, происхожденіе и назначенія плота. Бумаги эти теряютъ силу, какъ только судно переходитъ въ руки иностраннаго подданнаго или иностранной компаніи. Патентъ судоходцевъ, плавающихъ исключительно по рѣкѣ, долженъ удостовѣрять подтвержденныя испытаніемъ знанія его. Суда, служащія только для одного путешествія внизъ по теченію, для сплава приравняются къ плотамъ, а суда, подерживающія мѣстныя сообщенія, не нуждаются въ бумагахъ и въ патентѣ для судовщика. Это правило относится вообще къ мелкимъ судамъ. Для пароходовъ требуется еще удостовѣренія въ испытаніи котла. Для полученія патента на професію рѣчнаго судоходца не требуется подданства одному изъ береговыхъ государствъ, или постоянного мѣстожительства въ одномъ изъ нихъ. Въ 1887 г. по инициативѣ варшавскаго генераль-губернатора возникъ на Вислѣ интересный вопросъ о томъ, могутъ-ли плоты и гонки съ лѣснымъ матеріаломъ, плавающіе по этой рѣкѣ, быть относимы къ категоріи судовъ, обла-

дающихъ судовыми документами и имѣющихъ право на поднятіе національнаго флага? Министерство путей сообщенія разрѣшало это на Вислѣ и Бугѣ. Генераль-губернаторъ былъ недоволенъ. Нами было указано выше, на какомъ основаніи рѣчное судно можетъ поднимать національный флагъ. Этихъ основаній не существуетъ для плотовъ и гонокъ и разныхъ мелкихъ судовъ. Наконецъ, отъ морскихъ судовъ совершенно излишне требовать какого-либо удостовѣренія въ хорошемъ состояніи, оснащеніи и пр., такъ какъ, по своему назначенію, они представляютъ достаточную гарантію этого ¹⁾.

На всѣхъ рѣкахъ въ настоящее время уничтожены всякія монополіи. вмѣстѣ съ этимъ уничтожены и всякаго рода общества, или корпораціи, исключительно эксплуатировавшія судоходную промышленность. Только одно привилегированное учрежденіе уцѣлѣло до настоящаго времени, это *корпораціи патентованныхъ лоцмановъ* (*des pilotes commissionnés*), исключительно уполномоченныхъ проводить суда при входѣ въ рѣку, или на всемъ ея теченіи, или на части его. Это исключеніе понятно само собой. Доступъ въ устья и нѣкоторыя части внутренняго пространства требуетъ особенныхъ знаній со стороны лицъ, которымъ это дѣло поручено. Нужды судоходства требуютъ также, чтобы въ распоряженіи судоходства всегда былъ достаточный комплектъ лоцмановъ, опытность которыхъ была бы гарантирована. Это-то обстоятельство и побуждало правительство устраивать въ извѣстныхъ мѣстахъ рѣки общества казенныхъ лоцмановъ, обращаться къ которымъ за помощью или становилось въ обязанность всѣмъ проходящимъ судамъ, или представлялось имъ на усмотрѣніе. Принудительное лоцманство было бы въ наше время аномаліей, если бы общественная власть имѣла въ виду только частные интересы судоходца, заботясь о нихъ болѣе его самого. Но обязанность брать патентованнаго лоцмана имѣетъ и другое значеніе. Крушеніе судна можетъ стѣснить или даже совсѣмъ прервать движеніе судовъ вообще, особенно въ узкихъ и извилистыхъ проходахъ и во время періодическаго пониженія водъ. Напримѣръ, въ 1856 г. одно дурно управляемое судно сѣло на мель въ Сулинѣ поперекъ теченія. Всякое движеніе на нижнемъ Дунаѣ прекратилось и болѣе 40 судовъ должны были

¹⁾ Engelhardt, Du régime... p. 106.—Блончли, Кодексъ, §§ 326, 327.

ожидать цѣлыи недѣли, чтобы путь освободился. Во всякомъ случаѣ относительно лоцманства должны быть соблюдаемы слѣдующія два правила: 1) Лоцманство должно быть обязательно только тамъ, гдѣ существуетъ дѣйствительная опасность для всего судоходства, если управление судномъ будетъ предоставлено самимъ судоходцамъ. 2) Въ другихъ мѣстахъ, даже на тѣхъ частяхъ рѣки, которыя требуютъ особыхъ предосторожностей, но для посѣщенія которыхъ достаточна опытность обыкновенныхъ капитановъ, могутъ быть основаны станціи патентованныхъ лоцмановъ, но безъ обязательнаго къ нимъ обращенія. Впрочемъ, и въ первомъ случаѣ капитанъ можетъ отказаться отъ лоцмана, если онъ докажетъ официальными документами свои спеціальныя знанія. Что касается морскихъ судовъ, то для нихъ, во всякомъ случаѣ, обязательно брать лоцмана при входѣ въ рѣку. Рѣчное плаваніе не то, что плаваніе морское. На Дунаѣ, напр., сопровожденіе судна лоцманомъ обязательно въ устьяхъ и факультативно на среднемъ теченіи рѣки. Поэтому Фиоре въ § 513 своего кодекса совершенно ошибочно требуетъ освобожденія морскихъ кораблей, за исключеніемъ особыхъ случаевъ, отъ взятія лоцмана въ одномъ изъ береговыхъ государствъ. Ст. 23 проекта, выработаннаго проф. Мартенсомъ, съ большимъ основаніемъ предлагала, чтобы лоцманъ былъ обязателенъ для морскихъ судовъ на всемъ теченіи рѣки и чтобы капитаны исключительно рѣчныхъ судовъ имѣли отъ того береговаго государства, гдѣ они живутъ постоянно или въ подданствѣ котораго они состоятъ, удостовѣреніе въ необходимыхъ свѣдѣніяхъ и знаніи мѣстныхъ условій. Такого же содержанія была ст. 8 перваго проекта Энгельгардта, который требовалъ кромѣ того, чтобы исключительно рѣчныя суда имѣли удостовѣреніе относительно ихъ судоходныхъ качествъ. Статья, предложенная проф. Мартенсомъ, была вычеркнута изъ проекта, принятаго Институтомъ, по настоянію Бульмеринка, Перельса и Ролень Жакменъ, такъ какъ всѣ нашли, что это постановленіе относится къ *droit interne*, и что ст. 21 проекта достаточно уже говорила о правилахъ полиціи. Но съ этимъ доводомъ нельзя согласиться. Чѣмъ подробнѣе будутъ развиты постановленія, обеспечивающія свободу судоходства, тѣмъ болѣе существуетъ гарантій, что она не будетъ нарушена. Если подобныя постановленія относятся обыкновенно къ внутренне-государственному праву, то не рѣдко причисляются они и къ между-

народному. Болѣе того, вопросъ о лоцманствѣ одинъ изъ существенныхъ пунктовъ рѣчныхъ регламентовъ, и никто не проигралъ бы отъ того, что Институтъ международного права указалъ бы на рѣшеніе, которое является наиболѣе согласнымъ съ общимъ благомъ ¹⁾).

Слѣдующій пунктъ, который обыкновенно подробно регулируется въ регламентахъ рѣчной полиціи, составляютъ *искусственныя сооруженія въ устьяхъ и на берегахъ рѣки*. Принято за общее правило, что на международной рѣкѣ не должно предпринимать ничего, могущаго задерживать или стѣснять судоходство. Отступленіе отъ этого возможно только въ случаѣ крайней необходимости. Наиболѣе важное препятствіе судоходству составляютъ мосты, соединяющіе оба берега. Они не должны мѣшать проходу судовъ ни слишкомъ тѣснымъ расположеніемъ устоевъ, ни слишкомъ низкой аркой. Ихъ устройство должно быть таково, чтобы суда, плававшія по рѣкѣ до постройки моста, и впредь могли продолжать свое плаваніе безъ перемѣнъ въ своемъ оснащеніи (*Bemastung*) и въ высотѣ своихъ трубъ. Для обезпеченія этихъ требованій планы каждаго моста должны быть представлены международному рѣчному начальству до начала работъ. При сооруженіи желѣзнодорожнаго моста черезъ Рейнъ у Кельна, Пруссіей и Франціей было рѣшено, что онъ не долженъ никоимъ образомъ задерживать судоходство. Подробное развитіе постановленій относительно мостовъ мы находимъ въ регламентѣ рѣчной полиціи на Дунаѣ отъ 2 іюня 1882 г.; именно, самыя широкіе пролеты должны находиться надъ самой глубокой частью русла, такъ чтобы фарватеръ не былъ стѣсненъ; бечевникъ долженъ оставаться свободенъ; наконецъ, разводные мосты устраиваются такъ, чтобы для проходящихъ судовъ не было никакихъ проволочекъ при ихъ разведеніи. Сообразно съ вышеупомянутымъ правиломъ, судоходству не должны также мѣшать ни пловучія мельницы, ни выстроенныя на твердой землѣ. То же самое относится къ перевозамъ, оросительнымъ сооруженіямъ, а также ко всякаго рода рыболовнымъ приспособленіямъ. Первые два рода сооруженій могутъ быть устраиваемы только въ тѣхъ пространствахъ рѣки, которыя не

¹⁾ Acte de navigation du 2 Nov. 1865, t. IV, art. 69—81. — Régl. de nav. du 2 Juin 1882, ch. XI, art. 66—71.

служать судоходству, и ихъ устройство должно быть таково, чтобы они не мѣшали свободному стоку воды и не производили вредныхъ измѣненій въ фарватерѣ рѣки¹⁾). Подобное предписаніе относительно мельницъ дѣйствуетъ, напр., у Майнца. Проволочные канаты, которыми двигаютъ перевозки съ одного берега на другой, должны быть воспрещены. Также слѣдуетъ воспретить употреблять при рыболовствѣ столбы, которые могутъ мѣшать передвиженію судовъ. Мосты, мельницы, ирригаціонныя сооруженія и проч. не должны портить бечевниковъ. Новые перевозки учреждаются по взаимному соглашенію пограничныхъ государствъ. Суда не имѣютъ права бросать свой балластъ въ рѣку.

Новый вопросъ, требующій разрѣшенія, касается языка, который долженъ употребляться какъ въ средѣ рѣчнаго управленія международной рѣки, такъ въ сношеніяхъ рѣчныхъ властей съ судоходцами. Каратеодори думаетъ, что въ этомъ случаѣ «дѣлу могъ бы помочь выборъ какого-либо языка, какъ международнаго»²⁾. Но, по нашему мнѣнію, этотъ вопросъ долженъ рѣшаться, согласно мѣстнымъ торговымъ условіямъ, такимъ образомъ, чтобы торговцы и судоходцы, не знающіе того или другаго языка, не подвергались вслѣдствіе этого стѣсненіямъ и задержкамъ, т. е. распоряженія рѣчныхъ властей, производство въ судахъ и пр. должны происходить, по возможности, на всѣхъ главнѣйшихъ употребляемыхъ на данной рѣкѣ языкахъ. На нижнемъ Дунаѣ три официальныхъ языка: сербскій, болгарскій и румынскій. Но, кромѣ нихъ, среди торговцевъ употребителенъ здѣсь также греческій языкъ, поэтому распоряженія и объявленія Европейской комиссіи, предназначенныя для опубликованія, составляются и на этомъ языкѣ.

Кромѣ перечисленныхъ постановленій, въ договорахъ содержатся часто очень многія другія... Бечевники должны быть въ добромъ порядкѣ. Каждое государство обязуется слѣдить за хорошимъ состояніемъ всѣхъ сооруженій въ рѣчныхъ портахъ. За пользованіе ими взимается плата, идущая всецѣло на ихъ содержаніе. Надъ состояніемъ рѣчныхъ водъ производятся правильныя наблюденія. Въ кодексѣ Блюнчли мы находимъ еще *слѣдующія правила судоходства и рѣчной полиціи*: «На узкомъ

¹⁾ Réglem. de nav. du 2 Juin 1822, art. 5 (Дунай).

²⁾ Нѣм. раб., S. 317, 319.

мѣстѣ пароходы обязаны держаться, насколько это возможно, стороны фарватера, или ѣхать по срединѣ его, по правому борту корабля». «Ночью, т. е. во время отъ заката до восхода солнца, корабли, находящіеся въ движеніи или бросившіе якорь въ такомъ мѣстѣ, гдѣ можетъ произойти столкновение съ другимъ судномъ, обязаны зажечь на фокмачтѣ бѣлый огонь, а пароходы, кромѣ бѣлаго огня на фокмачтѣ, еще зеленый на штирбортѣ и красный огонь на лѣвомъ бортѣ. Бѣлый огонь на вершинѣ мачты долженъ быть виденъ въ темную ночь и при ясной погодѣ на разстояніи по крайней мѣрѣ пяти морскихъ миль». «Никогда не должно запрещать кораблю и его экипажу въ случаѣ опасности приближаться къ берегу для спасенія и пользоваться общественными спасательными снарядами»¹⁾. Впрочемъ все это относится болѣе къ морскому праву²⁾. Мы считаемъ излишнимъ разсматривать другія подобныя подробности регламентовъ судоходства и полиціи, тѣмъ болѣе, что отчасти уже познакомились съ ними въ историческихъ очеркахъ.

Система полицейскаго управленія должна быть одна и та же какъ на всемъ теченіи международной рѣки, такъ, по возможности, и на всѣхъ прилежащихъ къ ней водахъ, составляющихъ съ нею одно экономическое цѣлое.

Нѣкоторыя начала полицейскаго управленія *на рѣкахъ національныхъ* могутъ быть также съ пользою для общихъ интересовъ опредѣлены по договору. Во всякомъ случаѣ, приведеніе въ исполненіе полицейскихъ регламентовъ принадлежитъ на этихъ рѣкахъ исключительно мѣстнымъ властямъ. Наоборотъ если пограничныя воды составляютъ кондоминатное обладаніе двухъ и болѣе сосѣднихъ государствъ (напр. нерѣдко озера), имѣется серьезная надобность не только опредѣлить полицейскій порядокъ на ихъ путемъ договора, но и установить полную систему полицейскихъ властей³⁾.

§ 4. Рѣчныя пошлыны.

Вопросъ о рѣчныхъ пошлынахъ одинъ изъ самыхъ старыхъ вопросовъ международного рѣчнаго права. Въ прежнее

¹⁾ Кодексъ, §§ 331, 332, 333.

²⁾ Отдѣльныя предметы рѣчной полиціи, регулируемыя въ актахъ дунайскаго судоходства, см. регламенты 2 ноября 1865 г. и 2 июня 1882 г.

³⁾ См. Calvo, Dictionnaire, ibd., p. 337 (Police... en commun).—Engel-

время онъ игралъ въ немъ главную роль, но и теперь представляетъ еще *не малый интересъ для изслѣдователя*. Въ среднѣе вѣка и даже почти до конца XVIII столѣтія рѣчные пошлины носили чисто фискальный характеръ. Онѣ составляли одинъ изъ главныхъ источниковъ дохода для береговыхъ владѣльцевъ. Одно перечисленіе различнаго вида судоходныхъ налоговъ показываетъ, какое вниманіе обращали власти того времени на эту выгодную статью. Тогда правительства очень мало заботились о природѣ и причинахъ общественнаго богатства. Ихъ торговые и финансовыя законы указывали часто на полное незнаніе самыхъ элементарныхъ законовъ политической экономіи. Такъ, съ рѣчнаго судоходства старались взять, елико возможно больше, не обращая вниманія на то какой отъ этого произойдетъ результатъ. Эти сборы шли, конечно, на какія угодно другія потребности, но только не на судоходство. Но обстоятельства съ тѣхъ поръ весьма измѣнились. Чисто фискальные налоги отошли безвозвратно въ прошлое и въ настоящее время обсуждается вопросъ уже о томъ, возможно-ли вообще облагать движеніе судовъ по рѣкамъ и не слѣдуетъ-ли возложить издержки на постройку, содержаніе и управленіе водяныхъ дорогъ на общія государственныя средства? Дать опредѣленный отвѣтъ на это—дѣло очень трудное. Начнемъ съ обзорѣнія различныхъ существовавшихъ въ европейскихъ государствахъ налоговъ. Ихъ можно соединить, по примѣру Энгельгардта, въ три группы.

Первую образуютъ droits d'étape, de relâche forcée etc. Они имѣютъ для насъ чисто историческій интересъ. Ихъ вниманіе основывалось въ большинствѣ случаевъ на грубомъ приращеніи и ихъ характеръ такъ рѣзко противорѣчитъ современнымъ идеямъ, что невозможно себѣ представить что-либо подобное въ настоящее время. Категорическое осужденіе *relâche forcée* и проч. получили на Вѣнскомъ конгрессѣ. Напрасно депутаты Майнца въ комиссіи 1815 г. доказывали, что отмѣна принудительныхъ перегрузокъ подниметъ рѣчные

hardt, Du régime, IV, Police de la navigation, p. 109—113. — Caratheodory, нѣм. раб., § 72, Schiffahrtspolizei, S. 316—323; § 69. Künstliche Hindernisse der Schiffahrt. S. 307—308;—S. 316, прим. 11.—Фиоре, Кодексъ, §§ 513, 515, 516, 517.—Прадье-Фодере, Cours, §§ 749, 711, 719. — Блюнччи, Кодексъ, §§ 313, 323.—Vincent, Dictionnaire, прод. 1889, p. 49. Abordage, sur le lac Léman.

фрахты, произведетъ задержки въ отправленіи товаровъ, повергнетъ рѣки въ анархію... Коммиссія нашла, что торговцы и судоходцы лучшіе судьи своихъ интересовъ, что именно принудительныя остановки производятъ медленность и дороговизну судоходства, что въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ условія судоходства затруднительны, существуютъ опытные лопмана и ввела въ свои постановленія извѣстную ст. 114. Однако Кѣльнъ и Майнцъ сохраняли свои *relâches forcées* долго послѣ 1815 г. Вообще территоріальныя власти не останавливались ни передъ чѣмъ, желая отстоять свои феодальныя права. Въ мартѣ 1824 г., рассказываетъ Энгельгардтъ, регенство великаго герцогства Гессенъ приказало остановить въ Бингенѣ нѣкоторыхъ судоходцевъ, потому только что они переправили изъ этого порта въ нассаускій портъ Биберихъ нѣсколько грузовъ товаровъ, направлявшихся на Франкфуртскую ярмарку. Товары были выгружены на берегъ около Бибериха и сухимъ путемъ достигли береговъ Майна, чтобы избѣжать *relâche* въ Майнцѣ. Перемѣна дороги дала торговцамъ по 40 сантимовъ экономіи на каждый квинталь. Правительство Гессена на этомъ однако не остановилось. Другія суда были принуждены выгружать въ Бингенѣ товары по простому подозрѣнію, что они намѣревались слѣдовать тѣмъ же путемъ. Нассауское правительство, раздраженное подобными дѣйствіями своего сосѣда, въ свою очередь наложило эмбарго въ Каубѣ на товары, направлявшіеся въ гессенскіе порты. Только эта мѣра могла заставить правительство Майнца пойти на мировую. Современному обществу и современному рѣчному режиму такъ противны подобнаго рода принудительныя мѣры, что напр. въ рейнской конвенціи 1868 г. статья, отмѣняющая *relâches forcées* и пр., уже не была воспроизведена. Ея примѣру слѣдовало бы подражать и въ другихъ регламентахъ, а то очень странно читать въ регламентѣ Конго, постановленіе, что эти архи-средневѣковые сборы не будутъ взиматься на африканской рѣкѣ, поставленной подъ покровительство великихъ державъ и надѣленной самымъ свободнымъ режимомъ. Какъ ни полезно устройство очереди между судоходцами (*ein regelmässiger Gang in der Güterversendung*), это, говоритъ Р. Моль¹⁾, должно быть плодомъ добровольнаго соглашенія

¹⁾ Ibid., S. 462—463.

между ними и другими заинтересованными лицами, такъ какъ иначе нарушаются и права грузоотправителей, и права наиболѣе энергичныхъ судовладѣльцевъ.

Ко второй группѣ относится *droit de passage, Wasserzoll*, плата за проходъ по рѣкѣ, налогъ, основанный исключительно на самомъ фактѣ плаванія судна въ извѣстныхъ водахъ. Налоги подобнаго рода продолжали существовать до самаго послѣдняго времени. Законность ихъ рѣдко оспаривалась и они вообще считались вполнѣ справедливыми взиманіями. Свое оправданіе они находили въ томъ, что взимала ихъ верховная власть той или другой страны, въ регаліяхъ которой всегда было право собирать всякаго рода налоги, а также въ томъ, что часть этихъ сборовъ все-таки шла на улучшеніе рѣчныхъ путей. Съ теченіемъ времени, какъ мы увидимъ вскорѣ, часть эта становится все значительнѣе и тратится все правильнѣе на свое естественное предназначеніе, пока, наконецъ, изъ этихъ сборовъ не выработались современные рѣчныя пошрины, которыя мы отнесли къ третьей группѣ. Ко второй надо причислить также *droit de reconnaissance, Recognitionsgeld, Schiffgebühr*, собиравшійся напр. Голландіей въ благодарность за открытіе ею Шельды для международнаго судоходства. *Droit de reconnaissance* является для Вейске «ein Ueberbleibsel der Regalität, eine Art von Concessionsgeld für die Wasserbenutzung»; *droit de passage* — «eine den Chaussee- und Wegegeldern für die Benutzung der Landstrassen oder aber dem Zoll (vectigal) überhaupt, analoge Abgabe». Независимо отъ различныхъ пошринъ, взимавшихся во внутреннихъ портахъ, судоходство облагалось наконецъ при самомъ входѣ въ рѣку особенной платой, которая представляла собой родъ морскаго налога, аналогичнаго съ тѣмъ, который Данія удерживала до послѣднихъ временъ на Зундѣ, или съ *droit de passage*, который платился на верхнемъ или среднемъ теченіи рѣки. Онъ также основывался не на услугахъ, которыя оказывали иностранному торговому флоту маяки и сигналы, береговая полиція и пр., а просто на прерогативахъ территоріальной власти. Такова была именно пошрина, которую морскія суда должны были выплачивать въ устьяхъ Эльбы и Везера. Эта практика, чисто феодальнаго происхожденія, возникла еще въ силу болѣе или менѣе старинныхъ привилегій. Она являлась нерѣдко осложненіемъ *relâche forcée*, которая сама по себѣ не давала права на про-

изводство каких-либо сборовъ, но къ которой эти послѣдніе присоединялись подъ разными предлогами впоследствии. Напр., въ императорской грамотѣ, дарованной гор. Штаду въ 1256 г. просто говорилось: «*Mercatores de mari venientes cum rebus suis non transeant, sed ad civitatem Stadensem una cum navibus applicent et tres aquas ibi jaceant*». Въ защиту этихъ сборовъ въ устьяхъ судоходныхъ рѣкъ говорилось, что это чисто морскія пошлины, отличныя отъ рѣчнаго октруа, что морское пространство, на которомъ онѣ взимаются, не входитъ въ составъ свободнаго рѣчнаго пространства и пр. Но подобное разсужденіе всюду, гдѣ его пытались провести на практикѣ (Эльба, Рейнъ), было отвергнуто. По словамъ представителя Австріи въ Дрезденской комиссіи 1819 г., такія различія предполагаютъ зависимость всѣхъ береговыхъ государствъ отъ одного и даютъ ему возможность сдѣлать тщетными всѣ освободительныя мѣры, принимаемыя верхними береговыми государствами. Вообще, въ борьбѣ противъ морскихъ пошлинъ отдѣльныя державы дѣйствовали весьма энергично и онѣ не удержались нигдѣ. Въ однихъ случаяхъ онѣ просто были отмѣнены, въ другихъ были выкуплены у прибрежныхъ государствъ за болѣе или менѣе крупныя суммы (Эльба, Шельда).

Третью группу налоговъ, группу новѣйшихъ временъ, составляютъ *налоги*, взимаемые съ проходящихъ судовъ *за пользованіе определенными услугами* со стороны территоріальныхъ властей.

Вѣнскій конгрессъ въ своихъ статьяхъ относительно международнаго судоходства подробно опредѣляетъ тѣ условія, при которыхъ могутъ взиматься рѣчныя пошлины. Въ этихъ постановленіяхъ мы находимъ слѣдъ такихъ же колебаній, съ какими мы встрѣчались уже въ вопросѣ о свободѣ судоходства. Общественное мнѣніе требовало, чтобы рѣчное судоходство было освобождено отъ фискальнаго произвола прибрежныхъ державъ, чтобы рѣчныя пошлины взимались только для покрытія дѣйствительно произведенныхъ затратъ на урегулированіе рѣки и развитіе судоходства. Комиссія отвергла составленную въ этомъ духѣ формулу Кланкерги, находя ее, быть можетъ, чрезчуръ стѣснительной для суверенитета отдѣльныхъ государствъ, а можетъ быть, какъ замѣчаетъ Энгельгардтъ, заботясь о нѣкоторыхъ рентахъ, которыя существовали на счетъ рейнскаго октруа. Опредѣляя тахімъ возможныхъ налоговъ, конгрессъ ограничился тѣмъ, что рекомендовалъ за

приблизительную норму—рейнской октруа. Вслѣдствіе своей неопредѣленности ст. 111 трактата 1815 г. дала поводъ ко многимъ весьма своеобразнымъ толкованіямъ. Многія государства предполагали, что актъ 1815 г., подчинивъ мѣстнымъ условіямъ тарифъ рѣчныхъ пошлинъ и объявивъ, что онъ не можетъ превосходить существовавшихъ уже во время Вѣнскаго конгресса сборовъ, далъ прибрежнымъ владѣльцамъ право устанавливать въ этихъ предѣлахъ такіе тарифы, какіе они найдутъ для себя болѣе выгодными. Нѣкоторыя правительства утверждали, что конгрессъ санкціонировалъ всѣ рѣчные налоги, которые взимались въ эту эпоху, не смотря на ихъ происхожденіе и назначеніе, и что такимъ образомъ вполнѣ зависить отъ доброй воли каждаго изъ государствъ измѣнять, отмѣнять или удерживать существующія пошлины. Ссылаясь на то, что рейнская октруа была предложена, какъ приблизительная норма, и что она частью служитъ для покрытія нѣкоторыхъ расходовъ чуждыхъ судоходству, доказывали, что державы Вѣнскаго конгресса признали возможнымъ, чтобы рѣчной тарифъ былъ «... une source de revenus directs». Приэтомъ указывали и на тотъ фактъ, что коммиссія отвергла поправку Кланкертти. Наконецъ, утверждали, что предписаніе ст. 111, по которому налоги должны «encourager le commerce et faciliter la navigation», парализуетъ разрѣшеніе собирать рѣчныя пошлины. По мнѣнію многихъ, самыя минимальныя налоги не могутъ считаться благодѣтельными для судоходства. По этому—де необходимо одно изъ двухъ: или заботиться о судоходствѣ, или дать право государствамъ собирать рѣчныя пошлины. Во всякомъ случаѣ, Вѣнскій конгрессъ оказалъ несомнѣнную услугу судоходству, установивъ границы сборовъ, которыхъ государства не имѣли уже права преступать въ будущемъ. Къ сожалѣнію, и въ этомъ отношеніи постановленія его съ трудомъ проходили въ жизнь. До 1831 г. поборы въ устьяхъ Рейна и до 1859 г. въ устьяхъ Эльбы носили совершенно невозможный характеръ. На Везерѣ на протяженіи 24 миль находилось 23 бюро для сбора пошлинъ. Ганноверъ взималъ до 1861 г. морской сборъ въ десяти часахъ отъ устья и т. д. ¹⁾.

Однако скоро наступилъ моментъ, когда статьи 1815 г. оказались недостаточными и даже вредными. Въ 1815 г. сочли

¹⁾ Geffcken, La question du Danube, p. 5.

справедливымъ сохранить старые сборы 1804 г., т. е. сборы той эпохи, когда фрахты были очень высоки. Такимъ образомъ случилось, что октруа, вслѣдствіе развитія рѣчнаго судоходства, давалъ государствамъ гораздо больше дохода, чѣмъ въ дѣйствительности надобно было для потребностей судоходства, и чѣмъ можно было ожидать въ первые года реформы. Съ другой стороны, опредѣливъ характеръ и тарифъ сборовъ и урегулировавъ ихъ взиманіе, высокое собраніе 1815 г. нѣкоторымъ образомъ санкціонировало принципъ фискальнаго налога и дало въ руки государствъ оружіе, которымъ нѣкоторые изъ нихъ не разъ злоупотребили. Конечно, если бы Ганноверъ, Мекленбургъ, Данія, не могли опираться на актъ 1815 г., они не могли бы въ теченіе полувѣка парализовать периодически возникавшія попытки другихъ государствъ облегчить тяжесть рѣчныхъ пошлинъ Эльбы. Точно также не могли бы удержать на Рейнѣ впродолженіи долгихъ лѣтъ октруа, который былъ почти равенъ сборамъ на самыхъ лучшихъ каналахъ Европы. Рано или поздно принципы, лишь намѣченные въ 1815 г., должны были получить дальнѣйшее развитіе. Въ наше время средства сообщенія чрезвычайно разнообразны и усовершенствованы. Промышленность всюду воодушевляется свободной конкуренціей. Громадная сѣтка желѣзныхъ дорогъ изрѣзала континентъ Европы и поддерживаетъ на немъ постоянное торговое движеніе. Безъ сомнѣнія, тѣ естественные пути сообщенія, которые оставались бы еще обложенными старыми тарифами, были бы скоро покинуты и процвѣтаніе ихъ прекратилось, если бы дальновидное законодательство не освобождало ихъ постепенно отъ старыхъ стѣсненій. Было бы невѣроятной ошибкой со стороны отдѣльныхъ правительствъ, если бы они, своимъ неблагоприятнымъ отношеніемъ къ рѣчнымъ путямъ, сдѣлали на нихъ торговое движеніе невозможнымъ, а потомъ, для удовлетворенія нуждъ населенія, строили искусственныя дороги и тратили на это такія громадныя суммы, что незначительная часть ихъ могла бы вполнѣ развитъ торговое движеніе по рѣкамъ. Протоколы рѣчныхъ комиссій постоянно свидѣтельствуютъ въ пользу уменьшенія рѣчныхъ сборовъ. Если бы рѣчному судоходству и не грозила конкуренція съ другими путями сообщенія, то все-таки прямая выгода всѣхъ державъ состоитъ въ самомъ крайнемъ облегченіи передвиженія по воднымъ путямъ, такъ какъ однимъ изъ основ-

ныхъ условій всей современной экономической, общественной и политической жизни является свободное передвиженіе лицъ и товаровъ.

Безпристрастное *изученіе исторіи великихъ рѣкъ* съ необходимостью приводитъ насъ къ выводу: пошлины, основанныя единственно на фактъ судоходства, должны быть уничтожены. Уже въ 1802 г., на конференціи въ Ратисбоннѣ, эта мѣра была предложена уполномоченными Франціи. Въ 1848 за то же самое высказалось національное собраніе во Франкфуртѣ. Мало-по-малу мѣра эта была принята договорнымъ путемъ на Везерѣ, Дунаѣ, Рейнѣ и пр. Словомъ, почти на всѣхъ рѣкахъ государства отказались отъ всякихъ чисто фискальныхъ сборовъ. Въ 1856 г. было стипулировано, что на Дунаѣ будутъ взиматься только пошлины для возмѣщенія затратъ на очистку гирль рѣки. Въ 1857 г. рѣчныя державы Дуная постановили, что сборы, которые будутъ взиматься на Дунаѣ, должны идти на покрытіе расходовъ по регулированію рѣки. Въ 1871 г. было разрѣшено Турціи и Австріи взимать пошлины для расширенія Желѣзныхъ Воротъ, а въ 1883 г., какъ извѣстно, это право было перенесено на одну Австрію. Наконецъ, въ проектѣ 1883 г. судоходства по среднему Дунаю снова (ст. 2) постановляется, что на Дунаѣ не будетъ взиматься сбора «basé uniquement sur le fait de la navigation»¹⁾. Въ томъ же самомъ духѣ высказываются самые *разнообразные заинтересованные круги*. Торговныя палаты Галля, Бреславля, Магдебурга, Праги и пр. всегда выражались въ этомъ смыслѣ, предлагая государствамъ освободить внутреннее судоходство, дабы прибрежныя страны не были лишены преимуществъ ихъ географическаго положенія. Каково бы ни было сопротивление, которое встрѣчаетъ освободительное движеніе, можно предсказывать, что фискальные сборы, гдѣ они еще сохранились, въ одинъ прекрасный день совсѣмъ исчезнутъ съ лица земли и судоходныя рѣки будутъ пользоваться въ этомъ отношеніи той же свободой, какъ и сухопутныя дороги. Вопросъ сводится въ настоящее время къ тому, слѣдуетъ-ли освободить судоходные пути отъ всякихъ сборовъ, или возможно сохранить тѣ изъ нихъ, которые необходимы на покрытіе издержекъ на ихъ по-

¹⁾ Во введеніи въ приложенію 13. Tarif des droits prélevés sur les embouchures du Danube.

стройку, содержаніе и управленіе? Вопросъ этотъ касается одинаково какъ международнаго права, такъ и національнаго, какъ рѣкъ международныхъ, такъ и національныхъ, какъ судовъ подъ мѣстнымъ флагомъ, такъ и подъ иностранными.

Вопросъ о томъ, слѣдуетъ-ли вообще облагать рѣчное судоходство или нѣтъ, обсуждался за послѣдніе годы очень горячо и въ литературѣ, и на конгрессахъ судоходства. На третьемъ конгрессѣ было сдѣлано г. Cartier отъ имени Главнаго синдиката судоходства въ Парижѣ (Syndicat général de la marine à Paris) предложеніе выразить пожеланіе объ уничтоженіи рѣчныхъ сборовъ (taxes et péages). Такого же содержанія было предложеніе англійскаго делегата г. Courtenay-Boyle. Однако оно было отложено сначала до 4, а потомъ до 5 сѣзда. Впрочемъ уже на второмъ конгрессѣ былъ предложенъ вопросъ: «Doit-on appliquer à tous les canaux non maritimes le principe de la gratuité des péages tel qu'il existe pour le canal de l' Erie et pour les canaux appartenant à l' Etat français?»¹⁾ Особая коммиссія, учрежденная конгрессомъ, выразила мнѣніе, что свобода отъ взиманія не можетъ быть требуема въ принципѣ: 1) Такъ какъ она не необходима. На самомъ дѣлѣ, въ единственной странѣ, во Франціи, гдѣ она существуетъ, серьезныя изысканія и мнѣнія весьма авторитетныхъ лицъ, именно такого видающагося специалиста, какъ г. Кранцъ, свидѣтельствуютъ, что умѣренныя пошлины, разумно разсчитанныя, сообразно со средствами конкурирующихъ путей сообщенія, не могутъ составить для судоходства такой тяжести, которая могла бы дурно повліять на его развитіе и благосостояніе. 2) Потому что это могло бы быть вредно. Изъ отмѣны пошлинъ вытекаетъ съ необходимостью принудительный выкупъ частныхъ каналовъ, пренебреженіе къ требуемымъ въ дѣлѣ судоходства реформамъ. Частная инициатива становится невозможной. Денегъ взять неоткуда. 3) Потому что беспошлинность не является мѣрой совершенной справедливости. Не всѣ лица пользуются судоходными дорогами. Беспошлинность, помимо всего этого, нельзя считать практичною мѣрой. «Непримиримая съ условіями частной предпріимчивости въ этомъ дѣлѣ, она противорѣчитъ требованіямъ всякаго правильнаго финансоваго управленія, хотя

¹⁾ Annales des ponts et chaussées. T. XV. 1888. 1 semestre. Paris. P. 856 s., 862 s.

бы и государственнаго, налагая на него траты, безъ надежды на покрытіе ихъ, и ослабляя такимъ путемъ источникъ возможныхъ жертвъ». Въ концѣ концовъ слѣдуетъ рекомендовать слѣдующее: уменьшеніе по возможности сборовъ; объединеніе ихъ (*uniforaiser*), если это возможно, въ тѣхъ случаяхъ, когда дороги находятся въ рукахъ государства; наконецъ, упрощеніе необходимыхъ формальностей взиманія. Въ общемъ собраніи этотъ докладъ не разсматривался. На пятомъ конгрессѣ обсуждался вопросъ о сборахъ какъ на каналахъ, такъ и на рѣкахъ¹⁾. Конгрессу былъ представленъ рядъ докладовъ по этому вопросу, а именно, *Symphet, Taxes et péages sur les voies navigables en Allemagne.*—*Beaurin-Gressier, Des taxes de navigation intérieure.*—*Couvreur, Des taxes et péages perçues sur les voies navigables.*—*Sytenko, Taxes et péages sur les voies navigables en Russie.* Въ своемъ докладѣ г. *Symphet* пришелъ къ слѣдующимъ выводамъ. «Слѣдуетъ отказаться отъ всякаго взиманія налоговъ на естественныхъ судоходныхъ путяхъ, потому что тѣ изъ расходовъ на поддержаніе ихъ, которые растутъ вмѣстѣ съ развитіемъ торговаго движенія, являются сравнительно слабыми, а соотвѣтствующія пошлины съ трудомъ могутъ покрыть издержки на ихъ взиманіе, на искусственныхъ же путяхъ собирать въ среднемъ четверть расходовъ на содержаніе ихъ въ порядкѣ и на управленіе». Таково, по его мнѣнію, теоретическое рѣшеніе вопроса, но съ точки зрѣнія практики дѣло обстоитъ иначе. «Не всегда возможно удержаться въ этихъ теоретическихъ предѣлахъ и ихъ строгое соблюденіе можетъ даже, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, повлечь за собой дурныя послѣдствія, дискредитировать судоходныя дороги». Одинъ изъ представителей Голландіи г. *Deking-Dege* выразилъ убѣжденіе, что «вопросъ о налогахъ на каналахъ прежде всего вопросъ удобства, который не допускаетъ общаго рѣшенія. Полное прекращеніе всякихъ сборовъ возможно только въ государствахъ сильно централизованныхъ, какъ Франція, гдѣ почти всѣ каналы принадлежатъ государству. Въ другихъ странахъ взиманіе умѣренныхъ налоговъ, являясь справедливымъ въ принципѣ, представляетъ то большее преимущество, что дозволяетъ другимъ корпораціямъ, кромѣ го-

¹⁾ См. V Congrès in-1 de navigation intérieure. Paris. 1892. Compte rendu sommaire des travaux du congrès. Paris. 1892. in 8° (большой томъ). 3 Section. Exploitation commerciale. Pr. séance, p. 260.

сударства, заняться постройкой и улучшеніемъ каналовъ». Конгрессомъ было принято предложеніе г. Delombre ¹⁾: «1) Движеніе по судоходнымъ путямъ не должно быть по возможности облагаемо никакими сборами. 2) Специальныя взиманія могутъ найти себѣ оправданіе въ случаѣ отсутствія другихъ источниковъ для покрытія или обезпеченія расходовъ предназначенныхъ содѣйствовать развитію судоходныхъ путей и судоходства». Причемъ было пояснено, что сюда относятся и сборы на покрытіе расходовъ по постройкѣ дорогъ.

Отдѣльные авторы высказываются за сохраненіе налоговъ, идущихъ исключительно на потребности судоходства, еще болѣе рѣшительно. Сах ²⁾ находитъ, что принципъ рѣчныхъ сборовъ вполне справедливъ. Расходы на старинныя сооруженія слѣдуетъ считать уже покрытыми. Рѣчныя пошлины должны идти въ этихъ случаяхъ только на покрытіе издержекъ на ихъ содержаніе и управленіе. Наоборотъ, на новыхъ сооруженіяхъ надо имѣть въ виду также проценты на затраченный капиталъ и амортизацію послѣдняго. Освобожденіе дорогъ отъ всякихъ судоходныхъ сборовъ кажется ему несправедливымъ, такъ какъ «die Voraussetzung der Anwendbarkeit des Principes des allgemeinen Genussgutes mangelt». Взиманія, основывающіяся на одномъ фактѣ судоходства, называются Р. Модемъ остатками, «Ueberreste falsch aufgefasster und missbrauchter Regalität der öff. Gewässer». Особенно плохо, прибавляетъ онъ, когда они идутъ на какія-либо постороннія судоходству цѣли. Но палогі за пользованіе учрежденіями, предназначенными для судоходства (бечевники, складочныя мѣста), вполне разумны. Приэтомъ возможно не покрывать изъ доходовъ съ судоходства всѣхъ произведенныхъ на эти сооруженія расходовъ, такъ какъ существованіе ихъ общеплезно. Особенно оживленно обсуждался этотъ вопросъ во Франціи. Г. Lebert, président de la Chambre de commerce de Mans въ своей брошюрѣ, Droits sur la navigation (Mans. 1888), выступилъ очень дѣльно въ пользу возстановленія налоговъ съ судоходства во Франціи. Указавъ на то, что тяжелыя траты на водяные пути идутъ въ пользу немногихъ, что водяные пути при умѣренномъ обложеніи будутъ все-таки продолжатъ съ

¹⁾ Ibid., p. 412.

²⁾ Ibid., S. 539.

успѣхомъ конкурировать съ желѣзными дорогами, что изъ отсутствія рѣчныхъ сборовъ извлекаютъ пользу главнымъ образомъ иностранцы, ввозя во Францію дешевымъ способомъ сырые продукты и подрывая дѣйствіе таможеннаго покровительства, онъ предлагалъ для каналовъ и рѣкъ съ крупнымъ движениемъ умѣренное обложеніе по двумъ категоріямъ товаровъ дешевыхъ и болѣе цѣнныхъ, хотя бы для того, чтобы покрыть издержки на содержаніе путей и на жалованье служащимъ при шлюзахъ и другихъ рѣчныхъ сооруженіяхъ. Въ другой подобной работѣ, *Le réage sur les voies navigables* (Paris. 1888) неизвѣстный авторъ прибавляетъ къ доводамъ г. Lebert еще новыя, именно, что движеніе по водянымъ дорогамъ уменьшаетъ доходность желѣзныхъ дорогъ, гарантированныхъ правительствомъ, что водяными путями пользуются иностранныя суда, конкурируя съ мѣстными предпринимателями, и рекомендуетъ ввести сборы, которые бы покрывали или всѣ траты на водяные пути, или только часть ихъ. Они не должны уничтожать возможности передвигаться для тяжелыхъ товаровъ и могутъ раздѣляться на два рода: постоянный сборъ для поддержанія и управленія существующихъ дорогъ и подвижной для новыхъ работъ. Послѣдній можетъ падать на судоходныя компаніи, на владѣльцевъ земельныхъ участковъ, прилежащихъ къ рѣкѣ, и на другихъ заинтересованныхъ лицъ.

Итакъ, специальная литература относится неблагоприятно къ судоходнымъ сборамъ. Единственное исключеніе, говорятъ намъ, можетъ быть сдѣлано въ пользу *пошлины*, идущихъ на *возмѣщеніе дѣйствительно произведенныхъ затратъ на судоходство*. На самомъ дѣлѣ, не было бы никакого смысла поддерживать судоходство на такой рѣкѣ, которая сама не можетъ окупить производимыхъ на нее затратъ, если рядомъ съ нею существуетъ желѣзная дорога, служащая столь же хорошо тѣмъ же цѣлямъ и приносящая чистый доходъ. Часть расходовъ на первоначальную постройку судоходной дороги должны дать разные заинтересованныя лица: владѣльцы близлежащихъ имѣній, города, промышленные и торговые круги. Другую часть можетъ принять на себя государство, такъ какъ подобное предпріятіе надо считать въ извѣстномъ отношеніи общепользымымъ и такъ какъ въ области экономической политики государство всегда служитъ то болѣе одной части своихъ подданныхъ, то болѣе другой. Наконецъ, третью

должны пополнить взиманія съ судоходства. Части эти могутъ быть конечно различной величины въ зависимости отъ разныхъ обстоятельствъ того или инаго предпріятія. То же самое распредѣленіе тяжестей должно имѣть мѣсто при дальнѣйшихъ расходахъ по поддержанію и управленію рѣкой или каналомъ. Часть дадутъ прилежащія мѣстности: за пристани, за орошеніе, за двигательную силу, за ледъ, за промысловыя и торговыя свидѣтельства и т. п. Часть возьметъ на себя государство. Остальное должно быть собрано съ судоходства. На тѣхъ водяныхъ дорогахъ, на которыхъ отсутствуютъ расходы перваго рода или соотвѣтствующія работы были произведены въ старые годы, могутъ быть только взиманія послѣдняго характера, идущія на покрытіе административныхъ и техническихъ затратъ. Судходцы и торговцы тѣмъ скорѣе согласятся на эти чисто мѣстные сборы, что имъ будутъ соотвѣтствовать извѣстные, опредѣленные выгоды, и что будетъ сдѣлано все возможное, чтобы они не затрудняли судоходства. Условія правильной постановки рѣчныхъ взиманій состоятъ по Роберту Молю въ слѣдующемъ: ограниченность мѣсть для сбора ихъ, простота соединенныхъ съ ними формальностей, легкая опредѣляемость суммы каждаго взноса и необременительность и простота контроля, уменьшеніе сборовъ за громоздіе и дешевые товары. Такимъ образомъ должно быть поставлено дѣло судоходныхъ сборовъ какъ на рѣкахъ національныхъ, такъ и на рѣкахъ интернаціональныхъ, какъ съ отечественнаго, такъ и съ иностраннаго судоходства. И если у государства можетъ иногда явиться желаніе обложить болѣе высоко это послѣднее, то надо папередъ знать, что иностранныя правительства на это не согласятся. Посмотримъ же, какъ всего лучше устроить дѣло взиманія судоходныхъ сборовъ на международныхъ рѣкахъ.

Тарифъ рѣчныхъ пошлинъ долженъ исчисляться приблизительно на покрытіе техническихъ и административныхъ издержекъ на судоходство по данной рѣкѣ. При этомъ надо принимать во вниманіе не только издержки на общую администрацію и общія заботы о рѣкѣ, но и *вознагражденіе за тѣ услуги*, которыя оказываются каждому судну— *малки, бакены, лоцмана и пр.* Плату за нихъ слѣдуетъ соединить въ одно съ общей рѣчной пошлиной. Уже регламентъ Рейпа 1804 г. и акты Вѣнскаго конгресса высказывались за то, чтобы рѣчными пошлины были по возможности однообразны. Европейская ком-

миссія, устанавлявая въ 1865 г. едиство рѣчныхъ сборовъ на Дунаѣ, на основаніи долготѣняго опыта прямо заявила въ приложеніи къ акту 2-го ноября, что для судоходства чрезвычайно выгодно, чтобы таксы, взимаемыя для производства работъ по улучшенію русла и пр., сливались въ одно съ таксами за лоцманство и маяки. *Отдѣльно* могутъ взиматься *только сборы* за тѣ услуги, оказываемыя судамъ, отъ которыхъ они могутъ отказаться и пользование которыми должно быть предоставлено имъ на усмотрѣніе. Таковы, напримѣръ, сборы за вѣсы, магазины, пристани и проч. Такъ какъ издержки на судоходство не отличаются особеннымъ постоянствомъ, то тарифъ рѣчныхъ пошлинъ необходимо долженъ быть *предметомъ периодическихъ пересмотровъ*. Устанавлявая его, прирѣчныя державы обязаны конечно имѣть въ виду исключительно выгоды торговли и судоходства. Что касается *maximum'a* сборовъ, то, попятно, предѣлъ взиманій, указанный въ 1815 г., потерялъ теперь всякій смыслъ. Поэтому, очень странно читать у Каратеодори: «Keinesfalls dürfen sie die im Jahre 1815 bestandenen Sätze überschreiten und sollen annähernd der Höhe des Rheinstrois entsprechen»¹⁾. При современномъ контролѣ всѣхъ финансовыхъ операцій государства существуетъ гарантія того, что взиманіе рѣчныхъ пошлинъ не будетъ уклоняться отъ разумнаго предѣла. Этотъ контроль могъ бы получить еще большее значеніе, если бы ежегодно публиковался краткій балансъ годовыхъ операцій рѣчныхъ бюро для сбора пошлинъ, а также роспись, указывающая распредѣленіе и употребленіе суммъ, полученныхъ отъ рѣчныхъ сборовъ. *Тарифы* общихъ рѣчныхъ пошлинъ и сборовъ за пользование береговыми сооружениями должны доводиться *до всеобщаго свѣдѣнія путемъ публикаціи*.

Выработанный такимъ образомъ *тарифъ* долженъ конечно *примѣняться къ судамъ всѣхъ націй* безъ различія. Объ этомъ говорятъ всѣ регламенты, и на самомъ дѣлѣ нѣтъ никакой причины относиться къ одному флагу болѣе сурово, чѣмъ къ другому. Прежде всего, это равенство должно относиться къ рѣчнымъ флагамъ. Если существуетъ какой-либо пунктъ въ регламентахъ, выработанныхъ въ 1815 г., который отличается должной опредѣленностью, это конечно тотъ, который опредѣляетъ характеръ новыхъ отношеній между порѣчными госу-

¹⁾ Нѣм. р. S. 312.

дарствами. Послѣднія были призваны регулировать сообща всѣ вопросы, касающіеся ихъ общей рѣки. Сѣтрудничество между державами предполагаетъ и равенство между ними. Хотя это послѣднее условіе всегда подразумѣвалось относительно рѣчныхъ тарифовъ, многія государства поступали такъ, какъ будто ст. 111 говоритъ совершенно противоположное. Въ 1836 г. приказомъ берлинскаго кабинета были введены на прусской части Рейна разныя льготы, которыя послѣдовательно были распространены на всѣ рейнскіе флаги, исключая французскаго. Послѣдній явился такимъ образомъ фактически вытѣсненнымъ изъ прусско-голландскаго района, и можно было съ нѣкоторой долей правды говорить, что страсбургскій предприниматель, принужденный выгружать свои товары и передавать ихъ привилегированному судну, подвергался косвенно дѣйствию закона о принудительныхъ остановкахъ. Это исключеніе не только нарушало основной принципъ равенства рѣчныхъ державъ, но имѣло характеръ сознательнаго нарушенія статьи 32 рейнской конвенціи 31 марта 1831 г., которая постановила, что каждое государство имѣетъ право уменьшать октруа съ судовъ своихъ подданныхъ, и даже съ нѣкоторыхъ товаровъ, но мѣра эта распространяется на всѣ флаги, безъ исключенія. Коммиссаръ Бадена точнѣе опредѣлилъ въ 1832 г. смыслъ этого постановленія, стюзивъ его въ своемъ заявленіи, занесенномъ въ протоколъ № XXIV. Не смотря на неправоту, Пруссія долго стояла на своемъ, указывая на то, что исключеніе одного государства должно было привести его къ уступкамъ по отношенію къ остальнымъ. Это разсужденіе тѣмъ болѣе поразить всякаго, что оно относилось къ Франціи, которая гораздо раньше Пруссіи уничтожила свой октруа отъ устья Лаутера до Страсбурга для всякихъ ввозимыхъ и вывозимыхъ товаровъ, въ пользу всѣхъ рейнскихъ государствъ. Однако въ 1868 г. 3-ей статьей пересмотрѣнной конвенціи Рейна, Пруссія согласилась допустить принципъ равенства порѣчныхъ державъ, но напомнила, что это постановленіе, поскольку оно касается Франціи и Голландіи, относится къ торговымъ трактатамъ, заключеннымъ ею отдѣльно съ этими двумя державами. Впрочемъ этотъ фактъ стоитъ одиноко въ исторіи международныхъ рѣкъ, и въ громадномъ большинствѣ случаевъ на нихъ существуетъ полное равенство относительно обложенія пошлинами не только между отдѣльными порѣчными государствами, но и между этими послѣдними и иностранцами.

Общность нѣкоторыхъ тратъ на судоходство могла бы найти на международныхъ рѣкахъ свое естественное добавленіе въ общности собирая пошлннъ и слѣдовательно въ устройствѣ учрежденій для сбора пошлннъ, дѣйствующихъ во имя и за счетъ всѣхъ порѣчныхъ государствъ. Эта организація существовала на Рейнѣ въ 1804 г. и дѣйствовала очень успѣшно. Надо, впрочемъ, напомнить, что въ ту эпоху рейнскій консорціумъ ограничивался двумя членами, которые, владѣя почти равнымъ протяженіемъ береговъ, имѣли каждый равное число *bureaux d'ostroi*. Все это чрезвычайно упрощало фискальную администрацію судоходства. Общій сборъ пошлннъ на По былъ введенъ 15-ой статьей конвенціи 1849 г. Хорошо было бы также, чтобы пошлнны *взимались* на всей рѣкѣ только въ одномъ мѣстѣ. Для морскихъ судовъ это учрежденіе могло бы существовать въ устьяхъ рѣки, а для рѣчныхъ—въ томъ городѣ, гдѣ будетъ сосредоточено управленіе рѣкой, или гдѣ находится предпріятіе, владѣющее судномъ, для каждаго въ отдѣльности. Общее взиманіе рѣчныхъ налоговъ можетъ, конечно, встрѣтить немало возраженій при проведеніи его на практикѣ. Правительства вообще очень ревниво слѣдятъ за своими финансовыми прерогативами. Централизація также почти не примѣнима на тѣхъ рѣкахъ, гдѣ нѣкоторыя пространства рѣки свободны отъ обложенія. Но въ извѣстномъ числѣ случаевъ эта мѣра можетъ быть проведена съ успѣхомъ. Во всякомъ случаѣ, настаивать на этомъ пунктѣ было бы иногда весьма щекотливо. Торговля мирится и съ существующимъ порядкомъ. Поэтому лучше слѣдовать въ этомъ отношеніи уступку территориальному государству.

Обложеніе каждаго отдѣльнаго судна основывалось раньше на: 1) вмѣстности судна, 2) характерѣ груза, 3) предстоящемъ судну пути. Пошлина, взимавшаяся съ самого судна и называвшаяся во многихъ конвенціяхъ «*droit de reconnaissance*», бралась, смотря по вмѣстности его. Сборы, которые падали на грузъ, исчислялись по вѣсу товаровъ и измѣнялись сообразно съ родомъ ихъ. Одни товары подлежали полному налогу, другіе половинному, четвертому, одной пятой, одной десятой обложенію и пр. Наконецъ, за предстоящее пространство пути платили обыкновенно впередъ. Оно опредѣлялось или разстояніемъ между двумя бюро, или извѣстной договорной линейной мѣрой. Въ принципѣ система трехъ факторовъ казалась наиболѣе справедливой, потому что она падала на перевозныя средства, сообразно

съ ихъ производительной силой, на товары, сообразно съ ихъ цѣнностью, и наконецъ обращала вниманіе на длину пути, предстоящаго судну. Но на практикѣ она являлась чрезвычайно неудобной. Вслѣдствіе своей сложности, она отличается медленностью, побуждаетъ къ обманамъ и дѣлаетъ поэтому необходимымъ тщательный надзоръ за судами, который легко можетъ повлечь за собой злоупотребленія на рѣкахъ, открытыхъ для международнаго плаванія. Положимъ, упрощеніе способовъ обложенія касательно рода товаровъ, грозитъ повести къ чрезмѣрному отягченію предметовъ первой необходимости и къ полному освобожденію предметовъ роскоши. Грубые товары обыкновенно чрезвычайно громоздки, тогда какъ вещи дорогія, по большей части, отличаются незначительнымъ объемомъ. Можно-ли обложить равнымъ образомъ грузъ угля и грузъ какихъ-нибудь мануфактурныхъ товаровъ? Однако, не говоря уже о невозможности реализовать абсолютную справедливость въ дѣлѣ обложенія товаровъ, не надо забывать, что торговецъ, товароотправитель и судовладѣлецъ въ высшей степени заинтересованы въ томъ, чтобы приложеніе тарифовъ было насколько возможно проще и не подвергало товаровъ чрезмеръ долгимъ и частымъ замедленіямъ. Это послѣднее обстоятельство въ особенности важно, такъ какъ дѣло идетъ о рѣчномъ судоходствѣ, которое и безъ того уже слишкомъ зависитъ отъ различныхъ обстоятельствъ времени и высоты водъ. Съ этой точки зрѣнія кажется яснымъ, что таксація рѣчной промышленности была и есть на нѣкоторыхъ рѣкахъ слишкомъ мелочна и педантична. На Эльбѣ тарифъ октруа, не говоря уже о droit de reconnaissance, обнимаетъ 6 классовъ съ подраздѣленіями болѣе чѣмъ на 150 статей. Относительно нѣкоторыхъ товаровъ существуетъ даже различіе между спускающимися по рѣкѣ и поднимающимися судами. До 1868 г. рейнскій октруа распался на 4 класса, содержащихъ 180 статей круглымъ счетомъ. Однообразіе рѣчнаго октруа тѣмъ менѣе нарушало бы справедливость, что опредѣленный сборъ, установленный вмѣсто дифференціальныхъ таксъ, былъ бы доведенъ до очень низкаго размѣра. Этотъ сборъ, взимаемый съ содержимаго (съ груза), могъ бы легко слиться съ droit de reconnaissance, взимаемымъ, положимъ, съ содержащаго, т. е. судна, но который тѣмъ не менѣе, въ видѣ возвышеннаго фрахта, падаетъ опять-таки на товары. Такимъ образомъ, судно *можетъ облагаться только со-*

образно съ его *вмѣстимостью*. Конечно обложение можетъ быть понижено, если грузъ судна неполный. Эта краткая процедура давно уже рекомендовалась въ комиссіяхъ Эльбы, Дуная и Рейна. Мало-по-малу она и перешла въ практику на различныхъ общихъ рѣкахъ. Въ будущемъ она конечно является закономъ во всѣхъ случаяхъ, гдѣ будутъ еще взиматься судоходныя пошлины. Мы знаемъ, что уже ст. 111 регламента 1815 г. постановляла нѣчто подобное. Съ тѣхъ поръ это упрощеніе завоевало себѣ мѣсто почти на всѣхъ главныхъ рѣкахъ міра, между прочимъ на нижнемъ и среднемъ Дунаѣ. Въ регламентѣ Конго ст. 14 тоже постановляетъ, что величина пошлины не должна зависѣть отъ рода груза судовъ и т. д. Принятіе подобной системы поведетъ въ будущемъ и къ припятію однообразной системы измѣренія судовъ. Но послѣдній вопросъ носитъ слишкомъ техническій характеръ для того, чтобы мы рискнули распространиться на его счетъ. Желаящіе могутъ найти изслѣдованіе его у Энгельгардта, которому мы часто почти дословно слѣдовали въ этомъ специальномъ параграфѣ.

Теперь посмотримъ на то, *какихъ воззрѣній* держатся на счетъ этого вопроса *интернационалисты*. Уже Гуго Гроціи установилъ правильное начало относительно сборовъ съ судоходства. Онъ допускаетъ ихъ для соразмѣрнаго возмѣщенія тѣхъ расходовъ, которые были сдѣланы для того, чтобы доставить провозимымъ товарамъ безопасность или какія-либо удобства. Сборъ этотъ падаетъ на товары ¹⁾. «Но», замѣчаетъ онъ, «часто нарушаютъ приэтомъ разумную границу». Мысли Гроціи были удачно развиты Ваттелемъ. «Если проходъ причиняетъ какія-либо неудобства или издержки на содержаніе каналовъ, большихъ дорогъ, можно вознаграждать себя взиманіемъ пошлины» ²⁾. Онъ думаетъ даже, что эти налоги возможно сохранить для иностранцевъ и въ томъ случаѣ, если они уничтожены для мѣстныхъ подданныхъ, и яркими красками рисуетъ намъ тѣ злоупотребленія, которыя бывали нерѣдки въ его время въ этомъ дѣлѣ ³⁾. Конечно и Гроціи, и Ваттель говорили о правѣ прохода вообще, но въ это понятіе входило для нихъ и судоходство. Позднѣйшіе авторы стали на гораздо

¹⁾ Кн. 2, гл. 2, XIV, 1, 2, 3.

²⁾ L. II, ch. X, § 134.

³⁾ Liv. I, ch. IX, §§ 103, 104.

болѣе узкую точку зрѣнія. Мартенсъ допускаетъ установленіе этаповъ ¹⁾. Клюберъ ²⁾ говоритъ, что государство, свободно устраивая свои торговыя отношенія съ другими государствами, можетъ обращать въ свою пользу *les droits d'entrepôts, d'étape, ... de relâche et d'échelle, le passage forcé sur une route presrite*. Клюберъ не нашелъ возможнымъ ничего сказать противъ этихъ злоупотребленій, не смотря на то, что въ 1815 г. они получили официальное осужденіе. Убѣжденіе современныхъ авторовъ формулируетъ Блюнчли: «За пользованіе общественными водами, служащими всемірной торговлѣ, могутъ быть взимаемы лишь такіе налоги, которые служатъ вознагражденіемъ за сооруженія и работы, предпринимаемыя государствомъ въ интересахъ плаванія и охраненія юридическаго порядка» ³⁾.

На основаніи подобныхъ данныхъ *Институтъ* свелъ въ свой регламентъ слѣдующія статьи. «Пошлины, взимаемыя за плаваніе по международнымъ рѣкамъ, своею цѣлью имѣютъ лишь покрытіе расходовъ, необходимыхъ для поддержанія и улучшенія ихъ судоходности (ст. 5) ⁴⁾. За плаваніе по этимъ рѣкамъ не взимаются никакіе сборы, требовавшіеся прежде: обязательными остановами, или складами и перегрузками товаровъ, или захожденіями въ гавани. Отмѣняются также морскія или рѣчныя пошлины за проѣздъ (ст. 10) ⁵⁾. Но допускаются пошлины, имѣющія характеръ вознагражденія за дѣйствительное пользованіе портовыми учрежденіями, какъ-то: кранами, вѣсами, набережными и кладовыми (ст. 11). Портовые сборы за дѣйствительное пользованіе кранами, вѣсами и т. д., а равно вознагражденіе за постановку фонарей, маяковъ, бакеновъ и за услуги лоцмановъ, всѣ эти сборы, имѣющіе цѣлью покрытіе техническихъ или административныхъ расходовъ по судоходству, опредѣляются тарифами, которые официально публикуются во всѣхъ гаваняхъ международныхъ рѣкъ

¹⁾ L. III, ch. III, § 89.

²⁾ § 69, p. 103, 2 éd. A. Ott.

³⁾ Кодексъ, § 315.

⁴⁾ Engelhardt, первый проектъ, ст. 12; второй, ст. 10.—Garcis, Institutionen, S. 70.—Delavaud, ibd., p. 7.—Rivier, Lehrbuch, S. 150.—Fiope, Кодексъ, §§ 505, 506, 509.—Pradier-Fodéré, Cours, § 713.—Caratheodory, нѣм. раб., S. 312.—Pézeril, ibd., p. 236.

⁵⁾ Ср. Engelhardt ст. 17 первого проекта и 12—второго.

(ст. 13) ¹⁾. Эти тарифы вырабатываются смѣшанными комиссіями прибрежныхъ государствъ (ст. 14). Въ нихъ не допускаются никакія дифференціальныя пошлины (ст. 15) ²⁾. Тарифы, указанные въ ст. 13, опредѣляются расходами на сооруженіе и ремонтъ мѣстныхъ учрежденій и вмѣстительностью судовъ, указанною въ ихъ корабельныхъ бумагахъ» (ст. 16) ³⁾. Энгельгардтъ поясняетъ, что вмѣстимость судна опредѣляется официальнымъ удостовѣреніемъ, которое должно быть въ числѣ корабельныхъ бумагъ ⁴⁾. «Государства съ общаго согласія опредѣляютъ систему измѣренія вмѣстительности судовъ морскихъ и рѣчныхъ, и это опредѣленіе для всѣхъ обязательно» (ст. 39). Engelhardt въ ст. 16 перваго проекта и соответствующей ей 11 втораго точно опредѣляетъ, какого рода систему слѣдуетъ при этомъ выбрать. Постаповленія Института можно дополнить еще слѣдующими требованіями этого автора. Портовые сборы не слѣдуетъ смѣшивать съ судоходными ⁵⁾. Приблизительный бюджетъ рѣчнаго судоходства долженъ устанавливаться на извѣстное число лѣтъ впередъ и опредѣлять общіе расходы береговыхъ государствъ на международную рѣку. «Тарифъ рѣчныхъ сборовъ будетъ устанавливаться согласно съ этими расходами и составитъ такимъ образомъ предметъ періодическаго просмотра» ⁶⁾. «Ежегодно будутъ публиковать краткій отчетъ о дѣятельности отдѣльныхъ бюро для сбора пошлинъ, а равно о томъ, какъ распредѣляется и на что употребляется доходъ съ судоходства» ⁷⁾. Со всѣмъ этимъ мы можемъ только согласиться. Нѣкоторыя отклоненія въ нашихъ воззрѣніяхъ были уже отмѣчены раньше. Въ соответствующемъ мѣстѣ приложеннаго къ сему изслѣдованію кодекса они будутъ формулированы болѣе точно и обстоятельно. Сдѣлаемъ ого-

¹⁾ Engelhardt, первый проектъ, ст. 15.

²⁾ Engelhardt, первый проектъ, ст. 12; второй—ст. 10.—Фіоре, Кодексъ, § 510.—Pradier-Fodéré, Cours, § 719.

³⁾ Engelhardt, первый проектъ, ст. 16; второй—ст. 11.

⁴⁾ Фіоре, Кодексъ, § 510.

⁵⁾ Engelhardt, первый проектъ, ст. 13.

⁶⁾ Первый проектъ, ст. 14. Прадье-Фодере, Cours, § 719.—Idem, Vattel, éd. 63, t. II, p. 118, note.

⁷⁾ Engelhardt, первый проектъ, ст. 15.—Прадье-Фодере, Cours, § 719.

ворку только относительно двухъ пунктовъ. Энгельгардтъ думаетъ, что сборы за судоходство должны покрывать общіе расходы на рѣку¹⁾ и производиться отъ общаго имени. Того же мнѣнія Институтъ. Но, думается намъ, Прадье-Фодере лучше понимаетъ условія современной жизни, когда говорить, что рѣчныя пошлины взимаются каждымъ отдѣльнымъ государствомъ за его счетъ и его чиновниками. На самомъ дѣлѣ, зачѣмъ возлагать на комиссію эту новую тягость? Не достаточно-ли, чтобы государства обязались выдавать ей потребныя суммы на тѣ расходы по администраціи и текущимъ работамъ въ руслѣ и на берегахъ, которые она должна производить? Взиманіе налоговъ отъ общаго имени можетъ быть иногда полезно, такъ какъ устраняетъ многочисленность мѣстъ для сбора ихъ, дѣлаетъ болѣе легкимъ контроль за получаемыми съ судоходства суммами; но эти выгоды не настолько велики, чтобы налагать на береговья государства новыя стѣсненія. Вторая оговорка касается самого существованія судоходныхъ сборовъ. Въ добавочной статьѣ къ своему первому регламенту Engelhardt пишетъ: «Слѣдуетъ рассмотреть и рѣшить вопросъ о томъ, какимъ образомъ возможно уничтожить всѣ сборы за судоходство кромѣ тѣхъ, которые имѣютъ цѣлю возмѣститъ капиталы, употребленные на особыя искусственныя сооруженія чрезвычайной важности и полезности». Съ этимъ требованіемъ мы совершенно несогласны и на основаніи того, что было сказано выше, убѣждены, что пока существуетъ современный финансовый и экономическій строй, пошлины за судоходство могутъ быть только уменьшаемы, но не уничтожаемы²⁾.

¹⁾ Art. 10 второго проекта и 11 и 14 первого.

²⁾ Engelhardt, Du régime, Des droits de navigation, p. 123—156. —Idem, ibid., Suppression d. d. d. n., p. 213—217. —Caratheodory, нѣм. п., § 71, S. 311—316, § 70, S. 309—311. —F. Ulrich, Staffeltarife und Wasserstrassen. Berlin. 1894. —Baras, Canaux et chemins de fer. Paris. 1887. —Limousin, La navigation intérieure et les tarifs de pénétration. Paris. 1887. —Foy, La question des transports par les chemins de fer et par les voies navigables. S. Quentin. 1887. —Bertaux (Bertauld (?)), La navigation intérieure et la concurrence étrangère. Mondidier. 1888. —Limousin, Les privilèges de la navigation intérieure. Paris. 1888. —Fernand Robbe, La navigation intérieure et les chemins de fer. Paris. 1888. —Journal de transports. Etude sur le rétablissement des droits de navigation. Paris. 1888. —La suppression des droits de navigation

§ 5. Санитарный и таможенный надзоръ за судо-
ходствомъ.

Въ этомъ параграфѣ мы думаемъ рассмотретьъ два вопроса, которые имѣютъ только косвенное отношеніе къ рѣчному судоходству: именно о рѣчныхъ карантинахъ и рѣчномъ таможенномъ надзорѣ. Санитарная полиція и таможенное вѣдомство составляютъ важныя вѣтви государственнаго, а отчасти и международнаго управленія. Но насъ онѣ интересуютъ въ настоящее время только съ одной стороны. Какимъ образомъ должны быть устроены рѣчные карантинныя и таможенныя, чтобы не мѣшать свободному судоходству на рѣкѣ? Вотъ та точка зрѣнія, весьма узкая, съ какою мы намѣреваемся взглянуть на нихъ. Мы приведены къ рассмотрѣнію этихъ вопросовъ не столько ихъ логическою связью съ нашею основною темою, сколько тѣмъ, что въ прошломъ международныхъ рѣкѣ они играли важную и печальную роль. Намъ слѣдуетъ рассмотретьъ, *при какихъ условіяхъ* эти отрасли публичной дѣятельности могутъ достигать своихъ спеціальныхъ задачъ, не нанося ущерба международнымъ экономическимъ интересамъ?

До послѣдняго времени однимъ изъ наиболѣе удачныхъ способовъ защиты противъ занесенія заразы въ предѣлы страны считались карантинныя. *Карантинныя стараго времени* съ ихъ строгими и мелочными правилами, съ долгимъ срокомъ обсервации и пр., были предметомъ ужаса для путешественниковъ и положительнымъ несчастіемъ для торговаго движенія. Самую строгую форму карантиннаго надзора даетъ намъ въ этомъ отношеніи Дунай, берега котораго, вслѣдствіе его восточнаго направленія, наиболѣе часто принимали восточныхъ гостей. Турція, Сербія, Молдавія, Валахія и Россія думали при посредствѣ береговыхъ кордоновъ уничтожить всякое сношеніе между рѣкою, на которой всегда могло появиться зараженное судно, и берегами ея. Цѣпь такихъ кордоновъ тянулась вдоль обоихъ береговъ, отъ одного населеннаго пункта берега до другаго. Не считая 12 лазаретовъ, имѣвшихъ по директору,

sur plusieurs des voies navigables francaises. Moniter du 22 mars. 1860.—
Klüber, Oeffentliches Recht, § 568 f. (старые сборы на Рейнѣ и Эльбѣ).—
Annalen des. D. Reichs. 1880. S. 658. 1886. S. 59.

врачу, акушеркѣ и переводчику, Молдавія и Валахія выставляли еще 232 пикета, въ которыхъ служило 464 солдата и 1400 крестьянъ. Эта отрасль Молдо-Валахскаго управленія, организація которой регламентировалась статутомъ 1831 г. занимала одно изъ видныхъ мѣстъ въ государственной администраціи. Во главѣ ея стоялъ распорядительный комитетъ, состоявшій изъ министра внутреннихъ дѣлъ, главнаго инспектора, полицейскаго аги и главнаго доктора. Мы уже знаемъ, какія жалобы поднимались на западѣ противъ этихъ карантинныхъ мѣръ, знаемъ также и тѣ обвиненія, которыя выставались противъ Россіи иностранными консулами. Благодаря этому недовольству, однимъ изъ первыхъ условій, поставленныхъ союзными державами въ 1855 г., было уничтоженіе санитарнаго кордона на Сулинѣ ¹⁾.

За послѣднее время значеніе карантинныхъ огражденій начало подвергаться сильному сомнѣнію, и если мѣры эти не совсѣмъ еще отвергаются, то по крайней мѣрѣ характеръ ихъ вполнѣ измѣнился. Во всякомъ случаѣ, можно утверждать, что, хотя съ нѣкотораго времени карантинныя мѣры стали гораздо слабѣе, посѣщенія Европы заразными болѣзнями отъ этого не учащаются, даже болѣе того, возможность повой всеобщей эпидеміи сдѣлалась почти невѣроятной въ цивилизованныхъ странахъ. Отъ перемѣны возрѣній на карантинъ, много выиграли скорость и удобство водяныхъ сообщеній между отдѣльными государствами, а слѣдовательно торговля и промышленность. Что касается рѣчныхъ карантинныхъ мѣръ, то и опытъ прошлаго, и теоретическія соображенія указываютъ, что въ основаніе устройства ихъ должны быть положены слѣдующія двѣ мысли: 1) полице уединеніе берега возможно только на берегахъ моря, и 2) падо оставить всякую надежду на удачный исходъ мѣстныхъ карантинныхъ мѣръ каждаго государства въ отдѣльности. На самомъ дѣлѣ, можно-ли помѣшать сообщенію судна съ твердой землей, одного рѣчнаго порта съ другимъ, праваго берега рѣки съ лѣвымъ?

На этихъ основаніяхъ Институтъ ввелъ въ свой регламентъ слѣдующую статью: «При устьяхъ международныхъ рѣкъ учреждаются прибрежными государствами карантинныя завѣдующіе санитарнымъ надзоромъ за входящими и выходящими

¹⁾ Protocoles IV, V des conférences de Vienne de 1855.

кораблями. Что касается надзора в продолжение всего пути по рѣкамъ, то онъ производится по специальнымъ распоряженіямъ прирѣчныхъ комиссій» (23). Тѣ же самыя предложенія были сдѣланы и Энгельгардтомъ. Впрочемъ, въ первомъ регламентѣ онъ добавлялъ къ этому, что карантинъ въ устьяхъ долженъ дѣйствовать подъ общимъ управленіемъ (*direction collective*) береговыхъ государствъ, и требовалъ, чтобы во время переѣзда по рѣкѣ не производилось никакого санитарнаго надзора. Съ своей стороны Каратеодори ¹⁾ предполагаетъ, что даже въ тѣхъ случаяхъ, когда на рѣкѣ вспыхнетъ эпидемія, суда, если они не посѣщали пораженныхъ гаваней, не должны быть принуждаемы къ другимъ формальностямъ, кромѣ представленія береговымъ властямъ мѣста своей остановки свидѣтельства о состояніи здоровья ихъ экипажа и команды.

Вообще можно рекомендовать слѣдующее *устройство карантиннаго надзора*. Въ устьяхъ рѣки долженъ быть учрежденъ карантинъ на общія средства и подъ общимъ управленіемъ береговыхъ странъ. Контроль долженъ падать лишь на суда, входящія въ рѣку и выходящія изъ нея въ открытое море, и то только подъ условіемъ, что эпидемія будетъ существовать въ первомъ случаѣ въ какихъ-либо не особенно отдаленныхъ отъ рѣки портахъ, во второмъ—гдѣ-нибудь на берегахъ ея самой. Если эпидемія и разовьется въ какой-нибудь морской гавани, суда, приходящія изъ открытаго моря и получившія «*klarere Patent*» или «*visum*» отъ властей въ устьяхъ рѣки, свободны въ среднемъ и верхнемъ ея теченіи отъ всякихъ дальнѣйшихъ формальностей и карантинныхъ мѣръ, кромѣ предъявленія этой бумаги, кому слѣдуетъ. Если эпидемія появилась только въ нѣкоторыхъ портахъ рѣки, каждое государство, преградивъ рѣку поперечнымъ кордономъ, можетъ задерживать всѣ суда, вышедшія изъ нихъ. Суда, не заходившія въ сомнительные порты, должны имѣть право свободнаго прохода. Входъ судовъ въ пораженные пункты можетъ быть свободенъ, но при выходѣ они должны подвергаться тщательному осмотру, дабы удержать дальнѣйшее распространеніе заразы. Наконецъ, всякаго рода изыятія и ограниченія прекращаются для внутренняго судоходства между гаванями одной и той же рѣки, какъ только болѣзнь сдѣлалась общою на ея берегахъ ²⁾. Чтобы облегчить во время эпидеміи поддер-

¹⁾ Иѣм. раб., S. 318.

²⁾ Régł. de nav. et. de pol. du Danube signé le 2 Juin 1882, art. 11.

жаніе порядка и безопасности на рѣкѣ,—главный инспекторъ, его подчиненные, и другіе назначенные для службы въ рѣчной полиціи чиновники, должны имѣть право свободнаго проѣзда всюду въ интересахъ ихъ службы. Въ сомнительныхъ случаяхъ они обязаны подчиняться тѣмъ правиламъ, которыя установлены для санитарныхъ чиновниковъ. Тѣ же самыя права будутъ предоставлены, въ случаяхъ необходимости, инженерамъ, служащимъ и рабочимъ комиссіи. Во всякомъ случаѣ, правила относительно карантиновъ должны отличаться достаточной опредѣленностью и, какъ можно менѣе, стѣснять судоходство. Они, а равно и тарифъ санитарныхъ сборовъ, будутъ выработываться комиссіей съ участіемъ особыхъ специалистовъ, приглашенныхъ ею самой или назначенныхъ соответствующими правительствами. Санитарные сборы всего практичнѣе присоединять къ общей суммѣ рѣчныхъ сборовъ и взимать ихъ постоянно, какъ въ періодъ эпидеміи, такъ и въ благополучное время. Общій карантинъ, если таковой будетъ образованъ, состоитъ въ непосредственномъ завѣдываніи комиссіи. Тѣ карантинныя учрежденія, которыя могутъ быть созданы, не выходя изъ предѣловъ международнаго акта, мѣстными правительствами, находятся въ завѣдываніи этихъ послѣднихъ. Комиссія имѣетъ по отношенію къ нимъ только тѣ права, какъ и по отношенію къ другимъ мѣстнымъ властямъ. Другія подробности устройства карантиновъ предоставляется установить комиссіи, сообразно съ обстоятельствами мѣста и требованіями медицины. Мы оставляемъ ихъ въ сторонѣ. Замѣчу только, что вопросъ о рѣчныхъ карантинахъ долженъ былъ обсуждаться на Дрезденской санитарной конференціи³⁾.

Переходимъ къ таможенному надзору за судоходствомъ. Постановленія относительно этого вопроса такъ хорошо разработаны въ положительномъ правѣ, что намъ остается только констатировать общепризнанныя начала и указать на нѣкоторыя нежелательныя уклоненія отъ нихъ.

Наиболѣе точное постановленіе и одно изъ наиболѣе дѣлающихъ честь рѣчной комиссіи 1815 г. заключаетъ именно относящаяся сюда *статья 115 Вльскаго трактата*. Содержа-

³⁾ Engelhardt, Du régime, p. 167—172.—Carathodory, § 72, S. 316—323.—Pradier-Fodéré, Cours, § 719.—Annalen des Deutschen Reichs. 1893. 10. 775.—Revue de dr. int. t. XVI, p. 370 (Engelhardt).

ніе ея было повторено въ слѣдующей болѣе категорической формѣ Институтомъ международного права ¹⁾: «Таможенные пошлины и акцизы, существующіе въ прибрежныхъ государствахъ, никоимъ образомъ не должны посягать на свободу плаванія» (ст. 12). Въ примѣненіи къ отдѣльнымъ рѣкамъ ей поспасливилось также гораздо болѣе, чѣмъ другимъ статьямъ 1815 г. Во всѣхъ рѣчныхъ регламентахъ она получала примѣненіе и дальнѣйшее развитіе.

Какимъ же образомъ практика примиряла интересы таможенного надзора и интересы судоходства? Рѣшеніе заключается въ слѣдующей формулѣ, которую даетъ намъ актъ судоходства по Пруту: «Les lignes douanières suivront partout les rives du fleuve, sans jamais le traverser». Эта формула приводится также интернаціоналистами, какъ всего лучше выражающая ихъ основную мысль по этому вопросу. «Въ этомъ отношеніи», говоритъ Энгельгардъ, «международная водная дорога будетъ считаться за нейтральную, такъ сказать, область, на которой торговля будетъ пользоваться большинствомъ преимуществъ аналогичныхъ съ тѣми, которыя предоставляетъ ей каждый порто-франко (tout port francs)»²⁾. У Каратеодори эта же мысль выражена болѣе образно: «Die meheren Staaten gemeinschaftlichen 'Stromlaufe werden als ausserhalb des Zollgebietes liegend betrachtet»³⁾. Не мѣшаетъ впрочемъ замѣтить, что такъ широко поставленная свобода отъ таможенного воздѣйствія имѣетъ мѣсто только на такъ называемыхъ смѣшанныхъ частяхъ рѣки, т. е. гдѣ берега принадлежатъ разнымъ государствамъ, и относится только къ судамъ, плывущимъ вверхъ или внизъ по теченію или стоящимъ на якорѣ, но не у берега⁴⁾.

Словомъ, на международныхъ рѣкахъ мы наблюдаемъ въ настоящее время слѣдующую систему. Каждый капитанъ судна долженъ быть снабженъ манифестомъ, въ которомъ обозначается его грузъ, назначеніе и происхожденіе послѣдняго. Грузъ можетъ быть повѣряемъ въ каждомъ бюро для сбора рѣчныхъ

¹⁾ Беру, какъ и во всѣхъ другихъ случаяхъ, переводъ проф. гр. Кармаровскаго.

²⁾ Du régime, p. 158.

³⁾ Нѣм. раб., S. 312.

⁴⁾ Engelgardt, первый проектъ, ст. 20; второй — ст. 14.

пошлинь. Это имѣетъ мѣсто тогда въ особенности, когда капитанъ подозрѣвается въ обманѣ. Таможенные власти могутъ требовать *предъявленія манифеста, или повѣрки груза* судна только при остановкахъ его для уплаты пошлинь или по другимъ особо указаннымъ въ актѣ судоходства причинамъ. Сами онѣ не могутъ остановить съ этой цѣлью судна, находящагося въ пути. Если капитанъ не обязанъ остановиться въ предѣлахъ извѣстнаго государства, то онъ освобождается и отъ осмотра со стороны мѣстныхъ таможенныхъ властей. Это правило относится одинаково какъ къ тѣмъ частямъ рѣки, гдѣ оба берега принадлежатъ одному государству, такъ и къ тѣмъ, гдѣ они находятся подъ властью разныхъ странъ.

Что касается *прямаяго транзита*, то здѣсь различаютъ тѣ части рѣки, берега которой принадлежатъ различнымъ государствамъ и тѣ, гдѣ рѣка течетъ по территоріи одной и той же державы. Въ первомъ случаѣ, если только оба порѣчныхъ государства не образовали изъ себя одного таможеннаго союза, грузъ судна и манифестъ его могутъ по общему правилу подвергнуться контролю только у мѣсть уплаты пошлинь. Если рѣка составляетъ границу двухъ государствъ, то каждый изъ ея береговъ уже охраняется, какъ и вся граница государства, таможеннымъ кордономъ. Этимъ путемъ предупреждается возможность преступленія противъ таможенныхъ законовъ. Если же оба берега принадлежатъ въ опредѣленномъ мѣстѣ одной державѣ, то обыкновенно судно останавливается у границы и таможенные власти пломбируютъ люки судна, или помѣщаютъ стражу на бортѣ¹⁾. Въ этомъ случаѣ надзоръ за судами не можетъ исполняться береговою таможенною стражею. Не говоря уже о томъ, что подобная организація можетъ внести замѣшательство во внутреннія сношенія страны, ея стоимость, вполне несоразмѣрная съ тѣми доходами отъ таможенныхъ сборовъ, которые она была бы призвана охранять, принуждаетъ отказаться отъ этой мѣры. Напр., сколько должна была бы тратить на эту стражу Австро-Венгрія, которой принадлежатъ оба берега Дуная на протяженіи 179 нѣмецкихъ миль? Такимъ образомъ надо также обходиться безъ подробнаго осмотра товаровъ, при входѣ и выходѣ изъ страны, и удовольствоваться однимъ пломбированіемъ и присут-

¹⁾ Engelhardt, ст. 21 перваго проекта и 15 втораго.

ствіемъ на бортѣ таможенной стражи. Систему двухъ кордонъ можно предпочесть только въ томъ случаѣ, если государству принадлежатъ на обоихъ берегахъ рѣки незначительныя пространства земли, а на рѣкѣ происходитъ оживленное движеніе судовъ. Такъ, Австро-Венгрія выбрала послѣднюю систему на верховьяхъ Прута. За исключеніемъ этихъ мѣръ, прямой транзитъ совершенно свободенъ, т. е. всякаго рода товары могутъ пересѣкать территорію государства совершенно свободно, не обращая вниманія на то, каковы его законы относительно ввоза, вывоза или транзита. Проходящія транзитомъ суда платятъ обыкновенно за надзоръ или за пломбированіе люковъ, «ne seront soumis qu'aux frais du service de transit»¹⁾. На основаніи всего этого Институтъ принялъ слѣдующую статью. «Впродолженіе пути корабли, снабженные законными бумагами, ни подъ какимъ предлогомъ не могутъ быть останавливаемы таможенными властями прибрежныхъ государствъ, если оба берега рѣки принадлежатъ различнымъ государствамъ» (ст. 19).

Далѣе, когда судно пересѣкаетъ границу того государства, въ одинъ изъ портовъ котораго назначенъ весь грузъ или часть его, капитанъ долженъ остановиться у перваго таможеннаго учрежденія для выполненія обязанностей, предвидѣнныхъ мѣстными законами. Конечно для судна было бы удобнѣе, если бы исполненіе формальностей, относительно ввоза въ страну товаровъ, производилось въ самомъ портѣ назначенія. Съ тѣхъ поръ, какъ во многихъ мѣстахъ уничтожены всякіе сборы съ судоходства, обязательная остановка у таможенной границы является препятствіемъ свободному судоходству. Въ этомъ случаѣ мы никакъ не можемъ согласиться съ Энгельгардтомъ, который оправдываетъ эти остановки тѣмъ, что здѣсь производятся тѣ формальности, которымъ все равно пришлось бы подвергнуться въ портѣ назначенія груза²⁾. Эти мысли нашли себѣ слѣдующее выраженіе въ проектѣ Института: «Суда, вступающія въ ту часть рѣки, гдѣ оба ея берега принадлежатъ одному государству, обязаны уплатить таможенные пошлины въ размѣрахъ, указываемыхъ мѣстнымъ тарифомъ, за товары, ввозимые въ предѣлы этого государства. Транзитные же товары

¹⁾ Fiore, Кодексъ, § 508.

²⁾ Discussion des derniers actes, p. 192.

подлежать только пломбированію и специальному надзору таможенныхъ властей» (ст. 20). Точно также, когда судно приближается къ границѣ того государства, гдѣ былъ взятъ грузъ, капитанъ подаетъ объ этомъ заявленіе въ пограничной таможенѣ. И въ этомъ случаѣ было бы гораздо удобнѣе, если бы заявленіе могло подаваться въ томъ портѣ, гдѣ взятъ грузъ. Во всякомъ случаѣ, на смѣшанныхъ частяхъ рѣки возможно только послѣднее рѣшеніе вопроса.

Словомъ, *пошлины* могутъ взиматься только съ *тѣхъ товаровъ, которые выгружаются на берегъ съ цѣлью получить известное назначеніе въ предѣлахъ страны* ¹⁾. Или, какъ это быть можетъ болѣе удачно выражено въ регламентѣ Института: «Прибрежныя государства имѣютъ право взимать пошлины съ товаровъ, провозимыхъ по международнымъ рѣкамъ, лишь въ томъ случаѣ, когда они предназначаются къ ввозу въ предѣлы этихъ государствъ» (ст. 17). Дѣло въ томъ, что на частяхъ рѣки, которыя принадлежатъ одному только государству, пошлины взимаются обыкновенно у самой границы послѣдняго на рѣкѣ ²⁾. «Суда и товары, провозимые по этимъ рѣкамъ, не оплачиваются никакими транзитными пошлинами, —какого бы они ни были происхожденія или назначенія» ³⁾. Энгельгардтъ рассказываетъ, что въ 1860 г. была доставлена изъ Австріи въ Саксонію машина, предназначавшаяся для одного парохода на Эльбѣ, безъ уплаты пошлинъ, но за матеріалы для постройки моста у г. Domitz вынуждены были уплатить пошлину вѣроятно потому, что ихъ надо было выгружать на берегъ, *parce que l'ouvrage projeté était étranger au service de la navigation fluviale* ⁴⁾.

Выгрузка товаровъ можетъ происходить обыкновенно только въ мѣстахъ, указанныхъ таможеннымъ начальствомъ. Желательно конечно, чтобы она была разрѣшаема всюду, гдѣ только существуетъ въ этомъ надобность ⁵⁾. Исключеніе составляютъ случаи крайней необходимости. Поэтому постановленіе Ин-

¹⁾ Carateodory, нѣм. раб., с. 313. — Fiore, Кодексъ, § 508.

²⁾ Engelhardt, ст. ст. 18 и 21 первого проекта.

³⁾ Регламентъ Института, ст. 9. Ст. 16 второго проекта Энгельгардта и ст. 22—первого

⁴⁾ Discussion des derniers actes, p. 191.

⁵⁾ Caratheodory, нѣм. раб., S. 313.

ститута, что «суда могут выгружаться цѣликомъ или отчасти (кромѣ случаевъ крайней нужды) лишь въ гаваняхъ и въ такихъ прибрежныхъ мѣстахъ, которыя имѣютъ таможи» (ст. 18), кажется намъ слишкомъ узкимъ. То же самое замѣчаніе вызываютъ аналогичныя статьи проектовъ Энгельгардта ¹⁾.

Обыкновенно рѣки доступны для морскихъ судовъ только въ незначительной части ихъ нижняго теченія. Выше они не могутъ подниматься. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ прекращается морское судоходство и начинается рѣчное, происходитъ перегрузка товаровъ съ однихъ судовъ на другія. Приэтомъ часто является необходимость сложить перегружаемые товары на нѣкоторое время на берегу. Въ такихъ случаяхъ эти товары освобождаются отъ платы таможенныхъ пошлинъ. Такія мѣста перегрузокъ существуютъ на большей части международныхъ рѣкъ. Изъ рѣчныхъ *порто-франко* извѣстны: Роттердамъ на Рейнѣ, Антверпенъ на Шельдѣ, Гамбургъ на Эльбѣ, Штетинъ на Одерѣ, Бременъ на Везерѣ, Данцигъ на Вислѣ, Галацъ, Браиловъ на Дунаѣ. Потребность въ подобныхъ портахъ является и на верхнемъ теченіи судоходныхъ рѣкъ, по мѣрѣ того, какъ уменьшается глубина рѣки или встрѣчаются естественныя препятствія, въ видѣ водопадовъ, мелей, пороговъ и пр. Необходимо и тамъ устанавливать подобныя мѣста перегрузокъ. Вообще слѣдуетъ, чтобы каждое береговое государство учредило одинъ или нѣсколько *порто-франко* ²⁾ или, какъ ихъ лучше называть, перегрузочныхъ пунктовъ. Можно даже рекомендовать, чтобы въ каждомъ болѣе или менѣе крупномъ рѣчномъ портѣ прибывающимъ судамъ была предоставлена возможность сложить на время часть своихъ товаровъ на берегу съ тѣмъ, чтобы по истеченіи извѣстнаго времени отправить ихъ далѣе. Такіе *порто-франко*, расположенные въ извѣстномъ разстояніи другъ отъ друга и снабженные всѣми сооруженіями, могущими облегчить разгрузку, храненіе и новую нагрузку товаровъ, мы встрѣчаемъ почти на всѣхъ международныхъ рѣкахъ. Суда платятъ при этомъ только за стражу, приставленную къ товарамъ, за магазины и разгрузочныя или нагрузочныя деньги, гдѣ таковыя установлены ³⁾.

¹⁾ Ст. 19 перваго и ст. 13—втораго.

²⁾ Ст. 23 перваго проекта и ст. 17—втораго.—Pradier-Fodéré, Cours § 715.

³⁾ Fiore, Кодексъ, § 508.

Подобныя правила приняты на Эльбѣ, Везерѣ и Рейнѣ. Слѣдуетъ замѣтить, что на этихъ рѣкахъ морскія суда не поднимаются выше ихъ морскихъ частей и постановленія относительно транзита не касаются ихъ. На Эльбѣ и Везерѣ имъ не надо даже запасаться манифестомъ, такъ какъ они не достигаютъ до первыхъ мѣстъ сбора пошлинъ; на Рейнѣ же тѣ суда, которыя поднимаются выше голландской границы или спускаются внизъ изъ нѣмецкаго Рейна, подвергаются plombированію и приему стражи на борту. *Отступленія* отъ господствующей системы всегда *встрѣчались очень непріязненно*. Какъ мы уже знаемъ, эти принципы не были приняты актомъ судоходства по Дунаю 1857 г. Суда были подчинены таможеннымъ законамъ отдѣльныхъ странъ. Это постановленіе вызвало горячіе протесты небереговыхъ странъ. Говорили, что оно могло повлечь за собой полное паденіе транзита на Дунаѣ, т. е. отъ каждаго государства зависѣло запретить провозъ по Дунаю тѣхъ товаровъ, торговля которыми запрещается его законодательствомъ, или которые составляютъ казенную монополію даннаго государства. Пруссія, возражая противъ соотвѣтствующей статьи этого договора, утверждала, что «постановленіе статьи 115 Вѣнскаго договора 1815 г. указывало, какъ средство къ прекращенію контрабанды, только надзоръ за судоходствомъ, что оно исполнѣ опредѣленно исключаетъ всякую декларацію, ревизію и другія формальности въ видахъ предупрежденія таможенныхъ преступленій». Однако эта страна сама пыталась одно время провести на Рейнѣ и Эльбѣ начала, аналогичныя съ предложенными въ 1857 г. для Дуная. Я имѣю въ виду австро-прусскій проектъ 7 марта 1880 г., по которому Рейнъ и Эльба были уподоблены сухопутнымъ дорогамъ во всемъ, что касается таможенныхъ правилъ. Такимъ образомъ, Эльба и Рейнъ должны были потерять «характеръ экстерриториальности (exterritorialité, Auslandsqualität)», который имъ даровала 115 ст. трактата 1815 г. Проектъ 1881 г. вызвалъ сильное волненіе въ Рейстагѣ, между прочимъ вслѣдствіе предложенія создать таможенную линію въ самомъ устьѣ рѣки у Куксгавена. Мѣра эта направлялась главнымъ образомъ противъ Гамбурга, который при старыхъ порядкахъ находился въ свободномъ сообщеніи съ открытымъ моремъ, и была отклонена союзнымъ совѣтомъ. Она могла бы еще найти себѣ нѣкоторое оправданіе относительно ввоза и вывоза товаровъ, такъ какъ обѣ названныя рѣки принад-

лежать, одна Германіи и Голландіи, другая Германіи и Австріи и не имѣютъ смѣшанныхъ частей, т. е. такихъ, гдѣ бы противоположные берега принадлежали разнымъ державамъ. Но въ примѣненіи къ транзиту на этихъ же рѣкахъ ея вліяніе должно было бы быть рѣшительно пагубнымъ. Не говорю уже о томъ, что эта теорія вовсе не приложима на рѣкахъ съ берегами, принадлежащими нѣсколькимъ владѣльцамъ.

До сихъ поръ, говоря о карантинныхъ и таможенномъ устройствѣ, мы имѣли въ виду рѣки международныя. *Рѣки національныя* подчиняются въ этихъ двухъ отношеніяхъ тому же національному праву, которое вообще дѣйствуетъ въ предѣлахъ извѣстнаго государства. На рѣкахъ, принадлежащихъ территоріи одного государства, или даже одного таможеннаго союза, все таможенное устройство должно сводиться къ установленію въ устьяхъ рѣки таможенной линіи, гдѣ подвергались бы осмотру какъ ввозимыя или транзитныя, такъ и вывозимыя товары. Если транзитъ товаровъ черезъ извѣстную страну вообще свободенъ отъ обложенія, онъ свободенъ и по рѣкамъ. Если извѣстныя товары платятъ извѣстныя ввозныя или вывозныя пошлины, они платятъ ихъ и на рѣкахъ. Въ этихъ отношеніяхъ сухопутныя дороги ничемъ не отличаются отъ водяныхъ ¹⁾.

§ 6. Свобода судоходства въ военное время.

Въ наше время война между двумя и болѣе государствами не влечетъ за собою прекращенія дѣйствія всѣхъ трактатовъ, заключенныхъ между воюющими сторонами въ мирное время, и въ особенности уничтоженія всего международного порядка. Договорныя и обычныя начала могутъ продолжать свое дѣйствіе въ отношеніяхъ враждующихъ государствъ и во время военныхъ дѣйствій, въ особенности если эти начала чужды тѣмъ вопросамъ, изъ-за которыхъ вспыхнула война. Этотъ принципъ, получившій общее признаніе, долженъ былъ бы также обезпечить ненарушимость въ военное время правъ, приобрѣтенныхъ на судоходство по рѣкамъ воюющихъ сторонъ. Это тѣмъ болѣе

¹⁾ Engelhardt, Du régime, p. 157—166.—Idem, Discussion des derniers actes conventionnels relatifs au régime des fl. int.—Caratheodory, нѣм. раб., S. 311—316 (§ 71).—Pradier-Fodéré, Cours, §§ 714, 715.—Idem, Les questions int-les, La France, 5 et 15 Janvier 1885.

должно было бы быть такъ, что *свобода великихъ рѣкъ иттересуетъ весь морскія и торговля націи*. Если выгоды нейтральныхъ государствъ требуютъ сохраненія за ихъ судами свободы судоходства въ военное время на судоходныхъ рѣкахъ, принадлежащихъ воюющимъ сторонамъ, то и каждая рѣчная держава, замѣшанная въ войнѣ, въ высшей степени заинтересована въ томъ, чтобы торговля сношенія ея рѣчныхъ портовъ не прерывались. Закрытіе портовъ могло бы быть на-руку только ея противнику, если онъ не имѣетъ территоріальныхъ владѣній на той же рѣкѣ, и если суда подъ его флагомъ не посѣщаютъ ея водъ. Но международное право связываетъ его свободу въ этомъ отношеніи тѣмъ, что непосредственнымъ объектомъ военныхъ дѣйствій на сушѣ и на рѣкахъ должны быть вооруженныя силы противной стороны, что сфера частной дѣятельности должна быть неприкосновенна и т. п. Къ рѣкамъ должны быть примѣняемы по общему правилу начала сухопутной, а не морской войны. Въ этомъ никто не сомнѣвается, хотя въ нотѣ гр. Андраши отъ 6 мая 1877 г. говорилось, что между судоходствомъ на Дунаѣ и морскимъ плаваніемъ не можетъ быть дѣлаемо различія въ отношеніи примѣненія началъ деклараціи 16 апрѣля 1856 г. и именно на томъ основаніи, что дунайскія суда носятъ съ тѣмъ же правомъ, какъ и морскія, свой національный флагъ, что они являются часто именно морскими кораблями, что существуетъ полное согласіе между правомъ судоходства по морю и по нижнему Дунаю. Андраши думалъ этимъ путемъ лучше подтвердить права австрійскаго флага на Дунаѣ во время войны 1877—78 г. и никакого общаго принципа при этомъ не выставлялъ. Сухопутное же право войны требуетъ попады частнаго лица и его интересовъ. Однако этихъ общихъ началъ недостаточно для того, чтобы обезпечить за судоходствомъ ту свободу, которая составляетъ общій интересъ. Изъ этихъ началъ существуетъ вообще немало исключеній и не мѣшаетъ поэтому болѣе точно опредѣлить, въ какомъ размѣрѣ могутъ они получить свое примѣненіе на рѣкахъ. Большая часть теоретическихъ правилъ, которыя мы установимъ ниже, относится безразлично какъ къ рѣкамъ національнымъ, такъ и международнымъ. Но дѣйствующее договорное или обычное право не создало относительно первыхъ никакихъ особыхъ началъ и они вполне раздѣляютъ во время войны участь всей территоріи воюющихъ государствъ.

Другое дѣло рѣки международныя. Вопросъ о свободѣ судоходства по этимъ рѣкамъ въ военное время являлся нерѣдко предметомъ предварительнаго, т. е. состоявшагося въ мирное время, соглашенія между заинтересованными державами.

На самомъ дѣлѣ, въ *международной практикѣ* рано начинаютъ появляться подобныя постановленія относительно судоходства по отдѣльнымъ рѣкамъ. Первое изъ нихъ мы находимъ уже въ конвенціи 1804 г. (ст. СXXXI). На Вѣнскомъ конгрессѣ баронъ Гумбольдтъ предлагалъ возобновить его, прибавивъ къ нему слѣдующую смягчающую оговорку: «Les belligérants auraient à respecter la liberté de la navigation autant que cela serait compatible avec les opérations militaires». Съ своей стороны герцогъ Дальбергъ настаивалъ на простомъ воспроизведеніи текста 1804 г. Его мнѣніе побѣдило, и эта статья была почти буквально повторена въ регламентахъ рейнскаго судоходства 1815 и 1831 гг. Энгелгардтъ совершенно ошибочно утверждаетъ, что мы не находимъ слѣда подобнаго постановленія ни въ генеральномъ актѣ 1815 г., ни въ регламентахъ, приложенныхъ къ нему. За нимъ въ подобное заблужденіе впадаютъ и другіе писатели. Каратеодори пишетъ: «Der Wiener Congress hatte über diesen Punkt geschwiegen» ¹⁾, а Ретихъ думаетъ это и относительно конвенціи 1831 г. ²⁾. Статья 1804 года конечно не отличается точностью, такъ какъ право на судоходство по рѣкѣ во время войны не стипулировано прямо, и только можетъ косвенно вытекать изъ того факта, что взиманіе октруа будетъ продолжаться и во время военныхъ дѣйствій. Однако, въ началѣ австро-прусской войны 1866 г., въ которой приняли участіе четыре береговья государства Рейна, власти Кобленца, толкуя конвенцію 1831 г. въ самомъ либеральномъ смыслѣ, объявили, что торговля суда могутъ продолжать плавать по рѣкѣ, лишь бы они соглашались подвергаться контролю военнаго начальства. Это рѣшеніе осталось мертвой буквой, такъ что, именно вспоминая взаимныя пействовства воевавшихъ сторонъ, Голландія высказалась въ комиссіи 1868 г. за признаніе судоходства по Рейну нейтральнымъ. Центральная комиссія въ Мантеймѣ, занимавшаяся въ то время пересмотромъ конвенціи 1831 г., не сочла себя

²⁾ Нѣм. раб. S. 323.

¹⁾ Prisenrecht, S. 11.

въ правѣ рѣшить этотъ вопросъ, и онъ былъ исключенъ изъ новаго регламента. Но регламенты судоходства по другимъ рѣкамъ почти всегда заключаютъ постановленія на случай войны. Этотъ вопросъ былъ весьма удачно регулированъ въ договорѣ Испаніи и Португаліи отъ 23 мая 1840 г., ст. 12 котораго гласитъ: «Qu'il ne pourrait être mis embargo, ni exercer de confiscation sur les barques et les objets déposés ou transportés par le Douro jusqu'au moment de la déclaration de guerre, qu'il en serait de même pour les édifices à l'usage de la navigation et à perception des droits que l'on respecterait aussi religieusement les personnes employées dans la navigation, ainsi que toute propriété particulière qui se trouvent dans le cas de cet article». Эта статья, повторяя всѣ предшествующія постановленія, обезпечиваетъ въ то же время положеніе судовъ и товаровъ, находящихся на рѣкѣ, въ моментъ открытія военныхъ дѣйствій, но она не стипулируетъ прямо свободы судоходства. Дунайское законодательство содержитъ нѣсколько статей по этому вопросу, напр. ст. 21 въ публичномъ актѣ 2-го ноября 1865 г., хотя и онъ не вноситъ крупныхъ новостей въ рѣшеніе вопроса. Сохраненіе свободы судоходства въ военное время впервые признано для всѣхъ націй на американскихъ рѣкахъ, именно въ статьѣ VI договора 10 іюля 1853 г. относительно судоходства по Ла Платѣ (за исключеніемъ предметовъ военной контрабанды), а лучше всего обезпечено на Конго, гдѣ оно распространяется не только на саму рѣку, но и на часть территоріальнаго моря около ея устья, и гдѣ оно опредѣленно предоставлено какъ нейтральнымъ, такъ и воюющимъ державамъ.

Таковы были до послѣдняго времени единственные примѣры обезпеченія свободы судоходства по международнымъ рѣкамъ въ военное время. Тѣ, которые касаются европейскихъ рѣкъ, показываютъ, съ какой робостью приступали къ регламентированію этого деликатнаго пункта и къ какимъ новымъ гарантіямъ надо прибѣгнуть, чтобы дѣйствительно обезпечить судоходство, т. е. *теперешнее положеніе дѣлъ не является неудовлетворительнымъ*. Это мы видимъ изъ цѣлаго ряда фактовъ. Ученые обыкновенно приводятъ въ примѣръ русско-турецкую кампанію. Въ теченіе апрѣля и мая 1877 г. Россія, Турція, а за ними и Румынія, объявили оффиціальными нотами временное закрытіе судоходства по Дунаю, безъ различія ней-

тральныхъ и враждебныхъ флаговъ. Главной виновницей была, утверждаютъ на западѣ,—Россія. Энгельгардтъ называетъ эту мѣру *exorbitante*, не вызванной никакой необходимостью, нарушившей внезапно права 16 государствъ, посылающихъ свои корабли на Дунай и пользовавшихся этимъ правомъ долгое время подъ охраною Европы. Россія въ его глазахъ особенно провинилась передъ государствами, подписавшими актъ 1856 г. Приэтомъ онъ указываетъ на извѣстный фактъ, что Главный Штабъ въ началѣ іюля 1877 велѣлъ затопить въ Сулинскомъ гирлѣ три судна, нагруженные камнями. «*De propos délibéré*», восклицаетъ онъ, «*il détériorait la voie sur laquelle la Commission européenne... avait concerté pendant vingt ans toute son activité!*»¹⁾. Въ другомъ своемъ сочиненіи онъ указываетъ на то, что эти мѣры противорѣчили указу 26 мая 1877 г., который обѣщалъ сохранить, насколько возможно, торговлю и судоходство нейтральныхъ на Дунаѣ. Все это конечно очень грустно, но можно-ли сказать, что Россія совершила какое-нибудь правонарушеніе? На это обвиненіе, по скольку оно касается Россіи, можно возразить слѣдующее: Закрытіе Дуная для международнаго судоходства и другія мѣры, принятыя русскимъ правительствомъ, несомнѣнно считались необходимыми для военныхъ цѣлей, иначе никто не сталъ бы впрочемъ вредить дунайскому судоходству, въ развитіи котораго заинтересовано и наше отечество. Русское правительство никогда не обязывалось не прибѣгать къ такой мѣрѣ. Въ регламентахъ Дуная мы нигдѣ не находимъ статей, которыя бы предписывали сохраненіе свободы судоходства во время военныхъ дѣйствій. Въ указѣ 26 мая свобода судоходства была обѣщана только, поскольку это будетъ возможно. Всѣ постановленія, существующія въ регламентахъ, были Россіей соблюдены, равно и всѣ общія начала права войны. Статьи XII и XIII Сан-Стефанскаго договора обратили вниманіе на возмѣщеніе убытковъ, причиненныхъ войной дунайскому судоходству. Насколько мы знаемъ, военныя мѣры Россіи не встрѣтили ни порицанія, ни возраженія со стороны западныхъ державъ; въ этомъ молчаніи заключалось согласіе Европы. Виновата была не Россія, а несовершенство международнаго права, которое не можетъ вполнѣ обезпечить ненарушимость интересовъ нейтральныхъ госу-

¹⁾ Du régime, p. 79.

дарствъ во время военныхъ дѣйствій, на какомъ бы пунктѣ земнаго шара послѣднiя ни происходили. Наконецъ, что очень важно, Турцiя уже раньше воспретила всякое судоходство по Дунаю подъ угрозой конфискацiи судовъ и ихъ груза ¹⁾. Австрiя протестовала тогда противъ намѣренiя Порты разсматривать Дунай, какъ линiю обороны. «Die Donau», говорила она, «ist in erster Reihe eine freie, dem Verkehr aller Handelsflaggen geöffnete Wasserstrasse». Однако вопреки этому и вопреки мнѣнiямъ нѣкоторыхъ изслѣдователей ²⁾, мы думаемъ, что и Турцiя не нарушила никакой положительной нормы, такъ какъ начала, на которyя ссылалась Австрiя, имѣли въ виду несомнѣнно лишь мирное время. Тѣмъ не менѣе, общiя потери были велики.

Урокъ, полученный въ русско-турецкую кампанiю, долженъ убѣдить цивилизованныя страны серьезно заняться регулированiемъ вопроса. Иначе международная практика можетъ освятить совершенно нежелательныя явленiя въ дѣйствующемъ рѣчномъ правѣ. Такимъ образомъ, можетъ быть, всѣ согласятся съ необходимостью европейскаго соглашенiя, въ силу котораго норма, принятая на Рейнѣ въ началѣ этого столѣтiя, съ тѣми измѣненiями, которыя требуются наукой и жизнью, была бы усвоена общимъ международнымъ правомъ судоходства. Общимъ желанiямъ могло бы именно удовлетворить *принятiе рѣшными регламентами международныхъ рѣкъ 25-ой статьи регламента по Конго*. Правило 1885 г. относится къ двумъ рѣкамъ Африки, но оно внушено такимъ здравымъ сознаниемъ общаго блага, что рано, или поздно, такъ, или иначе, а ему суждено перейти въ общее право. «Est il présomptueux de supposer», спрашиваетъ Энгельгардтъ, «que le consensus gentium la ratifiera plus tard das son esprit, si non dans sa lettre intégrale et qu'elle sera sanctionnée par un congrès?» ³⁾.

Говоря о сохраненiи свободы рѣчнаго судоходства въ военное время, мы имѣемъ въ виду конечно не нейтрализацiю рѣкъ,

¹⁾ Times отъ 6 октября 1877.—Wheaton, Elements of int-l law (ed. Boyd), § 197 a., p. 259.—Инструкцiя турецкому главнокомандующему отъ 27 апрѣля 1877 г.; прокламацiя Экрема пашы отъ 29 апрѣля 1877 г. (Martens, N. R. G. 2 série, III, 200).

²⁾ Форштетеръ, Дунай, с. 58.

³⁾ Neutralité, p. 59—60.

т. е. не запрещеніе на рѣчной поверхности всякаго рода военныхъ операцій. Исторія рѣчнаго права показываетъ, что государства никогда не исключали возможности вовлеченія въ область военныхъ дѣйствій ни международныхъ, ни тѣмъ паче національныхъ рѣкъ, и если и связывали себя, то только относительно пѣкоторыхъ проявленій насилія въ ихъ предѣлахъ ¹⁾. Даже актъ 1885 г. не объявилъ Конго нейтральной и поэтому, какъ справедливо замѣчаетъ Реттихъ ²⁾, судоходство въ случаѣ открытія военныхъ дѣйствій въ бассейнѣ этой рѣки должно будетъ терпѣливо перенести «jene Störungen... welche durch die strategische Benutzung der Wasserläufe bedingt sind». Теоретическія же соображенія показываютъ, что эта мѣра не можетъ привести къ желаемымъ результатамъ. Съ одной стороны, пространство, которое должно было бы быть нейтрализовано, не поддается точному и окончательному опредѣленію. Съ другой стороны, вслѣдствіе своей недостаточной ширины, нейтрализованная рѣка нисколько не обезпечиваетъ безопасности судовъ, находящихся на ея водахъ бокъ-о-бокъ съ тѣми военными операціями, которыя совершаются на ея берегахъ. Во время перемирія воюющія стороны тоже уважають раздѣляющую ихъ зону, однако и въ этомъ случаѣ, во избѣжаніе всякихъ случайностей, ихъ арміи располагаются такъ, чтобы не быть въ виду другъ друга и чтобы снаряды врага не могли до нихъ долетать. Ширина же рѣчной дороги, которая должна представлять собой постоянный барьеръ между порѣчными державами, не превосходитъ силы обыкновеннаго пушечнаго выстрѣла. Поэтому, чтобы нейтрализація рѣки могла быть дѣйствительной, необходимо также нейтрализовать ея берега и притомъ на значительномъ протяженіи. Такимъ-то образомъ Вѣнскій кабинетъ, предлагая въ 1855 г. нейтрализацію Судины, требовалъ того же и для обоихъ острововъ, которые образуютъ дельту. А въ 1878 г., домогаясь нейтрализаціи всего нижняго и средняго Дуная, отъ устьевъ до Желѣзныхъ Воротъ, Австрія предлагала также нейтрализовать и берега рѣки, и ея острова. Оставляя въ сторонѣ то обстоятельство, что мѣры, предложенныя Австріей, клонились не столько къ охраненію судоходства, сколько къ созданію препятствія Россіи въ ея движеніи на югъ

¹⁾ Rettich, ibd., S. 12.--Engelhardt Neutralité, p. 162.

²⁾ Ibid. S. 19.

Балканскаго полуострова ¹⁾), мы укажемъ только на то, что ни одно береговое государство, не объявленное само нейтральнымъ, какъ напр. государство Конго, не согласится на нейтрализацію одной какой-либо полосы внутри своихъ границъ. Не говоря уже о томъ, что это можетъ создать ему въ военное время массу затрудненій, несомнѣнно, что нейтралитетъ этой полосы земли будетъ непремѣнно нарушенъ, разъ такая держава будетъ вовлечена въ войну, и постановленіе о нейтрализаціи русла и береговъ судоходной рѣки останется мертвой буквой. Наконецъ, нейтрализація рѣки и ея береговъ, или одной рѣки, не является особенно необходимой мѣрой. Свобода судоходства можетъ до известной степени мириться съ военными дѣйствіями на рѣкѣ. Впрочемъ, нѣкоторые придерживаются другихъ взглядовъ. Ривье предлагаетъ нейтрализацію международной рѣки или вначалѣ войны, или заранѣе и разъ навсегда ²⁾). Въ примѣчаніи онъ говоритъ, что принципъ нейтральности былъ проведенъ уже договоромъ 1804 г. (!). Очевидно, онъ не вполнѣ уяснилъ себѣ этотъ вопросъ. Самое большее, что можно рекомендовать въ этомъ родѣ, это принятіе въ соотвѣтствующіе акты слѣдующаго постановленія, заимствованнаго изъ права р. Дунай: «*Крѣпости и укрѣпленія, которыя находятся вдоль теченія международной рѣки, будутъ скрыты и новыхъ не будетъ воздвигаться. Никакое военное судно не будетъ имѣть права плавать по рѣкѣ, за исключеніемъ легкихъ судовъ, назначенныхъ для потребностей рѣчной полиціи и таможенной службы*». Послѣднее ограниченіе имѣетъ гораздо болѣе серьезное значеніе, чѣмъ это, можетъ быть, кажется съ перваго взгляда. Случаи проникновенія военныхъ судовъ въ воды рѣкъ весьма нерѣдки. Сѣверо-американскіе корабли проникали до впаденія Огіо въ Миссиссипп. Турецкіе мониторы производили военныя операціи на Дунаѣ. За послѣднее время появились специально рѣчныя военныя суда. Во всякомъ случаѣ, Ретихъ ³⁾) съ полнымъ основаніемъ указываетъ на то, что, разъ рѣки могутъ быть театромъ военныхъ дѣйствій и на лицо не имѣется особыхъ постановленій о свободѣ судоходства, отъ усмотрѣнія военной власти зависитъ запретить или разрѣшить проходъ по нимъ нейтральныхъ судовъ. Въ

¹⁾ Engelhardt, Neutralité, p. 163.

²⁾ Lehrbuch, S. 149.

³⁾ Ibid., S. 12, S. 16.

послѣднемъ случаѣ они должны заранѣе примириться со всѣми случайностями театра военныхъ дѣйствій и подчиниться контролю военныхъ властей. Военныя операціи на рѣкѣ необходимо должны причинять чувствительныя стѣсненія для судоходства.

Вмѣсто нейтрализаціи рѣки *должна быть* точно и опредѣленно *стимулирована свобода* или нейтральность *судоходства* въ военное время. Но теперь возникаетъ вопросъ, для кого можетъ существовать эта свобода? для судовъ всѣхъ націй, или только для нейтральныхъ? Одни высказываются за первое, другіе, напр. Энгельгардтъ, ссылаясь на опытъ русско-турецкой кампаніи и на осторожность, съ которою должны проводиться всѣ реформы международнаго права, утверждаютъ, что судоходство по рѣкѣ во время войны должно быть открыто только для нейтральныхъ судовъ. Расширеніе свободы для судоходства и для воюющихъ встрѣтило бы большія затрудненія во время войны. Къ тому же исполнѣ естественно, обезпечивъ интересы нейтральныхъ государствъ, предоставить тѣмъ, кто началъ войну, испить всѣ вытекающія изъ нея горести. Противъ этого можно возразить, что вообще сохраненіе свободы судоходства на рѣкѣ въ военное время встрѣчаетъ препятствія, но разъ они устранены для нейтральныхъ судовъ, распространеніе этой мѣры и на суда воюющихъ державъ не можетъ вызывать серьезныхъ возраженій. Война не ведется съ мирными гражданами, ужасы ея не должны падать на нихъ; если же развивать положеніе Энгельгардта, то придется защищать грабежъ, убійства и всякія насилія надъ безоружнымъ населеніемъ. Собственность гражданъ воюющихъ державъ неприкосновенна въ сухопутной войнѣ; подданные непріятели могутъ заниматься свободно всѣми мирными профессіями въ предѣлахъ непріятельской страны. Почему бы не разрѣшить имъ и судоходства? Ретихъ высказывается категорически противъ этой мысли. По его мнѣнію, «ist... das feindliche Schiff sammt Ladung... der Beschädigung und im schleunsten Falle der völligen Zerstörung ausgesetzt, einer Zerstörung welche keineswegs durch strategische Nothwendigkeit bedingt zu sein braucht». Чѣмъ объяснить столь жестока возрѣнія у автора, который считаетъ, что рѣки подчинены праву сухопутной войны, а не морской? Основаніе для этого онъ видитъ въ томъ, что воюющая сторона имѣетъ право устранять знаки верховенства своего противника. Послѣднее

конечно справедливо, но для того, чтобы не оскорблять чувства противной стороны, достаточно требовать, чтобы торговля суда, находясь въ предѣлахъ вражескихъ, своего національнаго флага не поднимали, а поднимали флагъ какой-либо нейтральной державы.

Конечно, свобода судоходства, даже для нейтральныхъ судовъ, едва-ли можетъ вполне обезпечена на *рѣкѣ*, которая *дѣйствительно занята непріятельскимъ войскомъ*. Уже одно то, что военныя власти сохраняютъ право остановки и ареста судовъ по подозрѣнію въ контрабандѣ, служило бы угрозой подобнаго рода свободѣ ¹⁾, но на рѣкахъ, удаленныхъ отъ театра военныхъ дѣйствій, она несомнѣнно можетъ и должна существовать не только для нейтральныхъ судовъ, но и для судовъ воюющихъ націй. Съ этимъ соглашается и Энгельгардтъ. Въ отдаленныхъ отъ театра войны водахъ суда враждебной страны не могутъ обыкновенно служить цѣлямъ войны ²⁾.

Далѣе, принятіе предлагаемой статьи не можетъ конечно обезпечить свободу рѣчнаго судоходства *въ случаѣ всеобщей войны*, подобной той, въ которую англійскій флотъ блокировалъ устья Везера и Эльбы (1803). Когда весь порядокъ нарушается, нормы одного рѣчнаго права не могутъ остаться неприкосновенными. Но, если воюющихъ державъ только двѣ, три, остальные будутъ конечно въ состояніи потребовать отъ нихъ исполненія статей, принятыхъ въ рѣчное право съ ихъ общаго согласія.

Итакъ, *какія же статьи могутъ обезпечить общіе интересы* отъ нарушенія во время войны? Мы можемъ формулировать ихъ въ слѣдующихъ требованіяхъ: Постановленія международнаго рѣчнаго права сохраняютъ свое дѣйствіе и въ военное время. *Всѣ сооруженія и суда*, служація управленію международной рѣчки, всѣ принадлежности ихъ, мѣста сбора пошлинъ, кассы и архивы судоходства, а также и все остальное движимое и недвижимое имущество, относящееся къ судоходству, объявляется нейтральнымъ и становится подъ особое покровительство и охрану воюющихъ сторонъ. Для обозначенія этого имущества надъ зданіями и судами, принадлежащими

¹⁾ Engelhardt, Neutralité, p. 160.

²⁾ Engelhardt, Neutralité, p. 16.

управленію рѣки, будетъ поднятъ особый флагъ. Тѣмъ же преимуществомъ нейтральности и личной неприкосновенности пользуются *всѣ лица, постоянно служащія* въ управленіи рѣкой, власти административныя, техническія, судебныя и всѣ низшія должностныя лица. Они будутъ носить, какъ вышнее отличие, сверхъ одежды особый знакъ, напр. перевязь на правомъ рукавѣ съ соответствующими буквами ¹⁾. Такова именно ст. 7, принятая Институтомъ: «Всѣ работы и учрежденія, созданныя въ интересахъ судоходства, какъ-то: бюро и кассы, а также лица, постоянно въ нихъ служащія, пользуются гарантіею вѣчнаго нейтралитета, въ силу котораго уважаются и охраняются воюющими государствами».

Всѣ частныя лица, судоходцы и промышленники, а также всѣ имъ принадлежащія суда и имущество, находившіяся на рѣкѣ въ моментъ открытія военныхъ дѣйствій, свободны отъ ареста, эмбарго, конфискаціи и пр. Имъ должно быть предоставлено право свободно удалиться, если они того пожелаютъ, изъ рѣчныхъ портовъ. Мы читаемъ у Блончли: «Добрые военные обычаи требуютъ, чтобы непріятельскіе купеческіе корабли не подвергались, какъ прежде, неожиданному захвату тотчасъ же послѣ начала войны, а чтобы имъ давался извѣстный срокъ, въ теченіе котораго они могли бы выйти изъ непріятельскихъ гаваней и найти себѣ безопасное убѣжище». Болѣе того, подданные договаривающихся государствъ не могутъ быть задержаны съ ихъ кораблями, людьми и предметами торговли, каковы бы они ни были, *въ видахъ* какой-нибудь *военной экспедиціи, или отправленія публичной службы*, если только по особому предварительному соглашенію заинтересованнымъ лицамъ не будетъ назначено соответствующаго вознагражденія. Однако они должны нести реквизицію принудительнаго извоза (*réquisition pour transports*); но въ этомъ случаѣ, они имѣютъ право на вознагражденіе, официально опредѣленное для національныхъ подданныхъ.

Во всѣхъ рѣкахъ и во всѣхъ рѣчныхъ портахъ, если только они не блокированы или не заняты войсками на самомъ дѣлѣ ²⁾, сохраняется *свобода судоходства*, какъ для судовъ нейтральныхъ, такъ и для судовъ воюющихъ сторонъ.

¹⁾ Энгельгардтъ, первый проектъ ст. ст. 26 и 27, второй—ст. 20.

²⁾ Первый проектъ Энгельгардта ст. 29; второй—ст. 23.

Торговля суда должны имѣть право свободно удалиться изъ тѣхъ рѣчныхъ портовъ, которые будутъ блокированы. Частная собственность, все равно вражеская или нейтральная, свободна какъ подъ нейтральнымъ, такъ и подъ непріятельскимъ флагомъ. Исключеніе изъ этого правила составляютъ предметы, считающіеся военной контрабандой по международному праву ¹⁾. Статья 6 Института: «Во время войны плаваніе по международнымъ рѣкамъ свободно для флаговъ нейтральныхъ народовъ, за исключеніемъ стѣсненій, возлагаемыхъ самою природою вещей», а равно и соответствующія статьи Энгельгардта ²⁾ кажутся намъ слишкомъ суровыми ³⁾. Нѣсколько болѣе широкое начало даетъ Институтъ въ своей ст. 40: «Въ случаѣ войны между прибрежными государствами, имущество, плавающее по международной рѣкѣ, независимо отъ того, принадлежитъ-ли оно нейтральнымъ или воюющимъ, пользуется такою же охраною, какая предоставлена непріятельскому имуществу во время сухопутной войны» ⁴⁾.

Военныя власти сохраняютъ право осмотра всѣхъ торговыхъ судовъ, проходящихъ по рѣкамъ ⁵⁾. Если воюющая сторона, преслѣдуя свои стратегическія задачи, заложить мины и снаряды въ рѣчныхъ водахъ, то она все-таки должна оставить свободный проходъ для торговыхъ судовъ. Какъ только непріязненные дѣйствія окончатся, она обязана убрать эти снаряды. Если какое-нибудь нейтральное судно потерпитъ вслѣдствіе извѣстныхъ мѣръ, принятыхъ военными властями, аварію или какой-либо другой вредъ, то вознаградить его должна та воюющая сторона, по распоряженію которой это произошло.

Свобода судоходства распространяется какъ на самую рѣку, такъ и на прилежащее къ ней *территориальное море* для того, чтобы коммерческіе корабли могли свободно отбыть изъ рѣчныхъ портовъ воюющей державы въ порты отечественные или нейтральные, безъ опасности подвергнуться захвату со стороны военныхъ кораблей непріятельской стороны.

¹⁾ Engelhardt, первый проектъ, ст. 28; второй, ст. 22.

²⁾ 25 перваго проекта и 19 втораго.

³⁾ Ср. также Каратеодори, *ibid.*

⁴⁾ Ср. Engelhardt, первый проектъ ст. 28; второй—ст. 21.

⁵⁾ Engelhardt, первый проектъ—ст. 28; второй—ст. 22.

Теперь намъ слѣдуетъ рассмотретьъ послѣдній пунктъ въ этомъ §,—именно въ какихъ случаяхъ на рѣкѣ, не пользующейся особыми привилегіями, допустима *блокада*? Общее правило гласитъ: «Блокада примѣнима также къ устьямъ рѣки или рѣчки»¹⁾. Если вся судоходная часть рѣки находится во владѣніяхъ одной изъ воюющихъ сторонъ, то противная сторона имѣетъ право предпринять враждебныя дѣйствія какъ во внутренней части рѣки, такъ и въ ея устьяхъ, наложивъ на нихъ блокаду. Третьимъ государствамъ суждено отъ этого терпѣть убытки, но, если они хотятъ сохранить дружескія сношенія съ державой, наложившей блокаду, они должны мириться съ такимъ положеніемъ дѣлъ, такъ она имѣетъ на то право. Далѣе, ни блокада, ни вообще враждебныя дѣйствія фактически не могутъ имѣть мѣста въ тѣхъ частяхъ рѣки, гдѣ одинъ берегъ принадлежитъ воюющей державѣ, а другой нейтральной, потому что, если блокирующая эскадра можетъ закрыть доступъ въ рѣку со стороны, принадлежащей ея не-пріятелю, она должна оставить открытымъ проходъ съ другой стороны²⁾. Иллюстраціей къ этому можетъ служить приводимый Каратеодори³⁾ случай съ англійскимъ кораблемъ Петергофъ во время войны за отдѣленіе. Корабль направлялся въ мексиканскую гавань Matamoros, находившуюся въ рѣкѣ Rio Grande противъ заблокированного техасскаго порта Brownville, и былъ захваченъ сѣверо-американскимъ крейсеромъ. По разслѣдованіи дѣла и корабль, и грузъ были возвращены ихъ собственникамъ. Гораздо труднѣе рѣшается вопросъ о томъ, можно-ли налагать блокаду на устья рѣки, или вообще нижнее ея теченіе, принадлежащее не-пріятельской державѣ, если въ верхнихъ частяхъ рѣка протекаетъ черезъ территорію одной или нѣсколькихъ державъ нейтральныхъ? Большинство думаетъ, что и въ этомъ случаѣ не можетъ быть рѣчи о блокадѣ. Блокада международной рѣки возможна только тогда, утверждаетъ Энгельгардъ, когда блокирующая держава находится въ войнѣ со всеми береговыми. Въ противномъ случаѣ, блокада, по его мнѣнію, незаконна, такъ какъ лишаетъ государство, лежащее въ верхнемъ теченіи рѣки, его естествен-

¹⁾ Calvo, Dictionnaire, v. Blocus.

²⁾ Calvo, Dictionnaire, Blocus.—Crisuolo, ibd., S. 72 s.

³⁾ Нѣм. раб., S. 326.

наго сообщенія съ моремъ и нарушаетъ то право сервитута, которое принадлежит ему на нижнюю часть рѣки ¹⁾). Calvo думаетъ, что это ограниченіе основано, «est fondée en équité, comte en fait», и рассуждаетъ на этотъ счетъ слѣдующимъ образомъ: «Въ видѣ общаго правила, права воюющей державы на тѣ мѣста, которыя она блокируетъ, не могутъ быть шире тѣхъ, которыя его врагъ имѣлъ на эти же самыя мѣста. Поэтому, если нейтральные имѣютъ на блокированное мѣсто сервитутъ или сособственность, то блокантъ долженъ уважать это право» ²⁾). Въ другомъ мѣстѣ онъ требуетъ, чтобы воюющій пропускалъ въ подобныхъ случаяхъ суда нейтральныхъ, направляющіяся въ отечественные предѣлы. Такимъ образомъ, по мнѣнію Энгельгардта ³⁾, въ 1855 и въ 1877 г. ⁴⁾ блокада налагалась неправильно на устья Дуная. Столь же неправильной считаетъ онъ блокаду Безера въ 1805 г. Отвергнувъ частнопроводную конструкцію отношеній государства къ его территоріи, мы должны отвергнуть и теорію сервитутовъ и сособственности. Тѣ же права, которыя въ дѣйствительности могутъ имѣть береговые владѣльцы надъ всею рѣкою, т. е. право участвовать въ управленіи судоходствомъ на ней, не могутъ служить препятствіемъ блокадѣ. Тѣмъ менѣе могутъ быть этимъ препятствіемъ права пользованія рѣкою, принадлежащія ихъ подданнымъ. Нейтральныя государства должны заранѣе знать, что война не пощадитъ ихъ интересовъ и даже правъ. Нынѣ интересы всѣхъ странъ такъ тѣсно связаны между собой, что каждая война является зломъ общимъ. Она порываетъ живыя нити не только между воюющими державами, но и между многими другими. И пока допускается возможность войны, всегда будетъ такъ. Нейтральныя могутъ быть въ претензіи на воюющія стороны только въ томъ случаѣ, если враждебныя дѣйствія послѣднихъ направляются непосредственно противъ ихъ интересовъ и правъ, напр. противъ ихъ территоріальной неприкосновенности, имущества ихъ гражданъ и пр. Поэтому и государства одной и той же рѣки не могутъ претендовать на то, что извѣстная держава, воюя съ однимъ изъ нихъ, блоки-

¹⁾ Neutralité, p. 161 s.— Ср. Calvo, Dictionnaire, v. Blocus.

²⁾ Dictionnaire, Blocus.

³⁾ Engelhardt, Neutralité, p. 162 s.

⁴⁾ Денеша гр. Андраши отъ 6 мая 1877 г.

руетъ принадлежащую послѣднему часть рѣки и тѣмъ прерываетъ правильное судоходство по всей рѣкѣ. Каждое государство можетъ налагать блокаду на всякіе рѣчные порты и пр., если оно дѣйствуетъ въ границахъ непріятельской страны, и не обязалось особымъ трактатомъ не предпринимать подобныхъ дѣйствій или абсолютно уважать свободу судоходства какъ въ мирное, такъ и въ военное время. Только на тѣхъ водахъ, которыя, какъ напр. Боденское озеро, составляютъ кондоминатное обладаніе нѣсколькихъ государствъ, блокада, подобно другимъ военнымъ операціямъ, не можетъ имѣть мѣста, разъ одно изъ государствъ, имѣющихъ надъ ними суверенство, осталось нейтральнымъ. Между рѣками, на которыхъ блокада не можетъ примѣняться по крайней мѣрѣ со стороны державъ, подписавшихъ акты судоходства, мы можемъ назвать Конго, Нигерь, Парану и Уругвай¹⁾. Въ будущемъ число такихъ рѣкъ несомнѣнно увеличится. Мы можемъ допустить только одно ограниченіе блокады международной рѣки, устья которой принадлежатъ воюющей державѣ. Блокирующая эскадра должна позволять входить и выходить изъ ея устья въ тѣмъ судамъ нейтральныхъ береговыхъ и другихъ державъ, которыя несомнѣнно поддерживаютъ сношенія съ портами нейтральныхъ владѣльцевъ рѣки, напр. идутъ въ сопровожденіи военного судна, или подъ государственнымъ флагомъ нейтральнаго государства, или совершаютъ правильные почтовые рейсы и т. п. Установленныя выше правила касаются не только главной рѣки, но и всѣхъ частей извѣстнаго бассейна, открытыхъ для международного судоходства, и того территориальнаго моря, которое находится передъ устьями рѣки²⁾. Такое именно рѣшеніе принято на Конго. Укажу кстати на то, что верхнее теченіе рѣкъ Конго и Шельды не можетъ быть вообще театромъ военныхъ дѣйствій потому, что онѣ прорѣзаютъ территорію нейтральныхъ государствъ. «Надо замѣтить», пишетъ Каратеодори, «что въ виду того обстоятельства, что Шельда протекаетъ территорію одного нейтральнаго государства и одного, непользующагося нейтралитетомъ, державы, гарантировавпія нейтралитетъ Бельгіи, имѣли бы полное право вмѣшаться противъ Голландіи въ томъ случаѣ, если бы рѣки

¹⁾ Engelhardt, Neutralité, p. 162.

²⁾ Engelhardt, ibd.

этого государства сдѣлались предметомъ враждебнаго нападенія со стороны Нидерландовъ»¹⁾. Энгельгардтъ²⁾, согласно съ своимъ основнымъ взглядомъ на блокаду международныхъ рѣкъ, думаетъ, что нейтралитетъ государства Конго предохраняетъ всю орошающую ея рѣку отъ блокады³⁾.

§ 7. Право рѣчныхъ сооруженій и работъ.

Современныя государства не оставляютъ, какъ это дѣлали государства прошлаго, незаселенныхъ, пустынныхъ пространствъ на своихъ границахъ. Въ наше время обыкновенно каждый клочекъ, каждый шагъ земли вплоть до самой линіи границы находится въ чьей-либо собственности, въ чьемъ-либо пользованіи. Это обстоятельство, въ связи съ тѣмъ, что сосѣднія государства живутъ обыкновенно въ тѣсномъ общеніи, заставляетъ ихъ нерѣдко общими усиліями предпринимать на пограничныхъ водахъ извѣстныя работы или сооруженія, въ которыхъ одинаково нуждаются ихъ взаимные подданные. Причемъ иногда не достаточно бываетъ воздвигнуть на общія средства какое-либо общепольное сооруженіе. Является надобность поддерживать его, заботиться о немъ. Это съ одной стороны. А съ другой, если въ общихъ работахъ и не бываетъ нужды; если сосѣднія государства, благодаря естественнымъ условіямъ даннаго мѣста, могутъ, не пренебрегая никакими существенными интересами своихъ подданныхъ, не переходить въ своихъ заботахъ за границы своей территоріи, то современное правосознаніе все же формулировало цѣлый рядъ началъ, которымъ они должны слѣдовать на международныхъ водахъ. Благодаря особымъ свойствамъ воды, воздѣйствіе, производимое на нее въ одномъ мѣстѣ, отражается обыкновенно и нерѣдко въ самой неожиданной формѣ въ другихъ мѣстахъ, въ другихъ частяхъ ея. Поэтому международное право требуетъ, чтобы одно государство не предпри-

¹⁾ Нѣм. раб., S. 346, прим. 7.

²⁾ Neutralité, p. 162.

³⁾ Engelhardt, Du régime, p. 173—183.—Idem, Du principe de neutralité dans son application aux fleuves int-aux. Revue d.d. int-l. 1886, № 2, p. 159—167.—Fanchille, Le blocus maritime. Paris. 1882.—Caratheodory, нѣм. раб., § 73.—Rettich, Prisenrecht und Flussschiffahrt. 1892.—Carlos Testa Le droit public intn. maritime, tr. fr., Paris. 1886, p. 75—78.

нимало такихъ дѣйствій, отъ которыхъ могутъ пострадать сосѣднія страны. Всѣ эти начала положительнаго и отрицательнаго характера образуютъ *международное право рѣчныхъ сооруженийъ и работъ*.

Обыкновенно отрицательныя предписанія, указывающія, отъ какихъ дѣйствій пограничное государство должно воздерживаться, и положительныя, предписывающія ему въ извѣстныхъ случаяхъ извѣстный образъ дѣйствія, такъ взаимно переплетаются, касаясь однихъ и тѣхъ же международныхъ водъ и охраняя одни и тѣ же замѣшанные на нихъ интересы, что говорить о тѣхъ и другихъ началахъ отдѣльно было бы ошибкою. Замѣчу только, что *изъ числа отрицательныхъ предписаній относятся слѣдующія*, напр., правила общаго характера: Нельзя препятствовать естественному теченію водъ изъ одного государства въ другое. Нельзя спускать при помощи искусственныхъ приспособленій ненужной воды въ земли сосѣднаго государства. Нельзя воздвигать на берегу рѣки или въ ея руслѣ такія сооружения, которыя могутъ повернуть теченіе ея въ другую сторону или отбросить его на противоположный берегъ. Мы встрѣчались уже въ предшествующихъ параграфахъ съ разнаго рода предписаніями этого характера. Ниже будутъ даны нѣкоторыя подробности. А теперь посмотримъ, какого рода рѣчныя работы интересуютъ современное международное право. Работы эти имѣютъ въ виду или предупредить вредъ, которымъ можетъ грозить вода, или увеличить ея полезную службу для всего общества и отдѣльнаго человѣка. Начинаемъ съ тѣхъ заботъ, которыя принимаютъ на себя современныя государства по отношенію къ судоходнымъ рѣкамъ. Это главный видъ международныхъ соглашеній въ этомъ родѣ, какъ по важности примыкающихъ къ нимъ интересовъ, такъ и по количеству относящихся сюда договоровъ. Поэтому мы должны остановиться на нихъ особенно подробно.

Работы по исправленію и поддержанію судоходности рѣки требуютъ большой *опытности* и *спеціальныхъ знаний*, результатъ же ихъ представляется обыкновенно очень неопредѣленнымъ. Это зависитъ прежде всего отъ того, что гидротехника имѣетъ дѣло съ наиболѣе подвижнымъ элементомъ, и отъ того, что въ большинствѣ случаевъ въ рѣкахъ происходятъ время отъ времени рѣзкія перемѣны, обусловленныя вырубкой лѣсовъ на ихъ берегахъ, осушкой болотъ въ ихъ верховьяхъ и другими

нерѣдко неизвѣстными причинами, переворачивающими вверх дномъ самые точные расчеты. Затѣмъ, всякое препятствіе свободному теченію водъ, искусственно созданное въ одномъ мѣстѣ съ цѣлью регулировать направленіе потока, или его службу, можетъ отразиться въ другомъ мѣстѣ, причемъ почти невозможно предвидѣть всѣ послѣдствія тѣхъ или другихъ работъ. Срываніе береговъ для исправленія извилистыхъ проходовъ, шлюзы, устраиваемые въ извѣстныхъ мѣстахъ для уменьшенія быстроты теченія или возвышенія уровня воды, боковые каналы для обхода пороговъ, быки для суженія профиля рѣки и уничтоженія мелей, отводные быки въ мѣстахъ раздѣленія рѣки, очищеніе русла, параллельныя плотины для уничтоженія мелей въ устьяхъ и т. д. могутъ обмануть самыя основательныя ожиданія. Въ результатѣ часто оказывается, что, добившись желаемого въ одномъ мѣстѣ, теряютъ въ другомъ, причемъ потеря нерѣдко бываетъ значительнѣе, чѣмъ полученныя выгоды.

Тѣсная зависимость, существующая между отдѣльными частями одной и той же рѣки, важность каждой мѣры, принимаемой въ одномъ мѣстѣ для всего теченія ея, все, словомъ, требуетъ, чтобы вся рѣка, а по возможности и вся рѣчная система, во всѣхъ своихъ судоходныхъ и несудоходныхъ частяхъ, была подчинена одному общему техническому надзору, и чтобы всѣ работы, клонящіяся къ поддержанію русла, береговъ и самаго потока, производились по одному плану. Если все теченіе рѣки находится въ границахъ одного государства, конечно право предпринимать извѣстныя работы принадлежитъ исключительно ему, и единство въ нихъ легко можетъ быть достигнуто. Если же оно раздѣлено между нѣсколькими государствами, необходимо, чтобы между ними существовала солидарность по крайней мѣрѣ относительно общаго направленія ихъ. «Die Erhaltung der Schiffbarkeit muss Gegenstand allgemeiner Ubereinstimmung sein» ¹⁾. «Si une entente commune est utile entre les Etats riverains, c'est assurément en ce qui concerne les travaux de correction et d'entretien des courants navigables» ²⁾.

Въ отрицательной формѣ и съ извѣстными ограниченіями

¹⁾ Caratheodory, нѣм. р., 5. 312.

²⁾ Прадье-Фодере, § 712.

этотъ принципъ былъ установленъ уже представителями французской республики на конгрессѣ въ Раштадтѣ. Ихъ поѣта отъ 3 мая 1798 г. требовала, чтобы державы, заинтересованныя въ судоходствѣ по Рейну, воздерживались, каждая на протяженіи своихъ владеній, отъ всякихъ работъ, могущихъ повредить противоположному берегу. Въ 1802 г. чрезвычайное собраніе имперскихъ депутатовъ, засѣдавшее въ Ратисбоннѣ, постановило, что король баварскій будетъ опредѣлять ежегодно, по соглашенію съ мѣстными нѣмецкими князьями и Франціей, тѣ работы, которыя необходимо произвести для поддержанія бечевниковъ и судоходности рѣки. Рейнская конвенція 1804 г., развивая въ свой чередъ предложенія, выдвинутыя въ Раштадтѣ, поручила заботы о рѣкѣ и ея берегахъ дирекціи общей съ управленіемъ октруа. Обѣ эти обязанности ея стояли рядомъ и взаимно оправдывали другъ друга. Въ 1815 г. каждое государство получило вновь свою фискальную и техническую автономію. Баронъ Гумбольдтъ въ своемъ знаменитомъ *Mémoire préparatoire* отъ 5 февраля 1815 г. выразилъ мысль, что рѣчные работы должны быть производимы по возможности по одной системѣ, если не по одному опредѣленному и строго обязательному плану, «*sauf à chaque Etat à pourvoir lui-même et pour ses propres ressources à la navigabilité de son parcours*». Однако Вѣнскій конгрессъ ограничился тѣмъ, что поручилъ въ ст. 113 наблюденіе за русломъ и берегами рѣки прибрежнымъ владѣльцамъ и указалъ на то, что въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ берега принадлежатъ разнымъ владѣльцамъ, они должны въ извѣстныхъ случаяхъ производить техническія работы сообща. Впрочемъ, рейнскія государства считали, что уже ст. 108 налагаетъ на нихъ обязанность взаимнаго контроля въ этомъ дѣлѣ. Во всякомъ случаѣ, центральная коммиссія Рейна должна была требовать ежегоднаго отчета о работахъ, произведенныхъ на всемъ протяженіи рѣки, «*soit dans son lit, soit sur ses rives*», и такимъ образомъ, судить о томъ, достаточно или недостаточно заботились о нихъ порѣчные государства, каждое на своемъ участкѣ рѣки. Изъ позднѣйшихъ рѣчныхъ регламентовъ разбиваемый вопросъ является лучше всего регулируемымъ въ вѣнской конвенціи 1857 г., которая удачно примиряетъ общіе интересы съ правами каждаго отдѣльнаго государства. Согласно стст. 36, 37 и 39 этого акта, техническія работы раздѣляются на

обязательныя и полезныя (*obligatoires, facultatifs*). Первыя объявляются касающимися общихъ интересовъ береговыхъ государствъ и производятся отъ ихъ имени и на ихъ общія средства, хотя и усиленными мѣстнаго правительства. Вторыя, носящія чисто мѣстный характеръ, предоставляются на усмотрѣніе каждаго государства и производятся на его счетъ, причемъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ государство должно войти въ соглашеніе со своими сосѣдями. *Такимъ путемъ обезпечивается на практикѣ своевременное и правильное осуществленіе работъ, въ которыхъ нуждается судоходство.* Теорія не идетъ дальше тѣхъ требованій, которыя намъ даетъ конвенція 1857 г.

Итакъ, какова же *раціональная постановка дѣла*? Рѣшная коммиссія опредѣляетъ работы, въ которыхъ безусловно нуждается судоходство. Выполненіе тѣхъ работъ, которыя распространяются на территорію двухъ и болѣе сосѣднихъ государствъ, она беретъ на себя. Остальныя возлагаются на мѣстныя государства. Въ тѣхъ случаяхъ, когда извѣстнаго рода задачи могутъ быть съ успѣхомъ выполняемы дѣятельностью отдѣльныхъ странъ, самостоятельность послѣднихъ не должна подвергаться напраснымъ ограниченіямъ. Они обязываются только производить работы по извѣстному плану и вообще строго держаться выработанныхъ коммиссіею инструкцій. Что касается работъ, коммиссіею не указанныхъ, но польза которыхъ очевидна, производить ихъ или не производить предоставляется отдѣльному государству. Во всякомъ случаѣ, государства должны предварительно доводить до свѣдѣнія другъ друга проекты гидротехническихъ работъ, исполненіе которыхъ можетъ оказать непосредственное вліяніе на принадлежащую имъ рѣку или ея берега, для того, чтобы имѣть возможность приводить ихъ въ исполненіе наиболѣе удобнымъ для всѣхъ ихъ образомъ ¹⁾. Лучшее всего, если подобныя извѣщенія будутъ дѣлаться черезъ коммиссію, которая можетъ въ такомъ случаѣ постановлять о томъ, насколько подобныя проекты согласны съ общими потребностями судоходства. Государства должны оставить безъ исполненія тѣ изъ нихъ, противъ которыхъ она категорически выскажется. Можно также пожелать, чтобы береговыя государства поручали надзоръ за работами, производящимися въ ихъ предѣлахъ, своему

¹⁾ Прадье-Фодере, § 712.

делегату въ послѣдней. Этотъ чиновникъ, будучи близко знакомъ съ ея намѣреніями, лучше другихъ могъ бы соблюсти гармонію между общими и частными интересами. Къ работамъ, интересующимъ судоходство, относятся заботы о руслѣ, о бечевникахъ, о разгрузочныхъ и нагрузочныхъ мѣстахъ и о берегахъ рѣки.

Именно подобнаго содержанія *стст. 24, 25 и 26, принятыя Институтомъ*: «Работы, необходимыя для поддержанія судоходности международныхъ рѣкъ, совершаются либо непосредственно самими государствами, либо по почину прирѣчныхъ комиссій. Каждое прибрежное государство вольно на собственные средства принимать мѣры, по его мнѣнію, полезныя для поддержанія и улучшенія судоходности этихъ рѣкъ въ тѣхъ частяхъ, въ которыхъ онѣ ему подвластны. Во всякомъ случаѣ, воспрещается совершеніе такихъ работъ, которыя могутъ измѣнить экономію общихъ водъ или стѣснить судоходство и которыя были опротестованы другими прибрежными государствами». Ихъ надо дополнить пунктомъ 1 ст. 30, заключающимъ въ себѣ слѣдующее постановленіе: Комиссія «опредѣляетъ и приводитъ въ исполненіе работы необходимыя для улучшенія и развитія судоходности рѣки». Однако, насколько мы согласны съ указанными тремя статьями, настолько не можемъ согласиться съ нимъ. Нѣтъ надобности повторять еще разъ относящіяся сюда соображенія. Замѣчу только, что далеко не всѣ раздѣляютъ точку зрѣнія Института. И если Гарейсъ ¹⁾ говоритъ о «gemeinschaftliche Herstellung und Erhaltung des Fahrwassers in der erforderlichen Tiefe u. s. w.», то Блюнчли пишетъ: «Каждое изъ этихъ государствъ обязано въ предѣлахъ своей территоріи заботиться объ устраненіи на фарватерѣ препятствій къ судоходству и содержанія въ исправности шлюзовъ» ²⁾. Энгельгардтъ также предлагаетъ, чтобы всѣ работы производились береговыми государствами, и это кажется намъ другой крайностью, столь же мало желательной, какъ и требованіе Института ³⁾. Но въ особенности ни съ чѣмъ не сообразно предложеніе Фіоре ⁴⁾, чтобы производство

¹⁾ Institutionen, S. 70.

²⁾ Кодексъ, § 312.

³⁾ Ср. Saratheology, нѣм. раб., S. 312.—Энгельгардтъ, первый проектъ стст. 10 и 11; второй—9.

⁴⁾ Кодексъ, § 511.

работъ по улучшенію судоходности рѣки разрѣшалось и небереговымъ государствамъ, буде они того пожелаютъ. Государство можетъ допустить въ своихъ предѣлахъ дѣятельность какого-либо международнаго учрежденія, но уступать иностраннымъ властямъ тѣ функции, которыя обыкновенно лежатъ на мѣстныхъ органахъ, значитъ признавать себя несостоятельнымъ, значитъ подрывать въ корнѣ свое право на самостоятельное существованіе.

Стоимость работъ, указанныхъ комиссіей, падаетъ на то государство, въ предѣлахъ котораго онѣ производятся. Если издержки на производство работъ въ извѣстномъ мѣстѣ рѣки превосходятъ тѣ годовые доходы, которые даетъ данный участокъ, береговое государство можетъ потребовать, чтобы онѣ были распределены въ той или другой пропорціи между всѣми владѣльцами данной рѣки.

Такъ какъ обыкновенные уполномоченные рѣчныхъ державъ, будучи агентами чисто административными, не имѣютъ специальныхъ техническихъ знаній, то время отъ времени въ помощь къ нимъ могутъ назначаться инженеры для изслѣдованія теченія рѣки и производимыхъ работъ и опредѣленія тѣхъ, которыя должны быть признаны полезными. Эти инженеры могутъ или образовывать специальную *техническую комиссію*, или входить въ составъ общей рѣчной комиссіи. Специальныя техническія комиссіи мы встрѣчаемъ 'на Рейнѣ, Эльбѣ, Везерѣ, Вислѣ и на многихъ другихъ европейскихъ рѣкахъ ¹⁾. Техническія комиссіи должны носить, по мнѣнію Энгельгардта, исключительно совѣщательный характеръ. Собираются онѣ могутъ или каждый разъ по инициативѣ рѣчной комиссіи, или въ сроки, разъ навсегда установленные ею. Независимо отъ перечисленныхъ властей, служащихъ судоходству, каждое государство назначаетъ для своего участка рѣки одного или нѣсколькихъ инженеровъ, которые постоянно наблюдаютъ и заботятся о поддержаніи и улучшеніи русла и береговъ рѣки. Эти агенты не зависятъ ни отъ комиссіи, ни отъ главнаго инспектора ²⁾.

¹⁾ Энгельгардтъ, первый проектъ ст. 37.

²⁾ Проектъ Института, ст. 38. Первый проектъ Энгельгардта, ст. 36, второй—ст. 30.—Относительно всѣхъ этихъ вопросовъ вообще см. Engelhardt, Du régime, p. 115—122.—Caratheodory, пѣм. раб., §§ 67, 71.—Прадье-Фодере, §§ 728, 719, 712.

Только что разобранныя правила относятся какъ къ естественнымъ, такъ и къ искусственнымъ путямъ сообщенія, т. е. какъ къ рѣкамъ вообще, такъ и къ рѣкамъ канализированнымъ и каналамъ. Однако относительно послѣднихъ выдвигаются жизнью и нѣкоторые другіе иногда весьма сложные и важные вопросы, напр. *о постройкѣ* на общія средства сосѣднихъ государствъ международныхъ каналовъ или *о соединеніи сѣти судоходныхъ путей сосѣднихъ странъ* черезъ проведеніе особыхъ дополнительныхъ международныхъ вѣтвей и канализированія несудоходныхъ рѣчекъ. Въ договорахъ подобнаго рода мы можемъ, пожалуй, видѣть первые проблески международныхъ предпріятій въ цѣляхъ развитія однообразной системы международныхъ судоходныхъ сообщеній. Надо желать, чтобы государства на этомъ не останавливались и чтобы рядомъ съ могучей желѣзнодорожною сѣтью была создана столь же цѣлесообразно и однообразно устроенная система водяныхъ дорогъ. Подобнаго рода соглашенія должны опредѣлить работы, которыя беретъ на себя совершить отдѣльное береговое государство, срокъ, къ которому онѣ имѣютъ быть окончены, условія, которымъ онѣ должны удовлетворять и заботы, которыя договаривающіяся стороны взаимно возлагаютъ другъ на друга относительно поддержанія ихъ и управленія ими, напр. о поддержаніи въ каналахъ необходимаго уровня воды и т. п. Обыкновенно особой технической комиссіи предоставляется опредѣлить съ утвержденія обоихъ правительствъ подробности соглашенія, а послѣднія взаимно обязуются доводить до свѣдѣнія другъ друга черезъ посредство своей администраціи всѣ обстоятельства, относящіяся до постройки этихъ путей и ихъ дальнѣйшаго управленія. Только что названная комиссія можетъ состоять или изъ особо назначенныхъ лицъ, или изъ представителей администраціи водяныхъ дорогъ сосѣднихъ странъ.

Но мало было построить водяную дорогу, большею частью бываетъ необходимо принять особыя мѣры къ тому, чтобы она могла дѣйствовать постоянно и правильно. Искусственные пути требуютъ нѣкоторыхъ такихъ заботъ, которыя не имѣютъ обыкновенно мѣста на путяхъ естественныхъ. Сюда относится *ежегодная чистка каналовъ*, во время которой прекращается всякое движеніе по нимъ. Это обстоятельство вызываетъ конечно немалыя затрудненія въ международныхъ сношеніяхъ сосѣднихъ странъ, взаимно признающихъ за своими подданными право

судоходства по внутреннимъ водамъ, и вызываетъ поэтому необходимость въ особыхъ соглашенияхъ между ними на сей счетъ. Въ нихъ обыкновенно указывается время года, въ которое имѣетъ происходить чистка каналовъ. Эти перерывы должны быть по возможности рѣдки, непродолжительны и одно-временны въ сосѣднихъ мѣстностяхъ договаривающихся государствъ. Определеніе продолжительности перерыва во время приготовления или производства работъ предоставляется взаимному соглашенію главныхъ управляющихъ путями сообщенія въ сосѣднихъ провинціяхъ заинтересованныхъ странъ. Въ случаѣ перерыва въ судоходствѣ по обстоятельствамъ, непредвидѣннымъ или въ силу *vis major*, соответствующее административное мѣсто извѣщаетъ объ этомъ управленіе путями сосѣдней иностранной провинціи. Правительства доводятъ до свѣдѣнія другъ друга всѣ распоряженія, которыя издаются ими относительно начала и продолжительности перерывовъ. Подробности дѣла устанавливаются черезъ непосредственное соглашеніе между министерствами договаривающихся сторонъ. Въ виду этихъ и другихъ трудностей управленія искусственными водяными путями является необходимо въ особенно частныхъ международныхъ сношеніяхъ между завѣдующими ими властями и, какъ результатъ этого, *проведеніе* специальныхъ международныхъ *телеграфныхъ линій* вдоль ихъ береговъ. Въ соответствующихъ договорахъ постановляется обыкновенно о безплатности депешъ, пересылаемыхъ по поводу управленія каналами, и о правѣ различныхъ рѣчныхъ властей обмѣниваться ими.

За послѣднее время въ практикѣ образованныхъ странъ не рѣдки также *соглашенія относительно потоковъ несудоходныхъ*. Они имѣютъ въ виду интересы земледѣлія и промышленности, ирригацію, мельницы, прекращеніе разливовъ и потопленій и устанавливаютъ иногда весьма сложныя и важныя работы на общій счетъ сосѣднихъ государствъ. Въ нихъ предписывается обыкновенно компетентнымъ властямъ договаривающихся сторонъ составить по общему соглашенію планы и описанія подобныхъ потоковъ. На основаніи этого опредѣляется, какого рода работы могутъ быть предприняты на общую пользу. Проекты необходимыхъ работъ вырабатываются опять-таки по соглашенію администраціи сосѣднихъ странъ и производство ихъ сдается съ публичныхъ торговъ, или производится стараніями каждаго государства въ отдѣльности, или особой смѣшанной междуна-

родной комиссіей. Сдача работъ имѣеть мѣсто относительно каждаго потока первоначально въ одной странѣ, затѣмъ въ другой въ присутствіи представителей администраціи той и другой. Производство ихъ происходитъ подъ надзоромъ мѣстнаго агента, а пріемъ—чиновниками обоихъ государствъ. Если производство работъ берутъ на себя государства, они признають другъ за другомъ право контроля въ этомъ дѣлѣ. Издержки распределяются между обѣими странами поровну или сообразно протяженію принадлежащихъ имъ береговъ. Дальнѣйшія измѣненія или новыя сооруженія мостовъ, запрудъ, шлюзовъ и др. работъ, которыя могутъ оказывать вліяніе на режимъ водъ, должны производиться только по предварительному соглашенію администраціи обоихъ государствъ. Надзоръ за состояніемъ подобныхъ потоковъ предоставляется властямъ каждаго государства въ отдѣльности. Но въ тѣхъ случаяхъ, когда какое-либо сооруженіе, плотина, шлюзъ или тому подобное, воздвигнуты на самой линіи границы, для наблюденія за нимъ имѣеть быть создано особое международное мѣсто, единоличное, если данный интересъ не представляетъ собой большой важности, и коллегіальное въ противномъ случаѣ.

Послѣдній видъ международныхъ рѣчныхъ сооруженій составляютъ тѣ, которыя водвигаются на берегахъ рѣки. Сюда относятся мельницы, рыболовныя приспособленія, мосты, перевозки и нѣк. другія. Мы остановимся въ настоящую минуту только на *мостахъ и перевозахъ*. Нѣкоторыя предписанія относительно мельницъ и рыболовныхъ сооруженій были указаны въ параграфѣ о полиціи судоходства. Постройка мостовъ на пограничныхъ рѣкахъ сдается съ торговъ частнымъ предпринимателямъ или поручается особой технической комиссіи изъ представителей сосѣднихъ странъ. Верховная власть принадлежитъ государству на той части моста, которая расположена на его территоріи, или каждому до середины моста. Общее управленіе мостомъ предоставляется таможеннымъ и путейскимъ чиновникамъ ближайшихъ городовъ. Каждое изъ правительствъ имѣеть также право изслѣдовать мостъ черезъ посредство особыхъ комиссаровъ. Эти чиновники образуютъ особую смѣшанную комиссію, собирающуюся по мѣрѣ надобности. Полицейскія правила для охраны моста и поддержанія на немъ порядка и безопасности движенія издаются по особому соглашенію заинтересованныхъ административныхъ управленій. Из-

держки на содержаніе его падаютъ поровну на каждое правительство. Содержаніе набережной и подъѣздныхъ дорогъ лежитъ на обязанности мѣстнаго правительства, по общему правилу, на общинномъ или государственномъ управленіи. Сборы за проѣздъ по мосту устанавливаются по взаимному соглашенію и всякое измѣненіе въ нихъ можетъ происходить только съ согласія договаривающихся правительствъ. Сборъ пошлины производится особымъ сборщикомъ, или сдается въ аренду. Деньги идутъ прежде всего на содержаніе моста и вознагражденіе сборщику. Остатокъ дѣлится между обоими государствами пополамъ. Жалованье сборщику и его служебное положеніе и обязанности опредѣляются съ общаго согласія. Замѣщеніе этой должности производится то однимъ, то другимъ государствомъ и сборщикъ остается подданнымъ того, которое его назначило. Выдача пенсій ему и его семейнымъ лежитъ на обязанности послѣдняго. Мостъ образуетъ общую собственность сосѣднихъ странъ. Это наиболѣе простая постановка дѣла, но иногда, особенно въ прошломъ и на такихъ мостахъ, которые требовали особыхъ заботъ о себѣ, устанавливался цѣлый штатъ служащихъ, разныя вспомогательныя учрежденія и т. д. Болѣе скромное значеніе имѣютъ международныя конвенціи о перевозахъ. Сосѣднія государства обязуются не учреждать новыхъ, не уничтожать и не перемѣщать старыхъ перевозовъ безъ предварительнаго соглашенія. Перевозы должны быть устраиваемы согласно потребностямъ прилегающихъ мѣстностей, условіямъ таможеннаго надзора, а на судоходныхъ рѣкахъ и судоходства. Подъѣздныя дороги къ нимъ должны содержаться въ полномъ порядкѣ. Тарифы за перевозъ устанавливаются по взаимному соглашенію. Перевозы могутъ сдаваться въ аренду или быть въ завѣдываніи самихъ государствъ. Въ послѣднемъ случаѣ можетъ быть учреждена для этого особая коммиссія или отдѣльныя перевозки предоставлены вѣдѣнію отдѣльнаго государства.

§ 9. Право рѣчнаго рыболовства.

Послѣдній изъ вопросовъ права рѣчнаго управленія—*вопросъ объ управленіи рѣчными рыболовствами*. Эту вѣтвь права вызвала необходимость обезпечить сохраненіе и развитіе *рыбнаго богатства*, которому грозило полное опустошеніе въ международныхъ водахъ, гдѣ отдѣльныя управомоченныя лица

сосѣднихъ странъ, не будучи связаны одинъ по отношеніи къ другому нормами національнаго права, старались извлекать изъ рѣки все то, что она можетъ дать сколько-нибудь цѣннаго, не заботясь объ интересахъ своихъ сосѣдей. Если рѣка пересѣкаетъ послѣдовательно два или нѣсколько государствъ, то, спрашиваетъ г. Вернеско, не было-ли бы глубокой несправедливостью, если бы верховому или низовому государству было предоставлено право «заграбастать въ свою исключительную пользу всю рыбную ловлю при помощи перегородокъ, снарядовъ и способовъ, могущихъ помѣшать рыбѣ подниматься или опускаться по рѣкѣ и такимъ образомъ уничтожить право другихъ?» Не было-ли бы, спросимъ и мы, верхомъ неблагоразумія и близорукости путемъ взаимныхъ произвольныхъ мѣръ сдѣлать невозможнымъ правильное рыболовство для всѣхъ обитателей береговъ? Къ счастью, современныя государства давно уже пришли къ убѣжденію въ необходимости регулировать ловлю въ международныхъ рѣкахъ по договору. Этому договору, который подтвердилъ и пополнилъ старый обычай, мы обязаны современнымъ порядкомъ въ области рыболовства. Посмотримъ же, какого рода предписанія выработаны на сей счетъ.

Въ тѣхъ случаяхъ, когда *рыболовство находится въ общественомъ пользованіи*, на него имѣютъ право только подданные сосѣднихъ странъ. Подданство одному изъ договаривающихся государствъ доказывается особымъ удостовѣреніемъ отъ общины, гдѣ рыбакъ приписанъ. Кромѣ того, рыбакъ долженъ имѣть особое официальное разрѣшеніе на занятіе рыбною ловлею. Рыбаки не обязаны представлять доказательства занесенія ихъ въ морскіе списки соответствующаго государства. Они могутъ заниматься рыбной ловлей на всякаго рода судахъ. Во всякомъ случаѣ, послѣднія должны носить на себѣ, какъ отличительные знаки, названіе общины, къ которой они принадлежатъ, и номеръ, обозначенный снаружи на передней части судна. Суда могутъ приставать къ берегу только въ тѣхъ мѣстахъ, которыя особо указаны въ каждомъ государствѣ. На всѣ рыболовныя суда распространяется какъ таможенный надзоръ, такъ и наблюденіе особыхъ агентовъ по рыболовству. Они могутъ свободно проходить передъ таможенными коиторами договаривающихся государствъ, не дѣлая никакой деклараціи.

Но, находится-ли рыбная ловля въ общественномъ пользованіи или принадлежитъ въ собственность отдѣльнымъ лицамъ, для нихъ обязательны правила, которыя опредѣляютъ *время ловли* рыбы разныхъ породъ, *дозволенные размеры* вылавливаемыхъ экземпляровъ рыбъ и раковинъ, *рыболовные снаряды, способы, средства и условія* дозволенной ловли рыбы и раковинъ и т. п. Особо подробныя правила устанавливаются обыкновенно относительно ловли высокихъ сортовъ рыбы. Запрещеніе ловить въ извѣстное время рыбу включаетъ въ себѣ воспрещеніе вывозить рыбу, продавать ее или выставять для продажи, а равно покупать. Во всякомъ случаѣ, въ интересахъ науки и разведенія рыбы и подъ условіемъ достаточнаго контроля, компетентныя власти каждаго государства могутъ дать разрѣшеніе на ловлю и въ то время, когда рыболовство вообще воспрещено. Ввозъ иностранной рыбы и въ періоды запрещенія разрѣшается, если только имѣются на лицо официальные удостовѣренія относительно происхожденія ея изъ тѣхъ государствъ, гдѣ рыбная ловля въ данное время года разрѣшается. Эти запрещенія не касаются торговли рыбными консервами. Воспрещается ловить рыбу въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ уровень воды искусственно пониженъ вслѣдствіе какихъ-либо работъ, или въ тѣхъ рѣкахъ и каналахъ, теченіе воды въ которыхъ по причинѣ засухи мѣстами вовсе прекратилось. Всякая рыбная ловля, за исключеніемъ ловли удочкой, воспрещается на извѣстномъ разстояніи выше и ниже плузовъ, плотинъ, водопадовъ, заводскихъ мостовъ и т. д. Рѣки не должны быть переграждаемы въ видахъ ловли рыбы болѣе, чѣмъ на половину своей ширины при обыкновенномъ низкомъ стояніи рѣчныхъ водъ. Однако на тѣхъ изъ нихъ, которыя образуютъ пограничныя воды съ какимъ-либо государствомъ, къ международному соглашенію не примѣнувшимъ, лишь въ такомъ случаѣ, если тѣ же правила будутъ примѣняться въ этомъ послѣднемъ. Полное загражденіе плотинами какого-либо потока воды разрѣшается только тогда, когда, въ виду необычнаго спада водъ или т. п. обстоятельства, есть опасность, что все рыболовство въ данномъ мѣстѣ можетъ погибнуть. Но рыболовству можетъ грозить опасность также отъ дѣйствій нѣкоторыхъ другихъ лицъ, а не только однихъ рыболововъ. Поэтому, напр., воспрещается отводить рыбоносную воду въ оросительные каналы; воспрещается фабрикамъ, заводамъ и другимъ учрежде-

ніймъ, расположеннымъ вблизи рѣкъ, выбрасывать остатки или какія-либо вредныя для рыбы вещества въ воду. За нарушение этихъ правилъ устанавливаются кары. Таковыми являются арестъ и уничтоженіе запрещенныхъ рыболовныхъ приспособленій, штрафы и заключенія въ тюрьмѣ, въ извѣстныхъ же случаяхъ также уплата проторей и убытковъ, конфискація рыболовныхъ снастей.

Помимо этихъ, такъ сказать, отрицательныхъ мѣръ охраны рыбнаго богатства, въ регламентахъ должны устанавливаться и положительныя, напр. *искусственное разведение рыбы* извѣстныхъ породъ, устройство правильныхъ наблюдений за ихъ размноженіемъ и т. п.

Если рыболовство въ пограничныхъ водахъ представляетъ серьезный интересъ, необходимо установить особыя *власти*, которыя бы пеклись о немъ. Каждое изъ договаривающихся государствъ назначить спеціальнаго комиссара для наблюденія за рыбною ловлею въ водахъ, подчиненныхъ его юрисдикціи. Эти комиссары могутъ собираться ежегодно и образуютъ смѣшанную комиссію, которая будетъ обязана представлять правительствамъ заинтересованныхъ государствъ отчетъ въ томъ, какимъ образомъ выполняются договорныя постановленія и предлагать имъ замѣчанія и предложенія, которыя она найдетъ полезнымъ дѣлать въ интересахъ рыболовства и размноженія рыбы. Уполномоченные по дѣламъ рыболовства доводятъ до свѣдѣнія другъ друга распоряженія, изданныя ихъ правительствами относительно рыболовнаго дѣла, а также ежегодные отчеты относительно ловли рыбы и искусственныхъ мѣръ ея размноженія. Кроме того, договаривающіяся стороны обязуются назначить особыхъ *надзирателей*, получающихъ вознагражденіе изъ рукъ своего отечества и имѣющихъ задачей наблюдать за рыбною ловлею и констатировать нарушенія правилъ, хотя бы они были совершены иностранцами. Они будутъ завѣдывать рыболовною полиціею подъ высшимъ управленіемъ соответствующихъ комиссаровъ. Ихъ служба будетъ организована такимъ образомъ, чтобы они могли производить надзоръ одновременно за обоими берегами. Въ тѣхъ случаяхъ, когда рыболовство находится на извѣстныхъ водахъ въ общественномъ пользованіи и особенно въ періоды крупнаго лова рыбы, можно рекомендовать введеніе въ рѣку легкихъ военныхъ судовъ, командиры которыхъ должны въ такомъ случаѣ принимать

высшее руководство полиціей рыболовства и состоятъ подъ начальствомъ указанныхъ выше комиссаровъ. Дѣйствіе этихъ судовъ можетъ распространяться на всѣхъ рыбаковъ безъ различія національности. Нарушенія рыболовнаго регламента доказываются или свидѣтелями, или протоколами, составленными и подписанными вышеуказанными властями. Послѣднія имѣютъ также право захватывать запрещенныя сѣти и другія рыболовныя приспособленія, равно какъ рыбу, пойманную незаконнымъ способомъ. Онѣ могутъ прибѣгать къ публичной силѣ для пресѣченія нарушеній рыболовнаго регламента, захвата запрещенныхъ сѣтей, рыбы или раковинъ, выловленныхъ въ противность извѣстнымъ правиламъ. Констатированіе нарушеній предоставляется также чинамъ общей полиціи, которые передаютъ составленные ими на сей счетъ протоколы непосредственно компетентнымъ судамъ.

Нарушенія эти будутъ преслѣдоваться и наказываться компетентными властями того государства, гдѣ они совершены. Если извѣстное правонарушеніе коснулось двухъ или трехъ территорій, оно преслѣдуется компетентною властью того государства, которое его констатировало. Судебное слѣдствіе по всѣмъ нарушеніямъ регламента будетъ входить въ компетенцію опредѣленнаго трибунала въ каждомъ государствѣ. Возбужденіе гражданскаго иска по тѣмъ убыткамъ, которые понесли одни рыбаки вслѣдствіе неправильныхъ дѣйствій другихъ, предоставляется администраціи или самимъ заинтересованнымъ лицамъ. Наконѣцъ, возбужденіе уголовнаго или гражданскаго дѣла разрѣшается только въ теченіе извѣстнаго срока. Обвинительные акты и приговоры противъ иностранцевъ доводятся до свѣдѣнія рыболовныхъ властей ихъ отечества. Въ тѣхъ случаяхъ, когда извѣстныя пограничныя воды не представляютъ собой широкаго пространства, можно принять за правило, что лица, совершившія извѣстное правонарушеніе на рѣкѣ, подлежатъ суду соответствующихъ трибуналовъ своего отечества. Если этого нѣтъ, необходимо установить самую широкую судебную помощь между сосѣдними государствами. Преслѣдованіе нарушеній правилъ рыбной ловли въ рѣкахъ общихъ нѣсколькимъ государствамъ, при томъ условіи, что подданный одного государства можетъ весьма легко переплыть границу и затѣмъ, скрываясь въ отечественныя предѣлы, разсчитывать на полную безопасность, какія бы нарушенія онъ

ни совершилъ на иностранной территоріи, было бы подорвано въ самомъ корнѣ безъ взаимной помощи сосѣднихъ странъ. Поэтому необходимо разрѣшить преслѣдованіе иностранцевъ передъ ихъ національными судами и объявить подлежащими исполненію приговоры одного государства надъ подданными другаго. На практикѣ выработалась слѣдующая система. Договаривающіяся стороны обязуются преслѣдовать своихъ подданныхъ, совершившихъ одно изъ нарушеній права рыбной ловли, совершенно такъ же, какъ если бы правонарушеніе было совершено на ихъ собственной территоріи, и притомъ безразлично — по жалобѣ обиженной стороны или по официальному сообщенію, сдѣланному мѣстнымъ властямъ со стороны властей той страны, гдѣ правонарушеніе имѣло мѣсто. Протоколы, составленные рыболовными агентами, имѣютъ доказательную силу передъ судами другой страны. Арестованные сѣти и рыба остаются мѣстному государству. Рыболовные надзиратели имѣютъ право преслѣдовать виновныхъ на извѣстномъ разстояніи отъ границы своего отечества внутрь сосѣдняго государства. Однако они могутъ проникать въ дома, зданія, дворы и ограды только при содѣйствіи мѣстныхъ полицейскихъ властей, которыя обязаны оказывать имъ содѣйствіе безъ особаго обращенія къ высшему начальству. Штрафы и убытки за исключеніемъ части, полагающейся рыболовному агенту, констатировавшему нарушеніе, идутъ въ пользу государства, гдѣ происходитъ судъ. Передача протоколовъ и вообще сношенія по подобнымъ дѣламъ производятъ черезъ рыболовныхъ коммиссаровъ.

Опредѣленіе подробностей рыболовныхъ регламентовъ можно предоставить заботамъ мѣстныхъ административныхъ властей. Во всякомъ случаѣ *правительства заинтересованныхъ сторонъ* обязуются *издать* необходимыя *предписанія и принять* соотвѣтствующія *мѣры для приведенія въ исполненіе* соглашения о рыболовствѣ. Каждое изъ нихъ сохраняетъ конечно за собою право выработать болѣе строгія правила, если оно найдетъ это удобнымъ въ интересахъ рыболовства и разведенія рыбы. Правительства доводятъ до свѣдѣнія другъ друга вновь издаваемые правила за нѣсколько дней до вступленія ихъ въ силу для того, чтобы имѣть время ознакомить съ ними заинтересованныхъ лицъ. Административныя распоряженія одной страны немедленно пересылаются лицамъ, завѣдующимъ рыбною

ловлею въ другой, для расклейки ихъ въ поселеніяхъ рыбаковъ. Конечно только въ такомъ случаѣ, если эти правила и распоряженія могутъ касаться рыбаковъ другой національности.

§ 9. Заключение.

Попробуемъ же подвести итоги предшествующему изложенію. Свое *изслѣдованіе* мы *раздѣлили на двѣ части*, изъ которыхъ первая выяснила тѣ начала, которыя лежатъ въ основаніи дѣйствующаго порядка, а вторая подвергла ихъ критикѣ съ точки зрѣнія современныхъ потребностей и попыталась дать имъ юридическую обработку. Но этимъ двумъ основнымъ частямъ пришлось *предпослать третью*. Она должна была познакомить насъ вообще съ рѣчнымъ правомъ разныхъ эпохъ и такимъ образомъ дать нѣкоторыя основныя идеи, которыя помогли бы разобраться во множествѣ и разнообразіи международноправовыхъ началъ. Національное право все-таки болѣе разработано, чѣмъ интернаціональное. Обратиться къ нему за руководящими началами побудило насъ убѣжденіе въ основномъ единствѣ не только фактической, но и юридической природы всевозможныхъ политическихъ организацій. Расчеты наши не были обмануты. Иначе впрочемъ и быть не могло, если имѣть въ виду, что международный порядокъ есть не болѣе, какъ дополненіе и дальнѣйшее развитіе національнаго. Аналогія между первымъ и вторымъ не укрывалась, положимъ, и отъ другихъ авторовъ. Въ своей магистерской диссертациі А. Наумовъ выражаетъ это въ слѣдующей нѣсколько наивной формѣ: «Всѣ положенія права гражданскаго и государственнаго о рѣкахъ можно приложить безъ всякихъ измѣненій къ праву международному; всѣ начала и выводы относительно этого предмета будутъ одни и тѣ же, съ тою только разницею, что роль, которую играютъ подданные въ отношеніяхъ государственныхъ, въ отношеніяхъ международныхъ будетъ принадлежать государствамъ (?). Каждое государство, взятое какъ индивидуумъ, является въ этомъ случаѣ подданнымъ (?) великаго международнаго союза, законодательствомъ котораго будетъ международное право».

Мы старались всюду *пользоваться*, насколько это было возможно, *трусами нашихъ предшественниковъ*, провѣряя ихъ, расширяя и пополняя самостоятельнымъ изысканіемъ. Если намъ приходилось дѣлать заимствованія, мы дѣлали ихъ ближе къ тексту того автора, который вдохновилъ насъ въ данномъ

мѣстѣ¹⁾. По тѣмъ же самымъ соображеніямъ мы старались по возможности всюду отступать на задній планъ, заставляя говорить или международные договоры, или другихъ лицъ. Подобный пріемъ представляетъ для писателя большія затрудненія, но, думается намъ, убѣдительность изложенія выигрываетъ отъ этого вдвое. Никто, быть можетъ, не убѣжденъ болѣе насъ въ томъ, что научное изслѣдованіе является особенно плодотворнымъ тогда, когда на каждомъ шагу, въ каждомъ положеніи его сказывается результатъ не только изысканій даннаго автора, но и всего предшествующаго развитія науки. Серьезное и прочное значеніе имѣютъ не оригинальныя теоріи, но то, что переживаетъ всѣ индивидуальныя мнѣнія, — *opinio doctorum*.

Этимъ путемъ было установлено, что отношеніе государства къ его рѣкамъ, съ точки зрѣнія международного права, не есть отношеніе собственности, но публичноправовой власти. Что правильно понимаемые интересы народовъ требуютъ широкаго развитія права, которое регулировало бы отношенія различныхъ государствъ и ихъ подданныхъ по поводу рѣчныхъ водъ, орошающихъ ихъ взаимныя территоріи. Что въ этомъ вопросѣ интересы всѣхъ народовъ представляются въ высшей степени солидарными. Что свобода рѣчнаго судоходства требуется какъ общимъ благомъ народовъ, такъ и благомъ каждой прирѣчной державы. Что здравые интересы національныхъ промышленниковъ, которымъ грозитъ иностранная конкуренція, могутъ быть обезпечены безъ принесенія имъ въ жертву общей потребности страны въ дешевомъ, скоромъ, удобномъ и вообще хорошо организованномъ рѣчномъ судоходствѣ. Что на водахъ международныхъ международное право должно быть особенно развито. Что управленіе судоходствомъ на этихъ водахъ должно быть въ извѣстномъ отношеніи предоставлено международнымъ властямъ. Что нормы рѣчнаго права простираются также на рыболовство, преимущественно въ международныхъ водахъ, и на различныя сооруженія и работы на этихъ послѣднихъ. Въ такомъ своемъ объемѣ международное право является, какъ было только что замѣчено, дальнѣйшимъ развитіемъ и дополненіемъ національнаго рѣчнаго права, начала котораго считаются поэтому и въ между-

¹⁾ Подобнаго рода нерѣдко весьма близкія и обширныя заимствованія, именно у Энгельгардта, можно найти преимущественно въ §§ 3 (стр. 275), 4 (стр. 281 и сл.; 292 и сл.), 5, 6 (стр. 310 и др.) настоящей главы. Намъ казалось излишнимъ передѣлывать то, что было сдѣлано имъ образцово.

народной жизни за юридическія, хотя и не за международно-правовыя. Всѣ начала международного рѣчнаго права, будучи продуктами жизни интернаціональной и вытекаая изъ международного договора, или изъ международного обычая, по тѣмъ лицамъ, которыя выступаютъ ихъ субъектами или, быть можетъ, вѣрнѣе по характеру охраняемыхъ ими интересовъ, раздѣляются на начала гражданского права и начала публичнаго права. Договорное происхождение пормъ гражданского права народовъ также мало можетъ вліять на ихъ юридическую природу, какъ и законодательное происхождение національнаго гражданского права. Главный институтъ международного гражданского права рѣкъ—международное пользованіе ими въ цѣляхъ судоходства. Но въ извѣстныхъ случаяхъ возможно говорить также о международноправовой собственности, объ ограниченіяхъ частной собственности на воды въ силу международного права и т. д. Территориальный суверенитетъ и территориальное общеніе, вотъ два принципа, которые характеризуютъ публичноправовое отношеніе современныхъ государствъ ко всѣмъ рѣкамъ, орошающимъ ихъ территоріи. На рѣкахъ международныхъ общеніе простирается не только на правообразующую, но иногда и на административную и судебную дѣятельность. На рѣкахъ національныхъ оно въ видѣ общаго правила должно касаться только правообразованія, хотя принципиальнаго различія въ юридическомъ положеніи тѣхъ и другихъ нѣтъ. Мы не будемъ уже повторять всего того, что было сказано выше о юридической природѣ различныхъ институтовъ рѣчнаго права. Необходимо однако сдѣлать нѣсколько замѣчаній о той конструкціи, которая дается въ современной литературѣ праву свободнаго судоходства.

Наиболѣе распространенное мнѣніе считаетъ *право судоходства за сервитутъ*. Бруза говоритъ въ гейдельбургскую сессію Института международного права, что «по его мнѣнію великія рѣки, которыя пересекаютъ территоріи сложныхъ государствъ (*des Etats composés*), подчиняются только сервитуту; это не право собственности, но только нѣкоторое правомочіе»¹⁾. Сервитутомъ считаетъ его Энгельгардтъ, Прадье-Фодере и многое множество другихъ изслѣдователей. Субъектомъ сервитута, по ихъ мнѣнію, является государство, флагъ котораго

¹⁾ Annuaire de d. int-1, 9 année, p. 69.

получилъ доступъ на иностранную рѣку или иностранныя рѣки. Однако нѣкоторые не согласны съ этого рода возрѣніемъ. Подобная конструкція ихъ не удовлетворяетъ. Но почему? Всѣ признаки сервитута, говоритъ Наумовъ, имѣются на лицо въ правѣ судоходства. Отсутствуетъ только одинъ, именно, «что повинность не предполагается, а устанавливается договоромъ». «О судоходствѣ по рѣкамъ, принадлежащимъ одной только территоріи, еще можно это сказать. Но что касается до рѣкъ, протекающихъ по территоріямъ двухъ государствъ, или раздѣляющимъ ихъ, предполагается всегда судоходство того и другаго государства, даже если между ними и не было трактата, выговаривающаго это судоходство». Наоборотъ, закрытіе рѣки «и то съ цѣлями безопасности» должно быть непременно основано на договорѣ. «Намъ кажется», заключаетъ онъ, «что взглядъ писателей, смотрящихъ на рѣчное судоходство, какъ на абсолютное право, гораздо вѣрнѣе. Къ рѣкамъ слѣдуетъ примѣнять тѣ же правила, которыя имѣютъ силу относительно власти надъ моремъ. Правила эти основаны на невинномъ пользованіи тѣми предметами, которые, по существу своему, нейстощимы». «Правила Вѣнскаго конгресса... не суть вовсе основаніе рѣчнаго судоходства, которое бы дозволяло смотрѣть на него, какъ на международную повинность, а онѣ (?) служатъ только подтвержденіемъ естественнаго права». Приблизительно по тѣмъ же соображеніямъ возстаетъ противъ теоріи сервитута и Каратеодори. Взаимныя отношенія береговыхъ государствъ, по его словамъ, никакъ нельзя называть взаимнымъ сервитутомъ, каковой терминъ встрѣчается у авторовъ, защищавшихъ мысли до извѣстной степени одинаковыя съ его собственной теоріей. Причина его появленія—ошибочное представленіе о суверенитетѣ, какъ о чемъ-то абсолютномъ. Принявъ этотъ терминъ для даннаго случая, слѣдовало бы называть такъ всѣ взаимныя обязательства государствъ. «Но это было бы крупной ошибкой, такъ какъ они не болѣе какъ необходимы (*inhérentes*) условія существованія суверенитета и ничего больше», если только не считаютъ войну—естественнымъ состояніемъ народовъ, а общественный договоръ—основаніемъ права. Если отношеніе государства къ рѣкѣ опредѣлять какъ право собственности, взаимныя ограниченія правъ береговыхъ государствъ (*des restrictions dérogoatoires au droit commun par conventions spéciales*) слѣдовало бы считать только

естественными условіями собственности (*condition normale de la propriété*). Такимъ образомъ, и онъ отвергаетъ теорію сервитута не потому, что подобная конструкція противорѣчитъ самой природѣ того юридическаго отношенія, которое наблюдается на судоходныхъ рѣкахъ, а потому, что право судоходства существуетъ, по его мнѣнію, помимо воли государствъ. Противъ послѣдняго возрѣнія весьма основательно возстаетъ проф. Капустинъ. М. Н. Капустинъ возстаетъ противъ того, чтобы считать свободное судоходство за абсолютное право. Приэтомъ, говоритъ онъ, смѣшиваются «различныя отношенія территоріальной власти между собою». «Такое смѣшеніе коренится въ первоначальномъ взглядѣ теоріи международнаго права на происхожденіе территоріальной власти. Естественное право выводило ее изъ предполагаемой общности владѣнія—*communio primæva*; на этомъ основаніи нѣкоторыя части территоріи оно подчиняло власти государства, другія же оставяло въ первоначальной общности; къ послѣдней категоріи отнесены рѣки». Самъ онъ считаетъ его за право несовершенное, потому что государство есть собственникъ своей территоріи и «потому что сужденіе о безвредности пользованія собственностію принадлежитъ ей владѣльцу; нельзя предоставить другимъ рѣшеніе этого вопроса». Право это «обезпечивается только взаимными трактатами» и есть международный сервитутъ. Въ подтвержденіе своихъ взглядовъ онъ ссылается на Пуфендорфа и Ваттеля, Ортолана, Витона и Филлиморе. Онъ справедливо указываетъ на то, что «нѣтъ ни одного акта международнаго, въ которомъ бы высказывалась свобода рѣчнаго судоходства для всѣхъ государствъ» и стоитъ противъ сравненія рѣкъ съ узкими морскими проливами. Въмѣстѣ съ большинствомъ писателей (Гюнтеръ, Мартенсъ, Шмельцингъ, Клюбержъ, Оппенгеймъ и Гефтеръ) онъ требуетъ «ясно выраженаго соглашенія со стороны владѣльца территоріи на проѣздъ по рѣкамъ, протекающимъ черезъ нее»¹⁾. «Ясно и здраво понимаемая выгода государства», утверждаетъ онъ, «всегда побудитъ его дозволить свободное плаваніе по своей національной рѣкѣ. Но способъ этого дозволенія есть добровольная

¹⁾ Обзорніе предметовъ, вып. VIII, с. 49—52. Также разборъ книги Наумова въ Русск. Вѣстникѣ, 1856, № 6 и Москов. Вѣд. 11 февраля 1856 г.

уступка, а самое дозволеніе становится международною повинностью»¹⁾. Приблизительно подобную же постановку вопроса встрѣчаемъ мы и у другихъ авторовъ. Весь споръ сводится такимъ образомъ къ тому, существуетъ-ли свобода судоходства по рѣкамъ независимо отъ воли мѣстнаго государства, или же основаніемъ ея является договоръ? Причемъ понятіе сервитута соединяется то съ тѣми ограниченіями суверенитета (или собственности), которыя устанавливаются по договору, то съ тѣми, которыя существуютъ независимо отъ воли государства. Поэтому по однимъ и тѣмъ же соображеніямъ одни отрицаютъ теорію сервитута, другіе ее защищаютъ. Такъ, г. Вернеско въ противность М. Капустину отвергаетъ ее именно потому, что это значило бы посягать на права суверенитета и собственности береговыхъ государствъ. Сервитутъ, по его мнѣнію, — расчлененіе права собственности (*démembrement*), которое не можетъ существовать безъ согласія собственника²⁾. Для того, чтобы не поднимать труднѣйшихъ и постороннихъ нашей темѣ вопросовъ, мы должны ограничиться слѣдующими замѣчаніями. Съ правильной точки зрѣнія нельзя конечно считать право судоходства за абсолютное право, такъ какъ вся теорія абсолютныхъ правъ нынѣ отвергнута, но нельзя считать его и за сервитутъ. Въ частноправовомъ отношеніи субъектами его выступаютъ подданные договаривающихся государствъ, но не какъ представители своего отечества, а какъ частные предприниматели, преслѣдующіе свою личную выгоду. Право это принадлежитъ каждому изъ нихъ безъ исключенія и есть поэтому право общественнаго пользованія, а не сервитутъ, если только употребляютъ въ международномъ гражданскомъ правѣ столь древніе термны въ ихъ обыкновенномъ значеніи. Въ публичноправовомъ отношеніи иностраннымъ государствамъ могутъ быть предоставлены извѣстныя права участія въ управленіи той или другой рѣкой, но можно ли называть ихъ сервитутами? Изъ подобныхъ ограниченій состоитъ большая половина междугосударственнаго права. Не называть-ли и ихъ сервитутами? Право судоходства допускало, быть можетъ, подобную конструкцію, но только въ тѣ времена, когда всѣ вообще международныя отношенія покоились на началахъ граж-

¹⁾ Тамъ же, с. 59.

²⁾ *Des fleuves*, p. 184.

данскаго права. Не это ли имѣеть въ виду Стояновъ¹⁾, когда утверждаетъ, что свобода судоходства въ прежнее время была сервитутомъ. «Но въ настоящее время, кажется, можно безъ ошибки признать, что большинство мнѣній стоитъ за общій интересъ цивилизованнаго міра, отбрасывая въ сторону заботу о частныхъ и эгоистическихъ расчетахъ мѣстной политики». «Трудно удовлетвориться школьными формулами о томъ, что плаваніе по международнымъ рѣкамъ есть сервитутъ (*Jus in re aliena*), ограничивающій полнос права собственности прирѣчныхъ владѣтелей: твердыхъ основъ слѣдуетъ искать въ высшемъ законѣ всемірнаго общенія народовъ». Или онъ считаетъ его «въ настоящее время» за абсолютное право?

Указывая на желаемыя въ рѣчномъ правѣ реформы, мы всегда предполагали существованіе современнаго экономическаго, общественнаго и юридическаго строя. Не выходя изъ этихъ же границъ, возможно выставить еще одно предложеніе, осуществленіе котораго должно всего лучше обезпечить насажденіе разумныхъ порядковъ въ этой области экономической жизни. Намъ слѣдуетъ сказать нѣсколько словъ о томъ желаніи, которое высказывалось многими учеными и которое все еще не удовлетворено. Какъ уже извѣстно, коммиссія 1815 г. не повторялась; между тѣмъ содержаніе международнаго рѣчнаго права за періодъ времени, протекшій отъ Вѣнскаго конгресса до нашихъ дней, весьма измѣнилось, и въ настоящее время начала, установленныя почти сто лѣтъ тому назадъ, оказываются во многихъ отношеніяхъ устарѣвшими, хотя и считаются дѣйствующими. Ощущается поэтому рѣшительная необходимость подвергнуть ихъ просмотру. Къ этому приводитъ и то обстоятельство, что статьи 1815 г. не имѣютъ обязательной силы для всѣхъ государствъ, нынѣ стоящихъ въ правильныхъ сношеніяхъ другъ съ другомъ, и то, что по различнымъ вопросамъ рѣчнаго права существуютъ между ними болѣе или менѣе существенныя разногласія. Болѣе того, однѣ и тѣ же державы при совершенно одинаковыхъ обстоятельствахъ до сихъ поръ высказываютъ различныя мнѣнія. Англія, такъ настойчиво добивавшаяся на Вѣнскомъ конгрессѣ рѣчной свободы, долго отрицала за Сѣв.-Амер. Соедин. Штатами право судоходства на р. св. Лаврентія. Та же держава, владѣя одно

¹⁾ Ibid, с. 545.

время незначительную часть верхнего Миссиссипи, требовала для себя открытія всей рѣки, а въ 1851 г. протестовала противъ трактата между Бразиліей и Перу, который закрывалъ для другихъ государствъ устья Амазонки. Австрія, которая отказалась допустить иностранный флагъ на Эльбѣ и которая хотѣла ограничить права иностранныхъ судовъ на Дунаѣ известными лишь предѣлами, проводила противоположные принципы на По и даже защищала одно время самую широкую свободу судоходства на Рейнѣ¹⁾. Пруссія, при всѣхъ обстоятельствахъ защищавшая ограничительное толкованіе статьи 109 Вѣнскаго акта, тѣмъ не менѣе выступила съ порицаніемъ противъ аналогичныхъ претензій Австріи, которая въ 1858 г. ссылалась на тѣ же ограниченія, чтобы оправдать дунайскую конвенцію 1857 г.²⁾ Франція, первая возвѣстившая освободительную эру, представившая знаменитый проектъ Дальберга, такъ добивавшаяся открытія Дуная въ 1856 г., тѣмъ не менѣе подписалась подъ актами Рейна 1831 и 1868 годовъ. Конечно отъ такого противорѣчія во взглядахъ страдаетъ не только та держава, которая сама лишаетъ себя свободного судоходства, и не только та, которая лишена его другими государствами, но и интересы всѣхъ цивилизованныхъ державъ, можно сказать, всего человѣчества. Поэтому пора снова сдѣлать начала свободного междунаго судоходства по рѣкамъ предметомъ обсужденія конференціи цивилизованныхъ государствъ.

Въ литературѣ давно уже ратуютъ за пересмотръ статей 1815 г. Еще въ 1858 г. Вурмъ сѣтовалъ на то, что Парижскій конгрессъ не занялся этимъ. «Онъ могъ бы», пишетъ Вурмъ, «просмотрѣть вѣнскія статьи. Эти статьи оставляютъ, какъ мы видѣли, слишкомъ много мѣста для произвольныхъ толкованій отдѣльнаго береговаго государства, для эгоистическаго упорства на дурно понимаемыхъ частныхъ интересахъ». Каратеодори въ своемъ первомъ трудѣ предлагалъ, ссылаясь на Вурма, пересмотръ постановленій Вѣнскаго трактата, дабы формулировать дѣйствительное убѣжденіе Европы, а во второмъ

¹⁾ Австрійская нота нидерландскому правительству отъ 1825 г.

²⁾ См. упомянутую уже статью въ Preuss. Handels-Archiv отъ 19 марта 1858 г.

почти буквально повторяетъ требованія Энгельгардта ¹⁾, чтобы государства согласились путемъ конвенціи относительно оффиціального толкованія публичнаго права международныхъ рѣкъ, обязались слѣдовать ему на практикѣ и поставили его подъ свою общую гарантію ²⁾. Въ другомъ мѣстѣ ³⁾ Каратеодори увѣряетъ, что въ пониманіи стст. 1815 г. не существуетъ уже между цивилизованными государствами никакихъ разногласій, хотя время отъ времени и возникаютъ пререканія относительно примѣненія ихъ, и предлагаетъ, чтобы будущая конвенція заключала въ себѣ также тѣ начала, которыя не были затронуты на Вѣнскомъ конгрессѣ, и такимъ образомъ составила окончательную кодификацію права договорныхъ рѣкъ и рѣчекъ («eine endgiltige in-le Codification des Rechts der conventionellen Ströme und Flüsse»). Единственное средство, говоритъ г. Вернеско, для того, чтобы уничтожить различія въ рѣчныхъ регламентахъ и прекратить покушенія на свободу судоходства «состоитъ въ организаціи международной рѣчной уніи (union int-le des fleuves), аналогичной съ почтовой всемірной уніей». Наконецъ конгрессъ внутренняго судоходства, засѣдавшій въ Вѣнѣ, единогласно высказался за установленіе международнаго законодательства относительно водныхъ сообщеній и выразилъ сожалѣніе, что это дѣло должно будетъ подвергнуться обычнымъ въ дипломатическомъ мѣрѣ проволочкамъ,

Установленіе международной рѣчной уніи тѣмъ легче, что соглашеніе 1815 г. представляетъ собой до извѣстной степени то, что называется уніей. Lavollée ⁴⁾ называетъ его «une véritable union internationale». «Она имѣетъ цѣлю», прибавляетъ онъ, «облегчить сообщенія, а черезъ нихъ и сношенія между народами». И если оно все-таки отличается отъ другихъ уній главнымъ образомъ тѣмъ, что во главѣ соединившихся государствъ не стоитъ постояннаго органа, то договорныя отношенія, существующія между береговыми государствами одной и той же рѣки, представляютъ собою, хотя на это и не было до сихъ поръ обращено достаточнаго вниманія, примѣры ста-

¹⁾ Нѣм. раб., S. 318.—Французскал, р. 135.

²⁾ Régime, pp. 201, 212.

³⁾ Нѣм. раб., S. 329—330.

⁴⁾ Sur les unions internationales. Revue d'histoire diplomatique, 1883, № 3, p. 338—342.

рѣйшихъ и совершеннѣйшихъ международныхъ соединеній этого рода. Энгельгардтъ ¹⁾ спрашиваетъ, «не будетъ-ли позволено причислить къ наиболѣе древнимъ международнымъ уніямъ» рѣчныя уніи? «Не слѣдуетъ-ли видѣть первый опытъ рѣчнаго союза (*communauté fluviale*) въ ст. 85 Мюнстерскаго трактата.., въ требованіи точной взаимности,... развитомъ ст. 18 Рисвикскаго договора, въ тѣспой ассоціаціи (*association*) 1804 г. и т. д.?» «Не бросается-ли въ глаза аналогія между современными рѣчными синдикатами и капитулами, установленными на Рейнѣ въ силу Золотой Буллы 1356 г.? Конечно три князя, представленныя въ этихъ періодическихъ собраніяхъ (*assises*), не пользовались суверенитетомъ въ строгомъ смыслѣ этого слова и если «территоріальное верховенство (*supériorité territoriale*)» было предоставлено имъ въ теченіе почти столѣтія, они все-таки зависѣли отъ императора, какъ его вассалы. Но, какъ администраторы своихъ фьефовъ (*administrateurs de leurs fiefs*), особенно какъ бенефициаріи судоходныхъ сборовъ (*bénéficiaires*), они пользовались автономіей, которая уподобляла ихъ владѣнія (*domaines*) независимымъ государствамъ». «Основанныя на естественномъ правѣ (*l'ordre naturel*), т. е. назначенныя удовлетворяютъ экономическимъ потребностямъ, вытекающимъ изъ территоріальнаго сосѣдства (*la contiguïté territoriale*), рѣчныя уніи своимъ древнимъ происхожденіемъ превосходятъ всякія другія международныя уніи...».

Общая рѣчная унія могла бы взять на себя установленіе основныхъ началъ рѣчнаго права, заботу объ ихъ послѣдующемъ развитіи, надзоръ за ихъ примѣненіемъ, облегченіе сношеній между государствами по разнымъ вопросамъ рѣчнаго дѣла, вообще исполненіе тѣхъ задачъ, которыя не могутъ быть удачно достигнуты путемъ самостоятельной дѣятельности отдѣльныхъ странъ, или совокупными усиліями однихъ береговыхъ государствъ. Въ противоположность соглашенію 1815 г. она должна была бы объединить современные цивилизованныя государства не только въ отношеніи судоходства, но и въ отношеніи всѣхъ вообще сторонъ рѣчнаго права. Было бы также желательнымъ, чтобы въ конференціи приняли участіе по возможности всѣ цивилизованныя державы міра. Матеріалъ для гряд-

¹⁾ L'origine et la constitution des unions fluviales, p. 104 s.

дущаго соглашенія въ достаточной мѣрѣ подготовленъ наукой и можно утвердительно сказать, что, если бы у какого-нибудь правительства достало доброй воли пригласить другія потрудиться надъ общимъ дѣломъ, успѣхъ непременно увѣнчалъ бы какъ его инициативу, такъ и труды конференціи. Необходимо конечно, чтобы державы открыто высказали свои искреннія убѣжденія и чтобы выраженія конвенціи были ясны и не заключали въ себѣ никакихъ двусмысленностей. Представляя себѣ сразу всю картину постепеннаго освобожденія рѣкъ, работу надъ общимъ дѣломъ самыхъ разнообразныхъ факторовъ и зависимость этого частнаго вопроса отъ общаго хода исторіи человѣчества, нельзя не высказать полнѣйшей увѣренности въ томъ, что начала, которыя приняты нынѣ въ практикѣ нѣкоторыхъ государствъ, но разумность которыхъ вполне признана наукой, съ необходимостью закона природы найдутъ себѣ всеобщее признаніе и примѣненіе. Правительствамъ остается только идти навстрѣчу тому, что, все равно, совершится рано или поздно, стараясь согласовать общія начала съ особенностями времени и мѣста.

Въ заключеніе одно немаловажное замѣчаніе. Предлагая рациональную постановку права международнаго судоходства, мы всегда исходили *изъ предположеній, что національное право судоходства продолжаетъ покоиться на свободѣ судоходства и другихъ нынѣ дѣйствующихъ принципахъ*. Между тѣмъ есть вѣроятіе, что въ будущемъ отправленіе судоходства если и не будетъ сдѣлано привилегіей какихъ-либо компаній, то станетъ отправляться самимъ государствомъ. Въ защиту особыхъ судоходныхъ обществъ, которыя бы строили новыя и улучшали старыя водяныя дороги, занимались тракціей частныхъ судовъ по этимъ дорогамъ и сами имѣли таковыя, выступилъ на конгрессѣ внутренняго судоходства въ Вѣнѣ извѣстный пѣмецкій предприниматель Шроммъ вкупѣ съ нѣсколькими другими лицами. Конгрессъ пашелъ возможнымъ высказаться за учрежденіе правильной тракціи судовъ (*un service regulier de traction*) со стороны государства или частныхъ лицъ только на каналахъ, и то съ сохраненіемъ свободной конкуренціи отдѣльныхъ судоходцевъ. Но за то въ третьемъ своемъ постановленіи онъ выразилъ чрезвычайно важное пожеланіе, именно объ учрежденіи на рѣчныхъ путяхъ рядомъ съ свободнымъ судоходствомъ asso-

ціацій судоходцевъ для перевозки въ извѣстномъ порядкѣ товаровъ, которые не даютъ полной клади и отправляются на далекія разстоянія. Наконецъ отдѣльные писатели (Гольцъ, Beuchot и др.) ратуютъ о томъ, чтобы все дѣло рѣчнаго судоходства взяло въ свои руки государство. Конечно, если подобнаго рода предположенія осуществятся когда-нибудь, соотвѣтствующія измѣненія должны будутъ найти себѣ мѣсто и въ международномъ правѣ ¹⁾).

¹⁾ W. Eras, Die Organisation des Binnenschiffahrtsbetriebes. Berlin. 1887.—Beuchot. Appel aux représentants de la France. 1881. Paris.

П Р И Л О Ж Е Н І Е.

ПРОЕКТЪ

КОДЕКСА

ОБЩАГО МЕЖДУНАРОДНАГО РѢЧНАГО ПРАВА.

Общія постановленія.

Статья I.—Договаривающіяся державы образуютъ международную рѣчную унію. Онѣ принимаютъ для своихъ взаимныхъ рѣчныхъ отношеній принципы, установленные въ слѣдующихъ статьяхъ. Во всемъ остальномъ суверенитетъ ихъ остается неприкосновеннымъ. По истеченіи десяти лѣтъ, черезъ каждые три года, подъ условіемъ извѣщенія за 12 мѣсяцевъ до конца трехлѣтія, каждая изъ державъ имѣетъ право потребовать пересмотра этого акта. По требованію большинства, онъ можетъ быть подвергнутъ измѣненіямъ и дополненіямъ во всякое время. Всѣ статьи его касаются исключительно договаривающихся государствъ, ихъ судовъ и ихъ подданныхъ. Остальныя государства опредѣленно исключаются изъ пользованія установленными въ немъ преимуществами. Стороны удерживаютъ за собою право опредѣлять по собственному усмотрѣнію или по особымъ договорамъ юридическое положеніе подданныхъ и флаговъ государствъ, къ сему акту не применившихъ. Во всякомъ случаѣ, онѣ распространяютъ другъ на друга всѣ тѣ права, которыя получаютъ эти послѣднія. Державы отказываются отъ рѣшенія споровъ относительно толкованія и примѣненія статей этого акта путемъ пролитія крови. Каждое государство, не участвующее въ соглашеніи, можетъ присоединиться къ нему въ любое время и на равныхъ съ остальными правахъ. Разрѣшается также присоединеніе къ нѣкоторымъ статьямъ или частямъ настоящаго акта. Договари-

вающіяся державы обязуются принять мѣры и издать нужные законы и распоряженія для проведенія началъ его въ практику. Подробности права дѣйствующаго на отдѣльныхъ национальныхъ и международныхъ водахъ должны быть установлены по соглашенію береговыхъ государствъ или законодательствомъ отдѣльныхъ странъ. Къ этому акту имѣютъ быть присоединены въ видѣ приложения тѣ соглашения, которыя заключены относительно отдѣльныхъ рѣкъ между государствами подписчиками. Они имѣютъ силу только для тѣхъ государствъ, которыя ихъ опредѣленно приняли.

Статья II.—Во главѣ уніи стоитъ международное рѣчное бюро. Каждое изъ государствъ, подписавшихъ этотъ актъ, или присоединившихся къ нему, имѣетъ право послать въ это бюро своего делегата. Оно считается возникшимъ, какъ только три договаривающіяся державы назначаютъ для сей цѣли своихъ уполномоченныхъ. Въ границахъ своей компетенціи бюро считается юридическимъ лицомъ во всѣхъ государствахъ, принявшихъ настоящій актъ. Договаривающіяся державы, а равно дѣйствующія въ ихъ предѣлахъ международныя рѣчныя власти должны оказывать ему всяческое содѣйствіе въ области вопросовъ, подлежащихъ его компетенціи. Имущество бюро неприкосновенно, а члены его пользуются преимуществами дипломатическихъ агентовъ. Предсѣдательство принадлежитъ на извѣстный срокъ одному изъ делегатовъ въ алфавитномъ порядкѣ державъ. Свои рѣшенія оно принимаетъ по простому большинству голосовъ. Они обязательны только для тѣхъ государствъ, которыя ихъ формально приняли. Въ случаѣ раздѣленія голосовъ рѣшаетъ голосъ президента. Бюро само вырабатываетъ подробности своей организаціи и дѣятельности.

Статья III.—Въ обязанности бюро входитъ поддержаніе постоянныхъ сношеній между государствами относительно разныхъ вопросовъ по техникѣ и праву рѣчного дѣла, организація оффиціальныхъ и научныхъ конгрессовъ по техническимъ, экономическимъ и юридическимъ вопросамъ внутренняго судоходства и рѣчного хозяйства и управленія вообще, производство подготовительныхъ работъ къ нимъ, храненіе ихъ архивовъ. Бюро принимаетъ заявленія о присоединеніи къ акту рѣчной уніи. Оно служитъ третейскимъ судомъ по всѣмъ воп-

росамъ рѣчнаго права, какъ въ спорахъ между государствами, такъ и въ различныхъ столкновенияхъ прибрежныхъ комиссій отдѣльныхъ рѣкъ. Оно исполняетъ всякаго рода порученія союзныхъ державъ и международныхъ рѣчныхъ властей. На немъ лежитъ изданіе официального свода соответствующихъ рѣчныхъ регламентовъ, приготовленіе всеобщей кодификаціи международного рѣчнаго права, опубликованіе всѣхъ относящихся къ рѣкамъ свѣдѣній, изданіе журнала международного рѣчнаго дѣла, оказаніе всякаго содѣйствія лицамъ, занимающимся въ этой области, образованіе соответствующей библіотеки и музея. Бюро должно быть органомъ какъ для тѣхъ государствъ, которыя подписали всѣ статьи акта уніи, такъ и для тѣхъ, которыя приняли только нѣкоторыя изъ нихъ. Страны, которыя заключили между собою особыя болѣе подробныя или спеціальныя соглашенія о рѣкахъ, могутъ возложить на него и болѣе обширныя, и спеціальныя функціи.

Рѣчныя границы государствъ.

Статья IV.—Въ случаяхъ отсутствія особыхъ договоровъ государства принимаютъ для опредѣленія своихъ взаимныхъ границъ на рѣчныхъ водахъ слѣдующія правила. Если рѣка или озеро пересѣкаетъ границу двухъ государствъ, то рѣчныя владѣнія ихъ раздѣляются линіей, соединяющей два крайніе пограничные пункта территории этихъ государствъ на обоихъ берегахъ подобныхъ водъ. На рѣкахъ пограничныхъ, судоходныхъ отъ природы, границей служитъ середина тальвега. На всѣхъ остальныхъ судоходныхъ и несудоходныхъ водахъ (каналахъ, канализированныхъ рѣкахъ, озерахъ) середина ложа. Если пограничная рѣка, измѣняя направленіе своего теченія, врывается въ предѣлы одного изъ береговыхъ государствъ, то границею ихъ остается ея прежній тальвегъ или середина русла. Если рѣка высохнетъ, то прежній тальвегъ или середина ложа будетъ служить границей двухъ державъ. Если происходятъ незначительныя и постепенныя измѣненія русла, то линія границы продолжаетъ опредѣляться самымъ глубокимъ рвомъ фарватера или серединой ложа. Береговья государства обязаны не измѣнять искусственными сооружениями не только непосредственно теченія рѣки, но и береговъ ея, если это можетъ повредить положенію линіи границы, прове-

денной между ними. Если измѣненія въ фарватерѣ произведены съ обоюднаго согласія державъ, граница можетъ перемѣститься, или остаться на мѣстѣ, смотря по соглашенію со-сѣдей. Напльвы береговъ, уносы и острова въ рѣкѣ принадлежатъ полностью или въ извѣстныхъ частяхъ тому государству, въ территоріальныхъ границахъ котораго они образовались. Какъ бы ни измѣнился тальвегъ, или середина рѣки, это обстоятельство не вліяетъ на положеніе границы на мостахъ, а также на принадлежность острововъ, разъ установленную въ пользу того или другаго государства. На мосту граница проводится по срединѣ. Если на пограничномъ озерѣ не установлено точной границы между береговыми государствами, оно считается въ ихъ кондоминатномъ обладаніи. При отсутствіи особыхъ договоровъ и противныхъ правилъ обмочая береговья государства имѣютъ равныя права на кондоминатное озеро. Если озеро принадлежитъ береговымъ государствамъ сообща, то приращенія къ берегамъ составляютъ дѣйствительное приоб-рѣтеніе государства, владѣющаго берегомъ. Кондоминатъ береговыхъ государствъ распространяется и на земли, которыя вода можетъ занять при поднятіи ея уровня. Требуется только, чтобы поднятіе воды было постепенное, прочное, не зависѣло отъ какихъ-либо случайныхъ причинъ или обычнаго въ извѣст-ныя части года разлитія воды. Правило это не касается тѣхъ случаевъ, когда образовывается новая бухта или новое озеро, соединенное съ первымъ. Последнія принадлежатъ тому го-сударству, на территоріи котораго они возникли.

Права взаимныхъ подданныхъ на рѣчныхъ водахъ договаривающихся сторонъ.

Статья V.—Въ тѣхъ странахъ, гдѣ существуетъ част-ная собственность на рѣки и вообще на прѣсныя воды, и въ тѣхъ размѣрахъ, въ которыхъ она существуетъ, носителемъ ея можетъ быть и иностранецъ, со всѣми вытекающими отсюда послѣдствіями, съ правами, которыя принадлежатъ землевла-дѣльцамъ въ силу права собственности, въ силу береговаго права. Далѣе, иностранецъ имѣетъ право участвовать въ обще-ственномъ пользованіи водами наравнѣ съ мѣстными поддан-ными: брать воду изъ общественныхъ водоемовъ для своихъ личныхъ и хозяйственныхъ надобностей, купаться въ рѣкѣ,

плавать по рѣчнымъ дорогамъ, удить удочкой, а гдѣ ловля рыбы исполнѣ свободна, то и сѣтями, и т. д. Ему предоставляется также право заниматься постройкой, продажей, покупкой, содержаніемъ и наймомъ рѣчныхъ судовъ, транспортированіемъ грузовъ и людей по рѣкамъ и каналамъ, содержаніемъ соотвѣтствующихъ конторъ, службой въ экипажѣ рѣчныхъ судовъ и другими судоходными и судопромышленными занятіями. Всѣ эти права принадлежатъ какъ отдѣльнымъ иностранцамъ, такъ и группамъ иностранцевъ или иностранцевъ и мѣстныхъ подданныхъ и даже иностраннымъ обществамъ и компаніямъ, при соблюденіи различныхъ условій, которыя разнятся по различнымъ странамъ, и на равныхъ правахъ съ мѣстными подданными. Предпріятія, возникающія въ предѣлахъ извѣстной страны, хотя бы они состояли изъ однихъ иностранцевъ, должны подчиняться всѣмъ мѣстнымъ законамъ и правиламъ и въ этомъ отношеніи считаются предпріятіями національными. Права иностранцевъ могутъ быть ограничены или относительно тѣхъ видовъ пользованія водами, которыя, не отличаясь неисчерпаемостью, должны быть, само собою разумѣется, прежде всего предоставлены мѣстнымъ подданнымъ, или по особо важнымъ соображеніямъ государственной политики. Взаимныя отношенія лицъ, владѣющихъ одними и тѣми же водами въ различныхъ государствахъ, должны быть поставлены на такую же юридическую почву, на которой они стоятъ въ предѣлахъ одного и того же государства. Такъ, съ одной стороны, они не могутъ препятствовать естественному теченію водъ изъ одного государства въ другое, спускать при помощи искусственныхъ приспособленій ненужныя воды въ земли сосѣдняго государства, отводить воду изъ рѣки и тѣмъ дѣлать ее несудоходной, воздвигать на берегу рѣки такія сооруженія, которыя могутъ повернуть теченіе ея въ другую сторону или отбросить его на противоположный берегъ, поднимать искусственно уровень воды въ рѣкѣ или рѣчкѣ и тѣмъ останавливать дѣйствіе мельницъ и др. учрежденій, пользующихся водой въ сосѣднемъ государствѣ, потоплять поля и т. д. А съ другой, желательно, чтобы обязательныя товарищества изъ прибрежныхъ владѣльцевъ отдѣльныхъ рѣкъ образовывались также и на международныхъ рѣкахъ, не смотря на то, что дѣйствіе ихъ приэтомъ должно распространяться на различные государства, чтобы право проводить воду черезъ чужія владѣнія для цѣлей ирригаціи пре-

доставлялось всѣмъ береговымъ землевладѣльцамъ, какъ національнымъ, такъ и иностраннымъ и т. п.

Свобода судоходства для взаимныхъ флаговъ.

Статья VI.—Всѣ судоходныя, естественныя и искусственныя рѣчныя дороги, находящіяся въ предѣлахъ договаривающихся сторонъ, должны быть открыты для судоходства ихъ взаимныхъ флаговъ. Каждое судно имѣетъ право плыть туда, куда оно можетъ проникнуть по естественнымъ условіямъ данныхъ водъ и по своей посадкѣ. Та же свобода взаимно предоставляется въ отношеніи рѣчекъ, которыя не являются судоходными въ настоящее время, но могутъ быть сдѣланы таковыми въ будущемъ, а равно и каналовъ, которые будутъ вырыты.

Статья VII.—Права береговыхъ и небереговыхъ судовъ во всѣхъ случаяхъ, кромѣ исключительнаго занятія малымъ и большимъ каботажемъ, совершенно равны. Это равенство правъ распространяется какъ на самыя суда, такъ и на ихъ экипажъ и грузъ. Права иностранныхъ судовъ могутъ быть стѣснены только въ виду особыхъ обстоятельствъ, именно для отдѣльныхъ судовъ, для отдѣльныхъ рѣкъ, для отдѣльныхъ мѣстностей государства. Судоходство не можетъ быть монополіей ни отдѣльныхъ ассоціацій, ни тѣмъ болѣе частныхъ лицъ. Всѣ существовавшія ранѣе привилегированныя ассоціаціи судоходцевъ распускаются. Всякій воленъ брать то судно, какое пожелаетъ. Таксы за провозъ товаровъ и принудительная очередь между судовладѣльцами отмѣняются. Исключенія составляютъ почтовые сношенія и перевозки, а равно тѣ соединенія рѣчныхъ промышленниковъ, которыя, возникнувъ по частному договору между ними, не могутъ считаться вредными съ общей точки зрѣнія. На рѣкахъ внутри обоюдныхъ территорій и на каналахъ концессіи на туажную тягу судовъ выдаются по усмотрѣнію мѣстныхъ правительствъ, на пограничныхъ—по ихъ общему соглашенію. На рѣкахъ не можетъ быть устанавливаемо никакихъ принудительныхъ остановокъ, разгрузокъ, перегрузокъ и т. п., за исключеніемъ особыхъ требованій санитарной полиціи и взиманія налоговъ. Суда, на которыя возложена почтовая служба, и суда, принадлежащія обществамъ,

субсидируемымъ однимъ изъ государствъ, не могутъ быть въ портахъ другаго отклонены отъ ихъ прямого назначенія или подвергнуты задержанію. Плавающія по рѣкѣ суда обязаны подчиняться всѣмъ правиламъ, содержащимся въ дѣйствующихъ рѣчныхъ регламентахъ. Судоходцы одной стороны, ходящіе въ другую, не платятъ въ ней за это особыхъ промысловыхъ сборовъ. Предприниматели одного государства могутъ записываться въ соотвѣтствующіе списки другаго, устанавливая тамъ агентства, бюро и т. п. Иностранные предприниматели могутъ распространять свою дѣятельность на пути другаго государства на равныхъ правахъ съ мѣстными подданными и безъ уплаты какихъ-либо взиманій. Опубликованные ими регламенты эксплуатаціи, по заявленіи ихъ передъ компетентными властями, будутъ имѣть доказательную силу для спорныхъ случаевъ по транспорту товаровъ и пассажировъ. Отъ иностранной компаніи, которая устанавливаетъ правильные рейсы въ предѣлахъ государства, можно потребовать чтобы она устроила здѣсь отвѣтственное отдѣленіе, подчиненное мѣстнымъ законамъ, и чтобы часть принадлежащихъ ей судовъ подняла мѣстный флагъ. То же самое относится конечно и къ другимъ иностраннымъ предпринимателямъ, желающимъ установить правильныя (т. е. по росписанію) пароходныя и другія рѣчныя сношенія съ даннымъ государствомъ. Эти суда должны быть поставлены въ положеніе, совершенно одинаковое съ тѣмъ, которое занимаютъ суда, принадлежащія мѣстнымъ предпринимателямъ. Что касается исключительно внутренняго, постояннаго рѣчнаго судоходства, то судно, желающее посвятить себя ему, должно поднять флагъ одного изъ тѣхъ государствъ, въ предѣлахъ которыхъ оно намѣревается практиковать. Если судно желаетъ заниматься плаваніемъ исключительно въ предѣлахъ извѣстнаго государства, — оно должно причислиться къ флоту этого послѣдняго. Но временныя и случайныя операціи большимъ и малымъ каботажемъ должны быть доступны для всѣхъ флаговъ. Порѣчныя государства могутъ также требовать, чтобы управленіе судоходнаго предпріятія, исключительно работающаго въ ихъ водахъ, находилось въ одномъ изъ городовъ на ихъ территоріи. Для занятія судоходствомъ, какъ промысломъ, не требуется непременно подданства одной изъ договаривающихся державъ. Для этого достаточно выбора опредѣленнаго мѣста жительства въ предѣлахъ одной изъ

нихъ. Военные корабли, за исключеніемъ особыхъ постановленій или спеціального разрѣшенія, права на судоходство не имѣютъ.

Статья VIII.—Въ право судоходства входитъ право входить съ грузомъ и безъ него на внутренніе судоходные пути и выходить изъ нихъ, плавать по нимъ внизъ и вверхъ по теченію, проходить черезъ нихъ и останавливаться въ пути, приставать къ берегу, тянуться бечевою, идти на парусахъ или при помощи пара и другими дозволенными національнымъ судамъ способами. Въ него входитъ также право ввозить и вывозить пассажировъ и грузъ, вводить и выводить на буксирѣ грузовыя суда, разгружаться и нагружаться, а равно заниматься, въ указанныхъ выше границахъ, рѣчнымъ малымъ и большимъ каботажемъ и другими судоходными промыслами, опредѣленно не предоставленными извѣстнымъ предпринимателямъ. Въ право судоходства не входитъ право продавать товары въ розницу. Но оптомъ весь грузъ, а равно и все судно могутъ быть проданы безъ взятія свидѣтельствъ и билетовъ на веденіе торговли. Суда высшихъ сторонъ взаимно пользуются, наравнѣ съ національными, каналами, шлюзами, перевозами, мостами, портами, берегами, пристанями и различнаго рода приспособленіями и учрежденіями, служащими судоходству. Суда одной изъ сторонъ занимаютъ въ портахъ другой совершенно и во всѣхъ отношеніяхъ одинаковое положеніе съ національными. Судоходцы могутъ выходить на берегъ и даже строить на немъ временныя помѣщенія, если это вообще разрѣшается по законамъ страны. Само собой разумѣется, что они пользуются всѣми гражданскими правами на равныхъ правахъ съ другими иностранцами. Экипажъ судна можетъ черпать воду изъ рѣки, мыть въ ней бѣлье, купаться, а равно пользоваться всѣми иными силами воды, находящимися въ общественномъ пользованіи.

Статья IX.—Признавая за взаимными флагами свободу рѣчнаго судоходства, договаривающіяся государства предоставляютъ всѣмъ остальнымъ флагамъ безъ исключенія право заходить въ ихъ рѣки и озера въ случаѣ крайности. Это право распространяется и на военные корабли. Заходящія суда освобождаются отъ всякихъ поборовъ, если только причина вынуж-

денной остановки ясна, судно не занималось никакими торговыми операциями и не остается на якорь болѣе положительно необходимаго времени. Ему дозволяется произвести всѣ необходимыя операціи для того, чтобы оправиться отъ полученныхъ поврежденій. Мѣстное государство можетъ конечно принять необходимыя мѣры для предупрежденія контрабанды и т. п., а судно обязано подчиняться всѣмъ законамъ и регламентамъ даннаго мѣста.

Рѣчныя комиссіи и другія судоходныя власти.

Статья X.—Управление судоходствомъ на рѣкахъ національныхъ предоставляется исключительно мѣстному государству. На рѣкахъ международныхъ заботятся о немъ: 1) прибрежная комиссія, главный органъ рѣчнаго управления; 2) главный инспекторъ, ей подчиненный; 3) инспектора; 4) сборщики пошлинъ; 5) служащіе въ карантинахъ; 6) судьи по дѣламъ судоходства; 7) инженеры и техники; 8) низшіе служащіе. Область компетенціи комиссіи и другихъ органовъ должна распространяться не только на судоходное теченіе главной рѣки, но и на всѣ тѣ части даннаго рѣчнаго бассейна, а иногда и сосѣднихъ рѣчныхъ системъ, которыя, съ точки зрѣнія существующаго на нихъ международнаго судоходства, представляютъ собой иѣчто цѣлое; другими словами, она распространяетъ свое дѣйствіе на весь тотъ районъ международной рѣки и прилежащихъ къ ней водъ, на которомъ существуетъ правильное и оживленное судоходство подъ флагами разныхъ національностей. Такимъ образомъ, область ея компетенціи не совпадаетъ съ областью дѣйствія свободнаго судоходства и можетъ быть опредѣлена въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ только по договору. Подобная же комиссія учреждается для тѣхъ національныхъ рѣкъ, которыя принимаютъ въ себя притоки, орошающіе территорию другаго или другихъ государствъ.

Статья XI.—Каждое береговое государство судоходной части международной рѣки и примыкающихъ къ ней водъ назначить комиссара для участія въ общихъ конференціяхъ о дѣлахъ судоходства. Комиссары образуютъ комиссію, имѣющую свое мѣстопробываніе въ одномъ изъ береговыхъ городовъ. Одинъ уполномоченный можетъ представлять два или

нѣсколько государствъ. Одинъ уполномоченный ни въ какомъ случаѣ не можетъ имѣть болѣе одного голоса. Въ составъ комиссіи могутъ быть приглашаемы представители небереговыхъ государствъ, а равно разныя свѣдущія лица, но только съ голосомъ совѣщательнымъ. Береговые государства могутъ назначать для участія въ какихъ-либо специальныхъ работахъ комиссіи и особыхъ делегатовъ, инженеровъ, врачей съ правомъ голоса рѣшающаго. Комиссіи засѣдаютъ постоянно въ періодъ навигаціи. Въ остальное время года собирается въ случаѣ особой надобности. Право созванія экстраординарной сессіи предоставляется президенту, или береговымъ государствамъ, или наконецъ большинству членовъ комиссіи. По алфавитному порядку береговыхъ государствъ одинъ изъ делегатовъ занимаетъ на извѣстное время мѣсто президента. Ему принадлежитъ общее направленіе работъ комиссіи. Онъ не обладаетъ никакими преимуществами передъ своими товарищами. Только въ случаѣ раздѣленія мнѣній его голосъ имѣетъ рѣшающее значеніе. Протоколъ каждаго засѣданія комиссіи долженъ быть подписанъ всѣми членами. Для веденія письменныхъ дѣлъ комиссіа можетъ назначить особое лицо, которое приноситъ присягу передъ ея президентомъ, получаетъ жалованье отъ комиссіи и обязано подчиняться предписаніямъ, исходящимъ отъ нея. Въ періодъ между двумя засѣданіями комиссіи всѣ дѣла находятся въ рукахъ президента и секретаря. Члены комиссіи пользуются преимуществами дипломатическихъ агентовъ. Они, а равно служащіе и рабочіе комиссіи носятъ на рукавѣ, какъ внѣшнее отличіе, синюю перевязь съ бѣлыми буквами С. Р. При исполненіи своихъ обязанностей комиссіа дѣйствуетъ независимо отъ мѣстныхъ властей. Архивы и имущество комиссіи неприкосновенны. Комиссіа обязана поднимать на своихъ учрежденіяхъ всякаго рода и на принадлежащихъ ей судахъ свой собственный флагъ. Она сама выдаетъ бумаги для своихъ судовъ. Рѣшенія въ комиссіи принимаются по большинству голосовъ. Они обязательны для всѣхъ участвующихъ въ ней государствъ, за исключеніемъ тѣхъ, представитель которыхъ сдѣлалъ формальную оговорку на этотъ счетъ при подписаніи протокола соотвѣтствующаго засѣданія. Въ случаѣ, если извѣстный вопросъ нуждается въ единогласномъ рѣшеніи, онъ переносится на обсужденіе особой конференціи державъ. Содержаніе комис-

саровъ падаетъ на счетъ ихъ правительствъ, расходъ на созваніе и работы комиссіи—общій. Для веденія переговоровъ отъ лица всей комиссіи она уполномочиваетъ президента или кого-либо изъ своихъ членовъ. Распоряженія рѣчной комиссіи и другихъ властей должны, по возможности, производиться на всѣхъ языкахъ, господствующихъ среди судоходцевъ данной рѣки. Комиссіи, учреждаемыя въ силу настоящаго акта на отдѣльныхъ рѣкахъ, считаются юридическими лицами въ предѣлахъ всѣхъ договаривающихся государствъ.

Статья XII.—Комиссія прежде всего завѣдуетъ судоходствомъ, но ей можетъ быть поручено также управлять рыболовствомъ, производить международныя техническія работы на рѣкахъ и управлять ими. Въ этихъ случаяхъ въ ней могутъ участвовать не только государства, владѣющія судоходнымъ пространствомъ рѣки, и область ея дѣятельности можетъ распространяться также на несудоходныя части извѣстной рѣчной системы, пуждающей въ однообразномъ управленіи.

Статья XIII.—Какъ органъ судоходства, она разрабатываетъ во всѣхъ подробностяхъ тѣ начала договорнаго права, которыя были приняты государствами относительно данной рѣки или относительно извѣстныхъ рѣкъ вообще. Она вырабатываетъ уставъ полиціи судоходства, лоцманскаго дѣла, карантиновъ и таможеннаго надзора. Она опредѣляетъ тарифы рѣчныхъ сборовъ, за исключеніемъ портовыхъ, каковыя устанавливаются мѣстными властями. На ея обязанности лежитъ далѣе обсуждать предложенія прибрежныхъ правительствъ, имѣющія въ виду процвѣтаніе судоходства; спеціально тѣ, которыя будутъ имѣть задачей дополнять или измѣнять регламенты судоходства, рѣчной полиціи и т. д., составленные ею самой. Она сама установитъ внутренніе регламенты для своихъ работъ, а равно и спеціальныя инструкціи своимъ агентамъ. Она издаетъ общія административныя распоряженія по всѣмъ выдвигаемымъ практикой вопросамъ. Она должна принимать и обсуждать всевозможныя заявленія и ходатайства по вопросамъ судоходства, откуда бы они ни исходили.

Статья XIV.—Ей принадлежитъ право высшаго надзора за всѣми частями рѣчной администраціи и высшаго руко-

водства ею. Она обязана слѣдить за точнымъ исполненіемъ рѣчныхъ регламентовъ. Въ ея обязанности входитъ: изслѣдовать всѣ жалобы, которыя вызоветъ примѣненіе правилъ, опубликованныхъ отдѣльными береговыми государствами, и мѣры, которыя они предпримутъ. Коммиссія въ своихъ сношеніяхъ съ тѣми властями береговыхъ государствъ, которыя, т. е. власти, не имѣютъ непосредственнаго отношенія къ судоходству, будетъ имѣть только совѣщательный голосъ; жалобы, которыя будутъ ей адресованы противъ того или другаго органа береговаго государства, будутъ ею обсуждаться, относительно нихъ будутъ приниматься извѣстныя заключенія, но она должна ограничиваться передачей своихъ рѣшеній подобнымъ береговымъ властямъ, которыя съ своей стороны обязаны давать имъ соответствующее удовлетвореніе, если не найдется какихъ-либо болѣе важныхъ препятствій; въ послѣднемъ случаѣ эти мѣстныя власти должны представить свои соображенія коммиссіи и въ то же время адресовать ихъ своему правительству, между которымъ и коммиссіей поднимутся особые переговоры на счетъ даннаго вопроса. Въ случаѣ жалобъ на дѣйствія бюро взиманія пошлинъ или другихъ судоходныхъ властей, коммиссія рѣшаетъ вопросъ административнымъ порядкомъ. Въ ея обязанности входитъ далѣе наблюденіе за исправнымъ состояніемъ русла и бечевника, опредѣленіе работъ, требуемыхъ состояніемъ рѣки, и производство ихъ на общихъ участкахъ. Наконецъ, ей принадлежитъ разсмотрѣніе судебныхъ дѣлъ въ случаѣ апелляціи. Рѣчная коммиссія соединяетъ въ особомъ отчетѣ, предназначенномъ для опубликованія, всѣ данныя, относящіяся къ состоянію рѣчнаго пути, движенію на немъ товаровъ и пр. Всѣ свои постановленія она доводитъ до свѣдѣнія мѣстныхъ государствъ, которыя обязуются, если они во-время не протестовали противъ нихъ, приводить ихъ въ исполненіе и оказывать ей всякую помощь. Береговое государство принимаетъ самостоятельныя мѣры относительно судоходства и доводитъ ихъ до свѣдѣнія коммиссіи—черезъ посредство своего представителя въ ея составѣ. Послѣдній наблюдаетъ за тѣмъ, чтобы онѣ не противорѣчили распоряженіямъ коммиссіи. Въ помощь себѣ, что касается административныхъ и др. функцій, она назначаетъ главнаго инспектора, секретаря и др. чиновниковъ. Прибрежная коммиссія будетъ принимать отчеты въ дѣятельности инспектора и дру-

гихъ назначенныхъ ею властей, будетъ оказывать имъ необходимую поддержку, слѣдить за тѣмъ, какъ они исполняютъ свои обязанности, и отдавать имъ нужныя приказанія. Она имѣетъ право предавать ихъ суду и сама рѣшаетъ, какой судъ первой и второй инстанціи компетентенъ для разсмотрѣнія дѣла. Ей должны оказывать всякую помощь мѣстныя судоходныя власти, къ которымъ она также можетъ обращаться съ приказаніями. При сомнѣніи въ компетенціи комиссіи эти власти должны, приведя ихъ въ исполненіе, за дальнѣйшими указаніями обращаться къ своему правительству.

Статья XV.—Главный инспекторъ является посредствующимъ звеномъ между низшею администраціей судоходства и комиссіей, распоряженіямъ которой онъ исключительно подчиняется. Онъ имѣетъ подъ своимъ прямымъ начальствомъ инспекторовъ, назначаемыхъ правительствомъ береговыхъ государствъ. Кромѣ того онъ имѣетъ право обращаться съ приказаніями къ чиновникамъ бюро для сбора пошлинъ и вообще къ мѣстнымъ судоходнымъ и инымъ властямъ. Его распоряженія обязательны съ тою же оговоркою, какъ и приказанія судоходной комиссіи. Его власть распространяется на суда всѣхъ націй. Онъ обязанъ наблюдать за исполненіемъ рѣчнаго регламента и правилъ судоходства и рѣчной полиціи, и слѣдить въ особенности за ихъ однообразнымъ примѣненіемъ. Къ нему поступаютъ жалобы на дурное состояніе судоходства, неправильное взиманіе налоговъ и пр. Онъ имѣетъ право командировать для разсмотрѣнія дѣла особыхъ чиновниковъ и обязанъ доводить до свѣдѣнія мѣстныхъ властей и комиссіи о замѣченныхъ злоупотребленіяхъ и упущеніяхъ. Главный инспекторъ долженъ кромѣ того дѣлать предложенія комиссіи на счетъ мѣропріятій, требуемыхъ состояніемъ судоходства, доставлять ей матеріалы, которые могутъ освѣдомить ее на сей счетъ, и хранить ея архивы. При отправленіи своихъ обязанностей онъ имѣетъ право обращаться за содѣйствіемъ къ военнымъ постамямъ и мѣстнымъ прибрежнымъ властямъ. Независимость главнаго инспектора, какъ международнаго агента, должна обезпечиваться рядомъ гарантій. Онъ получаетъ жалованье изъ рукъ комиссіи и приноситъ присягу передъ нею. Его обязанности пожизненны, но лучше, если бы онъ были срочны. Его можно смѣстить только по суду или по болѣзни.

Въ послѣднемъ случаѣ, ему обезпеченъ пожизненный пенсіонъ и пр., и пр.

Статья XVI.— Назначеніе мѣстныхъ инспекторовъ, сборщиковъ рѣчныхъ пошливъ, служащихъ въ таможенныхъ и карантинныхъ, инженерныхъ, наблюдающихъ за рѣкою и ея берегами, и т. д. предоставляется отдѣльнымъ государствамъ. Всѣ эти чиновники подчинены главному инспектору и комиссіи. Они обязаны въ точности исполнять всѣ рѣчные регламенты. Инспектора могутъ быть смѣщаемы только по суду или по болѣзни. Два или нѣсколько государствъ могутъ назначить одного мѣстнаго инспектора, чиновника карантина, бюро для сбора рѣчныхъ пошливъ и пр. Инспектора должны доставлять своему правительству свѣдѣнія о потребностяхъ судоходства и получать отъ него соотвѣтствующія инструкціи. Всѣ низшіе судоходные агенты въ предѣлахъ извѣснаго участка зависятъ отъ мѣстнаго инспектора, который надзираетъ за ними, руководитъ ими. Чиновники рѣчной полиціи обѣихъ странъ оказываютъ другъ другу всяческую помощь и сообщаютъ нужныя свѣдѣнія. Инспектора обязаны объѣзжать свой участокъ, изслѣдовать препятствія для судоходства, возникшія въ рѣкѣ, посѣщать бечевники и обращаться къ соотвѣтствующимъ правительствамъ отчеты о помѣхахъ судоходству, которыя они могли констатировать или которыя такъ или иначе дошли до ихъ свѣдѣнія, предлагая соотвѣтствующія мѣры улучшенія или принимая ихъ лично и немедленно, если они имѣютъ на то право. Кромѣ того, на ихъ обязанности лежитъ изслѣдовать жалобы, которыя имъ будутъ представлены по поводу судоходства по рѣкѣ. Если они находятъ ихъ основательными, они обращаются къ компетентнымъ властямъ своего участка, стараясь, чтобы онѣ были удовлетворены. Если ихъ предложенія не имѣли успѣха, они доводятъ объ этомъ до свѣдѣнія прибрежной комиссіи и высшихъ судоходныхъ властей своего отечества.

Статья XVII.— По крайней мѣрѣ въ главныхъ береговыхъ городахъ международныхъ рѣкъ должно быть разрѣшено иностраннымъ правительствамъ имѣть своихъ консуловъ. Послѣдніе должны имѣть право всходить на бортъ тѣхъ національныхъ судовъ, которыя находятся въ пограничныхъ водахъ,

допрашивать національныхъ подданныхъ, провѣрять корабельныя бумаги, улаживать споры между капитанами, служащими и экипажемъ, оказывать имъ помощь передъ мѣстными властями и, если пожелаютъ капитаны, принимать мѣры для спасенія судовъ, потерпѣвшихъ крушеніе, и ихъ груза. Мѣстныя власти должны оказывать помощь консульскимъ агентамъ въ исполненіи этихъ функцій, но это не значитъ, чтобы судно, находящееся на пограничной рѣкѣ, не было подчинено и общимъ полицейскимъ и др. властямъ. Онѣ могутъ всходить на судно, если тамъ совершено преступленіе, произошелъ беспорядокъ, угрожающій личной или имущественной безопасности или спокойствію и общественному порядку, а равно для предупрежденія контрабанды, наконецъ во всѣхъ другихъ уголовныхъ или полицейскихъ дѣлахъ. Мѣстныя власти могутъ при этомъ не только арестовывать отдѣльныхъ лицъ, но и все судно. Прежде чѣмъ производить обыскъ судна, надлежитъ пригласить къ участию въ немъ компетентнаго консульскаго агента.

Статья XVIII.—Судовщики съ ихъ судами и плотами могутъ быть, въ случаѣ совершенія ими правонарушенія, задерживаемы до тѣхъ поръ, пока не понесутъ должнаго наказанія, и даже отводимы къ берегу для лучшаго за ними надзора. Имъ предоставляется впрочемъ вмѣсто этого внести соотвѣтствующій залогъ. Въ распоряженіи рѣчныхъ властей имѣются особыя быстроходныя суда. Преслѣдованіе какого-либо судна, начатое мѣстными властями въ отечественныхъ водахъ, можетъ быть продолжено на всемъ теченіи рѣки. Въ случаѣ нарушенія установленныхъ правилъ судоходства, помимо полнаго возмѣщенія убытковъ, виновные преслѣдуются уголовнымъ порядкомъ. Первой инстанціей являются главный инспекторъ и мѣстные инспектора, обязанные разбирать слѣдующія дѣла—а) уголовныя: производство предварительнаго слѣдствія и судебное разбирательство по всѣмъ нарушеніямъ предписаній относительно судоходства и рѣчной полиціи;—b) гражданскія: упрощенное производство по дѣламъ 1) объ уплатѣ и количествѣ подлежащихъ взиманію за лоцманскія услуги и т. п.; 2) о препятствіяхъ, которыя частныя лица ставятъ пользованію бечевниками или рѣкою; 3) объ убыткахъ, причиненныхъ судоходцами или плотовщиками во время пути или при остановкахъ у берега, и 4) объ убыт-

какъ, нанесенныхъ лошадьми, тявущими суда бечевою. Въ случаѣ временнаго отсутствія судьи первой инстанціи, дѣло можетъ принять къ своему разбору судья второй инстанціи. Если предметъ дѣла будетъ оцѣниваться выше известной суммы, стороны могутъ апеллировать или въ комиссію, или въ особый указанный въ каждомъ береговомъ государствѣ общій или специальный находящійся въ одномъ изъ береговыхъ городовъ трибуналъ. Апелляція противъ обвинительныхъ приговоровъ приносится въ трехмѣсячный срокъ со времени ихъ объявленія. Судебные приговоры подлежатъ исполненію во всѣхъ прибрежныхъ государствахъ. Въ случаѣ споровъ между капитанами и ихъ экипажемъ стороны имѣютъ право, если отсутствуетъ другая компетентная власть, просить инспектора или главнаго инспектора произвести сокращенное разслѣдованіе. Въ этихъ случаяхъ они приглашаютъ къ себѣ ассистентами двухъ капитановъ, по возможности національности спорящихъ сторонъ. Эти же лица, каждый въ границахъ своей компетенціи, будутъ произносить приговоры по столкновеніямъ, происшедшимъ между лодчанами и капитанами, если ихъ внимательство будетъ испрошено спорящими. Не будучи подсудна ни одному мѣстному суду, комиссія въ случаѣ какихъ-либо споровъ прибѣгаетъ къ третейскому разбирательству. Главнымъ инспекторомъ и комиссіей приговоры произносятся во имя береговыхъ государствъ, мѣстными инспекторами—во имя ихъ отечественнаго правительства. Но тѣ и другіе одинаково признаются въ предѣлахъ всѣхъ цивилизованныхъ государствъ. Общія и специальные суды, которымъ будетъ поручено разсмотрѣніе дѣлъ по вопросамъ судоходства, должны будутъ принести присягу въ соблюденіи рѣчныхъ регламентовъ. Судьи, входящіе въ ихъ составъ, могутъ терять мѣсто только по суду или по болѣзни. Другія подробности о судоустройствѣ и судопроизводствѣ должны составить предметъ обсужденій и рѣшеній рѣчной комиссіи.

Рѣчная полиція.

Статья XIX.—Правила рѣчной полиціи, какъ и всѣ остальные постановленія рѣчныхъ регламентовъ, обязательны и одинаковы для судовъ всѣхъ націй и для всего судоходнаго пространства рѣки. На рѣкахъ интернаціональныхъ ихъ устанавливаетъ комиссія. Регламентъ рѣчной полиціи составляетъ

приложеніе въ основному акту судоходства. Кромѣ общихъ правилъ, опредѣленно установленныхъ порѣчными государствами для всей международной рѣки, каждое изъ нихъ можетъ издавать особыя постановленія для своего участка, лишь бы послѣднія не противорѣчили общему порядку. Нѣкоторыя начала полицейскаго управленія на рѣкахъ національныхъ могутъ быть также съ пользою для общихъ интересовъ опредѣлены по договору. Во всякомъ случаѣ, приведеніе въ исполненіе полицейскихъ регламентовъ принадлежитъ на рѣкахъ національныхъ исключительно мѣстнымъ властямъ. На рѣкахъ международныхъ—властямъ и международнымъ, и національнымъ. Ниже слѣдующія статьи должны найти свое примѣненіе на всѣхъ вообще водяныхъ дорогахъ, т. е. какъ національныхъ такъ и международныхъ.

Статья XX.—Регламентъ рѣчнаго судоходства и полиціи не долженъ содержать постановленій, которыя могли бы стѣснить права, принадлежащія иностраннымъ флагамъ. Онъ долженъ подробно регулировать дѣятельность рѣчныхъ властей, направленную на обезпеченіе безопасности и благосостоянія судоходства, и предписывать для частныхъ лицъ только тѣ ограниченія, которыя совершенно необходимы въ общихъ интересахъ. Этому требованію должны удовлетворять какъ международные регламенты, такъ и національные. Иностранныя суда, каково бы ни было мѣсто происхожденія или назначенія ихъ самихъ и ихъ груза, должны пользоваться во всѣхъ отношеніяхъ, при входѣ на рѣку, во время пребыванія на ней и при выходѣ тѣми же правами, какъ и мѣстныя суда и ихъ грузъ. Что касается расположенія судовъ, ихъ нагрузки и выгрузки въ портахъ, рейдахъ, гаваняхъ или пристаняхъ и вообще что касается всѣхъ формальностей или распоряженій, которымъ могутъ быть подчинены коммерческія суда, ихъ экипажи и ихъ грузъ, устанавливается полное равенство всѣхъ флаговъ.

Статья XXI.—Суда, плавающія по рѣкѣ, должны имѣть установленныя бумаги, быть подъ начальствомъ отвѣтственнаго капитана, предъявлять свои бумаги по требованію рѣчныхъ властей, въ водахъ пограничныхъ и въ водахъ другой стороны поднимать національный флагъ. Национальность судна опредѣляется согласно національнымъ законамъ и регламентамъ

тѣми бумагами и патентами, которые выдаются соответственными властями. Морскія суда могутъ ограничиться тѣми бумагами, которыми они снабжены для морскаго переѣзда. Рѣчные должны имѣть ихъ отъ тѣхъ властей, отъ которыхъ зависятъ. Бумаги для рѣчныхъ судовъ, выдаваемые компетентными властями, должны указывать собственника и капитана судна и судоходныя качества и грузъ послѣдняго; бумаги для плотовъ — собственника, происхожденіе и назначеніе плота. Бумаги эти теряютъ силу, какъ только судно переходитъ въ составъ флота иностраннаго государства. Право управлять судномъ предоставляется только лицамъ, получившимъ особый патентъ отъ одного изъ договаривающихся правительствъ. Патентъ судоходцевъ, плавающихъ исключительно по рѣкѣ, долженъ удостовѣрять подтвержденныя испытаніемъ знанія ихъ. Суда, служащія только для одного путешествія внизъ по теченію, для сплава приравняются къ плотамъ, а суда, поддерживающія мѣстныя сообщенія, не нуждаются въ бумагахъ и въ патентѣ для судовщика. Это правило относится вообще къ мелкимъ судамъ. Для пароходовъ требуется еще удостовѣреніе въ испытаніи котла. Для полученія патента на професію рѣчнаго судоходца не требуется подданства одному изъ береговыхъ государствъ, но только выборъ опредѣленнаго мѣстожителства въ одномъ изъ нихъ.

Статья XXII.—Въ извѣстныхъ частяхъ рѣки учреждаются поселенія патентованныхъ лоцмановъ. Обращеніе къ нимъ за помощью можетъ быть факультативно или обязательно. Лоцманство должно быть обязательно только тамъ, гдѣ существуетъ дѣйствительная опасность для всего судоходства, если управленіе судномъ будетъ предоставлено самимъ судоходцамъ. Въ другихъ мѣстахъ, даже на тѣхъ частяхъ рѣки, которыя требуютъ особыхъ предосторожностей, но для посѣщенія которыхъ достаточна опытность обыкновенныхъ капитановъ, могутъ быть основаны станціи патентованныхъ лоцмановъ, но безъ обязательнаго къ нимъ обращенія. Впрочемъ и въ первомъ случаѣ капитанъ можетъ отказаться отъ лоцмана, если онъ докажетъ официальными документами свои спеціальныя знанія. Что касается морскихъ судовъ, то для нихъ во всякомъ случаѣ обязательно брать лоцмана при входѣ въ рѣку. Для самостоятельнаго плаванія въ безопасныхъ частяхъ рѣки

капитаны должны имѣть отъ того государства, въ подданствѣ котораго состоятъ или въ предѣлахъ котораго имѣютъ мѣстожительство, удостовѣреніе въ необходимыхъ свѣдѣніяхъ и знаніи мѣстныхъ условій. За неимѣніемъ таковаго для нихъ обязательенъ лоцманъ.

Статья XXIII.—Мосты на судоходныхъ рѣкахъ не должны мѣшать проходу судовъ ни слишкомъ тѣснымъ расположеніемъ устоевъ, ни слишкомъ низкой аркой. Ихъ устройство должно быть таково, чтобы суда, плававшія по рѣкѣ до постройки моста, и впредь могли продолжать свое плаваніе безъ перемѣнъ въ своемъ оснащеніи и въ высотѣ своихъ трубъ. Самые широкіе пролеты должны находиться надъ самой глубокой частью русла, чтобы фарватеръ не былъ стѣсненъ. Бечевникъ долженъ оставаться свободенъ. Разводные мосты устраиваются такъ, чтобы для проходящихъ судовъ не было никакихъ проволочекъ при ихъ разведеніи. Перевозы не должны мѣшать судоходству. Проволочные канаты, которыми двигаютъ перевозки съ одного берега на другой, должны быть воспрещены. Судоходству не должны также мѣшать ни пловучія мельницы, ни выстроенныя на твердой землѣ. То же самое относится къ оросительнымъ сооруженіямъ и ко всякаго рода рыболовнымъ приспособленіямъ. Первые два рода сооруженій могутъ быть устраиваемы только въ тѣхъ пространствахъ рѣки, которыя не служатъ судоходству, и ихъ устройство должно быть таково, чтобы они не мѣшали свободному стоку воды и не производили вредныхъ измѣненій въ фарватерѣ рѣки. Также слѣдуетъ воспретить употреблять при рыболовствѣ столбы, которые могутъ мѣшать передвиженію судовъ. Мосты, мельницы, ирригаціонныя сооруженія и проч. не должны портить бечевниковъ. Бечевники должны быть въ добромъ порядкѣ. Надъ состояніемъ рѣчныхъ водъ производятся правильныя наблюденія. Суда не имѣютъ права бросать свой балластъ въ рѣку. Планы постоянныхъ и плавучихъ мостовъ, перевозовъ, набережныхъ, дебаркадеровъ и т. п. сооруженій, которыя могутъ имѣть отношеніе къ судоходству, представляются на предварительное одобреніе комиссіи судоходства, которая разсматриваетъ ихъ однако только съ точки зрѣнія потребностей судоходства.

РѢЧНЫЯ ПОШЛИНЫ.

Статья XXIV.—На рѣкахъ могутъ взиматься однообразныя пошлыны за судоходство. Онѣ замѣняютъ собой всѣ ранѣе существовавшія взиманія. Рѣчныя пошлыны должны идти исключительно на покрытие расходовъ на техническія работы и администрацію рѣки. Устанавливая ихъ, прирѣчныя державы должны имѣть въ виду выгоды торговли и судоходства. Допускаются также пошлыны, имѣющія характеръ вознагражденія за дѣйствительное пользованіе портовыми учрежденіями, какъ-то: кранами, вѣсами, набережными и кладовыми. Приблизительный бюджетъ рѣчнаго судоходства долженъ устанавливаться на извѣстное число лѣтъ впередъ и опредѣлять расходы береговыхъ государствъ на международную рѣку. Такъ какъ издержки на судоходство не отличаются особеннымъ постоянствомъ, то тарифъ рѣчныхъ пошлынъ необходимо долженъ быть предметомъ періодическихъ пересмотровъ. Приэтомъ надо принимать во вниманіе не только издержки на общую администрацію и общія заботы о рѣкѣ, но и вознагражденіе за тѣ услуги, которыя оказываются каждому судну маяки, бакены, лоцмана, карантинныя и т. д. Плату за нихъ слѣдуетъ соединить въ одно съ общей рѣчной пошлыной. Отдѣльно могутъ взиматься только сборы за тѣ услуги, оказываемыя судамъ, отъ которыхъ они могутъ отказаться и пользованіе которыми должно быть предоставлено имъ на усмотрѣніе. Выработанный такимъ образомъ тарифъ долженъ примѣняться къ судамъ всѣхъ націй безъ различія. Тарифы общихъ рѣчныхъ пошлынъ и пошлынъ за пользованіе береговыми сооруженіями доводятся до всеобщаго свѣдѣнія путемъ публикаціи. Кромѣ того ежегодно публикуется краткій балансъ годовыхъ операцій бюро для сбора пошлынъ, а также роспись, указывающая распредѣленіе и употребленіе суммъ, полученныхъ отъ рѣчныхъ сборовъ. Взиманіе пошлынъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть отдано на откупъ. Высота пошлынъ не должна зависѣть отъ рода товаровъ. Такимъ образомъ, судно можетъ облагаться только сообразно съ его вмѣстимостью. Конечно обложеніе можетъ быть понижено, если грузъ судна неполный. Вмѣстимость судна опредѣляется оффиціальнымъ удостовѣреніемъ, которое должно быть въ числѣ корабельныхъ бумагъ. Государства съ общаго согласія опредѣляютъ систему измѣренія вмѣстительности

судовъ морскихъ и рѣчныхъ, и это опредѣленіе для всѣхъ обязательно. Въ случаѣ попытки уплатить меньше, судно уплачиваетъ вдвое. Таможенное дѣло строго отдѣляется отъ сбора рѣчныхъ пошлинъ. Почтовые, пассажирскія и казенныя суда, не производящія никакихъ коммерческихъ операцій, уплачиваютъ только портовые сборы. Совершенно освобождаются отъ корабельныхъ сборовъ въ соответствующихъ портахъ: 1°. Суда, которыя, придя безъ груза, отправляются далѣе также безъ него; 2°. Суда, которыя, войдя съ грузомъ въ портъ по собственной волѣ или по необходимости, выйдутъ изъ него, не произведя никакой торговой операціи. Не будутъ считаться таковою, въ случаѣ вынужденной остановки, выгрузка или перегрузка товаровъ въ видахъ исправленія судна. 3°. Рыбачскія лодки и разныя мелкія суда.

Статья XXV.—Устройство взиманія рѣчныхъ пошлинъ на рѣкахъ національныхъ опредѣляется самостоятельно мѣстнымъ государствомъ. Устройство его на водахъ международныхъ покоится на слѣдующихъ началахъ. Тарифъ судоходныхъ пошлинъ вырабатывается прибрежною комиссіею. Тарифъ портовыхъ взиманій мѣстными государствами. Сборъ пошлинъ производится въ каждомъ береговомъ государствѣ за его счетъ и мѣстными чиновниками. Рѣчныя пошлины собираются особыми бюро. Бюро взиманія пошлинъ будутъ перечислены и установлены регламентомъ; измѣненія въ нихъ могутъ производиться только съ общаго согласія, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда какое-либо береговое государство пожелаетъ уменьшить число тѣхъ, которыя принадлежатъ ему исключительно. Подобныя бюро могутъ существовать или по одному въ каждомъ береговомъ государствѣ, или только въ нѣкоторыхъ рѣчныхъ пунктахъ, или только въ одномъ прибережномъ городѣ. Береговья государства должны выдавать суммы на производство комиссіею общихъ отъ ихъ имени работъ, на содержаніе инспектора и другихъ служащихъ. Части, падающія на отдѣльное государство, опредѣляются количествомъ получаемыхъ имъ доходовъ съ судоходства.

Рѣчные карантинны.

Статья XXVI.—Государства имѣютъ право принимать мѣры противъ занесенія въ ихъ предѣлы повальныхъ болѣзней

иностранными судами. Онѣ должны возможно меньше стѣснять судоходство, и покоиться на рѣкахъ международныхъ на слѣдующихъ началахъ. Въ устьяхъ рѣки учреждается карантинъ на общія средства и подъ общимъ управленіемъ береговыхъ странъ. Онъ состоитъ въ непосредственномъ завѣдываніи комиссіи. Тѣ карантинныя учрежденія, которыя могутъ быть созданы, не выходя изъ предѣловъ международнаго акта, мѣстными правительствами, находятся въ завѣдываніи этихъ послѣднихъ. Комиссія имѣетъ по отношенію къ нимъ только тѣ права, что и по отношенію къ другимъ рѣчнымъ властямъ. Контроль долженъ падать на суда, входящія въ рѣку и выходящія изъ нея въ открытое море, и то только подъ условіемъ, что эпидемія будетъ существовать въ первомъ случаѣ въ какихъ-либо не особенно отдаленныхъ отъ рѣки портахъ, во второмъ—гдѣ-нибудь на берегахъ ея самой. Если эпидемія и разовьется въ какой-нибудь подобной гавани, суда, приходящія изъ открытаго моря и получившія «*visum*» отъ властей въ устьяхъ рѣки, свободны въ среднемъ и верхнемъ ея теченіи отъ всякихъ дальнѣйшихъ формальностей и карантинныхъ мѣръ, кромѣ предъявленія этой бумаги, кому слѣдуетъ. Если эпидемія появилась только въ нѣкоторыхъ портахъ рѣки, каждое государство, преградивъ рѣку поперечнымъ кордономъ, можетъ задерживать всѣ суда, вышедшія изъ нихъ. Суда, не посѣщавшія пораженныхъ гаваней, не должны быть принуждаемы къ другимъ формальностямъ, кромѣ представленія береговымъ властямъ мѣста своей остановки свидѣтельства о состояніи здоровья ихъ экипажа и команды и имѣть право свободнаго прохода. Входъ судовъ въ пораженные пункты можетъ быть свободенъ, но при выходѣ они должны подвергаться тщательному осмотру, дабы удержать дальнѣйшее распространеніе заразы. Наконецъ, всякаго рода изъятія и ограниченія прекращаются для внутренняго судоходства между гаванями одной той же рѣки, какъ только болѣзнь сдѣлалась общеою на ея берегахъ. Чтобы облегчить во время эпидеміи поддержаніе порядка и безопасности на рѣкѣ,—главный инспекторъ, его подчиненные, и другіе назначенные для службы въ рѣчной полиціи чиновники, должны имѣть право повсемѣстнаго свободнаго проѣзда. Въ сомнительныхъ случаяхъ они должны подчиняться тѣмъ правиламъ, которыя установлены для санитарныхъ чиновниковъ, Тѣ же самыя права будутъ предоставлены, въ случаяхъ

необходимости, инженерамъ, служащимъ и рабочимъ комиссіи. Во всякомъ случаѣ, правила относительно карантинъ должны отличаться достаточной опредѣленностью и, какъ можно менѣе, стѣснять судоходство. Они, а равно и тарифъ санитарныхъ сборовъ, будутъ вырабатываться комиссіей съ участіемъ особыхъ специалистовъ, приглашенныхъ ею самой или назначенныхъ соответствующими правительствами. Санитарные сборы слѣдуетъ присоединять къ общей суммѣ рѣчныхъ сборовъ и взимать ихъ постоянно, какъ въ періодъ эпидеміи, такъ и въ благополучное время. Другія подробности устройства карантинъ должны быть установлены, сообразно съ обстоятельствами мѣста и требованіями медицины, комиссіей и отдѣльными береговыми государствами.

Таможенный надзоръ за судоходствомъ.

Статья XVII.—Таможенные пошлины, мѣстные октрыа на съѣстные припасы и пр. не должны мѣшать свободѣ судоходства. Таможенные формальности должны, возможно меньше, стѣснять торговлю. Всѣ облегченія, существующія на сухопутныхъ дорогахъ для ввоза, вывоза и транзита товаровъ, распространяются также на водяной. То же правило относительно высоты ввозныхъ и вывозныхъ пошлинъ. Товары, ввозимые или вывозимые подъ иностраннымъ флагомъ, пользуются, что касается таможенного обложенія, одинаковыми правами съ тѣми, которые идутъ подъ національнымъ.

Статья XXVIII.—На рѣкахъ, принадлежащихъ территоріи одного государства, или одного таможенного союза, все таможенное устройство должно сводиться къ установленію въ устьяхъ рѣки таможенной линіи, гдѣ подвергались бы осмотру какъ ввозимые или транзитные, такъ и вывозимые товары. Если транзитъ товаровъ черезъ извѣстную страну вообще свободенъ отъ обложенія, онъ свободенъ и по рѣкамъ. Если извѣстные товары платятъ извѣстныя ввозныя или вывозныя пошлины, они платятъ ихъ и на рѣкахъ. На рѣкахъ международныхъ оно покоится на слѣдующихъ началахъ. Когда судно пересѣкаетъ границу того государства, въ одинъ изъ портовъ котораго назначенъ весь грузъ или часть его, капитанъ долженъ остановиться у перваго таможенного учрежденія для выпол-

ненія обязанностей, предвидѣнныхъ мѣстными законами. Точно также, когда судно приближается къ границѣ того государства, гдѣ былъ взятъ грузъ, капитанъ подаетъ объ этомъ заявленіе въ пограничной таможенѣ. Прибрежныя государства имѣютъ право взимать пошлины съ товаровъ, провозимыхъ по международнымъ рѣкамъ, лишь въ томъ случаѣ, когда они предназначаются къ ввозу въ предѣлы этихъ государствъ. Товары, потерпѣвшіе крушеніе, подлежатъ таможенному обложенію только въ такомъ случаѣ, если поступаютъ во внутреннее потребленіе. Если суда пожелаютъ разгрузить только часть своихъ товаровъ, они могутъ, соображаясь съ законами и регламентами мѣстнаго государства, сохранить на борту ту часть своего груза, которая назначается для другаго порта той же страны или какой-либо другой, и вывести ее далѣе, не уплачивая никакихъ таможенныхъ пошлинъ, за исключеніемъ сбора за надзоръ. Выгрузка товаровъ можетъ происходить только въ мѣстахъ, указанныхъ таможеннымъ начальствомъ. Желательно, чтобы она была разрѣшаема всюду, гдѣ существуетъ въ этомъ надобность. Въ случаѣ крайней необходимости, разгрузка можетъ имѣть мѣсто и въ другихъ пунктахъ. Товары могутъ быть въ случаѣ нужды не только сложены на берегу, но и перенесены вглубь страны. Суда и товары, провозимые по этимъ рѣкамъ не оплачиваются никакими транзитными пошлинами, —какого бы они ни были происхожденія или назначенія. Транзитъ товаровъ можетъ быть воспрещенъ только для военной контрабанды и по соображеніямъ санитарнымъ. Транзитъ писемъ и періодическихъ изданій совершенно свободенъ. Каждый капитанъ судна долженъ быть снабженъ манифестомъ, въ которомъ обозначается его грузъ, назначеніе и происхожденіе послѣдняго. Грузъ судна можетъ быть повѣряемъ только при остановкахъ его для уплаты пошлинъ или по другимъ особо указаннымъ въ актѣ судоходства причинамъ. Таможенные власти сами не могутъ остановить съ этой цѣлью судна, находящагося въ пути. Если капитанъ не обязанъ остановиться въ предѣлахъ извѣстнаго государства, то онъ освобождается и отъ осмотра со стороны мѣстныхъ таможенныхъ властей. Это правило относится одинаково какъ къ тѣмъ частямъ рѣки, гдѣ оба берега принадлежатъ одному государству, такъ и къ тѣмъ, гдѣ они находятся подъ властью разныхъ странъ. Если рѣка составляетъ границу двухъ и болѣе

государствъ, которыя не образовали изъ себя одного таможеннаго союза, берега ея охраняются таможенными кордонами каждаго изъ нихъ. Этимъ путемъ предупреждается возможность преступленія противъ таможенныхъ законовъ. Если оба берега принадлежатъ одной державѣ, то судно останавливается у границы и таможенные власти пломбируютъ люки судна, или помѣщаютъ стражу на борту. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ прекращается морское судоходство и начинается рѣчное и происходитъ перегрузка товаровъ съ однихъ судовъ на другія, устанавливаются порто-франко. Вообще слѣдуетъ, чтобы каждое береговое государство учредило одинъ или нѣсколько порто-франко или, какъ ихъ лучше называть, перегрузочныхъ пунктовъ. Можно даже рекомендовать, чтобы въ каждомъ болѣе или менѣе крупномъ рѣчномъ портѣ прибывающимъ судамъ была предоставлена возможность сложить на время часть своихъ товаровъ на берегу безъ уплаты пошлинъ съ тѣмъ, чтобы по истеченіи извѣстнаго времени отправить ихъ далѣе. Такіе порто-франко, расположенные въ извѣстномъ разстояніи другъ отъ друга, должны быть снабжены всѣми приспособленіями, могущими облегчить разгрузку, храненіе и новую загрузку товаровъ. Суда платятъ при этомъ только за стражу, приставленную къ товарамъ, за магазины и разгрузочныя или загрузочныя деньги, гдѣ таковыя установлены. Для пограничныхъ рѣкъ должны быть выработаны особыя мѣры взаимнаго вспомоществованія въ преслѣдованіи контрабанды. Преслѣдованіе контрабандистовъ, начатое въ предѣлахъ одного государства, можетъ продолжаться на всей рѣкѣ. Граница таможеннаго союза считается за границу отдѣльной таможенной территоріи, т. е. государства.

Судоходство во время войны.

Статья XXIX.—Постановленія международнаго рѣчнаго права сохраняютъ въ общемъ свое дѣйствіе и въ военное время. Рѣки и ихъ берега могутъ быть театромъ военныхъ дѣйствій. Только на тѣхъ водахъ, которыя составляютъ кондоминатное обладаніе нѣсколькихъ государствъ, военныя операціи вовсе не могутъ имѣть мѣста, разъ одно изъ государствъ, имѣющихъ надъ ними суверенство, осталось нейтральнымъ. Къ рѣкамъ должны быть примѣняемы по общему правилу на-

чала сухопутной, а не морской войны. Всѣ частныя лица, судоходцы и промышленники, а также всѣ имъ принадлежащія суда и имущество, находившіяся на рѣкѣ въ моментъ открытія военныхъ дѣйствій, свободны отъ ареста, эмбарго, конфискаціи и пр. Имъ должно быть предоставлено право свободно удалиться, если они того пожелаютъ. Болѣе того, подданные договаривающихся государствъ не могутъ быть задержаны съ ихъ кораблями, людьми и предметами торговли, каковы бы они ни были, въ видахъ какой-нибудь военной экспедиціи, или отправленія публичной службы, если только по особому предварительному соглашенію заинтересованнымъ лицамъ не будетъ назначено соотвѣтствующее вознагражденіе. Они должны однако нести реквизицію принудительнаго извоза, но въ этомъ случаѣ имѣютъ право на вознагражденіе, официально определенное для національныхъ подданныхъ. Во всѣхъ рѣкахъ и во всѣхъ рѣчныхъ портахъ, если только они не блокированы или не заняты войсками на самомъ дѣлѣ, сохраняется полная свобода судоходства, какъ для судовъ нейтральныхъ, такъ и для судовъ воюющихъ сторонъ. Частная собственность вражеская или нейтральная свободна какъ подъ нейтральнымъ, такъ и подъ непріятельскимъ флагомъ. Исключеніе изъ этого правила составляютъ предметы, считающіеся военной контрабандой по международному праву. Къ этимъ предметамъ, а равно къ судамъ, провозящимъ ихъ, примѣняются соотвѣтствующія правила морскаго права. Воюющіе могутъ потребовать, чтобы суда, плавая въ предѣлахъ вражескихъ, своего національнаго флага не поднимали, а поднимали флагъ какой-либо нейтральной державы. На рѣкахъ и въ портахъ, только занятыхъ войсками, но не блокированныхъ, свобода судоходства не прекращается, но постольку лишь, поскольку это найдутъ возможнымъ военныя власти. Во всякомъ случаѣ, судоходцы должны заранѣе примириться со всѣми случайностями театра военныхъ дѣйствій и подчиниться контролю военныхъ властей. Военныя власти сохраняютъ право осмотра всѣхъ торговыхъ судовъ, проходящихъ по рѣкамъ. Если воюющая сторона, преслѣдуя свои стратегическія задачи, заложитъ мины и снаряды въ рѣчныхъ водахъ, то она должна по возможности оставить свободный проходъ для торговыхъ судовъ. Какъ только непріятельскія дѣйствія окончатся, она обязана убрать эти снаряды. Свобода судоходства прекращается во всѣхъ портахъ

и частяхъ рѣки, дѣйствительно блокированныхъ. Судоходцамъ и рѣчнымъ промышленникамъ должно быть предоставлено право свободно удалиться со всѣмъ ихъ имуществомъ и судами изъ блокированныхъ пунктовъ въ срокъ, установленный военными властями, но достаточно для этого продолжительный. Блокада можетъ имѣть мѣсто какъ на устьяхъ частныхъ рѣкъ отдѣльныхъ государствъ, такъ и на тѣхъ устьяхъ международныхъ рѣкъ, оба берега которыхъ принадлежатъ одному или обоимъ воюющимъ государствамъ. Блокада не можетъ имѣть мѣста на тѣхъ рѣкахъ, гдѣ воюющимъ державамъ принадлежитъ только одинъ берегъ. Блокирующая эскадра должна позволять входить и выходить изъ устьевъ рѣки тѣмъ судамъ нейтральныхъ береговыхъ и другихъ державъ, которыя поддерживаютъ сношенія несомнѣнно съ портами нейтральныхъ владѣльцевъ рѣки, напр. идутъ въ сопровожденіи военнаго судна, или подъ государственнымъ флагомъ нейтральнаго государства, или совершаютъ правильные почтовые рейсы и т. п. Торговля суда обязаны безпрекословно подчиняться распоряженіямъ военныхъ властей. Въ случаѣ распоряженій, нарушающихъ дѣйствующіе правила судоходства, торговля суда обязаны заявить о полученныхъ убыткахъ, притѣсненіяхъ, или, можетъ быть, открытѣмъ насилія, грабежѣ и пр. со стороны военной силы, отечественнымъ консуламъ, или, за неимѣніемъ ихъ, консулу всякой нейтральной державы, или, наконецъ, какимъ-нибудь гражданскимъ и даже высшимъ военнымъ властямъ, которыя могутъ убѣдиться въ дѣйствительности ихъ заявленій. Если какое-нибудь нейтральное судно потерпитъ вслѣдствіе извѣстныхъ мѣръ, принятыхъ военными властями, аварію или какой-либо другой вредъ, то вознаградить его должна та воюющая сторона, по распоряженію которой это произошло. Всѣ вышеприведенныя правила дѣйствуютъ въ военное время на всемъ пространствѣ рѣчныхъ путей, обыкновенно открытѣмъ для свободнаго рѣчнаго судоходства, и на частяхъ территоріальнаго моря передъ устьями рѣки, такъ, чтобы коммерческіе корабли могли свободно отбыть изъ рѣчныхъ портовъ воюющей стороны въ порты отечественные или нейтральные, безъ опасности подвергнуться захвату со стороны военныхъ кораблей непріятельской державы.

Статья XXX.—Всѣ изложенныя правила касаются какъ

международныхъ, такъ и національныхъ рѣкъ, но на первыхъ дѣйствуютъ въ военное время еще слѣдующія начала. Всѣ зданія, сооруженія и суда, служащія управленію международной рѣки, всѣ принадлежности ихъ, мѣста сбора пошлинъ, кассы и архивы судоходства, а также и все остальное движимое и недвижимое имущество, относящееся къ судоходству, объявляется нейтральнымъ и становится подъ особое покровительство и охрану воюющихъ сторонъ. Для обозначенія этого имущества надъ зданіями и судами, принадлежащими или служащими управленію рѣки, будетъ поднятъ особый флагъ. Тѣмъ же преимуществомъ нейтральности и личной неприкосновенности пользуются всѣ лица, постоянно служащія въ управленіи рѣкой, власти административныя, техническія, судебныя и всѣ низшія должностныя лица. Они будутъ носить, какъ внѣшнее отличіе, сверхъ одежды особый знакъ, напр. перевязь на правомъ рукавѣ съ соотвѣствующими буквами. Причемъ не будетъ сдѣлано различія между рѣчными чиновниками, постоянно находящимися на службѣ, и тѣми, которые прикомандированы къ обыкновенному персоналу, для оказанія ему помощи въ военное время. Для охраны вышеназванныхъ зданій, сооруженій и судовъ будетъ приставлена особая военная стража. Наконецъ державы выражаютъ желаніе, чтобы крѣпости и укрѣпленія, находящіяся на берегахъ международныхъ рѣкъ, были скрыты и чтобы ни одно военное судно, за исключеніемъ служащихъ въ рѣчной полиціи и таможенномъ вѣдомствѣ, не плавало на нихъ.

Заключительное постановленіе.

Державы обязуются благосклонно встрѣчать всякаго рода официальную и частную инициативу относительно развитія международнаго рѣчнаго права и идти въ этомъ дѣлѣ навстрѣчу нарождающимся потребностямъ. Береговыя государства международныхъ водъ обязуются регулировать на нихъ рыболовство и предпринимать сообща всѣ тѣ работы, сооруженія и мѣры, которыя требуются интересами земледѣлія, промышленности и торговли. Договаривающіяся державы выражаютъ увѣренность, что относительно этихъ интересовъ общія соглашенія призваны мало-по-малу замѣнять собой частныя и вызываютъ къ содѣйствію со стороны представителей науки и специальныхъ знаній ихъ твердой рѣшимости перейти отъ взаимнаго подозрительнаго обособленія къ согласной и честной работѣ надъ общимъ развитіемъ экономическаго благосостоянія народовъ.

Добавленіе и исправленіе ошибокъ, нарушающихъ
смысль *).

(Первое число означаетъ страницу, второе строку сверху, третье слово
(или число), начиная съ переноснаго).

Томъ I. Въмѣсто слова: 13,8,4, слѣдуетъ читать: правовой;
—43,24,5-6, —Желѣзныхъ Воротъ; — 59,15,2, —капитуляціи; —
74,20,6, —Соссежі; —91,2,3, —сей; — 96,9,7, —всему; — 152,24,5,
— употребляю; — 191,14,2, —состояніемъ; — 195,34,5, — 54; —
317,6,3, —такъ; — 361,13,6, —12; —372,29,8, —Elgin; —390,34,5,
—управленія; —410,2,7, —тѣхъ; —417,39,7, —Ялутомъ; —421,
19,8, —Магс-. — Послѣ слова: 94,16,4, слѣдуетъ вставить: онѣ
изъемяются изъ объектовъ частной собственности отдѣльныхъ
физическихъ и юридическихъ лицъ, а; — 100,18,8, —случаяхъ;
—171,10,8, —и; —433,18,4, —общее; —439,15,5, —другія.

Томъ II. Въмѣсто слова: 37,26,10, слѣдуетъ читать: Meier;
—50,36,2, —2; —68,19,2, —3; —266,13,2, —стояло; —291,5,6-8, —
рѣки или канала; —335,³³,2, —8; —313,40,7-8, —является. Послѣ
слова: 4,33,3, слѣдуетъ вставить: безъ помощи другихъ госу-
дарствъ; —241,23,3, —обстоятельства; — 258,34,8, — непосредст-
веннаго.

Добавленіе къ стр. 268 (5 строка). Проф. граф. Кама-
ровскій предлагаетъ въ своихъ комментаріяхъ къ проекту
Института «учрежденіе общихъ, но настоящихъ междунаро-
дныхъ судовъ въ двухъ инстанціяхъ», которые бы рѣшали су-
дебныя дѣла относительно судоходства. Наоборотъ, проф. Фиоре

*) Томъ первый представляетъ собой отдѣльный оттискъ изъ Ученыхъ Записокъ Казанскаго Университета за 1894-95 г.

думаетъ (Кодексъ, §§ 520—521), что «во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда какое-либо дѣло не можетъ быть разсматриваемо, какъ фактъ интернаціональный, подчиненный, какъ таковой, международному праву, естественно, чтобы онъ подлежалъ компетенціи мѣстныхъ властей административныхъ и судебныхъ, потому что въ этихъ случаяхъ нельзя оправдать образованія международной судебной власти, которая замѣнила бы собой обыкновенные государственные суды». Онъ предлагаетъ образованіе постоянной международной судебной комиссіи или спеціального суда, состоящаго изъ представителей какъ береговыхъ государствъ, такъ и всѣхъ другихъ, только для дѣлъ, представляющихъ международный интересъ, для всѣхъ затрудненій, возникшихъ по поводу нарушенія или несоблюденія правилъ международнаго права относительно режима и управленія международныхъ рѣкъ. Намъ кажется, что на самомъ дѣлѣ есть основаніе для того, чтобы стремиться къ установленію особаго третейскаго суда для рѣшенія споровъ между государствами. Что же касается правонарушеній и споровъ частныхъ лицъ, то органы административнаго управленія рѣкою, облеченные международнымъ характеромъ, могутъ, думается намъ, всего лучше удовлетворять общей потребности въ скоромъ и близкомъ правосудіи (по крайней мѣрѣ, что касается первой инстанціи).

ОГЛАВЛЕНИЕ ВТОРАГО ТОМА.

ЧАСТЬ ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ.

Глава I.

Общая и вступительныя замечанія.

	<i>Стр.</i>
§ 1. Международное право вообще и рѣчное въ частности.	1—14.
§ 2. Источники международного рѣчнаго права.	14—23.
§ 3. Литература международного рѣчнаго права.	23—38.

Глава II.

Верховныя права государства надъ рѣками.

§ 1. Верховныя права государства надъ территоріей вообще и надъ рѣчными водами въ частности.	38—50.
§ 2. Рѣки международныя.	50—68.
§ 3. Рѣчныя границы государствъ.	68—80.
§ 4. Измѣненія въ руслѣ пограничной рѣки. Намывы. Уносы. Острова.	81—92.
§ 5. Верховныя права государства надъ озерами.	92—99.

Глава III.

Гражданское право рѣкъ.

§ 1. Общее обозрѣніе гражданскихъ правъ иностранцевъ.	100—110.
§ 2. Право собственности на рѣки и право пользованія силами воды.	110—121.
§ 3. Право международного рыболовства и судоходства.	121—132.

	<i>Стр.</i>
§ 4. Теорія невиннаго прохода.	133—149.
§ 5. Формальныя основанія свободы судоходства.	149—161.
§ 6. Экономическіе и другіе интересы народовъ въ вопросахъ рѣчнаго судоходства.	161—181.
§ 7. Свобода судоходства на рѣкахъ междуна- родныхъ.	181—195.
§ 8. Границы свободнаго судоходства на рѣкахъ международныхъ.	195—214.
§ 9. Открытіе національныхъ рѣкъ для междуна- роднаго судоходства.	215—226.
§ 10. Права иностранныхъ судовъ на договорныхъ рѣкахъ.	226—239.

Г л а в а I V.

Право рѣчнаго управленія.

§ 1. Общія замѣчанія, преимущественно о пра- вѣ судоходства.	240—252.
§ 2. Рѣчныя комиссіи и другія судоходныя власти.	252—269.
§ 3. Полиція судоходства.	270—279.
§ 4. Рѣчныя пошлины.	279—299.
§ 5. Санитарный и таможенный надзоръ за судо- ходствомъ.	300—310.
§ 6. Свобода судоходства въ военное время.	310—325.
§ 7. Право рѣчныхъ сооружений и работъ.	325—335.
§ 8. Право рѣчнаго рыболовства.	335—341.
§ 9. Заключеніе.	341—352.

П Р И Л О Ж Е Н І Е.

Кодексъ общаго международнаго рѣчнаго права.	353—380.
<i>Исправленіе ошибокъ и добавленіе.</i>	<i>381—382.</i>

К о н е ц ъ.

